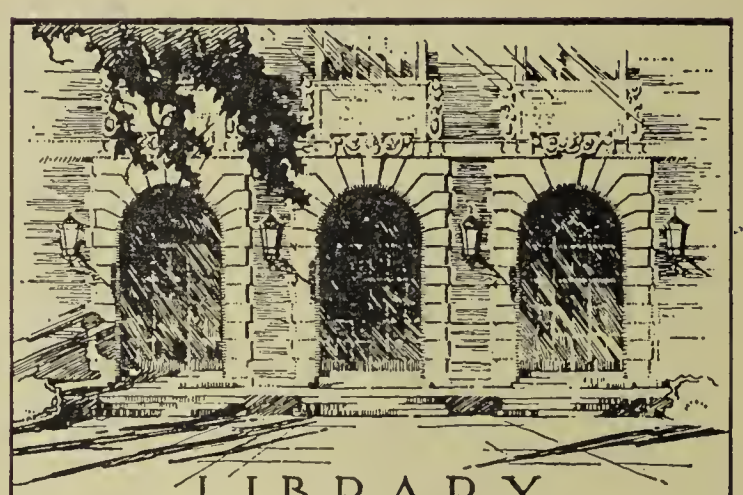

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057
VIE
v.9
no.2

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 30 1974
JUL 17 1974
AUG 8 1977
JUL 25 1977
MAY 20 1982
AUG 26 1997

L161—O-1096

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-ая.

ФЕВРАЛЬ, 1874.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

КНИГА 2-ая. — ФЕВРАЛЬ, 1874.

Стр.

I.—АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, въ Александровскую эпоху. — По новымъ документамъ. — VI. На югѣ Россіи. 1823—24.—VII. Михайловское. 1824—26.—Окончаніе.—**П. В. Анненкова** 481

II.—ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО. — Стихотворенія: I. Духъ матери. — II. Проклятіе.—**П. И. Вейнберга** 559

III.—ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ и Д. И. КАЧЕНОВСКІЙ. — Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.—II.—Окончаніе.—**М. П. Де-Пуле.** 565

IV.—ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть вторая.—**Г. П. Данилевскаго** 589

V.—ОБЩЕГЕРМАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕЧАТИ. — Историческій очеркъ новѣйшихъ работъ.—VI-XIV.—Окончаніе.—**Ив. Я. Фойницкаго.** . . 711

VI.—КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО. — Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.—VI-XII.—**А. Э.** 763

VII.—ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА и НАУКА.—Идея личнаго благосостоянія въ современномъ обществѣ.—Ueber die Freiheit in der Volkswirthschaft, von Dr. *H. Maurus*.—**Р—ь.** 802

VIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Брачное торжество 11-го января. — Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія.—Призывъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія.—Адресъ московскаго дворянства и газетные толки.—Прошедшая судьба нашей народной школы и будущее ея развитіе. — Манифестъ о всеобщей воинской повинности. — Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.—Льготы и изъятія.—Очеркъ новаго устройства вооруженныхъ силъ.—Замѣтка по поводу вопроса о стипендіи баронета Виллие . 846

IX.—ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи. — **Л. К. Бухъ** 870

X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Распущеніе палаты общинъ.—Посланіе Гладстона и Дизраели. — Государственный переворотъ въ Испаніи, и новое правительство.—Министерскій кризисъ въ Версали. — Бисмаркъ и иностранная печать 895

XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Политическій кризисъ въ Германіи.—**К.** 913

XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Англійская политика въ Ирландіи и въ колоніяхъ.—**R.** 934

XIII.—ЗАМѢТКА. — По поводу quasi-литературной критики „Русскаго Вѣстника“.—**А. Н. Пыпина** 948

XIV.—ОБЪЯСНЕНІЕ Оренбургскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества и отвѣтъ **Эд. Линдемана** 962

XV.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 964

XVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—IV стр.

Объявленіе о подпискѣ на журн. „Вѣстникъ Европы“ въ 1874 г., и объ особомъ изданіи тою же редакціею „Года“, историко-политическаго обозрѣнія 1872—73 гг., см. на оборотѣ.

7200-9
(579)

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 г.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Томъ I—въ двухъ частяхъ. Спб. 1873. Стр. 568. Съ приложеніемъ документовъ и трехъ каталоговъ книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 годъ.

Программа изданія:

ГОДЪ, историко-политическое обозрѣніе имѣетъ цѣлью собирать и приводить въ систему важнѣйшія данныя изъ области политической и общественной жизни ближайшаго періода времени, группируя ихъ по государствамъ современнаго историческаго міра. Хронологическимъ предѣломъ обозрѣнія избирается октябрь мѣсяцъ предъидущаго и настоящаго года; временемъ выхода въ свѣтъ — декабрь. Въ приложеніи помѣщается полный или извлеченный текстъ болѣе примѣчательныхъ историческихъ документовъ и каталоги за текущій годъ, русской, французской, нѣмецкой и англійской литературъ, расположенные по предметамъ и въ алфавитномъ порядкѣ.

Содержаніе см. на оборотѣ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА:

Часть первая: РОССІЯ (1—226 стр.):

Отъ редакціи „Вѣстника Европы“.

I. Статистическій обзоръ.
II. Хронологическій обзоръ.
III. Финансы: Государственная роспись на 1873 г. — Отчетъ контроля за 1871 г.—Военная и морская смѣты съ 1874 г.
IV. Акцизно-питейное дѣло: Возвышеніе виннаго акциза и пошлины.—Новое росписаніе питейно-патентнаго сбора.—Правила о раздробительной продажѣ вина въ Петербургѣ. — Вопросъ объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина въ продажѣ.
V. Война съ Хивою.
VI. Воинская повинность и преобразованіе арміи.
VII. Желѣзныя дороги, почта и телеграфы.
VIII. Земство: Законъ о земскихъ ходатайствахъ.—Земскіе сборы за трехлѣтіе.
IX. Уголовная статистика за 1872 г.
X. Сельское хозяйство и положеніе крестьянъ.
XI. Крестьянскій судъ.
XII. Духовное вѣдомство: Отчетъ по духовному вѣдомству за 1871 г.—Гражданскія права раскольниковъ. — Бюджетъ спеціальныхъ средствъ духовнаго вѣдомства на 1873 годъ.
XIII. Преобразованіе духовнаго суда.
XIV. Бюджетъ Петербурга на 1873 г.

Часть вторая: ЗАПАДЪ (227—568 стр.):

I. Германія.
1) Германская имперія.
2) Пруссія.
3) Отдѣльныя государства германской имперіи.
II. Австро-Венгрія.
III. Турція и ея вассальныя государства въ Европѣ.
IV. Греція.
V. Швеція и Норвегія.
VI. Данія.
VII. Нидерланды.
VIII. Бельгія.
IX. Франція.
X. Швейцарія.
X. Италія.
XII. Португалія.
XIII. Испанія.
XIV. Великобританія и Ирландія.
XV. Соединенные американскіе Штаты.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Оффиціальное объясненіе къ тексту договора съ Хивою (12-го августа 1873 г.).
II. Условія мира Россіи съ Хивою.
III. Протоколъ о правѣ русскихъ подданныхъ владѣть недвижимою собственностью въ Турціи.
IV. Правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ.
V. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта относительно положенія о петербургскомъ градоначальствѣ.
VI. Извлеченіе изъ отчета Государственнаго Контроля по исполненію росписи за 1872 годъ.

КАТАЛОГИ книгъ за 1873 годъ: I. Русская литература. II. Французская литература. III. Нѣмецкая и англійская литература.

ЦѢНА:

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстника Европы, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Невск. пр., 30.) и въ Конторѣ Типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 2 л., 7.)—3 рубля, съ пересылкою 3 р. 50 к.

NB. Подписчики „Вѣстника Европы“ прилагаютъ къ подписной цѣнѣ на журналъ только 2 рубля и платятъ: 1) подписчики безъ доставки — 17 р. 50 к.; 2) съ доставкою — 18 р.; 3) съ пересылкою въ губерніи и за границу—19 рублей.

Редакція „Вѣстника Европы“.

С.-Петербургъ.—Декабрь, 1873.

05 (В.Е.) 1874
10(2)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ.

По новымъ документамъ.

VI *).

На югѣ Россіи.

1823—1824.

Пушкинъ въ Одессѣ. — Романтизмъ. — Усиленныя занятія. — Столкновенія съ обществомъ. — Моральныя страданія Пушкина. — Неожиданная высылка въ деревню и отъѣздъ его.

Пушкинъ, кажется, сначала и не понялъ значенія переворота, который свершился, какъ въ жизни края, такъ и въ его собственной жизни, съ перемѣной администраціи. Ему просто думалось, что онъ развязывается съ надоѣвшимъ ему и начинавшимъ уже пустѣть Кишиневомъ. М. Ѳ. Орловъ съ большей частію окружавшаго его общества покинулъ Кишиневъ, такъ какъ онъ былъ призванъ въ Тульчинъ для Высочайшаго смотра 2-й арміи

*) См. „В. Е.“ 1873, нояб. 5; дек. 457 стр.; 1874, янв. 5 стр.

(сентябрь 1823), послѣ котораго, убѣдясь въ неблаговоленіи къ нему Государя Императора, и вышелъ въ отставку, какъ извѣстно. Промѣнъ Кишинева на Одессу казался очень выгоднымъ Пушкину. Онъ самъ описалъ привлекательную сторону тогдашней Одессы. И дѣйствительно, шумный приморскій городъ съ итальянской оперой, съ богатымъ и образованнымъ купечествомъ, съ новинками и вѣстями изъ Европы, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, прибывшими въ край, по выбору его главнаго начальника — все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей, какихъ Кишиневъ, потерявшій между прочимъ и значеніе административнаго центра, уже не могъ дать. Будущее представлялось въ довольно свѣтломъ видѣ и обѣщало, въ виду всѣхъ этихъ элементовъ и условій европейскаго общежитія, возможность болѣе широкаго обмѣна мыслей,—а этимъ Пушкинъ всегда очень дорожилъ.

Преимущества Одессы имѣли, однако же, и свою оборотную, уравновѣшивающую сторону.

Очень скоро обнаружилось, во-первыхъ, для Пушкина, что здѣсь уже не могло быть и помина о той свободѣ, простотѣ и даже фамиліарности отношеній къ управленію, какая существовала въ Кишиневѣ. Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Александръ Н. Раевскій, съ перваго раза поставилъ себя центромъ окружающаго его міра и самой страны. Образъ его сношеній съ подчиненными одинаково удалялъ, какъ поползновенія ихъ къ служебной низости, такъ и претензію на короткость съ нимъ. Край впервые увидалъ власть со всѣми аттрибутами блеска, могущества, спокойствія и стойкости. Прежде всего требовались теперь „*порядочность*“ въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главой управленія. Многіе весьма далеко уходили, усвоивъ себѣ однимъ внѣшнимъ образомъ эти качества. Нельзя сказать, чтобы тотъ, сравнительно небольшой, кругъ талантливыхъ людей, которые не могли или не желали устроить свою внутреннюю жизнь по данному образцу, испытывали какого-либо рода притѣсненія: государственный умъ начальника края употреблялъ ихъ такъ же, какъ и другихъ въ дѣло, спокойно ожидая ихъ обращенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и Пушкину предоставлена была бы свобода не признавать обязательности для себя никакой программы существованія и поведенія, если бы при этомъ онъ скромно и тихо пользовался своей льготой, но мало-дисциплинированная натура поэта без-

057
VIE
v. 9
no. 2

престанно побуждала его къ выходкамъ и поступкамъ, явно враждебнымъ самой системѣ управленія. Понятно, что не имѣя возможности выработать изъ себя «дѣльнаго» человѣка во вкусѣ эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не поддаваясь ни на какую мировую сдѣлку, ни на какое соглашеніе беречь про себя свое представленіе людей и порядковъ, Пушкинъ уже не имѣлъ особенно вѣрныхъ залоговъ успѣха въ новомъ обществѣ, куда попалъ по собственному избранію.

Другое отличіе Одессы состояло въ томъ, что узлы всѣхъ событій распутывались здѣсь уже гораздо труднѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Тамъ легко и скоро сходили съ рукъ Пушкину и такія продѣлки, которыя могли разрѣшиться въ настоящую жизненную бѣду; здѣсь онъ могъ вызвать ее и ничего не дѣлая, а оставаясь только Пушкинымъ. Тысячи глазъ слѣдили за его словами и поступками изъ одного побужденія — наблюдать явленіе, не подходящее къ общему строю жизни. Собственно враговъ у него совсѣмъ не было на новомъ мѣстѣ служенія, а были только хладнокровные счетчики и помѣчатели всѣхъ проявленій его ума и юмора, употреблявшіе собранный имъ матеріалъ для презрительныхъ толковъ втихомолку. Пушкинъ просто терялся въ этомъ мірѣ приличія, вѣжливаго, дружелюбнаго коварства и холоднаго презрѣнія ко всѣмъ вспышкамъ, даже и подсказаннымъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ только чувствовалъ, что живетъ въ средѣ общества, усвоившаго себѣ молчаливое отвращеніе ко всякаго рода самостоятельности и оригинальности. Вотъ почему Пушкинъ осужденъ былъ волноваться, такъ сказать, въ пустотѣ и мстить невидимымъ своимъ преслѣдователямъ только тѣмъ, что оставался на прежнемъ своемъ пути. Онъ скоро прослылъ потеряннымъ человѣкомъ между «благоразумными» людьми эпохи, и это въ то самое время, когда внутренній міръ его постепенно преобразовывался, мѣсто неистовыхъ возбужденій заняло строгое воспитаніе своей мысли, а умственный горизонтъ, какъ сейчасъ увидимъ, значительно расширился. Опасность его положенія въ Одессѣ не скрылась отъ глазъ нѣкоторыхъ его друзей, какъ напримѣръ, отъ Н. А. Алексѣева. Пушкинъ былъ гораздо ближе къ политической катастрофѣ, становясь серьёзнѣе, чѣмъ въ періодъ своихъ увлеченій. Эта иронія жизни или исторіи не новость на Руси.

Единодушныя свидѣтельства всѣхъ друзей и знакомыхъ Пушкина не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ первыхъ же мѣсяцевъ пребыванія въ Одессѣ существованіе поэта ознаменовывается глухой, внутренней тревогой, мрачнымъ, сосредо-

точеннымъ въ себѣ негодованіемъ, которыя могли разрѣшиться очень печально. На первыхъ порахъ онъ спасался отъ нихъ, уходя въ свой рабочій кабинетъ и запираясь въ немъ на цѣлыя недѣли и мѣсяцы. Мы и послѣдуемъ туда за нимъ, такъ какъ кабинетный трудъ его одинъ и остался въ виду потомства, а все прочее давно унесено временемъ и позабыто.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что важную долю кабинетной дѣятельности Пушкина составляла его переписка съ братомъ и друзьями (Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Дельвигомъ, кн. Вяземскимъ), преимущественно посвященная литературнымъ вопросамъ и особенно развившаяся съ 1823 г. Біографическое значеніе этой переписки очень велико: поэтъ является въ ней со всѣми качествами своего гибкаго, замѣчательно-проницательнаго, подвижнаго ума. Общій характеръ ея можетъ быть сведенъ на одну черту: вся она есть ни болѣе, ни менѣе какъ томленіе по здравой, дѣльной критикѣ и попытка отыскать теперь-же ея настоящія задачи и затронуть предметы, которыми она должна будетъ заниматься. *Начать критику* въ нашей литературѣ сдѣлалось для Пушкина любимой, завѣтною мыслію. Постоянные вызовы на полемическій споръ, какіе онъ сталъ посылать теперь друзьямъ, сначала много удивляли ихъ, такъ какъ они привыкли считать его человѣкомъ, только безсознательнаго, непосредственнаго творчества, не призваннымъ къ роли литературнаго судьи. Они довольно долго относили критическія замашки Пушкина къ капризу поэта, вздумавшаго попробовать себя на новомъ и несвойственномъ ему поприщѣ, что́ видно и изъ небрежныхъ, частію ироническихъ отвѣтовъ на его письма, какія онъ получалъ отъ Рылѣева, Бестужева, кн. Вяземскаго. Въ одномъ они отдавали ему справедливость — именно въ способности чувствовать всякую литературную фальшь и усматривать промахи въ логикѣ, языкѣ и созданіи у современныхъ писателей. Между тѣмъ, можно сказать, безъ опасенія впасть въ преувеличеніе и панегирикъ, что по предчувствію истины и по предчувствію нравственной сущности предметовъ—онъ стоялъ выше, какъ критикъ, не только заурядныхъ журнальныхъ рецензентовъ своего времени, но и такихъ корифеевъ литературной критики, какъ А. Бестужевъ, кн. Вяземскій и др. Онъ, напримѣръ, никакъ не могъ примириться съ заносчивой фразой перваго, со своеволіемъ его основныхъ положеній, но также точно не уживался и съ благовоспитаннымъ поклоненіемъ передъ старыми избранными авторитетами, какимъ отличался второй, старавшійся скрыть снисходительность своихъ оцѣнокъ остроуміемъ изложенія и подборомъ мыслей, болѣе или

менѣе искусно приложенныхъ къ разбираемому автору. Борьба Пушкина съ мнѣніями Бестужева, Рылѣева, Воейкова намъ извѣстна по рукописнымъ снимкамъ съ его посланій къ нимъ, и въ ней онъ является намъ мыслителемъ-новаторомъ, который имѣетъ свое умное, никѣмъ еще не сказанное и часто очень мѣткое слово относительно людей и явленій русской литературы. Менѣе извѣстны его горячія пренія съ кн. Вяземскимъ, такъ какъ отъ его переписки съ нимъ ничего не дошло до насъ ни путемъ печатной, ни путемъ рукописной литературы; но вотъ какой характеристическій отрывокъ изъ одного чернового письма еще уцѣлѣлъ въ бумагахъ Пушкина. Пушкинъ опровергаетъ въ немъ сужденія кн. Вяземскаго о И. И. Дмитріевѣ и говоритъ:... «О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи... Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда! Ты одинъ-бы могъ прикрикнуть налѣво и направо, поразстрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину, а ты покровительствуешь старому вралю...» [1])

Вообще, Пушкинъ съ 1823 г., послѣ толчка, даннаго его мысли «Полярной Звѣздой», былъ уже недоволенъ всѣмъ, что творилось въ русской литературѣ по части критики. Онъ стоялъ выше ея современнаго положенія и какъ будто ждалъ человѣка, который дастъ ей твердое основаніе и направленіе, призывая къ тому поперемѣнно то одного, то другого изъ своихъ пріятелей. Отвѣта на призывъ, однакожъ, не являлось ни откуда, да еще и рано было ему явиться: литература только-что просыпалась отъ долгаго оцѣпенѣнія и находилась въ періодѣ попытокъ, пробованій, исканій всякаго рода. Мысль шла, такъ сказать, ощупью на первыхъ порахъ и для дѣльнаго и серьёзнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго литературы, предпринятаго сгоряча нашими критиками, недоставало основаній, которыя еще не были ими нажиты. Тѣмъ удивительнѣе становится встрѣчаться съ нѣ-

---

[1]) Рѣзкость этого сужденія можетъ быть пояснена и участіемъ въ составленіи его раздосадованнаго авторскаго самолюбія. Извѣстно, что Дмитріевъ, при появленіи „Руслана“, сошелся во взглядѣ на поэму съ постояннымъ своимъ врагомъ по всѣмъ другимъ вопросамъ, именно съ М. Т. Каченовскимъ, считая ее, одинаково съ нимъ—пустой сказкой, довольно легко написанной и обязанной своимъ успѣхомъ всего болѣе соблазнительнымъ картинамъ, въ ней заключающимся.

которыми мыслями Пушкина отъ Одесской и позднѣйшаго ея ростка—Михайловской эпохи, которыя составляютъ какъ-бы предчувствіе того, что̀ будетъ говорить и подробно развивать послѣдующая анализирующая критика, когда приспѣетъ ея пора. Что, какъ не раннюю отгадку одной изъ ея темъ представляетъ, напримѣръ, извѣстное утвержденіе Пушкина, что ребяческое состояніе нашей критики всего лучше обнаруживается въ общепринятомъ способѣ причислять одинаково къ лику великихъ писателей Ломоносова, Державина, Хераскова, Сумарокова, Озерова, Богдановича и проч., не разбирая, чего каждый сто́итъ по себѣ и въ какомъ отношеніи находится къ европейскимъ литературамъ, откуда каждый изъ нихъ вышелъ. Въ 1825 г. Пушкинъ самъ даже попробовалъ составить типическій очеркъ для дѣятельности Державина, и сдѣлалъ это съ ясностію и мастерствомъ, которыя удерживаютъ за очеркомъ значеніе блестящаго критическаго этюда и доселѣ (въ неизданномъ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго, 1825.)

Еще ближе подошелъ Пушкинъ къ духу и обычнымъ, смѣлымъ и откровеннымъ пріемамъ послѣдующей нашей аналитической критики, когда набрасывалъ въ Одессѣ на-скоро слѣдующій отрывокъ. Онъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Со своимъ скептическимъ и ироническимъ отливомъ, онъ показываетъ такую свободу отношеній къ именамъ, лицамъ и умственному состоянію общества, какая была рѣдкостію въ то время. Кажется, Пушкинъ и самъ дорожилъ набросанными имъ мыслями, потому что вздумалъ воспроизвесть ихъ позднѣе въ извѣстной, дополнительной строфѣ къ Онѣгину: «Сокровища роднаго слова», такъ что мы можемъ считать отрывокъ нашъ настоящей программой этого стихотворенія. Вотъ онъ:

«Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто-же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются сплетнями литературными (sic), у *насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ;* всѣ наши знанія, всѣ наши понятія, съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже *не могутъ довольствоваться блестящими игрушками*, но ученость, политика, философія, по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуж-

дены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы коего давно уже извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія *достигла высокой степени образованности.* Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, *не смотря на неправильность языка и неровность слога,* исполнены порывами генія, что въ «Душенькѣ» Богдановича встрѣчаются *стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена,* что Крыловъ *превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ,* исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена, что *счастливые сподвижники Ломоносова»* (Но здѣсь Пушкинъ оставилъ пустое мѣсто, вѣроятно, для подразумѣвавшихся именъ Шишкова, Ширинскаго-Шихматова, Кутузова и проч.), «что Батюшковъ сдѣлалъ для русскаго языка *то же самое, что Петрарка для италіянцевъ*, что Жуковскаго перевели-бы на всѣ языки, *если-бы онъ самъ менѣе переводилъ . . . .»*

Этотъ ироническій возгласъ, передразнивавшій литературныхъ лже-патріотовъ тогдашняго времени ихъ собственными, надутыми фразами, Пушкинъ не докончилъ, оставивъ его и безъ отвѣта, да это въ сущности и не его было дѣло. Его дѣло было показать примѣры самостоятельнаго творчества и возродить въ другихъ людяхъ идею свободнаго и глубокаго поэтическаго созерцанія жизни . . .

Можетъ показаться страннымъ, что мы находимъ признаки замѣчательной работы мысли въ этомъ хожденіи вокругъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей и въ этомъ взвѣшиваніи ихъ литературнаго значенія, но надо вспомнить, что́ такое была въ это время и еще гораздо позднѣе литература наша. За неимѣніемъ никакихъ другихъ открытыхъ поприщъ для обнаруженія независимой умственной дѣятельности, литература сдѣлалась сама собой единственной ареной, призывавшей къ себѣ всѣхъ, кто чувствовалъ наклонность и способность мыслить. Уйти отъ нея можно было тогда только въ тайные политическіе круги, какъ многіе и дѣлали. Позднѣе арена эта еще разрослась, пріобрѣла несвойственные ей размѣры и поглотила всѣ другія направленія, которыя искали случая помѣстить вокругъ тѣхъ-же старыхъ именъ нашихъ писателей и насущныхъ русскихъ произведеній свои завѣтныя идеи. Пушкинъ былъ провозвѣстникомъ замаскированной публицистики, породившей въ послѣдніе годы его жизни сплошной рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей.

Въ Одессѣ же явился для Пушкина и новый предметъ размышленій и изслѣдованій, которому онъ посвящалъ цѣлые дни,

а потомъ и цѣлые трактаты, какъ оказывается по его бумагамъ. Мы говоримъ о романтизмѣ. Съ точки зрѣнія современной критики, уже знающей, какое мѣсто занималъ романтизмъ въ ряду историческихъ явленій нашего вѣка, чѣмъ былъ порожденъ и куда его направлялъ, можетъ также показаться, что занятія романтизмомъ ничего болѣе не доказываютъ, какъ отсутствіе крѣпкихъ научныхъ основаній въ умѣ, который ищетъ своего спасенія отъ внутренней пустоты въ царствѣ фантазіи. На дѣлѣ было нѣсколько иначе: романтизмъ имѣлъ у насъ смыслъ и значеніе призыва къ жизненной борьбѣ, а не отбоя или отступленія отъ нея.

Трудно теперь и представить себѣ, что́ заключалось для нашихъ людей эпохи 1820—30 г. въ одномъ этомъ волшебномъ словѣ «романтизмъ», которое заставляло биться всѣ сердца и работать всѣ головы. Прежде всего романтизмъ освобождалъ писателей отъ гнета условныхъ правилъ творчества и отъ множества стѣснительныхъ школьныхъ предразсудковъ относительно значенія, такъ-называемыхъ, *образцовъ* отечественной словесности. Онъ уже предвѣщалъ эпоху возмужалой мысли, какъ-бы еще сантиментально, туманно и капризно ни выражался иногда самъ. Съ его появленія возникаетъ у насъ предчувствіе о новыхъ неоффиціальныхъ путяхъ жизненной и творческой дѣятельности. Романтизмъ послужилъ прежде всего возвышенію отдѣльной личности, давая ей право говорить о себѣ, какъ о предметѣ первостепенной важности и уполномочивая ее противопоставлять свои нужды, страданія и требованія, даже заблужденія и ошибки всякимъ, такъ-называемымъ, высшимъ интересамъ и представленіямъ. Исповѣдь личности получила интересъ политическаго дѣла, но подъ однимъ условіемъ, чтобы исповѣдь эта находила сочувственныя струны въ сердцахъ другихъ людей и отражала собственную ихъ исторію задушевныхъ страданій, стремленій и надеждъ. До Пушкина, конечно, никто не давалъ ни малѣйшаго образчика такой исповѣди, но уже съ Карамзина началось движеніе въ сторону отъ торжественныхъ родовъ поэзіи, которые одни считались доселѣ заслуживающими вниманія, на встрѣчу къ *мелкимъ* предметамъ человѣческаго существованія, къ анализу сердечныхъ движеній, къ описанію того, что́ угнетаетъ, тревожитъ и поддерживаетъ отдѣльное лицо, незамѣтную единицу въ государствѣ. Ко времени Пушкина движеніе это выросло до того, что въ конецъ измѣнило понятіе о призваніи литературы. Оно и теперь полагалось, какъ и прежде, при господствѣ одъ, высокопарныхъ поэмъ и псевдо-народныхъ или патріотическихъ траге-

дій, въ служеніи общественному дѣлу, но общественнымъ дѣломъ становилось теперь частное воззрѣніе, частное горе, частная жалоба. Для Европы все это могло быть безразлично или даже составлять остановку въ ея развитіи; для насъ это было положительнымъ выигрышемъ и шагомъ впередъ. О другихъ сторонахъ романтизма по отношенію къ русской жизни — скажемъ сейчасъ.

Пушкинъ имѣлъ еще свои особенныя, личныя причины заниматься опредѣленіями и объясненіями романтизма. Еще ранѣе публикаціи своей третьей поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ» (1823), онъ уже былъ признанъ у насъ, какъ критиками, такъ и публикой—главой романтической школы. Онъ никогда не помышлялъ о завоеваніи себѣ этого титула или этого мѣста, но пріобрѣтая ихъ по общему приговору, увѣровалъ въ свое призваніе вести романтическую школу въ своемъ отечествѣ, какъ передовой ея дѣятель, на высоту, какая ей будетъ подъ силу. Однакоже для того, чтобъ удержать за собой мѣсто главы романтической школы, необходимо было уже ближе познакомиться съ сущностію и внутреннимъ смысломъ ученія. Это необходимо было и по другой причинѣ: слѣдовало отдѣлить понятіе о романтизмѣ отъ такихъ явленій, какъ слезливость послѣдователей Карамзина, какъ фантасмагоріи и чертовщина послѣдователей Жуковскаго, какъ пережитое имъ самимъ русско-байроническое настроеніе, что́ все еще слыло за романтизмъ и прикрывалось его именемъ. Отсюда и выходили розысканія Пушкина.

Но на пути полнаго и обстоятельнаго опредѣленія романтизма Пушкинъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія, которыхъ и побѣдить не могъ.

Напрасно прибѣгалъ онъ къ возобновленію въ памяти курса французской словесности и начиналъ исторію романтизма съ провансальской поэзіи и труверовъ, отыскивая въ ихъ риѳмованныхъ сонетахъ, рондо, тріолетахъ первыя сѣмена романтизма; напрасно противопоставлялъ свойства и пріемы *народныхъ* драмъ Кальдерона, Шекспира и проч. *придворнымъ* трагедіямъ псевдо-классиковъ временъ Людовика XIV, думая уловить въ этомъ контрастѣ коренные признаки и отличія обѣихъ школъ; напрасно также наконецъ, какъ-бы изъ отчаянія въ неуспѣхѣ своихъ изысканій, совѣтовалъ просто различать классическія произведенія отъ романтическихъ не по духу и содержанію ихъ, ибо тогда въ иномъ классическомъ созданіи найдутся ясные элементы романтизма, какъ и на оборотъ, а только по ихъ формамъ, которыя уже не могутъ обмануть, будучи типически различными между собою—все

напрасно! Построеніе какой-либо эстетической теоріи на романтизмѣ—не давалось ему, что онъ ни дѣлалъ. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ Пушкина уяснить вопросъ приведены нами были въ «Матеріалахъ» 1855 (см. томъ I сочиненій Пушкина, изд. 1855, стр. 112, 262 и слѣд.), но многочисленныя, длинныя его компиляціи изъ курсовъ, но значительное количество образчиковъ пересказать ихъ содержаніе своими словами и дополнить своими комментаріями, туда не попали, какъ черновая работа, только внѣшне, механически принадлежащая поэту. Можно привести въ дополненіе къ другимъ примѣрамъ его собственныхъ мнѣній о романтизмѣ еще слѣдующій отрывокъ изъ письма къ П. А. Вяземскому, набросанный предварительно поэтомъ вчернѣ: «Перечитывая твои письма, говоритъ Пушкинъ, беретъ меня охота спорить.... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ отъ А. Шенье... Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ... изъ классиковъ—классикъ. C'est un imitateur. Отъ него пахнетъ Ѳеокритомъ и Анакреономъ. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ *concetti* и отъ французскихъ *antithèses*, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли.... Первыя «Думы» Рылѣева (послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ онъ выросъ!)—холодны... Lavigne—школьникъ Вольтера—и бьется въ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъто и возродилъ умершую поэзію. Помни мое слово—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что̀ твои нѣмцы! Покамѣстъ во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ... Что до моихъ занятій... Романъ въ стихахъ... въ родѣ Д. Жуана... Первая глава кончена — тебѣ ее доставлю.... Пишу съ упоеніемъ, чего уже давно со мною не было... О печати и думать нельзя. Цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить кругъ своихъ дѣйствій: лучше и не думать.»

Такъ нащупывали, смѣемъ выразиться, невидимку-романтизмъ во всѣхъ явленіяхъ литературы наши передовые писатели, и не могли согласиться другъ съ другомъ ни въ одномъ выводѣ, хотя относительно Пушкина нельзя не сознаться, что его пророчество о близкомъ появленіи школы В. Гюго, по времени, весьма замѣчательно. Кстати сказать. Случайное приравненіе, сдѣланное самимъ Пушкинымъ, Онѣгина къ «Д. Жуану» Байрона, было подхвачено впослѣдствіи друзьями и послужило источникомъ досады автора на нихъ и объяснительной переписки съ ними, какъ сейчасъ будемъ говорить.

Не лучше, если не хуже, были и всѣ другія опредѣленія

романтизма, исходившія отъ его друзей или отъ записныхъ литераторовъ того времени. Перечетъ ихъ мнѣній и сужденій увлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ просто: пониманіе сущности романтизма не давалось русскому міру, и оно понятно почему? Въ Европѣ романтизмъ былъ роднымъ явленіемъ. Корни его обрѣтались въ старой и новой исторіи Запада, и разгадка его явленій добывалась легко и скоро. Даже въ высшемъ своемъ развитіи, когда онъ олицетворялся титаническими характерами, въ родѣ Рене, Манфреда, Обермана и проч., онъ еще отвѣчалъ только общему состоянію умовъ послѣ французской революціи, поднявшей всѣ вопросы духовнаго и политическаго существованія государствъ и оставившей большую ихъ часть безъ разрѣшенія. Каждый человѣкъ, не чуждый вовсе движенія своего вѣка, переживалъ съ этими типами и характерами, въ большей или меньшей степени, какъ-бы собственную свою психическую исторію. Онъ безъ труда находилъ въ себѣ самомъ ихъ безотрадный анализъ, отчаянныя усилія придти къ какому-либо вѣрованію и томившую ихъ скуку. Также точно западный человѣкъ воскрешалъ передъ собой, такъ сказать, свои школьные годы и не выходилъ изъ круга семейныхъ, родственныхъ представленій, когда изъ усталости и противодѣйствія философіи и раціонализму убѣгалъ назадъ, въ средніе вѣка. Влюбляться въ народныя повѣрія, преданія, суевѣрія и сказанія, умиляться передъ пѣснями труверовъ и миннезенгеровъ, утѣшаться фантастическими представленіями средневѣковыхъ народныхъ массъ, которыя помогали имъ переносить тяжесть жизни — все это значило на Западѣ только припомнить свой ребяческій возрастъ, оглянуться на свое прошлое. Для западнаго человѣка романтизмъ былъ не открытіемъ, а воспоминаніемъ. Въ переработкѣ всего средневѣкового матеріала на новый ладъ, люди искали тамъ свѣжести чувства и тѣхъ живыхъ вѣрованій, той пищи для фантазіи и согрѣвающей теплоты религіозныхъ идеаловъ, какихъ имъ уже не доставало. При потворствѣ критики, которая въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, какъ одного изъ Шлегелей, напримѣръ, и нѣкоторыхъ другихъ, давала даже примѣръ перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое для лучшаго развитія въ себѣ элементовъ романтизма, направленіе сдѣлалось подъ конецъ вреднымъ и ретроградным въ Европѣ. Иначе выразилось оно у насъ, гдѣ, не имѣя значенія бытового явленія, приняло форму *художнической теоріи*, что́ составляло большую разницу.

Поводовъ къ возникновенію романтизма въ его соціальной и метафизической формѣ, представляемой героями, сейчасъ упомя-

нутыми: Рене, Манфредами и проч., не существовало никакихъ въ нашей общественной средѣ, такъ же точно, какъ не было данныхъ на русской почвѣ для процвѣтанія романтизма въ смыслѣ обновленія преданій. Старая русская народная жизнь лежала еще тогда въ сторонѣ, никому невѣдомая и никѣмъ неизслѣдованная: напустить на себя страстное обожаніе предмета, окруженнаго и подернутаго густымъ мракомъ исторіи, конечно, было возможно по нуждѣ, какъ мы и видѣли въ политическихъ нашихъ славянолюбцахъ, но долго выдерживать эту роль въ литературѣ не предстояло уже никакой возможности. Мы увидимъ далѣе, что романтизмъ дѣйствительно подвелъ Пушкина незамѣтно къ народной поэзіи, но не ея слабый, никѣмъ еще не распознаваемый голосъ могъ участвовать въ призывѣ новаго ученія къ себѣ на помощь. По-неволѣ романтизмъ долженъ былъ явиться у насъ просто въ формѣ новаго *эстетическаго* ученія, для чего онъ вовсе не имѣлъ содержанія по своей односторонности, и чѣмъ не могъ быть по своей сущности и происхожденію. Онъ сдѣлался школьнымъ вопросомъ изъ живого явленія, какимъ онъ былъ на Западѣ. Очутившись у насъ на этой дорогѣ и принявъ обликъ схоластической теоріи, романтизмъ нашелъ скоро безчисленныхъ учителей, толкователей и комментаторовъ. Каждый изъ нихъ предлагалъ свое опредѣленіе романтизма на основаніи признаковъ и подробностей, прежде всего бросившихся ему въ глаза и, такимъ образомъ, романтизмъ для однихъ былъ накопленіе этнографическихъ чертъ и народныхъ выраженій въ произведеніи, для другихъ—тонкій до мелочей психическій анализъ характеровъ, для третьихъ—подробное изложеніе неуловимыхъ оттѣнковъ мысли и ощущеній, а для очень многихъ (т.-е. для большинства учителей)—проявленіе необузданной фантазіи, которая пренебрегаетъ всѣми условія искусства. Самъ Пушкинъ, на другой почвѣ, чѣмъ школьныя теоріи, находилъ еще, какъ знаемъ, присутствіе романтизма даже въ иной безпутной жизни, лишь бы она исполнена была приключеній всякаго рода.

Итакъ, забудемъ о нашихъ опредѣленіяхъ романтизма и посмотримъ, каково было вліяніе этого направленія на нашу образованность вообще. Здѣсь къ числу благотворныхъ навѣяній и послѣдствій романтизма, о которыхъ уже говорили, слѣдуетъ присоединить еще одну и можетъ быть важнѣйшую черту. Занесенное къ намъ на этотъ разъ не изъ Франціи, а изъ энциклопедической Германіи—романтическое движеніе имѣло послѣдствіемъ открытіе новаго матеріала не только для авторства, но и для умственнаго воспитанія общества. Благодаря тому уваженію ко

всѣмъ народностямъ безъ исключенія и ко всѣмъ видамъ и родамъ народной дѣятельности, которое романтизмъ проповѣдывалъ съ самаго начала, онъ сдѣлался у насъ элементомъ очень важнаго движенія. Избранныхъ литературъ, а съ ними и избранныхъ національностей, предопредѣленныхъ, такъ сказать, быть вѣчными образцами геніальной производительности, для романтизма вовсе не существовало, къ великому соблазну классически-воспитанныхъ писателей. Наравнѣ съ высоко-развитыми древними и новыми обществами, вниманіе романтизма обращено было и на племена съ невидными, но своеобычными зачатками духовной жизни. Изъ этого выходило также, что романтики не признавали никакой іерархіи въ родахъ поэтической дѣятельности и народная сага, собраніе пѣсенъ, эпическое или лирическое творчество какого-либо незначительнаго племени цѣнилось ими иногда выше правильныхъ, холодныхъ драмъ, поэмъ, романовъ, занимавшихъ и восхищавшихъ цивилизованное общество. Этотъ космополитизмъ романтической школы, это благожелательство къ проявленіямъ человѣческаго духа, въ какой бы формѣ оно ни дѣлалось, открывали школѣ, такъ сказать, цѣлый міръ предметовъ для вдохновенія, фантазіи и мысли.

Пушкинъ, прозванный, не безъ основанія, «Протеемъ» за способность ловить поэтическіе оттѣнки чувства, образа и мысли во всѣхъ предметахъ, подпадавшихъ его наблюденію, воспользовался съ избыткомъ отличіемъ своей школы, но она еще увела его и далѣе. Путемъ изученія чужихъ народныхъ произведеній, романтизмъ приводилъ неизбѣжно и къ русскому народному творчеству, еще никѣмъ не тронутому. Не могло же оно одно оставаться за чертой, въ непонятномъ и позорномъ остракизмѣ, когда всѣ другія страны ласково принимались въ пантеонъ, устроенный для народныхъ литературъ всего свѣта. Конечно, обходъ къ русскимъ поэтическимъ мотивамъ былъ очень дальній, но врядъ ли въ то время шла къ нимъ какая-либо другая дорога. Благодаря романтизму, и вскорѣ послѣдовавшему за нимъ вліянію Шекспира—открылся впервые разнообразнѣйшій русскій міръ, съ чертами нравовъ, понятій и представленій, ему одному свойственными. Оставалось подойти къ нему и, конечно, мы не скажемъ ничего преувеличеннаго, если здѣсь замѣтимъ, что первымъ, подошедшимъ къ нему прямо съ поэтическимъ чутьемъ его дѣйствительнаго содержанія, былъ Пушкинъ.

Дѣло обрусенія Пушкинскаго таланта началось съ Онѣгина, т.-е., съ перваго появленія нашего поэта въ Одессѣ, когда онъ серьёзно приступилъ къ роману, начатому нѣсколько прежде и

которымъ теперь нѣсколько мѣсяцевъ сряду, по свидѣтельству брата, былъ поглощенъ душевно и тѣлесно. При появленіи первой главы новаго произведенія въ Петербургѣ, еще въ рукописи (1825), друзья автора снова закричали о мастерскомъ подражаніи Байрону и его Донъ-Жуану. Пушкинъ былъ изумленъ и огорченъ: друзья не знали того поворота на встрѣчу русской жизни, который былъ уже задуманъ имъ, и остановились на внѣшней формѣ романа. Съ жаромъ принялся онъ имъ толковать, что ничего общаго между Онѣгинымъ и Донъ-Жуаномъ нѣтъ, что первая глава романа есть не болѣе, какъ вступленіе, которымъ онъ остается доволенъ, что слѣдуетъ ожидать другихъ главъ, того, что̀ будетъ далѣе... а далѣе хотя онъ еще и неясно различалъ, какъ говоритъ самъ въ поэмѣ, ходъ романа, но конечно русская жизнь со своими особенностями носилась уже и тогда передъ его глазами.

Намъ не совсѣмъ понятна теперь ошибка друзей Пушкина, почти единогласно утверждавшихъ, что Онѣгинъ и Донъ-Жуанъ одно и то же лицо, даже упрекавшихъ поэму нашего автора въ пошлости и прозаизмѣ содержанія. Этого мнѣнія держался, между прочимъ, и К. Ѳ. Рылѣевъ, а также очень ученый и дѣльный пріятель Пушкина, Н. Н. Раевскій младшій, не разъ поражавшій поэта трезвостію своихъ сужденій, но про котораго авторъ Онѣгина принужденъ былъ замѣтить въ 1823 году, въ письмѣ къ брату изъ Одессы: «Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его (Онѣгина). Онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ и порядочно не разчухалъ». А между тѣмъ одно то обстоятельство, что Пушкинъ съ самаго начала относится очень скептически къ своему герою, должно было бы навести его критиковъ на мысль о разницѣ между русской и англійской поэмой. Байронъ вообще никогда не смотрѣлъ иронически на своихъ героевъ, а тѣмъ менѣе на Донъ-Жуана, въ которомъ олицетворялъ нѣкоторыя стороны собственной своей природы. Пушкинъ тоже вложилъ въ Онѣгина часть самого себя и ввелъ въ его обликъ нѣкоторыя черты своего характера, но онъ не благоговѣетъ передъ изображеніемъ, а, напротивъ, относится къ нему совершенно свободно, а подъ-часъ и саркастически. Конечно, говоря о двухъ поэмахъ, никогда не должно забывать высокаго преимущества, какое имѣетъ Донъ-Жуанъ въ обширности плана, въ смѣлости замысла, а также и въ силѣ исполненія надъ русской поэмой, но это не мѣшаетъ Онѣгину быть великимъ поэтическимъ памятникомъ русской литературы, поучительнымъ и для другихъ, по художественному разоблаченію умственной и быто-

вой жизни той страны, гдѣ онъ возникъ. По нашему мнѣнію, ничто такъ не подтверждаетъ нравственнаго переворота, совершившагося съ Пушкинымъ въ Одессѣ, какъ способность, обнаруженная имъ въ Онѣгинѣ, отнестись критически къ «передовому» человѣку своей эпохи. Почти въ одно время съ появленіемъ первой главы романа (1825), въ публикѣ нашей распространилась и комедія «Горе отъ ума». Пушкинъ и Грибоѣдовъ уловили, такъ сказать, душу своего времени, заключивъ все его содержаніе въ двухъ неумирающихъ типахъ Онѣгинѣ и Чацкомъ, которые принадлежатъ одинаково къ «большому свѣту», управлявшему тогда умственнымъ развитіемъ страны. И тотъ и другой страдаютъ пустотой жизни, но Онѣгинъ есть представитель извѣстной части свѣтскаго круга, члены котораго, несмотря на всѣ свои претензіи, способны были уживаться со своей обстановкой, а Чацкій есть представитель другого отдѣла того же свѣтскаго круга, котораго эта самая пустота вызывала на проповѣдь, борьбу и подвигъ. Сознаніе своихъ и общественныхъ недуговъ заставляетъ Онѣгина дорожить изяществомъ существованія, тонкими ощущеніями въ области мысли и въ сферѣ жизни, которымъ само презрѣніе къ людямъ и обществу служитъ еще охраной и покровомъ; то же самое сознаніе разрѣшается у Чацкаго, наоборотъ, искреннимъ гнѣвомъ и негодованіемъ на самого себя и на общество: если онъ бьетъ его по лицу всѣми его пороками и позорными сторонами, то не выгораживаетъ и себя изъ его среды. Изъ этихъ двухъ типовъ, въ безчисленномъ распаденіи и развѣтвленіи, дѣйствительно и слагалась тогда многочисленная русская *«интеллигенція»*, сообщившая эпохѣ тотъ своеобразный колоритъ, который мы знаемъ за ней. Параллель между Онѣгинымъ и Чацкимъ можно бы провести и далѣе, показавъ, что и частная ихъ жизнь была какъ-то одинаково неудачна и завершилась отвергнутымъ чувствомъ со стороны тѣхъ, въ комъ они вздумали помѣстить свое сердце и свою любовь; но при ближайшемъ разсмотрѣніи и тутъ оказывается разница. У перваго, Онѣгина, это явилось заслуженнымъ наказаніемъ его нравственной несостоятельности, плохо прикрываемой кичливостію и претензіей, а у Чацкаго то же явленіе было возмездіемъ среды, не выносившей его нравственнаго превосходства. Во всякомъ случаѣ и Пушкинъ, и Грибоѣдовъ, какъ достовѣрно извѣстно изъ многихъ документовъ, очень хорошо знали, что́ дѣлаютъ, еще при самомъ замыслѣ своихъ созданій и довольно ясно предвидѣли выводы и соображенія, къ какимъ они дадутъ поводъ впослѣдствіи. Не могъ только предвидѣть Пушкинъ того, что его романъ, такъ хорошо отра-

жающій одну изъ сторонъ тогдашней свѣтской жизни, будетъ принятъ у друзей за простую поддѣлку подъ иностранный образецъ и не возбудитъ никакого другого вопроса [1]).

Но оставляемъ въ сторонѣ исторію недоразумѣній между Пушкинымъ и друзьями его; недоразумѣній ихъ было всегда много между ними, какъ увидимъ далѣе, а теперь продолжаемъ нашу повѣсть о русскомъ романтизмѣ.

По отношенію къ Пушкину, романтизмъ этотъ имѣлъ еще значеніе и чисто практическое, житейское, упразднивъ или ослабивъ вліяніе Байрона, какъ личности. Восторженное удивленіе къ геніальнымъ пріемамъ и художественной манерѣ Байрона-писателя еще продолжалось довольно долго, и хотя значительно ослабѣло съ эпохи знакомства Пушкина съ Шекспиромъ (1825 г.), но можно замѣтить кое-какіе слѣды его даже въ 1828 году—наканунѣ, такъ сказать, «Полтавы». Люди не скоро разстаются со старыми, могущественными увлеченіями и впечатлѣніями, но Пушкинъ съ одесской жизни разстался съ Байрономъ иначе. Британскій поэтъ пересталъ быть для него кумиромъ, подъ гнетомъ котораго самъ Пушкинъ отрекался отъ собственной личности и дѣлался снимкомъ съ чужой физіономіи. Байронъ началъ превращаться изъ личности въ *понятіе*, что́ составляло уже большую разницу. Давленіе личности Байрона, у которой, какъ извѣстно, поэтъ нашъ перенималъ даже многія мелочныя привычки жизни и характера, значительно ослабѣло, когда самъ родоначальникъ направленія, благодаря свѣту, брошенному на него предпринятымъ изслѣдованіемъ романтизма, переставалъ являться феноменомъ, а становился олицетвореніемъ одного изъ видовъ большого, многосторонняго *литературнаго рода*. Власть идеала была уже потрясена тѣмъ, что онъ дѣлался наравнѣ съ другими явленіями романтизма подсуденъ опредѣленію, разбору, классификаціи, но, конечно, высвободиться отъ прямого вліянія личности было легче, чѣмъ освободиться отъ направленія, даннаго ею самой мысли подражателя, отъ ея взглядовъ на людей и предметы нравственнаго свойства, отъ направленія, ею сооб-

---

[1]) Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что этому заблужденію друзей Пушкина много способствовалъ единственный чисто-*отвлеченный вопросъ*, который возникъ въ ихъ средѣ и сохраненъ ихъ перепиской, именно вопросъ объ отношеніяхъ восторга или вдохновенія къ искусству. Сторонникамъ вдохновенія, какъ главнаго дѣятеля въ производствѣ поэтическихъ созданій, съ которыми не соглашался Пушкинъ, указывая на важность обдуманнаго плана и предвзятаго авторомъ намѣренія—первая глава Онѣгина показалась даже ниже „Кавказ. Плѣнника“ и „Бахчисар. фонтана“. Такъ именно выразился одинъ изъ наиболѣе жаркихъ защитниковъ необходимости „восторга“—К. Ѳ. Рылѣевъ.

ценнаго. Это уже могло совершиться только черезъ посредство амостоятельнаго труда, озарившаго бывшаго поклонника, и въ томъ смыслѣ услуга, оказанная Онѣгинымъ своему автору, олжна цѣниться весьма высоко. Съ Онѣгина начинается нравственное отрезвленіе Пушкина отъ хмѣля восторженнаго подражанія Байрону, какъ поэтъ нашъ самъ давалъ разумѣть, и возвращеніе его къ самому себѣ, къ природѣ и свойствамъ своего ланта и своего характера.

Кромѣ Онѣгина, честь быть свидѣтелемъ и участникомъ нравственнаго переворота въ Пушкинѣ принадлежитъ еще и другому роизведенію—«Цыганамъ». Обѣ поэмы эти имѣютъ право на азваніе *поэмъ-близнецовъ*, потому что писались въ одно время, ередуясь на столѣ автора по настроенію его духа. Какъ ни азличны онѣ по основнымъ своимъ мотивамъ и по характеру воихъ представленій, Пушкинъ велъ это двойное и разнородное ѣло совершенно вровень и притомъ съ неостывающимъ воодушевленіемъ. Это доказывается помѣтками, какія сохранились на ерновыхъ оригиналахъ обѣихъ поэмъ. Съ іюля 1823 по декабрь (именно по 8-е число декабря 1823) написаны были Пушкинымъ двѣ первыя главы Онѣгина въ Одессѣ. Въ февралѣ 824 начата имъ третья, какъ видно изъ замѣтки, стоящей во лавѣ ея—„8-e fevrier, la nuit, 1824“. Между второй и третьей лавами Онѣгина, стало быть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, декабря 1823 года и января 1824, являются «Цыгане», начало оторыхъ украшено изображеніемъ медвѣдя, цыганскаго шатра подъ нимъ Земфиры. Окончаніе поэмы приходится уже ко времени ссылки Пушкина въ деревню, Михайловское, и носитъ помѣтку 10-го октября 1824. Вся поэма приблизительно стоила ушкину около 10-ти мѣсяцевъ труда, далеко не постояннаго, рерваннаго еще длиннымъ путешествіемъ изъ Одессы въ Псковъ отъ котораго онъ часто еще отвлекался значительнымъ количествомъ лирическихъ своихъ пѣсней, тогда же имъ произведенныхъ.

А между тѣмъ, «Цыгане», въ противуположность съ реальнымъ «Онѣгинымъ», съ жизненнымъ, бытовымъ оттѣнкомъ его артинъ и характеровъ, представляютъ высшее и самое пышное вѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-философской темой. Одновременное производство двухъ акихъ противуположныхъ созданій всего лучше доказываетъ, го съ зимы 1823—24 г. начинается у Пушкина новый періодъ развитія, несмотря на то, что именно въ теченіе ея скопились и всѣ тѣ мелкія и крупныя досады, которыя сдѣлали ему

жизнь въ Одессѣ невыносимой. Никто не будетъ спорить, да никто и не спорилъ прежде, что на «Цыганахъ» мелькаютъ еще лучи байронической поэзіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальности замысла, возмужалость и зрѣлость таланта до того бросались въ глаза современникамъ Пушкина, что они признали въ поэмѣ совершенно свободное, независимое созданіе, несмотря на нѣкоторые признаки его родства съ чужой мыслію. И современники были съ своей стороны правы. Вспомнимъ только, что въ «Цыганахъ» Пушкинъ коснулся неожиданно соціальнаго вопроса и, конечно, далеко не исчерпалъ его (въ области романтизма онъ и не могъ быть обработываемъ), но въ полу-свѣтѣ поэтическаго вымысла указалъ часть присущаго ему содержанія чрезвычайно удачно. Вся обстановка вопроса была въ поэмѣ также по преимуществу романтическая: цыганскій таборъ написанъ яркими красками, прикрывшими его, какъ мантіей, за которой бѣдная дѣйствительность табора едва и чувствовалась; характеры стараго цыгана Земфиры, Алеко, переданы мастерскими очерками, но не как лица, а какъ олицетвореніе условныхъ представленій о томъ или другомъ характерѣ. Но въ поэмѣ было еще кое-что другое.

Публикѣ нашей, благодаря знакомству ея съ Руссо, да и с самимъ Байрономъ, не было новостію противопоставленіе образованнаго человѣка человѣку полудикаго, патріархальнаго быта. Совершенной новостію было для нея только то, что́ сдѣлалъ изъ этого противопоставленія Пушкинъ. Алеко не выросъ у него, как сказали, до вполнѣ ощутительнаго образа и характера, но представлялъ намекъ на очень любопытный типъ. Свободный мыслитель и потомъ ненавистникъ формъ цивилизаціи, разорвавшій всѣ связи съ обществомъ и его историческимъ положеніемъ, но не уничтожившій въ себѣ самомъ того количества злобы, эгоизма и испорченности, которое они отложили въ его душѣ: таковъ былъ намекъ. Алеко ищетъ успокоенія въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но, вмѣсто того, предательски вноситъ къ нему всѣ страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Алеко есть олицетворенная политическая несостоятельность и нравственная пустота при громадныхъ претензіяхъ и сильномъ умственномъ развитіи — вотъ, что́ было оригинально и ново въ поэмѣ и что́ было почувствовано публикой [1]). Восторгамъ ея не было предѣловъ, когда поэма явилась въ печати.

---

1) У Пушкина существовали попытки къ большему опредѣленію, подробнѣйшей обрисовкѣ Алеко, но исчезали, совершенно позабытыя авторомъ въ своихъ бумагахъ

Для характеристики того времени нѣкоторую важность пред-
тавляетъ одно обстоятельство: долго, не только публика, но и за-
нсные критики предпочитали *романтическую* поэму Пушкина,
изъ воображаемаго міра идеальныхъ людей, его *реальной* поэмѣ
изъ дѣйствительнаго быта. Самъ авторъ думалъ нѣсколько иначе:
ердце его всегда крѣпко лежало къ своему Онѣгину, а на «Цы-
анъ» онъ смотрѣлъ, какъ на пробу своего таланта и переходную
тупень въ его развитіи: «*Только съ «Цыганъ» почувствовалъ я въ
ебѣ призваніе къ драмѣ*», говорилъ онъ покойному П. А. Плет-
еву. Извѣстно, что Пушкинъ никогда не отличался способностію
ъ теоретическимъ тонкостямъ, и слова его должно понимать не
ъ томъ смыслѣ, чтобы съ «Цыганъ» онъ намѣревался посвятить
ебя драматической литературѣ исключительно, а въ томъ, ко-
ечно, что тогда онъ почувствовалъ въ себѣ силу открывать от-
юшеніе между изображаемыми характерами, изъ которыхъ за-
рождаются обыкновенно драматическія коллизіи. Другими словами,
то значило, что «Цыганами» Пушкинъ уже прощался съ чисто
романтическимъ творчествомъ, какъ подтверждаютъ и факты. Бы-
стро шло его развитіе. Едва началась его работа мысли надъ за-
дачами романтизма, какъ и принесла всѣ свои плоды. Онъ скоро
рчутился на иномъ пути, куда мы за нимъ въ свое время и по-
слѣдуемъ.

Казалось бы, что при такомъ серьёзномъ настроеніи, при та-
комъ упражненіи ума и сознанія — нѣкоторый родъ тишины и
спокойствія долженъ былъ бы неизбѣжно водвориться въ душѣ
поэта и образовать отношенія къ жизни, которыя, по крайней
мѣрѣ, исключали бы возможность думать о какой-либо внезапной
катастрофѣ въ его существованіи. Однако же, мысль о ней при-
ходила поминутно въ голову, какъ мы уже сказали, кишинев-
скимъ пріятелямъ Пушкина, навѣщавшимъ его въ Одессѣ, и
приходила уже съ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія тамъ поэта.
Они начинали серьёзно бояться за Пушкина, замѣтивъ его раз-
драженное состояніе и ясные признаки какого-то сосредоточен-
наго въ себѣ гнѣва. Пушкинъ видимо страдалъ и притомъ дур-
нымъ, глухимъ страданіемъ, не находящимъ себѣ выхода. Про-

Такъ монологъ Алеко при рожденіи ему сына Земфирой пролежалъ въ его бумагахъ до 1857, когда мы впервые сообщили его публикѣ (Соч. Пушкина, 1857, т. 7-й, стр. 69), а между тѣмъ онъ именно составляетъ часть несостоявшейся обдѣлки, какую авторъ хотѣлъ сообщить физіономіи и характеру своего героя. Впрочемъ, то же самое намѣревался онъ прежде сдѣлать и для «Кавказскаго Плѣнника» и оба раза бросалъ свои попытки, такъ какъ чистый романтизмъ дѣйствительно не имѣлъ ни средствъ, ни орудій для дѣльнаго анализа подобныхъ характеровъ.

должаться долго это не могло. Все, что́ обыкновенно разнуздывало страсти Пушкина: пошлость или мелкія цѣли окружающихъ людей, муки ревнивой или неудовлетворенной любви, досада и негодованіе на измѣну дружбы, тихо подрывающей его надежды и планы — все соединилось здѣсь для того, чтобъ приготовить одну изъ тѣхъ вспышекъ, оскорбляющихъ общество, которыми такъ изобиловалъ кишиневскій періодъ его жизни. Но никакой вспышки не произошло, потому собственно, что теперь не было для нихъ и *мѣста*. Порядки жизни, возмущавшіе Пушкина, составляли часть политической системы, зрѣло обдуманной очень умными людьми, которые умѣли сообщить ей внѣшній видъ приличія и достоинства. Личныя оскорбленія наносились ему тоже чрезвычайно умѣлой рукой, всегда тихо, осторожно, мягко, хотя и постоянно, какъ-бы съ помѣсью шутливаго презрѣнія. Было бы сумасшествіемъ требовать удовлетворенія за обиды, которыя можно было только чувствовать, а не объяснить. Матеріала для вспышекъ такимъ образомъ, не существовало; вмѣсто того, жизнь Пушкина просто горѣла и расползалась, какъ ткань, въ которой завелось тлѣніе.

Извѣстно, какое вліяніе на характеръ и душевное состояніе Пушкина имѣли женщины и его связи съ ними. Въ эту эпоху онъ находился подъ гнетомъ бурныхъ страстей, раздражаемыхъ соперничествомъ и препятствіями разнаго рода. Въ числѣ лирическихъ произведеній Пушкина есть одно «Воспоминаніе» (1822), гдѣ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ біографическимъ фактомъ (см. дополненіе къ стихотворенію, приведенное въ нашихъ «Матеріалахъ» 1855, стр. 197). Говоря о двухъ, уже почившихъ ангелахъ, данныхъ ему судьбой когда-то въ лицѣ двухъ женщинъ, поэтъ представляетъ ихъ въ видѣ грозныхъ тѣней:

«Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ... *и мстятъ мнѣ оба*,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба».

По всѣмъ соображеніямъ, обѣ эти личности принадлежатъ къ Одесскому обществу. Въ чемъ состояло преступленіе Пушкина, за которое онѣ *мстили* ему, неизвѣстно, также точно, какъ неизвѣстны и имена ихъ. О томъ и другомъ можно только догадываться. Весьма правдоподобно, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ довольно часто поминаемую въ новѣйшихъ біографическихъ розысканіяхъ о поэтѣ m-me Ризничъ, а подъ другой, умершей за-границей, особу, къ

которой написана пьеса: «Иностранкѣ» (На языкѣ, тебѣ невнятномъ). Подъ послѣдней пьесой стоятъ въ рукописяхъ и слова: «Veux-tu m'aimer? Point de D*». Не Дегилье-ли, о которомъ мы упоминали? Если собирать намеки для поясненія этихъ именъ, то придется остановиться на выраженіи Липранди, который, перечисляя лица, близкія къ Пушкину, упоминаетъ еще объ «извѣстной Катинькѣ Гикъ». Вѣроятно также, что именно о ней вспоминалъ Пушкинъ, когда уже изъ Михайловскаго писалъ въ Одессу къ Д. М. К. (Дмитрію Максимовичу Княжевичу?): «Слово живое объ Одессѣ; напишите, что у васъ дѣлается, выздоровѣла-ли Катинька?» Любопытно, что передъ самой женитьбой своей въ 1830 г., Пушкинъ вспомнилъ о милыхъ тѣняхъ и обратился къ нимъ съ невыразимою любовію и страстію, какъ-бы прощаясь навсегда съ ними, чему памятникомъ остались два изумительныхъ по своему паѳосу и поэтической силѣ стихотворенія: «Заклинаніе» и «Разставаніе», оба написанныя въ селѣ Болдинѣ, въ 1830 г. Несмотря, однако же, на память, оставленную обоими этими, теперь уже почти миѳическими, лицами въ душѣ Пушкина, преданія той эпохи упоминаютъ еще о третьей женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой управляла мыслію и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ объ ней не упоминаетъ, какъ-бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ Одесскаго періода жизни.

Всего этого было достаточно для того, чтобы лишить Пушкина нравственнаго и физическаго спокойствія; но изъ собственныхъ его откровенныхъ замѣтокъ оказывается, что кромѣ перечисленныхъ нами поводовъ къ неудовольствію и раздраженію, были еще и другіе, чуть ли даже не стоявшіе на первомъ планѣ въ собственной его оцѣнкѣ своего положенія.

По способности возбуждать его безсильный гнѣвъ и составлять безвыходное страданіе души, первенствующее мѣсто принадлежало тому учтивому, хотя и высокомѣрному презрѣнію къ его званію поэта и писателя, которое непремѣнно должно было родиться въ дѣловомъ мірѣ, выдвинутымъ на первый планъ новымъ устройствомъ власти и управленія. Жизнь Пушкина должна была казаться страшнымъ бездѣльемъ всему этому міру, а извѣстно, что у людей заведеннаго порядка, ясныхъ практическихъ цѣлей, и работа мысли есть то же—бездѣлье. Ничто такъ не возбуждаетъ ихъ презрѣнія и тайной ненависти, какъ горде-

ливая претензія человѣка найти себѣ другое занятіе, кромѣ того которое признано всѣми за настоящее и почетное. У нихъ не было и предчувствія, что Пушкинъ въ своемъ бездѣльи полагаетъ основаніе, какъ будущей своей славѣ, такъ и развитію художническихъ и просвѣтительныхъ началъ въ своемъ отечествѣ: имъ видѣлся праздный и потому опасный человѣкъ въ лицѣ, которое принадлежитъ только самому себѣ. Ошибки и даже преступленія по службѣ были бы лучше и простились бы скорѣе. Самый успѣхъ такого лица въ извѣстной части публики, вниманіе, оказываемое ему какимъ-либо отдѣломъ русскаго читающаго міра, еще питали аристократическое и бюрократическое презрѣніе къ нему. Люди дѣла объясняли успѣхъ этотъ заискиваніемъ въ толпѣ, свойственнымъ только проходимцу, которому не на что опереться болѣе. Еще хуже дѣлаетъ тотъ, кто, не нуждаясь въ толпѣ, пренебрегаетъ выгодами своего рожденія и положенія въ свѣтѣ, предпочитая унизительную роль потѣшника сволочи своему естественному призванію. Писатель еще можетъ быть терпимъ въ свитѣ облагораживающаго и вдохновляющаго его патрона; самостоятельный писатель на Руси есть не что иное, какъ ничтожный и отчасти позорный сколокъ съ западныхъ французскихъ демократовъ, которому у насъ нечего дѣлать. Разумѣется, никто не говорилъ съ полной откровенностью подобныхъ вещей въ глаза Пушкину, но существованіе такого воззрѣнія на призваніе его, какъ поэта, было несомнѣнно въ высшемъ одесскомъ обществѣ и давало себя постоянно чувствовать. Что́ долженъ былъ испытывать Пушкинъ при этомъ косвенномъ отрицаніи и отобраніи его правъ на извѣстность, заслуженное мѣсто въ обществѣ и на уваженіе родины!

Въ надменномъ презрѣніи къ ремеслу Пушкина скрывалось еще и презрѣніе къ низменному гражданскому положенію, которое обыкновенно связано съ этимъ ремесломъ. Обида наносилась одновременно двумъ самымъ чувствительнымъ сторонамъ его существованія: во-первыхъ, его поэтическому призванію, которое доселѣ устраивало ему повсюду радушный, часто торжественный пріемъ, а во-вторыхъ, и его чувству русскаго дворянина, равнаго, по своему происхожденію, со всякимъ человѣкомъ въ имперіи, на какомъ бы высокомъ посту онъ ни стоялъ. Конечно, гораздо лучше было бы для поэта вовсе не обращать вниманія на эти усилія понизить его общественное значеніе, такъ какъ оно цѣликомъ зависѣло отъ него самого и стояло выше всякихъ толковъ и завистливыхъ отрицаній, но Пушкинъ думалъ иначе. Онъ съ увлеченіемъ старался противопоставить отпор

гордости чиновничества и вельможества двойную, такъ сказать, гордость знаменитаго писателя, а затѣмъ и потомка знаменитаго рода, часто поминаемаго въ русской исторіи. Онъ сдѣлалъ изъ этой темы нѣчто въ родѣ знамени для борьбы съ господствующей партіей.

Въ 1824 году, бесѣдуя съ Алекс. Бестужевымъ о новой книжкѣ «Полярной Звѣзды» и о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ ея постояннаго «обозрѣвателя», Пушкинъ высказалъ довольно парадоксальную мысль о политической независимости русской литературы, но для насъ ясно теперь, что мысль эта пришла ему въ голову, какъ оружіе, которое можно употребить при столкновеніяхъ съ недоброжелателями своими: «Иностранцы намъ изумляются», говорилъ онъ, «они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это случилось [1]). Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у насъ съ авторскимъ самолюбіемъ. Мы не хотимъ быть покровительствуемы равными: вотъ чего W не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница»! Письмо Пушкина пошло́, какъ и всегда, по рукамъ пріятелей, но они не угадали, да и не могли угадать обстоятельствъ, которыя его навѣяли, и вообще жизненнаго происхожденія замѣтки. Они просто-за-просто отнесли ее къ обычнымъ байроническимъ замашкамъ Пушкина, къ случайнымъ капризамъ его мысли, и отвѣчали ему полушутливо, полуукоризненно, совѣтуя бросить пустое чванство своимъ происхожденіемъ. Между тѣмъ, и байронизма и пустого чванства было тутъ именно настолько, насколько они могли служить Пушкину въ борьбѣ его съ оскорбительнымъ административнымъ высокомѣріемъ. К. Ѳ. Рылѣевъ вполнѣ выразилъ точку зрѣнія пріятелей Пушкина, лишенныхъ возможности знать *историческую* обстановку поэта, когда писалъ ему: «Ты сдѣлался аристократомъ: это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ».

Менѣе извинительны позднѣйшіе наши трудолюбивые, но не очень заботящіеся о правдивости своихъ приговоровъ библіофилы и біографы, когда и они, не желая преднамѣренно знать ново-

---

[1]) Дѣло тутъ идетъ именно объ излюбленной темѣ Пушкина—предполагаемой независимости нашей печати отъ посторонихъ вліяній.

довъ, подсказывавшихъ Пушкину заявленія подобнаго рода, относили ихъ прямо къ свойствамъ его нравственной природы, къ ничтожеству его характера. Впрочемъ, при жизни Пушкина недоразумѣнія по поводу его убѣжденій возникали безпрестанно. Такъ, наперекоръ заявленному имъ мнѣнію о похвальной независимости русской печати, его считали уже партизаномъ правительственной опеки надъ литературой, и это за то, что онъ опровергалъ мнѣніе Бестужева въ 1825, утверждавшаго, будто правительственное одобреніе талантовъ только портитъ ихъ, будто его никогда не было у насъ и проч. А между тѣмъ, Пушкинъ не былъ ни за государственное покровительство литературы, ни за пренебреженіе ко всякой поддержкѣ ея; вотъ его объясненія, и хотя они уже не принадлежатъ къ эпохѣ, въ которой находимся, но, по связи предметовъ, считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь же. Они найдены нами въ видѣ чернового оригинала, изложены уже довольно спокойно и, кажется, могутъ представить для изслѣдователей русской литературы историческій документъ, не лишенный своего рода значенія: «Мнѣ досадно, что Р—въ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и что́—слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего-жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе 6-ти лѣтъ посмотри сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили, по-дѣломъ и по напрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста—нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся — никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ уже лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо, по своему рожденію, почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего — такъ служи, да не сочиняй. Милый мой — Ты поэтъ и Я поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть-ли отъ этого не правъ». Какъ далеко ушла наша современная литература отъ этого воззрѣнія въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ, можетъ служить то обстоятельство,

что ни одинъ изъ афоризмовъ письма къ ней уже непримѣнимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ разговорахъ своихъ Пушкинъ излагалъ тѣ же мысли, какія проводилъ и въ письмахъ, но въ болѣе рѣзкой и грубой формѣ, присоединяя ко всему подъ-часъ и насмѣшку, которая не всегда ясно распознавала своихъ настоящихъ враговъ и своихъ друзей. Такъ, напримѣръ, онъ называлъ и благороднаго начальника края, русскаго въ душѣ и по всѣмъ намѣреніямъ своимъ, милордъ Уоронцовъ—за англійскіе обычаи его жизни. Это было крайнимъ легкомысліемъ; второстепенные дѣятели еще менѣе щадились его озлобленіемъ, неразсчетливымъ и часто несправедливымъ словомъ, а такъ какъ въ этомъ городѣ, несмотря на весь его шумъ и движеніе, ничто не пропадало безслѣдно, то, конечно, сумма поводовъ ко враждѣ, взаимнымъ обвиненіямъ и неудовольствіямъ все росла съ обѣихъ сторонъ и можно уже было предвидѣть время, когда настоятельно потребуется свести имъ итоги.

Между тѣмъ, одно благопріятное извѣстіе чрезвычайно оживило Пушкина. Онъ впервые прозрѣлъ въ Одессѣ, что можетъ жить на свѣтѣ *безъ службы*, безъ покровительства властей, одними собственными своими писательскими средствами. До тѣхъ поръ онъ былъ въ состояніи, близкомъ къ нищетѣ, и имѣлъ полное право сказать впослѣдствіи, оглядываясь на прошлую Кишиневскую жизнь:

«Я вижу въ праздности, въ непстовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, *въ бѣдности*, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы» и проч.

На поддержку отъ семейства, жившаго при тѣхъ началахъ и порядкахъ, какіе мы уже знаемъ, Пушкинъ никогда не разсчитывалъ, хотя и отзывался иногда съ горечью объ этомъ равнодушіи къ его судьбѣ со стороны единственныхъ людей, отъ которыхъ онъ могъ требовать нѣкоторыхъ жертвъ. Затѣмъ и «Русланъ» и «Кавказскій Плѣнникъ», несмотря на громадный ихъ успѣхъ, оставили его съ пустыми руками. Издатель послѣдняго, Н. И. Гнѣдичъ раздѣлался съ Пушкинымъ тѣмъ, что прислалъ ему, кажется, 500 р. сер., къ великому недоумѣнію поэта. Не то было съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» (1823). Изданіе его принялъ на себя кн. П. А. Вяземскій, предпославшій ему, какъ извѣстно, свое остроумное предисловіе и вскорѣ послѣ выхода книжки отправившій къ Пушкину въ Одессу 3,000 р. сер., да,

какъ кажется, еще тѣмъ и не ограничившійся. Въ черновомъ письмѣ поэта къ своему щедрому издателю, мы читаемъ слѣдующія радостныя и благодарныя строки:

«Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ, за неожиданное посланіе, то-есть за посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другаго—и почитать нашихъ книгопродавцевъ! Одно меня затрудняетъ: ты продалъ мое созданіе за 3,000 р., а сколько-же стоило тебѣ его напечатать? Ты все даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа— возьми что́ тебѣ слѣдуетъ изъ остальныхъ денегъ, да пришли ихъ ко мнѣ—рости имъ не за чѣмъ, а у меня не залежатся, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму, потому что мнѣ полюбилось [1]). Я къ XVIII вѣку не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ — ничуть не для улыбки прекраснаго пола...» Пушкинъ только теперь почувствовалъ, что судьба его находится не въ чужихъ, а въ его собственныхъ рукахъ и сознаніе своей независимости отъ благожелательства постороннихъ лицъ, возбужденное первыми матеріальными результатами литературныхъ его трудовъ, имѣло вліяніе на дальнѣйшія его рѣшенія, какъ увидимъ сейчасъ-же.

Жизнь становилась все труднѣе и труднѣе для Пушкина въ Одессѣ. Со стороны могло казаться, что въ ней ровно ничего не происходило необычайнаго, кромѣ обыкновеннаго, естественнаго развитія ея самой. И совсѣмъ тѣмъ она все болѣе и болѣе дѣлала поэта недовѣрчивымъ, мнительнымъ, болѣзненно-чуткимъ человѣкомъ. Лучшимъ примѣромъ того, какую роль могли играть при подобномъ настроеніи самые пустые, ничтожные случаи служитъ пріемъ, сдѣланный Пушкинымъ пресловутой командировкѣ за наблюденіемъ саранчи въ южныхъ частяхъ Новороссіи, которую онъ получилъ отъ начальника края. Теперь уже извѣстно, что послѣдній, зачисляя Пушкина въ экспедицію объ изслѣдованіи саранчи на мѣстахъ ея появленія, былъ движимъ желаніемъ предоставить Пушкину случай отличиться по службѣ и на той дорогѣ, на которую онъ случайно попалъ, обратить вниманіе къ себѣ высшей петербургской администраціи. Въ томъ психическомъ состояніи, въ которомъ находился Пушкинъ, благодаря всѣмъ предшествующимъ обстоятельствамъ, онъ принялъ порученіе это за ядовитую насмѣшку, за тайное желаніе унизить въ глазахъ людей его общественное положеніе, посмѣяться

---

[1]) Т.-е., полюбились посланія или посылки, въ родѣ полученныхъ имъ отъ своего издателя.

надъ нимъ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ подчиненнаго къ непосредственному своему начальству, разрывъ между ними былъ неизбѣженъ, но началъ разрывъ этотъ, къ удивленію, именно та сторона, которая была слабѣйшей въ дѣлѣ и могла страшиться самыхъ непріятныхъ послѣдствій для себя отъ своей рѣшимости...

Спѣшимъ прибавить, что въ этомъ странномъ спорѣ сторона, обладавшая властію и всѣми средствами для уничтоженія безразсуднаго сопротивленія, показала умѣренность, сдержанность и достоинство, стоящія внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось, перебѣленное на-чисто, письмо его къ правителю канцеляріи намѣстника, почтенному и благорасположенному къ поэту, Александру Ивановичу Казначееву. Письмомъ этимъ Пушкинъ отказывался отъ возложеннаго на него порученія, и хотя мы не знаемъ окончательной формы, какую далъ ему авторъ при отправленіи, но, конечно, основныя черты этого заявленія вполнѣ сохранились и въ нашемъ документѣ: [1])

«Почтеннѣйшій А. И! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ—не знаю въ правѣ-ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ-бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на счетъ моего положенія.

«7 лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти 7 лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были-бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю что графъ Воронцовъ не захочетъ лишить меня ни того, ни другаго.

«Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или П.-б. можно вести книжной торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2,000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти

---

[1]) Правописаніе П—а удержано въ приводимомъ документѣ.

700 руб. не такъ, какъ жалованіе чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

«Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу М. С. Еслибы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника, кромѣ Его Сіятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

«Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку— я готовъ, но чувствую, что перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

«Еще одно слово: Вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужъ 8 лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится.

«Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и серд. пред.».

По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ проектъ или черновая программа назначались для полуоффиціальнаго письма, которое могло бы быть представлено начальнику и замѣнить формальную просьбу. Это оказывается, между прочимъ, изъ сравнительно умѣреннаго и сдержаннаго тона документа, а также и изъ весьма поздней помѣтки, которую онъ носитъ въ бумагахъ Пушкина — именно 25 мая (1824). Въ это время рѣшеніе гр. Воронцова относительно поэта было уже принято. Вотъ почему мы полагаемъ, что оно состоялось совсѣмъ не вслѣдствіе письма Пушкина къ правителю канцеляріи намѣстника, а вслѣдствіе другихъ причинъ, между прочимъ и запальчивыхъ рѣчей, необдуманныхъ словъ, которыя письму предшествовали и отъ которыхъ Александръ Сергѣевичъ не могъ удержаться при первомъ извѣстіи о досадной экспедиціи. Онъ заговорилъ тогда же о немедленной отставкѣ своей, что́ равносильно было, по условіямъ Одесскаго быта, прямому вызову и оскорбленію начальника края и, конечно, скоро сдѣлалось извѣстно послѣднему. А каковъ былъ тонъ публичныхъ рѣчей Пушкина—можно уже судить по черновому письму его къ тому же А. И. Казначееву, когда правитель канцеляріи, тоже услыхавъ о планѣ выхода въ отставку, дружески предостерегалъ

его отъ послѣдствій необдуманнаго шага [1]). Письмо походитъ на формальное объявленіе войны. Приводимъ его въ переводѣ съ французскаго.

«Весьма сожалѣю, пишетъ Пушкинъ, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронутъ вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія—я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей-ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ — двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ унизиться предъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическія предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ [2]). Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово, ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее, съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ уже я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе — писать и продавать стихи, ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, уже кажутся мнѣ товаромъ, по-столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ вообще не совсѣмъ ясно, что́ такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другаго начальника, мнѣ надоѣло видѣть, что меня, въ моемъ отечествѣ, принимаютъ хуже, чѣмъ перваго пришлаго пошляка изъ англичанъ (le premier galopin anglais), который пріѣзжаетъ къ намъ безпечно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье (sa nonchalente platitude et son baragoin). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, съумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставлю его въ покоѣ, наслаждаться тріумфомъ, потому

---

[1]) Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Казначеева, супруга котораго, урожденная кн. Волконская, была женщина литературно-образованная и умная.

[2]) Довольно замѣчательно, что Пушкинъ по требованіямъ самозащиты, pour les besoins de sa cause, какъ говорятъ французы, прикидывается здѣсь демократомъ, которымъ никогда не былъ. Собственно тутъ надо разумѣть распрю между вельможествомъ и бѣднымъ, незнатнымъ дворянствомъ, о которой мы уже упоминали.

что также мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ....»

Однако же, гр. Воронцовъ нисколько не думалъ о тріумфѣ, а, напротивъ, думалъ о томъ, чтобъ разстаться съ безпокойнымъ подчиненнымъ, какъ можно мягче, благороднѣе и гуманнѣе.

Пушкинъ не могъ получить прямо и на мѣстѣ отставки, которой такъ добивался: онъ числился въ м-вѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда получалъ и назначенное ему жалованье, а вдобавокъ былъ присланъ на службу въ край по именному повелѣнію. Для принятія какихъ-либо мѣръ относительно поэта, необходимо было снестись предварительно съ администраціей въ Петербургѣ. Въ концѣ марта, 23 числа 1824 года, гр. Воронцовъ обратился къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде, прося его доложить Государю о необходимости отозвать Пушкина изъ Одессы, и выставляя для этого причины, которыя наименѣе могли повредить Пушкину во мнѣніи правительства— именно: накопленіе пріѣзжихъ въ Одессѣ ко времени морскихъ купаній, ихъ неумѣренныя восхваленія поэта, постоянно кружащія ему голову и мѣшающія его развитію. Вообще, письмо это, составленное на французскомъ языкѣ, по своей осторожности и деликатности рисуетъ характеръ и личность начальника съ весьма выгодной стороны.

Онъ начиналъ его свидѣтельствомъ, что заставъ уже Пушкина въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а, напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ стараніе показать скромность и воздержность, какихъ въ немъ, говорятъ, никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ слѣдствій главнаго его порока— самолюбія. «*Здѣсь* есть *много людей*, — приводимъ собственныя слова гр. Воронцова въ переводѣ,—а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ, какъ онъ въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца — Лорда Байрона (qu'il n'est encore qu'un faible imitateur d'un original très-peu recommendable — Lord Byron)—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ

лассическихъ поэтовъ могъ-бы оплодотворить свои счастливыя пособности, въ которыхъ ему невозможно отказать».

Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ нова въ Кишиневъ къ генералу Инзову, не пособилъ бы ни-ему — Пушкинъ все-таки остался бы въ Одессѣ, но уже безъ аблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ бы еще *между молодыми греками и болгарами* довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой-либо другой губерніи могъ бы онъ найти енѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія воего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній ести и отъ *заразительныхъ, крайнихъ и опасныхъ идей*. Графъ оронцовъ въ концѣ письма выражаетъ твердую надежду, что астоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Для поясненія словъ и основной мысли письма нужно сказать, что молодежь Одесскаго Ришельевскаго лицея, наѣзжихъ уземныхъ помѣщиковъ и самаго штата намѣстника не уступала икому въ прославленіи Пушкина. Много было также, какъ ежду ними, такъ и въ самомъ одесскомъ обществѣ, поляковъ, идѣвшихъ въ Пушкинѣ предметъ для поклоненія въ двойномъ го качествѣ: славнаго писателя и жертвы (будто-бы) правительства. По случаю безпорядковъ въ Виленскомъ университетѣ, возужденныхъ тамъ тайнымъ обществомъ «Филаретовъ», недавно огда обнаруженномъ, предвидѣлось еще увеличеніе этого класса людей. Оно именно такъ и случилось. Въ началѣ 1825 г., когда Пушкина уже не было въ Одессѣ, явились на каѳедры Ришельевскаго лицея Мицкевичъ и Ежовскій, высланные изъ Вильны вскорѣ опять удаленные съ своихъ мѣстъ за подозрительныя вязи съ разными польскими помѣщиками края. Оба они въ лѣдующемъ году поступили на службу въ Москву: Мицкевичъ ъ штатъ канцеляріи генералъ-губернатора, а Ежовскій съ 1826 ода на каѳедру греческой словесности въ университетѣ. Наплывъ ностранцевъ—иногда самыхъ рѣзкихъ и крайнихъ воззрѣній—ылъ также не маловаженъ. Въ самомъ домѣ намѣстника Пушинъ часто встрѣчался, напримѣръ, съ докторомъ англичаниномъ, о всѣмъ вѣроятіямъ, страстнымъ поклонникомъ Шелли, который чилъ поэта нашего философіи атеизма и сдѣлался невольнымъ рудіемъ второй его катастрофы, о чемъ ниже [1]). Кромѣ того,

[1]) Свѣдѣніе о докторѣ атеистѣ сообщилъ намъ почтеннѣйшій А. И. Левшинъ, торый прибавилъ, что, лѣтъ пять спустя послѣ исторіи съ Пушкинымъ, онъ встрѣилъ того же самаго Гунчисона, въ Лондонѣ, уже ревностнымъ пасторомъ англианской церкви.

изъ писемъ нашего поэта видно, что вскорѣ ожидали прибытія въ Одессу почти всего общества Раевскихъ-Давыдовыхъ, давшаго изъ себя столько жертвъ правосудію, послѣ подавленія бунта въ Петербургѣ и во 2-й арміи. Какъ бы то ни было, но мягкое и благожелательное представленіе гр. Воронцова заставляло предвидѣть для Пушкина только переводъ на службу во внутреннія губерніи, къ чему оно и было все направлено. Благодаря однакоже опрометчивости самого поэта, дѣло это усложнилось новыми, не предвидѣнными обстоятельствами и получило исходъ, какого никто отъ него не ожидалъ.

Вѣроятно еще до отправленія письма гр. Воронцова въ Петербургъ, Пушкинъ сообщалъ кому-то изъ пріятелей своихъ въ Москвѣ шуточное извѣстіе о себѣ, въ которомъ заключалась слѣдующая фраза: «Ты хочешь знать, что я дѣлаю—пишу пестрыя «строфы романтической поэмы и *бѣру* уроки чистаго Аѳеизма. «Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный «Аѳей, котораго я еще встрѣтилъ». Къ этому, мимоходомъ, Пушкинъ присоединилъ еще заключеніе: «Система не столь утѣши- «тельная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе «всего правдоподобная». Письмо было даже и по тону совершенно пустое, нисколько не обнаруживавшее чего-либо похожаго на окончательно принятое и серьёзное убѣжденіе. Оно принадлежало, видимо, къ тому разряду писемъ, которыя назначены производить шумъ и толки въ кругу близкихъ знакомыхъ. Оно рѣшило, однако же, участь Пушкина. Благодаря не совсѣмъ благоразумной гласности, которую сообщили ему пріятели Пушкина и особенно покойный Александръ Ивановичъ Тургеневъ, какъ мы слышали, носившійся съ нимъ по своимъ знакомымъ, письмо дошло до свѣдѣнія администраціи. Въ то печальное время напряженнаго мистическаго броженія, внутренняя пустота и несостоятельность записки не могли ослабить ужаса, произведеннаго однимъ внѣшнимъ ея содержаніемъ, *словами*, въ ней заключающимися. Не безъ основанія говорилъ впослѣдствіи самъ ея авторъ, что онъ былъ сосланъ *за двѣ строки* вздорнаго письма. Эти двѣ строки и вызвали именно то рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ.

Отвѣчая на представленіе графа Воронцова, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, сообщалъ ему по-французски отъ 11-го іюля 1824 г., что правительство вполнѣ согласно съ его заключеніями относительно Пушкина, но къ сожалѣнію, пришло еще къ убѣжденію, что послѣдній нисколько не отказался отъ дурныхъ началъ, ознаменовавшихъ пер

вое время его публичной дѣятельности. Доказательствомъ тому можетъ служить, препровождаемое у сего, письмо Пушкина, которое обратило вниманіе московской полиціи по толкамъ, имъ возбужденнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, правительство приняло рѣшеніе исключить Пушкина изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (par son inconduite), а чтобъ не оставить молодого человѣка вовсе безъ всякаго присмотра и тѣмъ не подать ему средствъ свободно распространять свои губительныя начала, которыя подъ конецъ вызвали бы на него строжайшую кару закона, правительство повелѣваетъ, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина въ имѣніе его родныхъ, въ Псковскую губернію, подчинить его тамъ надзору мѣстныхъ властей и приступить къ исполненію этого рѣшенія немедленно, принявъ на счетъ казны издержки его путешествія до Пскова».

Графъ М. С. Воронцовъ получилъ предписаніе въ Крыму, гдѣ путешествовалъ въ это время и гдѣ, заболѣвъ лихорадкой, остановился, долго не являясь въ Одессу. По его приказанію, правитель дѣлъ его походной канцеляріи А. И. Левшинъ передалъ исполненіе высочайшей воли относительно Пушкина тогдашнему градоначальнику Одессы, графу А. Д. Гурьеву.

Такъ кончилось послѣднее *годичное* пребываніе Пушкина въ Одессѣ.

30-го іюля 1824 г., Пушкинъ уже выѣхалъ изъ города, получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. недоданнаго ему жалованья. Онъ обязался подпиской слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, нигдѣ не останавливаясь на пути. Маршрутъ этотъ составленъ былъ съ ясной цѣлью удалить его отъ Кіева и тѣхъ польскихъ и русскихъ знакомыхъ, какихъ онъ могъ встрѣтить въ городѣ и его уѣздахъ. Это явствуетъ также и изъ собственноручной приписки градоначальника Одессы, графа Гурьева, въ его отчету о высылкѣ Пушкина, поданному начальнику края: «маршрутъ его до Кіева не касается». Всѣ эти предосторожности убѣждаютъ, что правительство уже знало о существованіи заговора на югѣ Россіи и о вѣтвяхъ, которыя онъ пустилъ въ разныхъ направленіяхъ, и принимало въ соображеніе, при удаленіи Пушкина изъ Одессы, его связи съ лицами, сдѣлавшимися ему болѣе или менѣе подозрительными.

Пушкинъ ѣхалъ скоро, въ точности исполняя обѣщанія своей подписки. По донесенію псковской земской полиціи, 9-го августа онъ уже прибылъ въ родовое свое помѣстье, знаменитое Михай-

ловское, гдѣ его ожидали близкіе—отецъ, мать, а также братъ и сестра, съ которыми онъ былъ теперь столь же внезапно соединенъ, какъ внезапно разлученъ за 4 года назадъ. Но радость свиданія была теперь значительно отравлена особенностію его положенія и послѣдствіями, какія изъ того истекали.

VII.

Михайловское.

1824—1826.

Пушкинъ въ Михайловскомъ.—Тригорское.—Попытки освободиться отъ ссылки.—Планы бѣгства за-границу.

Къ числу *біографическихъ предразсудковъ*, какъ бы можно было назвать нѣкоторыя преданія о жизни Пушкина, распространенныя его пріятелями и безпрестанно повторяемыя затѣмъ его біографами, слѣдуетъ причислить и многія сказанія ихъ о Тригорскомъ, селѣ, смежномъ съ деревней поэта. Доселѣ еще принято считать, что жизнь Пушкина совершенно по-ровну была раздѣлена между его родимымъ кровомъ въ Михайловскомъ и обиталищемъ его сосѣдокъ по имѣнію, знаменитымъ Тригорскимъ, такъ что для многихъ имена этихъ мѣстностей слились въ одно представленіе и отдѣльно другъ отъ друга почти перестали существовать. Между тѣмъ, поводовъ къ такому умственному слія-нію двухъ мѣстностей не очень много представлялось въ жизни Пушкина и на дѣлѣ связь между ними была гораздо болѣе внѣшней, чѣмъ сколько предполагаютъ. Дружелюбныхъ отношеній Пушкина къ своимъ сосѣдкамъ нельзя подвергать ни малѣйшему сомнѣнію, но никогда Пушкинъ не принадлежалъ Тригорскому вполнѣ какой-либо частію своего ума, своей души или нравственнаго существованія; никто въ Тригорскомъ не обладалъ вполнѣ его мыслію и сердцемъ. Напротивъ, лучшую часть самого себя Пушкинъ постоянно маскировалъ передъ Тригорскимъ точно берегъ свое добро для другой арены и для другой публики. Извѣстной хозяйкѣ Тригорскаго—столь часто упоминаемой біографами, Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, а равно и двумъ дочерямъ ея, «красавицамъ горъ», по любимому выраженію Дель-

вига и Языкова, и вообще всему молодому женскому поколѣнію, по временамъ наѣзжавшему въ село, не мудрено было обма-ться въ настоящемъ значеніи своихъ связей съ Пушкинымъ. Пушкинъ проживалъ по суткамъ и по цѣлымъ недѣлямъ въ ихъ еревянномъ, приземистомъ домикѣ, раздѣлялъ ихъ забавы и го-ести, выслушивалъ ихъ жалобы и даже завязывалъ съ ними ружескія, задушевныя отношенія. Этой чести удостоились попе-емѣнно каждая почти изъ постоянныхъ и временныхъ обита-ельницъ Тригорскаго, такъ какъ Пушкинъ не желалъ никого обдѣлить своимъ вниманіемъ, котораго тамъ искали всѣ безъ ис-ключенія. Но для нихъ это было очень серьёзное дѣло, кото-рому они добросовѣстно придавали жизненный интересъ, для Пушкина это было мимолетное отдохновеніе, изящная забава, средство обмануть время, оставшееся отъ трудовъ, и притомъ та-кое занятіе, которое можетъ быть порвано на полдорогѣ, безъ тоски и сожалѣнія. Покамѣстъ въ Тригорскомъ размышляли о каждомъ его словѣ и движеніи, Пушкинъ скоро позабывалъ все, что говорилъ и дѣлалъ тамъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ и никогда не говорилъ о томъ, что думаетъ. Настоящимъ центромъ его духовной жизни было Михайловское и одно Михайловское: тамъ онъ вспоминалъ о привязанностяхъ, оставленныхъ въ Одессѣ; тамъ онъ открывалъ Шекспира и тамъ предавался грусти, ра-дости и восторгамъ творчества, о которыхъ сосѣди Тригорскаго не имѣли и предчувствія. Онъ дѣлился съ ними одной самой ничтожной долей своей мысли — именно планами вырваться на свободу, покончить съ своимъ заточеніемъ, оставляя въ глубо-чайшей тайнѣ всю полноту жизни, переживаемой имъ въ уеди-неніи Михайловскаго. Тутъ былъ для него неизсякаемый источ-никъ мыслей, вдохновенія, страстныхъ занятій и вопросовъ мо-ральнаго свойства, а все прочее принадлежало уже къ области призраковъ, которые онъ самъ вызвалъ и лелѣялъ для того, чтобъ обстановить и скрасить внѣшнее свое существованіе. Это по-ложеніе выяснится очевиднѣе изъ дальнѣйшаго нашего разсказа, который и начнемъ здѣсь сначала.

Пушкинъ говоритъ въ 8-й главѣ Онѣгина, что онъ уѣхалъ изъ Одессы —

Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ,

въ далекій сѣверный уѣздъ, и прибавляетъ:

И былъ печаленъ мой пріѣздъ!

Пріѣздъ былъ точно печаленъ. Послѣ первыхъ изліяній ра-

достной встрѣчи, трусливому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ сдѣлалось страшно за самихъ себя и за остальныхъ членовъ своей семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями. Дурное мнѣніе послѣднихъ объ этомъ опальномъ человѣкѣ принято было родителями Пушкина за указаніе, какъ слѣдуетъ имъ самимъ думать о своемъ сынѣ: явленіе не рѣдкое въ русскихъ семьяхъ того времени.

Вотъ почему они уже съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣли на дружбу, связывавшую нашего поэта съ младшимъ братомъ и сестрой, полагая, вѣроятно, что человѣкъ, сосланный по подозрѣнію въ атеизмѣ, уже ни о чемъ другомъ и не можетъ говорить съ ближними, какъ о томъ же самомъ предметѣ. Все это могло бы пройти безслѣдно и, по комической нелѣпости своей, не вызвать со стороны Александра Пушкина особенно сильнаго протеста, но къ этому присоединилась еще другая и болѣе печальная подробность. Начальникъ края, маркизъ Паулуччи поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства, г. Пещурову,—пригласить отца Пушкина, котораго именовалъ въ своей оффиціальной бумагѣ по этому поводу *«однимъ изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей»*, принять на себя надзоръ за поступками сына, обѣщаясь, въ случаѣ его согласія, воздержаться съ своей стороны отъ назначенія всякихъ другихъ за нимъ наблюдателей. По словамъ поэта, отецъ его имѣлъ слабость принять это предложеніе, движимый, можетъ быть, столько же страхомъ передъ начальствомъ, сколько и благимъ намѣреніемъ освободить существованіе сына отъ вмѣшательства посторонннихъ лицъ. Поэтъ думалъ, однако-же, иначе объ этомъ предметѣ. Когда дошла до него вѣсть о состоявшейся сдѣлкѣ, онъ вышелъ изъ себя, явился къ Сергѣю Львовичу и между ними произошла неимовѣрная сцена, о которой мы упоминаемъ только потому, что она въ картинѣ нравовъ того времени составляетъ очень крупную черту и рисуетъ домашнюю обстановку поэта чрезвычайно ярко.

Вотъ какъ жаловался Пушкинъ на свое деревенское положеніе во французскомъ письмѣ въ Одессу, черновые отрывки котораго какъ-то уцѣлѣли между его бумагами. Письмо писано на имя особы, которую Пушкинъ называетъ: «belle et bonne princesse». Переводимъ отрывки: «Ваша тихая дружба могла-бы удовлетворить всякую душу, менѣе эгоистическую, чѣмъ моя, но и теперь, каковъ бы я ни былъ—она, дружба эта, еще утѣшаетъ меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и поддерживаетъ въ виду того бѣшенства скуки (la rage de l'ennuie), которая поѣдаетъ мое

слупое существованіе. Сбылось все, что́ я предвидѣлъ. Присутствіе мое въ средѣ моего семейства удвоило мои муки. Правительство..... вздумало предложить моему отцу роль своего агента въ преслѣдованіи меня. Отецъ имѣлъ слабость принять порученіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ его въ ложное положеніе относительно меня. Меня стали попрекать ссылкой, заявлять страхъ, что мое несчастіе вовлечетъ и другихъ въ погибель, подозрѣвать, что я проповѣдую безбожіе моей сестрѣ, которая есть небесное созданіе, и брату, который очень забавенъ и веселъ. А изъ этого выходитъ, что я провожу въ поляхъ все то время, когда не лежу въ постелѣ [1]). Все, что́ малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ море—производитъ во мнѣ тоску, шумъ фонтана буквально порождаетъ боль; мнѣ кажется, что я сталъ бы плакать отъ бѣшенства, при видѣ яснаго неба. Что касается до моихъ сосѣдей, я едва ознакомился съ ними: я пользуюсь между ними репутаціей Онѣгина. Единственное развлеченіе мое составляетъ добрая, старая сосѣдка, которую я часто вижу, слушая ея патріархальные разговоры, въ то время какъ ея дочки... разыгрываютъ мнѣ Россини..... Лучшаго положенія для окончанія моего романа врядъ-ли можно и желать, но скука—это холодная муза, и романъ не подвигается. Однако же кланяюсь вамъ одной строфой. Покажите ее W и попросите его не судить о всемъ по этому образчику.....» Эти строки уже даютъ понятіе объ общемъ характерѣ Пушкинскихъ домашнихъ обстоятельствъ, но держатся еще далеко отъ сущности дѣла, а въ одномъ мѣстѣ и намѣренно затемняютъ его. Сосѣдка Пушкина совсѣмъ не была такой старой женщиной, какъ говоритъ поэтъ, бесѣды Пушкина съ ней не имѣли ничего похожаго на патріархальный характеръ, и дочки ея занимались не однимъ разыгрываніемъ Россини для гостя. Несравненно искреннѣе, ближе къ дѣлу было то русское письмо, которое поэтъ писалъ къ неизвѣстному намъ лицу въ Петербургъ,

---

[1]) Письмо это, по всѣмъ вѣроятіямъ, писано позднѣе второй половины сентября 1824 г., потому что въ это время настроеніе поэта чувствительно разнится съ тѣмъ, которое онъ тутъ описываетъ, какъ это видно изъ посланія его въ Дерптъ къ студенту А. Н. Вульфу. Пушкинъ тогда препроводилъ къ нему стихотворную цидулу, въ которой, извѣщая, что вскорѣ ожидаетъ брата Льва (Лайонъ—стихотвореніе) въ деревню (вѣроятно Левъ Сергѣевичъ уѣзжалъ тогда изъ Михайловскаго въ Псковъ для какихъ-либо дѣлъ) и притомъ съ ящикомъ бутылокъ, выражаетъ намѣреніе посвящать дни—Тригорскому, ночи—Михайловскому, восхищаясь заранѣе тѣмъ, что имъ обоимъ предстоитъ или быть мертвецки пьяными, или смертельно влюбленными. Стихотвореніе помѣчено у Пушкина: 20-го сентября 1824 г. (См. томъ 7-й Сочиненій Пушкина, 1857 г. стр. 91).

прося у него помощи и восклицая въ нелицемѣрномъ страхѣ: «спаси меня!» письмо излагаетъ подробности той сцены, о которой говорили. Ниже мы приводимъ отрывки изъ него тоже по черновому оригиналу, а здѣсь позволимъ себѣ небольшое отступленіе.

Трудъ нашъ уже давно былъ законченъ, когда въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, № 12-й, явились перебѣленные подлинники тѣхъ писемъ Пушкина, на которыя здѣсь ссылаемся и которыя адресованы имъ были Жуковскому отъ 31-го октября и отъ 24-го ноября 1824. Итакъ, неизвѣстное лицо, нами поминаемое, былъ никто иной, какъ Жуковскій. Несмотря на это сообщеніе «Русскаго Архива», мы оставили въ нашемъ текстѣ черновые отрывки Пушкинскихъ писемъ не-тронутыми, во-первыхъ, потому, что онѣ содержатъ нѣкоторыя подробности, не попавшія въ перебѣленныя ихъ копіи, а во-вторыхъ, для того, чтобъ дать случай любопытствующимъ читателямъ познакомиться со способомъ окончательной переправки или передачи своихъ замѣтокъ, какой употреблялъ обыкновенно поэтъ, приводя ихъ въ порядокъ. Оказывается, что онъ всегда сохранялъ основную мысль и даже тонъ чернового оригинала при его переработкѣ, что́ даетъ весьма значительную цѣнность нашимъ отрывочнымъ выпискамъ изъ его писемъ, цѣльныя копіи которыхъ, можетъ быть, никогда и не найдутся. Не менѣе любопытно и другое сообщеніе «Русскаго Архива» въ томъ же №. Письма Пушкина сопровождаются тамъ еще письмомъ Праск. Алекс. къ Жуковскому, которая, не будучи съ нимъ знакома лично, извѣщаетъ его о томъ, что Пушкинъ съ отчаянія будто бы написалъ письмо псковскому гражданскому губернатору Б. А. Адеркасу, прося послѣдняго извѣстить правительство, что онъ, Пушкинъ, предпочитаетъ содержаніе въ крѣпости или самую дальнюю ссылку своему пребыванію въ Михайловскомъ. Осипова прилагаетъ и копію съ этого письма, сообщенную ей по секрету Пушкинымъ, прося разумѣется Жуковскаго предотвратить бѣду, которая изъ всего этого можетъ произойти. Черезъ нѣсколько времени П. А. Осипова извѣщаетъ Жуковскаго, что, по счастливому случаю, вмѣшательство его въ это дѣло уже безполезно: человѣкъ, которому Пушкинъ вручилъ письмо для доставленія Б. А. Адеркасу, не заставъ его во Псковѣ, вернулся обратно съ своей посылкой, которую Пушкинъ уже и истребилъ. Все это, по нашему мнѣнію, была просто выдумка, направленная къ тому, чтобы сильнѣе подѣйствовать на безгранично добраго и честнаго В. А. Жуковскаго. Мы увидимъ сейчасъ, что къ такимъ выдумкамъ для облегченія своего положенія

Пушкинъ прибѣгалъ и позднѣе и всегда въ сообществѣ какого-либо довѣреннаго лица, посвященнаго въ его тайну. На этотъ разъ сообщникомъ была П. А. Осипова, да она, какъ оказывается изъ того же письма, знала и другой секретъ Пушкина, о которомъ говоримъ далѣе.

Но обратимся къ письму Пушкина.

«Посуди о моемъ положеніи дома. Пріѣхавъ сюда, я былъ встрѣченъ и обласканъ...., но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь..... Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться: я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата... что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе. Назначенный за мною смотрѣть, П.... (Пещуровъ?) [1]) осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку—короче—быть моимъ шпіономъ!

«.....Желая, наконецъ, вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ разсердился, закричалъ—я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ моего брата и велѣлъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils denaturé (съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ сыномъ погибели). Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ: «*что говорю ему въ послѣдній разъ*». Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я *его билъ!* потомъ, что *хотѣлъ бить*.... Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего-же онъ хочетъ для меня, съ уголовнымъ обвиненіемъ?.... Рудниковъ Сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія.... Спаси меня!»

Ужасъ Пушкина былъ основателенъ. Вспышка его отца могла кончиться на этотъ разъ иначе, чѣмъ вспышки его обыкновенно кончались — т.-е., спокойнымъ выжиданіемъ со стороны домашнихъ исхода пароксизма. Если бы *добронравнѣйшій* Сергѣй Львовичъ, поддерживаемый супругой, подъ вліяніемъ которой состоялъ всю жизнь, вздумалъ повести обвиненіе далѣе стѣнъ своего дома, сообщить жалобѣ своей нѣкоторую гласность, то послѣдствія для нашего поэта могли быть неисчислимы. Послѣдній

---

[1]) Уѣздный предводитель дворянства, по самому званію своему, носилъ обязанность наблюдать за образомъ жизни и поведеніемъ дворянъ своего уѣзда, а потому правительство, возлагая, по закону, трудъ смотрѣть за Пушкинымъ на г. Пещурова не дѣлало тѣмъ изъ него ни особаго агента, ни притѣснителя ex officio, на что онъ, по нравственному характеру своему, и не былъ способенъ.

основательно говорилъ, обращаясь опять къ тому же неизвѣстному лицу: «Я сосланъ за одну строчку глупаго письма. Если присоединится къ этому обвиненіе въ томъ, что я поднялъ руку на отца — посуди, какъ тамъ обрадуются. Шутка эта пахнетъ каторгой.» И онъ былъ правъ. Дѣло, однакоже, до этого не дошло. Мы слышали, что Жуковскій горячо принялся за утушеніе семейной распри этой и вразумленіе стараго Пушкина, который, уже при первомъ извѣстіи о жалобахъ на него сына, отступился отъ своихъ словъ и сказалъ: «Экой дуракъ! Въ чемъ оправдывается! еще бы онъ прибилъ меня!» Но зачѣмъ же было тогда обвинять въ несбыточномъ злодѣйствѣ, замѣчаетъ Пушкинъ, передавая эти слова другу. Мать, Надежда Осиповна, по его же замѣчанію, прибѣгла, для оправданія вспыльчивости супруга, къ каламбуру: «да, онъ, Сергѣй Львовичъ, *убитъ его словами!*» Впрочемъ, совѣты ли Жуковскаго, или урокъ, полученный отъ сына, подѣйствовали на стараго Пушкина, только уѣхавъ вскорѣ со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, онъ оттуда въ ноябрѣ 1824 г. послалъ благовидный по формѣ, но рѣшительный отказъ отъ возложенной на него обязанности отеческаго наблюденія за сыномъ. Ссора между отцомъ и сыномъ длилась, однакоже, вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усиліямъ Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкинъ былъ уже освобожденъ отъ правительственнаго надзора и ласково принятъ, незадолго передъ тѣмъ, молодымъ Государемъ. Во второй разъ (первый случай относится къ 1815 г.) Сергѣй Львовичъ искалъ сойтись съ сыномъ, озадаченный его успѣхами и пріобрѣтеннымъ положеніемъ между людьми.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ остался теперь одинъ въ Михайловскомъ на всю зиму 1824—25 г. Политическое наблюденіе за нимъ перешло опять къ Опочецкому предводителю, а для религіознаго его руководства назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), простой, добрый, и какъ описываетъ его наружность И. И. Пущинъ, нѣсколько рыжеватый и малорослый монахъ, который отъ времени до времени и навѣщалъ поэта въ деревнѣ. Такъ какъ яснаго разграниченія между обязанностями свѣтскаго и духовнаго надзора не могло быть, то настоятель почелъ за нужное явиться въ Михайловское, заслышавъ, въ январѣ 1825 г., что къ изгнаннику Михайловскаго неожиданно пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то неизвѣстный посѣтитель. Посѣтитель этотъ былъ покойный декабристъ И. И. Пущинъ.

Онъ нашелъ своего лицейскаго пріятеля въ единственной жи-
ой комнатѣ стараго деревяннаго дома, бывшаго нѣкогда пала-
ами Елисаветинскаго ссыльнаго, удалого Осипа Абрамовича Га-
нибала. Одна комната съ ширмами служила Пушкину спальней,
столовой и рабочимъ кабинетомъ; всѣ другія оставались запер-
ыми и нетопленными. Только на другой половинѣ,—черезъ сѣн-
ой корридоръ, раздѣлявшій домъ,—И. И. Пущинъ видѣлъ еще
килую, просторную комнату, царство няни поэта — Арины Ро-
іоновны, доброй старушки, охотно придерживавшейся рюмочки,
какъ извѣстно, которая тутъ учила и муштровала толпу швей и
качихъ, засаженныхъ за эти работы старыми господами. И. И.
Пущинъ пробылъ менѣе сутокъ въ Михайловскомъ, слушалъ чте-
іе комедіи «Горе отъ ума», имъ же и привезенной, изъ устъ
Пушкина, который сопровождалъ чтеніе это своими мѣткими и
мными замѣчаніями, и по прежнему старался, насколько могъ,
тстранить попытки хозяина узнать связи, соединяющія гостя съ
айными обществами — вопросъ, съ которымъ Пушкинъ присга-
алъ къ Пущину почти всякій разъ, какъ встрѣчалъ его. Между
рочимъ наѣзжій гость сообщаетъ и очень любопытную черту.
Видимо тревожимый бѣсомъ политическаго тщеславія, Пушкинъ
ыпытывалъ у него, что́ думаютъ о немъ, Пушкинѣ, въ Петер-
ургѣ въ смыслѣ политическаго дѣятеля, много ли говорятъ объ
сторіи майора Раевскаго и друзьяхъ послѣдняго, какія имена
собенно поминаютъ при томъ. Впрочемъ И. И. Пущинъ нашелъ
ольшую перемѣну въ другѣ: онъ сталъ серьёзнѣе, простѣе, раз-
удительнѣе. Выпивъ послѣднюю бутылку шампанскаго, опять
зъ своего собственнаго запаса, провозгласивъ сообща множество
остовъ, а въ томъ числѣ и тостъ: *«за нее»* (т.-е., за особу,
ставленную поэтомъ въ Одессѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ), Пушкинъ
азстался съ своимъ другомъ въ 3 часа утра, — (онъ прибылъ
аканунѣ, тоже утромъ, въ 7 часовъ) и разстался, какъ извѣстно,
авсегда.... Монахъ провелъ только нѣсколько минутъ въ ихъ
бществѣ и не помѣшалъ бесѣдѣ.

Нѣсколько прежде того (въ октябрѣ 1824 г.), Пушкинъ
ффиціально былъ вызванъ въ Псковъ для исполненія опущен-
ой имъ формальности, которую ему, однакоже, строго рекомен-
овали въ Одессѣ—именно для представленія своей особы мѣст-
ому губернскому начальству. Осталось преданіе въ этомъ городѣ,
то онъ тогда же являлся на базары и въ частные дома, къ
зумленію обывателей, въ *мужицкомъ* костюмѣ. Можетъ быть, онъ
зучалъ народный говоръ и складъ мыслей, такъ какъ это те-
ерь становилось ему необходимо узнать поближе изъ чисто-ху-

дожественныхъ цѣлей, а, можетъ быть, въ основаніи этого переодѣванія лежала просто шутка, отъ которой онъ никогда не умѣлъ воздержаться. Такъ, въ годовщину смерти Байрона, онъ отправился въ Святогорскій монастырь къ своему духовному опекуну и отслужилъ тамъ соборнѣ панихиду по новопреставльшемся бояринѣ Георгіѣ. Этотъ анекдотъ, слышанный нами отъ сестры поэта, наводитъ на мысль: не изъ такихъ ли и подобныхъ тому шалостей Пушкина-сына сложилось у родителя его воззрѣніе на него, какъ на отъявленнаго безбожника?

Пушкинъ не могъ долго оставаться въ Псковѣ безъ особаго дозволенія. Притомъ же въ Михайловскомъ было у него теперь весьма серьёзное дѣло, и не далеко отъ Михайловскаго занимательное общество. О послѣднемъ и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Прасковья Александровна Осипова, по первому мужу—Вульфъ, владѣлица Тригорскаго (села, получившаго свое имя отъ гористаго берега той же рѣчки Сороти, на которой стояло и Михайловское—Зуево, по народному прозванію), была женщина очень стойкаго нрава и характера, но Пушкинъ имѣлъ на нее почти безграничное вліяніе. Всѣ его слова и желанія исполнялись ею свято. Онъ платилъ за это благорасположеніе постояннымъ выраженіемъ безграничной дружбы, посвящалъ ей стихотворенія, даже выражалъ намѣреніе купить около Тригорскаго клочекъ земли и поселиться на немъ (Михайловское принадлежало еще тогда отцу поэта), что́ не мѣшало ему (какъ видѣли) говорить объ ней, какъ объ «une bonne vielle voisine» и прибавлять: «j'écoute ses conversations patriarchales». Прасковья Александровна свободно изъяснялась и писала по-французски и старалась дополнить свое образованіе, какъ могла, училась вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми своими у ихъ учителей, много читала, любила заниматься серьёзными вопросами и жадно искала бесѣдъ, въ которыхъ они подымались. Все это, однакоже, не могло, конечно, доставить ей прочныхъ основъ для мысли, такъ какъ дѣло тутъ шло не о прямомъ воспитаніи послѣдней, а только о сообщеніи ей необходимой выправки и развязности. Прасковья Александровна вполнѣ удовлетворилась достигнутыми ею результатами. Черезъ Пушкина она познакомилась съ цвѣтомъ тогдашней литературы: Языковымъ, Дельвигомъ, наконецъ съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Вяземскимъ, т.-е., со всей литературной знатью того времени. Самъ Пушкинъ безпрестанно толковалъ ей о роли, которую она играетъ въ его существованіи; друзья его, въ благодарность за радушное отношеніе къ нашему поэту, тоже не скупились на

похвалы и величанія. Самолюбіе Прасковьи Александровны было удовлетворено всѣмъ этимъ съ излишкомъ; но оно было удовлетворено на-счетъ всѣхъ другихъ качествъ, ибо, въ чаду похвалъ и лести, высокое мнѣніе о себѣ достигло у нея крайнихъ размѣровъ, настойчивость и упорство въ предпріятіяхъ и рѣшеніяхъ, весьма мало обдуманныхъ, достигли своихъ предѣловъ, и послѣдніе годы ея долгой жизни показали очевидно, что любезность, свѣтскость и начитанность сами по себѣ еще не могутъ упрочить для женщины, даже съ большими природными способностями, счастія и покоя на землѣ...

Не одна хозяйка Тригорскаго, искренно привязанная къ Пушкину, слѣдила за его жизнію. Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта—и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на аргамакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ. Пророчество Пушкина о трехъ соснахъ, которыя онъ долженъ былъ миновать по этой дорогѣ, вступая на землю Тригорскаго, не сбылось: онѣ не разрослись въ рощу, а напротивъ, одна изъ нихъ была срублена какимъ-то старостой и очень просто пошла на мельницу, да той же участи, вѣроятно, уже подверглись, или скоро подвергнутся и остальныя, по приговору какого-либо другого старосты. И они правы. Что за надобность имъ беречь предметы, связанные съ литературными и семейными воспоминаніями, совершенно чуждыми имъ, когда тѣми же предметами не очень-то дорожатъ и люди, заинтересованные въ ихъ сохраненіи по родству и воспитанію.

Двѣ старшія дочери г-жи Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ Онѣгина не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣдніе уже не носятъ на себѣ, по свойству творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину, Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ, какъ сестра ея, воздушная Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ [1])—представляла совсѣмъ

[1]) Впослѣдствіи она вышла замужъ за генерала Вревскаго и сдѣлалась матерью почтеннаго и многочисленнаго семейства.

другой типъ. Она пользовалась жизнію очень просто, повидимому ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собой и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьёзнаго и дѣльнаго отъ судьбы. Многіе называли «кокетствомъ» всѣ эти пріемы, но кокетство или нѣтъ — манера, во всякомъ случаѣ, была замѣчательно-умнаго свойства. Вышло то, что́ обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ: на долю энтузіазма и самоотверженія пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изрѣдка выкупались счастливыми минутами довѣрія и признательности, между тѣмъ, какъ равнодушію оставалась лучшая доля постояннаго вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и льстиваго ухаживанія [1]). Одно время полагали, что Пушкинъ неравнодушенъ къ Евпраксіѣ Николаевнѣ. Какъ мало горечи осталось затѣмъ въ воспоминаніяхъ обдѣленной сестры отъ этой эпохи, свидѣтельствуютъ ея слова въ письмѣ къ супругѣ Александра Сергѣевича, уже въ 1831 г. Когда та, говоря о старыхъ знакомыхъ своего мужа, шутливо намекнула на бывшую привязанность поэта къ «полу-воздушной» дѣвѣ горъ, Евпраксіи Николаевнѣ—вотъ что отвѣчала ей Анна Николаевна: «Какъ вздумалось вамъ, пишетъ она по-французски, ревновать мою сестру, дорогой другъ мой? Если бы даже мужъ вашъ и дѣйствительно любилъ сестру, какъ вамъ угодно непремѣнно думать—настоящая минута не смываетъ ли все прошлое, которое теперь становится тѣнію, вызываемой однимъ воображеніемъ и оставляющей послѣ себя менѣе слѣдовъ, чѣмъ сонъ. Но вы—вы владѣете дѣйствительностію и все будущее передъ вами». Деликатнѣе отклонить вопросъ и выразить свое собственное чувство — кажется, трудно.

Красивый персоналъ Тригорскаго не ограничивался еще этими двумя лицами. Кромѣ двухъ малолѣтныхъ сестеръ ихъ, носившихъ уже фамилію Осипова [2]), тутъ были еще многочисленныя кузины: кузина, напримѣръ, Анна Ивановна (впослѣдствіи Тру-

---

[1]) Евпраксія Николаевна (въ семействѣ ее просто звали „Зина“) была душой веселаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ, она играла передъ нимъ аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій. Сестра ея Анна Николаевна, умершая дѣвушкой въ началѣ 60-хъ годовъ, отличалась быстротой и находчивостію своихъ отвѣтовъ, что было не легкое дѣло въ виду Михайловскаго изгнанника, отличавшагося еще въ разговорахъ прямотой и смѣлостію выраженія.

[2]) Марья и Екатерина Ивановны Осиповы тогда еще учились, и Пушкинъ помогалъ имъ иногда дѣлать переводы съ французскаго и на французскій языкъ, за что и пользовался ихъ постояннымъ благорасположеніемъ.

велеръ), которую звали Netty въ семействѣ, кузина Анна Петровна Кернъ, урожденная Полторацкая, которая оставила „Записки“ о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ (она выдана была замужъ за стараго генерала Керна, едва вышедши изъ дѣтства), наконецъ, падчерица Прасковьи Александровны—Александра Ивановна Осипова (впослѣдствіи Беклешова)—Алина по семейному прозванію, та самая, которая возбуждала поздніе восторги Сергѣя Львовича, лѣтъ 15 спустя, да обратила на себя вниманіе и сына его гораздо прежде. Вообще, всѣ онѣ, вмѣстѣ съ неупомянутой еще кузиной Вельяшевой, почтены были Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и проч. Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревянный, длинный одноэтажный домъ, наполненный всей этой молодежью, весь праздный шумъ, говоръ, смѣхъ, гремѣвшій въ немъ круглый день отъ утра до ночи, и всѣ маленькія интриги, всю борьбу молодыхъ страстей, кипѣвшихъ въ немъ безъ устали. Пушкинъ былъ перенесенъ изъ азіятскаго разврата Кишинева прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нашъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ превосходно изображалъ потомъ. Онъ былъ теперь свѣтиломъ, вокругъ котораго вращалась вся эта жизнь, и потѣшался ею, оставаясь постоянно зрителемъ и наблюдателемъ ея, даже и тогда, когда всѣ думали, что онъ безъ оглядки плыветъ вмѣстѣ съ нею. Съ усталой головой являлся онъ въ Тригорское и оставался тамъ по цѣлымъ суткамъ и болѣе, приводя тотчасъ въ движеніе весь этотъ міръ. Дѣло не обходилось, конечно, при этомъ безъ крошечныхъ семейныхъ драмъ, безъ ревности, катастрофъ и проч. Такъ, въ іюнѣ 1825 года, Прасковья Александровна увозитъ красивѣйшую изъ своихъ племянницъ, Анну Петровну Кернъ, въ Ригу, къ мужу и даже становится, какъ мы слышали, косвенной причиной окончательнаго разрыва между супругами; такъ, по возвращеніи изъ Риги въ сентябрѣ 1825 г., она сама уѣзжаетъ въ другое свое помѣстье, извѣстное «Маленники», Тверской губерніи, и увозитъ съ собою старшую дочь, съ трудомъ отрываясь сама и отрывая ее отъ любимыхъ мѣстъ. Впрочемъ, отсутствіе ея во второй разъ продолжалось не болѣе мѣсяца. Пушкинъ остается хладнокровнымъ зрителемъ этихъ скоропреходящихъ бурь, спокойно и даже насмѣшливо отвѣчаетъ на жалобы ихъ жертвъ и какъ ни въ чемъ не бывало погружается въ свои занятія, соображенія, чтеніе. Настоящая его мысль постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уеди-

ненномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы Онѣгина онъ дѣлаетъ приписку: 5-го сентября 1824 года — Une l(lettre) de ***. Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г. Вотъ гдѣ была настоящая мысль Пушкина.

Старшій сынъ Прасковьи Александровны Осиповой, дерптскій студентъ А. Н. Вульфъ, лучше понималъ Александра Сергѣевича, чѣмъ его семья [1]). Вульфъ пріѣзжалъ почти на всѣ вакаціи зимой и лѣтомъ въ деревню и тотчасъ же посвященъ былъ Пушкинымъ въ свои замыслы.

Студентъ тотчасъ же узналъ, напримѣръ, что завѣтной мечтой поэта, съ самаго пріѣзда его въ Михайловское, сдѣлалось одно: бѣжать отъ заточенія деревенскаго, а если нужно, то и изъ Россіи. Помыслы о бѣгствѣ за границу начались у Пушкина еще въ Одессѣ, какъ хорошо свидѣтельствуетъ извѣстное стихотвореніе «Къ морю» (1824 г.), гдѣ содержится ясное признаніе, что одна только страсть, приковавъ автора къ берегу, помѣшала устроить ему *«поэтическій побѣгъ»* и тѣмъ отвѣтить на соблазнительные призывы *«свободной стихіи»*. Кромѣ того, въ стихотвореніи выпущена еще цѣлая строфа, содержавшая вопросъ къ океану: «куда и на какую жизнь онъ вынесъ бы его».... А затѣмъ, еще въ одномъ письмѣ къ брату, Льву Сергѣевичу, весной 1824 г., изъ Одессы, мы находимъ слѣдующія недвусмысленныя строки послѣ извѣстія, что поэтъ два раза просилъ о заграничномъ отпускѣ съ юга Россіи и оба раза не получилъ дозволенія: «Осталось одно—взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ».

Теперь Пушкинъ существовалъ далеко отъ моря, но замыселъ не былъ покинутъ. Поэтъ нашъ видимо приходилъ въ ужасъ отъ мысли провести лучшіе годы своей молодости въ захолустьѣ, не

---

[1]) Пушкинъ очень любилъ Алексѣя Николаевича Вульфа. Къ нему именно относятся эти слова въ запискахъ Пушкина о лицѣ, которое впервые упомянуло при немъ о холерѣ. „Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ Дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ и проч.“

имѣя ближайшаго сообщенія съ публикой и лишенный возможности жить многосторонней жизнію толпы, свѣтскаго общества, литературнаго міра. Онъ волновался, какъ неприрученный звѣрь въ клѣткѣ, при этой мысли, и былъ вполнѣ несчастнымъ человѣкомъ со всѣми развлеченіями своими въ Тригорскомъ, со всѣми умными бесѣдами друзей и даже со всѣми творческими минутами, уединенными занятіями и вдохновеніями Михайловскаго. Безумные проекты писемъ къ императору Александру (о которыхъ уже намекали), сочиненіе какихъ-то фантастическихъ діалоговъ, гдѣ онъ самъ становится допросчикомъ и судьей самого же себя—свидѣтельствуютъ о томъ достаточно. Онъ просто страдалъ въ деревнѣ боязнію за свою участь, отсутствіемъ, такъ сказать, воздуха, простора, арены, которыя такъ необходимы были для его страстной природы. Эти страданія не имѣли уже характера выдумки, какъ тѣ воображаемыя, физическія страданія, происходящія будто бы отъ аневризма въ ногѣ, на который онъ ссылался, когда въ томъ же 1825 г. рѣшился формально просить дозволенія ѣхать въ столицы или за-границу, для поправленія своего здоровья. Онъ препоручилъ ходатайство по этой просьбѣ своей матери въ Петербургѣ и былъ недоволенъ, когда Надежда Осиповна замѣнила его дѣловую просьбу какимъ-то патетическимъ письмомъ къ императору Александру, которымъ, по мнѣнію Пушкина, ослаблялся суровый и болѣе краснорѣчивый фактъ его страдальческаго положенія. Результатомъ ея долгательствъ было, однако же, дозволеніе Пушкину жить и лечиться въ Псковѣ съ тѣмъ, чтобъ губернаторъ имѣлъ наблюденіе за поведеніемъ и *разговорами* больного. Это не измѣняло дѣла нисколько не отвѣчало его намѣреніямъ.

И ранѣе этого прошенія и одновременно съ нимъ, Пушкинъ не переставалъ строить планы бѣгства изъ Россіи. Надо сказать, что слухи о намѣреніи его бѣжать за-границу были уже сильно распространены въ кругу его друзей и въ литературныхъ кругахъ того времени. Онъ самъ писалъ въ Петербургъ, почти тотчасъ по прибытіи въ Михайловское и жалуясь на семейныя свои непріятности: «Стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ. Глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи»—(изъ чернового письма). Чрезъ нѣсколько времени, въ декабрѣ 1824 г., онъ писалъ опять къ брату, какъ будто уже рѣшившись оправдать теперь общую молву и только боясь, чтобъ она не помѣшала исполненію плана: «Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь

у меня, то станемъ трактовать о *банкирѣ*, о *перепискѣ*, о *мѣстѣ пребыванія Чаадаева* — вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться [1])». Пункты, подлежавшіе разъясненію брата, были ясны: устройство правильной пересылки денегъ и корреспонденціи за-границу, вмѣстѣ съ означеніемъ мѣста, куда они должны были отправляться—т.-е., въ тогдашнюю резиденцію Чаадаева. (Чаадаевъ путешествовалъ по Европѣ уже со времени исторіи Семеновскаго полка, которая была косвенной причиной его выхода въ отставку изъ военной службу). Намѣреніе избавиться отъ ссылки, хотя бы и съ пожертвованіемъ родины, не ослабѣло послѣ рѣшенія водворить его во Псковѣ, а, напротивъ, еще возросло; но предстоялъ трудный вопросъ: какъ выбраться изъ отечества [2])?

Студентъ А. Н. Вульфъ, сдѣлавшійся повѣреннымъ Пушкина въ его замыслахъ объ эмиграціи, самъ собирался за-границу; онъ предлагалъ Пушкину увезти его съ собой, подъ видомъ слуги. Но не говоря уже о томъ, что подобный рискованный шагъ со стороны молодого человѣка грозилъ испортить ему жизнь на долгое время, сама поѣздка Вульфа за-границу была еще пріятной мечтой и зависѣла отъ множества домашнихъ и посторонннихъ обстоятельствъ. Пришлось устранить предложеніе, и тогда оба заговорщика наши остановились на мысли заинтересовать въ дѣлѣ освобожденія Пушкина почтеннаго и извѣстнаго дерптскаго профессора хирургіи И. Ф. Мойера, мужа тогда уже умершей обожаемой племянницы Жуковскаго, Маріи Андреевны Протасовой. Мойеръ былъ человѣкъ и высокихъ нравственныхъ качествъ

---

[1]) Пушкинъ ждалъ къ Рождеству 1824 г. брата своего изъ Петербурга, а также и Вульфа изъ Дерпта, предполагая устроить съ ними совѣщаніе по предмету своего иллегальнаго вояжа; оттого онъ и задавалъ первому вопросные пункты, но Пушкинъ братъ, кажется, не пріѣхалъ на конгрессъ.

[2]) П. А. Осипова находилась тоже въ заговорѣ, но она испугалась секрета, ей сообщеннаго и извѣщала о немъ Жуковскаго въ томъ же письмѣ, о которомъ мы уже говорили и которое приведено „Русскимъ Архивомъ“ 1872 г., № 12. Вотъ это мѣсто ея письма. „Если вы думаете, что *воздухъ и солнце Франціи, или близъ-лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель* полезенъ для русскихъ орловъ,—и оный не будетъ вреденъ *нашему*, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной; когда же вы другаго мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлетъ“. К этому мѣсту почтенный издатель „Русскаго Архива“, П. И. Бартеневъ, дѣлаетъ одно изъ тѣхъ обычныхъ ему примѣчаній, которыя имѣютъ въ виду направить сужденія читателя о любопытныхъ документахъ, передаваемыхъ журналомъ, на ложную дорогу. Примѣчаніе, несмотря на ясность приведеннаго мѣста, гласитъ: „*Послѣ наводненія 7-го ноября*“. Какую связь могло имѣть намѣреніе михайловскаго орла отлетѣть къ Альпамъ и наводненіемъ 7-го ноября, котораго вовсе и не было въ Михайловскомъ?

и замѣчательно-разнообразнаго образованія, что́ позволяло ему слыть въ одно время знаменитостію по своей части и оказываться страстнымъ любителемъ музыки и поэзіи. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ В. А. Жуковскаго и имѣлъ вліяніе на самого начальника края, маркиза Паулуччи, глубоко уважавшаго его характеръ, искусство и познанія. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ согласить Мойера взять на себя ходатайство передъ правительствомъ о присылкѣ къ нему Пушкина въ Дерптъ, какъ интереснаго и опаснаго больного, а впослѣдствіи, можетъ быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться изъ Дерпта за-границу, подъ тѣмъ же предлогомъ безнадежнаго состоянія своего здоровья.

Конечно, дѣло было не легкое, потому что въ основаніи его лежалъ все-таки подлогъ (Пушкинъ физически ничѣмъ не страдалъ), на который и слѣдовало согласить прямого и честнаго профессора, но друзья наши не остановились передъ этимъ затрудненіемъ. Они положили учредить между собою символическую переписку, основаніемъ которой должна была служить тема о судьбѣ коляски, будто бы взятой Вульфомъ для переѣзда. Положено было такъ: въ случаѣ согласія Мойера замолвить слово передъ маркизомъ Паулуччи о Пушкинѣ, студентъ Вульфъ долженъ былъ увѣдомить Михайловскаго изгнанника, по почтѣ, о своемъ намѣреніи выслать безотлагательно коляску обратно во Псковъ. Наоборотъ, если бы Вульфъ заявилъ рѣшимость удержать ее въ Дерптѣ, это означало бы, что успѣхъ порученнаго ему дѣла оказывается сомнительнымъ. Подобныя же предосторожности отъ почтовыхъ нескромностей приняты были друзьями и для переписки по другому порученію, тоже возложенному на А. Н. Вульфа.

Городъ Дерптъ стоялъ тогда, если не на единственномъ, то на кратчайшемъ трактѣ за-границу, излюбленномъ всѣми нашими туристами, которые тогда преимущественно состояли изъ высшихъ классовъ общества. При трудностяхъ тогдашняго передвиженія, путешественники эти часто подолгу останавливались въ этомъ городѣ, сообщая знакомымъ и свѣжія столичныя новости.

На Вульфа возложена была обязанность слѣдить за всѣмъ, что относилось въ этихъ новостяхъ до Пушкина собственно и передавать ихъ по принадлежности поэту, принявъ за условную ему корреспонденціи проектъ изданія полныхъ сочиненій Пушкина въ Дерптѣ [1]). По этому плану, слова главнаго цензора вы-

[1]) Все это, впрочемъ, особенно касалось Жуковскаго, который, по слухамъ, долженъ былъ проѣхать черезъ Дерптъ на пути своемъ въ Кёнигсбергъ.

ражали бы настроеніе высшей правительственной власти относительно Михайловскаго плѣнника, замѣтки перваго, второго и т. д. наборщика, мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ и проч. Намеки на этотъ планъ, сохранившіеся въ перепискѣ Пушкина, привели одного изъ біографовъ его, почтеннаго М. И. Семевскаго, къ ошибочному заключенію, что Пушкинъ имѣлъ дѣйствительно намѣреніе заняться печатаніемъ сборника своихъ стихотвореній въ Дерптѣ.

Исторія съ *коляской* кончилась, однако же, довольно комически. Одновременно съ задачей, возложенной на Вульфа, Пушкинъ и съ своей стороны работалъ, чтобы вызвать черезъ родныхъ содѣйствіе Жуковскаго, который, по своему вліянію на Мойера, долженъ былъ предрасположить профессора къ принятію на себя роли ходатая за бѣднаго больного, изнывающаго въ деревнѣ. Съ этой цѣлью Пушкинъ усилилъ жалобы передъ родными и знакомыми на свои немощи, на отчаянное свое положеніе и проч., выставляя, конечно, прежде всего необходимость личнаго совѣщанія съ знаменитымъ хирургомъ въ Дерптѣ. Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, посвященный въ секретъ брата, спокойно исполнялъ его порученія въ Петербургѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя были довольно страннаго характера, особенно для аневритика и разслабленнаго. Такъ, поэтъ просилъ о высылкѣ ему вина, рому, сахару, сыру лимбургскаго, и что́ всего забавнѣе — требовалъ книгу о верховой ѣздѣ: «хочу жеребцовъ выѣзжать, говоритъ онъ брату, вольное подражаніе Алфіери и Байрону».

Послѣ того, какъ состоялось распоряженіе о предоставленіи Пушкину гор. Пскова для пользованія, родные, устрашенные предшествующей перепиской съ изгнанникомъ, сами писали и вѣроятно склонили также писать къ Мойеру и Жуковскаго въ томъ смыслѣ, чтобы почтенный докторъ пожертвовалъ частію своего времени и прибылъ самъ во Псковъ, для осмотра страдальца и производства надъ нимъ операціи, о необходимости которой онъ тоже наслышались много отъ Пушкина. Кажется, что благородный Мойеръ, ничего не подозрѣвавшій въ этомъ дѣлѣ, склонился на ихъ просьбу, потому что родные сдѣлали уже распоряженіе прямо изъ Петербурга, о высылкѣ настоящей, не символической коляски изъ Пскова въ Дерптъ, за Мойеромъ. Когда Пушкинъ услыхалъ объ этомъ оборотѣ дѣла, онъ ужаснулся: одна мысль, что профессоръ, оторванный отъ своихъ занятій, можетъ сдѣлать довольно утомительный переѣздъ для того, чтобы увидать передъ собою совершенно здороваго человѣка — должна была привести его въ страхъ. «Друзья мои и родители вѣчно со мной прока

зятъ»,—восклицаетъ онъ, обращаясь къ Вульфу, и затѣмъ уже умоляетъ пріятеля возвратить поскорѣе назадъ коляску, отговорить Мойера во что бы то ни стало отъ поѣздки во Псковъ и покинуть весь планъ, съ такимъ трудомъ ими выработанный, посылая при этомъ къ чорту и всѣ коммиссіи по изданію его сочиненій съ ихъ цензорами, наборщиками и проч. Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 г.

Планъ дѣйствительно канулъ въ воду, но, думаемъ, стоилъ упоминовенія здѣсь, какъ подтвержденіе мучительныхъ усилій освободиться отъ плѣна, волновавшихъ Пушкина съ самаго прибытія въ Михайловское, да и какъ свидѣтельство, что́ могло приходить въ голову людямъ, предоставленнымъ безпомощному своему горю и уединенію.

Возвратимся назадъ послѣ этого эпизода. По веснѣ 1825 г., Пушкинъ ждалъ къ себѣ гостей—Дельвига, Плетнева, Баратынскаго, Кюхельбекера (Анахарсиса Клоца, какъ онъ его называлъ), Языкова, и нѣкоторыхъ другихъ, но на зовъ его явился только одинъ баронъ Дельвигъ [1]). Пушкинъ ввелъ его тотчасъ же въ общество Тригорскаго, но былъ недоволенъ его равнодушнымъ поведеніемъ въ средѣ красавицъ, которыя напрасно истощали передъ нимъ свои природные дары и любезность. Баронъ предпочиталъ, по замѣчанію Пушкина, лежать дома, на постелѣ, какъ колода, декламировать стихи, бесѣдовать о литературѣ, между тѣмъ, какъ самъ хозяинъ возбуждалъ у сосѣдокъ цѣлыя бури ревности и соперничества, кончившіяся отъѣздомъ ихъ изъ Тригорскаго. Можетъ быть, сдержанность барона происходила и отъ того, что онъ задумалъ уже тогда жениться, и въ августѣ 1825, если не ошибаемся, обвѣнчался съ дочерью одного изъ Арзамасцевъ, С. М. Салтыковой. По выѣздѣ Дельвига и отбытіи вслѣдъ затѣмъ сосѣдей Тригорскаго, сперва въ Ригу, а потомъ въ деревню Тверской губерніи (какъ уже сказали), Пушкинъ оставался одинъ на лѣто и часть осени 1825 г. въ своемъ Михайловскомъ домикѣ и не скучалъ. Много занятій нашелъ онъ для себя и много имъ тогда было сдѣлано.

---

[1]) К. Ѳ. Рылѣевъ также обѣщалъ Пушкину за себя и за А. Бестужева посѣтить его лѣтомъ 1825 г., но ни тотъ, ни другой не могли исполнить обѣщанія.

VIII.

Шекспиризмъ.—14-е декабря 1825 г.—Возвращеніе изъ ссылки и появленіе въ Москвѣ.

«Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу»,—пишетъ Пушкинъ въ 1825 г. изъ Михайловскаго къ старому своему другу, какъ мы догадываемся, Николаю Николаевичу Раевскому младшему:—«но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу придти въ себя отъ изумленія! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ». Пушкинъ сообщаетъ далѣе, что пишетъ трагедію, въ которой творческими силами являются у него поперемѣнно то размышленіе, то вдохновеніе, и подъ конецъ восклицаетъ:

«Я знаю, что силы мои развились совершенно, и чувствую, что могу творить».

Письмо осталось въ бумагахъ автора и замѣнено было другимъ, совершенно однороднымъ съ нимъ, уже въ 1829 году, да сомнительно, чтобъ и это послѣднее отдано было на почту. Пушкинъ писалъ болѣе про себя, хотя и могъ выбрать для этого воображаемую, фиктивную бесѣду съ живымъ лицомъ; примѣровъ такого самообмана у него довольно много. Догадка наша, что Пушкинъ имѣлъ въ виду, при составленіи ихъ, Н. Н. Раевскаго, основывается на слѣдующихъ выпущенныхъ строкахъ въ первомъ отрывкѣ отъ 1825 года, имѣющемъ и біографическое значеніе: «Où êtes-vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment: je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? Vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

«Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter; ma mère a ecrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskow et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien: je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content».

«Гдѣ вы? По газетамъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ: желаю, чтобы это могло забавлять васъ. Что дѣлается съ вашимъ братомъ. Вы не упоминаете о немъ въ вашемъ письмѣ отъ 13 мая. Лечится-ли онъ?

«Вотъ что касается до меня. Друзья мои хлопотали изъ всѣхъ илъ, чтобы добыть мнѣ позволеніе полечиться на свободѣ; мать оя писала къ Е. В., и затѣмъ я получилъ разрѣшеніе ѣхать ъ Псковъ и даже жить тамъ, но я не намѣренъ воспользоаться имъ: пробуду въ Псковѣ только нѣсколько дней. Покаѣсть я живу одинъ-одинешенекъ. Единственная сосѣдка, поѣщаемая мною, уѣхала въ Ригу и я буквально остался въ обществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей: послѣдняя подвигается, и я ею доволенъ». Затѣмъ у Пушкина идетъ разсужденіе о тщетѣ попытокъ къ достиженію полнаго правдоподобія въ драмѣ, разсужденіе, буквально повторенное письмомъ 1829 года.

Вотъ что принесло Пушкину уединеніе Михайловскаго.

Нужно ли распространяться о томъ, что поклоненіе Шекспиру, окончательно потушившее старое служеніе Байрону, уже сильно поколебленное и до того, — было шагомъ впередъ для Пушкина? Прежде всего новое направленіе значительно укоротило дорогу поэту для сближенія его съ русскимъ народнымъ духомъ, съ пріемами народнаго творчества и мышленія. Трудно себѣ и представить, чтобы при изученіи Шекспира можно было пропустить безъ вниманія значеніе національныхъ элементовъ вообще, какъ воспитателей фантазіи и мысли поэта. Пушкинъ, по смыслу своихъ писемъ, остановился въ Шекспирѣ прежде всего на ясности его психическаго анализа, позволявшей великому драматургу находить во всякое время настоящее, приличное положеніе и слово для своихъ лицъ, но остановиться на одной только этой чисто-художественной оцѣнкѣ шекспировскаго вліянія на мысль Пушкина мы уже съ своей стороны не можемъ. Въ значеніи біографическаго факта она недостаточна и должна быть еще дополнена указаніемъ тѣхъ сторонъ Шекспировскаго ученія, которыя окончательно переработали самого Пушкина, какъ человѣка и дали ему новое созерцаніе жизни и своего призванія въ ней. Кажется, Пушкинъ прежде всего остановился въ созданіяхъ Шекспира на «Хроникахъ». Прилежное изученіе многихъ ихъ пріемовъ, хода дѣйствія и лирическаго языка нѣкоторыхъ ихъ монологовъ отразилось и у Пушкина въ «Комедіи о Царѣ Борисѣ». Но это еще было простое заимствованіе формъ, а главный, существенный результатъ Шекспировскаго вліянія состоялъ въ томъ, что оно привело Пушкина къ объективно-историческому способу пониманія и представленія эпохъ, людей и событій. Шекспиръ дѣйствительно приводилъ къ такому созерцанію жизненныхъ явленій своей извѣстной, философской, гуман-

ной справедливостію ко всѣмъ лицамъ своихъ трагедій, безъ исключенія, что́ не мѣшало ему выражать явныя симпатіи къ однимъ, строгій приговоръ и осужденія для другихъ. Непогрѣшимость его психическаго анализа характеровъ зиждется именно на этомъ качествѣ философско-исторической справедливости. Пушкинъ до того полно усвоилъ себѣ главную черту британскаго генія, при изученіи его твореній, что съ тѣхъ поръ она уже стала окрашивать всѣ сужденія нашего поэта о явленіяхъ не только прошлаго, но и настоящаго времени. Перемѣна въ образѣ мыслей обнаружилась у него очень скоро. Такъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 14-го декабря онъ приглашаетъ своихъ друзей смотрѣть на все дѣло безъ суевѣрія и пристрастія, а глазами Шекспира, т.-е., взвѣшивая и оцѣняя причины, давшія событію его настоящую форму. Достаточно извѣстно, что историческое созерцаніе, разъ усвоенное человѣкомъ, измѣняетъ всѣ привычки его мысли и даже нравственный его характеръ: человѣкъ становится не такъ жестокъ къ своимъ противникамъ, не такъ довѣрчивъ къ господствующимъ мнѣніямъ, получая взамѣнъ этого способность обсуждать и повѣрять самыя любимыя, самыя завѣтныя изъ собственныхъ своихъ убѣжденій. Все это именно и произошло теперь съ Пушкинымъ, но, прибавимъ, отличало его только въ нормальномъ состояніи духа, потому что съ каждымъ порывомъ страстей (а такихъ у него было много) настроеніе опрокидывалось и уносилось вихремъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Пушкинъ былъ безсиленъ передъ собственной своей огненной природой. Эти случайные переходы въ крайность и увлеченіе именно и мѣшали современникамъ Пушкина уразумѣть правильно основный характеръ его настроенія въ данную минуту. Со всѣмъ тѣмъ, даже и принимая въ соображеніе это обстоятельство, нельзя не удивляться крайне малой догадкѣ близкихъ ему людей относительно хода умственной его жизни. Они и теперь еще не видѣли въ немъ перемѣны, и продолжали считать его по прежнему однимъ изъ застрѣльщиковъ въ авангардѣ современнаго радикализма, когда онъ уже отдался историческо-критическому направленію, каково оно тамъ ни было, по своей сущности. Продолженію сумерекъ вокругъ дѣйствительнаго образа мыслей Пушкина много способствовалъ тотъ родъ застѣнчивости, который былъ свойственъ поэту и не допускалъ его грубо обнаруживать себя передъ людьми, не понимавшими намековъ и признаковъ. И не то, чтобъ Пушкинъ сдѣлался равнодушенъ къ вопросамъ своего времени и удалился отъ нихъ на высоту педантическаго толкованія ихъ,

безъ желанія участвовать въ ихъ разрѣшеніи: онъ только освободился отъ либеральной фразы, отъ стереотипныхъ пріемовъ, такъ сказать, вольнодумства и отъ слѣпого подчиненія однообразнымъ идеямъ и формамъ, въ которыя оно облекалось тогда. Въ томъ же 1824 году онъ написалъ два извѣстныхъ своихъ посланія «Къ цензору» (Тимковскому). Оба эти знаменитыя посланія не могутъ быть названы сатирами въ настоящемъ смыслѣ слова, это скорѣе эпическія произведенія, исполненныя размышленій и указаній; но они, конечно, должны считаться образцовыми произведеніями нашей литературы, столько же по своей эпиграмматической соли, сколько и еще болѣе по общественному, гражданскому смыслу своему, по обдуманной защитѣ интересовъ слова, мысли и разума, въ приложеніи ихъ къ тогдашнему русскому быту. Таковъ былъ его либерализмъ теперь [1]).

Шекспиръ послужилъ Пушкину и другой стороной своего обширнаго генія, о которой уже говорили: онъ открылъ ему новые пути и новые матеріалы для авторскаго его призванія. Соединеніе въ одномъ лицѣ Шекспира такого изобилія фантазіи, такой массы художническихъ идей, образовъ и представленій, такого неисчерпаемаго богатства поэзіи и изобрѣтательности, было бы просто непонятнымъ дѣломъ, если бы загадка не пояснялась участіемъ народнаго творчества въ его созданіяхъ. Изъ народныхъ легендъ, сказаній, думъ, изъ историческихъ преданій европейскаго и англійскаго міра черпалъ онъ полной рукой не только сюжеты для драмъ, но и многія частныя подробности при осуществленіи ихъ. Громадное количество практической народной мудрости, житейскихъ замѣтокъ и характеристикъ, накопленное собственной его страной, вошло также въ ихъ составъ. Извѣстно,

---

[1]) Въ эпоху наибольшаго распространенія Шекспира между нами, именно въ тридцатыхъ годахъ, дѣло не обошлось безъ того, чтобы результаты чтенія и изученія его твореній не приняли у насъ особенной русской окраски, не проявлялись въ особенной, оригинальной формѣ, какъ то было съ Байрономъ, романтизмомъ, да и со многими послѣдующими европейскими произведеніями и началами на нашей почвѣ. Такъ Шекспиръ породилъ у насъ толпу мудрыхъ политиковъ безъ всякой подготовки къ своему званію, вереницы глубокомысленныхъ государственныхъ умовъ, безъ соприкосновенія съ какой-либо областію публичной дѣятельности, и множество великихъ психологовъ, безъ научнаго образованія. Но благодѣтельная сторона Шекспировскаго вліянія была важнѣе комической стороны, съ ней связанной. Достаточно вспомнить, что Шекспиръ далъ возможность цѣлому поколѣнію чувствовать себя мыслящимъ существомъ, способнымъ понимать историческія задачи и важнѣйшія условія человѣческой жизни въ то самое время, когда поколѣніе это, на реальной почвѣ, не имѣло никакого общественнаго занятія и никакого голоса, даже по самымъ ничтожнымъ предметамъ гражданскаго быта.

что Шекспиръ былъ послѣднимъ результатомъ цѣлой школы драматурговъ, двигавшихся въ средѣ народныхъ массъ и передавшихъ ихъ повѣрья и разсказы, вмѣстѣ съ типами, которые тамъ же встрѣчаются. Шекспиръ прибавилъ къ этому матеріалу свое геніальное пониманіе характеровъ, да сообщилъ ему такую художественную обработку, которая, обнаруживъ всю его поэзію, угадала и его философско-историческое значеніе. Все это было откровеніемъ для Пушкина и вырвало изъ души его то восклицаніе, которое раздается въ одномъ изъ упомянутыхъ французскихъ его писемъ: „Quel homme ce Schakspire! Je n'en reviens pas!“ Съ тѣхъ поръ Пушкинъ бросился на собираніе русскихъ пѣсенъ, пословицъ, на изученіе русской исторіи, и такъ какъ силы его находились почти въ лихорадочномъ напряженіи отъ сближенія съ Шекспиромъ, то онъ тотчасъ же и предался мысли осуществить все, имъ навѣянное и указанное, и въ теченіе одного 1825 года написалъ свою «Комедію о Царѣ Борисѣ», которой уже прощался со всѣми старыми своими направленіями и которой начиналъ совершенно новый періодъ своего развитія [1]).

Послѣ всего сказаннаго довольно трудно представить себѣ, что біографы Пушкина,—впрочемъ, со словъ самого поэта нашего, только понятыхъ ими черезчуръ узко, — заставляютъ участвовать въ развитіи Пушкина и даже направлять это развитіе няню его, Арину Родіоновну. Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя отходятъ въ область «біографическихъ предразсудковъ», о которыхъ говорили. По смыслу этого преданія выходитъ такъ, какъ будто добрая и ограниченная старушка, Арина Родіоновна, играла нѣчто въ родѣ роли безсознательнаго, мистическаго дѣятеля въ жизни своего питомца и открывала ему область народнаго творчества, благодаря своему знанію русскихъ сказокъ, пѣсенъ и преданій. Арина Родіоновна была дѣйствительно вѣрнымъ и усерднымъ посредникомъ въ ознакомленіи Пушкина съ нѣкоторыми примѣрами и мотивами народной фантазіи, но, конечно,

---

[1]) При появленіи „Бориса Годунова“ въ 1831, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ эпохи, Н. А. Полевой, не угадалъ значенія хроники. Онъ упрекалъ Пушкина за то, что рабски слѣдуя разсказу Карамзина, онъ лишилъ себя возможности дать новый смыслъ событіямъ и новое толкованіе характеровъ того времени. Но Пушкинъ искалъ совсѣмъ не разрѣшенія историческихъ загадокъ, которыя и теперь еще остаются загадками, а думалъ только о воспроизведеніи духа польской и русской національности, въ ихъ пониманіи жизни и въ ихъ историческихъ роляхъ, что́ и успѣлъ сдѣлать вполнѣ. Каждая изъ національностей выражается у него типами, обнаруживающими народный складъ мыслей, культуру, бытъ и характеръ своего отечества. О поэтической атмосферѣ, въ которой они двигаются, и говорить нечего.

не ея слабая и немощная рука указала поэту ту дорогу, на которой онъ теперь очутился: тутъ были указатели другого рода и порядка.

Свидѣтелемъ добросовѣстныхъ усилій Пушкина попробовать себя на строго-исторической почвѣ и усвоить себѣ пріемы исторической критики служатъ его «Замѣтки на Анналы Тацита», опубликованныя нашими Матеріалами въ 1855 году. Замѣчанія Пушкина на лѣтопись Тацита не всѣ попали въ изданіе его «Сочиненій» 1855 г., а потому—и въ другія. Приводимъ здѣсь, кстати, отрывки, не удостоившіеся чести появиться на свѣтъ вмѣстѣ съ другими, хотя по формѣ и содержанію они были совершенно однородны съ ними. Вотъ по порядку три начальныхъ отрывка, выброшенные при печатаніи:

I.

«Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое его злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова. Если убійство... можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа—родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни — необычайною силою, дерзостью и даже *простотою ума*. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно,—говоритъ Тацитъ,—Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно, Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его».

II.

«Когда Сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ *насмѣшливой скромностью*. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Вначалѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, кажется онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ Сенату».

III.

«Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунство. Точно ли *въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ*

собою хвалилъ онъ наружность своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи, *изъ единой-ли зависти* совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся тогда отъ—до—?».

[Затѣмъ уже 3 печатныхъ отрывка за № I, II, III должны уже значиться подъ цифрами IV, V, VI; послѣ которыхъ слѣдуютъ VII и VIII отрывки, тоже пропущенные въ изданіи 1855 г.]

VII.

«Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

«Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Готорія, который подвергается опасности быть убиту воинами. *Они* спасены просьбами Августа и Ливіи.

«Тиберій не допускаетъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія. *Не изъ зависти*, какъ думаетъ Тацитъ: онъ не увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Августомъ».

VIII.

«Первое дѣйствіе Тиберіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ—слѣдственно и совершенное уничтоженіе республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ)».

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что послѣдній отрывокъ, приведенный изданіемъ 1855 г. за № IV и заключающій анекдотъ о нѣкоемъ Вибіи Серенѣ, имѣетъ въ рукописи слѣдующее продолженіе: «Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности». По поводу того же отрывка необходимо еще прибавить, что онъ не составляетъ прямо часть Пушкинскаго разбора Тацитовской лѣтописи, а взятъ изданіемъ 1855 г., по аналогіи содержанія, изъ письма Пушкина къ Б. Дельвигу отъ 23-го іюля 1825 г. Анекдотомъ о Вибіи Серенѣ Пушкинъ намекалъ другу на собственное свое положеніе въ деревнѣ и выражалъ желаніе, чтобы къ нему примѣнили приговоръ Тиберія, который воспротивился рѣшенію сослать Серена на необитаемый островъ, говоря, что кому дарована жизнь, того не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни.

Но вотъ какъ теперь читалъ Пушкинъ вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не покидалъ ни одной изъ прежнихъ своихъ работъ. Какая-то горячечная дѣятельность овладѣла имъ въ Михайловскомъ, словно внутренній голосъ говорилъ ему, что какъ ни лживы покамѣстъ всѣ его жалобы на свои болѣзни, жизнь ему отмѣрена судьбой все-таки короткая и надо торопиться. Такъ, дописавъ «Цыганъ», создавъ своего «Бориса», онъ уже набросалъ къ 1-му января 1825 г., приблизительно, 4 главы Онѣгина, какъ видно изъ помѣтки его подъ XXIII строфой этой четвертой главы: «31-го декабря 1824 г.—1-го января 1825 г.» Да и одно ли это дѣлалъ онъ? Къ эпохѣ Михайловской жизни относятся и его превосходные переводы и выдержки изъ Алкорана. Онъ былъ до того увлеченъ гиперболической поэзіей произведенія, что почелъ за долгъ распространять имя Магомета, какъ геніальнаго художника въ литературныхъ кругахъ, и К. Ѳ. Рылѣевъ не даромъ, умоляя Пушкина покинуть рабское служеніе Байрону (подобныя мольбы раздавались еще въ 1825 г.), употребилъ въ письмѣ своемъ фразу: «хоть ради твоего любезнаго Магомета». Собственно въ этомъ выборѣ оригинала для самостоятельнаго воспроизведенія его у Пушкина была еще другая причина, кромѣ той, которую онъ выставлялъ на видъ. Алкоранъ служилъ Пушкину только знаменемъ, подъ которымъ онъ проводилъ свое собственное религіозное чувство. Оставляя въ сторонѣ законодательную часть мусульманскаго кодекса, Пушкинъ употребилъ въ дѣло только символику его и религіозный паѳосъ Востока, отвѣчавшій тѣмъ родникамъ чувства и мысли, которые существовали въ самой душѣ нашего поэта, тѣмъ еще не тронутымъ религіознымъ струнамъ его собственнаго сердца и его поэзіи, которыя могли теперь впервые свободно и безбоязненно зазвучать подъ прикрытіемъ смутнаго (для русской публики) имени Магомета. Это видно даже по своеобычнымъ прибавкамъ, которыя въ этихъ весьма свободныхъ стихотвореніяхъ нисколько не вызваны подлинникомъ. Осенью 1825 г. Пушкинъ написалъ пьесу, «19-е октября 1825 г.» (Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ),—стройное, въ высшей степени задушевное и трогательное воспоминаніе Лицея, за которое Дельвигъ благодарилъ его довольно оригинальнымъ образомъ изъ Петербурга: «За 19-е октября—писалъ онъ въ январѣ 1826 г.—благодарю тебя съ лицейскими скотами-братцами вмѣстѣ». Черезъ два мѣсяца послѣ стихотворенія разразилась катастрофа 14-го декабря 1825 г., но объ этомъ послѣ.

Въ томъ же году явились у Пушкина новыя хлопоты по первому изданію сборника своихъ стихотвореній. Онъ и прежде

думалъ объ этомъ, даже заранѣе продавалъ право на будущую книжку своихъ стихотвореній нѣсколькимъ лицамъ вдругъ, но только съ паденіемъ враждебнаго ему министерства князя А. Н. Голицына, въ 1824 году, открылась возможность приступить къ дѣлу серьёзно. Надо было воспользоваться теперь присутствіемъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Какъ еще ни относился враждебно суровый старецъ къ современной ему литературѣ, называя ее сплошь «легкомысленной», какъ много ни обманулъ онъ ожиданій относительно новыхъ цензурныхъ порядковъ, все же онъ былъ самъ литераторъ, не могъ ужасаться выраженій, въ родѣ «небесныхъ глазъ» и т. п., и понялъ бы жалобу на безграмотное и безцѣльное извращеніе смысла и стиха въ произведеніи, что́ такъ часто и развязно дѣлали люди прежней администраціи. Притомъ же извѣстно было, что онъ публично выражалъ негодованіе на тупоту и чудовищность цензурныхъ помарокъ [1]) и приводилъ невѣроятные примѣры ихъ даже оффиціально [2]). Все это заставило Пушкина стремительно ухватиться за мысль издать теперь же первое собраніе своихъ стихотвореній, такъ какъ откладывать далѣе планъ печатанія значило бы упустить счастливую минуту, которая для него настала. Раздѣлавшись кое-какъ съ прежними покупщиками стихотвореній, Пушкинъ приступилъ теперь къ изданію и съ необычайной энергіей обратился за помощью къ брату и друзьямъ въ Петербургѣ, указывалъ имъ распредѣленіе пьесъ, порядокъ,

---

[1]) На основаніи именно этихъ соображеній, Пушкинъ почтилъ А. С. Шишкова въ посланіи „Къ цензору“ великолѣпнымъ стихомъ „Сей старецъ дорогъ намъ“ и проч. и упрекалъ еще А. Бестужева, зачѣмъ онъ не упомянулъ въ своемъ „Обозрѣніи“ о счастливой перемѣнѣ въ министерствѣ, говоря: „Ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому-же, какъ не ему, обязаны нашимъ оживленіемъ?“ Это было писано въ 1824 г.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1865 г., стр. 1353. Въ своемъ голосѣ по дѣлу о профессорахъ с.-петербургскаго университета 1822 г., Шишковъ, требуя бдительной цензуры по всѣмъ отраслямъ ученой и литературной дѣятельности, говоритъ, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая (ибо *строгая не даетъ говорить ни уму, ни правдѣ*), и притомъ *разумѣющая силу языка*. Тутъ же приводитъ онъ и примѣры цензорскаго неразумія въ этомъ смыслѣ. Одинъ цензоръ въ стихѣ: „О, дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима“ — вычеркнулъ слово „серафима“. Это все равно, что не допускать къ печати выраженія: „какой ангелъ! Какой у него ангельскій нравъ!“ Другой цензоръ представилъ примѣръ, еще несравненно сего чуднѣйшій, говоритъ Шишковъ. Въ стихахъ: „Что въ мірѣ мнѣ гдѣ все на мигъ, гдѣ смерть и рокъ цари?“ цензоръ вычеркнулъ слово *рокъ*, а все остальное оставилъ по прежнему. Вышла нелѣпость и притомъ крайне неблаговидная.

которому они должны слѣдовать, присылалъ исправленія и дополненія и заботился издали даже о внѣшнемъ видѣ изданія, о типографскихъ его подробностяхъ. Первое собраніе его стихотвореній дѣйствительно и появилось въ 1826 г., но ему еще предшествовала начальная глава Онѣгина. И то и другое изданіе все еще не обошлись безъ цензурныхъ затрудненій и хлопотъ, но, по крайней мѣрѣ, они могли явиться на свѣтъ все-таки цѣльнѣе и свободнѣе, чѣмъ за годъ или полтора года тому назадъ.

Кстати, еще одно слово о перепискѣ Пушкина изъ деревни. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ уже было сказано, что она составляетъ просто литературную драгоцѣнность, объясняя отношенія писателей той эпохи между собою и вопросы ихъ занимавшіе. Но у ней есть и еще одно достоинство: она рисуетъ намъ самый образъ Пушкина въ изящномъ, нравственно-привлекательномъ видѣ. Тому, конечно, много способствуетъ ея языкъ: это постоянно одинъ и тотъ же блескъ молодого, свѣжаго, живого и замѣчательно основательнаго ума, проявляющійся въ безчисленныхъ оттѣнкахъ выраженія. О главныхъ мотивахъ, которые она разработываетъ, мы уже говорили прежде. Существенную ея часть, какъ извѣстно, составляютъ пренія съ А. Бестужевымъ по поводу его «взглядовъ» на литературу, изложенныхъ въ «Поляр. Звѣздахъ». Но и кромѣ своего содержанія переписка эта еще крайне поучительна въ другомъ смыслѣ: въ ней нѣтъ ни малѣйшаго признака какого-либо напряженія, не чувствуется ни малѣйшей капли того отшельническаго яда, который обыкновенно накопляется въ душѣ гонимыхъ или оскорбляемыхъ людей; напротивъ, всѣ письма свѣтлы, благородны, доброжелательны, даже когда Пушкинъ сердится или выговариваетъ друзьямъ и брату за ихъ вины передъ нимъ или передъ публикой. Богиня добродушнаго веселья была ему знакома, конечно, не менѣе другой воспѣтой имъ богини, своей музы. Онѣ обѣ посѣщали его даже въ минуты горя, тревогъ и сомнѣній. Дѣйствіе переписки на читателя неотразимо, какое бы мнѣніе ни составилъ онъ заранѣе о характерѣ ея автора: необычайная, безъискусственная простота всѣхъ чувствъ, замѣчательная деликатность, смѣемъ такъ выразиться, сердца, при оригинальности самихъ поворотовъ мысли и всѣхъ сужденій, приковываютъ читателя къ этой перепискѣ невольно и выносятъ передъ нимъ обликъ Пушкина въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ.

Занятія Пушкина въ деревнѣ еще не ограничивались созданіемъ образцовыхъ произведеній, обширнымъ чтеніемъ, сборомъ

этнографическихъ матеріаловъ и перепиской съ друзьями. Онъ тогда же началъ составлять записки своей жизни, употребляя для этого, какъ увѣдомлялъ брата въ октябрѣ 1824, свое до-обѣденное время и подтверждая ему еще разъ въ ноябрѣ, что продолжаетъ свои «Записки». Такъ шло дѣло до декабря 1825 г.; но отъ этого годичнаго безпрерывнаго труда осталось только нѣсколько отрывковъ, да довольно значительное количество сырыхъ, необработанныхъ матеріаловъ. Пушкинъ уничтожилъ всю свою работу въ 1825 г., какъ самъ говоритъ въ пропущенномъ мѣстѣ своихъ печатныхъ «Записокъ», составляющихъ бѣдный, уцѣлѣвшій ихъ обломокъ. «Въ концѣ 1825 года, говоритъ онъ тамъ, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь записки». Затѣмъ онъ уже нѣсколько разъ возвращался къ идеѣ начать вновь лѣтописи своего времени, а именно въ 1831 году, когда жилъ въ Царскомъ Селѣ — въ эту тяжелую для Россіи годину польскаго бунта и повсемѣстной холеры, и вторично, въ 1833 году, когда онъ уже находился въ центрѣ и круговоротѣ петербургскаго большого свѣта. Оба раза дѣло ограничилось немногими замѣтками: бо́льшая часть тѣхъ, которыя принадлежатъ къ первой изъ этихъ попытокъ, сообщена была нами въ 1859 году извѣстному библіографу Е. Я., вмѣстѣ съ другими выдержками изъ бумагъ Пушкина, который и напечаталъ документы эти съ собственными своими объясненіями въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 года, № 5 и 6. О второй попыткѣ возобновленія «Записокъ» мы можемъ только сказать, на основаніи вѣрныхъ источниковъ, что Пушкинъ велъ журналъ или дневникъ семейныхъ и городскихъ происшествій съ ноября 1833 по февраль 1835 г. Мы позволяемъ себѣ думать также, что не даромъ Пушкинъ сберегалъ въ своихъ бумагахъ и записныхъ тетрадяхъ такой богатый автобіографическій матеріалъ, такую громаду писемъ, замѣтокъ, документовъ всякаго рода и проч.

Пушкинъ не отступалъ до самой смерти своей отъ намѣренія представить картину того міра, въ которомъ жилъ и вращался, и потому сохранялъ тщательно всѣ, даже незначительные, источники для будущаго своего труда; но трудъ, разрушенный въ самомъ началѣ, такъ сказать, при положеніи первыхъ камней, уже не давался ему болѣе въ руки. Не трудно понять, какой памятникъ оставилъ бы послѣ себя поэтъ нашъ, если бы успѣлъ извлечь изъ своего архива матеріаловъ полныя, цѣльныя записки своей жизни; но и въ уничтоженіи той части ихъ, которая была уже составлена имъ въ 1825 г., русская литература понесла не-

вознаградимую утрату. При геніальномъ способѣ Пушкина передавать выраженіе лицъ и физіономію событій немногими родовыми ихъ чертами, и проводить эти черты глубокимъ неизгладимымъ рѣзцомъ — публика имѣла бы такую картину одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, которая, можетъ быть, помогла бы уразумѣнію нашей домашней исторіи начала столѣтія лучше многихъ трактатовъ о ней. Если Томасъ Муръ говорилъ объ уничтоженныхъ имъ «Запискахъ Байрона», что по жгучести и занимательности содержанія онѣ дали бы много безсонныхъ ночей образованнымъ людямъ всей Европы и склонили бы много головъ къ своимъ страницамъ — то подобную же роль, вѣроятно, играли бы у насъ и цѣльныя «Записки» Пушкина, если бы существовали. Выразивъ это сожалѣніе, мы уже спѣшимъ къ тому, что̀ осталось отъ поэта, а осталось, къ счастію, довольно много для уразумѣнія этого многообразнаго и въ высшей степени замѣчательнаго типа.

Такъ работалъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Между тѣмъ жизнь со всѣми своими заботами, планами и волненіями текла обычной чередой. Въ октябрѣ 1825 г. собралось снова общество въ Тригорскомъ и возобновились прежнія сношенія между его населеніемъ и отшельникомъ Михайловскаго. Казалось, все такъ будетъ идти, какъ шло доселѣ, и эта мысль, какъ знаемъ, не давала покоя Пушкину; но въ концѣ слѣдующаго ноября получено было внезапно извѣстіе о кончинѣ императора Александра I-го. Вслѣдъ за этой вѣстію получена была на берегахъ Сороти еще другая и столь же важная вѣсть, которая уже непосредственно связывалась со всѣми долгими думами Пушкина о своемъ освобожденіи. Ему показалось, на первыхъ порахъ, что освобожденіе это является къ нему негаданно-нежданно съ такой стороны, откуда онъ всего менѣе предвидѣлъ его появленіе.

Вотъ какъ передаетъ М. И. Семевскій, въ своихъ описаніяхъ Тригорскаго, со словъ М. И. Осиповой—еще ребенка въ 1825 г.—впечатлѣніе, произведенное на Пушкина извѣстіемъ о 14 декабрѣ 1825 г.

Пушкинъ находился въ Тригорскомъ, когда дворовый человѣкъ владѣлицы, посланный съ коммиссіями въ Петербургъ, возвернулся отгуда съ извѣстіемъ, что тамъ бунтъ, дороги перехвачены войсками и онъ самъ едва пробрался между ними на почтовыхъ. Пушкинъ страшно поблѣднѣлъ, услыхавъ новость, досидѣлъ кое-какъ вечеръ и уѣхалъ въ Михайловское.

Можно себѣ представить мысли, которыя должны были волновать его въ эту ночь. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что главной

и господствующей изъ нихъ была мысль, что онъ долженъ самолично встрѣтить политическій переворотъ, дарящій ему такъ внезапно полную свободу, и принять участіе, по крайней мѣрѣ, въ его дальнѣйшей судьбѣ, если уже онъ не могъ участвовать въ его подготовленіи. Ему казалось совершенно необходимымъ явиться поскорѣе въ среду новыхъ людей, конечно, нуждающихся теперь въ пособникахъ и совѣтникахъ... Какъ бы то ни было, но ранним утромъ слѣдующаго дня Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Михайловскаго по направленію къ Петербургу, а потомъ, не доѣхавъ до первой станціи, вернулся обратно въ деревню. Что же такое случилось? Преданіе говоритъ, согласно увѣреніямъ самого поэта, что рѣшимость его поколебалась, благодаря дурнымъ примѣтамъ, въ которыя онъ вѣровалъ. При выѣздѣ изъ Михайловскаго именно, онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ, когда онъ выбрался въ поле, какой-то зловѣщій заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу. Поэтическое изъясненіе! Но примѣты примѣтами, а извѣстная осмотрительность Пушкина, наступавшая у него по-часту тотчасъ же за первымъ увлеченіемъ, играла тутъ тоже немаловажную роль. Она-то, вѣроятно, и повернула его назадъ, внушивъ ему мысль подождать болѣе подробныхъ извѣстій объ исходѣ петербургскаго дѣла. Извѣстія не замедлили явиться и были такого свойства и содержанія, что Пушкинъ на время замолкъ и притихъ въ Михайловскомъ.

Серьёзная сторона петербургскаго дѣла многихъ поразила изумленіемъ. Не одинъ Пушкинъ думалъ тогда, что все броженіе умовъ и всѣ затѣи тайныхъ обществъ принадлежатъ къ числу обычныхъ элементовъ образованной жизни, которую они украшаютъ, сообщая ей движеніе, занимательность и разнообразіе. Самыя предполагаемыя цѣли этого броженія должны были осуществиться, по мнѣнію многихъ дилеттантовъ заговора, легко, сами собою, съ теченіемъ времени, не очень нарушая ходъ жизни и не разбивая въ прахъ тысячи отдѣльныхъ существованій. Но когда долгое волненіе разрѣшилось явнымъ возстаніемъ, и когда вслѣдъ за нимъ унесено было цѣликомъ отъ современниковъ почти все молодое ихъ поколѣніе, Пушкинъ естественно пришелъ въ ужасъ. Не говоря уже о томъ, что онъ бросилъ въ огонь свои «Записки», какъ знаемъ, но онъ понизилъ голосъ и, не измѣняясь внутренно, ибо далеко уже не былъ прежнимъ революціонеромъ, сталъ искать тоновъ и мотивовъ рѣчи наиболѣе подходящихъ къ духу и настроенію времени: «Милый баронъ! писалъ онъ Дельвигу, услыхавъ о начавшихся арестахъ и о разборѣ преступниковъ, вы о мнѣ безпокоитесь и напрас-

но. Я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь — и дай Богъ, чтобъ было понапрасну! Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ [1]). Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. Прощай, мой милый другъ». Много лицъ и семействъ писали тогда на Руси подобныя письма и задавали такіе же безпокойные вопросы своимъ знакомымъ. Вопросъ Пушкина имѣетъ еще и то значеніе для насъ, что показываетъ, какъ первой мыслію поэта, послѣ извѣстія о петербургскомъ погромѣ, была старая знакомая ему «*Каменка*» и ея общество. Къ счастію, ни одинъ изъ Раевскихъ не былъ причастенъ заговору, но много другихъ членовъ ихъ семейства, какъ сказали уже, подпали слѣдствію и осужденію. Между тѣмъ, кругъ арестовъ все болѣе и болѣе расширялся, захватывая большинство его знакомыхъ. Каждый день приносилъ извѣстія, часто самыя неожиданныя, объ арестованіи лицъ, всего менѣе подозрѣвавшихся кѣмъ-либо въ дерзкихъ замыслахъ противъ государства. Мало-по-малу вокругъ Пушкина начинало образоваться нѣчто похожее на пустоту, которая является въ средѣ товарищей послѣ какаго дѣла. Нѣсколько разрозненныхъ и чудомъ уцѣлѣвшихъ личностей поглощено было теперь мыслію о спасеніи самихъ себя въ общемъ крушеніи ихъ дружины. То же приходилось теперь дѣлать и Пушкину. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что единственный способъ выйти на свободу, которой Пушкинъ такъ страстно домогался, состоялъ въ томъ, чтобъ обратиться за нею къ новому правительству, не имѣвшему такихъ поводовъ серчиться и преслѣдовать его, какъ прежнее. Пушкинъ не былъ виновенъ передъ нимъ ни въ какомъ посягательствѣ на его права, ни въ какомъ сопротивленіи его намѣреніямъ, и ждалъ только, чтобы благопріятное политическое состояніе страны, обрисовавшись вполнѣ, позволило новой власти снисходительнѣе смотрѣть на ошибки и проступки прошлаго времени. Въ началѣ 1826 года, Пушкинъ уже пишетъ Дельвигу слѣдующее любопытное письмо, видимо составленное и начисто перебѣленное такъ, чтобы можно было его показать и постороннему лицу, которое приняло бы къ сердцу его содержаніе. Вотъ оно: «Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю; переписка моя отовсюду прекратилася, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и на-

[1]) Арестованъ былъ братъ его, Ник. Ник. Раевскій, но и онъ, послѣ откровеннаго объясненія своихъ отношеній къ заговору, вскорѣ былъ освобожденъ.

говорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особливо нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6-ть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я, конечно, не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ; но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущенія, ни революціи. Напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. И если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на это есть особая причина. Какъ-бы то ни было, я желалъ бы *вполнѣ* и *искренно* [1]) помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодаго нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни, какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай, душа моя».

Вотъ при какихъ случаяхъ Шекспиръ являлся Пушкину, какъ мы сказали, прибѣжищемъ для мысли и опорой, на которой она могла остановиться и собраться съ силами.

Дельвигъ, Жуковскій, родные и многочисленные благожелатели поэта не оставили указаній Пушкина безъ вниманія. Мысль о возможности добыть поэту столь желанную свободу легальнымъ путемъ стала между ними общимъ вѣрованіемъ и непоколебимой надеждой. Прошло, однако же, добрыхъ семь или восемь мѣсяцевъ, прежде чѣмъ освобожденіе явилось къ Пушкину и притомъ въ особенной, совсѣмъ неожиданной формѣ. Изъ Петербурга сообщены были Пушкину тѣ правильные, формальные пути, которые ведутъ къ нему и уклоненіе отъ которыхъ можетъ поставить на карту все предпріятіе. Пушкинъ исполнилъ программу друзей въ точности.

Когда наступила надлежащая минута, Александръ Сергѣевичъ представилъ псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адеркасу прошеніе на Высочайшее имя, все писанное имъ собственной рукой (на простой бумагѣ) и буквально гласившее такъ:

---

[1]) Слова подчеркнуты авторомъ.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно Аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ) рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою:

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ или въ чужіе краи.

Всемилостивѣйшій Государь
Ваше Императорское Величество

вѣрноподданный
Александръ Пушкинъ».

Къ прошенію были приложены два документа, изъ коихъ одинъ, тоже писанный рукой Пушкина, содержалъ обязательство: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ подъ какимъ-бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и *никогда не зналъ о нихъ*. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 1-го мая 1826 года».

Второй документъ былъ формальное медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы, на 3-хъ-рублевомъ гербовомъ листѣ, отъ 19 іюля 1826 года и за № 426 [1]). Въ этомъ свидѣтельствѣ ученая коллегія гор. Пскова говорила, что, по предложенію гражданскаго губернатора за № 5497, ею освидѣтельство-

[1]) Всего вѣроятнѣе, что освидѣтельствованіе Пушкина врачами происходило тогда въ маѣ 1826 г. и только свидѣтельство управы о томъ запоздало однимъ мѣсяцемъ.

ванъ былъ коллежскій секретарь А. С. Пушкинъ и «оказалось, что онъ дѣйствительно имѣетъ на нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности на правой голени повсемѣстное расширеніе крововозвратныхъ жилъ (Varicositas totius cruris dextri), отъ чего г. коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи вообще» [1]).

Пустивъ, такимъ образомъ, въ ходъ правильно оформованную просьбу, Пушкинъ предоставилъ судьбѣ довершить остальное; но уже одна рѣшимость его на этотъ шагъ имѣла вѣроятно необычайное значеніе въ глазахъ его друзей и покровителей, ибо внушала имъ самыя розовыя надежды. Дельвигъ, напримѣръ, узнавъ, что Пушкинъ составилъ просьбу, пророчески писалъ уже, отъ 1 іюня 1826 г., въ Тригорское къ г-жѣ Осиповой: «Пушкина вѣрно пустятъ на всѣ четыре стороны, но надо сперва кончиться суду». Дѣйствительно, до окончанія суда надъ декабристами не возможно было ожидать никакого рода амнистій, которыя, по слухамъ, должны были состояться только въ день коронованія покойнаго Государя. Можно полагать, что къ этому свѣтлому и радостному дню торжества и помилованія Пушкинъ старался пригнать и свою просьбу.

Несмотря, однако-же, на философское созерцаніе дѣлъ, усвоенное Пушкинымъ, онъ болѣзненно вздрогнулъ, когда страшный мечъ правосудія упалъ на голову пяти заговорщиковъ въ Петербургѣ. Спустя 11 дней послѣ казни ихъ, Пушкинъ дѣлаетъ замѣтку на одномъ стихотвореніи: «Услыхалъ о смерти Р. П. М. К. Б.—24» (іюля), а въ другомъ мѣстѣ эти же иниціалы сопровождаются припиской: «видѣлъ во снѣ». Но трагедія и должна была кончиться трагически.

Между тѣмъ, лѣто 1826 г. сдѣлалось для обитателей Тригорскаго и Зуева (Михайловское) непрерывнымъ рядомъ праздниковъ, гуляній, шумныхъ бесѣдъ, поэтическихъ и дружескихъ изліяній, благодаря тому, что въ средѣ ихъ находился Н. М. Языковъ, привезенный, наконецъ, изъ Дерпта А. Н. Вульфомъ. Болѣе двухъ лѣтъ его звали и ожидали въ Михайловскомъ, и только въ 1826 г. онъ сдался на просьбы Пушкина и приглашенія Прасковьи Осиповны. Языковъ исполненъ былъ почти религіознаго благоговѣйнаго чувства къ нашему поэту, для котораго не находилъ достаточно пѣсенъ и восторговъ на своей ли-

---

[1]) По числу, которымъ помѣченъ этотъ документъ, можно заключить, что и просьба на Высочайшее имя пошла тоже въ іюлѣ, хотя, какъ мы думаемъ, составлена опять Пушкинымъ въ маѣ мѣсяцѣ. Наша копія съ нея не имѣетъ числовой помѣтки.

рѣ—и оно понятно. Соединеніе въ одномъ лицѣ простоты обращенія съ даромъ угадывать людей и цѣнить ихъ вѣрно по душевнымъ признакамъ, полное отсутствіе чего-либо похожаго на мелочное тщеславіе при постоянныхъ проблескахъ геніальнаго галанта и ума—все это должно было поразить воображеніе пылкаго, еще не установившагося студента, котораго жизнь и поэзія слагались преимущественно изъ однихъ порывовъ. Пушкинъ чрезвычайно высоко цѣнилъ поэтическій даръ Языкова. Онъ былъ прельщенъ виртуозностью, такъ сказать, его стиха, ни у кого не достигавшаго, ни прежде, ни послѣ, такихъ мастерскихъ, поражающихъ и ослѣпляющихъ оборотовъ, хотя запасъ поэтическихъ мотивовъ былъ у него крайне однообразенъ и скуденъ. Двѣ эти противоположныя натуры сошлись на почвѣ Тригорскаго и Зуева весьма близко, и такъ очаровательны были берега Сороти, сѣни и рощи обоихъ селеній въ прекрасное лѣто 1826 года, такъ граціозно и весело встрѣчало друзей молодое женское населеніе перваго, такъ вдохновенны и поэтичны были ночи и долгіе дни, проведенные ими вмѣстѣ, что Языковъ до гроба считалъ эту эпоху своей жизни лучшимъ ея мгновеніемъ.

Покуда друзья наслаждались въ Опочецкомъ уѣздѣ, дѣло Пушкина шло своимъ порядкомъ. Псковской гражданскій губернаторъ баронъ фонъ-Адеркасъ препроводилъ просьбу его къ остляндскому генералъ-губернатору, маркизу Паулуччи, въ вѣдѣніи котораго состояла и Псковская губернія, присоединенная въ прошлое царствованіе къ его генералъ-губернаторству, изъ видовъ распространенія на нее благодѣяній крестьянскаго освобожденія, не совершившагося однако-же, даже и на извѣстный балтійскій манеръ. Въ бумагахъ Пушкина, очень хорошо узнавшаго впослѣдствіи, повидимому, всѣ мѣры и соображенія, къ которымъ онъ подавалъ поводъ, находится копія съ оффиціальнаго письма маркиза Паулуччи къ графу К. В. Нессельроде отъ 30-го іюля 1826 г. и за № 922. Извѣщая гр. Нессельроде о полученіи просьбы А. С. Пушкина съ извѣстными приложеніями, маркизъ Паулуччи прибавляетъ отъ себя слѣдующее: «Усматривая изъ представленныхъ ко мнѣ вѣдомостей о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, проживающихъ во ввѣренныхъ главному управленію моему губерніяхъ, что помянутый Пушкинъ ведетъ себя хорошо, я побуждаюсь въ уваженіе приносимаго имъ раскаянія и *обязательства никогда не противорѣчить своимъ мнѣніемъ общепринятому порядку*, препроводить при семъ означенное прошеніе съ приложеніями къ вашему сіятельству, покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, прося по-

вергнуть оное на всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, полагая *мнѣніемъ не позволять Пушкину выѣзда за-границу*, и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомлѣніемъ» [1]).

Благопріятный отзывъ маркиза Паулуччи доказываетъ, во-первыхъ, что псковское губернское начальство, надзору котораго былъ порученъ нашъ поэтъ, исполняло свои обязанности весьма гуманно, а во-вторыхъ, что къ его честному образу дѣйствій и свидѣтельству присоединилось, можетъ быть, еще и вліяніе такихъ людей, какъ докторъ Мойеръ, Жуковскій и другіе. Впрочемъ, благопріятный отзывъ о настроеніи и поведеніи сосланнаго могъ быть полученъ еще и съ другой стороны. По многимъ признакамъ можно заключить, что Пушкину не безъизвѣстно было о посылкѣ изъ Петербурга особеннаго агента, еще въ началѣ 1826 г., и задолго до вышеприведенной просьбы, съ порученіемъ объѣхать нѣсколько западныхъ губерній для узнанія мѣстныхъ злоупотребленій и при проѣздѣ черезъ Псковъ собрать точныя и положительныя свѣдѣнія о самомъ поэтѣ, что, по связямъ послѣдняго со многими декабристами, было тогда мѣрой, входившей въ общій порядокъ начатаго слѣдствія надъ заговорщиками. Вѣроятно, указанія агента не противорѣчили тому, что говорилъ самъ Пушкинъ о себѣ и, такимъ образомъ, двойное свидѣтельство правительственныхъ лицъ, удовлетворивъ всѣ требованія осторожности, порѣшило участь нашего плѣнника.

Прошеніе Пушкина лежало безъ движенія въ Москвѣ, куда переѣхалъ дворъ, до дня коронованія. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого событія, именно 28-го августа, состоялась резолюція, записанная начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., барономъ Дибичемъ, такъ: «Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ псковскому гражданскому губернатору. 28-е августа». Въ псковскомъ губернскомъ архивѣ и въ бумагахъ Пушкина сохранилось отношеніе генерала Дибича къ начальнику губерніи отъ 31-го августа, № 1432, въ которомъ генералъ, повторяя буквально слова резолюціи, прибавляетъ только: «по прибытіи-же въ Москву имѣетъ (Пушкинъ) явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба Его Император-

---

[1]) Мы нашли подчеркнутыя нами слова такими-же подчеркнутыми и въ бумагѣ, но не знаемъ, кѣмъ сдѣланы были эти отмѣтки.

скаго Величества» [1]). Въ томъ же архивѣ существуетъ и отвѣтъ начальника губерніи барона фонъ-Адеркаса генералу барону Дибичу отъ 4-го сентября 1826 г., № 188, изъ котораго оказывается, что вечеромъ того же 4-го числа, сентября мѣсяца, Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Пскова, согласно предписанію. Быстрота исполненія, по истинѣ, изумляющая. Потребовалось только 4 дня на проѣздъ 700 верстъ фельдъегерю изъ Москвы до Пскова по нешоссейной дорогѣ, на посылку оттуда за Пушкинымъ въ Михайловское, на провозъ его въ губернскій городъ, по скверному проселку, безъ лошадей и, наконецъ, на отправленіе его по назначенію.

Естественно, что актъ помилованія, налетѣвшій на поэта съ такой неожиданностію и быстротою, долженъ былъ поразить ужасомъ и недоумѣніемъ всѣ сердца въ Михайловскомъ и Тригорскомъ, какъ нѣсколько позднѣе поразилъ онъ и родныхъ Александра Сергѣевича, въ Петербургѣ. Всѣмъ имъ показалось, что поэтъ исчезалъ изъ среды живыхъ людей въ то время, когда онъ возвращался въ ихъ среду. Г. Семевскій, въ своихъ разсказахъ о Тригорскомъ (Спб. Вѣдомости 1866 г., № 139—168), приводитъ довольно любопытную черту изъ этого эпизода, характеризующаго эпоху.

Одна изъ нынѣшнихъ обитательницъ Тригорскаго, о которой уже упоминали, разсказывала ему, что 1-го или 2-го сентября (должно быть 3-го сентября), Пушкинъ много и весело гулялъ у нихъ и часу въ 11-мъ вечера отправился домой, въ Михайловское, провожаемый до дороги, по обыкновенію, молодымъ женскимъ поколѣніемъ семьи. На другой день оно было разбужено еще до разсвѣта прибытіемъ въ Тригорское няни Пушкина, Арины Родіоновны, съ поразительнымъ извѣстіемъ. Какой-то человѣкъ, не то солдатъ, не то офицеръ (это былъ посланный Адеркаса), наскакавшій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собой Пушкина тотчасъ, какъ онъ явился домой и притомъ такъ заторопилъ его, что Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только

---

[1]) Вотъ копія съ этой бумаги начальника главнаго штаба: „*Секретно.* Господину псковскому гражданскому губернатору.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, послѣдовавшему по всеподданнѣйшей просьбѣ, прошу покорнѣйше ваше превосходительство, находящемуся воввѣренной вамъ губерніи чиновнику 10-го класса, Александру Пушкину, позволить отправиться сюда при посылаемомъ вмѣстѣ съ симъ нарочнымъ фельдъегеремъ. Г. Пушкинъ можетъ ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, не въ видѣ арестанта, но въ сопровожденіи только фельдъегеря; по прибытіи-же въ Москву имѣетъ явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба Его Императорскаго Величества“.

накинуть на себя шинель и захватить деньги. Посланный ничего не осматривалъ въ деревнѣ, ничего не ворошилъ, нигдѣ не рылся. «По отъѣздѣ его съ бариномъ, говорила няня, *я уже сама кой-что уничтожила*».— «Что такое?» — «Да вотъ этотъ сыръ проклятый, отъ котораго такъ скверно пахнетъ...» [1]). Посланный губернатора Ф. Адеркаса привезъ Пушкину слѣдующее письмо:

«Милостивый государь мой, Александръ Сергѣевичъ!

«Сейчасъ получилъ я прямо изъ Москвы съ нарочнымъ фельдъегеремъ высочайшее разрѣшеніе, по всеподданнѣйшему прошенію вашему, съ коего (sic!) копію при семъ прилагаю. Я не отправляю къ вамъ фельдъегеря, который остается здѣсь до прибытія вашего. Прошу васъ поспѣшить пріѣхать сюда и прибыть ко мнѣ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю, м. г. моего, покорнѣйшій слуга Б. Ф. Адеркасъ, 3-го сентября 1826 г. Псковъ».

Въ Псковѣ ожидало еще Пушкина любезнѣйшее письмо отъ барона Дибича, которое не только успокоило его относительно своей участи, но, какъ говорилъ самъ поэтъ, могло бы поселить въ немъ очень высокое мнѣніе о себѣ, если бы онъ былъ самолюбивъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этого письма. Путь до Москвы совершенъ былъ имъ уже сравнительно не съ такой молніеобразной скоростію, съ какой дѣлалъ его фельдъегерь въ одиночку. Они употребили на него всего 4 дня, и если принять въ соображеніе, что оффиціальный спутникъ поэта уже второй разъ летѣлъ безъ сна нѣсколько ночей по кочкамъ и рытвинамъ, то физическій закалъ людей его рода долженъ показаться дѣйствительно богатырскимъ. Фельдъегеря звали Вальшемъ.

8-го сентября они прибыли въ Москву прямо въ канцелярію дежурнаго генерала, которымъ былъ тогда генералъ Потаповъ, и послѣдній, оставивъ Пушкина при дежурствѣ, тотчасъ же извѣстилъ о его прибытіи начальника главнаго штаба, барона Дибича. Распоряженіе послѣдняго, сдѣланное на самой запискѣ дежурнаго генерала и показанное Пушкину, гласило слѣдующее:

---

[1]) Что М. И. Семевскій разсказываетъ далѣе о причинахъ этого увоза, будто связаннаго отчасти съ открытіемъ рукописнаго стихотворенія Пушкина „Андрей Шенье“, не имѣетъ основанія, такъ какъ исторія о распространеніи въ рукописяхъ „Андрея Шенье“ до появленія его въ печати и съ примѣчаніями самихъ переписчиковъ началось въ сентябрѣ 1826 г., когда Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ. Эта исторія составляетъ совсѣмъ особое дѣло отъ привоза поэта и разыгралась довольно сильно, въ 1828 году, кончившись въ этомъ же году довольно благопріятнымъ образомъ для Пушкина.

«Нужное, 8-го сентября. Высочайше повелѣно, чтобы вы привезли его въ Чудовъ дворецъ, въ мои комнаты, къ 4 часамъ пополудни».

Чудовъ или николаевскій дворецъ занимало тогда августѣйшее семейство и самъ государь императоръ, которому Пушкинъ и былъ тотчасъ же представленъ, въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ, не совсѣмъ обогрѣвшійся, усталый и кажется даже не совсѣмъ здоровый. Можно полагать, что покойный государь читалъ произведенія Пушкина еще будучи великимъ княземъ и находился, какъ вся грамотная тогдашняя Россія, подъ вліяніемъ его поэтическаго таланта. По крайней мѣрѣ этой чертой всего легче объясняется родъ ласки и нескрываемой нѣжности, какую онъ всегда выказывалъ по отношенію къ Пушкину, не измѣняя, конечно, своихъ строгихъ требованій порядка и подчиненности для него и часто сдерживая его порывы. Покойному государю угодно было однажды и разсказать нѣкоторыя подробности своего перваго свиданія съ Пушкинымъ, переданныя намъ М. А. Корфомъ, имѣвшимъ счастіе ихъ слышать. Государь, между прочимъ, спросилъ Пушкина, гдѣ бы онъ былъ 14-го декабря, если-бы находился въ Петербургѣ? Пушкинъ отвѣчалъ, не колеблясь: «въ рядахъ мятежниковъ, государь!» Можетъ быть, эта искренность и простота отвѣта, разоблачавшія прямой характеръ поэта, и были причиной высокой довѣренности къ честному слову Пушкина, какую возымѣлъ государь. Онъ потребовалъ у него взамѣнъ свободы и забвенія всего прошлаго—только честнаго слова, что сдержитъ обязательства, высказанныя въ подпискѣ. Затѣмъ государь выразилъ намѣреніе занять Пушкина серьёзными трудами, достойными его великаго таланта, и объявилъ, что для успѣшнаго продолженія его литературной дѣятельности, обѣщающей принести славу Россіи, онъ самъ беретъ на себя званіе цензора его произведеній. Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ необычайно-милостиваго пріема и прямо изъ дворца явился, какъ мы слышали, въ домъ изумленнаго своего дяди, Василія Львовича Пушкина. Затѣмъ, онъ перебрался на житье къ пріятелю П. А. Соболевскому, на «Собачью площадку», и все дѣло о внезапномъ его переселеніи въ Москву кончилось извѣщеніемъ псковскаго губернатора (21-го ноября), что «по распоряженію г. начальника главнаго штаба его императорскаго величества вытребованный изъ Пскова чиновникъ 10-го класса, Александръ Пушкинъ, оставленъ въ Москвѣ» [1]).

---

[1]) Прибѣгаемъ снова къ примѣчанію по поводу одной новѣйшей публикаціи, именно сборника „Девятнадцатый Вѣкъ“ изд. Бартенева, 1872 г., который со-

Между тѣмъ, вѣсть объ освобожденіи Пушкина и о милостивой аудіенціи, полученной имъ у Государя, быстро разнеслась по Москвѣ и надо прибавить, что въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно образованной.

Остановимся здѣсь и, въ заключеніе, подведемъ итоги всему, что́ было пріобрѣтено и пережито Пушкинымъ въ этотъ совершенно отдѣльный и законченный періодъ его жизни, который мы старались здѣсь представить. При концѣ его Пушкину было уже 27 лѣтъ, и весь пылъ молодости, политическихъ увлеченій, слѣпыхъ пристрастій къ словамъ и представленіямъ извѣстнаго рода,

---

держитъ въ себѣ, между прочимъ, любопытный документъ—записку Пушкина о народномъ образованіи, представленную императору Николаю Павловичу. Документъ этотъ напечатанъ совершенно согласно съ черновымъ его оригиналомъ, какой находился въ нашихъ рукахъ, но снабженъ примѣчаніемъ П. Бартенева, которое мало способствуетъ къ разъясненію его происхожденія и смысла. Мы не хотѣли говорить объ этой запискѣ Пушкина, потому что разборъ ея переступилъ бы за границы той задачи, которую себѣ положили—представить поэта въ первый, *Александровскій* періодъ его развитія; но такъ какъ она теперь опубликована г. Бартеневымъ, то уже не можемъ не сказать о ней нѣсколькихъ словъ. Сообщеніемъ записки Пушкина, почтенный издатель „XIX-го вѣка“ увеличилъ права свои на благодарность нашей публики, которая ему обязана такой любопытной коллекціей матеріаловъ для новѣйшей исторіи Россіи; но примѣчаніе г. П. Б. показываетъ еще разъ образецъ изворотливаго отношенія къ предмету, о которомъ авторъ не имѣетъ сказать ничего серьёзнаго. Кому не придетъ въ голову, что вмѣсто ссылокъ на стихотворенія Пушкина для уясненія записки и *предположеній* о томъ или другомъ образѣ его мыслей, автору примѣчанія слѣдовало бы обратить вниманіе на самое выдающееся, рельефное мѣсто Пушкинскаго документа, то именно, гдѣ поэтъ призываетъ строжайшую кару правительства на переписчиковъ и распространителей возмутительныхъ рукописей (стр. 213, „XIX-го вѣка“). Въ устахъ человѣка, который самъ былъ еще недавно распространителемъ такихъ „рукописей“ и котораго обвиняли въ томъ же и теперь, рѣчь эта, конечно, заслуживала бы, если не оправдательныхъ словъ отъ біографа, то, по-крайней мѣрѣ, такихъ, которыя помогли бы читателю уразумѣть причины и поводы ихъ появленія. А между тѣмъ, г. П. Б. оставилъ личность поэта, со всѣми своими намеками на его стихотворенія, совершенно открытой и ничѣмъ не защищенной. Дѣло въ томъ, что упомянутое мѣсто связывается съ біографическимъ фактомъ. Въ сентябрѣ того же 1826 года, открыта была, какъ уже говорили, у одного кандидата харьковскаго университета, г. Леопольдова, и у двухъ офицеровъ гг. Молчанова и Алексѣева, полная рукопись „Андрей Шенье“ безъ цензурныхъ пропусковъ и съ примѣчаніемъ переписчиковъ, что эта пьеса Пушкина написана по поводу 14-го декабря и имѣетъ въ виду извѣстнаго декабриста В. Кюхельбекера. Естественно, что подозрѣніе въ первомъ распространеніи списка пало (и совершенно несправедливо) на автора пьесы. Пушкинъ, только-что успѣвшій освободиться отъ ссылки и уцѣлѣть отъ погрома, разсѣявшаго революціонную партію, къ которой стоялъ такъ близко, пришелъ въ ужасъ при мысли попасть снова въ ссылку, и на этотъ разъ уже безъ

остался у него позади. Умственное и нравственное его воспита-
ніе еще не кончилось, да оно въ сущности никогда и не кон-
чается для развитыхъ людей, но найдены были основы для мы-
сли, съ которыхъ Пушкинъ уже болѣе не сходилъ. Между
бѣдностію его умственнаго міра въ Петербургскій періодъ су-
ществованія и тѣмъ нравственнымъ содержаніемъ, которымъ онъ
владѣлъ при появленіи въ Москвѣ, въ 1826 г. лежала цѣлая
пропасть. Въ короткій промежутокъ 5—6 лѣтъ, развиваясь не-
обычайно быстро, онъ переходилъ постепенно отъ безсознательной
роли великосвѣтскаго радикала, которую игралъ въ Петербургѣ,
къ отчаянному протесту личности, ничего не признающей, кромѣ
самой себя, къ неистовому байронизму, которымъ заражень былъ

всякаго блеска, какъ простой нарушитель цензурныхъ и полицейскихъ правилъ. Отсюда, для отвода всякихъ подозрѣній отъ себя, и требованія „Записки“ относительно строгихъ мѣръ противъ пропагандистовъ неблаговидныхъ сочиненій; но уловка все-таки не удалась, потому что Пушкинъ принужденъ былъ впослѣдствіи прямо отвѣчать на запросы гражданскаго суда, которому передано было дѣло,—какъ настоящій подсудимый. Къ сожалѣнію, мы еще не можемъ кончить на этомъ съ любопытнымъ примѣчаніемъ г. П. Бартенева. Онъ находитъ далѣе, что отвѣтъ гр. Бенкендорфа на записку Пушкина, приведенный нами вкратцѣ въ „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина“ 1855—мало отвѣчаетъ сущности Пушкинскаго трактата,—и полагаетъ, что мы перепутали дѣло въ „Матеріалахъ“ и отнесли ошибочно замѣчаніе шефа жандармовъ къ тому трактату о воспитаніи, о которомъ говорится здѣсь. Приводимъ практическія доказательства вѣрности нашего указанія, для разубѣжденія почтеннаго критика, хотя и безъ нихъ небольшое критическое соображеніе могло бы ему показать, что на предложеніе Пушкина искать въ полномъ, свободномъ и откровенномъ преподаваніи исторіи и нравственныхъ наукъ панацеи противъ политическихъ увлеченій и заблужденій молодежи, гр. Бенкендорфъ и не могъ отвѣчать, по времени, иначе, какъ отвѣчалъ.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось слѣдующее сообщеніе гр. Бенкендорфа, важное по свѣту, который оно бросаетъ на величественный характеръ покойнаго государя и на предметъ, особенно занимающій насъ теперь: „М. Г. А. С. Я ожидалъ прихода вашего, чтобъ объявить высочайшую волю, по просьбѣ вашей, по отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно спрашивали разрѣшенія чрезъ письмо.

„Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, Его Им. Ве-ву благоугодно, чтобы вы занялись предметомъ о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія—и представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

„Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ.

въ Кишиневѣ и отъ него, черезъ умѣряющее дѣйствіе романтизма и черезъ изученіе Шекспира, къ объективности, *историческому* и критическому созерцанію, а, наконецъ, и къ задачамъ, которыя представляютъ для творчества и для анализирующей мысли русскій старый и новый бытъ. Когда Пушкинъ очутился снова въ столичномъ нашемъ обществѣ, онъ принесъ съ собой только зачатки послѣдняго изъ этихъ направленій, но потребовалось еще четыре безпокойныхъ года (съ 1826 по 1830) для того, чтобъ превратить эти зачатки въ обдуманную теорію, которая открыла

„Объявляя вамъ сію монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете, для представленія Его Величеству доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на Высочайшее имя.

Примите и проч.

№ 205.
30-го сентября 1826.
Москва.
Его благородію А. С.
Пушкину„.

Получивъ, такимъ образомъ, дозволеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, Пушкинъ прежде всего посвятилъ себя на составленіе порученнаго ему трактата и уже черезъ два мѣсяца представилъ его по начальству, на что и получилъ слѣдующее второе сообщеніе отъ гр. Бенкендорфа:

„М. Г. А. С.

„Государь Императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи—и поручилъ мнѣ изъявить вамъ Высочайшую свою признательность.

„Его Величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекши васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе, предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ.

„Съ отличнымъ уваженіемъ, честь имѣю и проч.

№ 163.
23-го декабря 1826.
Его благородію А. С.
Пушкину“.

Послѣ этихъ фактовъ, сомнѣнія и колебанія г. Бартенева, вѣроятно, будутъ успокоены и мы можемъ уже оставить въ сторонѣ, безъ отвѣта, и приговоръ его нашему труду, выраженный имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Итакъ, надобно заключить, что записка (Пушкина) была подана не въ томъ видѣ, какъ здѣсь напечатана, но мы скорѣе думаемъ, что собиратель матеріаловъ для біографіи Пушкина смѣшалъ обстоятельства и что приведенныя выраженія служили отвѣтомъ на что-либо другое. *Бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія*“ (XIX Вѣкъ, стр. 218).

бы разумъ и цѣли современнаго русскаго существованія. Цѣлыхъ четыре года тревожной, непосѣдной, скажемъ просто—кочующей жизни, употребилъ Пушкинъ на то, чтобъ приглядѣться и приладиться къ новымъ порядкамъ и условіямъ времени, которые такъ мало были похожи на времена его молодости. Работа эта доставалась ему не даромъ: гнетущая тоска и скука, постоянно отравлявшія существованіе поэта въ это время, свидѣтельствуютъ о томъ достаточно. Они-то гнали его съ мѣста на мѣсто по Имперіи, сдѣлали изъ него азартнаго игрока, подсказали ему мысль просить о причисленіи его къ китайской миссіи и отразились въ уничтоженной главѣ любимой его поэмы, въ «Путешествіи Онѣгина». Съ обрѣтеніемъ упроченнаго положенія въ свѣтѣ (въ 1830 — 31 г.) весь тяжелый искусъ этотъ, казалось, долженъ былъ кончиться и уступить мѣсто мирному труду, ровной дѣятельности и свѣтлой жизни. Въ головѣ его дѣйствительно и стали накопляться всѣ тѣ замыслы по истинѣ громадныхъ созданій, о которыхъ мы можемъ судить теперь только по отрывкамъ, сравнительно бѣднымъ, оставшимся въ бумагахъ, послѣ его смерти (Мѣдный Всадникъ, Русалка, Средневѣковая драма, много не написанныхъ драмъ и поэмъ, намекающихъ на свое содержаніе одними программами или первоначальными строфами). Но въ душѣ Пушкина жила потребность, мѣшавшая ему замкнуться исключительно въ кругъ своихъ художническихъ идей. Онъ сгоралъ жаждой многосторонней общественной жизни, которая гнала его въ большой свѣтъ, гдѣ онъ думалъ найти ее, но еще сильнѣе томился онъ мучительною страстію осмыслить современный ему бытъ, открыть законныя причины его явленій, увѣровать въ его необходимость и разумность, и, наконецъ, угадать смыслъ самой русской исторіи, какъ лучшаго оправданія народа и страны. Только этой цѣной покупались для него и спокойствіе духа, и счастіе чувствовать себя членомъ дѣльнаго и достойнаго общества, безъ чего почти и немыслима возможность какой-либо широкой, творческой дѣятельности. Съ обычной своей энергіей онъ бросился на розыски и опредѣленія по вопросамъ и задачамъ, поставленнымъ имъ для себя и, разумѣется, встрѣтился съ возраженіями и противорѣчіями жизни, которая поминутно разбивала его работу. По странной участи, ни одна изъ партій, господствовавшихъ у насъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, не признавала Пушкина, также точно въ пору его молодости, какъ и теперь, вполнѣ своимъ человѣкомъ; напротивъ, каждая изъ нихъ скрывала отъ него бо́льшую часть своихъ настоящихъ мыслей и требованій, вѣроятно, не надѣясь на безусловное его

повиновеніе, хотя каждая изъ нихъ, безъ исключенія, обращалась съ нимъ очень осторожно, словно опасаясь его обличеній. Да и было чего опасаться: независимый голосъ изъ собственнаго лагеря глубже потрясаетъ, чѣмъ крики, укоры и нападки непріятеля. Въ послѣднее время Пушкинъ поминутно расходился съ тѣмъ обществомъ, которому хотѣлъ сослужить свою великую службу. Чѣмъ болѣе силился онъ найти ему историческое философское оправданіе, чѣмъ усерднѣе воздвигалъ ему фундаментъ и основанія, которыхъ не стыдно было бы показать всему свѣту, тѣмъ чувствительнѣе становились для поэта всѣ безчисленныя опроверженія и посмѣянія, какія наносимы были каждодневно его идеализирующимъ теоріямъ на практикѣ и притомъ весьма развитыми и вліятельными людьми эпохи. Пушкинъ переходилъ поминутно отъ вѣрованій и надеждъ къ скептицизму и отчаянію. Безпрестанно падая и возставая, онъ упорствовалъ держаться противъ обличеній жизни, хотя и безъ особенныхъ надеждъ въ душѣ, но съ горделивымъ и quasi-независимымъ видомъ. Одинъ неожиданный ударъ повалилъ его на землю. Горькая обида, высланная той же средой, объ оправданіи и интересахъ которой такъ много хлопоталъ, мгновенно подняла его африканскую кровь и обнаружила опять коренныя, родовыя черты его природы, нисколько не сглаженныя временемъ и выступившія съ необычайной силой, какъ-бы послѣ долгаго отдыха. Онъ ринулся на призрачнаго врага своего, подосланнаго обществомъ и заслонявшаго его собой—и былъ вынесенъ за-мертво съ арены свѣта, которой такъ дорожилъ. Полная исторія развитія Пушкина есть также и психическая исторія общества, гдѣ личности поэта пришлось, по собственному его слову—жить, мыслить и страдать.

П. Анненковъ.

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО

I

ДУХЪ МАТЕРИ.

Народная легенда.

Томъ Дейринъ изъ странствій вернулся домой
Съ красавицей чудной, женой молодой;

Семь лѣтъ безмятежно блаженствовалъ съ ней
И шестеро прижито было дѣтей.

Но Смерть на добычу въ ихъ землю пришла
И съ корнемъ чудесную розу сожгла.

Томъ Дейринъ поѣхалъ — и снова домой
Изъ странствій вернулся съ другою женой.

Съ другою женою, — но эта жена
Надменности грубой и злости полна.

Въѣзжаетъ во дворъ — и стоятъ передъ ней
Шесть плачущихъ горько сиротокъ-дѣтей.

Что́ дѣтскія слезы для мачихи злой?
Она оттолкнула малютокъ ногой.

Ни хлѣба, ни пива не стала давать, —
Сказала: «Заставлю я васъ голодать».

Взяла одѣяльца, взяла тюфячки:
«Довольно съ васъ будетъ и голой доски».

Свѣча восковая у нихъ отнята:
«Пусть будетъ у васъ по ночамъ темнота».

Отъ холода стали малютки кричать;
Тѣ крики въ могилѣ услышала мать;

Услышала дѣтскія слёзы она:
«Къ несчастнымъ сироткамъ пойти я должна».

И къ Богу явилась, и стала просить:
«Позволь мнѣ малютокъ моихъ навѣстить»!

Просила такъ долго, такъ нѣжно, что Богъ
На просьбу отказомъ отвѣтить не могъ:

«Чуть крикнетъ пѣтухъ съ наступленьемъ зари, —
Въ могилу свою возвращайся, смотри».

Вотъ кости въ порядокъ она привела,
Сквозь твердыя стѣны гробницы прошла,

Летитъ, не бѣжитъ по деревнѣ родной...
Собаки проснулись и подняли вой.

У стараго дома, у самыхъ воротъ,
Чего-то печально дочь старшая ждетъ.

«О чемъ ты горюешь? Скажи, не таи,
Дитя дорогое? что дѣти мои»?

— «Ты матушка наша? О нѣтъ, никогда!
Родная была хороша, молода,

Съ румянымъ, и бѣлымъ, и свѣжимъ лицомъ, —
А ты измозженнымъ глядишь мертвецомъ».

— «Какъ быть мнѣ красивой? какъ быть молодой?
Давно ужъ лежу я въ могилѣ сырой!

Какъ быть мнѣ съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ?
Въ землѣ такъ давно я лежу мертвецомъ!»

Мать въ дѣтскую комнату входитъ и въ ней
Встрѣчаетъ рыдающихъ горько дѣтей.

Она приласкала, утѣшила ихъ,
Умыла, пригладила всѣхъ пятерыхъ,

И дочери старшей сказала: «Поди,
И Дейрина Тома сюда приведи».

Томъ Дейринъ приходитъ — и, гнѣва полна,
Стыдитъ, упрекаетъ супруга она:

«Я сдѣлала хлѣба и пива запасъ,
А дѣти мои голодаютъ у васъ;

Я всѣмъ тюфячковъ, одѣяльцевъ дала,
А голыя доски сегодня нашла;

Оставила много свѣчей восковыхъ, —
Темно по ночамъ у малютокъ моихъ.

Пусть разъ хоть еще появлюсь я сюда —
Большая надъ вами стрясется бѣда!..

Но красный пѣтухъ прокричалъ... Мертвецамъ
Съ земли расходиться пора по домамъ.

Вотъ слышу я, крикнулъ и черный... Теперь
Раскрыта ужъ настежъ небесная дверь.

Чу! крикнулъ и бѣлый... Бѣгу я сейчасъ;
Мнѣ больше нельзя оставаться у васъ».

Съ тѣхъ поръ, заворчатъ лишь собаки, — скорѣй
И хлѣба, и пива несутъ для дѣтей.

Завоютъ собаки, — Томъ Дейринъ съ женой
Боятся: «Не смерть ли приходитъ за мной»?

Залаютъ собаки, — ужъ мнится четѣ,
Что смерть передъ ними стоитъ въ темнотѣ.

II

ПРОКЛЯТІЕ.

Смутно я припоминаю
Поэтическій разсказъ;
Въ старой хроникѣ испанской
Я читалъ его не разъ:

Храбрый Сàнхецъ предъ Заморой
Палъ, — и армія его
Мрачно въ лагерѣ стояла
Безъ владыки своего.

Донъ Діего ди-Ордóньецъ
Грозно выступилъ впередъ
И послалъ слова проклятья
Въ осаждаемый народъ.

Всѣхъ въ Заморѣ — настоящихъ,
Прошлыхъ, будущихъ людей,
Какъ злодѣевъ, прóклялъ рыцарь
Въ дикой горести своей.

Проклялъ тѣхъ, кто были живы,
Проклялъ мертвыхъ въ ихъ гробахъ,
Проклялъ хлѣбъ, вино съ елеемъ,
Воду чистую въ рѣкахъ...

Есть другое войско: больше
И грознѣй; у всѣхъ воротъ
Нашей жизни собираясь,
Все ростетъ оно, ростетъ...

Въ вѣчной битвѣ съ нищетою
Проклинаетъ насъ оно,
Какъ злодѣевъ, — проклинаетъ
Наши хлѣбы и вино.

И сквозь шумъ пировъ, сквозь волны
Ароматовъ и огня,
Эти стоны, эти вопли
Долетаютъ до меня.

Вижу — въ окна смотрятъ лица
Жёлты, злы, измозжены,
И къ крохàмъ, летящимъ нà полъ,
Сотни рукъ устремлены.

Здѣсь, внутри — все блескъ и пышность,
Наслажденій полнота;
Тамъ — рыданья и проклятья,
Стужа, голодъ, темнота.

И въ степи, гдѣ это войско
Вѣчнымъ лагеремъ стоúтъ, —
Вождь божественный страдальцевъ,
Смертью скованный, лежитъ...

III

КЛЮЧЪ И ВОЛНА.

Изъ родного утеса источникъ
Выбивается, тихо журча,
И бѣгутъ по песку золотому
Серебристыя ножки ключа.

Далеко отъ него, въ океанѣ,
На просторѣ несется волна, —
То вздымается съ воемъ сердитымъ,
То печально ложится она.

Но, впередъ и впередъ подвигаясь,
Ключъ сошелся съ волною, и въ ней
Успокоилъ мятежное сердце
Безмятежной прохладой своей!..

Петръ Вейнбергъ.

ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

и

Д. И. КАЧЕНОВСКІЙ

Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.

II *).

На впечатлительнаго юношу (Каченовскому было всего $15^1/_2$ лѣтъ) всѣ университетскія вліянія подѣйствовали самымъ рѣшительнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что и по тогдашней близости факультетовъ словеснаго и юридическаго, и по своей подготовкѣ, Каченовскій, можно сказать, принадлежалъ имъ обоимъ, особенно на первыхъ двухъ курсахъ. Подготовленъ онъ былъ къ слушанію университетскихъ лекцій по этимъ двумъ факультетамъ превосходно, какъ немногіе: онъ въ совершенствѣ зналъ древніе языки, говорилъ по-французски и по-нѣмецки, серьёзно учился классической музыкѣ и лучше многихъ студентовъ зналъ предметы общаго образованія. Словомъ, Каченовскій былъ, по общему мнѣнію, феноменомъ [1]). Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что молодой человѣкъ былъ бѣднякъ, сирота безъ отца и что началь-

*) См. выше: янв. 75 стр.

[1]) Д. И. Каченовскій былъ въ дальнемъ родствѣ съ извѣстнымъ московскимъ профессоромъ М. Т. Каченовскимъ, уроженцемъ гор. Харькова, и приходился этому послѣднему внукомъ; но ни отецъ, ни родной дѣдъ Дмитрія Ивановича не находились ни въ какихъ отношеніяхъ съ московскимъ профессоромъ.

ное его образованіе было не въ какомъ-нибудь блестящемъ пансіонѣ, а въ приходскомъ училищѣ родного его города Карачева (Орловской губ.), а потомъ въ Орлѣ, въ одномъ изъ несуществующихъ теперь училищъ, нѣкогда спеціально подготовлявшихъ канцелярскихъ служителей. Предназначенный съ дѣтства, вслѣдствіе горькой необходимости, въ канцелярскіе чиновники, Каченовскій солидностью своего общаго образованія обязанъ единственной тогда, а теперь 1-й харьковской гимназіи. Въ гимназіи языки и политическія науки (исторія и географія) были любимыми предметами его занятій. Изъ гимназическихъ наставниковъ онъ всегда съ особенною любовью вспоминалъ своего учителя исторіи Н. С. Рындовскаго. По поводу отъѣзда послѣдняго въ Западную Сибирь, на должность главнаго начальника тамошнихъ училищъ, совпадшаго съ моимъ переѣздомъ изъ Воронежа въ Вильну, котораго не одобрялъ Каченовскій, вотъ что онъ мнѣ писалъ: «Когда я узналъ, что Н. С. Рындовскій [1]) ѣдетъ въ Сибирь инспекторомъ училищъ, я ему вслѣдъ порадовался. Это дѣло благородное. Когда же вы мнѣ написали о своемъ рѣшеніи, я заскучалъ». Корженевскій, Тихоновичъ, какъ ученый латинистъ, и свящ. Лебедевъ, какъ свѣтлая и многосторонне образованная личность, имѣли на него также доброе вліяніе. Кромѣ курсовыхъ факультетскихъ лекцій онъ посѣщалъ лучшихъ профессоровъ словеснаго факультета, которые сдѣлались ему столь же близкими, какъ любимые имъ профессора тѣхъ предметовъ своего факультета, которыми онъ началъ съ особенною любовью заниматься,—т.-е. Гордѣенко, Мицкевичъ и Степановъ. Вотъ почему для студентовъ-словесниковъ Каченовскій былъ *своимъ* человѣкомъ: его всѣ знали. Ко временамъ же студенчества относится и мое съ нимъ знакомство, но не сближеніе: его не было, кажется, по причинѣ разности въ лѣтахъ (я былъ 5-ю годами его старше), или по другимъ, не помню какимъ, но несомнѣнно случайнымъ причинамъ. Мы сблизились съ Каченов

---

[1]) Объ этомъ лицѣ, къ сожалѣнію, сошедшемъ съ педагогическаго поприща еще въ 1867 г., недавно напечатанъ неодобрительный отзывъ покойнаго А. Н. Аѳанасьева въ его посмертныхъ „Воспоминаніяхъ“ („Рус. Архивъ“ 1872 г. №№ 3 и 4-й, стр. 823). Но Аѳанасьевъ учился у Рындовскаго всего одинъ годъ, въ 3-мъ классѣ, между тѣмъ, какъ мы съ Каченовскимъ были вполнѣ его учениками и знали потомъ его какъ человѣка и какъ замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ педагоговъ. Товарищъ мой по воронежской гимназіи, но воспитанникъ московскаго университета, покойный А. Н. Аѳанасьевъ въ указанной статьѣ невѣрно судитъ и о другихъ лицахъ и между прочимъ, о самомъ харьковскомъ университетѣ. Настоящая статья, надѣемся, если не опровергаетъ, то объясняетъ и значительно дополняетъ односторонность и неполноту такихъ взглядовъ.

скимъ позже, видѣлись рѣдко, но вели постоянную переписку двѣнадцать лѣтъ. Вотъ потому я и ограничусь теперь изображеніемъ Каченовскаго такимъ, какимъ онъ высказывается въ перепискѣ, какъ я его всегда понималъ и какимъ я узналъ его во время нашихъ, хотя кратковременныхъ, но самыхъ искреннихъ и дружескихъ встрѣчъ. О его профессорской дѣятельности, о вліяніи на студентовъ и вообще о жизни въ Харьковѣ, какъ о предметахъ мнѣ лично незнакомыхъ, — пусть скажутъ другіе.

Начало ученой дѣятельности Каченовскаго относится къ невеселой порѣ, къ самому концу 40-хъ годовъ, къ попечительству въ Харьковѣ Кокошкина. Бывшій долгое время оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, генералъ-губернаторъ Кокошкинъ водворилъ въ своей резиденціи, Харьковѣ, внѣшнее благоустройство и чистоту, способствовалъ къ поднятію изъ деревни на степень города лѣтней своей резиденціи, Полтавы, и, вѣроятно, еще чѣмъ-нибудь былъ полезенъ краю; но въ исторіи университета было иначе, хотя полной отвѣтственности за то онъ, конечно, нести не можетъ. Сначала онъ всѣхъ занималъ своею неугомонною дѣятельностію, доставившею ему нѣкоторую популярность: его, бывало, встрѣтишь всюду, въ самыхъ глухихъ улицахъ, пѣшкомъ и съ тростью въ рукѣ; всѣ были на сторо́жѣ, провинціальное неряшество подбиралось и охорашивалось, полиція не дремала. Довольный результатами водворяемаго имъ благочинія и чистоты въ городѣ, новый попечитель не выносилъ и поэтическихъ вольностей въ студентскомъ костюмѣ. Онъ началъ останавливать студентовъ, застегнутыхъ не на всѣ крючки и пуговицы, критиковать подробности ихъ костюма, требовать соблюденія формы, о чемъ при Головкинѣ и Долгорукомъ никто и не думалъ, требовать строгаго отчета,—почему они все «шатаются» по городу, а не сидятъ дома и «не учатъ уроковъ». Началось дѣло выговорами и замѣчаніями, а потомъ пошли аресты и исключенія. Передаемъ нѣкоторыя подробности изъ этой эпохи по личнымъ наблюденіямъ, въ 1847 и въ началѣ 1848 года. Мы не были свидѣтелями дальнѣйшаго, да и самый Харьковъ съ того времени болѣе 20 лѣтъ не посѣщали; но что́ было въ Харьковѣ,—то же было тогда вездѣ: въ Москвѣ, Казани, Кіевѣ—было паденіе факультетовъ словеснаго и юридическаго, пониженіе до minimum'a уровня общаго образованія и деморализація не только университетской коллегіи, но и всего педагогическаго сословія. Тогдашній мой харьковскій корреспондентъ, А. Л. Метлинскій, извѣщавшій меня, что улицы мирнаго Харькова, гдѣ, несмотря на присутствіе генералъ-губернатора, почти не было военныхъ,

огласились 101 пушечнымъ выстрѣломъ по случаю побѣдъ надъ венграми,—былъ очень скупъ на подробности, отдѣлывался намеками и преподавалъ мнѣ правила мудрой осторожности въ перепискѣ. Но толкуя со мной о тогдашнихъ литературныхъ и ученыхъ новостяхъ (весьма бѣдныхъ), о журналистикѣ, о моихъ занятіяхъ, благодушный профессоръ не скупился на извѣстія о томъ, что́ сталось съ людьми, много обѣщавшими на университетской скамейкѣ, за которыми онъ слѣдилъ съ любовію,—съ Тюринымъ, Запарой, Каченовскимъ, Сухомлиновымъ, Петровымъ и др. Оказывалось, что одинъ, какъ Тюринъ, уже пріобрѣтаетъ извѣстность: «Тюринъ началъ подписываться, писалъ Амвросій Лукьяновичъ въ самомъ началѣ 1850 г., я на него много надѣюсь; у него много жизни, чувства, естественности. Онъ собралъ до 200 малороссійскихъ голосовъ и собирается издать ихъ». Другой (Запара) разработываетъ мѣстный (Изюмскій) архивъ,—и бывшій профессоръ, заподозрѣнный въ бездарности и «литературничаньи», одному, пріѣзжавшему на лѣто изъ Петербурга, помогаетъ въ въ собираніи пѣсенъ и мелодій, другого надѣляетъ столбцами и рукописями, третьяго—ободряетъ, шевелитъ и возбуждаетъ къ работѣ. Оказывалось, что прочіе (Каченовскій, Петровъ, Сухомлиновъ) писали магистерскія диссертаціи, получали степени и вступали на каѳедры. Между тѣмъ духъ времени дѣлалъ свое дѣло: аудиторія университетская опустѣла; голоса или смолкли, или замерли навѣки; умственная «тишь и гладь», т.-е. посредственность и духовная нищета, стали считаться идеаломъ, «божьей благодатью»; харьковскіе натуралисты поспѣшили именемъ Кокошкина назвать какое-то растеніе—«Кокошкинія мятельчатая».

Каченовскій выдержалъ экзаменъ на магистра и вступилъ на каѳедру въ 1849 г., имѣя всего 22 года отъ роду,—пору, въ которую почти всѣ студенты еще сидятъ на университетскихъ скамейкахъ. Ретивый юноша, превосходно образованный и отлично подготовленный къ своей дѣятельности, Каченовскій съ самаго вступленія своего на университетскую каѳедру сталъ звѣздою первой величины. Онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ лучшихъ предшественниковъ все, что́ они могли дать ему,—глубину знанія, идеализмъ, честность и непреклонность убѣжденій и высоту помысловъ; но онъ рѣшился пойти дальше ихъ—и пошелъ! Не безъ задней мысли, но не изъ какихъ-либо матеріальныхъ разсчетовъ и соображеній, онъ рѣшился въ 1855 году ѣхать въ московскій университетъ за полученіемъ степени доктора, которую онъ пріобрѣлъ бы въ Харьковѣ безъ особенныхъ усилій: онъ, провинціалъ, *харьковскій* ученый, т.-е. одинъ изъ заподозрѣнныхъ въ

недоучености, въ «литературничаньи», явился на состязаніе въ центръ тогдашней русской учености. Это состязаніе окончилось для него блистательнымъ тріумфомъ и тотчасъ же поставило имя его въ ряду извѣстнѣйшихъ представителей русской науки; докторская диссертація его «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ» пріобрѣла большую, даже европейскую извѣстность. Не забудемъ, что Каченовскій явился въ Москву еще въ блестящую пору тамошняго университета: кружокъ Грановскаго еще не распадался, напротивъ — лучшіе представители его, всѣ свѣжія наличныя литературныя и научныя силы собрались тогда вокругъ редакціи «Русскаго Вѣстника», открывшагося въ 1856 г. Каченовскій познакомился съ кружкомъ Грановскаго и Кудрявцева, сошелся съ редакціей «Русскаго Вѣстника» и особенно сблизился съ г. Капустинымъ, профессоромъ международнаго права въ московскомъ университетѣ. Въ первые годы существованія «Русскаго Вѣстника» всѣ труды Каченовскаго помѣщались въ этомъ журналѣ, который передавалъ подробности о его заграничномъ путешествіи, объ уваженіи и сочувствіи, которыя встрѣчалъ онъ во Франціи и Англіи, въ ученыхъ собраніяхъ и митингахъ, гдѣ, благодаря своему знанію этихъ языковъ, на которыхъ онъ не только свободно говорилъ, но и писалъ, рѣчи его возбуждали неподдѣльный восторгъ. Словомъ, «Русскій Вѣстникъ», насколько могъ, способствовалъ къ распространенію популярности Каченовскаго. Имя Каченовскаго также слилось съ именемъ харьковскаго университета, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, какъ въ 40-хъ было имя Лунина, въ 30-хъ—имя Кронеберга: кто изъ образованныхъ людей въ Россіи не зналъ его! Въ послѣднія 10 лѣтъ передъ смерті ю Каченовскій сталъ рѣже являться въ печати. Распаденіе основной редакціи «Русскаго Вѣстника» и выдѣленіе изъ нея новыхъ періодическихъ органовъ имѣло нѣкоторое, хотя болѣе внѣшнее вліяніе на литературную производительность Каченовскаго. Изъ «Русскаго Вѣстника» онъ перешелъ въ новыя изданія, — «Атеней», «Русскую Рѣчь», «Русское Слово», прежней редакціи; затѣмъ, въ самое послѣднее время единственными близкими изданіями оставались для него только газета «С.-Петербургскія Вѣдомости» и журналъ «Вѣстникъ Европы».

Лицъ, интересовавшихся Каченовскимъ, но не знавшихъ его лично, тѣмъ болѣе отдаленныхъ отъ Харькова, конечно могъ интересовать вопросъ: отчего этотъ ученый, столь плодовитый внаначалѣ, сталъ рѣдко являться въ печати? Лица, ближе живущія къ Харькову, по слухамъ знали больше: они знали, что профессоръ, при слабомъ здоровьѣ, очень много трудится, занимаетъ двѣ ка-

ѳедры (международнаго и государственнаго права) и каждый годъ по нѣскольку мѣсяцевъ путешествуетъ по Европѣ; стало быть, литературой заниматься некогда, тѣмъ болѣе, что онъ издаетъ курсы и что-то такое пишетъ въ англійскихъ и французскихъ журналахъ. На подобныхъ слухахъ наша любознательность всегда успокоивается: Каченовскій не облѣнился (она думаетъ),—ну, и довольно! Къ имени извѣстнаго ученаго онъ присоединилъ имя извѣстнаго русскаго туриста, котораго знаютъ въ Европѣ,—чего же больше! Такое добродушіе способно простить многое и, вѣроятно, простило Каченовскому даже извѣтъ въ крайнемъ, и не безъ коварства, западничествѣ, взведенный на него однимъ изъ мѣстныхъ корреспондентовъ «Москвы», по поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ о славянскомъ съѣздѣ въ 1867 г., которому онъ не придавалъ никакого особеннаго значенія. Но кто зналъ ближе Каченовскаго, кто понималъ, что это былъ живой, а не кабинетный только человѣкъ, что профессорской аудиторіи ему было мало, что литературная дѣятельность была ему болѣе по-душѣ,—тому извѣстны были и причины, пріостановившія эту дѣятельность въ ея ходѣ. Какъ живой человѣкъ, Каченовскій вполнѣ и беззавѣтно жилъ общественною жизнію,—радовался ея радостями, болѣлъ отъ ея немощей, въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ. Общіе и мѣстные, харьковскіе, недуги его сокрушали: его всегда слабая организація, которую не могли укрѣпить ранніе, усиленныя занятія, его впечатлительность, мягкость его натуры, не выдержали борьбы, которую онъ не могъ не вести, такъ какъ не могъ не противодѣйствовать тѣмъ моральнымъ натискамъ, которые со всѣхъ сторонъ его обступали. Онъ боролся дѣломъ или словомъ, или, при невозможности такой борьбы, осуждалъ себя на молчаніе; но молчаніе самого его ломало и надрывало его силы. Эта внутренняя и внѣшняя, не всѣмъ извѣстная, борьба все объясняетъ въ жизни Каченовскаго за послѣднія 10 лѣтъ: и уменьшеніе его популярности, и толки о его раздражительности и неуживчивости, и то, почему онъ мало пишетъ. Умалчивать теперь о подробностяхъ этой борьбы, не называть вещей настоящимъ ихъ именемъ,—значитъ, по нашему мнѣнію, не уважать истины, которая раньше или позже всплыветъ наружу и можетъ насъ же самихъ обличить въ умолчаніи. Вотъ почему мы рѣшаемся, насколько возможно объективно, коснуться этихъ подробностей, во всякомъ случаѣ характеризующихъ близкую намъ эпоху, нисколько не задаваясь мыслію—во что бы то ни стало оправдать Каченовскаго. Мы заставимъ говорить его самого, не скрывая отъ читателей ни нашей близости, ни нашей къ нему симпатіи

По условіямъ нашего развитія, нашей жизни и ея отправленій, наша мысль, при своемъ движеніи и возбужденіи, обыкновенно начинаетъ или болѣть и чахнуть, или же принимать уродливыя формы, — такъ, по крайней мѣрѣ, часто бывало до сихъ поръ. Славянофильство и украйнофильство, идеализмъ и реализмъ, позитивизмъ и отрицаніе,—вотъ съ чѣмъ пришлось вѣдаться покойному Каченовскому. Будь иными условія нашего быта, имѣй полный просторъ всѣ эти фракціи общественной мысли, такому человѣку, по натурѣ въ высшей степени мягкому и гуманному, такому писателю и ученому, какъ Каченовскій, съ свѣдѣніями разнообразными и многосторонними, ничего не могло быть пріятнѣе и оживленнѣе, какъ вѣдаться съ ними, какъ отстаивать и защищать то, что̀ онъ считаетъ истиной, добромъ и благомъ; но когда отпрыски мысли отламываются или загоняются въ стволъ, когда побѣгъ, выбѣжавшій изъ него далеко впередъ, громко кричитъ спрятавшимся: vae victis!—тогда невозможна борьба, тогда и хладнокровіе остается удѣломъ только немногихъ счастливцевъ. Смѣло можно сказать, что нашей общественной мысли въ послѣдній періодъ ея развитія ничто не надѣлало столько зла, какъ польское возстаніе, породившее всякаго рода подозрѣнія и страхи, для свободнаго мышленія не менѣе, если не болѣе тяжелыя всякихъ цензурныхъ препятствій. Уроженецъ великорусской губерніи, но прожившйй почти всю жизнь въ Харьковѣ, и оттого ставшій по натурѣ и привычкамъ больше малороссомъ, Каченовскій, напр., не могъ сочувствовать ни украйнофильству, ни славянофильству, не могъ, и по самому складу своего образованія, какъ не могли имъ сочувствовать и ихъ понимать прежніе харьковскіе ученые, напр., Метлинскій, прежняго закала харьковцы;—а между тѣмъ, оба направленія его задѣвали, и славянофильское, принявшее въ «Москвѣ» и «Москвичѣ» неблаговидный характеръ, взвело на него такія обвиненія, въ которыхъ самая возможность оправданія его глубоко возмущала. Ученикъ старыхъ харьковскихъ идеалистовъ, блистательно опровергнувшій строгую критику академика Срезневскаго своимъ докторскимъ диспутомъ въ Москвѣ, Каченовскій, тѣмъ не менѣе, отъ этого торжества и своихъ ученыхъ успѣховъ, не сдѣлался москвичемъ, не сдѣлался петербуржцемъ, не сталъ отвлеченнымъ европейцемъ, а былъ и оставался до конца (какъ ни странно это покажется) глубочайшимъ провинціаломъ, простодушнѣйшимъ украинцемъ, какихъ, кажется, теперь не найдешь; подъ этимъ именемъ, или типомъ, мы разумѣемъ мягкое, женственное (если позволено будетъ такъ выразиться) начало русскаго духа, которое, конечно, возможно вездѣ,

но въ старое время встрѣчалось преимущественно только въ Малороссіи. Но, какъ человѣкъ, живущій одною жизнію съ своимъ вѣкомъ, Каченовскій, при всей своей мягкости, не могъ оставаться спокойнымъ, не могъ быть вторымъ Луниным, погруженнымъ въ интересы только отвлеченнаго мышленія. Онъ бросился въ борьбу и въ ней, конечно, могъ быть рѣзокъ, раздражителенъ, желченъ; но все это, если и было, вытекало не изъ основъ его деликатной и необыкновенно мягкой натуры, а являлось въ немъ какъ слѣдствіе борьбы,—боролся же онъ не съ упорствомъ малоросса (чѣмъ не былъ), но съ упорствомъ идеалиста, какимъ остался до конца. Чистокровный идеалистъ, страстно любившій родной университетъ, полный его преданіями, ревновавшій къ его доброму имени, Каченовскій, при всей высотѣ своего образованія, могъ, полагаемъ (для избѣжанія упрека въ пристрастіи), неправильно отнестись къ нѣкоторымъ лицамъ и явленіямъ, могъ быть черезчуръ требовательнымъ къ учащейся молодежи, могъ расходиться съ нею, съ людьми, близко къ нему стоявшими; но всѣ его требованія и неизбѣжныя ошибки и недостатки вытекали изъ чистаго, благороднаго источника. Правда, честь, совѣсть, знаніе, образованіе, въ его устахъ и на дѣлѣ были такія широкія, многообъемлющія понятія, ставились имъ на такую высоту, что малѣйшая уступка имъ, съ чьей бы то ни было стороны, глубоко и болѣзненно его возмущала. Будущій историкъ нашего общества, быть можетъ, осудитъ Каченовскаго за неумѣренность его требованій; быть можетъ, выведетъ ее изъ внутренней, скрытной гордости, изъ желанія всѣхъ и каждаго перекроить на свой аршинъ, хотя и по прекрасному, но, по времени и обстоятельствамъ, неосуществимому идеалу. Нижеслѣдующія выдержки изъ писемъ къ намъ покойнаго помогутъ, пожалуй, произнести такое обвиненіе; но оно будетъ поспѣшно и ошибочно, если не примется во вниманіе слѣдующихъ, смягчающихъ обстоятельствъ: необыкновенной личной его скромности, скромности его требованій отъ людей и отъ жизни вообще и необыкновенной строгости къ самому себѣ. Въ письмахъ онъ былъ, конечно, глубоко искренен; но вѣдь письмо—отвлеченное, литературное слово, а не живая бесѣда, не сама жизнь и, наконецъ,—не весь человѣкъ. Предваряемъ читателя, что въ этихъ письмахъ, не рѣдко писанныхъ въ тяжелыя минуты, Каченовскій является чрезъ мѣру пессимистомъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, въ жизни, онъ вовсе не былъ. Вотъ что Каченовскій писалъ мнѣ въ Вильну отъ 30-го октября 1867 г.:

«Журналистика лаетъ и клевещетъ теперь на всѣхъ. Въ

Москвѣ фанатизмъ дошелъ до послѣдней степени: тамъ съ людьми нельзя говорить ни о чемъ, нельзя спорить объ интересахъ Россіи, даже нельзя сходиться, не возбуждая противъ себя подозрительности. Харьковъ москвичи очень не любятъ и безпрестанно унижаютъ. Въ послѣднее время я самъ испыталъ московское недоброжелательство. Вамъ, вѣроятно, извѣстна клевета, пущенная на мой счетъ по поводу славянскаго съѣзда. Она вышла, конечно, отсюда, изъ враждебнаго мнѣ лагеря, но была принята радушно. Я не поднялъ руки въ свою защиту, хотя друзья мои того желали. Но странно было бы мнѣ оправдываться противъ такихъ обвиненій! Если, напр., кто-нибудь обзывается воромъ и между тѣмъ не кралъ, то неужели ему нужно сказать во всеуслышаніе: ей Богу не кралъ! Къ тому же теперь на всѣхъ клевещутъ, и нельзя требовать для себя привилегій. Да, всѣмъ намъ нуженъ покой, но едва ли мы его найдемъ. Подъ-часъ думаешь, что мы живемъ слишкомъ долго и пережили свое время. Кто-то справедливо назвалъ насъ, людей сороковыхъ годовъ, эпигонами. Будемъ же, по крайней мѣрѣ, вѣрны тѣмъ преданіямъ, въ которыхъ мы были воспитаны! Я, съ своей стороны, стараюсь за нихъ держаться до конца. Желалъ бы я также убѣдить васъ въ неизмѣнности моихъ чувствъ къ вамъ. Вы для меня остаетесь студентомъ роднаго университета... Пошли вамъ Богъ миръ и лучшую дѣятельность въ центральной Россіи, гдѣ мы родились и выросли».

«Гуманизмъ для меня,—говорится въ другомъ письмѣ 1865 г., —почти равносиленъ человѣколюбію, и только поэтому я останусь ему вѣренъ. Пусть на него нападаютъ другія поколѣнія! Мое западничество, разумѣется, не исключаетъ сочувствія къ Россіи; но я не могу смотрѣть глазами Аксакова ни на православіе, ни на народность, ни на славянскій міръ». Въ другомъ письмѣ, отъ 25-го апрѣля того же года, онъ опять возвращается къ той же мысли: «Развѣ не гуманизму обязаны мы,—спрашиваетъ онъ,— оппозиціею противъ крѣпостного права и другихъ свирѣпыхъ учрежденій? Гуманизмъ смягчилъ насъ и направилъ къ лучшему. Вѣдь мы съ вами не современные реалисты и даже слабо на нихъ надѣемся. Будемъ же и останемся такими, какъ были до конца! И съ своей стороны желалъ бы умереть неисправимымъ западникомъ. Это мнѣ нисколько не мѣшаетъ любить Россію».

Черезъ четыре года, по поводу отзыва моего о книжкѣ, составленной Я. О. Бляснымъ по Роммелю [1]), «Пять лѣтъ изъ исторіи

[1]) Нѣмецъ Роммель былъ профессоромъ харьковскаго университета въ 1811—1815 г. О времени своего пребыванія въ Харьковѣ онъ разсказываетъ въ своихъ Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit, напечатанныхъ въ сборникѣ Мюлау: „Geheime Geschichten“ и т. д. Лейпц. 1854 г.

Харьковскаго университета» (С.-Петер. Вѣд. 1869 г. № 165), Каченовскій, между прочимъ, пишетъ: «Статью вашу о Роммелѣ читалъ и очень вамъ благодаренъ за доброжелательный отзывъ о моей дѣятельности, къ сожалѣнію, поставленной въ невыгодныя условія, особенно теперь, а потому едва ли пригодной университету. Но что касается до нынѣшняго состоянія университета,—оно вамъ мало извѣстно. Есть люди, съ которыми меня нельзя примирить; есть идеи, отъ которыхъ я не могу отказаться. Вы назвали (въ статьѣ) Баляснаго и К—аго нигилистами (названы иронически), а N позитивистомъ: ни то, ни другое не вѣрно. Между западничествомъ и нигилизмомъ стоитъ цѣлая бездна; между позитивизмомъ и культомъ личнаго интереса—также. Вы сами отказались бы отъ этихъ терминовъ, если бы жили ближе (къ Харькову). Говоря о 40-хъ годахъ, вы забыли упомянуть о Костомаровѣ, вышедшемъ также изъ нашего университета». Моя замѣтка была очень краткая, а потому пробѣлы и неточности въ ней были неизбѣжны. «Указывая вамъ откровенно на эти пробѣлы и неточности,—продолжаетъ Каченовскій,—я нисколько не думаю заподозрить вашихъ добрыхъ и чистыхъ намѣреній, но глубоко въ нихъ убѣжденъ. Изъ предыдущаго письма вы могли убѣдиться, что я увѣренъ вполнѣ въ вашей любви къ университету и въ желаніи ему счастія». Дѣло въ томъ, что брошюра, изданная г. Баляснымъ, или точнѣе, то мѣсто въ ней, въ которомъ говорится объ университетскихъ партіяхъ временъ профессорства Роммеля, иностранной и русской, возбудила въ Харьковѣ сильную полемику *за* и *противъ* г. Баляснаго, товарища по гимназіи и университету Дмитрія Ивановича. Каченовскій защищалъ г. Баляснаго въ «Вѣстникѣ Европы», подписавшись подъ статьею буквами «К—ій», чтобы не подать, говоритъ онъ, повода къ непріятнымъ для автора толкамъ. Разсказывая мнѣ эту исторію, вотъ что, между прочимъ, писалъ Каченовскій въ письмѣ, которое онъ называетъ предыдущимъ: «Вы знаете, что я никакъ не думалъ обругать всѣхъ русскихъ и возвеличить иностранцевъ (полемика велась о прежнихъ профессорахъ). Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить,—кто именно своими поступками позорилъ университетъ, и возложить отвѣтственность за это на виновныхъ. Мои противники не понимаютъ, какъ тяжело воспитаннику нашей alma mater слышать огульныя ея порицанія въ столицахъ. Этому-то глумленію нужно положить конецъ изысканіями. Я не считаю себя историкомъ Харьковскаго университета, какъ другіе, но, какъ старый студентъ, знаю и люблю свой университетъ больше»...

Обращаюсь теперь къ хронологическому порядку въ выдержкѣ изъ писемъ Каченовскаго. Наша переписка началась съ 1860 г. Къ сожалѣнію, по причинѣ моихъ переѣздовъ съ 1865 г. изъ мѣста въ мѣсто, нѣкоторыя изъ писемъ, относящіяся къ 1861—1863 гг., включительно, или затерялись совсѣмъ, или заложены гдѣ-нибудь между моими книгами и бумагами; а потому, приводимыя ниже извлеченія начинаются только съ 64-го.

«Теперь никто не можетъ похвалиться большимъ вліяніемъ: времена не такія! Странно подумать о нынѣшнемъ направленіи умовъ и людей. Я, право, не знаю, что́ изъ этого выйдетъ. По-видимому, не слѣдуетъ жаловаться на судьбу тому, кто живетъ въ эпоху освобожденія крестьянъ. Вѣдь для народа сдѣлано много и все идетъ къ лучшему; не такъ ли? А между тѣмъ воспитаніе и просвѣщеніе едва-ли подвигаются впередъ, если посмотрѣть на университеты и гимназіи. Число любознательныхъ и честныхъ студентовъ не только не увеличивается теперь, но чуть ли не уменьшается. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по Харькову. Прежде, помните, словесный факультетъ выпускалъ много людей и дѣлалъ много добра; теперь онъ превратился въ славяно-филологическій, теперь изъ него выходятъ тупые буквоѣды, изъ которыхъ ничего не выжмешь. Журналистика, можетъ быть сама того не зная, портитъ молодежь и путаетъ ея понятія. Я отказался писать: изрѣдка только посылаю что-нибудь Коршу въ «Петербург. Вѣдомости». Онъ и Аксаковъ, кажется, остаются единственными честными дѣятелями на этомъ поприщѣ. Подождемъ свободы книгопечатанія: не воскреснетъ ли тогда провинціальная литература? Петербургская, по моему, сдѣлала свое дѣло. Отъ нея ожидать больше нечего» (1864).

Не совѣтуя мнѣ ѣхать въ Западный край и одобряя мой отказъ на первое предложеніе, сдѣланное еще при Муравьевѣ, Каченовскій вотъ что, между прочимъ, писалъ ко мнѣ отъ 27-го ноября 1864 г.: «Мысль ваша о переходѣ въ Москву (изъ Воронежа) больше мнѣ нравится. Я самъ въ послѣднее время объ томъ думалъ; но, подобно вамъ, остановился на желаніи. Харьковъ въ самомъ дѣлѣ кажется мнѣ несноснымъ (я люблю въ немъ только свою аудиторію, но друзей почти не имѣю); но въ нынѣшнее время, говорятъ, вездѣ скверно. Не лучше ли намъ съ вами пообождать и оставаться пока на мѣстѣ? Неудобства провинціи мы вполнѣ извѣдали; но имѣемъ ли мы силу, готовы ли мы переносить неудобства столицъ? Тамъ нужно быть очень бодрымъ и энергическимъ человѣкомъ... А я, къ несчастію, уже усталъ и не могу такъ работать, какъ умѣлъ прежде.

Что́ же, спрашивается, придется дѣлать въ столицѣ? Хорошо, если есть въ виду мѣсто, служба, но ужъ въ литературу едва ли можно пуститься. Проѣзжая черезъ Петербургъ, я видѣлъ С. Положеніе его очень не завидно, равно какъ и положеніе К. Кажется, столичная журналистика отживаетъ свой вѣкъ. Какъ ни много она грѣшила, но мнѣ жаль ее уже потому, что провинціальная не скоро поднимется. Что касается до новыхъ людей, уважать въ самомъ дѣлѣ некого. Хоть бы народились такіе, которые бы казались сноснѣе. Я вообще пришелъ къ убѣжденію, что наше университетское воспитаніе падаетъ. Между нынѣшними профессорами немногимъ можно сочувствовать; молодые будутъ еще слабѣе, а, между тѣмъ, еще самолюбивѣе и нетерпимѣе. Я самъ видалъ такихъ олимпійцевъ, какъ П.; нужно, впрочемъ, прибавить, что они сходятъ на землю, когда преслѣдуютъ личный интересъ. Кажется, отъ нынѣшняго времени ничего нельзя требовать, кромѣ новыхъ учрежденій. Жаль только, что учрежденія безъ людей—вещь отвлеченная, по крайней мѣрѣ, для насъ. Съ одними надеждами на будущее жить плохо людямъ, перешагнувшимъ за 35 лѣтъ. Какъ бы то ни было, нужно сносить все терпѣливо и до конца...» — «Въ Харьковѣ воровство и убійство на улицахъ — обыкновенныя явленія. На ряду съ ними случаются въ университетѣ диспуты и выборы. Историко-филологическій факультетъ вы бы не узнали: онъ принялъ характеръ совершенно новый. Славянщина въ немъ господствуетъ; люди выбираются одноцвѣтные и даже родственные. Юридическій факультетъ наполненъ студентами (по случаю судебной реформы), но каѳедръ замѣщать не кѣмъ: всѣ стремятся въ жизнь практическую. Какъ ни тяжела профессура, но нужно оставаться въ университетѣ, чтобы приготовить людей къ дѣлу судебному и адвокатскому; отъ успѣха этого дѣла зависитъ у насъ очень многое. А, между тѣмъ, я имѣю больше охоты къ литературѣ, чѣмъ къ педагогическимъ занятіямъ. Лекціи отнимаютъ у меня все время. При слабомъ здоровьи, я не могу даже кончить начатыхъ трудовъ. Медики совѣтуютъ отдохнуть, какъ можно дольше... Я въ послѣднее время занимался біографіею М. Анджело, чтобы развлечься и отдохнуть отъ политики. Статья эта почти готова, но печатать ее, право, негдѣ. Съ журналами я какъ-то разошелся».

Мѣсяцемъ раньше, въ концѣ сентября, вотъ что писалъ мнѣ Каченовскій: — «Съ мѣсяцъ тому назадъ пріѣхалъ я изъ-за границы и съ тѣхъ поръ все мнѣ не здоровится. Должно быть, харьковскій климатъ мнѣ вреденъ, потому что на Западѣ я

чувствовалъ себя хорошо. Или ужъ, вѣрно, я такой неисправи-
мый западникъ. Какъ бы то ни было, горько замѣчать въ себѣ
упадокъ силъ и думать, что умрешь банкротомъ, не кончивши
начатыхъ работъ. Лекціи страшно меня обременяютъ, потому
что нужно читать два предмета. Кстати о лекціяхъ. Въ В. со-
бирается читать публичныя лекціи одинъ изъ моихъ слушателей
Z., человѣкъ, между нами сказать, не лучшаго разбора. Онъ
прислалъ намъ программу. Она составлена по моимъ тетрадямъ
(о чемъ, впрочемъ, авторъ не упоминаетъ), съ искаженіями и
претензіями на самостоятельность. Любопытно бы было слышать,
кому и какъ онъ будетъ читать эти лекціи. Кажется, онѣ раз-
считаны на то, чтобы служить интересамъ дворянства и прикры-
ты благородною цѣлію—распространенія грамотности. Надѣюсь,
вы не подумаете, что я служу интересамъ какого бы то ни было
сословія моими трудами и мыслями».

Это письмо, написанное прежде, объясняетъ частію песси-
мистическій характеръ предыдущаго. О своей болѣзни покойный
писалъ намъ еще раньше 64 года; болѣзнь эта — предрасполо-
женіе къ чахоткѣ, отъ развитія которой онъ и сошелъ въ мо-
гилу. Непосильные труды, непосильная борьба съ неодолимыми
препятствіями и съ мелкими, повидимому, но въ сущности тя-
желыми мѣстными харьковскими дрязгами, при его разбитомъ
уже здоровьи,—все это не могло одушевлять и возбуждать его.
Какъ ни смѣшна, повидимому, та контрафакція съ лекціями,
но она, тѣмъ не менѣе, тяжело подѣйствовала на такого впе-
чатлительнаго человѣка, какъ Каченовскій, и значительно оправ-
дывала его въ тѣхъ укорахъ въ ультра-практичности, которые
онъ дѣлаетъ университетской молодежи и которые едва-ли кто
сможетъ серьёзно опровергнуть. Выдержки изъ слѣдующаго письма
отъ 1-го февраля 1865 года представляютъ и окончаніе этой
исторіи съ лекціями, любопытной для характеристики современ-
ныхъ нравовъ, и дополняютъ сказанное прежде объ отношеніи
А. И. Каченовскаго къ своему университету.

«Въ Харьковѣ новаго мало. Университетъ постепенно на-
полняется новыми людьми и чѣмъ больше пріобрѣтетъ *своихъ* и
хорошихъ людей, тѣмъ скорѣе будетъ имѣть опредѣленный ха-
рактеръ. Къ несчастію, до этого еще далеко. Теперь харьковцы
въ совѣтѣ составляютъ незначительное меньшинство и между ними
не всѣ выбраны, какъ слѣдуетъ. Бурсаки и проходимцы даютъ
тонъ и держатся крѣпко другъ за друга, а молодое поколѣніе
профессоровъ разрознено. Филологическій факультетъ потерялъ
прежній характеръ. Исторія и литература въ немъ уступила мѣсто

славянщинѣ и разнымъ спеціальностямъ архаическаго свойства. Эта односторонность замѣтна и на студентахъ. Юридическій факультетъ не имѣетъ полнаго состава профессоровъ, хотя и наполненъ студентами...»

Прерываемъ на этомъ мѣстѣ выдержки изъ письма, чтобы покончить со взглядомъ Каченовскаго на обусловленное личными отношеніями положеніе дѣлъ, едва-ли не общихъ всѣмъ университетамъ. По поводу такихъ личныхъ отношеній (мнѣ, впрочемъ, неизвѣстныхъ) я полемизировалъ съ Каченовскимъ; но вотъ что онъ писалъ мнѣ въ Петербургъ въ августѣ 1869 г.:—«что касается до Х. (личность, давно выбывшая изъ Харькова и жившая тогда въ одной изъ восточныхъ губерній), онъ терпѣть меня не можетъ, и я вамъ не совѣтую даже упоминать при немъ мое имя. Эти враждебныя отношенія были бы вамъ вполнѣ понятны, если бы вы знали, сколько страдалъ харьковскій университетъ отъ наѣзда подобныхъ господъ: они систематически душили мѣстныя дарованія, держали пансіонеровъ и думали только о наживѣ».

Перехожу къ лекціямъ:—«Z. прислалъ сюда бумагу, въ которой доказываетъ свою самостоятельность, но рѣшеніе его дѣла зависитъ отъ попечителя. Я въ этомъ вовсе не принимаю участія, какъ онъ думаетъ. Мнѣ только дали просмотрѣть его программу. Замѣтивши въ ней странное сходство съ моею, я выразилъ удивленіе, что онъ не упоминаетъ объ источникахъ. Когда затѣмъ, у меня спросили: согласенъ ли я, чтобы безъ моего согласія читали публичныя лекціи по моимъ запискамъ и статьямъ?—я отвѣчалъ, что я бы себѣ не позволилъ пользоваться такимъ образомъ чужими трудами, безъ спроса у автора или у факультета въ которомъ я учился, и потому не могу дать согласіе на это. Но тѣмъ и окончилось мое заявленіе факультету. Въ рѣшеніи самаго дѣла я предоставилъ членамъ факультета и совѣта полную свободу, а съ попечителемъ даже не говорилъ объ этомъ дѣлѣ. Судите же сами, насколько здѣсь замѣшано мое самолюбіе! Z. въ своей бумагѣ говоритъ, что сходство нашихъ программъ зависитъ отъ пользованія одними источниками, но какіе это источники, не упоминаетъ. Между тѣмъ извѣстно, что я путешествовалъ по Англіи и собралъ тамъ множество фактовъ и наблюденій, ему извѣстныхъ только отчасти чрезъ мои лекціи. Значитъ, тутъ что-то не ладно. Кто-нибудь изъ насъ да обкрадываетъ другаго. А дѣло было бы проще, если-бы прямо сказать что я-де пользовался отчасти чужими лекціями. Пускай онъ обработаетъ свои тетради по нѣмецкимъ книгамъ, и ему никто не запретитъ читать ихъ предъ публикою. Я же, съ своей стороны

увѣренъ, что другіе студенты будутъ справедливѣе въ отношеніи
къ своимъ преподавателямъ и не откажутся признать за ними то,
что́ принадлежитъ имъ по праву. Если же записки Z. дѣйстви-
тельно, самостоятельны; то почему онъ не прислалъ ихъ, или не
выразилъ своей самостоятельности въ программѣ чѣмъ-нибудь
другимъ, кромѣ ошибокъ въ орѳографіи и заключительныхъ во-
склицаній ..... характера? Тяжело говорить объ этихъ дрязгахъ...»

Приводимыя слова, надѣемся, послужатъ опроверженіемъ про-
тивъ обвиненія (крайне опошленнаго въ послѣднее время) въ не-
расположеніи или антипатіи Каченовскаго къ *молодому* поколѣнію
своихъ слушателей. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что Каче-
новскій горячо любилъ *своихъ* слушателей, харьковскихъ студен-
товъ, какъ и все харьковское,—университетъ, его прошлое, ста-
рыхъ харьковскихъ идеалистовъ. Предъ смертію, по духовному
завѣщанію, изъ своихъ ничтожныхъ средствъ Каченовскій назна-
чилъ до тысячи рублей на пособія студентамъ и для премій за
сочиненія; онъ же былъ однимъ изъ главныхъ ревнителей недавно
возникшаго въ Харьковѣ общества для пособія бѣднымъ студен-
тамъ. Врагомъ юношества, если подобное явленіе только свой-
ственно человѣческой природѣ, онъ, вѣчно юный въ душѣ, сердеч-
ный человѣкъ, никогда не былъ; но, какъ человѣкъ, зрѣлый
числію и знаніемъ, онъ не былъ поклонникомъ культа всякаго
рода незрѣлости, интеллектуальной и возрастной; въ высшей сте-
пени снисходительный къ человѣческимъ немощамъ и недостаткамъ,
онъ являлся гордымъ и неуступчивымъ только тогда, когда послѣд-
ніе становились въ вызывающее положеніе и бросали ему перчатку.

Въ приводимыхъ выдержкахъ читателю можетъ показаться
страннымъ мнѣніе такого человѣка, какъ Каченовскій, о литера-
турѣ и журналистикѣ, о ихъ раздѣленіи на провинціальныя и
столичныя и объ ихъ отношеніяхъ. Не забудемъ, прежде всего,
что это говорилось подъ вліяніемъ того литературнаго возбужде-
нія, которое у насъ обнаружилось въ концѣ 50-ыхъ и въ началѣ
60-ыхъ годовъ, Каченовскій, какъ человѣкъ крайне впечатлитель-
ный, могъ долѣе другихъ находиться подъ этимъ вліяніемъ. Въ
то время мысль о необходимости провинціальной литературы и
журналистики, повидимому, созрѣла, по крайней мѣрѣ выразилась
такими явленіями, какъ журналъ «Основа», выходившій хотя въ
Петербургѣ, но редижируемый большею частію харьковцами, и
сколько провинціальныхъ сборниковъ (Воронежскіе, Саратов-
скій, Пермскій), хотя печатавшихся и въ столицахъ, но проис-
хожденія мѣстнаго. Нужно ли доказывать, что литературная де-
централизація намъ необходимѣе, чѣмъ кому-либо, и что, при

возбужденіи провинціальной мысли, нѣкоторая горечь въ отношеніи къ журналистикѣ, общей, привилегированной, является чувствомъ совершенно понятнымъ. Провинціальная литература, конечно, не значитъ *обывательская*, какъ ее понимаетъ Щедринъ, не литература мелкихъ городскихъ и губернскихъ сплетень, а органъ цѣлыхъ, большихъ крупныхъ мѣстностей, напр., Украйны, Малороссіи, Бѣлоруссіи, Новороссіи,—возможность проявленія и выраженія въ словѣ всѣхъ оттѣнковъ русскаго типа, не скроеннаго по одному шаблону; такая литература не только не истощаетъ, а, напротивъ,—питаетъ общую литературу-мать. Видѣть въ ней сепаратизмъ, по меньшей мѣрѣ странно; ибо съ точки зрѣнія малорусса и бѣлорусса и московское славянофильство, имъ непонятное, будетъ такимъ же сепаратизмомъ, или точнѣе—провинціализмомъ.

Въ началѣ 1867 г. Каченовскій писалъ ко мнѣ въ Вильну: «У меня на шеѣ срочныя и давно начатыя работы. Здоровье разбито, силъ мало и, кромѣ біографіи М. Анджело, предназначенной для «Вѣстника Европы», я едва-ли что-нибудь напишу для журналовъ въ остальные годы службы; нужно издать курс прежде всего». Онъ дѣйствительно издалъ курсъ и написалъ для «Вѣстника» большую статью о флорентійскихъ живописцахъ. С этого времени онъ сталъ думать объ окончаніи службы и мечталъ о времени, когда, выслуживъ пансіонъ, онъ будетъ имѣт возможность удалиться въ свой родной Карачевъ и тамъ, жив въ уѣздной глуши, обработывать и приготовлять къ печати об ширный запасъ своихъ путевыхъ впечатлѣній по Западной Европѣ изрѣдка дѣлая поѣздки по Россіи. Этой мечтѣ, обличающей Каченовскомъ стараго харьковскаго студента и неисправимаго идеалиста, не суждено было исполниться! Но проживи онъ еще два-три года, мы убѣждены, что онъ угасъ бы также тихо безъ шуму, какъ неизвѣстный ни въ наукѣ, ни въ литературѣ Запара, котораго покойный Дмитрій Ивановичъ искренно и сердечно любилъ. Намъ всегда казалось, что громкая извѣстность пріобрѣтенная Каченовскимъ, какъ-бы давила, стѣсняла его. Скромность его почти граничила съ смиреніемъ; вотъ почему мы дямъ, мало его знавшимъ, онъ могъ казаться, пожалуй, ниже своей извѣстности.

Какъ бы то ни было, отказавшись до времени отъ литературной дѣятельности и нетерпѣливо ожидая времени, когда можно будетъ бросить службу, Каченовскій въ послѣдніе годы своей жизни располагалъ своимъ свободнымъ временемъ по плану заранѣе обдуманному. Зимою, на рождественскіе праздники, ѣздилъ онъ въ Петербургъ, гдѣ еще оставались у него прежнія связи

отношенія съ 50-хъ годовъ, лѣтомъ одинъ годъ онъ путешество-
валъ по Европѣ, другой хотѣлъ посвятить поѣздкамъ по Россіи.
Послѣднюю мысль онъ, кажется, не успѣлъ вполнѣ осуществить;
но намъ извѣстно путешествіе его по Орловской и Тульской гу-
берніямъ (1867), въ Воронежъ, Нижній и Кіевъ. Въ Бѣлевѣ онъ
открылъ домъ Жуковскаго и первый высказалъ мысль (въ «Спб.
Вѣдомостяхъ») о покупкѣ и обращеніи его на школу. Гдѣ-то въ
Орловской губерніи онъ нашелъ народныхъ маляровъ, о кото-
рыхъ разсказывалъ намъ съ восторгомъ славянофила, замѣтивъ
въ нѣкоторыхъ крестьянахъ-самоучкахъ проблески истиннаго да-
рованія и даже сносную технику. Отличный знатокъ живописи,
покойный Каченовскій думалъ обратить на нихъ особенное вни-
маніе по переселеніи своемъ въ Орловскую губернію. Изъ рус-
кихъ городовъ ему больше всѣхъ понравились Нижній и Кіевъ,
такъ представители двухъ типовъ—великорусскаго и малорус-
каго. Уже Орловскую губернію, свою родину, онъ называлъ
«родной Великороссіей», но все украинское, южное, было, ка-
кется, ему болѣе по душѣ: такъ онъ былъ въ восторгѣ отъ Кіева
постоянно сѣтовалъ, что въ Харьковѣ малороссійскій элементъ
съ каждымъ годомъ исчезаетъ. Помню, съ какимъ восторгомъ онъ
оворилъ, провожая меня въ Полтаву, въ маѣ 1870 г., что «вотъ
ъ Валокъ уже начинается настоящая Малороссія, которую вы
ще не знаете!» Нужно ли распространяться о томъ, что путе-
ествіе на Западъ, жизнь во Франціи, Италіи, Испаніи и Англіи..
дѣ у него были обширныя связи и искренніе друзья, дѣйство-
али на него самымъ освѣжающимъ образомъ. Вотъ, что онъ,
апримѣръ, пишетъ въ октябрѣ 1866 г., по возвращеніи изъ-за
раницы: «Путешествіе за-границу нѣсколько освѣжило меня. Я
робылъ около пяти недѣль въ Лондонѣ, въ кругу друзей и зна-
омыхъ. Странно сказать,—чужіе люди иногда бываютъ любезнѣе
воихъ. Въ Харьковѣ, какъ и вездѣ у насъ, личныя отношенія
еперь очень непрочны. Какъ ни дорожишь личными связями, онѣ
егко разрываются и чувство одиночества къ старости становится
есноснымъ». Каченовскій не былъ слѣпымъ поклонникомъ ка-
ой-нибудь отдѣльной національности, но не скрывалъ своихъ
импатій къ народамъ романскаго племени. Въ нашей памяти
охранились слѣды оживленныхъ его разсказовъ объ Италіи, о
прошломъ и теперешней современности, такъ не похожія на
, что сообщается, такъ-называемою, политическою печатью, изъ-
одъ кисти которой жизнь всегда выходитъ холодною, представ-
ется не въ живыхъ образахъ, а въ отвлеченныхъ схемахъ. Ху-
жникъ въ душѣ, Каченовскій эти схемы одѣвалъ плотію и не-

рѣдко придавалъ имъ иной, не-политическій смыслъ. Такъ, въ его устахъ «объединенная Италія» и «римское папство» были далеко не символами прогресса и попятнаго движенія, далеко не представителями Ормузда и Аримана. Разсматривая государственныя и общественныя формы жизни, онъ прежде всего останавливался на ихъ историческомъ происхожденіи и какъ-скоро видѣлъ, что та или другая форма еще не оскудѣла бодрою, прогрессивною жизнію, въ такомъ случаѣ онъ являлся врагомъ всякихъ ломокъ и насильственныхъ мѣръ, хотя бы и во имя прогресса. Все угнетаемое и принижаемое возбуждало въ немъ глубокую симпатію: такъ онъ смотрѣлъ на Ирландію, при всѣхъ своихъ сочувствіяхъ къ Англіи. Само собою разумѣется, что «бисмаркизмъ» и «прусскіе порядки» не могли возбуждать симпатій въ человѣкѣ, подобномъ покойному Каченовскому. Его взгляды, какъ и каждаго, конечно, не были чужды ошибокъ и крайностей, но они отличаются именно тою художественною полнотою, которой нѣтъ у публицистовъ, и тѣмъ добродушнымъ и безпристрастнымъ отношеніемъ къ жизни, котораго не достаетъ у новѣйшихъ историковъ. Подобное отношеніе не исключало въ Каченовскомъ высоты политическаго пониманія, въ чемъ онъ не уступилъ бы никакому изъ нашихъ записныхъ публицистовъ, если бы ему пришлось дѣйствовать на этомъ поприщѣ, и чѣмъ онъ пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность. Но, за исключеніемъ аудиторіи, иной способъ дѣйствія въ этомъ родѣ былъ ему антипатиченъ. Нельзя не пожалѣть, что русская публика не имѣетъ никакого понятія о Каченовскомъ, какъ о замѣчательнѣйшемъ русскомъ путешественникѣ: вотъ почему на харьковскихъ друзьяхъ покойнаго, въ рукахъ которыхъ находятся его бумаги, лежитъ обязанность пересмотрѣть и издать что́ можно изъ его громаднаго запаса путевыхъ замѣтокъ, хотя такое изданіе, конечно, не замѣнитъ того, которое предполагалъ сдѣлать самъ покойный авторъ.

Но ни внутреннія, ни заграничныя поѣздки не могли спасти бѣднаго Каченовскаго отъ преждевременной смерти: чахотка дѣлала свое дѣло такъ быстро, что, судя даже по письмамъ Каченовскаго, надобно было ожидать скорой его кончины. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ ко мнѣ въ октябрѣ 1871 г.:—«Вотъ уже годъ, какъ у меня продолжается капель съ кровью, одышка и крайнее утомленіе, доходящее иногда до изнеможенія, а между тѣмъ лекаря нисколько не помогаютъ. Хочу поѣхать къ Боткину въ Петербургъ посовѣтоваться, но боюсь зимы и сдѣлаю это, вѣроятно, весною. Здѣшніе эскулапы утверждаютъ, будто у меня геморрой и—только. Какъ бы то ни было, жизнь моя раз-

строена. Особенно страдаютъ занятія отъ запрещенія читать, писать, говорить и т. п., которымъ нужно повиноваться хоть отчасти, именно во время самыхъ припадковъ болѣзни. Между тѣмъ никогда такъ не хотѣлось работать, какъ теперь, въ виду неудачныхъ реформъ въ нашемъ управленіи, общаго обскурантизма и прусскихъ побѣдъ надъ Франціею, или, лучше сказать, надъ Европою. Все это въ совокупности обѣщаетъ намъ невеселую старость. Просто не хочется смотрѣть на внѣшній міръ; напротивъ, книги и домашнія занятія кажутся завлекательными. Думаешь, что сдѣлалъ бы много, если бы не проклятая болѣзнь. Вы знаете теперь, что́ такое Малороссія. Каково же провести въ ней всю жизнь! Хуже всего то, что здѣсь, помимо университетскаго товарищества, нѣтъ ни связей, ни крѣпкихъ отношеній между людьми. Все рыхло, вяло, шатко и хрупко». Послѣднія письма Каченовскаго все въ томъ же грустномъ тонѣ. Но и въ этихъ предсмертныхъ письмахъ Каченовскій говоритъ о родномъ университетѣ, о студентахъ, о прежнихъ профессорахъ, даже объ умершемъ 25 декабря 1871 г. Рославскомъ-Петровскомъ, которому онъ никакъ не могъ простить утрату записокъ Лунина и небрежное отношеніе его къ памяти этого ученаго [1]). «Боже мой!» восклицаетъ онъ по поводу этой потери, «какъ пропадаютъ у насъ не только добрыя мысли, но и труды! Кругомъ эгоизмъ». Мысль о біографическихъ очеркахъ прежнихъ харьковскихъ профессоровъ давно и одинаково занимала насъ съ Каченовскимъ, но положительное отсутствіе матеріаловъ не позволяло ничего сдѣлать въ этомъ родѣ. Приглашая меня въ своемъ послѣднемъ письмѣ (отъ 16 января 1872) въ Харьковъ, для занятій, Каченовскій, между прочимъ, пишетъ:—«Собирайте, ради Бога, все, что́ можете, о жизни порядочныхъ людей, только не будьте снисходительны къ такимъ, какъ Артемовскій. Метлинскаго у насъ считали бездарнымъ профессоромъ, но вы, вѣроятно, цѣните его любовь къ народной поэзіи».

Задолго еще до личнаго знакомства я имѣлъ возможность составить себѣ понятіе о личности Каченовскаго, извѣстнаго мнѣ юношей, но не мужемъ, вполнѣ потомъ оправдавшееся. Это случилось лѣтомъ 1856 г., до начала переписки между нами, и произошло по слѣдующему обстоятельству, подробностями котораго надѣюсь не наскучить читателямъ. Приходитъ разъ ко мнѣ утромъ (это было въ Воронежѣ) отставной солдатъ лѣтъ 50-ти,

---

[1]) Вскорѣ послѣ смерти Рославскаго онъ писалъ ко мнѣ:—«Здѣсь объ немъ едва ли напишутъ что-нибудь, кромѣ панегирика, и вамъ не мѣшало бы помѣстить краткій его некрологъ въ С.-Петерб. Вѣдом.»

въ тогдашней гарнизонной формѣ, говоритъ, что онъ прибылъ изъ Харькова и что Метлинскій (тогда опять переселившійся въ этотъ городъ) и Каченовскій мнѣ кланяются. Я допытываюсь подробностей объ этихъ лицахъ, о причинѣ, почему они ко мнѣ не написали, ожидая найти въ инвалидѣ просителя; но, къ удивленію моему я услышалъ отъ него не *просительную*, а свободную и даже образованную рѣчь, отзывавшуюся нѣсколько книжнымъ оттѣнкомъ. «Да вы не Лихачевъ ли?» спрашиваю я мнимаго просителя.—«Лихачевъ!» былъ мнѣ отвѣтъ. «Ну, такъ милости просимъ», сказалъ я уже своему гостю. Современный читатель, конечно, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о книжкѣ, изданной въ Харьковѣ въ 1852 г., подъ названіемъ «Стихотворенія Егора Лихачева». Стихотворенія эти лишены были всякихъ поэтическихъ достоинствъ, а потому тогдашняя журналистика отдѣлалась отъ нихъ нѣсколькими словами и если не разбранила ихъ, такъ изъ сожалѣнія къ автору, гарнизонному унтеръ-офицеру. Самой книжки я не читалъ, но имя автора и мѣсто изданія помнилъ тѣмъ болѣе, что въ біографической замѣткѣ, предпосланной стихотвореніямъ, между прочимъ, говорилось, что профессоръ Метлинскій принималъ въ немъ живое участіе. Новый гость тѣмъ болѣе меня занялъ, что передалъ подробности о такомъ же участіи къ нему профессора Каченовскаго, находившагося тогда въ апогеѣ своей извѣстности. Лихачевъ прожилъ потомъ въ Воронежѣ года три и бывалъ у меня почти ежедневно. Это былъ старикъ болѣзненный, глухой и плохо видѣвшій. Онъ продолжалъ писать стихи въ большомъ количествѣ и осыпалъ меня и моихъ пріятелей своими посланіями и даже псевдо-экспромтами. Стихотворство стало у него мономаніей, тѣмъ болѣе смѣшной и скучной вмѣстѣ, что онъ только объ этомъ и говорилъ, не-шутя считая себя вторымъ Пушкинымъ и выше Кольцова и Никитина. Полученіе чина коллежскаго регистратора, при отставкѣ, еще болѣе сбило старика съ толку, заставивъ его считать себя двойною замѣчательностію, «и по таланту, и по званію», какъ онъ выражался. На самомъ дѣлѣ онъ и былъ замѣчателенъ, только не въ томъ смыслѣ. Лихачевъ (Егоръ Филипповъ) — личность типическая, совершенно еще неизвѣстная въ русской литературѣ: это былъ *крѣпостной* поэтъ, *крѣпостной* литераторъ добраго стараго времени. Изъ мальчиковъ-лакеевъ, изъ казачковъ, онъ сдѣланъ былъ своимъ бариномъ (Губинымъ, помѣщикомъ Ярослав. губерніи, Моложскаго уѣзда) чтецомъ, писцомъ, секретаремъ, библіотекаремъ, наконецъ литераторомъ. Чета Губиныхъ, не имѣя дѣтей, полюбила по-своему даровитаго казачка и не

олько не мѣшала, но и поощряла его заниматься «свободными удожествами», т.-е., чтеніемъ, подражаніемъ и потомъ писаніемъ тиховъ, тѣмъ болѣе, что эти занятія не только не приносили убинымъ, имѣвшимъ свою библіотеку, никакого убытка, но еще ыли выгодны, а главное давали возможность похвалиться передъ накомыми «своимъ крѣпостнымъ поэтомъ», — рѣдкостью любытнѣйшею, чѣмъ «крѣпостные музыканты и актеры». Такъ вился на Руси крѣпостной поэтъ, на котораго, въ нѣкоторомъ одѣ, даже снизошелъ ореолъ славы, въ видѣ одобренія тогдашихъ литературныхъ извѣстностей, — Свиньина, кн. Шаликова, аченовскаго и Мерзлякова; лучи этой славы отражались, конечно, и на помѣщикѣ. Но наслѣдникъ Губиныхъ, кажется, не чень дорожилъ ею, по крайней мѣрѣ, за какой-то неважный роступокъ онъ не задумался отдать «своего» поэта въ солдаты,— вотъ Лихачевъ, отъ природы слабый и хилый, попалъ въ гарнизонъ, гдѣ и прослужилъ 27 лѣтъ, странствуя по разнымъ городамъ (Смоленскъ, Кіевъ, Курскъ, Харьковъ и Воронежъ) и вездѣ находя людей, сочувствовавшихъ его горькому положенію. амѣчательно, что лакейская и казарма не подѣйствовали на него еморализующимъ образомъ. Онъ былъ человѣкомъ всегда трезвымъ, честнымъ и не только чуждымъ малѣйшаго искательства, о съ чувствомъ собственнаго достоинства, даже не безъ гордости. Въ Воронежѣ, до полученія мѣста, онъ жилъ въ большой бдности; но, несмотря на это, онъ не только не согласился принять отъ меня денежной помощи, но даже не воспользовался моимъ предложеніемъ—расположиться у меня на квартирѣ, въ совершенно свободной комнатѣ. Лихачевъ былъ любопытенъ и въ рхаическомъ отношенін, какъ литературный человѣкъ 20-хъ годовъ, замѣчательно-полно сохранившійся. На литературѣ этого ремени, отлично ему знакомой, онъ остановился и не пошелъ лѣе; отсюда происходила также навѣваемая имъ скука, какъ ъ заживпейся на бѣломъ свѣтѣ литературной муміи. Мои воронежскіе пріятели недоумѣвали, какимъ образомъ такой извѣстный профессоръ, какъ Каченовскій, могъ *выносить Лихачева*. это понялъ и не удивлялся, какъ не удивился, прочтя въ урналахъ о симпатіи къ нему А. Л. Метлинскаго. Какъ ни изко отстоитъ Воронежъ отъ Харькова, но вѣянія въ немъ были егда другія,—можно сказать,—*срединныя*, болѣе великорусскія, мъ украинскія; личность, подобная, напримѣръ, Метлинскому, Воронежѣ была бы немыслима. Лихачевъ передалъ мнѣ о аченовскомъ то же самое, что́ разсказывалъ недавно въ своихъ споминаніяхъ о покойномъ Дмитріѣ Ивановичѣ бывшій его

слушатель, г. П. Лейбинъ (см. «Спб. Вѣдомости» 1873 г., № 15),—именно подробности о его частной жизни, о его вечерахъ, гдѣ смѣшивались студенты съ профессорами, гдѣ попеременно оживленныя бесѣды смѣнялись звуками классической музыки, страстно любимой молодымъ хозяиномъ. Радушной, ко всѣмъ одинаково внимательной хозяйкой была мать профессора, единственный нѣжный другъ его съ 2-хъ-лѣтняго возраста, по смерти отца, и до могилы. На этихъ вечерахъ не было тѣсно и инвалиду-стихотворцу. Онъ никому не мѣшалъ; онъ только поглощалъ большое количество стакановъ чаю, слушалъ и слышалъ музыку (не всегда разслушивая и понимая бесѣду) и читалъ себѣ стихи въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ (кромѣ стиховъ, онъ почти ничего не читалъ, потому что прозаическую рѣчь понималъ съ затрудненіемъ); но мать и сынъ и здѣсь, при множествѣ гостей, не оставляли его безъ вниманія; оно было тѣмъ полнѣе и симпатичнѣе, когда они оставались одни. Считаемъ излишнимъ доказывать, что черты подобнаго добродушія, теперь, кажется, исчезающія, было бы болѣе, чѣмъ странно, объяснять бѣдностію интересовъ провинціальной жизни; эта бѣдность никогда, однакоже не мѣшала всякаго рода посредственности кичиться не въ мѣру объ этой бѣдности, наконецъ, нельзя говорить тамъ, гдѣ была возможность существованія вечеровъ учено-литературныхъ и музыкальныхъ.

Личное мое знакомство и сближеніе съ Каченовскимъ, начавшееся въ 1868 г., въ Вильнѣ, вполнѣ оправдало разсказ о немъ Лихачева и сложившееся, на основаніи его, мое мнѣніе о покойномъ Димитріѣ Ивановичѣ, проводимое въ настоящей статьѣ. Въ послѣднее, самое продолжительное наше свиданіе, я узналъ его еще короче, но тѣмъ больше я убѣдился въ безошибочности моего взгляда на этого замѣчательнаго русскаго человѣка. Въ началѣ мая 1870 г. ѣхалъ я изъ Петербурга въ Полтаву. Въ Харьковѣ, гдѣ прошли мои студенческіе годы, я не былъ 22 года; по этой причинѣ и для свиданія съ Каченовскимъ я расположился провести въ Харьковѣ двое сутокъ. Утомившись въ дорогѣ, я смертельно хотѣлъ спать; но, однакоже, не вытерпѣлъ, отправился въ университетъ, обѣжалъ аудиторіи, былъ в университетскомъ саду, что́ за городомъ, близъ института. Не знакомый съ матушкой Димитрія Ивановича, я послалъ ему изъ университета нумеръ своей гостинницы и спрашивалъ, какъ и гдѣ намъ удобнѣе видѣться, но просилъ сдѣлать это не ранѣе вечера, такъ какъ теперь, въ полдень, утомленный качкою вагона, я собираюсь спать. Но едва я возвратился изъ сада, ещ

болѣе утомленный подъ давленіемъ воскреснувшихъ воспоминаній
прошломъ, какъ Каченовскій уже былъ въ моемъ нумерѣ.
Встрѣча была непродолжительная, а потому и бесѣда не долгая;
не помню, какъ и къ чему, но Каченовскій узналъ отъ меня,
что я не читалъ повѣсти Тургенева «Собака». Мы условились
вечеръ провести у насъ въ гостинницѣ (я ѣхалъ съ сестрою), а
на весь слѣдующій день отдавали себя въ полное распоряженіе
Каченовскаго. Дмитрій Ивановичъ явился ранѣе условленнаго
времени, съ «Петербургскими Вѣдомостями» въ рукахъ, и про-
сидѣлъ онъ у насъ до свѣта. Не помню, о чемъ мы тогда го-
ворили, да, признаюсь, я не былъ тогда способенъ вести бесѣды,
не отъ желанія сна и утомленія, которыхъ уже не было, а отъ
причинъ, которыя читатель легко себѣ представить можетъ, ставши
въ тогдашнее мое положеніе. Но я помню чтеніе, но не самую
повѣсть, а мастерски читавшаго Каченовскаго. Я не столько слу-
палъ любимаго моего автора, сколько смотрѣлъ на воодушевлен-
наго чтеца. Въ немъ, какъ бы за нимъ, вокругъ его и въ отда-
леніи перспективы возставали передо мною картины прошлаго,
живые образы старыхъ харьковскихъ идеалистовъ, нашихъ учи-
телей. На другой день Каченовскій уже по-своему распорядился
нами. Мы были въ университетской библіотекѣ и нѣсколько ча-
совъ посвятили разсмотрѣнію художественнаго, весьма скромнаго,
конечно, по составу музея, которымъ завѣдывалъ покойный про-
фессоръ. Главнымъ вкладчикомъ музея былъ И. И. Бецкій, изда-
тель «Молодика», о которомъ Каченовскій отзывался съ вели-
чайшимъ уваженіемъ, въ такихъ выраженіяхъ: «Вотъ они, люди
40-хъ годовъ, которыхъ теперь бранятъ! Вдали отъ родины,
на старости лѣтъ, человѣкъ не забываетъ своей alma mater!»
Вообще, въ этомъ маленькомъ музеѣ, находящемся при универси-
тетѣ, Каченовскій, показывая намъ, своимъ слушателямъ, не бо-
лѣе, какъ дилеттантамъ живописи, картины и рисунки, былъ
разнорѣчивымъ профессоромъ, увлекшимся своимъ предметомъ
до такой степени, что забылъ о пустотѣ своей аудиторіи и о
безмѣрной продолжительности лекціи. Затѣмъ мы съ нимъ от-
правились гулять по городу и потомъ къ нему обѣдать. Онъ
квартировалъ въ глухой улицѣ, чуть ли не въ той же и не въ
томъ же самомъ домѣ, гдѣ бывали у него, въ 1856 г., гг. Лей-
тинъ и Лихачевъ. Улица, домъ и квартира такъ и переносили
въ глухой уѣздный городъ, какой-нибудь Карачевъ: они нахо-
дились за Лопанью и разжирѣвшаго Харькова не напоминали
нисколько. Даже дворъ былъ пустъ и поросъ травою; даже ка-
литка соединялась съ вереею воротъ толстою желѣзною цѣпью,

подъ которою надобно было наклоняться всякому входящему въ квартиру профессора, такъ какъ подъѣзда при ней не было. Улица и домъ, квартира съ ея обстановкою, если угодно, самое меню обѣда,—все это вѣяло такою глубокою провинціей, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, что я, только двое сутокъ тому назадъ покинувшій Петербургъ, почувствовалъ себя необыкновенно хорошо: воскресли дѣтскіе, деревенскіе инстинкты, уѣздная глушь и тишина губернскаго великорусскаго города! Сердечное добродушіе и натуральная простота (если можно такъ выразиться) хозяина положительно васъ очаровывали и заставляли вѣрить еще въ возможность идиллій въ наше время, чему не вѣрилъ, впрочемъ, самъ Гоголь, поэтъ идиллической Украйны. Вечеромъ мы поѣхали за городъ, на Холодную-гору, и гуляли въ такъ-называемомъ Карповскомъ саду, теперь прорѣзанномъ рельсами азовской желѣзной дороги. Отсюда, какъ и вообще съ Холодной-горы, лучшій видъ на городъ, расположенный въ котловинѣ, между двумя жалкими рѣченками. Изъ массы городскихъ зданій рѣзко выдѣлялись университетскія постройки, не особенно красивыя, но расположенныя на горкѣ, а потому и выдающіяся; между ними высоко бѣжала къ синему небу соборная колокольня. Видъ былъ, повторяю, очень не дуренъ, а Каченовскому онъ напоминалъ Саламанку. Понятно было бы мое восхищеніе старыми знакомыми мѣстами послѣ двадцатилѣтней съ ними разлуки; но Каченовскій любовался, кажется, больше, не разъ обращая мое вниманіе на «нашу Саламанку», какъ онъ называлъ университетъ, не разъ восклицая: «а жаль покинуть!» Наша послѣдняя бесѣда (больше я съ нимъ не видался) велась о путешествіяхъ покойнаго, о его будущихъ литературныхъ занятіяхъ и образѣ жизни, а главное—о дорогой ему «Саламанкѣ», объ университетѣ,—о необходимости хоть что-нибудь сдѣлать для его исторіи, разогнать мракъ, разоблачить клевету, спасти отъ забвенія честныя имена прежнихъ тружениковъ. «Идеалистъ!»—мнѣ хотѣлось воскликнуть, слушая эти задушевныя, но послѣднія рѣчи Каченовскаго. «Провинціалъ, несмотря на свое западничество!» И этотъ человѣкъ приводилъ въ смущеніе славянофильствующую «Москву», быть можетъ, омрачая свѣтлость торжествъ по поводу славянскаго съѣзда! И этотъ человѣкъ могъ имѣть толпу враговъ, и притомъ еще ожесточенныхъ!..

М. Де-Пуле.

Полтава.—1-го іюня, 1873.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

XIV.

Тѣни прошлаго.

Вечерѣевъ сталъ оправляться. Благодаря наставшему затишью въ семьѣ и общимъ заботамъ о немъ, онъ, дня черезъ три, всталъ съ постели, а еще черезъ день вышелъ и въ садъ.

— Работаете надъ моимъ переводомъ? — спрашивалъ онъ Ветлугина, заходя къ нему въ бесѣдку.

— Работаю; но... мнѣ нужны справки въ вашей библіотекѣ.

— Сдѣлайте одолженіе; мои книги къ вашимъ услугамъ. Одно меня безпокоитъ...

— Что же именно?

— Я до сихъ поръ не исполняю просьбы вашего отца... Но хоть бы и хотѣлъ, еще не могу: видите, силъ нѣтъ и докторъ пока запрещаетъ всякія занятія. Да и дѣла мои не очень-то вообще исправны, порядкомъ запущены. Вотъ, оправлюсь, думаю Николая Ильича, Милунчикова, просить. Не возьмется ли поуладить мое хозяйство? Только горячъ онъ, несдержанъ и служба ему мѣшаетъ. А некого больше пригласить. Другіе, ближайшіе мои, еще болѣе ненадежны...

---

*) См. выше: янв., 116 стр.

Старикъ пободрѣлъ. Но обычный строй его жизни нарушился. Эта жизнь до тѣхъ поръ такъ была размѣрена, что, по извѣстнымъ привычнымъ занятіямъ Кирилы Григорьича, можно было въ точности угадывать часы: поднималась занавѣска въ его окнѣ, —было четыре часа утра, и онъ, значитъ, сидѣлъ за своимъ дневникомъ; шелъ съ простыней купаться, — было пять часовъ; пилъ чай — было шесть; садился съ книгой на балконъ— семь; отворялъ буфетный шкапчикъ за дверью въ корридорѣ и, выпивая рюмку какой-то настойки, говорилъ: «банкетецъ! человѣкъ выпьетъ рюмку, лучше о себѣ думаетъ!» — былъ полдень, то-есть, часъ завтрака; а съ тростью и съ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ возвращался отъ теплицъ, — чаша съ супомъ стояла на столѣ и бронзовый рыцарь на тумбѣ въ залѣ билъ въ колоколъ четыре часа.

Теперь не то.

Кирила Григорьичъ и купался, и съ книгой на балконѣ сидѣлъ, и гулялъ. Но все это выходило у него какъ-то иначе и путалось. То встанетъ поздно, купанье пропуститъ. То сядетъ съ книжкой подъ навѣсомъ крыльца, но очевидно не читаетъ ее. О банкетной рюмочкѣ забывалъ. Спустится въ садъ, пройдетъ двѣ-три дорожки и остановится, опустится на ближайшую скамью и, вздыхая, по часамъ глядитъ за рѣку, или въ гущину имъ же насаженныхъ деревъ.

«Уйдетъ она, уйдетъ,—тихо шепчетъ онъ, дотрогиваясь до любимаго куста: и жизнь моя кончится».

Одно проливало нѣкоторую надежду и воскрешало силы старика. Хотя онъ лично съ дочерью еще не объяснялся о ея намѣреніи, но никогда она не была съ нимъ такъ нѣжна и заботлива, какъ теперь. Аглая не спускала съ него глазъ; сторожила его пробужденіе, приготовляла и носила ему утренній чай, убирала его столъ, чинила карандаши и предлагала ему читать вслухъ.

— Ну, что́ ты мнѣ будешь читать? улыбался Вечерѣевъ, ласково трепля дочь по плечу: вѣдь я грѣшныя, свѣтскія книги читаю—романы; а тебѣ бы «Гласъ трубный» пріятнѣе, или «Воздыханіе голубицы»? Не такъ ли, признайся?...

Аглая молчала на эти слова, еще нѣжнѣе жалась къ отцу и покидала его только въ то время, какъ ее зачѣмъ-нибудь звали къ матери, или когда къ нимъ подходилъ Ветлугинъ.

— Что ты уходишь отъ гостя? спросилъ ее какъ-то, съ досадой, отецъ: онъ дѣльный такой, милый, умный. Еще обидится.

— Я? право не знаю! равнодушно отвѣтила Аглая: мнѣ каза-ось, у васъ дѣла...

— Именно дѣла, усмѣхнулся старикъ, только не особенно уть важныя, литературныя...

— Ну, мой добрый критикъ,—обратился однажды, при всѣхъ а обѣдомъ, Вечерѣевъ къ Ветлугину: какъ идетъ просмотръ мо-хъ тетрадей?

— На-половинѣ; скоро кончу.

— А какъ находите мою библіотеку?

— Хороша, но требуетъ пополненія. Многихъ новѣйшихъ нигъ въ ней нѣтъ, и по части художественныхъ произведеній, по различнымъ отраслямъ знаній.

— Не составите ли списка, какія именно книги слѣдовало бы ріобрѣсти? У меня есть въ Петербургѣ поставщикъ, и я бы ъ нему обратился съ заказомъ. Кстати же, на-дняхъ я ему ишу.

— Съ удовольствіемъ.

— И у меня просьба къ Антону Львовичу, тихо сказала, зглянувъ на гостя, Ульяна Андреевна.

Ветлугинъ смѣшался. Онъ никакъ не ожидалъ обращенія ично къ себѣ, обыкновенно молчаливой и задумчиво сидѣвшей ри немъ, хозяйки дома.

— Какая просьба? спросилъ онъ.

— Видите ли... какъ бы это, — сказала Ульяна Андреевна: ы познакомились съ нашей библіотекой. Такъ я хотѣла узнать, просить... не попадалась ли вамъ, между прочимъ, одна книга, оторой теперь я никакъ не могу отыскать? Всѣ полки на-дняхъ ерерыла... Изданіе рѣдкое... старинное...

— Названіе книги? спросилъ Ветлугинъ.

— Но вы можетъ быть такихъ книгъ не любите? онѣ не ъ вашемъ духѣ?—поглядывая на мужа и на дочь, продолжала ечерѣева: теперь иныя сочиненія въ ходу... Вислиценусъ о ибліи, Давидъ Штраусъ о жизни Спасителя...

— Да ты ужъ, матушка, прямо бы говорила,—перебилъ ее ужъ: что тутъ за намеки? Не люблю я ихъ... охъ, не люблю... Духовное Млеко» тебѣ, что ли нужно? или «Угрозъ Свѣтово-оковъ» понадобился?

Аглая наклонилась къ тарелкѣ.

— «Таинства» Массильона, сказала Вечерѣева: такъ ли это, линька?

— «Mystères» и «Oraisons funèbres», отвѣтила Аглая.

— Далеко отъ «Млека» и отъ «Угроза» не ушли, милая моя, съ горечью заключилъ Вечерѣевъ.

Аглая, не дождавшись конца обѣда, встала, поцѣловала руку матери и молча ушла.

Въ тотъ же вечеръ, ѣдучи откуда-то, завернулъ въ Дубки Милунчиковъ.

Онъ взялъ Аглаю подъ руку и долго съ нею ходилъ по саду.

— Ну, что, какъ онъ тебѣ? спросилъ онъ Аглаю.

— Кто?

— Да гость вашъ...

— Право, не знаю.

— Онъ тебѣ говорилъ что-нибудь?

— О чемъ?

Милунчиковъ помолчалъ.

— Аглая!

— Что, дядюшка?

— Уѣдемъ.

— Куда?

— Ахъ, я не знаю... Но ты не повѣришь... Мнѣ кажется, скажи ты только слово, и я бы тебя увезъ отсюда за тридевять земель.

— Довольно и безъ меня тамъ всякихъ.

— Да ты себѣ цѣны не знаешь, ты... будь я на мѣстѣ...

— Тс! остановила его Аглая: слышите, насъ уже зовутъ?

— «Аглая! Аличка» раздавался въ это время по саду голосъ Ульяны Андреевны.

Дня черезъ два Ветлугинъ, роясь надъ новыми справками въ библіотекѣ и высматривая, не увидитъ ли въ гостиной Аглаи, вспомнилъ о просьбѣ Вечерѣевой.

«Списокъ книгъ старику я составилъ; надо и ей поискать эти «Таинства», подумалъ онъ. Просмотрѣвъ одинъ шкафъ, другой, онъ совершенно случайно, за кучей старыхъ газетъ, наткнулся на связку порыжѣлаго, истрепаннаго и полуизгрызеннаго мышами книжнаго хлама. Между послѣднимъ оказался и одинъ изъ желанныхъ томовъ Массильона.

Антонъ Львовичъ сдулъ съ него пыль и пошелъ, съ цѣлью отдать его Вечерѣевой. Это было послѣ обѣда. Кирила Григорьичъ, по обыкновенію, сидѣлъ на балконѣ.

— Гдѣ ваша жена? спросилъ Ветлугинъ.

— Въ старый садъ, къ теплицамъ, кажется, пошла. А что́, нашли для нея книгу?

— Нашелъ.

— Бросьте вы эту дребедень въ печку, сказалъ Вечерѣевъ: вонъ Егоровна въ каменкѣ печку топитъ,—подите и бросьте... мужу и дѣтямъ кашу варитъ... Право, это будетъ полезнѣе. А ей дайте Гюго или Беранже... кстати, вонъ я одного изъ нихъ перечитываю...

— Не могу, далъ слово.

— Ну, идите, несите ей. Я шучу.

Ветлугинъ остановился.

— Скажите, спросилъ онъ: говорили-ль вы съ Аглаей Кириловной? какъ ея намѣреніе?

— Нѣтъ еще, я съ нею не говорилъ.

— Что же вы медлите? или вы полагаете, что она одумается, отступитъ?

— Вотъ видите-ли, отвѣтилъ Вечерѣевъ: скоро день моего рожденія, — черезъ недѣлю, — надѣюсь, и вы его проведете съ нами?... Что вамъ спѣшить? Ну, я и придумалъ — я ее тогда спрошу. Я убѣжденъ, она подаритъ мнѣ при этомъ свое согласіе, раскается и забудетъ свои бредни...

Зайдя къ Егоровнѣ, Ветлугинъ узналъ, что старая барыня только-что была у нея съ барышней, павѣдывалась къ ея больной дочери Пашуткѣ, и пошла въ паркъ за ручей.

— Такъ барышня любитъ тебя, заходитъ къ тебѣ? спросилъ Ветлугинъ.

— Какъ ей, голубушкѣ, не жалѣть меня! Мужъ-то мой, садовникъ, день-деньской при дѣлѣ. Ну, дѣтокъ же, сами видите, сколько. Пашутка испугалась, какъ брата мавó, кузнеца Антропа, куда ссылалъ—съ той поры все и хвораетъ...

— Живъ ли твой братъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Бѣгалъ два раза изъ ссылки, а въ третій-то, какъ окружили его солдаты острожные, въ лѣсу-то... онъ проситъ: пустите голубчики,—а они его и пристрѣлили...

Ручей, о которомъ упомянула Егоровна, пересѣкалъ садъ и въ концѣ его впадалъ въ рѣку. Перейдя черезъ мостъ, Ветлугинъ очутился въ обширномъ, дикомъ паркѣ, гдѣ еще ни разу не былъ. Хозяева, очевидно, также рѣдко здѣсь гуляли. Дорожки его были запущены. Со стороны дома, эта мѣстность была заслонена плодовыми плантаціями; къ рѣкѣ она поднималась нѣсколько въ гору, причемъ съ ея, увѣнчанной старыми дубами, крутизны

открывался видъ на рѣчной заливъ и на село, раскинутое дугой по его берегу.

Ветлугинъ прошелъ паркъ, исколесилъ нѣсколько его просѣкъ и взошелъ на крутизну; но Вечерѣевой не было видно. Онъ уже хотѣлъ отправиться обратно за ручей, какъ изъ-за деревъ, съ зонтикомъ и съ четками въ рукахъ, вышла Ульяна Андреевна

Видъ ея былъ задумчивъ и растерянъ. Она шла, не поднимая головы... Нѣсколько озадачившись нежданнымъ появленіемъ Ветлугина, она было остановилась; но оправилась и, принимая отъ него книжку, сказала:

— А, вы нашли!.. Какъ я вамъ благодарна; садитесь.

Они сѣли подъ деревомъ, на каменной скамьѣ, стоявшей у края прибрежной крутизны.

— Великій мыслитель, сказала Ульяна Андреевна, указывая на томикъ Массильона: самъ Вольтеръ отдавалъ ему справедливость... И какая простота! Хороня Людовика Четырнадцатаго, знаменитый проповѣдникъ указалъ на пышный дворъ, на золотомъ окованную гробницу славнаго короля, поднялъ глаза и только сказалъ: «одинъ Господь великъ, мои братья, одинъ онъ...» И всѣ были поражены силой этихъ простыхъ словъ и плакали...

«Спрошу я ее о дочери», подумалъ Ветлугинъ, глядя на старуху. Но онъ не находилъ словъ для вопроса.

Молчала и Вечерѣева...

При видѣ молодого лица и полныхъ жизни, ласковыхъ глазъ Ветлугина, Ульянѣ Андреевнѣ вспомнился ея покойный сынъ Володя, а потомъ и нѣкогда столь же молодой и цвѣтущій силами Кирила Григорьичъ. Женившись на ней, онъ привезъ ее сюда и такой же ласковый, съ такими же свѣтлыми, добрыми глазами сидѣлъ съ нею здѣсь, на этой самой скамьѣ... Но какъ это было давно!

Это былъ первый годъ ихъ женитьбы.

Тридцати-пяти лѣтъ, съ небольшимъ, Кирила Григорьичъ въ чинѣ полковника гвардіи, вышелъ въ отставку, навѣстилъ разоренное село покойнаго отца, увидѣлъ Ульяну Андреевну, тогда еще статную, двадцати-четырехъ-лѣтнюю, красивую дѣвушку, на балѣ уѣзднаго предводителя Милунчикова, ея дяди (отца Николая Ильича) — влюбился въ нее безъ ума, женился на ней, и оба они, полные надеждъ и счастья, поселились здѣсь. Старое село называлось Весёлымъ.

Гдѣ они, эти невозвратные дни?

Двадцать-пять лѣтъ назадъ, былъ такой же теплый, весенній день.

«Бросимъ старую, мрачную и полную непривѣтливыхъ воспоминаній, усадьбу отца» — сказалъ тогда Кирила Григорьичъ: «тамъ онъ кутилъ и буйствовалъ; тамъ узнала горе и, брошенная съ первыхъ годовъ замужества, зачахла моя мать... Мы, дорогая моя, построимъ новую усадьбу, ниже старой, здѣсь въ дубовой рощѣ, у ключа подъ этой крутизной. И вся наша жизнь будетъ тиха и ясна, какъ этотъ ключъ».

Дѣло было рѣшено. Молодые, любящіе другъ друга и горячо вѣрившіе въ жизнь, мужъ и жена не разъ потомъ сидѣли здѣсь, подъ этими старыми деревьями, уносясь мечтами въ будущее и любуясь видомъ полей, подроставшаго сада и бѣгущей въ густыхъ камышахъ рѣки.

Работа закипѣла. Застучалъ топоръ. Старая дубовая роща, по-этотъ бокъ ручья, перерѣзана полянами и дорожками. По другой его бокъ, разбитъ новый, въ англійскомъ вкусѣ садъ, построены бесѣдки, теплицы и возведенъ новый, въ два этажа домъ. Село названо Дубками. Въ комнаты новаго дома, изъ прежней отцовской усадьбы, перенесены фамильные портреты, библіотека и часть старинной, еще дѣдовской мебели. Остальное все замѣнено новымъ. Копіи съ картинъ, обои, ковры, зеркала, бронза и посуда, съ общаго согласія, выписывались изъ столицъ. Библіотека обогатилась покупкой по случаю на какомъ-то заграничномъ аукціонѣ. На мѣстѣ сломаннаго, отцовскаго дома, забѣлѣла красивая, каменная церковь. Крестьяне вздохнули свободнѣе. Избы, сараи и амбары ихъ перестроены. Скота у нихъ прибавилось; повинностей уменьшилось. Вечерѣевъ терпѣливо занимался хозяйствомъ, уплатилъ отцовскіе долги и вскорѣ сталъ у сосѣдей прикупать земли, лѣса и луга. Онъ выписывалъ книги, журналы и ноты; въ семейные праздники, при помощи кое-кого изъ сосѣдей, устраивалъ квартеты. Жена только мало помогала ему въ трудахъ—въ устройствѣ сада, усадьбы и въ хозяйствѣ. Дѣтей у нихъ не было въ теченіи четырехъ лѣтъ. На пятомъ году, послѣ женитьбы, у нихъ родился сынъ. И какъ они ему были рады! Всѣ завидовали ихъ счастью. Они выѣзжали, изрѣдка давали вечера... А далѣе что?

Далѣе, старый, деревенскій, жизненный складъ взялъ свое. Жена болѣе и болѣе оказывалась не подъ пару мужу. Она любила наряды, выѣзды въ городъ, къ сосѣдямъ, любила танцы, умное общество, балы...

Работа Кирилѣ Григорьичу вскорѣ стала не по сердцу. Да и для чего, для кого было трудиться? На его разсказы о хозяйствѣ жена его зѣвала и говорила: какъ это скучно! Сосѣди читающіе—вскорѣ замѣнились сосѣдями нечитающими, за то танцующими, играющими въ карты и охотниками до милаго ничего недѣланья, смѣха, прогулокъ и вѣчныхъ пересудъ. Ульяна Андреевна перестала стѣсняться: не пропускала ни одного званаго съѣзда у знакомыхъ помѣщиковъ и даже ни одного бала, не только въ губернскомъ, но и въ уѣздномъ собраніи, предоставляя другимъ заботиться о ребенкѣ, забавлять его, а потомъ и учить.

Кирила Григорьичъ, видя такое настроеніе жены, сперва спорилъ съ нею, а потомъ сталъ и свои досуги проводить отдѣльно отъ нея: за книгами и газетами, съ віолончелемъ, либо съ лопаткой и съ ножомъ въ саду.

Володя подросъ. Явились гувернантки. Ульяна Андреевна не могла нахвалиться одною изъ нихъ; а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стала ее ревновать къ мужу и удалила. Праздная молва подхватила это событіе и стала его повторять на десятки ладовъ. За толками объ одной гувернанткѣ, пошли толки о другой. Многіе увѣряли, что Вечерѣева напрасно мучитъ ревностью мужа, что онъ передъ нею правъ, что ему не до волокитства. Тѣмъ не менѣе, начался сперва негласный, а потомъ и гласный разладъ мужа съ женой. Ульяна Андреевна на время бросила было выѣзды, засѣла дома, а тамъ опять стала разъѣзжать. Чтобъ избавить себя отъ соперницъ, а мужа отъ соблазна, она уговорила Кирилу Григорьича нанять для Володи учителя. Но сама она вскорѣ влюбилась въ одного изъ наставниковъ, по-очереди съ тѣхъ поръ наѣзжавшихъ въ Дубки. Раздушенный французъ-педагогъ, съ шелковистыми русыми усиками, масляными глазками и умѣньемъ играть въ пикетъ, вскружилъ голову вѣтренной и пылкой женщины. «Это не чета моему бирюку корпящему надъ своими альдами, да эльзевирами!» думала она... Но бѣсъ запретной любви не долго держалъ въ своихъ оковахъ Вечерѣеву. Французъ соблазнился прелестями горничной Малашки, былъ уличенъ и съ позоромъ изгнанъ. Володѣ пошелъ двѣнадцатый годъ. Отецъ, оставя на время свои книги, отвезъ его въ губернскій городъ, съ цѣлью подготовить въ гимназію. Мальчикъ былъ хилый. Разлука съ родительскимъ домомъ чуть не вогнала его въ чахотку. Онъ въ то время жилъ у Льва Саввича Ветлугина. Его опять взяли въ деревню, причемъ съ нимъ туда на лѣто переѣзжалъ и Левъ Саввичъ.

Распри жены съ мужемъ не прекращались. Ульяна Андреевна, въ припадкѣ новой ревности, стала подозрѣвать мужа въ ухаживаніи то за одной сосѣдкой, то за другою. При этомъ она нѣсколько разъ даже съѣзжала отъ мужа къ дядѣ—предводителю, умершему вскорѣ затѣмъ. Въ это-же время произошелъ и прискорбный случай съ кузнецомъ Антропомъ, — его ссылка, пожаръ его избы и смерть отъ потопленія его сына. «Но дѣломъ ей! шептались втихомолку сосѣди: такъ ревнуетъ къ мужу; а сама...»—А вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ сырой и гнилой зимы, въ деревнѣ заболѣлъ, какъ думали сперва, лихорадкой, и Володя. Кирила Григорьичъ потерялъ голову. Экипажи и верховые гонцы были разосланы за лучшими врачами. Но Ульяна Андреевна не вѣрила въ опасное положеніе сына. Ея невѣріе и спокойствіе дошли до того, что когда одинъ изъ мѣстныхъ врачей поручился ей за скорое выздоровленіе сына, она, несмотря на просьбы мужа, уѣхала въ другую ихъ вотчину, с. Пряхино, куда должна была по пути заѣхать ея крестная мать, игуменья отдаленнаго монастыря, Сусанна. На утро отъ мужа къ Ульянѣ Андреевнѣ была доставлена эстафета. «Опомнись, писалъ Вечерѣевъ: что ты дѣлаешь, безумная? поспѣшай... у Володи тифозная горячка...»

Тутъ только дѣйствительно одумалась и пришла въ себя Вечерѣева. И никогда послѣ того она не могла забыть мучительныхъ часовъ, проведенныхъ ею въ дорогѣ, когда она, въ грязь и слякоть, на подставныхъ лошадяхъ, спѣшила домой. Ни что не помогло. Володя жилъ недолго. Онъ черезъ нѣсколько дней скончался на рукахъ матери. У изголовья умирающаго сына, Вечерѣевой ясно представилось все ея прошлое, вся пустота и все ничтожество ея жизни, какъ матери и жены. Она упала передъ мужемъ на колѣни и умоляла его объ одномъ: о возможности спасти отъ зараженія тифомъ другое ихъ дитя, а именно дочь, которая въ это время также подростала въ Дубкахъ и на которую Ульяна Андреевна, до той минуты, обращала еще меньше вниманія. Игуменья Сусанна, не заставъ Ульяну Андреевну въ Пряхинѣ, завернула въ Дубки. Это было въ день похоронъ Володи. Аглаю, съ кормилицей Егоровной, посадили въ карету съ бабушкѣ, и та увезла ее къ себѣ въ обитель.

Ясно помнила Ульяна Андреевна другое мгновеніе, когда послѣ перваго посѣщенія Аглаи, гостившей въ скитѣ у бабушки. она возвратилась домой, забилась въ старый, пустынный садъ, зашла сюда на крутизну, взглянула на крестъ церкви, на дорогу въ имѣніе покойнаго дяди, и горько зарыдала. Садовый

ключъ, по прежнему, тихо бѣжалъ подъ ея ногами. Долго здѣсь молилась и плакала она, вспоминая прошлые, свѣтлые дни и прося у неба ихъ возврата. «Нѣтъ! они не возвратятся!» съ горечью рѣшила она: «я грѣшница, великая грѣшница; и нѣтъ мнѣ прощенія и забвенія моихъ проступковъ на землѣ!»

Здѣсь-то, мучимая раскаяніемъ за прошлое и тревогой о будущемъ счастьи дочери, она послѣ долгой, томительной мольбы къ Богу—о прощеніи ея тяжкихъ грѣховъ, поклялась спасти по-своему Аглаю отъ участи, испытанный ею самой... И съ тоій поры она въ Дубкахъ уже была почти гостьей, а постоянно жила либо въ монастырѣ у крестной матери; отъ которой, подъ разными предлогами, не торопилась брать дочери, либо въ Пряхиномъ. Кирила Григорьичъ на все махалъ рукой и только изрѣдка, отрываясь отъ своихъ книгъ и цвѣтовъ, съ тоской оглядывался и спрашивалъ себя: «Да гдѣ же Аглая? и что она ее, безумная, таскаетъ съ собой? Вотъ и крестная ея померла; а она все съ ней ѣздитъ, туда и въ другіе монастыри... Не добромъ это пахнетъ, не добромъ. Надо принять мѣры, образумить чудачку...» Но мѣры не принимались...

Многое передумала Ульяна Андреевна, сидя въ эту минуту съ Ветлугинымъ на каменной скамьѣ.

Глядя на исхудалое, когда-то красивое лицо Вечерѣевой, на ея строгіе, каріе, нѣсколько затуманенные и тревожно смотрѣвшіе глаза, на ея высохшіе тонкіе пальцы и на рано-посѣдѣвшіе волосы, Ветлугинъ въ свой чередъ унесся мыслями въ далекое прошлое. Онъ соображалъ, что съ такими же остатками былой красоты, хоть не столько печальная, была бы теперь и его покойная мать; и какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы его мать была теперь жива, или чтобы Ульяна Андреевна стала его матерью!... Безумныя и дикія мечты, и имъ не осуществиться никогда...

— Очень вамъ благодарна, повторила Вечерѣева, пожимая руку Ветлугина и пробѣгая глазами принесенную имъ книгу: мужъ мнѣ сказалъ, что вы оказали ему еще и другую услугу, сняли копію съ плана проданнаго имъ лѣсного участка...

— Снять эту копію было легко. Я просидѣлъ надъ нею вчера не болѣе часа... Планъ сдѣланъ превосходно.

— Вы находите? улыбнулась и чуть замѣтно вздохнула Вечерѣева: а знаете ли, кто снималъ этотъ планъ съ натуры?

— Какой-то землемѣръ... Онъ живетъ теперь у одного изъ вашихъ сосѣдей... Фокинъ, кажется...

— О! объ немъ такъ легко не отзывайтесь; это искатель руки Фросиньки!—перебирая четки, шутила Вечерѣева: что-же; дай имъ Богъ счастья. Оно такъ рѣдко на землѣ... Только дочь отца Адріяна что-то переборчива; ужъ дважды отказывала этому жениху... «Толстъ, говоритъ, да и больно ужъ простъ.»—Вотъ вы и подите нынче съ дѣвушками. А простые, казалось бы, для деревенскихъ обычаевъ лучше... Вы какого объ этомъ мнѣнія?

— Афросинья Адріяновна дѣвушка достойная, отвѣтилъ Ветлугинъ: и за хорошими женихами у нея, вѣроятно, дѣло не станетъ... Пока же могу сказать одно, что лучшей подруги для вашей дочери трудно желать...

Ульяна Андреевна склонилась къ книгѣ Массильона и снова стала ее пробѣгать.

Ветлугинъ подошелъ къ краю крутизны.

— Это вотъ, чернѣетъ,—обратилась къ нему Вечерѣева: видите? лѣвѣе за рѣкой... это дорога въ имѣніе моего дяди Милунчикова... Только, увы! и дяди моего давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и имѣніе его за долги досталось другимъ... Николай Ильичъ живетъ въ другой сторонѣ, въ помѣстьи своей покойной матери.

— Пріятно вамъ наслаждаться плодами своихъ рукъ! сказалъ Ветлугинъ: рѣдкому выпадаетъ такая доля.

— У деревьевъ, что ни годъ, весна,—продолжала, вставая, Ульяна Андреевна: только у людей весна и счастье бываютъ въ жизни разъ и болѣе не повторяются...

Передъ Вечерѣевой опять невольно стали проноситься образы прошлаго: ея свѣжесть и молодость, первые дни счастья, въ этомъ тихомъ, уютномъ гнѣздѣ, кудрявый и ласковый, нѣжно-любившій ее Володя, быстроглазая и рѣзвая малютка Алинька, и много-много сладкихъ упованій и надеждъ.

Гость и хозяйка вышли на поляну. Пчелы звенѣли надъ цвѣтами. Ласточки рѣяли, весело гоняясь за мошками. Иволги перекликались надъ рѣкой.

Антонъ Львовичъ высматривалъ, не мелькнетъ ли вдали, за кустами, Аглая, и думалъ: «Не спросить ли Вечерѣеву, изъ-за чего она такъ безсердечно хочетъ погубить свою дочь?»

— Охота вамъ, Ульяна Андреевна, сказалъ Ветлугинъ: думать о смерти, когда, взгляните,—вкругъ васъ все цвѣтетъ, все радуется и стремится къ жизни... Мало того—правда ли?... мнѣ говорили... не хочется вѣрить... правда ли, будто ваша дочь... намѣрена отказаться отъ свѣта и пойти въ монастырь?

Вечерѣева остановилась. Тревожные огоньки сверкнули въ ея угасшихъ глазахъ.

— Это еще не рѣшено,—подумавъ, отвѣтила она: но если-бы и такъ, что́ сказали бы вы на это?

— Болѣе печальной, — выражусь прямѣе—болѣе непоправимой ошибки еще не дѣлали тѣ, отъ кого зависитъ счастье дѣтей...

— Я другого мнѣнія, сказала Вечерѣева: на дняхъ, на сонъ грядущій, я читала одну французскую книгу... Называется она «Le lendemain de la mort»... Знаете ли, что́ я вынесла изъ нея? Я убѣдилась, что если бы на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, чернѣли двѣ свѣжія могилы, и если бы въ нихъ были зарыты я и моя дочь,—міръ былъ бы еще прекраснѣй и счастливѣй, потому что однимъ горемъ было бы менѣе на землѣ...

— Нѣтъ, Ульяна Андреевна, нѣтъ. Чѣмъ больше горе, тѣмъ слаще побѣда надъ нимъ. Мы не должны падать духомъ... Намъ сила воли дана, разумъ. А передъ вами—готовый рай... У васъ прекрасная дочь... Какая мать не нашла бы утѣшенія въ счастьи дочери?

— Вотъ вы какое слово сказали! проговорила, опускаясь на ближнюю скамью, Вечерѣева: а кто отвѣтчикъ за дочь, съ кого взыщется *тамъ* за каждое ея прегрѣшеніе, за каждый въ жизни шагъ? Нѣтъ, вы скажите откровенно...

— Есть возрастъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: въ которомъ человѣкъ отвѣчаетъ самъ за себя.

— Послушайте, обратилась къ нему Вечерѣева: отвѣтьте мнѣ одно: уважаете ли вы чужія искреннія убѣжденія?

— Хотя бы они противорѣчили общимъ, яснымъ, какъ день, законамъ природы и человѣческаго ума? спросилъ Ветлугинъ.

— Да, и въ особенности, если вы съ ними несогласны? дрожащими руками перебирая четки, спросила Вечерѣева.

Ветлугинъ медлилъ отвѣтомъ. Она не спускала съ него тревожно-внимательнаго взора.

— Есть явленія, передъ которыми нельзя оставаться равнодушнымъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: разумѣется, я посторонній, случайно заѣзжій человѣкъ... Но смотрите, чтобъ вы послѣ сами не раскаялись и горько не оплакивали того, что́ еще можно остановить...

Вечерѣева встала. Пятна проступили на ея блѣдномъ худомъ, лицѣ. Пока говорилъ Ветлугинъ, она судорожно развязывала и опять завязывала ленты чепца.

— Сердечно васъ благодарю, сердечно, — сказала она: вы молоды и иного совѣта отъ васъ трудно, да и нельзя было ожидать. Но я бы васъ попросила объ одномъ: не говорите болѣе объ

отомъ съ моимъ мужемъ... Онъ еще слабъ. Ему нуженъ покой
покой... А это его можетъ пуще разстроить.

Гость и хозяйка возвратились въ домъ.

«Такъ вотъ каковъ этотъ человѣкъ! пробѣжало въ умѣ Ве-
черѣевой: о! это у него вырвалось не случайно! Надо принять мѣры,
адо поспѣшить. Какъ жаль, что опять заболѣла матушка Изма-
агда. Просить навѣдаться. А какъ теперь оставить одну Аглаю»?

XV.

Въ скитѣ у бабушки.

Просмотрѣвъ переводъ Мильтона, Ветлугинъ, по предло-
енію Вечерѣева, согласился и на просмотръ его записокъ. Они
ходились для общихъ сужденій, спорили, дѣлали отмѣтки того,
го слѣдовало въ запискахъ выпустить, разъяснить или попол-
ить. Посѣтилъ Вечерѣева и Талицевъ. Кирило Григорьичъ,
прочемъ, не очень былъ радъ посѣщенію этого сосѣда и даже
е предложилъ ему повидаться съ Ветлугинымъ.

Нѣсколько разъ въ Дубки опять наѣзжалъ и Милунчиковъ.
ечерѣевъ съ отцемъ Адріяномъ игралъ въ шахматы; Милунчи-
овъ съ Аглаей читалъ въ подлинникѣ Вальтеръ-Скотта. Аглая
егда охотно проводила время съ дядею. Николай Ильичъ
ыкновенно говорилъ ей о своей общественной службѣ, о пись-
енныхъ и словесныхъ стычкахъ съ врагами, о темныхъ про-
лкахъ разныхъ пройдохъ и пошляковъ, и о томъ, что онъ
ботаетъ почти одинъ, безъ поддержки, безъ союзниковъ и безъ
алѣйшей надежды на успѣхъ.

«О! если бы я могла помочь этому доброму, честному чело-
ку!» думала, глядя на дядю, Аглая.

— Знаешь, что́, Аглая? сказалъ онъ одинъ разъ.

— Что́?

— Брось свои помыслы о монастырѣ, выходи замужъ за
рошаго человѣка, и ты — ты будешь мнѣ пособницей, союз-
ицей.

Аглая вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и, залившись слезами,
олча убѣжала отъ дяди.

Устраивались въ Дубкахъ и чтенія вслухъ: романовъ Ку-
ра и Диккенса, повѣстей Гофмана, поэмъ Жуковскаго и Пуш-
на. Въ томъ числѣ была прочтена переведенная Жуковскимъ
видіева поэма «Цейксъ и Гальціона». Читали поочереди Ветлу-

гинъ и Милунчиковъ, а иногда Фросинька. Ульяна Андреевна, изъ приличія только, сидѣла въ началѣ этихъ чтеній; болѣе же ссылалась на нездоровье и оставалась въ своей комнатѣ. Особенно заняла Аглаю Овидіева поэма. У ней изъ головы не выходили образы Цейкса, утонувшаго въ разлукѣ съ Гальціоной, и Гальціоны, въ отчаяніи бросившейся съ утеса.

Милунчиковъ, въ перерывы чтенія, объясняя Аглаѣ авторовъ, бралъ ее по́дъ-руку, уходилъ съ нею въ садъ, и оба они, бо́льшею частью, возвращались не по себѣ: онъ — недовольный, нахмуренный, Аглая—съ окаменѣлымъ, внутрь себя устремленнымъ взоромъ и еще болѣе блѣдная.

— Что̀? плохи твои дѣла, Николай Ильичъ? говорилъ въ такія минуты Вечерѣевъ: вижу по тебѣ, — опять козни противъ тебя? опять подкопы?

— Такова моя доля, отвѣчалъ Николай Ильичъ: вѣрите ли, такъ иной разъ жутко, такъ, что, кажется, все бросилъ бы, все...

Послѣ одного изъ заѣздовъ въ Дубки, Милунчиковъ объявилъ, что ему надо готовиться къ собранію гласныхъ у Талищева и на прощаньи прибавилъ, что теперь онъ сюда будетъ уже не скоро.

Аглая съ укоризной взглянула на дядю.

— А съ вами, Антонъ Львовичъ, мы, вѣроятно, еще увидимся въ городѣ? сказалъ Николай Ильичъ, обнимая племянницу.

— Да, и я... надѣюсь къ тому времени, по пути... и мнѣ пора... отвѣтилъ какъ-то разсѣянно Ветлугинъ.

«Итакъ, онъ тоже уѣдетъ», пробѣжало въ головѣ Аглаи: «а за нимъ»... Она себѣ не договорила. Передъ ней носился образъ утонувшаго въ морѣ Цейкса. Она развернула переводъ Овидіевой поэмы и стала читать описаніе бури, погубившей возлюбленнаго Гальціоны:

«Вдругъ поднялся́ и бѣжитъ, раскачавшись, ударить—
«Валъ огромный... Воздвигся страшный, девятый...
«Мачта за бортъ и руль пополамъ... И, вставъ на добычу,
«Грозенъ, жаденъ, смотритъ изъ бездны валъ-побѣдитель...»

Было утро.

Фросинька вошла въ комнату Аглаи. Здѣсь же, разложивъ по столу кусокъ какой-то черной ткани, сидѣла и Ульяна Андреевна. Аглая за пяльцами вышивала, золотомъ по бархату, воздухи на церковь. Фросинька поздоровалась съ ними, бросила бѣглый, досадливый взглядъ вокругъ по комнатѣ, вздохнула и

молча, съ иглой усѣлась помогать Аглаѣ съ другой стороны пялецъ.

— Вотъ, Алинька, ты опять плохо спала эту ночь, продолжала начатый разговоръ Ульяна Андреевна: а все оттого, что матери не во всемъ слушаешь, къ свѣтскому болѣе, чѣмъ къ духовному, помыслы свои обращаешь. Лучше бы, когда смута на душу падетъ, помолилась лишній разъ, страстно́й просвирки съѣла бы, крещенской бы водицы напилась... А ты романы этого верхогляда, Николая Ильича, вздумала слушать...

Аглая на это смолчала. Только брови ея сдвинулись, да рука съ иглой дрогнула.

— Также вонъ и мать-казначея, дружокъ, замѣтила, что ты все еще грѣшишь,—въ свѣтломъ платьѣ по сю пору ходишь; книжку тоже какую-то, не очень одобрительную, видѣла она у тебя. Черная ряска тебѣ давно приготовлена; кожаный кушакъ, шапочка тоже. Думаю вотъ кроить тебѣ и другую перемѣну. Пора объ иномъ нарядѣ думать, а не о романахъ... Что́ сказалъ пророкъ? ...благо есть человѣку, егда возьметъ яремъ закона въ юности своей, сядетъ наединѣ и умолкнетъ...

— Ахъ, маменька, не томите вы моей души, — вскрикнула, не вытерпѣвъ, Аглая: хочу—поступлю въ монастырь, хочу—здѣсь останусь. Силой ничего не возьмете. И что́ вы меня корите! Дайте надуматься; дайте хоть вдоволь... наплакаться...

Слезы не дали Аглаѣ договорить. Она склонилась головой къ пяльцамъ.

— Ну, ну, полно, дай тебя поцѣлую, — оправляя волосы дочери, ласково проговорила Вечерѣева: прости ты меня... Такъ оборвалось... Матушка Измарагда вонъ все хвораетъ; говорятъ, ей лучше. А все надо бы ее навѣстить. Да вотъ видишь сама, еще нельзя... Работайте, мои милыя, работайте... Богъ съ вами...

Вечерѣева, кряхтя и дѣлая знаки Фросинькѣ, чтобъ та утѣшила Аглаю, спустилась внизъ въ свою комнату.

Фросинька вскочила, сѣла на диванъ и, хватая книги, лежавшія на столѣ, стала ихъ раскрывать и бросать на столъ.

— Вотъ опять, опять, чѣмъ тебя окружили! сказала она раздражительно: «Мечъ духовный», «Виноградъ церковный»... Это еще что́?... «Діакониссы древней церкви», «Жизнь Параскевы-Пятницы»... А это?.. «Монастырскія письма»... «Свѣтъ съ Востока»... Ахъ ты, Господи, Боже мой... Этакую красавицу, милую, добрую, въ гробъ живую кладутъ!

— Да что́ же мнѣ дѣлать? спросила, не поднимая головы отъ пялецъ, Аглая: вѣдь я обѣтъ дала, я обѣщанная... Не могу же я, не могу... Пойми ты это! Не терзай хоть ты меня...

— Что́ дѣлать? А вотъ что: прогони всѣхъ этихъ келейницъ, на глаза къ себѣ ихъ не пускай, а тамъ—перегодя—не долго думая, и замужъ выходи...

— Кто? я? въ ужасѣ отшатнулась Аглая: образумься... что́ ты говоришь?

— Да, ты, ты... Что шепчешь и глядишь такъ на меня? Не думаешь ли, что некому посвататься? Есть такой человѣкъ и ты отлично это знаешь...

— Послушай, перебила ее, вставая и гордо выпрямляясь Аглая: если ты мнѣ хоть разъ еще осмѣлишься намекнуть, если упомянешь—помни, мы съ тобой незнакомы. Я согласилась подождать нѣсколько дней. Но вотъ тебѣ моя рука—заикнись ты, или кто другой, еще хоть словомъ,—я пойду къ отцу, объявлю ему свое рѣшеніе и немедленно, слышишь? — немедленно уѣду отсюда навсегда.

— Спасибо и на томъ! въ свой чередъ вставая и кланяясь въ поясъ, горько усмѣхнулась Фросинька: что ты упорна, я знаю; что ты на своемъ захочешь поставить, коли пойдетъ на то, я также не сомнѣваюсь. Прощай. Но помни, будешь горькія слезы лить, будешь руки ломать и молить, чтобъ воротилось прошлое, и чтобъ я съ тобой о немъ, какъ тогда, хоть словечкомъ перемолвилась... Будетъ поздно, и ты на меня не пеняй.

Фросинька взяла зонтикъ, накинула на голову платокъ и, не оглядываясь, вышла.

«Воротись, воротись», хотѣла ей крикнуть Аглая. Но слова ее не слушались, и она, опершись рукой о пяльцы, стояла неподвижная, блѣдная, убитая.

Что сталось за эти дни съ Аглаей? Она не могла отвѣтить и себя не узнавала.

Мысли ея путались. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Тяжелая, тупая подавленность и растерянность чувствовались во всемъ ея существѣ. Ихъ смѣняли порывы вспыльчивости и непонятнаго раздраженія.

Пригнѣздившись въ сумерки въ углу дивана, или раздѣвшись, но не ложась еще въ постель, она по цѣлымъ часамъ сидѣла на верху, въ своей комнатѣ, со сдвинутыми бровями, сухимъ, окаменѣлымъ взоромъ упорно глядя въ одну точку: на платьяный шкафъ, на «Кедръ-Ливанскій» на стѣнѣ, на лампу или въ раскрытое окно. Она плакала и не знала, о чемъ плачетъ?

Ей мерщились темныя, душныя кельи, высокая церковь за каменной стѣной, множество свѣчей и возгласы молитвъ. Въ черныхъ мантіяхъ и въ клобукахъ, ее встрѣчаютъ монахини. «Когда же ты, красавица, къ намъ-то, въ наше тихое пристанище»? говорятъ онѣ. А впереди ихъ выступаетъ сама игуменья. «Пора, Аглаюшка, охъ, ужъ пора!» говоритъ она: «годы бѣгутъ, — а грѣхи, что тяжелыя каменья, на вѣки заваливаютъ душу... А еретики, хульники и нечестивцы только и ждутъ того, какъ бы тебя соблазнить и отвратить отъ опасенія... Оле, богохульства — рѣчи ихъ! Спасайся, спасайся... Человѣкъ, аще обѣщаетъ обѣтъ Богу, да не осквернавитъ словесе своего, и да сотворитъ...»—Ей слышатся ласковыя шутки и тихія, льстивыя рѣчи келейницъ. Чернорясницы кланяются ей и общимъ соборомъ манятъ ее скорѣе къ нимъ, въ недоступныя мірскому соблазну и сокровенныя кельи, увѣряя, что къ ней очень будетъ идти и эта черная ряса, и этотъ черный, бархатомъ обшитый клобучекъ...—«Не слушай его, не слушай» говорятъ онѣ: «самарянинъ онъ, и бѣса имать»...

«Прочь, искусительницы, прочь. Дайте жизни, простора и свободы!» шепталъ ей иной, внутренній голосъ: «Есть иные, далекіе края. Есть суровая, полная дикой красоты, пустыня сѣвера. Туда бы тебѣ улетѣть, туда...» — Тянется тамъ широкая, многоводная рѣка. Дремучій боръ стоитъ по ея берегамъ, съ смолистымъ запахомъ лиственницъ и елей, съ дикими анемонами и богородицыными-слезками. И все это, лѣсъ, рѣка и цвѣты, залито солнечнымъ блескомъ, пышными красками краткой, но дружной весны. Крики птицъ и крики лодочниковъ на ясной глади водъ. Съ горъ спускается, съ товарами, караванъ. Разбиваются палатки, развьючиваются усталые верблюды. Зажигаются костры. Солнце гаснетъ, а горный воздухъ сотрясаютъ клики летящихъ съ юга журавлей. И самой бы Аглаѣ хотѣлось, въ этотъ мигъ, быть на свободѣ, тамъ на берегахъ этой синей, многовидной рѣки, съ этими дремучими, дикими лѣсами, лодочниками, анемонами и вольными журавлями. И онъ, одинъ онъ, молодой и смѣлый, предпріимчивый и столько испытавшій на своемъ вѣку, могъ бы дать ей эту свободу и эту жизнь. Развѣ и тамъ, рядомъ съ нимъ, нельзя спастись? Развѣ и тамъ не люди? Онъ ей такъ хвалилъ эти далекіе, нездѣшніе, привольные края...

Но опять передъ глазами монастырь. Заунывно звучитъ церковный колоколъ. Слышатся звуки подвижническихъ молитвъ. Кого-то постригаютъ.

Холодъ пробѣгаетъ по жиламъ Аглаи. Она бросается на колѣни передъ образомъ, молится, но молитва бѣжитъ отъ ея мы-

слей. «Одинъ могъ бы тебя спасти, одинъ! думается ей: тотъ, котораго тебѣ такъ хвалилъ дядя... Онъ иначе устроитъ твою судьбу. Съ нимъ будетъ жизнь, понимаешь ли ты, жизнь, а не смерть»!...

Но гдѣ онъ, что дѣлаетъ, думаетъ и съ кѣмъ говоритъ въ эти мгновенія? И неужели этотъ скромный и такой сдержанный человѣкъ рѣшился бы, — какъ увѣряетъ эта смѣлая и вѣтренная, все замѣчающая Фросинька, — объясниться съ ней и помѣшать ей, вопреки ея рѣшенію, надѣть рясу и клобукъ? Неужели наконецъ и она, дочь Ульяны Андреевны, способна совершить такой невѣроятный, такой страшный грѣхъ: забыть данный обѣтъ и все то, на что она, ѣдучи сюда, такъ еще недавно, окончательно и торжественно рѣшилась? «Человѣкъ, аще обѣщаетъ обѣтъ Богу, да сотворитъ...»

Смертный ужасъ охватываетъ Аглаю. Страшные призраки растутъ, тѣснятся надъ нею. Вотъ кончина, вотъ гробъ и могила, а за нею темная, безрасвѣтная ночь, вѣчныя муки и страданія безъ конца. Малѣйшій шорохъ за дверью приводилъ ее въ содроганіе. Ей казалось, что кто-то поднимается по лѣстницѣ, идетъ къ ней, сталъ за дверью, и готовится войти, обнять ее, осыпать ласками и поцѣлуями. Гдѣ скрыться, куда бѣжать отъ него, отъ самой себя?

Аглая изнемогала въ борьбѣ съ призраками. И хотѣлось ей, въ эти же мгновенія, видѣть еще хоть разъ этого самаго Ветлугина, котораго она такъ боялась, о чемъ-то его спросить и что-то съ нимъ переговорить. Она то садилась за пяльцы, то снова горячо и страстно, до изнеможенія силъ, молилась, или по часу сидѣла молча, какъ убитая, безсознательно свертывая и развертывая какую-нибудь ленточку, или раскрывая книгу, которой, между тѣмъ, передъ собой не замѣчала. Ей хотѣлось и внизъ сойдти, и было жутко. И послушалась бы она, кажется, сразу во всемъ этаго же Ветлугина и былъ онъ ей въ тоже время страшенъ и ненавистенъ. Хоть однимъ глазомъ, невзначай, въ какую-нибудь щель, или въ это раскрытое окно, кажется, глянула бы она на него. Но нѣтъ его. Изъ-за откоса окна видѣнъ весь садъ: вотъ поляна, вершины дальныхъ деревъ, а вонъ крыша и уголъ его бесѣдки. Но его не видно. Гдѣ онъ? Да, впрочемъ, и лучше, что его не видать. Она страдаетъ... И неотвязчивымъ шмелемъ жужжатъ ей въ уши и жалятъ ее грозныя рѣчи матери: «Помни же, Аглая. Полюбишь кого изъ мужчинъ, ужъ этимъ самымъ ты смертельно и на вѣки согрѣшишь... Богъ тебя за то накажетъ и душа твоя погибнетъ. Бойся грѣха, а паче бойся мужчинъ. Всѣ

БИБЛІОТЕКА

они съ виду нѣжны и милы таковы; а у каждаго бѣсъ въ душѣ. И вѣрь ты мнѣ, полюбитъ тебя мужчина только для того, чтобы насмѣяться, загубить тебя и потомъ бросить...»

Аглая сквозь землю бы провалилась отъ этихъ словъ матери. «И ужъ правду ли говоритъ бѣдная, потерявшая вѣру въ жизнь, женщина?» думала она и не знала, съ кѣмъ бы ей посовѣтоваться, съ кѣмъ бы отвести душу? Посовѣтоваться съ дядей? Но и онъ не ѣдетъ... Да и какъ ему все объяснить? Она бродила по комнатамъ, занималась ничтожными вещами. То къ кормилицѣ Егоровнѣ заберется въ комнату, возится съ ея дѣтьми, ляжетъ на знакомый ей съ дѣтства кормилицынъ сундучекъ и плачетъ. То къ дѣвушкамъ въ прачешную зайдетъ, возьметъ утюгъ и, слушая ихъ болтовню, гладитъ по полчаса какой-нибудь воротничекъ; или такъ, наконецъ, безъ всякаго дѣла, бродитъ по комнатамъ, въ одну заглянетъ, — какъ будто ищетъ кого, — въ другую, и опять поднимется на верхъ, молится.

Аглаѣ въ такія мгновенія ясно вспоминалась вся ея жизнь— между страдавшей матерью и одиноко-старѣвшимся отцомъ. Этотъ грустный семейный разладъ рано возбудилъ любопытство и горькое раздумье въ наблюдательномъ, сосредоточенномъ и пылкомъ ребенкѣ. Ея искренняя печаль и подъ часъ невольныя, необъяснимыя слезы сдѣлали её, по немногу, другомъ и повѣренной ея матери. Аглая вездѣ её сопровождала. Особенно ей понравился далекій, лѣсной скитъ бабушки Сусанны...

Сперва онѣ тамъ прогостили только осень и зиму. Потомъ онѣ стали навѣдываться сюда и въ лѣтніе мѣсяцы. Здѣсь-то худенькая, быстроглазая и постоянно-молчаливая дѣвушка стала, ни съ того, ни съ сего, уединяться отъ всѣхъ, не пропускать ни одной церковной службы, молиться часто и долго, вглядываясь во все окружающее и отыскивая разрѣшенія тяжкихъ, мучившихъ её вопросовъ и сомнѣній. Она вслушивалась въ толки бабушки съ инокинями. «Такъ молода, а ужъ ищетъ истины небесной»! говорила о ней съ гордостью мать Сусанна. Здѣсь-то, наконецъ, Аглая незамѣтно стала уклоняться отъ дѣвическихъ игръ и отъ подругъ и мечтать объ одномъ, о грѣхопаденіи бѣднаго міра и о неустанной, вѣчной молитвѣ за него. А однажды бросилась на шею матери и сказала ей: «Ты согласишься, родная, — ты хотѣла спасти меня... спасеніе въ одномъ говорила ты — я думаю о манастырѣ»... Мать въ восторгѣ прижала ее къ груди. «Ты угадала мою мысль», сказала она: «Господь просвѣтилъ тебя... Слушай его и не измѣняй слову»...

Это случилось четыре года назадъ.

Аглаѣ кончилось четырнадцать лѣтъ. Гостила она съ матерью, въ ту пору, по обыкновенію, въ бабушкиномъ скиту. Незадолго передъ тѣмъ она впервые и совершенно случайно, отъ одной изъ инокинь узнала кое-что изъ тайнъ своей семьи и, между прочимъ, о ссылкѣ кузнеца Антропа, объ утопленникѣ, его сынѣ, и о кончинѣ брата, Володи, котораго Аглая страстно любила, хотя смутно помнила.

Она выждала время и, при случаѣ, затаивъ волненіе, обратилась съ распросами о томъ къ гостившей съ ними въ обители Егоровнѣ. Кормилица передала ей, какъ старая барыня, за ссорой съ бариномъ, проглядѣла болѣзнь Володи, и перешла къ разсказу о судьбѣ Антропа. — «Ушелъ Антропушка, съ другими острожниками», причитывала въ слезахъ Егоровна, забывъ, съ кѣмъ она говоритъ: «охъ, барышня-лебедушка!.. а ихъ солдаты-то и окружили въ болотѣ.—Не бейте, солдатушки, молитъ братецъ Антропъ: дайте мать родну-землю повидать, на могилкѣ родителей, сына, помолиться. А они изъ ружей какъ выпалятъ, да прямо-то ему въ самую грудь... Склонился онъ, сердечный; кровь такъ и бѣжитъ по рубахѣ, а самъ говоритъ: за что, солдатушки, за что?»—Егоровна отъ слезъ не могла говорить далѣе.

Сидѣла она въ то время съ Аглаей у опушки монастырскаго лѣса. Прямо передъ ними была поляна; за ней рѣка, а надъ берегомъ старое монастырское кладбище. Поразилъ Аглаю разсказъ кормилицы. Антропъ всталъ передъ нею, какъ живой.

«Бѣдный, бѣдный» подумала Аглая: «и сынъ его утонулъ, и жена его бросила, и убили его безъ покаянія»... Слушая Егоровну, она прилегла къ копнѣ сѣна, подъ деревомъ, — въ то время кончили косить монастырскіе луга и поле опустѣло, — задумалась и стала дремать. Кормилицу въ это время кто-то крикнулъ изъ обители къ Ульянѣ Андреевнѣ. «Сиди-жъ ты, моя лебедушка», сказала Егоровна: «а я вотъ на минутку сбѣгаю»—и ушла.

Въ глазахъ Аглаи помутилось. «Видно, солнце зашло за тучку» подумала она.—Въ лѣсу и на полянѣ настала мертвая тишина. Только высокая, пахучая, некошенная трава на кладбищѣ чуть колыхалась, да изъ-за лѣса, безъ всякой по видимому причины, какъ по покойнику, раздался тихій, дребезжащій церковный благовѣстъ.

И вдругъ Аглая увидѣла, что между зеленыхъ могилъ, какъ-бы играя тамъ, мелькнуло одинокое дитя. Ближе и ближе. Оказывается мальчикъ, да такой худенькій, робкій, блѣдный. На немъ бѣлая рубашечка. Ножки у него были босыя. А хорошенькій

какой! Русые кудри, голубые глаза. За нимъ подалѣе другой мальчикъ, поменьше... Да что-же это и почему онъ босой?... Сердце Аглаи дрогнуло. Она замерла, не вѣритъ себѣ. — «Ты ли это, Володя? ты ли»? радостно вскрикиваетъ она, бросаясь къ первому мальчику: — «Не подходи!» кивая головкой, отвѣчаетъ онъ: «это я; но ко мнѣ еще нельзя»... — «Да какъ же ты выбился, Володечка? какъ вышелъ на свѣтъ? ахъ, какъ я рада! Кормилица, гдѣ ты? сюда, сюда»! кричитъ, внѣ себя отъ восторга и вмѣстѣ отъ ужаса, Аглая. — «Не зови никого» говоритъ ровнымъ, тихимъ голоскомъ блѣдный, худенькій мальчикъ: «мнѣ Антропъ помогъ; на рукахъ онъ вынесъ оттуда меня и своего сына... Онъ спрятался за канавой, боится, чтобъ не увидѣли... Прощай; намъ долго нельзя, пора назадъ»...— «Подожди, о! подожди хоть минутку, дай на тебя насмотрѣться»! молила Аглая. — «Нельзя», горестно качалъ головой мальчикъ: «тяжела, охъ, да какъ же тяжела земля надъ нами... И ты одна, сестра, можешь отвалить ее, можешь дать намъ подышать... Помоги, помоги»...— «Чѣмъ, Володя, говори»?—Мальчикъ не отвѣчаетъ, хочетъ уйди.— «Куда же ты, Володя, Володечка»? ломая руки, кричала Аглая. Но бѣлый мальчикъ не послушалъ ее, убѣжалъ и опять скрылся между могилами...

Аглаю замертво нашли въ травѣ, у кладбищенской канавы, привели въ чувство и стали распрашивать, что съ ней. «Волка подъ лѣсомъ увидѣла» отвѣтила она и никому не сказала настоящей причины. Такъ бы это дѣло и кончилось. Но мысль, чѣмъ бы именно она могла пособить брату, мучила ее и не давала ей покоя. Бѣлый мальчикъ подходилъ во снѣ къ ея постели, становился передъ ней, улыбался и тихо говорилъ: «Аличка, помоги мнѣ, помоги; силы нѣтъ; сжалься—давитъ».

Разъ, передъ выѣздомъ изъ бабкиной обители, Аглая увидѣла, какъ постригали какую-то писанную красавицу, вдову-мѣщанку. Пѣли вступительный тропарь: «Объятія отчи отверсти ми потщися». — «Что пришла еси, сестро?—спрашивалъ постригающій игуменъ.—«Житія ради постническаго.» — «Вольною ли мыслію желаеши сподобитися ангельскаго образа, — сохранити себя, до конца живота, въ дѣвствѣ, цѣломудріи и послушаніи?» — «Ей Богу содѣйствующу, честный отче...» — «Се Христосъ невидимо здѣсь предстоитъ»—возглашалъ игуменъ: «возьми ножницы и пожаждь ми»... «Вотъ, о чемъ просилъ меня Володя» рѣшила, выходя изъ церкви, Аглая и на другой же день сперва матери, а потомъ игуменьѣ Сусаннѣ объявила о своемъ желаніи также по-

стричься въ монастырь. Остальное взялась устроить Ульяна Андреевна.

Ветлугинъ, съ перваго появленія, смутилъ и взволновалъ Аглаю. Она до того испугалась своего настроенія, что тогда же рѣшилась обо всемъ переговорить съ Фросинькой. «Фросинька, ангелъ мой! — сказала она, кинувшись ей какъ-то въ саду на шею: — объясни ты мнѣ, что это такое? и когда *это* со мной сдѣлалось? Отчего я вдругъ стала *такою*»? «Какою?» спросила ее съ изумленіемъ Фросинька. — «Да развѣ ты не видишь? не понимаешь?» «Хоть убей, не возьму въ толкъ» терялась Фросинька. — «Ахъ, ты ничего не хочешь видѣть, или я глупа!» съ сердцемъ вскрикнула и, расплакавшись, убѣжала отъ нея Аглая. Когда же Фросинька, съ своей стороны, какъ-то вздумала пуститься съ ней въ толки о гостѣ, Аглаѣ показалось, что мечтательная и вѣтренная подруга сама влюбилась въ него по уши. Она вспыхнула отъ страха и отъ стыда и, едва дослушавъ ее, подумала: «Теперь всему этому надо положить конецъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Попрошу дядю, чтобы онъ уговорилъ его уѣхать; а не уѣдетъ, я сама ему скажу»...

Нѣсколько разъ Аглая собиралась вызвать Ветлугина на объясненія, чтобъ тутъ же сразу отнять у него всякую надежду. Она тщательнѣе одѣвалась, по нѣскольку разъ принималась расчесывать свои волосы и — что рѣдко съ ней бывало — накалывала на грудь какой-нибудь бантикъ, или пучокъ цвѣтовъ, и, раскраснѣвшись, чуть сдерживая волненіе, быстро сходила внизъ, а оттуда въ садъ... Но сомнѣнія росли, выводы и соображенія падали, путались. Желаніе видѣть Ветлугина, объясниться съ нимъ, — уступало мѣсто смущенію, робости... Иной разъ невзначай она встрѣчалась съ нимъ, съ видимымъ равнодушіемъ слушала его, а когда онъ уходилъ, начинала плакать, ломать руки, вздыхать и теряться въ догадкахъ.

— Да такъ-ли ужъ это все? сказала разъ въ такія минуты матери Аглая?

— Что такое? спросила Ульяна Андреевна.

Дочь застала ее за укладкой бѣлья въ спальнѣ.

— Такъ ли все это? повторила, какъ бы про себя, съ страннымъ блескомъ глазъ Аглая: я все думаю, думаю... Письма объ Аѳонѣ я читала сейчасъ...

— Ой, читай, Алинька, читай, слушай угодниковъ. Послушаніе — паче поста...

— Страшные подвиги на Аѳонѣ совершаютъ отшельники, —

продолжала, не слушая матери, Аглая: отъ людей отрекаются, отъ страстей, плоть и душу свою клянутъ и предаютъ на истязаніе... По десяти, по пятнадцати часовъ изъ церкви не выходятъ, молятся до омертвѣнія...

— Мать Паисія, Алинька, на Аѳонѣ не была, нельзя,—тамъ пятьсотъ лѣтъ женскій полъ ногою не ступалъ,—а въ Ерусалимѣ была—святогробскаго дерева и масла привезла, святой огонь ѣла и слышала, какъ души воютъ въ аду... Вотъ её спроси...

— Да не о томъ, маменька, не о томъ, перебила, хватаясь за голову, Аглая.

— О чемъ же?

— Ну что, если по пусту, даромъ всѣ эти муки и истязанія? Что если, тамъ, за гробомъ — мракъ... если нѣтъ награды за это отреченіе отъ жизни? Что... да нѣтъ! страшно! вы о томъ не думали и этого не поймете...

Аглая ушла. Ульяна Андреевна отъ изумленія только руками развела. Она была поражена.

«Это все дядя ее научаетъ! это его слова! — замирая отъ страха, думала она:—надо ѣхать къ матушкѣ Измарагдѣ... надо ѣхать»...

Ульяна Андреевна получила новыя, важныя вѣсти изъ монастыря и на этотъ разъ не вытерпѣла,—послѣ утренняго чая—уѣхала туда на цѣлый день. Уѣзжая, она просила Аглаю не разставаться съ отцемъ и быть съ нимъ, какъ можно ласковѣе. «Ты знаешь, черезъ недѣлю ужъ и срокъ...» прибавила она.

Ветлугинъ въ то утро кончилъ пересмотръ записокъ Вечерѣева и также собирался, черезъ день—черезъ два, окончательно уѣхать изъ Дубковъ. Хотя, вслѣдъ за прибытіемъ сюда, онъ и извѣстилъ отца, что порученіе его будетъ по всей вѣроятности выполнено и что, если онъ прогоститъ здѣсь лишнее время, то на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дружескій плѣнъ со стороны Вечерѣева, но этотъ плѣнъ становился, наконецъ, ему не подъ силу. «Зачѣмъ я здѣсь?—разсуждалъ онъ—какая польза? Аглая видимо избѣгаетъ меня. Застану ли ее въ саду, съ книгой, она издали еще замѣтитъ меня, встаетъ со скамьи и уходитъ. Говорю ли съ ней, она точно не слышитъ меня, едва отвѣтитъ и, кажется, думаетъ: «ты здѣсь при чемъ? и когда, наконецъ, уѣдешь?»

Въ день отъѣзда Вечерѣевой, послѣ обѣда, Ветлугинъ опять взялъ у Филата ружье и пошелъ за рѣку въ луга. Онъ бродилъ тамъ до вечера, возвратился уже въ сумерки, не заглядывая въ домъ, прошелъ къ себѣ въ бесѣдку, заперъ дверь на ключъ и, не за-

жигая свѣчи, какъ былъ, въ платьѣ и въ сапогахъ, бросился на постель. Жаркій ли день его такъ утомилъ, душевная ли тревога его подломила, только онъ чувствовалъ себя, какъ въ лихорадкѣ. Голова горѣла; по тѣлу пробѣгалъ ознобъ. Онъ на мгновеніе забывался тяжелымъ сномъ, но опять раскрывалъ глаза, прислушивался и приглядывался къ темнотѣ.

То ему грезилось, что въ окно бесѣдки заглядываетъ и ищетъ его глазами Ульяна Андреевна. То въ углу за печкой ему мерещился, полуосвѣщенный лампадкой молельни, спрятавшійся тутъ Вечерѣевъ. Кирило Григорьевичъ внушительно подмигивалъ ему и будто говорилъ: «Что? обошли меня, стараго хрыча, обошли и никто мнѣ не помогъ!» А раза два Ветлугину почудилось, что Ульяна Андреевна уже не подъ окномъ, а здѣсь же, въ потемкахъ, сидитъ на стулѣ, возлѣ его дивана, смотритъ на него, шепчетъ: «все да прѣзрятъ, все да отринутъ!» и холодомъ могилы вѣетъ отъ нея... Смерть, конецъ...

Антонъ Львовичъ очнулся и долго не могъ понять, гдѣ онъ и отъ чего такъ быстро проснулся?

Точно кто-нибудь его громко назвалъ по имени или толкнулъ. Въ ушахъ его звенѣло. Въ воздухѣ было душно. Сидя на постели, онъ сталъ прислушиваться и гладѣть кругомъ. Въ темнотѣ, за окнами бесѣдки, вспыхивали яркія зарницы. Ветлугинъ сообразилъ, что его разбудило сильнымъ ударомъ грома.

Онъ вышелъ на крыльцо, постоялъ здѣсь, послѣдилъ за молніей, раза два пышно озарившей садъ, возвратился въ бесѣдку, распахнулъ всѣ окна настежъ, прилегъ и опять хотѣлъ заснуть. Сонъ бѣжалъ отъ него. Что-то непонятное творилось вокругъ...

За бесѣдкой раздавался странный, непрерывный шорохъ, будто шумѣли встревоженныя вихремъ деревья — вѣтра между тѣмъ не было — или въ потьмахъ надъ садомъ летѣла безконечная туча насѣкомыхъ. Ветлугинъ снова вышелъ изъ бесѣдки. Деревья молчали. Ни одинъ листъ не шевелился на нихъ.

«Что за странность?» подумалъ Ветлугинъ и только что ступилъ отъ крыльца, зарево молніи блеснуло ему прямо въ глаза и, въ то же мгновеніе, новый громовой ударъ оборвался надъ садомъ и, казалось, упалъ въ пяти шагахъ отъ бесѣдки. Тутъ только Ветлугинъ, въ блескѣ молніи, разглядѣлъ разбуженныхъ необычной, ночной грозою птицъ, пугливо метавшихся во мракѣ по верхъ деревъ, и понялъ причину слышаннаго имъ шороха.

Вспышки молній становились чаще и чаще, сливаясь въ одно, то голубое, то желтое, то алое сверканіе. Ббахъ, ббахъ! залпами учащенной канонады вторили имъ оглушительные удары грома,

отдаваясь во мракѣ полей и, то и дѣло, сотрясая окна и стѣны бесѣдки. При блескѣ молніи было видно, какъ дальнія вербы шевелились отъ налетающаго вѣтра и, точно уходя отъ берега, качали огромными, косматыми головами.

И опять темнота. Зги не видно. Гдѣ-то за рѣкой, минуя садъ, падалъ дождь. Гдѣ-то въ оврагахъ бѣжали и журчали проворные дождевые ручьи. Кажется, конецъ грозѣ...

Но мгновенно опять и еще ярче вспыхиваетъ все пространство сада, парка и взгорья за рѣкой. Изъ мрака выдѣляются аллей, дальнія липы и дубы, въ концѣ сада, на крутизнѣ, домъ и крыши надворныхъ строеній, а за ними, въ темномъ небѣ, крестъ церкви и вспугнутыя ночной грозою птицы...

«Спитъ ли она теперь?» подумалъ Ветлугинъ, отходя отъ бесѣдки. Онъ обогнулъ первые кусты. Песокъ слегка хрустѣлъ подъ его ногами. Онъ миновалъ одну дорожку, другую, вышелъ къ дому, взглянулъ на окно Аглаи. Вездѣ тихо. Онъ постоялъ нѣсколько мгновеній. «Безуміе, безуміе, помыслилъ онъ: завтра же ѣду отсюда!» и только-что хотѣлъ идти обратно, какъ невдали отъ него послышались другіе шаги. «Кто бы это былъ? неужели?...» мелькнуло въ головѣ Ветлугина. Холодъ пробѣжалъ по его жиламъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Филатъ, это ты? произнесъ изъ потёмокъ тихій, дрожащій голосъ.

Ветлугинъ замеръ. То была Аглая.

XVI.

Благовѣстъ.

— Проводи меня, мнѣ страшно... мнѣ показалось,—продолжала, не двигаясь съ мѣста, Аглая.

— Вы ли это? вы не спите? отозвался, шагнувъ къ ней черезъ поляну, Ветлугинъ.

Онъ подошелъ къ ней. Она молчала. На ней, прикрывая ея плечи и руки, былъ наскоро наброшенъ платокъ.

— Что съ вами? повторилъ Ветлугинъ.

Онъ чувствовалъ, какъ кровь мгновенно прилила ему въ лицо. Руки его дрожали.

Мысли къ Аглаѣ по немногу возвратились. Судорожно кутаясь въ платокъ, она нѣсколько постояла, обернулась, испуганно взглянула къ сторонѣ дома, крѣпко взялась за руку, протя-

нутую ей Ветлугинымъ, и, точно убѣгая отъ чего-нибудь, тяготившаго ее, неровной поступью пошла съ нимъ вдоль поляны.

— Ахъ, какъ страшно, какъ я испугалась! сказала, вздрагивая, Аглая: я рада, что это вы... а мнѣ показалось...

— Что съ вами? скажите мнѣ, не бойтесь,—успокоивалъ ее Ветлугинъ: не помогу ли я вамъ?

Они дошли до конца поляны, сѣли подъ деревомъ на скамью. Но Аглая, черезъ минуту встала опять, при блескѣ зарницъ, прошла далѣе, повернула къ парку и, дойдя до второй, скрытой за деревьями, поляны, сказала: «здѣсь». Они сѣли подъ навѣсомъ бесѣдки изъ дикаго винограда.

— Вы хотите мнѣ помочь? все еще не приходя въ себя, проговорила Аглая: вы слишкомъ добры, и я ничѣмъ этого не заслужила.

Она перевела духъ.

— Позвольте, позвольте, не возражайте! продолжала она, оглядываясь: выслушайте меня. Я такъ испугалась. Мнѣ представилось... Нѣтъ, не то... Мысли мои совсѣмъ путаются... Вы знаете, у Егоровны, моей кормилицы, заболѣла дочь... Здѣсь постоянно столько больныхъ... несчастное мѣсто...

Аглая остановилась.

— Такъ вотъ, продолжала она: мужъ Егоровны вчера уѣхалъ въ другое наше имѣніе; я и отпустила ее къ дѣтямъ и осталась ночевать на верху одна. Маменька тоже уѣхала. Я не трусиха. Но посудите сами... Чуть только я легла и закрыла глаза, страшно и вспомнить,—*онъ* опять и явился.

— Кто? спросилъ Ветлугинъ.

— Онъ... онъ подошелъ ко мнѣ, сталъ и глядитъ такъ жалобно...

— Да кто же онъ? кто? допрашивалъ Ветлугинъ.

— Онъ... да Боже мой!... бѣлый мальчикъ... Вотъ... Володя нашъ... отвернувшись, отвѣтила Аглая.

— Какъ? что вы сказали?

— Ахъ, не то, опять не то! просящимъ, безпокойнымъ взоромъ взглянула на него Аглая: мнѣ бы не слѣдовало... И я никому не говорила... Но Боже, какая пытка! Я теряюсь, я не вынесу этого. Судите, какъ знаете; я вамъ первому это передамъ.

Волненіе болѣе и болѣе охватывало Аглаю. Съ трудомъ преодолѣвая внутреннюю дрожь, она крѣпче закуталась въ платокъ, робко придвинулась къ Ветлугину, еще разъ оглянулась къ дому и за рѣку, въ темноту, откуда слышались послѣдніе вздохи уходившей вдаль грозы, и чуть слышнымъ шопотомъ, съ перерывами,

недомолвками и со слезами, разсказала Ветлугину, какъ, во-время пребыванія у бабки, ей впервые привидѣлся ея покойный братъ, Володя.

— Но вѣдь это было во снѣ! успокоивалъ ее Ветлугинъ.

— Знаю, знаю, и сама понимаю, что не слѣдуетъ вѣрить снамъ. Но измучишься. Притомъ есть знаменія... Послушайте! я не могу этому не вѣрить!.. Еслибъ вы видѣли его, еслибъ взглянули... Какая жалость! худенькій, робкій, блѣдный,—совсѣмъ дитя... Подойдетъ, станетъ и молитъ... Ахъ, да о-чемъ-же онъ молитъ, скажите вы мнѣ! заключила, хватая себя за голову, Аглая: не даромъ-же все это... не даромъ...

Слезы не дали ей договорить. Платокъ скатился съ ея плечъ. Волосы въ безпорядкѣ упали на лицо.

«Её ли я слышу? разсуждалъ Ветлугинъ: и она ли сидитъ теперь рядомъ со мной, складками платья касается меня? Я ей все скажу, все. Я раскрою ей бездну, куда её толкаютъ. Передамъ, что мнѣ жаль её, что я её полюбилъ и спасу, во чтобы то ни стало; что она грезилась мнѣ всюду, съ дѣтства, въ юности, въ лучшія мои мгновенія».

— Знаменіе, вы сказали?—спросилъ, Ветлугинъ: хорошо, пусть это будетъ знаменіе. Вы добиваетесь его смысла. Вамъ тяжело и вы спрашиваете, какъ вамъ быть? Я вамъ отвѣчу за вашего брата, — сердечнымъ, дрогнувшимъ голосомъ несмѣло сказалъ и смолкъ Ветлугинъ: не того ждетъ отъ васъ и не о томъ молитъ вашъ братъ, что, подъ вліяніемъ другихъ, вы рѣшили сдѣлать...

Аглая молча взглянула на него.

— Не вѣрьте ни-чьимъ совѣтамъ. Вѣрьте себѣ одной! смѣлѣе и тверже продолжалъ Ветлугинъ: ваши тревоги, ваши сомнѣнія и эти страстные поиски за истиной—это борьба за жизнь. И вы достойны жизни. Не идите въ монастырь. Оставайтесь въ свѣтѣ, будьте лучшимъ его украшеніемъ. Вамъ ли преждевременно посвятить себя затворничеству и отрѣченію отъ міра и отъ ближнихъ, когда вы можете принести столько пользы и счастья себѣ и другимъ? Вы—дочь богатыхъ родителей. Бѣдность, Аглая Кириловна, вопреки толкамъ монаховъ — не благополучіе, а злое горе для человѣка,—тяжкіе кандалы на ногахъ, не дающіе множеству хорошихъ людей свободно идти по жизненной дорогѣ... Достатокъ—прежде всего, долгъ, обязанность. И вы въ долгу передъ свѣтомъ, обществомъ...

Аглая не глядѣла на Ветлугина. Но пѣніемъ райской птицы въ ея душѣ отдавались его слова. Перебирая въ рукахъ платокъ

и не поднимая глазъ, она жадно слушала Ветлугина и думала: «онъ правъ, да мнѣ-то что изъ того»?

— Взгляните, что творится хоть бы здѣсь, передъ вашими глазами, убѣждалъ Ветлугинъ: посёлокъ вашихъ былыхъ крестьянъ, по ошибкѣ ли прежнихъ владѣльцевъ, или по собственному ихъ невѣдѣнію, расположенъ по болотистому заливу рѣки. Лихорадки, горячки и всякія повальныя болѣзни, какъ вы-же говорите, изнуряютъ взрослыхъ, безжалостно убиваютъ дѣтей. Вотъ о чемъ, вѣрьте мнѣ, между прочимъ, просилъ васъ тотъ... тревожившій васъ мальчикъ... Вашимъ вліяніемъ могутъ быть осушены болота. И васъ благословятъ сотни людей...

Ветлугинъ помолчалъ.

— Да мало-ли, продолжалъ онъ: всмотритесь въ нужды этихъ и окрестныхъ бѣдняковъ. Сколько добра они ждутъ отъ васъ и отъ другихъ... Вы-ли, Аглая Кириловна, на вашемъ искусѣ, будете служить какой-нибудь выжившей изъ ума, но всѣмъ обезпеченной, темной старухи, когда вокругъ васъ, по избамъ, столько семействъ тонутъ въ непроходимомъ невѣжествѣ, или подъ часъ, безъ пособій, мрутъ какъ мухи, и когда ваши услуги въ монастырѣ легко можетъ замѣнить любая поденщица? Наконецъ, вы убьёте отца... Скажите, ужъ одно это дастъ-ли вамъ счастье, дастъ-ли желанный покой?

Аглая подняла голову.

— Поздно мнѣ все это слышать! сказала, вставая, она; я дала обѣтъ и должна его исполнить.

— Но вы еще такъ молоды,—вставая въ свой чередъ, возразилъ Ветлугинъ, какое поприще могло-бы еще открыться передъ вами и сколько добра вы разсѣяли бы вокругъ себя?

— Сны, видѣнія, я согласна съ вами, сказала Аглая: это плодъ взволнованной, разстроенной души. Но разъ принятое рѣшеніе должно быть исполнено.

Она ступила нѣсколько шаговъ.

— Аглая Кириловна! вскрикнулъ ей вслѣдъ Ветлугинъ, чувствуя, какъ вдругъ упало его сердце.

Она остановилась.

— Я васъ слушаю, не оборачиваясь, тихо сказала Аглая.

— Я завтра ѣду... Во имя дружбы, которою вы меня сегодня подарили, сказалъ Ветлугинъ: еще разъ заклинаю васъ, одумайтесь, не губите себя.

— Поздно, поздно!—рѣшила, уходя, Аглая: дай Богъ вамъ счастья на вашемъ пути! я съ своего не сойду...

Ветлугинъ остался убитый, ошеломленный. Въ воздухѣ еще ахло грозой. За рѣкою начинало бѣлѣть.

Утромъ того дня возвратилась въ Дубки Ульяна Андреевна. — «Что́ барышня»? спросила она на крыльцѣ встрѣтившую ее Егоровну. — «Спять еще», отвѣтила кормилица. Ульяна Андреевна на цыпочкахъ взошла на верхъ въ комнаты дочери, е слышно отворила дверь съ лѣстницы и въ умиленін пробыла ѣсколько мгновеній... Аглая, спиной къ ней, стояла на колѣяхъ передъ образомъ и, устремивъ на него глаза, со сжатыми уками, неподвижно и горячо молилась.

Ветлугинъ проспалъ чай, проспалъ и время завтрака. «Видо, наморился надъ писаньемъ», разсуждалъ Филатъ, приходя ъ нему и опять уходя, съ размышленіемъ: «ишь, и вещи свои южилъ, собрался; должно быть уѣзжать хочетъ — пусть выпится».—Антонъ Львовичъ спалъ тревожно. Ему грезились то олубыя, то алыя молніи, дружный ливень и косматыя вербы, въ небѣ крестъ церкви и стан кружившихся, спугнутыхъ ночю грозою птицъ. Грезилась ему и Аглая...

Онъ проснулся не за долго передъ обѣдомъ. Голова его ыла тяжела. Онъ всталъ, вспомнилъ встрѣчу и разговоръ подъ иноградной бесѣдкой, позвалъ Филата, узналъ, что Вечерѣева ке возвратилась и что господскія лошади теперь въ сборѣ, поросилъ чаю и, сказавъ, что выйдетъ только къ обѣду, сѣлъ за еро. То было письмо къ Аглаѣ. Онъ хотѣлъ его передать чезъ Фросиньку. Мысли не слушались. Прошелъ часъ, другой. исьмо не писалось.

— Кушать просятъ, — объявилъ показавшійся въ дверяхъ илатъ.

Ветлугинъ разорвалъ начатое письмо, привелъ себя въ подокъ и вышелъ въ садъ. День былъ знойный. Парило. Крумъ стоялъ густой, смолистый паръ отъ деревъ и цвѣтовъ.

— Что́ это, дѣдушка, было сегодня ночью? спросилъ Антонъ Львовичъ дѣда Лукашку, увидя его, съ пучкомъ готовыхъ чинокъ, подъ ракитою въ саду.

— Воробьиная ночь, милый, нонѣ была.

— Къ добру же это, или не къ добру?

— Какъ кому. Молодымъ все къ добру. А вотъ я такъ елъ всю ночь въ землянкѣ, да думалъ, ужъ не конецъ ли свѣ пришелъ? Передъ концомъ всего, оно этакъ-то будетъ; въ книгъ написано и барышня, какъ махонькая была, сказывала...

— Что́ же она тебѣ, дѣдушка, сказывала? спросилъ Ветлугинъ.

— Земля, говоритъ, загорится и вода загорится. Такъ огнемъ-то рѣки по землѣ и потекутъ и пожгутъ всѣхъ грѣшниковъ... Охъ, страшно-то таково! Вѣришь ли? вскочилъ это я нонѣ ночью, хочу молиться и не могу... Забылъ, милый, какъ есть, всѣ молитвы... Грѣхъ-то какой! Надо къ дьячку сходить, чтобы опять выучилъ. Памятью, братецъ ты мой, плохъ становлюсь...

— Ну, и мнѣ, дѣдушка, не по себѣ...

Дѣтъ, мигая отъ солнца, посмотрѣлъ на Ветлугина.

— Что́ такъ? спросилъ онъ.

— Точно хмѣльной... Иду вотъ мимо цвѣтовъ, голова кружится...

— Оно бываетъ, сердечный. Кого сегодня не спроси, всѣ быдто въ угарѣ. Ишь, и цвѣтики ожили, — точно кадильнички курятся... А пчелъ-то, пчелъ послѣ грозы! ровно мошки рѣютъ... Всякому жить хочется, всякому... и старому, прости Господи, и молодому...

За обѣдомъ собралась вся семья. Даже Фросинька, такъ было недружелюбно разставшаяся съ Аглаей, сидѣла здѣсь же, рядомъ съ нею. Всѣ, кромѣ Кирилы Григорьевича, знали мысль Ветлугина ѣхать въ тотъ день. Ему только Антонъ Львовичъ еще не успѣлъ этого сообщить.

Минувшая ночь оставила глубокіе слѣды въ Аглаѣ. Она сидѣла, почти не замѣчая того, что вокругъ нея говорилось и дѣлалось, и несвязно отвѣчала на шуточные разспросы отца о ея пребываніи съ матерью, годъ назадъ, въ какой-то пустынѣ, гдѣ подъ видомъ іеромонаха-проповѣдника, нѣсколько мѣсяцевъ проживалъ бѣглый солдатъ.

— Представьте, Антонъ Львовичъ, сказалъ при этомъ Вечерѣевъ: благочестиваго дезертира тѣмъ только въ этой обители и уличили, что ловкій слѣдователь подкрался къ нему въ келью и громко сказалъ: «Сазоновъ, гдѣ фельдфебель?» — Тотъ въ испугѣ и отвѣтилъ: «Не могу знать, ваше благородіе».—А эти добродушныя барыни, да и другія съ ними, наперерывъ искали его вниманія, слушали его поученія...

— Совсѣмъ же онъ не поучалъ, а только съ прочими пѣлъ на клиросѣ, защищалась Ульяна Андреевна.

Аглая виду не показывала, какъ ее тяготили эти шутки отца. Только лихорадочно блестѣвшіе глаза ея, минуя Ветлугина, пугливо и пристально порой взглядывали на мать.

— И охота тебѣ, Кирило Григорьевичъ, сказала Ульян

Андреевна: говорить такія вещи? Что за празднословіе! Этимъ ты бросаешь тѣнь и на истинно благочестивыхъ людей, живущихъ по монастырямъ.

— Благочестивыхъ? съ досадой вскрикнулъ и закашлялся старикъ: ну, нѣтъ... Не знаю, гдѣ больше благочестія... Дубки — тотъ же монастырь. Спрятаться отъ бурь житейскихъ, коли пошло на то, можно и здѣсь, въ родномъ гнѣздѣ.

Мать и дочь переглянулись.

— Вотъ хоть бы и я, продолжалъ Вечерѣевъ: пусть мятется свѣтъ. Пусть работаютъ пылкіе молодые умы. Мнѣ не опасны никакія бури и волненія. Что́ мнѣ! Я вошелъ въ пристань и своей жизни не измѣню. Время мое кончилось, пѣсня спѣта. Остается жить, какъ живутъ птицы, деревья, да эти цвѣты. И такъ и живу... А тамъ, за этимъ домомъ, садомъ и полями— хоть трава для меня не рости...

— Это эгоизмъ, сказалъ Ветлугинъ.

— Эгоизмъ? Извините: лучше быть скромнымъ злакомъ, полѣднимъ быльемъ родныхъ полей, лучше откровенно ничего не дѣлать, чѣмъ представлять изъ себя шутиху и вѣрой въ мнимый долъ спящаго общества надувать себя и другихъ... Словомъ, я трѣзанный ломоть... Или нѣтъ, постойте... Читали-ль вы, Антонъ Львовичъ, про индѣйскихъ факи́ровъ, какъ они цѣлые годы, въ родныхъ лѣсахъ, стоятъ на одномъ мѣстѣ, созерцая тихій священный потокъ?

— Читалъ.

— Ну-съ, я тоже теперь въ нѣкоторомъ родѣ индѣйскій факи́ръ. А факи́ры несчастны только тогда, если кто помутитъ ихъ завѣтный потокъ... Надѣюсь, убѣжденъ, что моего не потутитъ никто... Я спрятался въ нору и—за всѣ блага шумныхъ душныхъ городовъ—не отдамъ этого зеленаго затишья...

Кирило Григорьевичъ внушительно взглянулъ вокругъ себя.

— Правъ ли я?—съ сердитымъ, громкимъ сморканьемъ, обратился онъ къ Ульянѣ Андреевнѣ: я знаю, ты не согласна со мной; что́ же дѣлать? Останемся всякъ при своемъ. Мой рай грѣховенъ, но я вѣрю въ него и его не покину...

Всѣ на это промолчали.

— Вы, Антонъ Львовичъ, кажется, также со мной несогласны? улыбнулся Вечерѣевъ: или есть что-нибудь прочнѣе моихъ книгъ, моей музыки и этого мирнаго деревенскаго затишья?

— Я съ вами несогласенъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: картины земскаго счастья, которыя вы сейчасъ рисовали, не вѣчны... Но вы, извините меня, упомянули также о волненіи свѣта, о бу-

ряхъ общественныхъ, о работѣ молодыхъ и пылкихъ умовъ. Такіе умы, быть можетъ, гдѣ-нибудь и работаютъ, только—увы! не у насъ. У насъ вообще любятъ больше болтать, чѣмъ работать. Большинство нашихъ усилій до сихъ поръ походило на нѣчто въ родѣ прыганья бѣлки въ колесѣ. И мы, я думаю, скорѣе должны бояться другого,—не чрезмѣрнаго движенія,—а возврата общества вспять... Надо много дружныхъ усилій честныхъ и мыслящихъ людей, чтобы удержаться отъ напора враждебныхъ, задерживающихъ вліяній...

— Такъ, такъ, молодая вы моя душа! люблю въ васъ адвоката юности. Но вы меня не переувѣрите. Не только мы съ вами, но, ручаюсь, ваши внуки и правнуки не дождутся того, чего бы вы желали. Припомните мои слова: вотъ я теперь одинъ изъ первыхъ землевладѣльцевъ въ уѣздѣ; а Филатъ Иванычъ, хотя и вольный человѣкъ, опять не въ мѣру выпивши, стоитъ вонъ у меня за стуломъ... Тоже—вѣрьте мнѣ—будетъ черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ и болѣе. Явленіе грустное; но человѣчество всегда, и въ каменный періодъ, и на свайныхъ постройкахъ, дѣлилось на слугъ и на господъ. Таково оно было въ Египтѣ—при фараонахъ, въ Америкѣ при Монтезумѣ, и при Ноѣ, когда всѣ еще ходили, безъ одеждъ. Другимъ оно не будетъ и въ тѣ времена, когда желѣзныя дороги замѣнятся воздушными шарами, а наслѣдственные собственники, по новому ученію, выборными... Всесвѣтнымъ прогрессистамъ, чтобы ни говорили, не удастся бросить камня, которымъ бы окончательно замутился потокъ жизни общества... и этого уголка...

— Опасны не прогрессисты, негромко возразилъ Ветлугинъ.

— Кто же? кто? допрашивалъ Вечерѣевъ.

Обѣдъ въ это время кончился. Всѣ встали и перешли въ садъ, на балконъ.

— Равнодушіе общества, вотъ что опасно! сказалъ, чувствуя, какъ все въ немъ при этомъ заговорило, Ветлугинъ: равнодушіе умнаго—передъ заблужденіями глупца, богатаго—передъ неисходною бѣдностью нищаго, всѣхъ—передъ вопіющими нуждами другъ друга. Всякій ссылается на другого. Вотъ, извините, хоть бы вы... Я не понимаю этого гордаго вашего отношенія къ окружающему. Вы говорите: пусть врываются въ окна этого дома въ этотъ садъ новыя вѣянія времени; вы остаетесь ко всему равнодушны. Но и вы не отставали отъ вѣка: вы выписывали машины, новѣйшія руководства къ хозяйству, и сами надо всѣмъ трудились. Положимъ, что хорошо въ теоріи, то у насъ подъ часъ оказывается непримѣнимымъ на дѣлѣ. Вы не захотѣли про

олжать попытокъ. далѣе; бросили все, сложили руки и сказали ебѣ—довольно! по Сенькѣ шапка. Но у васъ, повторяю, была олодость. Неужели въ васъ окончательно изсякло негодованіе ротивъ ненужныхъ стѣсненій, противъ грубаго нахальства однихъ лживаго потворства всякому произволу другихъ? Я этому не ѣрю... Человѣкъ долженъ жить такъ, чтобъ каждое мгновеніе ыть готовымъ на призывъ своего долга... И добрые честные юди уже тѣмъ полезны, что живутъ въ данное время на свѣтѣ...

Аглая не спускала глазъ съ Ветлугина. Онъ еще ни разу е казался ей такъ дорогъ и милъ. Она невольно любовалась мъ, его пылавшимъ, смѣлымъ взоромъ и одушевленнымъ лицомъ, съ тайнымъ трепетомъ, замирая, думала: «Боже мой! да неу-ели-жъ меня, дикую и простую, можетъ полюбить этотъ, не огрязшій въ общей тинѣ, съ такимъ горячимъ сердцемъ и чут-ою душою, человѣкъ? Нѣтъ! это искушеніе, бѣсовскій обманъ, больше ничего! Боже, прости меня грѣшную и помилуй»! на искала силы покаянія и съ ужасомъ сознавала теперь, акъ и прежде, въ этомъ свое безсиліе...

— Ого! браво! браво!.. воскликнулъ Вечерѣевъ: что значитъ олодая кровь! Да вы—чистый трибунъ. Вамъ не по торговой асти, а прямо бы тамъ же, по близости, въ Японію, что ли, миссіонеры. Охъ, юность, юность. И все это отъ того, что у асъ самихъ, милый мой, нѣту ничего... Были бы вы сами соб-венникомъ, не то бы заговорили...

Слушая разговоръ Ветлугина съ отцомъ, Аглая думала: Брата Володи нѣтъ въ живыхъ. Что, если бы онъ не умиралъ сидѣлъ здѣсь же, среди насъ? Походилъ ли бы онъ на этого ловѣка? Или, рано бросивъ ученье и мысли о добрѣ, онъ по-шелъ бы, какъ и другіе, подъ уровень окружающаго, измѣль-лъ бы и погрязъ въ общей пустотѣ»?

При мысли о ночной встрѣчѣ съ Ветлугинымъ, Аглаѣ казалось, о это случилось уже давно, и она радовалась, что это было и о этого никто не зналъ.

Ветлугинъ помолчалъ. Нѣсколько замявшись и обращаясь Вечерѣеву, онъ сказалъ: «Теперь позвольте, Кирило Гри-рьичъ, съ вами проститься».

— Какъ? что? полноте, полноте, въ четвергъ день моего жденія; неужели вы насъ оставите?

— Очень вамъ благодаренъ; но у меня дѣла; надо побыть отцомъ, да и далѣе ѣхать.

— Нѣтъ, мы васъ не пустимъ. Жена, проси...

Ульяна Андреевна пробормотала что-то вѣжливое, хотя

и не столько радушное и ласковое, какъ въ первый день пріѣзда гостя. Фросинька дѣлала какіе-то знаки Аглаѣ. Та сидѣла молча. Когда наконецъ старикъ, видя, что гость не остаётся, сказалъ: «ну, нечего дѣлать; останьтесь хоть еще день—другой»,— Аглая встала, передвинула у рѣшотки какой-то цвѣтокъ и вышла. За нею ушла Фросинька, а потомъ и Ульяна Андреевна.

Хозяинъ и гость посидѣли еще нѣсколько времени. Вечерѣева вызвали къ прикащику.

— Такъ не останетесь до четверга? спросилъ, уходя, старикъ.

— Не могу; завтра я просилъ бы у васъ лошадей.

— Ну, спасибо и за-то. А сегодня вечеромъ мы окончательно поговоримъ объ устройствѣ дѣла вашего отца. Жду только одной справки и затѣмъ я къ вашимъ услугамъ.

Ветлугинъ сошелъ съ балкона. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на то мѣсто, гдѣ онъ вчера сидѣлъ и говорилъ съ Аглаей. Онъ направился къ виноградной бесѣдкѣ, побылъ тамъ и пошелъ въ паркъ.

Въ это мгновеніе раздался благовѣстъ къ вечернѣ. На утро было воскресенье. — «Пойду, загляну въ церковь», подумалъ Ветлугинъ: «Аглая, вѣроятно, будетъ тамъ».

Но едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ, — невдалекѣ отъ выхода изъ парка въ садъ,—встрѣтилъ Аглаю.

— Остановитесь! отрывисто сказала она, глядя въ сторону.

Ветлугинъ замеръ. Земля заколыхалась подъ его ногами.

— Сверните сюда, скороговоркой продолжала она: вотъ такъ, за эти деревья...

Они стали за густую изгородь, окаймлявшую одну изъ полянъ.

XVII.

Звѣзды.

— Скажете ли вы мнѣ правду? не поднимая головы, грубымъ, надорвавшимся голосомъ спросила Аглая... нѣтъ, не то. Исполните ли вы мою просьбу?

— Я весь къ вашимъ услугамъ. А на мою искренность вы можете всегда разсчитывать.

— Да, вы добрый и... честный человѣкъ, — продолжала Аглая: я въ этомъ убѣждена... Думая долго, я, наконецъ, готова вѣрить и тому, что наша встрѣча и все это... наше знакомство

произошли случайно... Но что вамъ надо отъ меня? скажите откровенно... Вы слѣдите за мной... Вы у меня постоянно передъ глазами...

Она выпрямилась, подняла голову, но тутъ же, какъ бы въ изнеможеніи, прошептала:—Боже, какое мученіе, какая казнь!

— Да въ чемъ же, въ чемъ дѣло? порывался сказать Ветлугинъ.

Но его губы дрогнули, не произнеся ни слова. Горло сжалось. Въ глаза откуда-то ударилъ яркій снопъ лучей. Ему вспомнились зарницы минувшей ночи...

Онъ чуть не зашатался. Въ приливѣ робости и смущенія, съ изнывавшимъ отъ любви и жалости сердцемъ, онъ глядѣлъ въ умоляющее, измученное ожиданіемъ, блѣдное лицо Аглаи, и не зналъ, что ей сказать.

Впослѣдствіи, много времени спустя, мысленно переносясь къ этому мгновенію, Ветлугинъ ясно припоминалъ, какъ и что съ нимъ тогда произошло. Аглая говорила ему какія-то слова, передъ нимъ почему-то мелькала картина синяго озера, мрачная скалистая стремнина, и молодой, обезсиленный травлей олень, падающійся въ бездну со скалы; гдѣ-то темной ночью видѣнный лѣсной пожаръ, а въ дыму и въ пламени горящаго села—слабый, чуть слышный плачь забытаго ребенка...

Онъ склонился къ Аглаѣ, взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Не бойтесь меня... передъ вами другъ... братъ, готовый жизнь свою положить, лишь бы вы были счастливы.

— Если вы, возразила, тихо освобождая отъ него руку, Аглая: если моя дружба хоть чѣмъ-нибудь вамъ дорога, умоляю васъ, уѣзжайте отсюда, безъ колебаній, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — завтра же, сегодня, если можно... Лучше намъ разстаться друзьями.

— Хорошо... Если мой отъѣздъ необходимъ, если вы того желаете, дайте мнѣ, на прощанье, сказать еще слово... Выслушайте меня.

— Говорите, слушаю,—робко сказала Аглая, чувствуя, какъ холодъ и трепетъ побѣжали у нее съ головы до пятъ.

Ветлугинъ медлилъ. Онъ понималъ, что это свиданіе было послѣднимъ, и что, спустя мгновеніе, между нимъ и Аглаей ляжетъ пропасть, черезъ которую для нихъ обоихъ уже не будетъ возврата.

— Вы понимаете, началъ онъ: минута разставанья... Она все собой заслоняетъ! Я хотѣлъ многое вамъ передать, а нѣтъ силъ, чтобъ сказать одно слово—прощайте. Неужели мы больше не увидимся? Неужели...

— Послушайте, перебила его Аглая: зачѣмъ эта нерѣши-

тельность, слабость? Вы не хоронили друзей? Считайте, что я умерла и что мы съ вами теперь на моихъ похоронахъ...

— Право, разберите все это, продолжала она, ступивъ опять на дорожку и идя рядомъ съ Ветлугинымъ: стóитъ ли вамъ, Антонъ Львовичъ, думать о комъ-нибудь въ этихъ мѣстахъ? Ваше поприще на иномъ пути. Вы другого міра человѣкъ. Здѣсь же глушь, сонъ или, какъ говоритъ мой дядя,—а онъ васъ очень уважаетъ,—застой. Вы такъ одарены... Вамъ ли помириться съ ничтожной долей? Вамъ ли закабалить себя въ жалкой житейской пустотѣ?

— Скорѣе о васъ слѣдуетъ это сказать, отвѣтилъ Ветлугинъ: вы стремитесь къ пути, не свойственному ни вашимъ лѣтамъ, ни вашему положенію въ свѣтѣ...

— Моя судьба и ваша—большая разница, возразила Аглая: что ожидаетъ каждую изъ насъ? Какова доля русской женщины въ семьѣ, въ обществѣ? Я мало жила, но я знаю, я видѣла много несчастныхъ примѣровъ. Стóитъ ли жить? Сколько несчастій выпадаетъ на долю женщины въ наше время... Гдѣ ея поприще въ чемъ ея призваніе, гдѣ примѣнить ей душевныя силы?

— Болѣе вѣры въ жизнь, Аглая Кириловна, болѣе надежды на себя. Гдѣ одинъ не сможетъ, сможетъ другой; гдѣ одинъ ослабѣетъ въ борьбѣ съ житейской долей, тамъ... не ослабѣютъ двое...

Ветлугинъ сказалъ это и никогда потомъ, въ другихъ обстоятельствахъ и подъ другими впечатлѣніями, не могъ забыть, какъ дѣтски-растерянно взглянула на него при этомъ Аглая, какой неподдѣльный ужасъ изобразился въ ея лицѣ, и какъ она хотѣла что-то сказать, склонила голову и молча пошла далѣе.

Они приблизились къ мостику черезъ ручей, но не взошли на него, а обогнули смежную съ нимъ аллею и, снова направясь въ паркъ, остановились у его отдаленной поляны.

Въ это мгновеніе, въ виду цвѣтущихъ, осыпанныхъ пчелами травъ и кустовъ, подъ теплымъ лучемъ тихаго, весенняго вечера Аглая показалась Ветлугину такой желанной, такою полной прелести и чистоты, что онъ невольно подумалъ: «Какъ бы ласково и нѣжно я бы обнялъ тебя, какъ бы приголубилъ и высказалъ тебѣ всю душу, если бы ты была моею!...»

Онъ искалъ словъ, воображалъ себѣ ея борьбу и волненіе. Земля точно уплывала изъ подъ его ногъ.

— Еслибъ вы были... моей женой... началъ онъ и остановился: кто помѣшалъ бы нашему счастью? Кто сказалъ бы—умирайте, когда бы обоимъ намъ хотѣлось жить?

Аглая не отвѣчала. Бѣлая накидка медлѣнно вздымалась на груди.

Они сдѣлали еще нѣсколько шаговъ, незамѣтно достигли края рка, взошли на крутизну и сѣли на скамьѣ, на которой, столько тъ назадъ, впервые сидѣли отецъ и мать Аглаи.

— Вы со мною не согласны? спросилъ Ветлугинъ.

Аглая молча положила обѣ руки на плечи Ветлугина. Губы были блѣдны, глаза сухи. Сердце билось шибко.

Она вся похолодѣла. Что-то расцвѣтало, загоралось внутри . Таинственная завѣса будто распахнулась передъ ея глазами лучезарные горизонты открывались за нею. «Ты искала истины, ролась, колебалась!» шепталъ ей внутренній голосъ: «вотъ исти-... ты ее нашла,—бери...»

— На дняхъ, сказала Аглая: мнѣ снилось, что я молила дядю асти меня — онъ не слушалъ меня и не понималъ... Вдругъ ѣны моей комнаты сами собой исчезли, упали; я неожиданно, домъ вылетѣла отсюда... Я была, какъ на крыльяхъ... Рядомъ мной было другое существо...

Она не договорила. Ветлугинъ взялъ ее за руку. Рука ея ла холодна. Онъ нѣжно обнялъ Аглаю. Она не сопротив-лась.

— А Божій судъ? спросила она, обращая блѣдное лицо Ветлугину.

— О! мы заслужимъ прощеніе всякаго суда.

Аглая крѣпче прижалась къ груди Ветлугина.

— Божій судъ! шептала она: да! все это такъ неожиданно... мало меня знаете... Я боюсь... Ахъ, зачѣмъ мы прежде не рѣтились?

— Не бойтесь, молю васъ...

— А если вы не будете со мной счастливы? Что вы нашли мнѣ? Что?

— Вы себѣ цѣны не знаете, вы...

— Съ однимъ условіемъ! перебила, чуть вздрогнувъ, Аглая: те ли мнѣ слово?

— Клянусь... Приказывайте... все исполню...

Аглая взглянула въ направленіи къ дому, взяла за руку Вет-гина и сказала:

— Объ одномъ молю—сами ужъ вы тамъ... все это... ска-те отцу, матери... У меня силъ не хватитъ...

Церковь, поселокъ и даль за рѣкой горѣли въ лучахъ заката. рые дубы и липы таинственно молчали вокругъ. Надъ ихъ шинами синѣла кроткая, безоблачная глубина вечерѣющаго

неба. Слышенъ былъ малѣйшій шорохъ въ травѣ, стукъ съ вѣтки на вѣтку падающаго сучка. Жаворонки смолкли. То тамъ, то здѣсь начинали по саду отзываться соловьи...

На колокольнѣ прозвонили опять.

— Ну, голубчикъ Алинька, будетъ же тебѣ отъ матери, встрѣтила Аглаю, у церковной ограды, Фросинька: поздравляю, ты прогуляла вечерню. А я, хоть дѣлъ дома по-горло, пошла, чтобъ только тебя увидѣть...

Аглая не смотрѣла на свою подругу.

— Раздумалась это я, продолжала Фросинька: о твоей, да и о своей судьбѣ. Ты права... Ни ему, да и никому другому, я болѣе не пособница и не покровительница... Въ нихъ влюбишься, а они, противные, такіе гордецы... Вздумалъ ѣхать! Ну, и пусть ѣдетъ, — счастливаго пути... Охъ, охъ... Видно, такъ ужъ нам на роду написано. А чуть ты уѣдешь въ Красный-Кутъ и на дѣнешь клобукъ, и я, Алинька, за тобою...

Дѣвушки подошли къ паперти. Служба кончилась. Отец Адріанъ былъ уже дома. Дьячокъ заперъ церковь и, гремя ключами, съ поклономъ прошелъ за ограду, ярко залитую лучам догоравшей зари.

Аглая, потупившись и точно не видя ничего, съ опущен ными, какъ у статуи руками, стояла передъ Фросинькой.

Вдругъ она подняла голову, вздохнула; блуждающимъ взором взглянула вокругъ себя, порывисто и страстно обхватила ничег неожидавшую подругу, склонилась ей на плечо и, осыпая е страстными, горячими поцѣлуями, стала ей что-то шептать.

— Да полно... что ты шушукаешь? ничего ровно не слышу,— перебила ее съ досадой Фросинька: ты иной разъ такъ тихо го воришь, такъ тихо, что и сама себя вѣрно не слышишь...

— Ахъ, Фроничка, другъ ты мой, слушай!—вся закраснѣв шись, торопливо и испуганно заговорила Аглая: не до вечерн мнѣ теперь; и ни въ Красный-Кутъ, ни въ другой монастырь я вѣроятно, болѣе не поѣду... все кончено, все...

— Да что же такое кончено? Ахъ, да говори же... ничег хоть убей, не понимаю!—начала теряться въ догадкахъ Фро синька.

— Я... я.., дрогнувшимъ голосомъ проговорила Аглая.

— Тьфу ты! сердито вырвалась отъ нее Фросинька: говор или я уйду...

Аглая бросилась къ ней и опять сжала ее въ объятіяхъ.

— Я.., сказала она, цѣлуя подругу: я... дала слово Ветлу-ину... и... и...

Опять поцѣлуй. Аглая не договорила.

— Какъ? что? въ испугѣ отшатнулась Фросинька: что ты казала? да говори же...

— Я... выхожу за него... и онъ увезетъ меня... О! мы убѣ-имъ отсюда за тридевять земель...

Фросинька всплеснула руками. Блѣдная отъ радости и вол-енія, она въ свой чередъ бросилась обнимать и цѣловать Аглаю.

— Такъ ты его полюбила? Такъ онъ тебя переубѣдилъ? Ахъ, акъ я рада! переубѣдилъ? Да говори же, скрытница, говори! опрашивала она, тормоша за плечи и за холодныя, худыя уки Аглаю.

— Что мнѣ говорить? и не спрашивай лучше! съ нескры-емымъ торжествомъ, вся просіявъ, отвѣтила Аглая.

— Но какъ же, какъ онъ тебя переубѣдилъ? Неправда ли? ный, достойный человѣкъ?

— Какъ заговорилъ онъ опять о монастырѣ, мнѣ до того вѣстно стало, до того Фроничка, и за матушку-игуменью, и за е, знаешь, что она и маменька такъ хвалятъ, что сквозь землю , кажется, передъ нимъ провалилась...

— Вотъ новость, вотъ неожиданность! ломая руки отъ радо-и, восклицала Фросинька: что же вы теперь? А? да говори же, приступная, говори.

Обѣ дѣвушки, обнявшись, пошли изъ церковной ограды.

— А когда объявите родителямъ? спросила Фросинька: надо орѣе.

— Нѣтъ. Я ему посовѣтовала написать прежде къ его отцу.

— Это зачѣмъ? съ удивленіемъ спросила Фросинька.

— А какъ-же, безъ родительскаго благословенія нельзя. Раз-долго списаться? день—два...

— Ну, ужъ извини; я бы не медлила. Ты знаешь свою машу.

— О, полно! неужели она помѣшаетъ моему счастью? не-ели...

— Да счастье-то, по ея убѣжденію, въ чемъ состоитъ? пе-била Фросинька.

— Такъ отцу надобно сказать. Какъ полагаешь?

Фросинька задумалась.

— Не совѣтую, сказала она: Кирило Григорьичъ не вытер-ть, проговорится.

— Такъ какъ-же? спросила Аглая.

— Ужъ лучше, въ такомъ случаѣ, молчи...

Смерклось.

Отъ церкви дѣвушки, обнявшись и толкуя, прошли въ садъ и долго тамъ ходили, утопая въ морѣ золотыхъ мечтаній и надеждъ.

Онѣ плакали, радуясь, что не все на свѣтѣ горе и обманъ, что дружба ихъ чиста и неразрывна, что сердца ихъ не даромъ бились вѣрой въ жизнь и что одной изъ нихъ вскорѣ улыбалась картина полнаго счастья.

Мѣсяца не было видно. За то небо ярко мерцало тысячами звѣздъ...

— Гдѣ же однако наши дѣвицы? спросилъ Вечерѣевъ, сидя съ гостемъ и съ женой на балконѣ: что-то не въ мѣру сегодня загулялись.

— Слушаютъ соловьевъ, отвѣтила Вечерѣева: скоро конецъ ихъ пѣснямъ.

— А каково поютъ, воскликнулъ Вечерѣевъ: слушайте, Антонъ Львовичъ, слушайте. Вонъ тотъ, что надъ рѣкой... или этотъ, у виноградной бесѣдки... Весны я жду всегда, какъ праздника. Въ пѣсняхъ соловьевъ слышу души Гайдна, Бетховена, Моцарта... А каковы звѣзды? Смотрите,—вы знакомы съ космографіей? Вонъ бѣлый Сатурнъ,—вонъ, точно голубой, Сиріусъ. А какъ сильно блещетъ и будто волнуется Млечный-Путь... У каждаго человѣка своя звѣзда.

— И у меня? спросилъ Ветлугинъ.

— И у васъ, у всякаго. У Аглаи тоже. Аглая—значитъ блистающая, прекрасная. Этимъ именемъ называлась младшая изъ трехъ харитъ, дочь Юпитера и Эвримоны. Этимъ названо одно кохинхинское деревцо, Aglaja odorata, и весьма красивая небольшая планета—вонъ въ той сторонѣ неба... между Юпитеромъ и Марсомъ... Этотъ астероидъ обращается вокругъ солнца разъ въ четыре года и триста двадцать семь дней...

— Я не знакома ни съ ботаникой, ни съ космографіей, сказала Вечерѣева: но я убѣждена, что это небо и эти звѣзды такъ же легко угаснутъ, какъ наша жизнь и жизнь цѣлыхъ народовъ; вѣчны только добрыя дѣла наши, во славу Божью...

— И въ удовольствіе матушки-Измарагды, подсказалъ Вечерѣевъ.

Ульяна Андреевна закусила губы.

«Не вѣрится, не вѣрится!» разсуждалъ въ это время Ветлугинъ: «не все ли это сонъ? и меня ли ждетъ блаженство, котораго я не отдамъ за вѣчность всего міра?...»

Обрадованный неожиданнымъ согласіемъ гостя—пробыть еще нѣсколько дней въ Дубкахъ,—Вечерѣевъ оставилъ Антона Львовича съ женой, а самъ вышелъ въ залъ, усѣлся съ віолончелемъ, у раскрытаго въ садъ окна, и сталъ играть. Плавные, гулкіе звуки опять огласили тёмный залъ и балконъ.

Вслушиваясь въ эти звуки и вглядываясь въ сумрачныя аллеи сада, Ветлугинъ сидѣлъ, какъ очарованный.

Онъ не замѣтилъ, какъ ушла Ульяна Андреевна и долго ли игралъ Кирило Григорьевичъ. Ему казалось, что на балконѣ онъ не одинъ. Нѣкто другой, облокотясь о его кресло и положа руку на его плечо, молча стоялъ возлѣ него. Изъ мрака на него глядѣли чьи-то глаза. Кто-то тихо дышалъ и, не шелохнувшись, любовался его грёзами и счастьемъ... То былъ другой Ветлугинъ, и оба они точно были близки другъ другу и вмѣстѣ чужды. И тотъ, кто смотрѣлъ на него, казалось, мыслилъ: «Тебя ли я вижу? и неужели путь твоихъ испытаній пройденъ—и ты у берега, у пристани,—на порогѣ хлынувшаго на тебя, нежданнаго, свѣтлаго счастья?»

XVIII.

Письмо.

Настало воскресенье.

Утромъ въ праздники отъ Вечерѣевыхъ обыкновенно ѣздили на почту. Ветлугинъ написалъ два письма и передалъ ихъ Фиѣату, съ просьбой отослать съ барскимъ нарочнымъ.

Едва онъ одѣлся и напился чаю, какъ въ бесѣдку къ нему зошелъ Вечерѣевъ. Старикъ былъ въ духѣ, но какъ-то странно улыбался и разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ.

— Спасибо вамъ, Антонъ Львовичъ, сказанъ онъ, съ чувствомъ пожимая руку Ветлугину: спасибо; вы уважили мою просьбу, погостили у насъ, освѣжили собой стариковъ.

Сказалъ и замолчалъ. Ветлугинъ, роясь въ бумагахъ, неспокойно выжидалъ, что онъ сообщитъ далѣе.

— Теперь надо подумать и о выполненіи просьбы вашего батюшки, продолжалъ Вечерѣевъ: срокъ полученія долга съ покупщика моего лѣса, Талищева, сегодня. Я получилъ отъ него письмо, что онъ готовъ, и по условію съ нимъ, долженъ отправиться для расчета на его заводъ. Это, впрочемъ, не далеко, потребуетъ менѣе дня времени. И, чтобъ не откладывать, я дамъ

ему знать, что выѣду на свиданіе съ нимъ завтра или послѣ завтра.

Ветлугинъ поклонился.

— Да еще одно слово... прибавилъ, съ нѣкоторою заминкой, Вечерѣевъ: одно ваше письмо—къ отцу, переданное вами для отсылки на почту Филату, я отослалъ давеча прямо въ городъ; встрѣтилась надобность въ губернское казначейство: вы завтра и отвѣтъ можете получить... А другое письмо—вотъ вамъ обратно... Я случайно взглянулъ на его адресъ. Вы пишете въ городъ... на пакетѣ адресъ—Петру Ивановичу Клочкову... А онъ—ближайшій мой сосѣдъ... всего въ десяти верстахъ отсюда.

Ветлугинъ смѣшался. Ему крайне стало досадно, что отецъ взялъ съ него слово молчать объ участіи Клочкова въ его дѣлахъ.

— Скажите, вы почемъ знаете этого господина? спросилъ Вечерѣевъ.

— Онъ мнѣ товарищъ по университету.

Старикъ нахмурился.

— Извините меня, сказалъ онъ: это вредный и негодный человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова. Его считаютъ дѣльцомъ. Отъ души жалѣю дѣловыхъ людей, если такіе, какъ Клочковъ, между ними не рѣдкость и не исключеніе.

— Что же онъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Да какъ вамъ сказать? Это образецъ самаго возмутительнаго, черствaго и набитаго помыслами о собственномъ благѣ мѣщанства. Жажда къ наживѣ у этого господина такъ сильна, что покойнаго своего дядю, при раздѣлѣ бабкинаго имѣнія, изъ-за какихъ-то луговъ, онъ до того оскорбилъ, что съ тѣмъ сдѣлался ударъ, и дядя умеръ. Общество было заговорило; но какъ-то отвертѣлся пройдоха и теперь опять даже въ большомъ ходу. Этотъ его дядя былъ неимовѣрный добрякъ и простота, не бывалой честности человѣкъ; онъ, пока отецъ Клочкова служилъ въ столицѣ, сохранилъ отъ продажи съ молотка его имѣніе—и получилъ, какъ видите, должное возмездіе...

— Вы съ нимъ видаетесь? спросилъ Ветлугинъ.

— Я? нѣтъ, Богъ спасъ. Изъ-за нѣкоторыхъ его экспериментовъ надъ моей особой, я не принимаю его уже давно...

Ветлугинъ вспомнилъ слова дѣда Лукашки о томъ, будто Клочковъ отбилъ жену кузнеца у Вечерѣева.

— Эксперименты надо мной—еще пустяки, продолжалъ Вечерѣевъ: но спросите другихъ, такъ услышите нѣчто въ родѣ цѣлой эпопеи. Впрочемъ, скажу и о себѣ... Бывая у меня довольно часто, какъ сосѣдъ и въ нѣкоторомъ родѣ свой, — онъ

мнѣ внучатный племянникъ, — Петръ Иванычъ, въ одинъ прекрасный день, не долго думая, такъ исподтишка поднадулъ меня, что я просто ахнулъ. Дѣло, впрочемъ, нехитрое. Онъ воспользовался неясностью нѣкоторыхъ, въ одной моей съ нимъ сдѣлкѣ по хозяйству, условій. Я вѣроятно все это скоро бы позабылъ. Но вотъ, чѣмъ онъ меня срѣзалъ: когда я, спохватившись, уперся было и сталъ его стыдить, какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ? «Полноте, говоритъ, дяденька, сами виноваты,—зачѣмъ такъ оплошно написали условіе? Промахнись я, вы бы пожалуй тоже не простили...» Хорошъ баринъ? а?... Да такъ это добродушно сказалъ, съ вѣжливой улыбкой и мягкимъ голосомъ.

Вечерѣевъ плюнулъ.

— Я было, каюсь, и на это отсердился, продолжалъ онъ: чего въ глуши не простишь сосѣду? Нѣтъ, не угомонился,—подкупилъ одну тутъ сваху и, годъ назадъ, вздумалъ сватать за Аглаюшку одного сосѣда. Та вонъ и теперь еще дитя; перепугалъ дѣвочку чуть не до смерти...

Краска бросилась въ лицо Ветлугину.

— Кого же онъ сватал? это любопытно...

— Съѣздилъ къ игуменьѣ Сусаннѣ, познакомился съ ней, и подослалъ сперва эту сваху, а потомъ и самъ ей открылся: устройте, говоритъ, чтобъ дочь Вечерѣева вышла за мужъ за старшаго сына Талищева, — онъ ремонтеромъ служитъ и зовутъ его, Рашей, то есть, Романомъ. Какъ получитъ, говоритъ, за нею Вечерѣевское состояніе, подѣлится съ вами. Каковъ гусь? а?... Вы, кажется, говорили, что познакомились съ Талищевымъ на станціи?

— Да, познакомился.

— Этого старшаго сына его видѣли?

— Нѣтъ, видѣлъ младшаго.

— Одинъ другого стоитъ. Представьте, лицо у этого старшаго, Раши, чисто лошадиное. А надутъ, какъ сычъ, какъ индѣйскій пѣтухъ. Глупъ и золъ, и еще особенность: краснѣетъ не только лицомъ, какъ обидится, но и затылкомъ.... И затылокъ такой у него плотный, бѣлый и сердитый. Старуха-то, покойница Сусанна, сообщила о его сватовствѣ моей женѣ, а я узналъ отъ Милунчикова. Мы посмѣялись. Съ тѣхъ поръ ни Клочковъ, ни этотъ Раша ко мнѣ ужъ, разумѣется, ни ногой. Отецъ Раши, однакоже, навѣдывается; будто по дѣлу, — но вижу, что мысли объ устройствѣ сына имъ еще не оставлены...

— Скажите, обратился Ветлугинъ къ Вечерѣеву: Клочковъ отъ васъ всего въ десяти верстахъ?

— Да; а что вы? съѣздить къ нему хотите? спросилъ Вечерѣевъ.

Ветлугинъ прошелся по комнатѣ, поглядѣлъ въ окно, сѣлъ и,-со словами: «Отъ васъ, Кирило Григорьичъ, я не утаю!»-передалъ Вечерѣеву все, что зналъ объ отношеніяхъ Клочкова къ отцу и что его теперь тяготило въ этихъ отношеніяхъ.

— Понимаю васъ, добрый мой другъ, понимаю! съ суровою нѣжностью, крѣпко пожимая руку Ветлугина, сказалъ Вечерѣевъ: вы истинный сынъ; уважаете все, даже слабости въ отцѣ, — и оберегаете его. Лучшаго сына и я бы не желалъ имѣть... Ѣхать вамъ къ Клочкову надо, надо! И вы не откладывайте: я поѣду на свиданіе съ Талищевымъ, а вы къ нему...

— А знаете ли, прибавилъ совсѣмъ развеселившійся старикъ: что вашъ сотоварищъ по ученію, Клочковъ, считается у насъ первымъ финансистомъ въ губерніи? Банковъ наоткрывалъ, ссудосберегательныхъ кассъ, взаимныхъ и всякихъ вспоможеній... А между тѣмъ удивляешься: неужели онъ былъ въ университетѣ? Вѣрите ли, онъ, напримѣръ, не шутя, подъ словомъ юрисдикція, подразумѣваетъ «дикцію юристовъ», то-есть, адвокатское краснорѣчіе, да всюду въ такомъ смыслѣ и приплетаетъ это слово.

— Явившись отъ васъ изъ столицы, продолжалъ Вечерѣевъ: онъ было, каюсь, плѣнилъ и меня. Тогда только-что вводились нынѣшніе порядки. Большинство сѣтовало на уменьшеніе доходовъ. Клочковъ рѣшилъ не унывать. Одѣлся въ простую дубленку и въ высокіе сапоги, сталъ посѣщать ярмарки, торговать, вступилъ въ подряды. Имя его загремѣло. Онъ казался здоровой, свѣжей силой. Ему повѣрили... Теперь не то... Его я раскусилъ. Это, повторяю, представитель вреднѣйшаго наростающаго поколѣнія себялюбцевъ. Помыслы его вертятся на одномъ — на прибыли. Душа у него хищная и нравомъ онъ хищникъ — шакалъ-шакаломъ и смотритъ: лапы мягкія, но когти — мое почтеніе. Нѣтъ! подальше отъ такихъ людей. Онъ, слышно, мостится свергнуть Милунчикова и быть у насъ предсѣдателемъ управы. Уже набираетъ партію...

— Что же? ѣдете къ Клочкову? спросилъ, выходя отъ Ветлугина, Вечерѣевъ.

— Подумаю... время еще терпитъ...

— Ну, какъ знаете, — я же кстати пошлю справиться, въ деревнѣ ли онъ теперь.

До обѣда Ветлугину не удалось встрѣтиться съ Аглаей и переговорить съ нею наединѣ. Онъ былъ, какъ въ туманѣ. Вче-

рашнее объясненіе, его признаніе и слово, данное Аглаей, казались ему невѣроятнымъ, чуднымъ сномъ.

Аглая была весела, ласкалась къ отцу, суетилась съ услугами ему и на все дѣтски, безпечно улыбалась: на шутки отца и на споръ его съ гостемъ о какомъ-то философскомъ вопросѣ, на ворчанье матери и на собственное веселье. Самое солнце какъ-то особенно радостно освѣщало комнаты, балконъ, садъ и всю душу Аглаи...

Ульяна Андреевна, какъ всегда, была сдержанна, суха и молчалива. Только разъ, оставшись съ гостемъ на балконѣ, она, какъ показалась Ветлугину, что-то ужъ очень пристально и недовѣрчиво посмотрѣла вслѣдъ проходившей Аглаи и сказала Ветлугину: «Жаль, что вы ѣдете. Но что же дѣлать. Вашъ добрый отецъ, вѣроятно, сильно ужъ по васъ соскучился. За то намъ было пріятно. Уѣдете, не забывайте насъ.»

За обѣдомъ Вечерѣевъ разговорился о двухъ предметахъ: о ярмаркѣ и о частномъ съѣздѣ гласныхъ, по вопросу концессіи, имѣющемъ быть завтра въ помѣстьи Талищева, селѣ Рѣчномъ. По сосѣдству же съ Рѣчнымъ, какъ слышалъ Кирило Григорьичъ, завтра утромъ, для освященія церкви, вновь построенной при чьей-то купеческой фабрикѣ, ожидали мѣстнаго архіерея.

— Вы поѣдете мимо этой фабрики? спросилъ Ветлугинъ.

— Нѣтъ, дорога на винокуренный заводъ Талищева идетъ лѣвѣе. Рѣчное правѣе и всего отсюда въ пятнадцати верстахъ. Хотя мѣстность тамъ красивая,—черезъ рѣку отъ Рѣчнаго, въ дремучемъ, сосновомъ бору, на высокой мѣловой горѣ, располагается женскій, Краснокутскій монастырь, любимое мѣсто прогулокъ моихъ барынь,—но я туда не поѣду: ярмарку я давно знаю, земскій съѣздъ меня не занимаетъ,—вотъ, если бы концертъ Серве или покойнаго Паганини, — а съ архіереемъ я не знакомъ...

Послѣ обѣда на балконъ подошла и Фросинька.

— Къ вамъ, Кирило Григорьичъ, сказала она: кто-то тамъ въ передней пришелъ.

Старикъ позвалъ Филата, и тотъ черезъ минуту подалъ ему на подносѣ три письма. Одно было къ Вечерѣеву, два къ Ветлугину. Пока старикъ читалъ свое, Ветлугинъ издали еще на одномъ изъ пакетовъ узналъ руку отца и вскрылъ это письмо.

Оно состояло изъ слѣдующихъ строкъ: «Антонушка, другъ мой! Долѣе таить отъ тебя я не могу. Со мной случилось великое горе. Выручай меня. Я выдалъ Клочкову скрытое отъ тебя, по его желанію, обязательство, которое разоритъ, погубитъ меня. Твое промедленіе выводитъ его изъ себя. Онъ грозитъ предста-

вить это обязательство ко взысканію. Ради любви твоей ко мнѣ, ради всего, что тебѣ дорого, либо безотлагательно возвращайся сюда, либо навѣсти Клочкова въ его деревнѣ и умоли меня пощадить...»

Ветлугина какъ громомъ поразило.

— Представьте, обратился къ нему, между тѣмъ, Вечерѣевъ: пріятель-то мой Ченшинъ, къ которому я ѣздилъ, когда вы меня здѣсь не застали,—совсѣмъ кажется рехнулся... Мало одного желѣзно-дорожнаго съѣзда; на нашъ затѣялъ явиться. Пишетъ, что завтра надѣется быть въ Рѣчномъ и меня туда проситъ.

— Что же, поѣзжай, сказала Вечерѣева.

— Съ ума ты сошла! да я и его не пущу... Ему ѣхать какъ разъ мимо завода, гдѣ я буду сводить счеты съ Талищевымъ. Останусь нарочно тамъ ночевать, договорю лѣсниковъ беречь его, арестую и доставлю завтра къ вечеру сюда. А прогляжу его, поѣду къ Талищеву и все-таки приведу его къ намъ...

— Кстати, прибавилъ Вечерѣевъ: теперь и вы, Антонъ Львовичъ, если хотите, оставайтесь у Клочкова ночевать. Успѣшнѣе кончите съ нимъ, что́ надо. Онъ завтра, нужно думать, отправится въ Рѣчное, а вы сюда. Ну, къ обѣду или къ вечеру опять мы и съѣдемся. Сейчасъ я узналъ, что Клочковъ, со вчерашняго вечера, благополучно обрѣтается въ своей Клочковкѣ. Что же, ѣдемъ? Я велю готовить лошадей.

— Ѣдемъ,—черезъ силу проговорилъ Ветлугинъ.

На немъ не было лица.

Черезъ часъ къ крыльцу были поданы лошади: Вечерѣеву четверня сѣрыхъ въ колескѣ, а гостю, пожелавшему прокатиться въ недалекую Клочковку верхомъ, осѣдланный гнѣдой.

Сообщая о томъ Ветлугину, Вечерѣевъ сказалъ: «Захотите, поѣзжайте мимо церкви, тамъ сейчасъ и битая дорога; а не то черезъ бродъ, — и прямо полемъ. Конь лихо скачетъ и не спотыкается. Эхъ! будь я помоложе, я бы вамъ его не уступилъ, и, пославъ впередъ подставу, верстъ десять-пятнадцать сдѣлалъ бы на кровномъ скакунѣ»...

Вечерѣевъ и его гость еще не сейчасъ уѣхали. Къ старику, какъ всегда передъ отъѣздомъ хозяевъ, явились, съ разными вопросами, прикащикъ, конторщикъ и садовникъ. А тѣмъ временемъ, какъ баринъ, бесѣдуя съ ними, отдавалъ нужныя приказанія, Антонъ Львовичъ окольными дорожками пробрался за ручей, миновалъ одну поляну парка, другую, взглянулъ на право, на лѣво, и нѣкоторое время былъ въ большой тревогѣ.

Ему послѣ обѣда удалось шепнуть Аглаѣ, чтобъ та приходила сюда къ одной изъ полянъ, бывшей въ сторонѣ отъ всѣхъ

дорожекъ. И вотъ хрустнулъ валежникъ, раздался шорохъ платья. Кто-то, гущиной, напрямикъ пробирался къ нему. Между вѣтвей мелькнулъ сѣрый зонтикъ и бѣлая накидка.

Аглая стояла передъ Ветлугинымъ.

— Ну, вотъ я и здѣсь, — запыхавшись и въ силу переводя духъ, проговорила она: едва сюда добѣжала; отецъ кончаетъ разговоръ съ прикащикомъ и, какъ разъ, васъ спохватится... Спѣшите къ нему; не простившись съ вами, онъ не уѣдетъ. До свиданія...

Ветлугинъ медлилъ.

— Неужели мы все-таки простимся? сказалъ онъ: и на цѣлые сутки?

Онъ боялся огорчить ее вѣстью объ отцѣ.

— Слушай! вдругъ сорвалось задушевное, нѣжное слово у Аглаи: слушай!—продолжала она, сквозь вѣтви деревъ ища глазами крестъ церкви: страшно мнѣ, жутко; я боюсь и заглянуть впередъ! Упреки, можетъ быть даже проклятія матери, стыдъ передъ людьми, ужасъ загробнаго наказанія... Но я всѣмъ, какъ видишь, пренебрегла. Ты мой и я твоя... Смотри же мнѣ прямо въ глаза,—прибавила она: и вотъ тебѣ мой завѣтъ—я хочу тебя успокоить... Помни: если кто-нибудь и когда-нибудь тебѣ скажетъ, что я тебя разлюбила, клянусь тебѣ этою церковью, могилой моего брата и всѣмъ святымъ, что я никого до тебя не любила, никого, кромѣ тебя, не буду любить и останусь тебѣ вѣрна до могилы и за могилой. Ну, ты доволенъ? доволенъ?..

Она страстно схватила его за руки и притянула къ себѣ.

— А ты... ты мнѣ клянешься? спросила она, пряча пылавшее лицо на его груди.

— Клянусь... Но ты будто неспокойна, колеблешься?

Аглая взглянула на Ветлугина. Въ глазахъ ея были слезы.

— Какъ быть спокойной? Вѣдь это грѣхъ, Боже, какой грѣхъ! сказала она, закрываясь руками: и какъ все это со мною такъ неожиданно случилось?

— Мужайся, крѣпись. Чего намъ теперь бояться?—успокоивалъ ее Ветлугинъ.

— Такъ, такъ. Но все... вдругъ... Ты, напримѣръ, можешь получить депешу отъ твоихъ хозяевъ. Другое-что неожиданно помѣшаетъ...

— Полно; да развѣ кто теперь властенъ надо мной, кромѣ тебя?

— Однако, ты ѣдешь.

— Я остаюсь. Сейчасъ пойду и скажу, что раздумалъ. Дѣло не спѣшное; можно и послѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ласково зажимая ротъ Ветлугину, прогорила Аглая: дѣла твоего отца... Я не знаю, но убѣждена, что тебѣ ѣхать надо.

Ветлугинъ передалъ ей подробно причину поѣздки къ Клочкову.

— Вотъ видишь, я угадала, сказала Аглая: поѣзжай, устроивай дѣло своего отца; но—прошу тебя, здѣсь и всегда—думай о Богѣ... Молись ему, и я буду молиться, чтобъ онъ укрѣпилъ тебя и еще болѣе просвѣтилъ твою душу...

— Была бы ты крѣпка въ данномъ словѣ, а объ остальномъ я не забочусь.

Аглая задумалась. Она вдругъ точно перенеслась куда-нибудь...

Не выпуская изъ рукъ рукй Ветлугина и глядя въ чащу деревъ, будто ожидая оттуда кого-нибудь, она сказала:

— Прости меня, но я скажу правду... Я боюсь за тебя. Ты вѣдь маловѣръ, а то, пожалуй, и вовсе невѣрующій... Ну, да Господь поможетъ... Твоя любовь — таже твоя вѣра. Будетъ любовь, будетъ и вѣра! переведя взоръ на церковь, прибавила Аглая.

Она вынула изъ кармана финифтяный, въ золотой оправѣ, образокъ, перекрестилась, поцѣловала его и надѣла на шею Ветлугина.

— Это вотъ тебѣ, сказала она: иконка Богоматери Одигитріи, покровительницы странствующихъ... Ею меня благословила, передъ смертью, бабушка Сусанна. Ты ѣдешь не далеко и не надолго; но я прошу тебя не снимай ее, молися ей... Даешь слово?

— Даю...

— Не осуждай меня... Ты ученый, развитой человѣкъ; я простая. Въ чемъ твое назначеніе и въ чемъ призваніе, я не вполнѣ еще знаю. Но я вѣрю, что ты можешь идти только къ высокимъ, честнымъ цѣлямъ, и я отъ тебя не отступлю ни на шагъ. Смотри только, какъ бы въ этой глуши, изъ-за меня, ты не отступился отъ своихъ завѣтныхъ помысловъ и какъ бы, хотя на мигъ, не ослабѣлъ въ своихъ трудахъ. Ну, да объ этомъ еще впереди. А теперь прощай, милый странникъ, прощай.

Она склонилась къ плечу Ветлугина. Онъ крѣпко обнялъ ее.

— Когда же конецъ? спросилъ онъ.

— Возвращайся; завтра будетъ отвѣтъ отъ твоего отца. Я приготовлю своего.

— А матушка твоя?

Аглая на это замялась.

— Я соображу, отвѣтила она: и все тебѣ сообщу.

Черезъ нѣсколько минутъ Вечерѣевъ поѣхалъ на свиданіе съ Талищевымъ, а Ветлугинъ сѣлъ на гнѣдаго, распросилъ Филата о дорогѣ и, черезъ бродъ, отправился къ Клочкову.

Но, едва онъ выѣхалъ за рѣку и сталъ подниматься на взгорье, какъ увидѣлъ, что по мостику изъ сада вышла Фросинька и Аглая и, стоя на берегу, издали махали ему платками. Онъ возвратился къ нимъ.

— Алинька рѣшила,—сказала, оглядываясь къ сторонѣ сада и подходя — по лугу, Фросинька: чтобы, вслѣдъ за вашимъ возвращеніемъ, вамъ объясниться, какъ съ Кириломъ Григорьичемъ, такъ и съ Ульяной Андреевной. Откладывать долѣе нельзя. Я, между тѣмъ, уговорю своего отца, и онъ васъ здѣсь, если будетъ нужно, въ тотъ же день обвѣнчаетъ. Къ сожалѣнію, отца моего теперь нѣтъ дома, — а то бы хоть и сегодня... Онъ уѣхалъ къ благочинному—съ другимъ здѣшнимъ духовенствомъ встрѣчать архіерея. Послѣ завтра возвратится.

— А какъ вы думаете, согласятся ли родители Аглаи Кириловны? спросилъ Ветлугинъ.

— Кирило Григорьичъ будетъ радъ; за него я ручаюсь. А на Ульяну Андреевну, ужъ коли на то пойдетъ, мы и не посмотримъ. Главное, что пока еще никто и ничего здѣсь не знаетъ. Алинькѣ и безъ того не до признаній,—а я нѣма, какъ рыба... Лишь бы это устроилось. Такъ согласны?

— Тысячу разъ согласенъ, и не знаю, какъ васъ, Афросинья Адріяновна, благодарить...

— Ну, такъ съ Богомъ же, поѣзжайте и возвращайтесь, да поскорѣе, сказала Фросинька: охъ, ужъ эти влюбленные,—хлопочи о нихъ! Посажу Аглаю за пяльцы; станемъ васъ ждать, да обсуждать подробности дѣла. Ахъ, еслибы все это удалось!

— До свиданія. Смотрите же, не попадитесь въ чемъ-нибудь. Какъ бы не догадалась Ульяна Андреевна. Она что-то ужъ очень двусмысленно весь день сегодня на меня посматривала...

— О, будьте спокойны, не бойтесь. Все пойдетъ, какъ по писаному. Возвратится мой отецъ, и тогда увидите,—все разомъ устроится...

Ветлугинъ тронулъ поводомъ.

Породистый конь, фыркая и перебирая тонкими, красивыми ногами, снова выбрался въ гору.

Ветлугинъ еще разъ оглянулся на стоявшихъ у берега дѣвушекъ, на садъ и на окна дома, бѣлѣвшаго поверхъ деревъ. Оттуда никто въ это время сюда не смотрѣлъ. Аглая и Фро-

синька, обнявшись, безпрепятственно махали ему изъ подъ вербъ платками.

Ветлугинъ сталъ переѣзжать за косогоръ. Усадьба, крестъ церкви и луга по ту сторону рѣки исчезли. Ветлугинъ вспомнилъ о другомъ, привезенномъ ему отъ отца, письмѣ.

Онъ остановился, распечаталъ его и сталъ читать.

Письмо было отъ его былого учителя, товарища и друга, Аввакума Столешникова.

Столешниковъ ему писалъ:

«Ахъ ты, сахаръ медовичъ, оптимистъ и идеалистъ! Насмѣшилъ ты меня совсѣмъ. Какъ вольтеровскій докторъ Панглоссъ, ты скоро станешь, кажется, говорить, что все идетъ къ лучшему въ этомъ изъ лучшихъ міровъ. Поздравляю за открытіе. Ты даже перещеголялъ невиннаго воробышка,—Огюста Конта. Сей пресловутый соціологъ, вопреки своимъ великимъ предшественникамъ, кончилъ тѣмъ, что сталъ защищать собственность, а о капиталѣ выразился, что онъ сила почтенная, такъ какъ составляетъ необходимое основаніе раздѣленія труда. Ты же, пріѣхавъ на родину, началъ романтическими грёзами о какой-то плѣнившей тебя на станціи монашенкѣ (зри приписку въ одномъ изъ твоихъ писемъ!) а кончилъ идилліей по поводу перерожденія твоего отца, бросившаго хлѣбъ духовный для поисковъ хлѣба иного рода. Ты надъ нимъ трунишь. Эй, другъ Антонъ, образумься. Вспомни насъ, придавленныхъ и голодающихъ, трудящихся во тьмѣ и неспособныхъ на свойственныя тебѣ сдѣлки съ толпой грабителей, захватившихъ въ свои руки судьбы бреннаго міра. Воротись къ намъ, суровымъ и озлобленнымъ, пока еще есть время и пока мы считаемъ тебя своимъ союзникомъ, а не врагомъ. Вѣрь ты мнѣ, что весь твой оптимизмъ—дѣтская мечта. Сѣдовласый старецъ, твой отецъ—извини ты меня—съ затѣями о школѣ для бѣдныхъ, по совѣсти не стоитъ выѣденнаго яйца. Твоя же монашенка,—опять-таки извини ты меня, не-отёсу!—можетъ быть, она уже тобой розыскана и ты съ нею пустился въ любовныя объясненія,—при первомъ вѣрномъ случаѣ, промѣняетъ тебя на проповѣди любого, медоточиваго и тонкоруннаго, современнаго попа, или на увѣщанія какой-либо вздыхательницы, матушки Перепетуи, поклоняющейся снамъ, да Пятницѣ съ Буреломомъ и съ Паликопой. Бросай все и возвращайся къ намъ. Срокъ моему сидѣнью также, наконецъ, истекъ, и я, какъ и ты, могу теперь двигаться, куда угодно. Средствъ только мало! А потому переѣду пока въ Москву. Являйся и ты. Разумѣется, что и говоритъ,—на нашей дорожкѣ тебя ждутъ терніи, а можетъ быть и

ще что-нибудь похуже. За то мы честно выполнимъ свое при-
ваніе. Итакъ, жду тебя или твоего письма. Откликнись. Друзей
насъ прибываетъ и еще прибудетъ. Пора дѣйствовать насту-
питъ, вѣроятно, вскорѣ. Отвѣчай. Твой—Аввакумъ Столешниковъ».

— «Тотъ же мечтатель и грубый, хоть добрый ворчунъ!» по-
думалъ съ усмѣшкой Ветлугинъ, разрывая и бросая по вѣтру
письмо: «какъ жаль, что такъ излѣнился. Оттого и сердится на
всѣхъ!»

Онъ оправился, далъ волю коню и поскакалъ по указанной
ему дорогѣ въ Клочковку.

XIX.

Подъ смоковницей.

— Кого вижу! Антонъ Львовичъ, камрадъ! какими судьбами?
отъ разодолжили!

Такъ восклицалъ Петръ Иванычъ Клочковъ, съ крыльца ста-
раго домика Клочковки, въ лицѣ въѣзжавшаго въ ворота всад-
ника узнавая Ветлугина.

— Милости просимъ, сюда, сюда...

Ветлугинъ взошелъ на крыльцо.

— Ну, помучили вы насъ,—продолжалъ, здороваясь съ нимъ,
Клочковъ: очень радъ! Видно Вечерѣевъ и васъ поприжалъ...
Какъ вы нашли старика? Не правда-ли, чудакъ? Подчивалъ му-
зыкой, стихами? и что нашъ заёмъ? Да говорите же, не мучьте...

— Кто это у васъ?—вполголоса спросилъ Ветлугинъ, указы-
вая глазами на добродушнаго, сильно загорѣлаго, сутуловатаго
съ короткими ножками господина, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ
крыльца, сидѣвшаго на бѣговыхъ дрожкахъ.

Подушку дрожекъ этого господина замѣнялъ потертый ков-
никъ. Лошадка была небольшая, хомутъ и возжи веревочныя.
Онъ сидѣлъ сгорбившись и, вслѣдствіе разговора съ Клочковымъ,
былъ, очевидно, не въ духѣ. При появленіи Ветлугина, онъ
легка приподнялъ сплюснутую шляпу, тронулъ возжами и мед-
ленно поѣхалъ за ворота.

— Это землемѣръ, управляющій моего кума, Талищева, ска-
залъ Клочковъ: я продалъ куму лошадей; то-есть, собственно,
продалъ даже и не я, а, по своей глупости, мой прикащикъ,
Кузьма; и представьте, такъ продешевилъ, что просто обидно.
Срокъ сдачи подошелъ, а цѣны, между тѣмъ, поднялись чуть
не вдвое.

— Ну, для кума можно и уступить, замѣтилъ, еще не входя въ сѣни, Ветлугинъ: между пріятелями счесться легко.

— Такъ-то, такъ, вздохнулъ Клочковъ: только всему же есть границы. Не будь у прикащика довѣренности, я бы даже имѣлъ право не признавать этой сдѣлки Фокина.

«Фокина? вотъ это кто!» подумалъ Ветлугинъ, вспоминая слова Ульяны Андреевны, что Фокинъ сватался за Фросиньку.

— Ну-съ, дорогой гость, милости же просимъ подъ мою смоковницу, любезно сказалъ Клочковъ, вводя Ветлугина въ залъ, а оттуда въ кабинетъ: извините за безпорядокъ. Вы у человѣка дѣла, застрѣльщика и піонера практики, а не бѣлоручки. Помните университетскія времена? Не то было тогда. А потому не удивляйтесь, если родительскій залъ у меня зачастую, при ссыпкѣ хлѣба, идетъ за амбаръ, а спальня матери за кладовую или за швальню конской сбруи. Родители чуть не до тла промотали состояніе; за то я наживаю.

Залъ-амбаръ невольно занялъ Ветлугина. Половина этой комнаты, чуть не до потолка, была завалена связками выдѣланныхъ кожъ, льна и пеньки. Другая половина была загромождена сдвинутой мебелью, на спинкахъ которой висѣли образцы веревокъ и хомуты. Тутъ же кучами лежали свѣже-остриженныя овечьи руна, мѣшки съ пробами муки и снятые со стѣнъ фамильные портреты, изъ которыхъ однимъ былъ даже прикрытъ ящикъ съ какимъ-то многоплоднымъ ячменемъ.

— Ко мнѣ ѣздятъ люди дѣловые, сѣренькіе, сказалъ Клочковъ: они не обижаются при видѣ этой житейской лабораторіи. Дорожка пыльна, за то цѣль свѣтла... Разбогатѣемъ, и въ золоченыхъ палатахъ сумѣемъ жить. Батюшка былъ генералъ, да постоянно безъ гроша денегъ; а я, какъ поустрою дѣла, такъ никакого мнѣ и генеральства не будетъ надо...

При входѣ въ отцовскій кабинетъ, Клочковъ нѣсколько смутился и бросился даже кое-что прибирать.

Да и какъ не смутиться?

На стѣнѣ, на старинной и дорогой раскрашенной гравюрѣ Діаны-охотницы, висѣли снятые съ дороги парусинные панталоны; на портретѣ Ермолова просушивалось бритвенное полотенцо. Нѣсколько заношенныхъ, съ невынутыми запонками, рубашекъ было брошено по стульямъ и по диванамъ. На письменномъ столѣ, рядомъ съ бюстомъ Кавура, было выстроено нѣсколько запечатанныхъ разноцвѣтныхъ флягъ съ водкой. На невысокомъ шкафикѣ, за печью, лежала кучка книгъ свѣтскаго и, судя по переплетамъ, духовнаго содержанія, а возлѣ нихъ виднѣлись просвира и

четки. На этажеркѣ, съ вышитыми золотомъ рукавами и воротникомъ, былъ брошенъ мундиръ почетнаго мирового судьи. На оттоманкѣ, подъ нарядным шелковымъ халатомъ, спала борзая собака. На окнѣ, сердито косясь на вошедшаго Ветлугина, сидѣла другая собака—лягавая. Въ полурастворенную дверь изъ коридора, рыча, просовывалась морда третьяго пса—водолаза...

— Охранителей у васъ однако не мало, сказалъ, сторонясь отъ собакъ, Ветлугинъ.

— Не бойтесь, не кусаются. Я охотникъ; да и мѣста здѣсь глухія. Не ровенъ случай. Вотъ я и держу.

— Эти фляги съ виномъ зачѣмъ у васъ?

— Держу нѣсколько питейныхъ въ главныхъ селахъ. Нельзя — надо вліять на писарей и старшинъ... царство кабака-съ...

— А эти четки?

— Такъ... одна знакомая духовная особа прислала, отвѣтилъ Клочковъ, пряча просвиру и четки въ шкафъ.

Онъ ушелъ распорядиться съ чаемъ.

Ветлугинъ взглянулъ на книги, лежавшія на шкафѣ и, сверхъ всякаго чаянія, рядомъ съ «Поѣздкой на Валаамъ» и какою-то брошюрой «Агафьюшкой», увидѣлъ «Островъ Утопію» Томаса Мора, — «Будущность обществъ» Консидерана, и еще что-то подобное.

— Зачѣмъ вамъ эти книги? спросилъ онъ вошедшаго Клочкова: и какъ онѣ у васъ мирятся съ Агафьюшкой?

— А какъ-же... нельзя... Надо со всѣми ладить... Вращаешься въ разныхъ слояхъ. Священникъ, вліятельная монахиня заговорятъ, я имъ объ Агафьюшкѣ. Милунчиковъ съ братіей припрутъ къ стѣнѣ, я изъ Конта или изъ Спенсера. Да согласитесь, другъ, оно вѣдь и любопытно заглянуть, какъ молъ, душегубы-прогрессисты нашему брату, собственнику, висѣлицу готовятъ... Въ особенности милъ Консидеранъ, какъ онъ излагаетъ шельмеца Фурье,—эти его фаланстеріи, унàрховъ и омнàрховъ. Настанетъ, говоритъ, общее удовлетвореніе страстей, — и тогда, говоритъ, на полюсахъ будутъ рости лимоны... Это недурно. Не правда-ли? Что можетъ быть выше ублаженія грѣшной плоти? Тамъ, на небесахъ, будетъ ли хорошо, философы еще не рѣшили. Здѣсь же мы спуску не дадимъ ничему,—не правда-ли? Жаль все жаль: анаѳемски Кузьма продешевилъ лошадей... Больше десятчи цѣлковыхъ потеряю... А теперь милости просимъ въ садъ; хотя онъ тоже нѣсколько запущенъ, но тамъ на просторѣ пріятнѣе.

Они прошли въ садъ, гдѣ у пруда подъ яблоней уже пых-

тѣлъ самоваръ, были разложены подушки и стояли всѣ принадлежности къ чаю.

— Да-съ, продолжалъ, протягиваясь на травѣ и предлагая тоже сдѣлать и гостю, Клочковъ: пріятна доля притѣсненнаго землевладѣльца, когда у него, благодаря посильнымъ трудамъ, въ карманѣ очутится пятьдесятъ тысячъ и онъ приляжетъ отдохнуть подъ своею смоковницей. Не правда-ли? хе-хе... А еще пріятнѣе доля того землевладѣльца, у котораго въ карманѣ очутится не пять десятъ, а сто или даже и двѣсти тысячъ... Тогда... о, да что и говорить...

Клочковъ вздохнулъ и замолчалъ. Лежа на спинѣ, съ закинутыми за голову руками, онъ глядѣлъ на Ветлугина, на деревья и на тихо-шушукавшій самоваръ, и отъ преизбытка собственнаго благодушія, очевидно, даже умилился. Вечеръ, между тѣмъ, разыгрался во всей красѣ. Отъ кустовъ запахло росистой листвой. Гдѣ-то вблизи, за садомъ, началъ выщелкивать перепелъ. Солнце пышно золотило верхи дальнихъ деревъ. Изъ-за пригорка доносилось мычаніе подходившихъ съ поля коровъ, блѣяніе овецъ и веселые крики загонявшихъ ихъ ребятишекъ.

— А наживи землевладѣлецъ триста тысячъ,—заключилъ въ сладкомъ раздумьи Клочковъ: его отдыхъ подъ смоковницей былъ бы еще отраднѣе.

Ветлугинъ слушалъ его разсѣянно.

— Интересно, однако бы, знать, Петръ Иванычъ,—обратился къ нему, чтобы чѣмъ нибудь поддержать рѣчь, Ветлугинъ: зачѣмъ вамъ большое богатство? Меня давно занимаетъ вопросъ что именно шевелится въ душѣ людей, подобно вамъ, ищущихъ быстрой и значительной наживы? Я и другихъ объ этомъ спрашивалъ. Отвѣчайте мнѣ откровенно... Положимъ, вы, наконецъ нажили пятьдесятъ, ну, даже сто тысячъ... Что же далѣе?

— Выдумали, сто... Пятьсотъ тысячъ!.. О меньшемъ, милый вы мой ягнёнокъ, я и не мечтаю... На пяти-стахъ, вотъ на чемъ, будетъ моя пристань...

— Хорошо, пусть и пятьсотъ. Вы ихъ, со временемъ, можетъ быть, и наживете... Ну, признайтесь-же, что вы съ ними станете дѣлать?

— Что стану дѣлать?

— Да...

Клочковъ не отвѣчалъ. Ветлугинъ разсматривалъ его съ презрительнымъ, брезгливымъ любопытствомъ.

— Вотъ видите, вы молчите, сказалъ онъ: да иначе и быть не можетъ. Вы ничего новаго, по части житейскихъ благъ, н

ридумаете. Привычки у васъ останутся тѣ же. Вкусъ развѣ ритупится, да ослабѣетъ желудокъ. Но не ослабѣетъ позывъ къ бо̀льшей и бо̀льшей наживѣ. Вѣдь жажда къ богатству, Петръ Иванычъ, это современная, бездонная бочка Данаидъ... Развѣ вы того не знаете? Сколько туда ни лейте, все будетъ мало...

— Я отъ васъ, Антонъ Львовичъ, такого мнѣнія не ожидалъ,—даже обидѣвшись, сказалъ Клочковъ: эхъ, вы, извините,— простота, простота. А еще дѣловой человѣкъ. Пятьсотъ тысячъ!.. да, вѣдь это, другъ вы мой, полмилліона... Ай-ай! Чего только и сдѣлаешь на эти деньги, чего ни пріобрѣтешь?

— Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ, не отставалъ Ветлугинъ: что же именно сдѣлаешь и что пріобрѣтешь?

— Всякая прихоть твоя будетъ исполнена, продолжалъ, съ искреннимъ увлеченіемъ и точно въ какомъ-то опьяненіи, Клочковъ: каждая, наконецъ... красавица... ну, женщина-перлъ... первѣйшая француженка... станетъ тебѣ доступна...

— Странно мнѣ, перебилъ его Ветлугинъ: чуть только русскій человѣкъ задумаетъ объ увѣнчаніи своего задушевнаго дѣла, ему прежде всего мерещатся заѣзжія француженки.

— Настроишь дворцовъ, продолжалъ, откинувшись къ дереву не слушая Ветлугина, Клочковъ: пожуируешь въ Парижѣ, умрешь въ Ниццѣ... А ужъ кланятся-то тебѣ будутъ разные губернскіе ротозѣи, ноги—руки станутъ цѣловать, тѣни твоей будутъ молиться, отъ Рюриковой дружины родъ твой произведутъ...

Мысль о губернскихъ ротозѣяхъ и о Рюрикѣ окончательно насилила Клочкова. Онъ улыбался про себя, что-то мычалъ и, легка подремывая, даже забылъ о самомъ присутствіи своего гостя.

Съ соломенной крыши кирпичнаго, неоштукатуреннаго зданія, виднѣвшагося въ концѣ сада, слетѣла какая-то ночная птица. она уныло крикнула въ деревьяхъ.

— Что это у васъ за зданіе? спросилъ, Ветлугинъ.

— А?.. что?.. Да... это куполъ надъ памятникомъ моего родителя... онъ вѣдь скончался здѣсь — будучи въ отпуску...

— Что же этотъ памятникъ въ такомъ видѣ?

— Крыша годъ назадъ провалилась, такъ я ее прикрылъ соломкой... Нѣкогда починить... Да, по правдѣ, родитель полетитъ и такъ... Починю, какъ окончательно поправятся обстоятельства...

— Но какихъ же вамъ еще обстоятельствъ?

— Вотъ раскончу кое-какія затѣи... устроимъ, какъ слѣдуетъ, вашимъ батюшкой контору, тогда и разскажу... Позвольте,

однако, какъ ваше посольство къ Вечерѣеву? мы еще и не говорили съ вами.

Ветлугинъ помолчалъ.

— Ну зачѣмъ вамъ мой отецъ? сказалъ онъ: право, удивляюсь! Развѣ онъ годится вамъ въ товарищи? Но лучше ли вамъ поискать другого, побойчѣе и поопытнѣе?

Клочковъ привскочилъ и сѣлъ на корточки. Глаза его мигомъ проснулись.

— Извините вы меня, милый другъ, сказалъ онъ, стараясь быть какъ можно спокойнѣе: буду говорить откровенно. Душёнка у васъ отцовская, мяконькая. Оба вы практики на дѣлѣ, но не въ душѣ. Вонъ вы и горяченькія тамъ статейки пописывали въ журналахъ, и любовный романъ, чай, способны разыграть съ какою-нибудь дѣвчонкой. Все это въ вашей натурѣ. Оттого такъ и боитесь всего. Забыли пословицу: «держи носъ по вѣтру»?.. А не забыли—такъ и баста. О нѣжностяхъ, о пустякахъ не думайте... А чтобъ васъ, милѣйшій камрадъ, окончательно успокоить на счетъ отца, я кое-что вамъ покажу. И это даже мой долгъ: я совершенно понимаю ваши сомнѣнія, понимаю и цѣню...

Съ этими словами Клочковъ пригласилъ гостя обратно въ домъ, провелъ его въ кабинетъ, зажегъ лампу, отомкнулъ ящикъ письменнаго стола и, выкладывая изъ него разныя бумаги, сказалъ:

— Вы, очевидно, сомнѣваетесь въ моихъ средствахъ? угадалъ я? Успокойтесь. Отъ отца моего я получилъ мало или почти ничего. Говоря на древнемъ россійскомъ языкѣ, у него была сотняшка душъ, да и тѣ заложенныя и перезаложенныя. Кое-что я получилъ еще отъ бабки. Ну-съ, это все, однако, было вздоръ. Долги моего превосходительнаго родителя чуть не поглотили всего. Да я взялся за умъ. Пріѣхалъ сюда и сталъ работать. Ничѣмъ не пренебрегалъ,—торговалъ хлѣбомъ, пенькой, даже воскомъ и пухомъ. Перины въ Москву поставлялъ. Охъ, тяжелыя были времена. Я унижался, корчился въ три погибели, отказывалъ себѣ во всемъ. Но вскорѣ вздохнулъ свободнѣе. И уже теперь могу сказать, что собственнымъ трудомъ я родовое имѣніе почти удвоилъ, да обзавелся, милый ты мой, капитальцемъ. Это с тѣхъ поръ, какъ сталъ бумагами торговать. Вотъ вамъ въ до казательство закладная купца на пивной заводъ; а вотъ н сколько векселей съ одного матушкинаго сынка—по пятиалты ному за рубль, дяденька, достались; что, хорошо? Эти вотъ с трактирщика, этотъ... ну, этого не стоитъ... (Клочковъ замялся

унулъ вынутый вексель въ кучу другихъ бумагъ)... А это, кам-адъ, съ Милунчикова... да-съ! на тысченку, не болѣе... Но все олезно, чтобъ держать его на уздечкѣ, при иныхъ его обще-венныхъ подвигахъ. Это вотъ опять росписка съ прокурора удебной палаты, — въ карты его на всякій случай на пятьсотъ блей обыгралъ: что ни говори, пригодится!—они теперь сила... того сорокъ семь тысячъ!.. Еще три тысченки — и пятьдесятъ. тамъ и выше и выше. А вотъ письма отъ первѣйшихъ тор-выхъ и промышленныхъ тузовъ: зовутъ меня въ свои пред-іятія, шлютъ на заключеніе разные проекты, предлагаютъ за-тія, мѣста... Что, милордъ, хорошо? И все это добыто соб-веннымъ трудомъ... Да! ночей не досыпалъ; по-уши иной разъ дѣлъ въ грязи... И скоро, скоро откроются передъ вашимъ корнымъ слугой такіе жизненные пути, о которыхъ теперь е жутко и думать.

— Только все же я полагалъ бы, сказалъ Ветлугинъ: что й отецъ вамъ не пара.

— Оно, если хотите, и я наконецъ такъ думаю, отвѣтилъ очковъ: но кто мнѣ замѣнитъ его, добряка, ну, и его средства?

— Поискали бы другого; авось найдется.

Клочкову блеснула счастливая мысль. Онъ неопредѣленно нулъ въ отпертый ящикъ, медленно задвинулъ его, звонко кнулъ замкомъ и точно про себя сказалъ:

— Вы не хотите ли занять его мѣсто?

— Да... ужъ лучше хоть бы и мнѣ! — отвѣтилъ Ветлугинъ, зная, какъ приступить къ рѣшительному объясненію объ обя-льствѣ отца и вмѣстѣ остерегаясь сдѣлать ложный шагъ.

— Такъ значитъ, держи носъ по вѣтру? подмигнулъ, хи-ая, Клочковъ.

— Именно, — отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Такъ и отцовскій векселекъ подмахнете своимъ поручи-ствомъ? спросилъ Клочковъ, опять собираясь отомкнуть столъ: е то, можетъ быть, и вовсе его на себя перепишете? Мнѣ если сказать по правдѣ, было бы даже покойнѣе,—то ста-ь; а то вы... У васъ вонъ какія связи торговыя, опытность. скорѣе устоите въ дѣлѣ; да съ васъ, извините, и взыскать нѣе. Вѣдь я говорю на чистоту,—своя рубашка, знаете...

— О какомъ векселѣ вы сказали? спросилъ Ветлугинъ.

— А какъ же; вашъ батюшка выдалъ мнѣ, за вступленіе въ мои дѣла, вотъ это обязательство. Нельзя, — надо было сякій случай себя обезпечить. Вѣдь его домъ и дворъ зало-ы при моемъ пособіи другому...

Ветлугинъ взглянулъ въ бумагу: то былъ дѣйствительно вексель на его отца и вексель на весьма крупную цифру. Сердце его сжалось. — «Вотъ что́ проглядѣлъ я при повѣркѣ счетныхъ книгъ»: подумалъ онъ: «какъ-бы однако помочь дѣлу? какъ бы выручить отца?»

Ветлугинъ выдержалъ себя и спокойно замѣтилъ:

— Что́-жъ, я готовъ подписаться и на векселѣ. Надо только это оформить. Мы посчитаемся съ вами, составимъ домашнее условіе о вступленіи моемъ въ ваши дѣла, вмѣсто отца; вы подпишете это условіе, а я отъ себя вексель.

— Когда-жъ? сегодня? спросилъ, поглядывая на него, Клочковъ: и притомъ, старый ли вексель вы подпишете или мы замѣнимъ его отъ вашего лица новымъ? У меня и бумага для этого есть..

— Я на все согласенъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: и готовъ это устроить хоть и сегодня.

Послѣ ужина Клочковъ провелъ гостя въ отведенную ему комнату. Они посчитались и старый вексель былъ уничтоженъ, а новый переписанъ на имя Антона Львовича. Условіе въ огражденіе векселя они рѣшили написать поутру. Проектъ его Ветлугинъ хотѣлъ обдумать повнимательнѣе.

Гость и хозяинъ провели ночь подъ разными впечатлѣніями. Клочковъ былъ очень доволенъ и разсуждалъ: «Изъ этого вексетуна выйдетъ прокъ».

Ветлугинъ почти не спалъ.—«Я взялъ на себя немаловажное обязательство, — но я спасъ отца»! думалъ онъ: «какъ-нибудь выплачу, извернусь — за то отцу теперь не будетъ грозить полное разореніе, а не то и тюрьма»...

За утреннимъ чаемъ въ кабинетѣ Клочкова, Ветлугинъ застalъ вчерашняго посѣтителя, Фокина. На этотъ разъ онъ его лучше разсмотрѣлъ.

Управляющій Талищева оказался человѣкомъ лѣтъ сорока-небольшого роста, съ добродушными, лѣнивыми и будто смѣющимися, зеленоватыми глазками. Круглое загорѣлое лицо, мясистый пухлый носъ, свѣтлорусая клиномъ бородка и объемистое, нѣсколько отвисшее брюшко—дополняли его черты. Онъ былъ въ сѣромъ потертомъ пиджакѣ, въ полиняломъ голубомъ шейномъ платкѣ и съ кнутомъ въ рукѣ. Сидѣлъ онъ у письменнаго стола, влѣво. Ветлугинъ, со стаканомъ чая, помѣстился у того же стола, вправо. Клочковъ расположился между нихъ посреди.

Ветлугинъ хотѣлъ покончить съ условіемъ, но выжидалъ пока уѣдетъ Фокинъ.

— Ну-съ, козырь Иванычъ,—началъ прерванный разговоръ

съ Фокинымъ Клочковъ: скажите... такъ, знаете, откровенно, пососѣдски,—почемъ Кузьма продалъ вамъ лошадей?

— Какъ почемъ? удивился Фокинъ.

— А такъ же, многозначительно подмигнулъ Ветлугину Клочковъ: цѣны бываютъ всякія, тайныя и явныя.

Фокинъ уныло окинулъ глазами концы разставленныхъ своихъ ножекъ, и молча вздохнулъ.

— Странное, Петръ Иванычъ, дѣло, сказалъ онъ: мы съ вами толковали вчера, да видно будемъ говорить о томъ же и сегодня... Сами изволите знать, почемъ? Мы не впервое съ вами встрѣчаемся. Были-таки въ общихъ дѣлахъ. Цѣну вашему приказчику вы сами назначили въ письмѣ. Я прочелъ это письмо и тогда только приступилъ къ покупкѣ... Такъ кто же здѣсь виноватъ?

— Условіе... росписка Кузьмы... съ вами? спросилъ, взглядывая на Ветлугина, Клочковъ.

Его глаза какъ-бы говорили: «что? слышали? каковъ гусь»?

— Еще бы не со мной, отвѣтилъ Фокинъ: я ваши обычаи, Петръ Иванычъ, знаю; шутить въ дѣлахъ не любите... Изъ молодыхъ вы, да ранній... Балагуръ, но требуете точности...

— Покажите росписку...

Фокинъ изъ кармана панталонъ вытащилъ объемистый сафьянный бумажникъ; щурясь, поглядѣлъ въ него, какъ въ нѣкій глубокій колодезь, бережно вынулъ оттуда требуемую росписку; послюнивъ палецъ, развернулъ ее, разгладилъ на колѣнѣ и не подалъ, а какъ сидѣлъ, нѣсколько издали показалъ ее Клочкову.

Петръ Ивановичъ улыбнулся. Улыбнулся, глядя на него, и Фокинъ. Оба они, какъ видно, хорошо знали другъ друга.

— Ну-съ, — какъ-бы успокоившись, сказалъ Клочковъ: радуйтесь; поддѣли меня. Чуть не даромъ теперь придется отдавать вамъ лошадей.

— Полноте, Петръ Иванычъ, полноте, — глядя въ бумажникъ и снова собираясь туда уложить росписку, перебилъ Фокинъ: вамъ ли это говорить? И такія ли вы поправляли дѣла? Извѣстная вещь — торгъ; нынче дешево, завтра втрое дороже... А будете по совѣсти расплачиваться, на чистоту, вѣрьте, время все вамъ возвратитъ сторицей...

— А покажите, однако, еще мнѣ эту росписку, замѣтилъ Клочковъ: срокъ, кажется, еще не вышелъ...

И когда Фокинъ, продолжая поученіе, сказалъ: «Желай пользы другимъ, будетъ польза и тебѣ... на этомъ-съ, Петръ Иванычъ, стоитъ теперь вся школа позитивистовъ»! и въ разсѣянно-

сти двинулъ росписку по столу, — Клочковъ мизинцемъ лѣвой руки незамѣтно столкнулъ росписку въ ящикъ, щелкнулъ ключемъ и тихо отодвинулся отъ стола.

— Ну-съ, любезный позитивистъ, объявилъ онъ: теперь давайте торговаться снова...

— Какъ снова?

— А такъ же: я въ свѣтѣ джентльменъ; въ торговыхъ же оборотахъ — я кулакъ и кремень. И такова ужъ почва въ Россіи: какъ видите, я этого даже и не скрываю.

— Что́ вы, что́ вы, Петръ Иванычъ, захихикалъ и задвигался животомъ оторопѣлый Фокинъ: оставьте шутки. Я вашему Кузьмѣ подъ росписку далъ тысячу цѣлковыхъ... И деньги не мои...

— Да я и не шучу. О какомъ задаткѣ и о какой роспискѣ вы говорите? Нѣтъ росписки и вы не докажете, что она была. Меня надули и я тѣмъ же отвѣчаю... Не хотите снова торговаться, не прогнѣвайтесь: я васъ болѣе не задерживаю...

Фокинъ всталъ. На немъ лица не было.

— Это ваше послѣднее слово? спросилъ онъ, судорожно сжимая ручку кнута.

— Послѣднее...

— Вы не шутите?

— Не шучу.

Фокинъ сдѣлалъ два шага къ двери и опять возвратился.

«Что́ же это онъ»? подумалъ, краснѣя, Ветлугинъ: «за кого же меня-то онъ, негодяй, считаетъ»? — Позвольте, сказалъ онъ Фокину: Петръ Иванычъ дѣйствительно пошутилъ. Онъ вамъ сейчасъ отдастъ росписку обратно.

Въ глазахъ Клочкова сверкнули змѣйки.

— То-есть, какъ отдастъ? спросилъ онъ, не глядя на Ветлугина.

— Ну, да; вы г. Фокину возвратите этотъ документъ, такъ какъ вы же сами... мнѣ давеча сказали, что хотите надъ нимъ только подтрунить: иначе и быть не могло...

— Когда я вамъ это говорилъ?

Ветлугинъ не отвѣтилъ.

— На пару словъ, сказалъ, вставая, Клочковъ.

Ветлугинъ вышелъ съ нимъ въ смежную комнату.

— Что́ все это значитъ? глухо спросилъ Клочковъ: вы, милѣйшій, серьёзно вздумали вмѣшаться въ это дѣло?

— Да, серьёзно! отвѣтилъ Ветлугинъ: и мнѣ жаль, что вы не оцѣнили моей услуги.

— А если я васъ не послушаюсь?—дергая себя за галстухъ, лобно прошепталъ Клочковъ.

Онъ задыхался.

— Не думаю, отвѣтилъ Ветлугинъ: вы должны поступить по оему совѣту... для вашей же пользы.

— Такъ и ты, Брутъ, противъ меня?—съ изуродованнымъ отъ ѣшенства лицомъ, постарался улыбнуться Клочковъ.

— Послушайте, глядя въ глаза Клочкову, твердо сказалъ Ветлугинъ: если вы сейчасъ же и при мнѣ не отдадите этому осподину росписки, я буду свидѣтелемъ противъ васъ на судѣ... не то —лучше одумайтесь,—я ни за что не ручаюсь...

— О-го, такъ вотъ вы какъ! этого еще не доставало! угрозы въ моемъ домѣ...

Клочковъ оглянулся. Руки его судорожно вздрагивали. На глахъ губъ проступила пѣна. Онъ вспомнилъ стычку съ Ветугинымъ въ университетѣ.

— Вы не очень-то, продолжалъ онъ запальчиво: теперь вы ой должникъ! Вексель безсрочный. Я подамъ его ко взысканію, вамъ не одобровать.

— Можете дѣлать все, что̀ вамъ угодно, спокойно отвѣтилъ Ветлугинъ: ни я, ни отецъ мой въ обиду вамъ отнынѣ не даимся... примемъ мѣры...

— Ахъ вы, заяцъ Иванычъ! вдругъ засмѣялся и даже на иванъ отъ смѣха упалъ Клочковъ: да вѣдь я въ самомъ дѣлѣ олько пошутилъ! Вотъ, смотрите, смотрите...

Съ этими словами онъ бросился въ кабинетъ, отперъ столъ, сдалъ Фокину росписку и, съ извиненіями, весьма любезно продилъ его на крыльцо.

— Ну, не стыдно ли вамъ, обратился онъ къ сумрачноявшему на прежнемъ мѣстѣ Ветлугину: эхъ, эхъ, камрадъ, не орошо! вообразили, что я и въ заправду...

«Тьфу ты, какая гадость!» думалъ тѣмъ временемъ, стоя у на, Ветлугинъ: «надо же было наткнуться на это скверное роисшествіе... Въ какія руки было попался отецъ!»

— Впрочемъ, что̀ же я? Не хотите ли закусить? Не поѣдемъ и вмѣстѣ къ Талищеву? засуетился вкругъ него Клочковъ: пока спали, я и лошадей велѣлъ приготовить; вонъ и вашъ веровой. Его разсѣдлать бы... Отсюда недалеко...

Ветлугинъ пришелъ въ себя и уже хотѣлъ обернуться, заворить. Онъ вспомнилъ, что условія, въ объясненіе и ограждеіе векселя, Клочковъ еще не подписалъ. Но вдругъ и уже ротивъ его воли въ немъ закипѣло такое негодованіе и омер-

зеніе къ этому Клочкову, къ его вспотѣвшему, взволнованному лицу и старавшимся принять прежній, добродушный видъ, масляным глазкамъ, что онъ схватилъ фуражку, не оборачиваясь къ Клочкову, вышелъ на крыльцо, сѣлъ на коня и безъ оглядки поскакалъ со двора.

«Отлично, однако, я отъ него отдѣлался! размышлялъ тѣмъ временемъ, глядя на него изъ-за занавѣски окна, Клочковъ; чего добраго, еще учинилъ бы скандалъ. А если я съ Фокинымъ сплоховалъ, за то вмѣсто старика Ветлугина моимъ должникомъ теперь самъ этотъ господчикъ, — да еще по безсрочному и безденежному векселю—не дурно, Петя, не дурно!»

Клочковъ погладилъ себя по животу, досталъ ключи, отперъ шкафчикъ, досталъ съ его полки бутылку стараго портвейна, серебряную старинную чарочку и банку съ ананасовымъ вареньемъ. Налилъ чарочку, отпилъ, посмаковалъ, и всю ее допилъ; налилъ, погодя, и выпилъ другую. Наложилъ на блюдце варенья, съѣлъ его съ разстановкой, заперъ все по прежнему въ шкафъ, ключи положилъ въ карманъ и, закуривъ сигару, прошелъ во внутреннія комнаты. Тамъ, съ чулкомъ въ рукахъ, въ дешевенькомъ, ситцевомъ, густо-накрахмаленномъ платьѣ и въ башмакахъ на босу ногу, сидѣла круглолицая, съ красными руками, ямочками на щекахъ и съ нѣжными карими глазами, дѣвушка — повидимому, недавно взятая гдѣ-нибудь на селѣ. Губы ея при входѣ Клочкова подернуло, на рѣсницахъ висѣли слезы.

— Ничего, Вѣрочка, ничего, заговорилъ Клочковъ, прохаживаясь передъ нею по дѣвичьей: вотъ разживусь... поправлюсь... ну, и тебѣ и теткѣ... ну, и ты—заживемъ...

«Молчалъ бы, пучеглазый! срывалось съ языка дѣвушки: молчалъ бы, аспидъ!... тошно!...»

Но она ничего не сказала; только пригнулась ближе къ работѣ, и слезы чаще стали капать на руки, державшія чулокъ.

«Да и въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ, уходя въ кабинетъ, Клочковъ: изъ-за чего я стану сорить деньгами, великодушничать? Вотъ въ предсѣдатели бы скорѣе, въ предводители, а тамъ... Все, что пока скопилъ, въ оборотѣ... Наличныхъ, свободныхъ денегъ нѣтъ...»

Сказалъ это онъ себѣ о деньгахъ и совралъ. Въ послѣднюю поѣздку въ городъ, онъ на акціяхъ торговаго банка заработалъ нѣсколько тысячъ чистоганомъ и собственноручно положилъ ихъ на текущій счетъ въ обществѣ взаимнаго кредита.

XX.

Бойцы селъ и городовъ.

Очутившись въ полѣ, Ветлугинъ вскорѣ замѣтилъ, что сбился съ дороги.

Онъ проѣхалъ одинъ перекрестокъ, другой, но пути къ Дубкамъ не находилъ. Клочковка давно скрылась за пологимъ холмомъ. Хлѣбныя нивы шли вправо и влѣво, въ перемежку съ пахотями. Вдали синѣли, покрытыя лѣсами, какія-то возвышенности. Кое-гдѣ торчали стоги сѣна, чернѣли межевыя тропинки. Но ни жилья, ни одинокого путника не было видно.

Ветлугинъ рѣшилъ возвратиться въ Клочковку, чтобъ получше разспросить дорогу къ Вечерѣевымъ. Но проѣхалъ версты двѣ-три и увидѣлъ, что попалъ еще въ болѣе незнакомую мѣстность. Начались овраги, глубокія долины. На днѣ какого-то лога журчалъ ручей.

«Что за странность!» разсуждалъ Ветлугинъ, оглядываясь по сторонамъ. За однимъ изъ холмовъ онъ примѣтилъ пыль, поѣхалъ въ ту сторону и, подъ небольшимъ лѣскомъ, нагналъ какую-то телѣжку. На облучкѣ сидѣла и правила тощею лошаденкой дѣвочка лѣтъ десяти. За телѣжкой, держась за ея кузовокъ, шли трое нищихъ слѣпыхъ. На вопросъ Ветлугина, не знаютъ ли они дороги въ Дубки, дѣвочка только сильнѣе стала погонять еле-двигавшую ногами клячонку, а нищіе отвѣтили, что они не здѣшніе, а ѣдутъ на ярмарку въ Рѣчное. «Гдѣ же Рѣчное?» спросилъ Ветлугинъ.—Кто ихъ зна. Верстъ семь, коли не болѣ.—«Значитъ, опять надо назадъ!» подумалъ Ветлугинъ.

Но не проѣхалъ онъ обратно и двухъ верстъ, какъ на встрѣчу ему, изъ молодой осиновой рощи, на тройкѣ сытыхъ саврасокъ, вылетѣлъ небольшой тарантасъ. Въ тарантасѣ сидѣлъ Милунчиковъ.

Они поздоровались.

— Вы вѣрно отъ Талищева? спросилъ Милунчиковъ.

— Нѣтъ, отъ Клочкова; но никакъ не попаду обратно въ Дубки.

— Вы сбились. Къ Вечерѣевымъ отсюда не менѣе двѣнадцати верстъ. А къ Талищеву версты три. Я ѣду туда и могъ бы васъ подвезти. Вмѣстѣ оттуда бы мы проѣхали и къ Вечерѣевымъ.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣтилъ, поглядывая на своего

усталаго коня, Ветлугинъ: но я запыленъ; да и конь мой, видите, врядъ ли поспѣетъ за вашими.

— Мы его привяжемъ за тарантасомъ и потихоньку доберемся; а при въѣздѣ въ Рѣчное пріодѣнемся на постояломъ.

«Можетъ быть и Кирило Григорьичъ туда подъѣдетъ, если не перехватилъ по дорогѣ своего пріятеля!» помыслилъ Ветлугинъ.

— А что это за церковь бѣлѣетъ, вонъ на горѣ? спросилъ онъ, указывая вдаль.

— Это Красный-Кутъ, монастырь. Онъ черезъ рѣку за Рѣчнымъ; а невдали за нимъ и моя усадьба.

Ветлугинъ принялъ предложеніе Милунчикова, и вскорѣ передъ ними открылся поселокъ и барская усадьба Рѣчнаго. Пока они умывались, чистились и вновь одѣвались на постояломъ дворѣ, Ветлугинъ разсказалъ о столкновеніи Клочкова съ Фокинымъ.

— Вотъ они, мои соперники по общественнымъ дѣламъ, съ отвращеніемъ сказалъ Милунчиковъ: а что прикажете дѣлать? Надо бороться. Самый этотъ съѣздъ собственно устроенъ противъ меня. Я везу туда одинъ проектъ, хотя знаю, что на этомъ пробномъ сеймикѣ, на этой маленькой биржѣ, передъ осеннимъ собраніемъ, сдѣлаютъ попытку заранѣе и навѣрняка уронить мое же имя. Талищевъ и Клочковъ все это время работали, ѣздили и подбирали голоса, чтобы смѣстить меня, во что бы то ни стало.

— Да, и я слышалъ, что противъ васъ готовится походъ.

— Я не боюсь, отвѣтилъ, выходя съ постоялаго двора, Милунчиковъ: за меня будутъ крестьянскіе и мѣщанскіе голоса. Я недоучка, и это мое великое и тяжкое горе; но я, по возможности, старался чтеніемъ наверстать оборыши воспитанія. Я искренно полюбилъ дѣло народа и не измѣню ему до конца...

— Но что́ вы сдѣлаете одинъ?

— О, я не одинъ. Армія честныхъ людей понемногу пополняется новобранцами. Ихъ будто́ мало, не видно; но это такъ только кажется. Выбылъ изъ строя одинъ, взамѣнъ его являются другіе.

— Вы думаете, я мало вынесъ отъ этихъ наглецовъ? продолжалъ Милунчиковъ, подходя къ тарантасу: съ перваго моего появленія въ здѣшнемъ околоткѣ, обо мнѣ заговорили, какъ объ измѣнникѣ своему сословію; ославили меня, какъ опаснаго демагога и революціонера... На меня посыпались всякія сплетни; мерзѣйшіе пасквили сочинялись обо мнѣ здѣшними тупицами, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ.

Милунчиковъ нервически закашлялся.

— Вѣрите ли, ко мнѣ и къ моимъ знакомымъ, по почтѣ,

разсылались безчестнѣйшія анонимныя письма,—въ газеты проникали невѣроятныя выдумки и клеветы.

— Понимаю, какъ васъ это должно было огорчить.

— Огорчить и озлобить, подхватилъ Милунчиковъ: но что же дѣлать? Такъ хороша природа и такъ среди нея, подъ-часъ, безобразно человѣчество, особенно его всѣмъ обезпеченная и сытая половина...

— Въ чемъ главныя нападки вашихъ враговъ? спросилъ Ветлугинъ.

Милунчиковъ помолчалъ.

— Все изъ-за того же, отвѣтилъ онъ, какъ-то робко глянувъ въ сторону: изъ-за упорнаго нежеланія признать силу вещей и честно откликнуться на голосъ вѣка.

— Впрочемъ, рѣшительно прибавилъ Милунчиковъ, садясь въ тарантасъ вслѣдъ за Ветлугинымъ: противъ личныхъ оскорбленій—а безъ нихъ, вѣроятно, дѣло опять не обойдется—я принялъ нѣкоторыя мѣры. Вонъ въ ногахъ у меня—ящикъ съ пистолетами... Я полагаю, что давно пора пустить кровь клеветникамъ. Не мало накопилось всякой дряни, которую слѣдуетъ вывести на свѣжую воду.

Павелъ Ѳедорычъ Талищевъ весьма радушно встрѣтилъ Ветлугина.

— Очень радъ, сказалъ онъ, вводя его въ залъ: будьте гостемъ. Но какими судьбами вы попали въ нашъ околотокъ?

Ветлугинъ передалъ, что ночевалъ у Клочкова, а по пути отъ него встрѣтился съ Милунчиковымъ, который и привезъ его сюда.

— Такъ это вы ночевали у Клочкова? многозначительно замѣтилъ Павелъ Федорычъ: ну, вдойнѣ же радъ васъ видѣть... Вы тамъ изъ-за меня воевали съ моимъ кумомъ. Охъ, ужъ этотъ куманекъ. Онъ, впрочемъ, тоже здѣсь. Милости просимъ.

Талищевъ представилъ Ветлугина своей женѣ и познакомилъ его съ обоими своими сыновьями, гусаромъ Рашей и гимназистомъ Николушкой, а также съ нѣкоторыми изъ гостей.

— Не поскучайте у насъ, сказалъ онъ: прежде въ деревняхъ было веселѣе. Собственная музыка, пѣвчіе... Теперь же мы разбитые, припертые къ стѣнѣ. Какъ отшельники первыхъ вѣковъ, мы одѣлись во вретище, посыпали пепломъ главу и, точно въ подземелья, изрѣдка только собираемся въ оставленныя усадьбы, посѣтовать на развалинахъ нѣкогда процвѣтавшихъ хозяйствъ... Словомъ, передъ вами—бойцы селъ и городовъ...

Бойцы селъ и городовъ, однако, какъ сразу замѣтилъ Ветлугинъ, отнюдь не походили на древнихъ отшельниковъ: не одѣвались во вретище и пепломъ своихъ головъ не посыпàли. Съѣздъ былъ, какъ съѣздъ. По комнатамъ мелькали высокіе шиньоны, шуршали длиннѣйшіе шлейфы, а за ними увивались щегольскіе фраки, пиджаки и сюртуки. Всюду слышался оживленный, беззаботный разговоръ о модахъ, мѣстныхъ и столичныхъ новостяхъ. Словомъ—все было по старинѣ и отнюдь не напоминало ни объ упадкѣ веселья вообще, ни о развалинахъ сельскихъ хозяйствъ въ особенности.

«Ишь, старый плутъ, какого Лазаря мнѣ пѣлъ тогда на станціи!» подумалъ Ветлугинъ, прогуливась съ Талищевымъ по залѣ.

— Не угодно ли закусить? отнеслась къ Антону Львовичу хозяйка дома.

Объ руку съ ней Ветлугинъ направился въ столовую. Гдѣ-то послышалось нетерпѣливое пощелкиванье картъ. Онъ обернулся. Съ бубновой десяткой въ рукѣ и съ улыбкой посланца строгихъ, но милостивыхъ боговъ, на встрѣчу ему съ старшимъ Талищевымъ показался Клочковъ. Въ новомъ фракѣ, въ лаковыхъ полусапожкахъ и въ бѣломъ галстукѣ, Петръ Иванычъ, объ руку съ другомъ, несся по залѣ, отыскивая, для одной важной и чиновной особы, партію въ ералашъ.

— Вы не играете? спросилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Ветлугина.

И не успѣлъ тотъ опомниться, какъ Клочковъ прибавилъ:

— Очень радъ... Ну, какъ находите здѣшнее общество? Анна Романовна, приберите стараго моего соученика къ рукамъ... Найдите ему невѣсту. Что? попались? Посмотрите-ка, сколько хорошенькихъ.

Хозяйка собственноручно поднесла Ветлугину закусить и налила ему вина. — «Куда, однако, дѣлся Милунчиковъ»? подумалъ Антонъ Львовичъ, усѣвшись въ сторонѣ.

— Вы говорите объ управѣ, но хорошъ и новый судъ! произнесъ кто-то изъ кучки фрачниковъ, стоявшихъ у стола: поѣхалъ я по дѣлу въ городъ. Смотрю, наши митрохинскіе по улицамъ шляются, милостыню просятъ... Что вы, братцы? спрашиваю.—«Мы присяжные», отвѣчаютъ: «нагнали насъ эвонда, держатъ въ судѣ, а денегъ на харчи не даютъ; мы и ну-ка-си просить на хлѣбушку». Вотъ наши россійскіе жюри!.. Вотъ наша неподкрашенная народная совѣсть...

— Ха-ха-ха! — отзывались на это густые и сытые голоса: менно—жюри... народная совѣсть!

— А Милунчиковъ съѣздъ учителей затѣялъ, о волостныхъ нкахъ толкуетъ! сказалъ кто-то.

— Да гдѣ онъ?

— Говорятъ, здѣсь.

— Какъ? пріѣхалъ?

— Да.

— Ну, много же, видно, у него храбрости. Не сдобровать му. Отзовутся кошкѣ мышкины слезки.

— А слышали вы, перебилъ кто-то: въ газетахъ опять яви-ись пасквильная статья о нашей губерніи. Тутъ все: и мень-ая братія въ обидѣ, и тупость высшихъ слоевъ, и невѣсты, е уберегшія свѣтильниковъ, въ ожиданіи жениха.

— Кто же, кто ея авторъ? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Авторъ открытъ, произнесъ, подходя изъ залы съ газет-ымъ листомъ, старшій сынъ Талищева, Романъ Павлычъ: вотъ статья. Сейчасъ получилъ отъ сестры Петра Иваныча.

— Открытъ? это любопытно.

Гусара окружили.

— Дѣтей сестры Клочкова, началъ онъ, косясь на Ветлу-на: какъ вы можетъ быть знаете, обучалъ медикъ-студентъ... атъ предсѣдателя нашей управы, Милунчикова...

— Говорите, слушаемъ! — не совсѣмъ впрочемъ смѣло и глядываясь, подхватили нѣкоторые изъ слушателей.

— Этотъ именно молодой человѣкъ и оказался авторомъ атьи, въ которой въ такомъ черномъ видѣ изображенъ весь ѣшній край...

— Будьте осторожнѣе, шепнулъ кто-то изъ непосвященныхъ монтеру: у васъ, говорятъ, въ настоящее время, въ гостяхъ атъ Милунчикова.

— Мнѣ стѣсняться нечего, въ благородномъ негодованіи, абро сказалъ старшій Талищевъ, краснѣя не только лицомъ, и затылкомъ: пусть, кто хочетъ, меня слушаетъ... У моло-го человѣка сдѣланъ обыскъ; найдена переписка съ чужими аями... Его схватили и, вѣроятно, вышлютъ за Уралъ. Графъ дилъ къ жандармскому генералу и просилъ его избавить нашу бернію отъ этихъ пословъ интернаціоналки.

«И все, представьте, вретъ»! чуть слышно шепнулъ кто-то ади Ветлугина.

Ветлугинъ оглянулся.

За нимъ стоялъ его утренній знакомецъ, управитель Тали-

щева, Фокинъ. Руки послѣдняго съ трудомъ обхватывали шевелившійся отъ позывовъ къ смѣху животъ, а насмѣшливо прищуренные глаза, лѣниво и презрительно обращаясь кругомъ, какъ бы говорили Ветлугину. «Какова, батюшка, коллекція? и каково это вамъ, на свѣжій-то носъ, такъ сказать, съ вольнаго воздуху»?..

— Такъ это неправда? спросилъ, отходя съ нимъ къ сторонѣ, Ветлугинъ.

— Прежде всего, позвольте васъ поблагодарить за давешнюю услугу,—сказалъ, пожимая руку Ветлугина, Фокинъ: сейчасъ только узналъ, кто вы. А теперь и объ этихъ господахъ. Все, что вы сейчасъ слышали, чистое вранье. Я все ихъ гадкое нутро насквозь вижу и знаю... Помилуйте... Впрочемъ, нѣтъ, тутъ не совсѣмъ удобно... Если вы удостоите пройти ко мнѣ во флигель, такъ я вамъ и не то о нихъ раскажу...

— А Вечерѣева, Кирилы Григорьича, здѣсь нѣтъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Не видно что-то. Онъ ночевалъ у насъ нынче на заводѣ, съ принципаломъ моимъ счеты сводилъ, и остался тамъ кого-то поджидать.

Ветлугинъ съ Фокинымъ прошли во флигель.

— Вотъ моя пещерка,—сказалъ Фокинъ, усаживая гостя въ кресло своей комнаты, а самъ располагаясь противъ него на кровати: что же касается до исторіи со студентомъ Милунчиковымъ, такъ она разыгралась почти на моимъ глазахъ. Я сосѣдъ сестры Клочкова и, какъ нарочно, въ ту пору, — это было дня четыре назадъ,—ѣздилъ навѣстить свое хозяйство. Отсюда недалеко — верстъ двадцать. Учитель Милунчиковъ, добрѣйшій и весьма не глупый малый, сталъ поперегъ горла у Клочкова, во первыхъ, тѣмъ, что его братъ предсѣдателемъ здѣшней управы трудится, какъ муравей, и не якшается съ прочею здѣшнею мразью; а во-вторыхъ и потому, что сперва сдержанно, а потомъ и безъ всякихъ стѣсненій, сталъ сообщать, какъ сестрицѣ Клочкова, такъ и кое кому изъ сосѣдей, о множествѣ не-совсѣмъ нравственныхъ дѣлишекъ ея братца... Тамъ, знаете, въ числѣ иного прочаго, случилась незадолго весьма печальная исторія съ одной крестьянской сироткой, Вѣрочкой, — у слѣпой тетки она ее сманилъ... Ну, да это въ сторону... Статью же о здѣшнихъ палестинахъ, можетъ быть, точно написалъ и студентъ Милунчиковъ. Я про то не знаю и не спорю. Да я бы и самъ ее написалъ, если бы только напечатали. Но никакой переписки съ чужими краями у студента не было и не нашли; политиче

кими дѣлами онъ не занимался, и графъ, губернскій предводитель, :андармскаго генерала противъ него не вооружалъ. А напро-ивъ, самъ Клочковъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, при мнѣ, алетѣлъ съ пріятелемъ становымъ къ своей сестрицѣ. У юноши-чителя сдѣлали формальный обыскъ и отобрали кое какія, по сей вѣроятности, даже цензурныя рукописи и книжки. А послѣ быска бѣднягу разсчитали, да, не говоря худого слова, и вы-роводили за межу имѣнія: вотъ-де, каковы всѣ эти Милунчи-овы. Контракта у студента съ этими господами не было. Братъ го находился въ отлучкѣ. Защитить было некому... Я его въ пору нагналъ на дорогѣ и даже подвезъ до первой станціи... лучилось все это такъ неожиданно... Плакать сердечный не акалъ; за то ужъ ругался такъ-то зло и хорошо, и столько о всѣхъ этихъ господъ причитывалъ, что я, вѣрите ли, чуть смѣху дорогой не умеръ... Между прочимъ, завѣрялъ онъ стью,—да это и изъ другихъ источниковъ я знаю,—что будто й принципалъ, совмѣстно съ Клочковымъ, уже нѣсколько лѣтъ яду сочиняетъ нѣкій новый и совершенно геніальный проектъ ссійской конституціи....

— Какъ, что? невольно улыбнулся Ветлугинъ.

— Честью завѣрялъ, что не лжетъ.

— Въ чемъ же состоитъ этотъ проектъ?

— Между прочимъ, въ такомъ преобразованіи сбора пода-, чтобы несостоятельныхъ плательщиковъ изъ крестьянъ разрѣ-но было отдавать въ особыя уѣздныя, арестантскія, недоимоч-я роты... Вы не вѣрите? Ей Богу, я не шучу. Эта конститу-замѣчательна, наконецъ, и тѣмъ, что предлагаетъ возобновить ибоярскую Думу и, какъ-бы вы думали, еще что? новгород-е вѣче, куда бы, впрочемъ, отъ народа могли быть избираемы всѣ, а лишь тѣ, кто чиномъ не ниже статскаго совѣтника...

Сказавъ это, Фокинъ разразился такимъ дѣтски-пискливымъ раскатистымъ смѣхомъ, что разсмѣшилъ опять и Ветлугина.

— И едва лишь гдѣ-либо,—продолжалъ, помахавъ на себя пкой, Фокинъ: разумѣется, послѣ доброй дружеской выпивки, одитъ рѣчь о будущихъ боярахъ-министрахъ этой Думы, ми-тромъ финансовъ называютъ Клочкова, а внутреннихъ дѣлъ и ьскаго хозяйства—Талищева...

— Вы упомянули о своемъ имѣніи, сказалъ Ветлугинъ: его вы сами тамъ не хозяйничаете?

Фокинъ вздохнулъ.

— Долго разсказывать... Душа болитъ. Слишкомъ тяжело тамъ было-бы одиночество. Имѣньице крошечное, оборот-

наго капитала нѣтъ, и я бы давно его продалъ. Но тамъ умерла моя мать... Послѣ смерти отца, мы остались съ нею вдвоемъ. Я былъ еще дитя; у нее долги. Не на что было меня учить. Она нанялась къ сосѣду помѣщику, другу Вечерѣева, Ченшину—въ ключницы, а меня, на свои сбереженія, при пособіи этого добраго человѣка, отправила въ межевой институтъ. И жила она по найму у Ченшина, пока я вышелъ въ землемѣры. Домъ и хозяйство наше пустѣли. Поспѣшилъ я на родину, часы считалъ, чтобы скорѣе перевезти старушку на родное пепелище. И мы съ ней тамъ поселились. Но только-что она вздохнула на свободѣ, принялась за устройство стараго гнѣзда, размечталась о счастьи, думала, наконецъ, меня женить, какъ простудилась въ хлопотахъ по хозяйству, заболѣла,—докторовъ въ нашей глуши мало, время было зимнее, на силу ихъ дозвался,—у нее открылась скоротечная чахотка и она умерла...

— Однако, пора намъ, заключилъ, вставая, Фокинъ: пойдемте въ домъ... Будущій министръ финансовъ уже навѣрное гласитъ тамъ о любимомъ своемъ предметѣ, о близкомъ будто-бы изъ-за нынѣшнихъ порядковъ, государственномъ банкротствѣ Россіи,—чтобъ ему черти ѣсть не давали на томъ свѣтѣ, какъ онъ утромъ-то меня, расподлѣющій человѣкъ, настращалъ съ этой роспиской...

Возвратясь къ остальнымъ гостямъ, Фокинъ оставилъ Ветлугина, а самъ ушелъ заняться размѣщеніемъ привезенныхъ военныхъ музыкантовъ и фейерверка. Ветлугинъ присѣлъ въ залѣ.

Въ одномъ углу этой комнаты, за карточнымъ столомъ, сидѣли Клочковъ, хозяинъ дома и два посредника. Они говорили о назначеніи новаго губернатора, причемъ одинъ изъ посредниковъ утверждалъ, что губернаторъ изъ теперешнихъ, богачъ имѣетъ сто тысячъ дохода и вмѣстѣ такой обходительный, такой обходительный.

— А ужъ на счетъ глядѣнія въ сторону, — замѣтилъ Клочковъ: такъ этотъ еще почище, чѣмъ нашъ нынѣшній-то, двужильный... Никакихъ, говоритъ, направленій не потерплю,—ни за земство, ни противъ земства, ни за школы, ни противъ школъ;—сиди въ своемъ вертоградѣ и молчи, какъ бы ничего этого не было, или какъ-бы всё это было и даже въ избыткѣ. У меня, говоритъ, взглядъ прямолинейный—гляди въ одну точку, ожидай внушеній и баста; всё остальное — соблазнъ, котораго, разумѣется, я не допущу, и въ этомъ безъ сомнѣнія, мнѣ помогутъ всѣ добронадежныя силы губерніи.

— Но ихъ ужъ нѣтъ, этихъ силъ, — сказалъ со вздохомъ, сдавая карты, хозяинъ дома.

— Какъ нѣтъ? спросилъ Клочковъ.

— А также—продолжалъ Талищевъ: развѣ вы не читали послѣднихъ извѣстій?

— Какихъ?

— Пишутъ, что вскорѣ станутъ обсуждать вопросъ о введеніи общей воинской повинности.

— Это еще впереди—замѣтилъ Клочковъ: и бабушка вообще на двое сказала...

— Ну, ужъ извините, не на двое, отозвалась отъ другого карточнаго стола важная дама: приступаютъ и вскорѣ приступаютъ. И чѣмъ, я васъ спрашиваю, вознаградятъ насъ за то, что наши Васи, Вани и Поли будутъ сравнены съ солдатами, и ротнымъ офицерамъ, дядюшкамъ нашихъ лакеевъ, станутъ сапожищи чистить?

— И притомъ, за что-же это все? за что? сказалъ, прикрывая королемъ шестерку сосѣда, одинъ изъ посредниковъ: вѣкъ идетъ и мы идемъ. Хотѣли, чтобъ мы либералами были,—мы ими стали: въ комитетахъ о собственности, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ, отзывались; всякій искусъ, терпѣніе и сокращеніе выносили, свелись почти на нѣтъ... Раздался голосъ о патріотизмѣ, о нравственномъ преображеніи,—гдѣ мы были? тутъ-же... Мы страхомъ божьимъ исполнились, церковныя попечительства вездѣ завели...

— И зачѣмъ имъ все это понадобилось? прибавилъ Талищевъ: ли Суворовъ и Румянцевъ, говоря по совѣсти, были слабѣе безъ этихъ новѣйшихъ россійскихъ прелестей?..

— А нравственность? нравственность? отозвалась отъ другого карточнаго стола жена мирового судьи: что почерпнутъ у солдатъ наши дѣти? Какой духъ отъ нихъ вынесутъ?

— А манеры, ма-шеръ, манеры?—возводя глаза къ потолку, сказала сидѣвшая возлѣ нея хозяйка дома: вѣдь въ полкахъ такой сбродъ, такой... дѣти коноваловъ, барабанщиковъ...

— Притомъ и всякой пропагандѣ при этомъ будетъ легче,— продолжалъ Талищевъ: не пройдетъ двухъ-трехъ лѣтъ... Всталъ бы Суворовъ, отпѣлъ бы онъ имъ... впрочемъ, говорятъ о перемѣнахъ...

Тутъ Талищевъ, остявя карты, въ полъ-голоса передалъ слухъ о выходѣ въ отставку нѣсколькихъ высшихъ сановниковъ, въ томъ числѣ разомъ чуть не трехъ министровъ, и о замѣнѣ ихъ такими лицами, о которыхъ никто и не слышалъ и которыхъ онъ чуть ли не самъ откопалъ гдѣ-то въ глубинѣ двадцатыхъ годовъ—а, нако-

нецъ, и о близкомъ будто-бы упраздненіи всѣхъ, не только произведенныхъ, но и предположенныхъ реформъ...

Ветлугинъ не дослушалъ. Силъ у него не хватило.

«Да гдѣ-же это я?» разсуждалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ. Онъ всталъ и вышелъ въ гостиную. Тамъ онъ подсѣлъ къ дивану и принялся просматривать лежавшія на столѣ иллюстраціи.

— Слышали, Авдотья Петровна? — спросилъ старшій сынъ Талищева нарядную дамочку, жену почетнаго мирового судьи, сидѣвшую съ нимъ у рояля.

Столъ, у котораго расположился Ветлугинъ, отдѣлялся отъ рояля рѣшоткой, обвитой плющемъ.

— Что? спросила дамочка.

— О матери Измарагдѣ?

— Ну?

Гусаръ произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ Ветлугинъ не разслышалъ.

— Да что вы шепчетесь? говорите громче! сказала дамочка.

Гусаръ указалъ глазами на плющевую рѣшотку, за которою сидѣлъ Ветлугинъ.

— Quelle idèe!—усмѣхнулась, прикрываясь вѣеромъ, дамочка: онъ не опасенъ... правда-ли, говорятъ, что это купеческій прикащикъ изъ Кяхты?

— Что вы, что вы! возразилъ, оглядываясь на рѣшотку, гусаръ.

— Да присмотритесь—отъ него, право, нанкой и корицей пахнетъ...

Гусаръ, уткнувшись въ платокъ, такъ усердно разсмѣялся, что дамочка принялась его останавливать: дѣлала ему знаки и махала на него платкомъ; онъ-же сталъ весь красный, а старообразное лицо его даже прослезилось.

— Ну, такъ что-же Измарагда? что? — спросила въ полъголоса дамочка, видя, что сидѣвшій у стола Ветлугинъ окончательно углубился въ разсматриваніе иллюстрацій.

— Да Вечерѣевскую-то дочку? отвѣтилъ гусаръ: не ужели не слышали?

— Вашу бывшую страсть?

— Бывшую, да! сказалъ, сладко жмуря глаза, Талищевъ: теперь вы знаете, кто моя богиня...

— Farçeur! — отвернулась дамочка, шаловливо ударяя его вѣеромъ по рукѣ: такъ что-же Измарагда съ Вечерѣевой?

— Сподобила...

— Какъ сподобила?

— А также, настоящимъ, то-есть, манеромъ,—въ акуратъ, и пикнуть не дала... Какъ хотите, дѣло выгодное... Старики не долго протянутъ. Ну, а послѣ нихъ ужъ, разумѣется... и не долго ждать...

— Кто же помогалъ? кто? неужели?..

Талищевъ опять заговорилъ въ полъ-голоса; Ветлугинъ раза два услышалъ имя Клочкова. Въ гостинную въ это время вошли другіе гости. Кто-то сѣлъ за рояль. Раздались звуки изъ прекрасной Елены. Чей-то голосъ фальцетомъ запѣлъ: «Я царь, тьфу! я мужъ царицы».—Ветлугинъ прошелъ въ садъ.— «Толкуйте себѣ, разсуждалъ онъ: стройте планы — каково-то будетъ ваше разочарованіе»?

Возвратясь черезъ нѣсколько времени къ остальнымъ гостямъ, Ветлугинъ увидѣлъ Милунчикова.

— Гдѣ вы были? спросилъ онъ его: я васъ искалъ...

— Я встрѣтилъ здѣсь нашего земскаго подрядчика, и все его уговаривалъ что-нибудь сбросить въ цѣнѣ на мостъ, отвѣтилъ Милунчиковъ.

— Когда же обсужденіе вашего проекта?

— Что-то медлятъ; вѣроятно, послѣ обѣда. На сытый желудокъ, видно, спокойнѣе.

Подошелъ Николушка Талищевъ и сообщилъ, что отецъ проситъ Николая Ильича и Антона Львовича въ кабинетъ.

— Вотъ, господа,—началъ Талищевъ отецъ, подвигая кресла Милунчикову и Ветлугину: изъ Петербурга пишутъ, что податная коммиссія подходитъ къ концу и что вѣроятно въ ней выскажутся за всесословныя подати,

— Что же, давай-то Богъ,—отвѣтилъ, спокойно усаживаясь, Милунчиковъ: я думаю, этого нельзя не желать.

— Какъ кому, нѣсколько въ сторону сказалъ старшій Талищевъ: есть люди, которымъ, безъ сомнѣнія, нечего терять. Эти господа, можно сказать, даже еще выиграютъ въ общемъ водоворотѣ... Перепадутъ кое-какія крупинки...

Милунчикова передернуло. Всѣ молча впились въ него глазами.

— Вы утверждаете, началъ онъ: что люди бѣдные, люди безъ состоянія, готовы на всякія крайности. Устраните ихъ бѣдность, и они вамъ грозить не станутъ. Если у меня нѣтъ собственности, это еще не значитъ, чтобы я ее не признавалъ и не уважалъ. Нѣтъ собственности сегодня, она, у меня, при моихъ трудахъ, можетъ быть завтра... Но вы не мѣшайте мнѣ трудиться главное—не берите съ меня болѣе того, что вы сами даёте...

— Ну, дяденька, — не вытерпѣлъ на это Клочковъ: поздравляю васъ — это ученіе санкюло́товъ...

Взрывъ хохота покрылъ эти слова.

— Я ужъ вамъ однажды сказалъ, что вы неудавшійся фарисей, отвѣтилъ, стараясь не выйти изъ себя, поблѣднѣвшій Милунчиковъ: но, впрочемъ, вы и этого названія не сто́ите... потому что...

— Договаривайте, договаривайте, россійскій Мирабо, — насильно посмѣиваясь, сказалъ Клочковъ.

— Да, что! презрительно отрѣзалъ, вставая, Милунчиковъ: еще вѣрнѣе выразиться, вы даже не земскій дѣятель, а земскій ярыжка...

Въ кабинетѣ настала мертвая тишина. Большинство слушателей потупило глаза. Талищевъ отецъ не зналъ, что дѣлать. Клочковъ сидѣлъ опѣшенный, съ раскрытымъ ртомъ и куда-то пропавшими глазами. Милунчиковъ, объ руку съ Фокинымъ, молча вышелъ изъ кабинета.

— Однако, онъ тебя отбрилъ! замѣтилъ кто-то Клочкову.

— Сочтемся... Не то еще ему будетъ, злобно отвѣтилъ, уходя съ Романомъ Талищевымъ, Клочковъ: я все ему припомню... да и Фокину, который съ нимъ дружитъ...

— Вотъ подите съ ними, заговорилъ, подсаживаясь къ Ветлугину и утирая лицо, Талищевъ отецъ: индо въ потъ прошибли. Не могутъ не сцѣпиться. Какъ сошлись, такъ и пошла писать. Соперники...

— Что же, пора бы и обѣдать? въ полголоса отнеслась къ мужу вошедшая хозяйка.

— И я думаю. Все ждали вотъ и къ дѣлу еще не приступили.

— Кого вы ждете? спросилъ Ветлугинъ.

— Вечерѣева. Онъ остался ожидать у меня на заводѣ своего пріятеля Ченшина. Да видно тотъ припоздалъ. А отъ завода не далеко и до другой вотчины Вечерѣева. Какъ бы не проѣхалъ туда на встрѣчу своему пріятелю. Очень ужъ они дружны...

— Кто этотъ Ченшинъ?

— Золотопромышленникъ, богачъ. Намъ бы его участіе было очень полезно.

Позвали всѣхъ обѣдать. Въ окна столовой съ крыльца раздался хоръ трубачей. Идя съ другими изъ кабинета, Клочковъ сказалъ въ столовой Фокину: «А вы, дружище, готовьте свои кишечки; будетъ у насъ погромъ, на перваго на васъ напустимъ доморощенныхъ Пугачевыхъ, чтобъ вы поменьше любе

ничали съ меньшими братьями и не прибавляли имъ, на чужой счетъ и въ подрывъ сосѣдямъ, разныхъ льготъ и облегченій».

— Я не долго буду вашимъ сосѣдомъ... уже просилъ у Павла Ѳедоровича разсчетъ... Не могу-съ»...

— Ну, это еще мы увидимъ!

За обѣдомъ Клочковъ, перешепнувшись съ старшимъ Талищевымъ, то и дѣло подливалъ Фокину вина.—«Да не пью-же я, Петръ Иванычъ», отзывался тотъ: «говорятъ вамъ, что не пью! Мнѣ не здорово; запрещено».—«Вздоръ!» перебивали его услужливые сосѣди.

Настроеніе взрослыхъ перешло и на юное поколѣніе, подъ предводительствомъ Николушки Талищева, возсѣдавшее на другомъ концѣ стола. Хозяинъ дома сперва было защищалъ своего управляющаго. А потомъ и онъ, подвыпивъ портеру и соображая, что этотъ бука Фокинъ, какъ разъ передъ рабочей порой, попросилъ у него разсчета, махнулъ на все рукой и самъ, не безъ удовольствія, сталъ слѣдить за нападками на него Николушки и его друзей. «Да потѣшайтесь вы, чтобъ васъ!» думалъ Павелъ Ѳедорычъ, поглядывая на шумѣвшую вокругъ него веселую компанію: «въ самомъ дѣлѣ, отчего бы Фокину и не пить? Въ наши дни, въ старину, этакимъ господамъ вино выливали за галстухъ»...

Взволнованной и подгулявшей компаніи нужна была искупительная жертва. И эта жертва нашлась...

XXI.

Посолъ.

Послѣ обѣда дамы рѣшили кататься. Онѣ уговорили хозяйку и нѣкоторыхъ изъ мущинъ, въ томъ числѣ Ветлугина, и въ трехъ экипажахъ спустились къ рѣкѣ, съ цѣлью проѣхать къ заливу, противъ котораго былъ расположенъ Краснокутскій монастырь. Ветлугинъ охотно согласился на эту прогулку: Вечерѣевъ не являлся; Милунчиковъ съ прочими гласными былъ приглашенъ въ кабинетъ, гдѣ, наконецъ, началось обсужденіе разныхъ проектовъ, въ томъ числѣ записки Клочкова. Остальные гости не занимали Ветлугина.

«Какая тоска,—думалъ онъ, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ: все измѣняется на свѣтѣ; только сужденія и анекдоты этихъ

господъ тѣ же, что были еще въ тѣ времена, какъ я учился азбукѣ и ходилъ въ курточкѣ и въ дѣтскихъ воротничкахъ».

Поѣздка къ заливу не удалась: рѣка, отъ прорыва чьей-то плотины, затопила въ томъ мѣстѣ луга. Ѣздили въ монастырскую рощу. Возвратились поздно вечеромъ.

Ветлугинъ отыскалъ Милунчикова.

— Что съ вами, Николай Ильичъ? спросилъ онъ: вы будто не въ духѣ...

— А, прахъ ихъ побери; это не слуги края, а враги. Ужъ я спорилъ, спорилъ. Непремѣнно подамъ протестъ. Потому только и норовятъ вести дорогу на эти мѣста, что здѣсь ихъ собственныя норы.... Возмутительно. Особенно этотъ Клочковъ. Онъ меня до того разбѣсилъ, до того... Ѣдемъ!.. Велю сейчасъ запрягать. Надо только условиться еще кое о чемъ съ нашимъ подрядчикомъ. Подождите меня.

Милунчиковъ вышелъ въ садъ. Въ это время на крыльцѣ разносили чай, ликеръ и мороженое.

На одной изъ дорожекъ къ нему подошелъ младшій хозяйскій сынъ. Объ руку съ Николушкой шелъ его пріятель, гимназистъ, Коребякинъ.

— Разрѣшите нашъ споръ, отнесся послѣдній къ Милунчикову.

Николай Ильичъ остановился.

Коребякинъ былъ юноша лѣтъ восемнадцати, нѣсколько суроваго вида, плотно остриженный, дебелый, сутуловатый и застѣнчивый. Круглый сирота, безъ протекцій и поощреній, пробившись до седьмого класса гимназіи, онъ, отъ природы неодаренный блестящими способностями, учился весьма усердно, былъ на хорошемъ счету у товарищей и страшно трусилъ срѣзаться на выпускномъ экзаменѣ. Онъ въ тихомолку строилъ планы о томъ, какъ, по выходѣ изъ гимназіи, займетъ у отца Талищева денегъ, уѣдетъ въ Петербургъ, поступитъ тамъ въ университетъ, выдержитъ экзаменъ на кандидата, а тамъ и на магистра, добьется каѳедры,—словомъ плавалъ въ волшебныхъ мечтахъ. Экзамены были на носу. Въ Рѣчное, по зову Николушки, пріѣхалъ онъ дня на два, съ кѣмъ то изъ городскихъ гостей. «Подготовлю почву», думалъ онъ: «а тамъ и за экзамены. Николушка моими тетрадями только и жилъ,—и не замѣтить моей нужды онъ не можетъ». — Николушка, однако, его нужды не замѣчалъ. Онъ успѣлъ уже пріобрѣсти ту своеобразную дальнозоркость, при которой иные смертные ничего ве видятъ вблизи, хотя за то все и отлично видятъ вдали. Юный Талищевъ давно

уже глядѣлъ на остальныхъ людей не прямо, не въ лицо, а какъ-то поверхъ головы, черезъ человѣка, точно стоявшіе передъ нимъ были до того мелки, что ихъ нельзя было и замѣтить.

— Въ чемъ же у васъ, господа, споръ? спросилъ Милунчиковъ, бывшій въ дружбѣ съ Коребякинымъ.

— Коребякинъ увѣряетъ, началъ Николушка: будто скоро уничтожатъ чины. Возможно ли это?

— Да, отвѣтилъ разсѣянно Милунчиковъ: онъ правъ. Въ Англіи, да и въ другихъ странахъ, чиновъ давно нѣтъ. Тамъ я сегодня пивоваръ, завтра—членъ палаты общинъ, а черезъ мѣсяцъ министръ и канцлеръ королевства, или, какъ въ Америкѣ,—даже и главнокомандующій.

— То въ Англіи и въ Америкѣ, а мы въ Россіи, возразилъ Николушка, глядя сквозь лорнетку на носки собственныхъ ботинокъ.

— Такъ что же, что въ Россіи? перебилъ Коребякинъ: издадутъ законъ, и у насъ не будетъ чиновъ.

— А то, усмѣхнулся юный Талицевъ, что пока вы, господа, будете мечтать объ изданіи этого закона, я попаду въ мировые судьи, а тамъ, при связяхъ отца, въ члены окружнаго суда; года черезъ три-четыре меня сдѣлаютъ предсѣдателемъ суда; а тамъ уже не далеко и въ члены судебной палаты, а, слѣдовательно, и въ генералы... Вотъ и говори мнѣ тогда: ваше превосходительство... И буду я васъ, молодчиковъ, въ тѣ поры, принимать не иначе, какъ по докладу дежурнаго...

— Ну, это еще мы увидимъ, сказалъ не совсѣмъ увѣренно Коребякинъ: до той поры какъ бы не упразднили, не только чины, но и способъ раздачи мѣстъ...

Юноши, какъ видно, черезъ чуръ хватили ликеру и потому болтали нѣсколько неумѣренно.

— Ай, ай, въ ваши годы, Николай Павлычъ, и такія сужденія! какъ бы про себя, хмуря брови, замѣтилъ Милунчиковъ: немного же вы внесете въ ваше поколѣніе...

— Чего-съ? обидѣлся и вспыхнулъ по уши юный Талицевъ: лучше бы вы читали наставленія своему брату, а не другимъ.

— Нечего мнѣ ему читать наставленій; онъ самъ за собой смотритъ.

— Плохо же онъ смотритъ, усмѣхнулся озлившійся юноша: былъ бы уменъ, не попался бы въ исторію, что его обыскали и сылаютъ. -

— Что за вздоръ? въ какой исторіи? — мѣняясь въ лицѣ, спросилъ Милунчиковъ: кто вамъ это сказалъ? отвѣчайте, или...

— Нечего грозить, нечего; я и такъ съ удовольствіемъ сообщу. Тайны нѣтъ никакой. Спросите у любого; это всѣмъ разсказалъ братъ мой...

«Новая безчестная клевета! что за мерзости!» пробѣжало, при этой вѣсти, въ головѣ Милунчикова. Онъ не взвидѣлъ свѣта передъ собой и, не слыша, что ему далѣе говорилъ юный Талищевъ, бросился отыскивать его старшаго брата, Романа Павлыча.

Пользуясь отсутствіемъ дамъ, старшій Талищевъ, въ саду подъ вербами, затянулъ «Феню.» Друзья подхватили хоромъ. Онъ скинулъ венгерку и, въ красной канаусовой рубахѣ, вскрикивая и вскидывая кверху руки, пустился въ присядку. Его примѣру послѣдовалъ его другъ, уланъ Подсыпанинъ, за уланомъ—секретарь окружнаго суда. Всѣ были въ духѣ, веселы и беззаботны. Ликёръ и прочіе напитки начинали оказывать свое дѣйствіе.

Когда гусаръ кончилъ пляску, Клочковъ взялъ его подъ руку, отошелъ въ сторону и сталъ съ нимъ шептаться. Вслѣдъ затѣмъ гусаръ вмѣшался въ кругъ молодежи и въ полъ-голоса сказалъ: «Господа! дамы еще въ уборной.... Слѣдовало-бы кое-съ-кѣмъ раздѣлаться. Среди насъ есть человѣкъ, котораго не мѣшаетъ проучить, хоть бы только для острастки...

— Кто такой? кто? подхватили слушатели.

— Нашъ управляющій, Фокинъ,—отвѣтилъ, озираясь, гусаръ: онъ непремѣнно что-нибудь умышляетъ. За обѣдомъ ничего, какъ есть, не пилъ; а послѣ обѣда, ни съ того, ни съ сего, попросилъ у отца расчетъ. Онъ только слушалъ насъ... Не напоить ли его общими силами?

— Напоить, напоить!—отозвались довольные голоса.

Тотчасъ-же вызвалась кучка охотниковъ. Самого гусара въ это время отозвалъ въ сторону подошедшій, съ нахмуреннымъ лицомъ, Милунчиковъ. А пока они отправились объясняться въ домъ, остальные бросились отыскивать Фокина. Они его нашли у пруда, за устройствомъ выписаннаго изъ города фейерверка. Подъ предлогомъ разрѣшенія какого-то пари, они дружески провели его въ садъ и сперва ласково, потомъ настойчивѣе, стали требовать, чтобъ онъ пилъ.

Ничего не подозрѣвая и видя въ настояніи подгулявшихъ шалуновъ одну изъ обычныхъ этой братіи забавъ, Фокинъ началъ было отпучиваться, упираться ногами и руками, брыкаться и даже подпрыгивать, при чемъ окрокинулъ нѣсколько поднесенныхъ ему стакановъ вина. Шутники перемигнулись, подхва-

или его подъ руки и увели въ амбаръ, временно преобразованный ъ довольно удобное помѣщеніе для гостей. Вслѣдъ затѣмъ здѣсь произошла сцена, какой, разумѣется, не ожидали не только управляющій Талищева, но и сами расходившіеся шутники.

Фокинъ, въ неравной борьбѣ, порядкомъ толкнулъ младшаго хозяйскаго сына. Николушка освирѣпѣлъ, при помощи другихъ повалилъ Фокина на кресло, а потомъ на диванъ, надавилъ, ему грудь колѣномъ и крикнулъ: «Ну, господа, теперь помогайте!» Кто-то схватилъ Фокина за руки, а остальные съ хохотомъ стали ему насильно лить въ ротъ вино, а потомъ и водку. И когда, наконецъ, понявшій грозу Фокинъ началъ съ ругательствами стыдить обезумѣвшихъ озорниковъ, стиснулъ челюсти и спряталъ въ уголъ дивана голову, нападающіе вспомнили, что они еще недавно были всемогущими потентатами своихъ околотковъ, и общими силами—юные и взрослые—навалили на Фокина...

Ветлугинъ ничего этого не зналъ. Клочковъ, подзадоривъ другихъ, подослалъ къ Антону Львовичу одного изъ членовъ уѣздной управы. Этотъ послѣдній догналъ Ветлугина въ концѣ двора и, выйдя съ нимъ за ворота, сталъ ему объяснять свой давнишній проектъ о необходимости поощренія прочныхъ и неизмѣнныхъ тихій въ государствѣ, о замѣнѣ сельскихъ школъ древонасажденіями и почвоорошеніями. — Говорилъ этотъ господинъ долго и съ азартомъ, присюсюкивая и брызгая слюною. Ветлугинъ не зналъ, куда отъ него дѣться.

На пути ко двору, Антонъ Львовичъ услышалъ какой-то странный и какъ-бы задержанный, щемившій душу крикъ. Онъ остановился, повелъ глазами къ крышѣ Талищевскаго амбара и столбенѣлъ...

По гребню амбара, прячась за его слуховое окно, безъ шапки и въ разорванномъ сюртукѣ, пробирался Фокинъ. Во ворѣ, глядя на амбаръ, толпилась часть Талищевскихъ гостей.

Въ сторонѣ, съ ручной пожарной трубой, стоялъ Николушка Талищевъ. Онъ качалъ изъ бочки воду. Другіе пересмѣиваясь и, громко разговаривая, ждали, что изъ этого будетъ.

— Что вы, что вы, господа? сказалъ, подходя къ Талищеву, Ветлугинъ: какъ вамъ не стыдно? управляющій вашего батюшки...

— Да вода не холодна, — отозвался, совсѣмъ охмѣлѣвшій, Николушка: надо-же его согнать оттуда... Еще ушибется... Онъ сорвался отъ насъ и пролѣзъ въ слуховое окно...

— Да что глядѣть! — крикнулъ кто-то изъ толпы... качай, Талищевъ, и цѣлься,...

— Антонъ Львовичъ, крикните людей! отозвался съ крыши Фокинъ.

— Лучше лѣзьте опять въ окно! захохоталъ, цѣлясь въ него трубой, Николушка...

Судьбѣ угодно было положить этой исторіи предѣлъ. Съ выгона загремѣли колеса двухъ экипажей. То подъѣзжали новые гости.

Шутники разбѣжались.

Осада съ Фокина была снята.

Ветлугинъ, при помощи подоспѣвшихъ на его зовъ дворовыхъ, досталъ лѣстницу и снялъ съ амбара взволнованнаго и огорченнаго до слезъ Фокина. Они прошли во флигель.

— Вотъ они, передовые то! вотъ вожди народа! — съ скрежетомъ зубовъ, въ бѣшенствѣ, восклицалъ Фокинъ: и это теперь-то, теперь, во дни реформъ... Что-же было прежде, Антонъ Львовичъ, прежде?

Обмывъ грязь и даже слѣды крови съ своихъ рукъ и съ лица и кое-какъ снова пріодѣвшись, Фокинъ приказалъ косолапому мальченкѣ-слугѣ скорѣе снаряжать ему въ повозку коня и объявилъ, что тотчасъ же ѣдетъ въ городъ, съ жалобой къ судебному слѣдователю. — Ветлугинъ также рѣшилъ немедленно отсюда ѣхать. Онъ пошелъ отыскивать Милунчикова.

— Это вы, Антонъ Львовичъ? спросилъ, встрѣтясь съ нимъ среди окончательно стемнѣвшаго двора, Коребякинъ: куда идете?

— Ищу Милунчикова. Мы условились съ нимъ отсюда ѣхать вмѣстѣ.

— Опоздали, онъ уже уѣхалъ.

— Куда?

— Да гдѣ-же вы были, что ничего не знаете?

— Я былъ у Фокина.

— Да, слышалъ, слышалъ, и съ нимъ исторія... бѣдный!

— Но что-же съ Милунчиковымъ?

— У него что-то вышло съ Романомъ Павлычемъ. Они долго и крупно говорили, и вслѣдъ за тѣмъ Клочковъ увелъ Талищева въ кабинетъ, а Милунчиковъ крикнулъ лошадей и уѣхалъ. Это у нихъ часто бываетъ. Вамъ-же онъ поручилъ сказать, что извиняется—дѣло встрѣтилось... Охъ, въ воздухѣ накопилось много горючихъ веществъ. Быть, кажется, грозѣ... Надо въ городъ возвращаться, выпускные экзамены у насъ начинаются, а надо къ Милунчикову, онъ очень просилъ къ себѣ...

Ветлугинъ возвратился къ Фокину и сообщилъ ему слышанное.

— Что-же, ѣдемъ въ городъ теперь вмѣстѣ, сказалъ ему Фокинъ: не скакать-же вамъ ночью къ Вечерѣевымъ верхомъ.

— Нѣтъ, не могу, я имъ далъ слово возвратиться сегодня. Попрошу у васъ провожатаго...

Въ сѣняхъ въ это время послышался разговоръ.

— Кто тамъ? окрикнулъ Фокинъ.

— Письмо барину, отвѣтилъ мальчикъ-слуга, подавая Ветлугину пакетъ.

— Кто привезъ? спросилъ не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ Ветлугинъ, вскрывая печать.

— Вечерѣевскаго попа, что-ли, дьячекъ... Поповна, сказываетъ, на бѣговыхъ дрожкахъ прислала...

Письмо было отъ Фросиньки. Оно состояло въ слѣдующемъ:

«Произошло непостижимое и ужъ на этотъ разъ совершенно неожиданное, печальное событіе. Перо падаетъ у меня изъ рукъ. Но васъ надо предупредить, и я пишу.—Вслѣдъ за вашимъ отъѣздомъ, Аглая Кириловна, не смотря на извѣстныя вамъ объясненія и рѣшенія, вдругъ и ужъ теперь, кажется, окончательно, измѣнила образъ своихъ мыслей. Она, по двумъ-тремъ словамъ, переданнымъ мнѣ, въ минувшую ночь увидѣла какой-то глубоко-поразившій ее сонъ и сегодня рано объявила матери, что безповоротно и немедленно поступаетъ въ монастырь... Матушка-ли ея все у нее выпытала и снова пригрозила ей всякими страстями; или и въ себѣ ужъ она, сердечная, усумнилась... Только теперь онѣ заперлись у себя и никуда не выходятъ. Ульяна Андреевна стережетъ ее, какъ архангелъ съ грознымъ мечемъ, и никого, кромѣ Егоровны, къ ней не допускаетъ. Какъ онѣ поступятъ? неизвѣстно. Полагаю однако, что дождутся Кирилы Григорьича».— *Приписка*: «Это я вамъ писала утромъ. Посланный возвратился отъ Клочкова и сказалъ, что васъ тамъ нѣтъ. Посылаю въ Рѣчное. Не тамъ-ли вы? — Наши ждутъ съ часа на часъ Кирилу Григорьича. Пріѣзжайте скорѣе. Можетъ быть не все еще поправно. Васъ старикъ любитъ и послушается. Не придумаете-ли имъ чего-нибудь для спасенія Аглаи? Посылаю нашего дьячка затѣмъ, чтобы онъ сперва заѣхалъ на заводъ Талищева,—не тамъ вы съ Кириломъ Григорьичемъ,—а потомъ въ Рѣчное. Спѣшите, хотя надежды мало, но быть можетъ сила любви сдѣлаетъ то, чего не способны сдѣлать другія людскія средства. Вы другъ друга такъ полюбили... Притомъ-же... ну, да остальное при свиданіи... Спѣшите... Уважающая васъ, покорная слуга— Ефросинья Верхоустинская».

Ветлугинъ, какъ сумасшедшій, бросился въ сѣни и на крыль-

цо, потомъ возвратился, хотѣлъ что-то сказать Фокину и обезсиленный упалъ въ кресло.

— Что съ вами? испуганно спросилъ Фокинъ, видя блѣдное, измѣнившееся лицо Ветлугина.

— Ничего, такъ себѣ. По одному торговому дѣлу получилъ непріятное извѣстіе отъ Вечерѣевыхъ.

Фокинъ подозрительно покосился на него. «Странно!» подумалъ онъ: «гостилъ у Вечерѣевыхъ, а переписывается съ Фросинькой. Ужъ не влюбился ли онъ въ нее?»

— Письмо къ вамъ Верхоустинская прислала? спросилъ нерѣшительно Фокинъ.

— Да.

— Какъ вы ее находите?

— Славная, славная она, добрая такая—осчастливитъ хорошаго человѣка, осчастливитъ, — протянулъ Ветлугинъ, самъ не сознавая, что говоритъ.

И вдругъ онъ опять вскочилъ.

— Не могу, сказалъ онъ, не могу, — извините меня. Прощайте, до свиданія. Надо ѣхать... А будете когда-нибудь въ городѣ, вотъ вамъ адресъ; не меня найдете, такъ отца.

Крѣпко пожавъ руку озадаченнаго Фокина, онъ опять вышелъ на крыльцо, отыскалъ дьячка, предложилъ ему въ дрожки запречь свѣжаго Вечерѣевскаго коня и сказалъ:

— Веди его, голубчикъ, сторонкой, къ пруду; а я схожу въ домъ, прощусь съ хозяевами... своего коня привяжи сзади.

Онъ вошелъ въ переднюю, одѣлся. Его никто не замѣтилъ. Слуги толпились у двери въ залъ. Изъ сада гремѣлъ хоръ гусаровъ-трубачей. Начались танцы. Ветлугинъ рѣшился уѣхать никого не безпокоя. Онъ прошелъ въ садовую калитку. Обогнувъ уголъ дома, онъ обернулся. Въ одно изъ оконъ въ залѣ было видно, какъ по залѣ двигались танцующія пары и какъ въ какой-то фигурѣ кадриля, мелькая фалдочками фрака, легкимъ зефиромъ носился по паркету и любезничалъ съ первой красавицей бала Клочковъ. Визави съ нимъ, съ Авдотьей Петровной танцовалъ румяный, раздушенный и завитой гусаръ, Рапъ Талищевъ.

Пройдя садъ, Ветлугинъ вышелъ къ плотинѣ, сѣлъ съ дьячкомъ на дрожки и поѣхалъ въ Дубки.

— Что, почтенный, такъ припоздалъ? спросилъ онъ дьячка.

— На заводъ еще было велѣно заѣхать.

— Кирилы Григорьича тамъ уже не засталъ?

— Отъѣхали.

— Куда?

— Знать, домой. Какъ-нибудъ разминулись въ лѣсу. На заводѣ кумъ у меня при амбарѣ: такъ лошаденку подкормилъ и самъ маленечко вздохнулъ. Теперь мы на-прямикъ. Мигомъ доѣдемъ.

— Ну, разсказывай же, другъ, дорогу.

Путь нѣкоторое время шелъ лугами.

Проѣхавъ версту, другую, Ветлугинъ черезъ рѣку, въ темнотѣ, какъ бы на воздухѣ, увидѣлъ ряды яркихъ огней.

— Что это? спросилъ онъ: не монастырь?

— Онъ, сударь, самый и есть, отвѣчалъ дьячекъ: преосвященнѣйшій владыко храмъ вчера здѣся-ча, у купцовъ на заводѣ, святилъ и переѣхалъ по дорогѣ въ Красный-Кутъ. Нешто вы не были нонче въ обители у обѣдни? Много, сказываютъ, было народу, здѣшнихъ и дальнихъ... А это вонъ монастырскія окна такъ сіяютъ на радости, что всемилостивѣющій нашъ владыко архипастырь сподобилъ посѣщеніемъ—какъ мать игуменью, такъ и всѣхъ тутошнихъ сестёръ. Нынѣ-же, сказывалъ встрѣчный народъ, въ присутствіи архипастыря, введенскій городской іеромонахъ кстати постригалъ очередныхъ бѣлицъ... Оно, къ случаю, всегда такъ бываетъ... Вы, баринъ, однако, потише... Гоните, вонно на курьерскихъ... Моя пѣгашка, въ такомъ разѣ, за вами не поспѣетъ, — какъ-бы еще и ногъ не протянула.

Тутъ только Ветлугинъ обратилъ вниманіе на то, что конь его спутника былъ далеко не изъ рѣзвыхъ, притомъ значительно притомленъ. Да и мирный служитель храма давно уже, одною рукой держась за коврикъ дрожекъ, а другою за собственную, сѣрую пуховую шляпу, на каждомъ толчкѣ подпрыгивалъ за спиной Ветлугина, едва успѣвая переводить духъ.

Путь отъ Рѣчнаго къ Дубкамъ, то ускоряя, то замедляя бѣгъ коня, Ветлугинъ проѣхалъ въ сильномъ волненіи.

Бойкій конь Фокина несся шибко. Поповская пѣгашка также сначала было разскакалась, но потомъ стала сильно натягивать поводъ.—«Нѣтъ, лучше я встану,—поѣду верхомъ!» сказалъ дьячокъ: «а то оторвется еще, и не поймаешь.»—Это было уже невдалекѣ отъ Дубковъ, когда съ вершины зарѣчнаго холма, въ лунномъ сіяніи, обрисовывался очеркъ Вечерѣевской усадьбы и повѣяло запахомъ близкаго сада и рѣки.

Чего ни передумалъ, въ эти часы, Ветлугинъ!

Вглядываясь въ ночную тьму, онъ соображалъ, отчего не

видно огня въ верхнемъ окнѣ дома? Тамъ ли Аглая или внизу въ кабинетѣ у матери? И что за такой сонъ видѣла она?

Странныя картины проходили въ мысляхъ Ветлугина. Онъ будто въ церкви. Стоитъ передъ алтаремъ, рядомъ съ Аглаей. Ихъ вѣнчаютъ. Съ клироса гремитъ хоръ пѣвчихъ. А въ глубинѣ, между темныхъ колоннъ, въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ и скуфьяхъ, толпятся нахлынувшія монахини. Онѣ окружаютъ Ульяну Андреевну и, съ блѣдными, угрожающими лицами, что-то шепчутъ, показывая на него... «Грѣхъ, великій грѣхъ!» говоритъ еле-живая отъ страха Аглая.—«Ты не бойся,»—отвѣчаетъ онъ: «все кончено, ты моя...» Они выходятъ изъ церкви, садятся въ карету. Свѣжій вечеръ гаснетъ надъ полями. Лошади мчатся. А сзади несется грозная погоня черныхъ мантій и клобуковъ... Слышатся крики: «держи ихъ, держи!»...

— Вотъ и пріѣхали, сказалъ, нагнавъ Ветлугина на взгорьѣ, дьячокъ: вы себѣ спускайтесь, а я дойду пѣшкомъ; что-то ужъ больно подбился... на вашей раструскѣ... поясницу ломитъ...

Ветлугинъ поблагодарилъ дьячка, съѣхалъ къ рѣкѣ, миновалъ бродъ, привязалъ лошадь съ дрожками у сада къ вербѣ, перелѣзъ черезъ ограду и въ потьмахъ, знакомыми дорожками, направился къ балкону.

Мѣсяцъ склонялся къ закату. Теплая майская ночь стояла во всей красотѣ и таинственности, безъ птичьихъ криковъ и звона стрекозъ, съ ярко-мерцавшимъ звѣзднымъ небомъ, съ свѣтляками въ травѣ и въ кустахъ и съ благоуханіемъ полнаго дремоты, росистаго сада.

Ветлугинъ остановился.

«Не пойти ли прежде къ Фросинькѣ?» подумалъ онъ: «не разбудить-ли и не вызвать-ли ее? Что произошло, послѣ ея письма ко мнѣ, съ Аглаей? Э! Прямая дорога самая короткая... Надо немедлено и теперь-же видѣться не съ Фросинькой, а съ самой Аглаей... Но какъ съ ней видѣться? Какъ ей дать знать, что я здѣсь, въ саду, у ея окна?»

Ветлугинъ терялся въ догадкахъ.—«Переднее крыльцо въ домѣ», разсуждалъ онъ: «навѣрное заперто. Съ дѣвичьяго же крыльца и подавно невозможно проникнуть къ Аглаѣ, такъ какъ у входа къ ней изъ корридора—спальня Ульяны Андреевны. Сверхъ того на крыльцахъ, по деревенскому обычаю, надо думать, спятъ очередные сторожа. Балконъ и подавно вѣроятно запертъ. А повидаться съ Аглаей, сказать ей нѣсколько словъ—необходимо».

Ветлугинъ неслышными шагами обошелъ домъ, постоялъ у

боихъ крылецъ, гдѣ явственно слышался храпъ спавшей при-
луги, и, съ замираніемъ сердца, тронулъ ручку балконной две-
и... Дверь оказалась не заперта.

«Не войти ли въ домъ и не проникнуть ли, черезъ библіоте-
у и корридорную лѣстницу, вверхъ, въ комнаты Аглаи?»

Эта смѣлая мысль явилась непрошенно, мгновенно. Точно
рубный звукъ, она отозвалась въ ушахъ Ветлугина и обдала
го холодомъ и страхомъ. Волосы шевельнулись на его головѣ...

«Невозможно... безуміе! сказалъ онъ самъ себѣ: но почему-
е невозможно?... Въ домѣ спятъ; я пройду тихо, незамѣтно—
говорю ее—завтра будетъ поздно...» Ему вспомнились бѣгство
азановы изъ-подъ свинцовой, тюремной крыши въ Венеціи,—
граница изъ какой-то легенды о лѣстницѣ, свитой изъ бѣлоку-
ыхъ косъ заточенныхъ на башнѣ и обреченныхъ на казнь мо-
ахинь...

Дыханіе Ветлугина замерло; глаза застлало туманомъ. Онъ
ошелъ въ гостиную. Полъ скрипнулъ подъ его ногами. Въ за-
ѣ также раздался какой-то звукъ, будто тоже подъ чьею-то но-
ой заскрипѣла тамъ половица. Ветлугинъ переждалъ, вошелъ
ь библіотеку и остановился. Ему показалось, что кто-то въ это
ремя глянулъ на него въ окно изъ сада: то былъ блѣдный ликъ
аходившаго надъ деревьями мѣсяца...

«Что со мной и что я дѣлаю?» пробѣжало опять въ головѣ
етлугина: «я гость, я посторонній, заѣзжій, и пробираюсь ночью
ь комнаты дочери пріютившаго меня человѣка! Нѣтъ, прочь
гсюда, прочь!»

Ветлугинъ, однако-же, не остановился. Онъ вошелъ въ дѣ-
ичью, въ корридоръ, постоялъ передъ дверью Ульяны Андреевны
началъ взбираться по лѣстницѣ къ комнатамъ Аглаи. Окно въ
ѣвичьей было раскрыто и въ него, съ ночной прохладой, про-
икало сіяніе заходившаго мѣсяца.

Въ это мгновеніе, будя ночную тишину, раскатисто и звон-
о заржалъ оставленный за садомъ конь. Ему по близости отвѣ-
ило ржаніе поповой пѣгашки.

«Ну, и отлично,—подумалъ Ветлугинъ: дьячокъ отвяжетъ коня
отведетъ его на конюшню».

Съ этою мыслію, Ветлугинъ миновалъ послѣднія ступени
ѣстницы и уже взялся за ручку двери въ комнату Аглаи.

На дворѣ ясно прозвучали копыта Фокинскаго коня, домо-
ито и ласково фыркавшаго, въ ожиданіи близкаго стойла и корма.
а дѣвичьемъ крыльцѣ потянулся одинъ изъ сторожей и громко

зѣвнувъ, что-то проговорилъ, точно сказалъ товарищу: «А баринъ-то этотъ?.. пробирается къ барышнѣ... Не всполохнуть ли его?»

Вправо, на селѣ, какъ бы невзначай нарвавшись на кого, трусливо и злобно залаяла испуганная голосистая собаченка. Гдѣ-то въ сторонѣ, и ужъ точно не въ этой деревнѣ, а далѣе, крикнулъ одинокій, чуть слышный пѣтухъ... И опять тишина...

Ветлугинъ перевелъ дыханіе.

Держась одной рукой за по́ручень лѣстницы, другую онъ протянулъ передъ собой, коснулся въ потьмахъ двери, бережно нажалъ ея скобу, и дверь безъ усилій отворилась.

Лунный свѣтъ слабо освѣщалъ эту комнату.

— Аглая, Аглая! шепнулъ Ветлугинъ.

Отвѣта не было.

— Аглая, повторилъ онъ.

Никто не отвѣчалъ.

Ветлугинъ подошелъ къ окну, въ которое изъ сада виднѣлась вершина сосѣдней липы, отворилъ его и сталъ соображать, что это за комната?

«Что, какъ дьячокъ, отведя коня, изъ усердія разбудитъ кого-нибудь изъ прислуги и меня станутъ тутъ искать?« пронеслось въ мысляхъ Ветлугина.

Не успѣлъ онъ это подумать, какъ внизу подъ липой, въ тоже мгновеніе, послышался шорохъ чьихъ-то торопливыхъ, и казалось, тревожныхъ шаговъ...

XXII.

Молитвенникъ.

Ветлугинъ сталъ ни живъ, ни мертвъ. Въ глазахъ его потемнѣло. Онъ сталъ за откосъ окна, и изъ-за него взглянулъ внизъ: въ саду подъ липой дѣйствительно мелькало что-то бѣлое... Не то служанка, не то сторожъ шарили, повидимому, отыскивая его.

Ветлугинъ еще переждалъ. Наконецъ, онъ вздохнулъ свободнѣе: изъ подъ дерева беззвучно выкатилась сѣрая собаченка. Прислушиваясь кругомъ, она нѣсколько постояла и, обнюхивая дорожки, убѣжала въ глубь сада.

«А что, если здѣсь гдѣ-нибудь, подъ столомъ или подъ диваномъ, спитъ другая собаченка?» подумалъ онъ: «и что если она съ лаемъ кинется на меня и перебудитъ весь домъ?»

Но въ комнатѣ было тихо, какъ и на дворѣ.

Въ правомъ углу, передъ стариннымъ кіотомъ съ образами, стояла, погашенная теперь, большая лампада. По кресламъ и по столу были разбросаны книги, гарусъ и узоры. Къ дивану были придвинуты раскрытыя, съ недоконченной работой, пяльцы. На письменномъ столѣ стояли двѣ до половины обгорѣвшихъ, стеариновыхъ свѣчи, и вазочка, съ полузавядшимъ пучкомъ ночныхъ фіалокъ...

Ветлугинъ нѣсколько мгновеній постоялъ надъ этимъ пучкомъ, досталъ изъ кармана спичечницу, зажегъ одну изъ свѣчей, заслонилъ ее рукой и поглядѣлъ кругомъ. Изъ комнаты вели двое дверей: одна налѣво, въ которую онъ вошелъ, другая на право.

Ветлугинъ заперъ дверь на лѣстницу, и подошелъ къ комнатѣ на право.

«Если Ульяна Андреевна проснется, услышитъ мои шаги и прійдетъ сюда», разсуждалъ онъ: «я все ей выскажу, все... Я буду съ ней безпощаденъ... Такъ поступать нельзя. Это не католическій монастырь... Мнѣ дано слово... Я женихъ... Если не успѣю увидѣть Аглаю одну, безъ свидѣтелей, я ее бережно уведу, мимо матери и сторожей, и мы убѣжимъ... Или нѣтъ,—я ее спрячу въ домѣ у Фросиньки, и завтра же отецъ Адріанъ насъ обвѣнчаетъ...»

«А что, если Аглая спитъ не одна?» пробѣжало въ его умѣ: и неужели, наконецъ, здѣсь, за этимъ порогомъ, ея спальня?..»

Онъ отворилъ дверь направо. Комната за ея порогомъ оказалась не спальней, а чѣмъ-то въ родѣ классной. Въ такомъ видѣ она, вѣроятно, оставалась съ тѣхъ поръ, какъ въ ней жилъ и учился покойный сынъ Вечерѣева: съ географическими картами, съ рисунками звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, и съ засушенными полевыми цвѣтами, подъ стекломъ, на стѣнахъ. Не найдя никого здѣсь, Ветлугинъ прошелъ въ слѣдующую, какъ видно, послѣднюю комнату. Но и она оказалась также пуста. На этотъ разъ, это была дѣйствительно спальня. Бѣлый кисейный положокъ закрывалъ чистую несмятую постель. Шитые шелкомъ бархатные туфли лежали возлѣ нея на коврѣ. У изголовья, на кругломъ столикѣ, стояла недопитая кружка воды и лежалъ, заложенный бумажкой, старинный молитвенникъ.

«Аглая не спитъ», подумалъ Ветлугинъ: «неужели она еще внизу у матери? Надо ее подождать. Но гдѣ и какъ я спрячусь здѣсь?» Онъ пристальнѣе взглянулъ вокругъ. Рядомъ съ уютностью и чистотой, въ комнатѣ былъ странный безпорядокъ. Въ одномъ углу стоялъ раскрытый сундукъ, съ частью выброшеннаго на ди-

ванъ и даже на полъ бѣлья. Въ другомъ, на кучѣ сметеннаго, но невынесеннаго сора, валялась половая щетка. Старинный платьяный шкафъ былъ также раскрытъ, и въ него, очевидно въ торопяхъ, кучей были набросаны платья, пустыя картонки и башмаки.

«Что же это значитъ?» разсуждалъ Ветлугинъ: «или она ужъ уѣхала? Но куда? Неужели въ монастырь? И не дождавшись меня? А она такъ мнѣ клялась!»

«Нѣтъ, она не уѣхала!» замирая отъ радости, подумалъ Ветлугинъ. Сзади его послышался какъ бы шелестъ шаговъ.

Онъ возвратился въ предыдущую комнату.

Тамъ не было никого. Шорохъ послышался отъ впорхнувшей въ окно летучей мыши.

Ветлугинъ возвратился въ спальню, раскрылъ лежавшій на столикѣ молитвенникъ, сталъ его перелистывать и тутъ только замѣтилъ, что заложенъ онъ былъ какимъ-то письмомъ. Въ глаза ему бросилось имя Аглаи. Онъ невольно пробѣжалъ первыя строки письма, сталъ читать далѣе, и свѣча чуть не выпала у него изъ рукъ.

На большой четверткѣ толстой, желтоватой бумаги, крупными каракулями, были безграмотно написаны слова:

«Поспешай, государыня ты моя, матушка Іульянія Андрѣвна. Поспешай, наша денная покровительница, ночная богомольница. Преосвещенный здѣсь. Отецъ Гервасій при такой оказіи станітъ пастригать нашихъ двухъ бѣлицъ; пастрижетъ и тваю милую Аглаюшку. Надѣйся на Господа. Нѣтъ его краше, нѣтъ добряе. А о вносѣ на келью сказъ будетъ и опосля. Благодаримъ тя и такъ, на щедрыхъ твоихъ подарочкахъ, на рыбкѣ, да на медахъ, на мучицѣ, да на боченочкахъ. Довольны, ахъ, какъ довольны твоею милостью и будемъ ждать. Ты наша охрана, наше тепло некупленное. Не доведѣшь жа, штобъ клели за несдержаніе тваво слова. Припасайтеся къ Небесному-Жениху, ой, припасайтеся: да надѣнетъ Онъ на васъ, на обѣихъ, златъ вѣнецъ, чинъ ангельской.—Ваша молельщица, скудоумная и смиренная раба Божія, отродія нищаго, Измарагда».

Ветлугинъ вторично пробѣжалъ письмо, безъ памяти бросился внизъ по лѣстницѣ, тихо отперъ дверь въ комнату Ульяны Андреевны, убѣдился, что и эта комната пуста, прошелъ въ столовую и въ кабинетъ Кирилы Григорьича и остановился. Здѣсь также не было ни души. Домъ совершенно опустѣлъ. Вечерѣевъ еще не возвращался, а жена и дочь его, очевидно, выѣхала изъ имѣнія. «Все кончено!» подумалъ Ветлугинъ: «все, и счастье, и

жизнь... Куда теперь идти? и что станется отнынѣ съ моею свободой и вѣрой въ себя и въ людей?»

Ветлугинъ стоялъ передъ рабочимъ столомъ Вечерѣева. Среди кучи разныхъ дѣловыхъ бумагъ, на этомъ столѣ лежала подготовленная къ печати тетрадь переводовъ изъ Мильтона; а въ углу, за печью, какъ мумія, торчалъ футляръ съ віолончелемъ. Ветлугину припомнился другой старикъ, его отецъ. Тотъ страдалъ отъ бѣдности; этотъ—въ избыткѣ богатства...

Ветлугинъ ухватился за грудь. Сердце его надрывалось. Ноги подкашивались.

Со свѣчей въ рукѣ, онъ вышелъ въ пустой, высокій залъ, гдѣ въ памятный, первый вечеръ пребыванія его здѣсь, онъ съ Аглаей слушалъ игру на віолончели ея отца. Высоко приподнявъ свѣчу, онъ взглянулъ на потемнѣвшіе, въ старинныхъ рамахъ, портреты предковъ этой семьи, на дамъ въ пудрѣ и въ кружевахъ, на разноцвѣтные кафтаны, мундиры и парики мужчинъ, и съ горькой усмѣшкой сказалъ: «Такъ-то, господа богачи... Гдѣ же ваше счастье?...»

Онъ задулъ свѣчу, поставилъ ее на столъ, прошелъ къ двери на балконъ, отперъ ее и съ рыданьемъ упалъ на скамью, съ которой столько лѣтъ и съ такой, повидимому, гордою вѣрою въ неизмѣнность людского счастья, Кирило Григорьичъ любовался видомъ полей, цвѣтами и деревьями насаженнаго имъ сада. Вспомнились теперь Ветлугину и слова Фросиньки о томъ, что Аглая—кладъ на днѣ глубокаго и темнаго колодезя.

«Въ священный потокъ факира упалъ обвалъ скалы!» подумалъ, вставая со скамьи Ветлугинъ: «какъ старикъ переживетъ это горе? А я-то, я-то!.. Старики отжили свое—мой вѣкъ только-что еще начинается....»

На востокѣ бѣлѣло.

Отъ рѣки сталъ подниматься туманъ. Пернатое населеніе сада, какъ и въ ночь перваго объясненія Ветлугина съ Аглаей, начинало просыпаться и, чирикая, кое-гдѣ уже взлетывало надъ вершинами еще темныхъ, росистыхъ деревъ. Занималась заря.

Ветлугинъ прошелъ къ бесѣдкѣ, посидѣлъ на ея крыльцѣ, собралъ и уложилъ свои вещи, еще разъ оглянулся на домъ и на садъ, постоялъ надъ спускомъ къ купальнѣ, увидалъ вдали, межъ ягодныхъ кустовъ, уже вставшаго и отгонявшаго воробьевъ Ѣда Лукашку, и еще сумрачными дорожками направился ко двору отца Адріана.

Священника не было дома. Отъ его воротъ, на встрѣчу Ветлугину, съ ведрами въ рукахъ, шелъ вчерашній его знакомецъ

дьячокъ. Онъ его остановилъ, узналъ, что Фросинька уже не спитъ, и попросилъ его вызвать ее на крыльцо.

Фросинька вышла. На нерасчесанныхъ волосахъ ея былъ накинутъ платокъ; глаза были сильно заплаканы.

— Что, скажите, здѣсь произошло? спросилъ Ветлугинъ: не жалѣйте меня, говорите все откровенно.

Дѣвушка повела взглядомъ къ опустѣлой усадьбѣ Вечерѣевыхъ, вздохнула и молча подала Ветлугину письмо.

Онъ его распечаталъ. Письмо было отъ Аглаи къ Ветлугину.

Она писала:

«Безцѣнный и на вѣки любимый другъ. Не корите и не проклинайте меня. Я раньше нашей встрѣчи дала другой обѣтъ и должна его исполнить. Послѣ вашего отъѣзда, я испытала такія муки, такія угрызенія совѣсти, что изнемогла, не выдержала и, окончательно рѣшась покориться своей долѣ, дѣлаюсь теперь вамъ измѣнницей. Увлекшись расположеніемъ къ вамъ, я не соразмѣрила силы первой преданности, преданности обѣту. Не ищите меня тамъ, за чертой, гдѣ иная жизнь. Не тратьте напрасно душевныхъ силъ и не дѣлайте попытокъ меня исторгнуть оттуда. Я жалкая, слабая, грѣшная, но—прежде всего—горячо вѣрующая женщина. Для васъ не тайна: я васъ люблю... Болѣе скажу: я васъ не разлюблю до могилы и за могилой. Но я не могу быть вашею. До васъ мое сердце было свободно. И если бы я стала великой грѣшницей и преступницей, если бы,—чего, разумѣется, не случится никогда!—оставила когда-нибудь монастырь, то я, не задумавшись, вышла бы замужъ только за васъ.. Но я надѣваю рясу и клобукъ, и никогда ихъ не сниму. И вы меня не смущайте. Умоляю—пощадите меня. Считайте, что я умерла, терзаясь, любя васъ, молясь за ваше будущее и желая вамъ тамъ, въ свѣтѣ, быть навсегда лучшимъ, честнѣйшимъ и первымъ между людьми. Доля со мной умалила бы, затемнила бы васъ. Служите на пользу родины. Вы, быть можетъ, не вѣрите въ загробную жизнь. Я же въ нее вѣрю и моя молитва за васъ дойдетъ до Бога. Антонъ Львовичъ! Молю васъ: берегите свою душу. Не бросайте вашихъ силъ даромъ. Не падайте духомъ. Отдайте себя тѣмъ, кому помощь ваша будетъ дорога. Аглаи болѣе нѣтъ. Она отнынѣ въ могилѣ. И не считайте всего что случилось, загадкой. Говорю вамъ прямо и отъ всей души я иду въ монастырь потому, что признаю за неискупимый смертельный грѣхъ нарушить данный обѣтъ пострижения. Пожалѣйте меня, но не проклинайте. Прощайте. До свиданія, тамъ—далеко за гробомъ.—Ваша—Аглая».

Ветлугинъ прочелъ это письмо разъ и другой.

Въ глазахъ его вертѣлись огни. Что-то отрывалось отъ него, прощалось съ нимъ, уходило прочь и навсегда...

Рядомъ съ нимъ слышалось сдержанное, глухое рыданіе. Онъ оглянулся на Фросиньку. Та сидѣла, склонясь на руки головой.

— И такъ, началъ Ветлугинъ, стараясь говорить, какъ можно спокойнѣе: гдѣ же Аглая Кириловна?

— Вчера уѣхала и вчера же... постриглась въ Краснокутскомъ монастырѣ...

Громовой ударъ менѣе сразилъ бы Ветлугина, чѣмъ эта вѣсть. Но онъ съ виду остался спокоенъ. Только пальцы рукъ его судорожно сдвинулись.

— Жаль Кирилу Григорьича... Гдѣ онъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Еще не возвращался.

— Но неужели его не извѣстили и онъ не знаетъ ничего?

— Кирило Григорьевичъ возвращался вчера изъ другой своей вотчины и случайно, на постояломъ монастырскомъ дворѣ, узналъ обо всемъ. Онъ бросился въ обитель. Были уже сумерки. Подъ горой онъ встрѣтилъ карету преосвященнаго. Онъ вышелъ изъ экипажа, хотѣлъ остановить владыку, хотѣлъ ему что то передать. Но старика либо не узнали, либо въ темнотѣ не замѣтили. Тогда Кирило Григорьичъ поѣхалъ въ монастырь и потребовалъ свиданія съ женой и съ дочерью. Что между ними было, неизвѣстно. Люди только сказываютъ, что Кирило Григорьичъ сильно гнѣвался и пожелалъ видѣть игуменью. А когда та къ нему вышла, онъ сталъ ей грозить процессомъ, потомъ началъ что то объяснять, но не докончилъ, на всѣхъ вдругъ затопалъ ногами, закричалъ, заплакалъ... и расхохотался...

— Что же, заключила, утирая слезы, Фросинька: мудренаго тутъ нѣтъ ничего... Хоть кого убьютъ такія дѣла. Будь и посильнѣе его человѣкъ, такъ тронется умомъ. А бѣдная Аличка! бросилась къ нему, повисла на шеѣ. Но уже было поздно: онъ ее не узналъ... Тогда его опять посадили въ коляску и кучеръ, съ Ульяной Андреевной, повезъ его къ Ченшину, гдѣ, говорятъ, есть докторъ. Всѣ эти вѣсти и письмо отъ Алиньки къ ночи привезла мнѣ, провожавшая ее въ монастырь, Егоровна.

— И вы думаете, что теперь все кончено? спросилъ Ветлугинъ.

У него еще теплилась надежда.

— Все... О, я хорошо знаю Аглаю! Она вѣрно выразилась: теперь ужъ она зарыта, въ могилѣ.

— Нельзя ли мнѣ добыть здѣсь лошадей? спросилъ, затаивъ

тяжкій вздохъ, Ветлугинъ: я бы уѣхалъ... Хоть до станціи нельзя ли, или обратно въ Рѣчное? Тамъ мнѣ далъ бы другихъ лошадей Фокинъ.

Фросинька, при имени Фокина, вспыхнула.

— Разумѣется, можно, сказала она: вотъ я пошлю за Филатомъ. Онъ все вамъ устроитъ. Люди здѣсь потеряли головы. Хоть бы Филатъ... Передъ вами вотъ прибѣжалъ ко мнѣ, дрожитъ и клянется, что въ барскихъ хоромахъ домовые,—что кто то тамъ по верху и по низу ходитъ со свѣчей. На силу его успокоила.

— А батюшка вашъ когда возвратится? спросилъ Ветлугинъ.

— Жду его съ минуты на минуту. Видно, благочинный задержалъ.

Пока Филатъ ладилъ лошадей, подъѣхалъ и отецъ Адріанъ. Этотъ на себя не походилъ отъ горя и досады, что такія бѣды стряслись надъ почтенной семьей Вечерѣевыхъ. Онъ задыхался отъ волненія. Воротникъ рясы давилъ ему горло. Посуда на поставцѣ дрожала отъ его тяжелыхъ шаговъ по комнатѣ.

— Вы бы, папенька повліяли, сказала Фросинька: вы бы сообщили ключарю, отцу протопопу Закхею... Онъ человѣкъ съ вѣсомъ, близкій къ владыкѣ — и могъ бы оказать помощь, открыть ему глаза...

— Протопопъ? Закхей?

— Да...

Отецъ Адріанъ тяжело нагнулся къ окну.

— Онъ неразлученъ съ владыкой въ дорогѣ, продолжала Фросинька: и если бы сказалъ, я убѣждена...

— Неразлученъ? сказалъ бы? изволь матушка, слушай!—отвѣтилъ, глядя въ окно, отецъ Адріанъ: изволь... И ужъ такъ-то неразлученъ, что и другихъ не допускаетъ къ нему! Сажаетъ въ карету и высаживаетъ подъ руки... Да что! Вѣришь ли? Ночевать владыка рѣшилъ въ Марьиномъ. Ну, и я тамъ по пути прибился,—только не у отца Савла, а у пономаря,—знаешь, черезъ дворъ. И насмотрѣлся же я на заботы, да на хлопоты ключаря этого, Закхея... Сказалъ бы! Неразлученъ!.. Одинъ соблазнъ да и только...

— Что же? что? приготовилась слушать Фросинька.

— А вотъ что, — обернулся отецъ Адріанъ къ дочери и к гостю: зашелъ ключарь въ кухню отца Савла и говоритъ ем стряпухѣ: собаки злыя? — Злыя, отвѣчаетъ бабёнка. — А пѣтух есть?—Какъ не быть! смѣется та.—Да ты, говоритъ, не смѣйс кричатъ по утрамъ? — Кричатъ. — Ну, бабочка, смотри же ты

меня, чтобъ ни одинъ пѣтухъ у тебя не подалъ голосу до утра, и чтобъ ни одна пёсья глотка не тявкнула. — Да какъ же быть тому? смѣется пуще прежняго стряпуха. — А какъ знаешь... собакъ спрячь въ подвалъ, а пѣтухамъ хоть носы позавязывай. — Озадачилъ онъ бабу. Одначе своего добился: ни пѣтухъ, ни единая шавка, представьте, голосу не подали до утра, пока спалъ владыка...

— Мало того,—продолжалъ, принимаясь ходить по комнатѣ, отецъ Адріанъ: всталъ я нынче, чуть зорька, и пошелъ у отца Савла табачку на трубочку попросить. Глянулъ съ галлерейки въ оконце,—а ключарь ужъ всталъ и сидитъ одѣтый у двери, за которою владыко опочивалъ,—сторожитъ значитъ. Но отчего, думаю, сидитъ онъ подъ часами? Смотрю, часы остановилъ, чтобъ маятникомъ, да боемъ не безпокоить владыку... Постоялъ я, подумалъ: знаетъ ли самъ-то пастырь, какъ старается для него соборный протопопъ? Подумалъ, табаку не сталъ просить, да такъ сюда и отъѣхалъ... Дай-ка, Ефросинья, своего; набьемъ нашимъ съ горя трубочку....

Въ полдень Ветлугинъ простился съ Верхоустинскими.

— Позвольте, сказала, отозвавъ его на прощаньи въ сторону, Фросинька: еще слово... Вы были вчера въ Рѣчномъ... и видѣли тамъ Талищевскаго управляющаго, Фокина...

— Видѣлъ.

— Не собирался онъ сюда?

— Нѣтъ, не собирался.

Фросинька замялась.

— Видите ли, продолжала она, стараясь говорить небрежнѣе: онъ обѣщалъ обмежевать здѣшнюю церковную землю, и мой отецъ его просилъ объ этомъ... Неужели онъ забылъ?

— Не знаю... Мнѣ объ этомъ онъ не говорилъ.

— Жаль... А я было, кстати, хотѣла сообщить ему... одно путь, впрочемъ небольшое дѣло,—начала Фросинька, но покраснѣла и не договорила.

«Что дѣлать? какъ быть?» думалъ Ветлугинъ, выѣзжая изъ Клубковъ, гдѣ для него блеснуло было такое счастье: «ее обманули и насильно увезли въ монастырь. Иначе быть не могло...»

XXIII.

Мать Измарагда.

— Гдѣ васъ, сударь, прикажете высадить? спросилъ Ветлугина Филатъ, на этотъ разъ проѣхавшій нѣсколько кабаковъ и нигдѣ не рѣшавшійся выпить.

Горе барина, котораго онъ съ прикащикомъ ѣхалъ провѣдать, разомъ вышибло у него всякую мысль о хмѣлѣ.

— А? что? отозвался погруженный въ раздумье Ветлугинъ.

— Въ Рѣчномъ у Талищева встанете, или съ нами проѣдете къ Ченшину?

— Разумѣется, къ Ченшину, сказалъ Ветлугинъ: не видясь съ Кириломъ Григорьичемъ, не уѣду. Жаль старика, вотъ какъ жаль.

— Ужъ и какъ не жаль,—искренно вздыхалъ Филатъ: пропали наши головушки. Рѣшилась... рѣшилась наша барышня... изъ сударыни, изъ господской дочки, черницей стала!

Путники миновали Рѣчное. Лошади ихъ, пріѣхавшія въ ночь съ Егоровной, притомились. Да и зной былъ довольно силенъ. «Покормить бы, сударь, слѣдовало», сказалъ прикащикъ: «а то за заводами пойдутъ пески; не пристали бы наши кони. По холодку доѣдемъ скорѣе.»

Тележка заѣхала на постоялый дворъ, стоявшій подъ лѣсомъ, у озера, на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ. Филатъ задалъ корма лошадямъ, закатилъ тележку подъ сарай и, закусивъ, отправился, съ прикащикомъ, отдыхать на сѣнникъ.

Ветлугинъ также забрался въ какую-то темную боковушку и, наморенный тревогами прошлой ночи, такъ крѣпко заснулъ, что, когда его разбудили, на дворѣ уже вечерѣло. Подкормленная тройка весело похрапывала у крыльца. Путники двинулись далѣе. Обогнувъ лѣсокъ, они стали спускаться къ рѣкѣ. За рѣкой открылся рядъ горъ. На одной изъ нихъ блеснули церковныя главы и забѣлѣла ограда монастыря. Сердце Ветлугина сжалось.

— Это чья усадьба? спросилъ онъ, отвернувшись отъ горы.

— Гдѣ? отозвался съ облучка Филатъ.

— За рѣкой вонъ, лѣвѣе монастыря? Садъ по горѣ и зеленая крыша видна...

— Николая Ильича, Милунчикова, отвѣтилъ Филатъ: нешто вы тутъ не были? Намъ ѣхать мимо ихъ двора.

Пробравшись по мосту и свернувъ берегомъ влѣво, въ объ-

ѣздъ монастырской горы, телега вскорѣ дѣйствительно поравня-
лась съ усадьбой Милунчикова, миновала его дворъ, шумѣв-
шую темными колесами — водяную мельницу и стала подни-
маться въ гору. Когда она проѣзжала окраиной сада, зелеными
ступами спадавшаго къ рѣкѣ, вверху, на одномъ изъ уступовъ,
аздался рѣзкій и отрывистый звукъ, какъ бы отъ брошенной
олосы желѣза, или отъ пистолетнаго выстрѣла.

— Что это? спросилъ Ветлугинъ.

— Молодые господа, видно, воробьевъ пужаютъ, отвѣтилъ
Филатъ: у Николая Ильича постоянно гостятъ ихніе сродствен-
ики и друзья, Покромскіе барченки, Коребякинъ, Подсыпанина,
хъ сосѣда, шурья. Оченно Николая Ильича всѣ любятъ.

Тележка взобралась на вершину горы. Лошадямъ дали вздох-
уть.

— Вонъ наша дорога, сказалъ Филатъ: а эвона синѣетъ и
ь Ченшину.

Вправо и влѣво съ горы открылась неоглядная даль хол-
овъ, лѣсовъ и полей, будто плавающихъ въ голубой пеленѣ ту-
ана. Отъ монастыря послышался благовѣстъ къ вечернѣ.

Ветлугинъ вздрогнулъ.

— Вотъ что, Филатъ, сказалъ онъ: поѣзжайте-ка вы впе-
едъ. А я зайду къ Милунчикову; есть дѣло. Да кстати уго-
орю его тоже навѣстить Кирилу Григорьича. Мы съ нимъ васъ
огонимъ.

— Счастливо оставаться, раскланялись прикащикъ и Филатъ:
вещи ваши мы возьмемъ съ собой.

— Берите.

Ветлугинъ, однако, отправился не къ Милунчикову.

Когда телега скрылась изъ виду, онъ напрямикъ, вершиной
ры, обогнулъ усадьбу Николая Ильича, выбрался на торную,
роѣзжую дорогу, достигъ монастырской ограды, вошелъ въ во-
ота и, не замѣченный никѣмъ, проникъ въ церковь, гдѣ въ
время кончалась вечерня и находилось немало окрестнаго и
альняго народа, гостившаго здѣсь со вчерашняго праздничнаго
ія. Съ клироса неслось мѣрное пѣніе стихиръ. Кадильный дымъ
стилалъ полуосвѣщенную церковь. Ветлугинъ посмотрѣлъ во
ѣ стороны: ни Аглаи, ни ея матери не было видно. Пропѣли
Свѣте тихій».—Вечерня кончилась.—Народъ сталъ выходить изъ
еркви. Вышелъ и Ветлугинъ. По мосткамъ монастырскаго двора,
потупленными головами, отвѣшивая поклоны встрѣчнымъ, въ
рныхъ мантіяхъ, рясахъ, съ четками и въ клобукахъ, потяну-
ись старицы, послушницы и клирошанки.

Ветлугинъ освѣдомился, гдѣ помѣщеніе игуменьи, подошелъ къ ея крыльцу, доложилъ ей о себѣ, какъ о проѣзжемъ путникѣ, и получилъ отвѣтъ: «Матушка Измарагда просятъ обождать въ ихней горенкѣ, сейчасъ выйдутъ».

Сѣлъ Ветлугинъ въ горенкѣ игуменьи, поглядѣлъ вкругъ себя и сталъ гадать, что за человѣкъ была матушка Измарагда?

Келья, гдѣ онъ сидѣлъ, находилась въ верхнемъ отдѣленіи главнаго обительскаго зданія. Окнами она выходила на рѣку и на зарѣчные лѣса и луга. Это была просторная, прохладная, чистая и весьма нарядная комната, съ бѣлыми кружевными занавѣсками, съ мягкою шелковою мебелью, съ дорогими лампадами у горящихъ золотомъ образовъ и съ портретами духовныхъ знаменитостей по стѣнамъ. Цвѣты стояли на всѣхъ окнахъ; полъ былъ устланъ дорогимъ мягкимъ ковромъ. На столѣ лежало нѣсколько священныхъ книгъ. За открытымъ окномъ, въ большой красивой, проволочной клѣткѣ, поглядывая на синѣющіе по низу луга и лѣса, съ жердочки на жердочку мѣрно прыгалъ черный, съ желтымъ клювомъ, дроздъ.

«Изнѣженная, сластолюбивая черничка!» злобно подумалъ Ветлугинъ, подходя къ окну: «заранѣе вижу ее — чистоплотная, худенькая, на ладонъ дышащая старушка, съ желтоватымъ, въ мелкихъ складочкахъ личикомъ, съ плаксивыми и усталыми отъ долгаго, церковнаго бдѣнія, глазками. Прійдетъ, сядетъ, смиренно сложитъ на колѣняхъ ручки, зѣвнетъ, перекреститъ ротъ и, перебирая четки, станетъ ждать, что я ей скажу. Я стану говорить, а ей, въ предвкушеніи скораго ужина и сна, вонъ за той вѣроятно дверью, будетъ мерещиться другая, еще болѣе уютная и прохладная горенка, занавѣшанная кисейнымъ пологомъ постель, мягкія подушки, отсутствіе мухъ и сладкій, заслуженный долгимъ молитвеннымъ стояніемъ, покой. Воображаю, какъ она растеряется, когда я ей себя назову: сонныя глазки мигомъ проснутся. И ей ни съ того, ни съ сего, пожалуй, представится еще темная, осенняя ночь: разбойники съ ножами ломятся въ дверь, къ желѣзному сундуку съ монастырскою казной. Сверкаетъ лезвее широкаго ножа. «Съ нами крестная сила!» вскрикнетъ она, ломая руки: «пощади, кормилецъ, пощади отродію нищаго, не погуби...»

— Что угодно вашей милости?—спросилъ не громкій, но твердый голосъ, за спиной Ветлугина.

Онъ оглянулся.

Передъ нимъ стояла высокая, дородная, съ красивымъ бѣлымъ и полнымъ лицомъ и съ большими сѣрыми глазами, инокиня. Густыя черныя брови, усики надъ вздернутой губой, взглядъ

трогій, властный и проницательный. Вся она будто изъ камня зваяна, стройная, гордая, точно говоритъ: вотъ я какая, смотри а меня и робѣй передъ моей силой и красотой.

— Что вашей милости нужно?—вѣжливо повторила инокиня, казывая гостю на кресло у стола и пристально оглядывая его: ѣроятно, не здѣшніе, устали съ дороги? садитесь.

Ветлугинъ невольно сѣлъ. Онъ угадалъ, что передъ нимъ ыла игуменья Измарагда.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—перебирая четки и также садясь ь другой стороны стола, съ разстановкой, небрежно спросила она.

— Я Ветлугинъ, отвѣтилъ Антонъ Львовичъ, вглядываясь, акое впечатлѣніе произведутъ эти слова на игуменью.

Что-то въ родѣ легкаго облачка мелькнуло въ сѣрыхъ, сныхъ, какъ у сокола, и полныхъ ума глазахъ Измарагды. Но и одна черта въ спокойномъ, мраморномъ ея лицѣ не дрогнула; и одна складка шерстяной, черной рясы ея не шевельнулась.

— Очень почтена вашимъ посѣщеніемъ,—съ снисходительмъ поклономъ, проговорила игуменья: но чѣмъ же я могу іть вамъ полезна?

— У васъ, сударыня, въ обители находится дочь г. Вечерѣева.

— Такъ точно. А вамъ она сродственница приходится, что-ли?

— Она мнѣ дала слово, — проговорилъ Ветлугинъ: я ей енихъ.

Игуменья помолчала.

— Что же отъ меня-то вамъ, сударь, угодно? спросила она.

— Аглаю Кириловну заперли здѣсь противозаконно, отвѣтилъ етлугинъ: силой увлекли ее сюда...

— Противозаконно! Какъ вы изволили сказать? не ослышась ли я?

— Да, ее заманили сюда обманомъ, воспользовались ея непытностью... Вы это хорошо знаете.

— Во-первыхъ, не противозаконно,—и, во-вторыхъ, не обманъ,—строго, но вѣжливо продолжала Измарагда: мірской полъ, азано въ законѣ, да не постризаетъ монаховъ; дѣвицу Вечерѣеву стригъ іеромонахъ. Не достоитъ, сказано тамъ же, безъ искуса стригати и возлагати рясу на нихъ. Аглая Кириловна, почий три года, въ мірской одеждѣ и безъ принужденія, у назначной ей въ пріимицы-старицы, всякій искусъ, на дому и въ шей честной обители, выносила... Что же, милостивецъ, гдѣ безоніе и гдѣ притѣсненіе? Отвѣчайте, слушаю...

Ветлугинъ не узнавалъ себя. Куда дѣлась его смѣлость, нарчивость и непреклонность? Судорожно ухватясь за ручку кре-

селъ, онъ сидѣлъ, не шелохнувшись, глядѣлъ на бѣлолицую, съ темными усиками, свѣтлоокую инокиню, и не зналъ, что ей говорить. Онъ чувствовалъ, — предъ нимъ была сила...

— Молодую дѣвушку, проговорилъ онъ: невидѣвшую свѣта, почти дитя, спокойно допустить до такого шага, принять ее къ себѣ! Гдѣ же совѣсть, полноте, гдѣ уваженіе къ духу закона?

Измарагда смѣряла его глазами.

— Можетъ вы, сударь, полагаете, что ваша невѣста одумается? возвратится въ свѣтъ? Такъ, что-ли, я поняла ваши слова?

— Я не выйду отсюда—слышите?—сказалъ рѣшительно Ветлугинъ: до тѣхъ поръ, пока вы ее не отпустите.

Четки дрогнули въ рукахъ Измарагды.

— Что-жъ я, батюшка, однако, должна дѣлать? приказывайте! спросила она: нешто я ей мать? Родительница ея здѣсь же, съ нею...

Надежда блеснула Ветлугину.

— Разрѣшите... не мѣшайте мнѣ, сказалъ онъ: повидаться съ Аглаей Кириловной.

— Это зависитъ не отъ меня; я ужъ вамъ доложила—здѣсь ея мать.

— Ну, такъ вотъ что, сказалъ онъ, стиснувъ зубы: я напишу записку, и вы не откажите сейчасъ же переслать ее къ Аглаѣ Кириловнѣ.

— А далѣе?

— Предоставьте ей поступить такъ, какъ она сама пожелаетъ.

Чуть замѣтная, съ примѣсью лукавства и презрѣнія, усмѣшка мелькнула въ безстрастныхъ глазахъ игуменьи.

— А ты, сударь, поступишь ли такъ, какъ тебѣ скажетъ Аглая Кириловна?—съ грубой откровенностью, покачивая головой спросила Измарагда: даешь ли слово?

— Даю.

— Въ такомъ разѣ пиши,—небрежно сказала игуменья.

Ветлугинъ вынулъ изъ бумажника визитную карточку, придвинулся къ столу и дрожащей рукой сталъ на ней писать. Слова не связно ложились подъ карандашемъ.

Измарагда въ раздумьи стала перебирать четки. Многое ей вспомнилось въ это мгновеніе: собственная молодость, лютая кулачная семья, темныя ночи, густой лѣсокъ, бракъ уходомъ, пирушки въ какомъ-то пѣхотномъ полку, измѣна, разлука—клобукъ...

«Искушеніе!» искоса поглядывая на гостя, думала игумень

искушеніе! глаголю безбрачнымъ и вдовицамъ—добро имъ есть...) дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ... Охъ, искушеніе!»

А тихій вечеръ ласково глядѣлъ со двора. Душистой прохладой тянуло въ раскрытое окно. Гдѣ-то внизу, подъ горой, оготали гуси, куковала кукушка, раздавался грохотъ и плескъ ельничныхъ колесъ...

Дроздъ въ клѣткѣ пересталъ прыгать. Онъ сидѣлъ и слушалъ,—слушалъ кукушку, шумъ мельницъ и крики гусей. И другъ, протянувъ желтый носъ, онъ вздрогнулъ, закрылъ глаза защелкалъ такъ порывисто и звонко, что, казалось, вообразилъ и ебя не въ клѣткѣ, а тамъ—на привольи—внизу, гдѣ шумѣли ельницы, кричали птицы и стояли, полныя вечерней прохлады, инѣющія озера и лѣса.

Ветлугинъ писалъ: «Аглая Кириловна! Я здѣсь въ монастырѣ, у вашей игуменьи. Смѣло идите ко мнѣ. Я никому васъ е дамъ въ обиду и, если пожелаете, отвезу васъ обратно къ шему отцу. Тамъ вы рѣшите свою судьбу. Жду отвѣта.—А. етлугинъ».

— Вы кончили? спросила Измарагда.

— Кончилъ.

Игуменья позвонила.

Вошла и въ поясъ настоятельницѣ поклонилась бѣлокурая, румянцемъ во всю щоку, съ карими лучистыми глазами и густою косой, молодая келейница. Измарагда строго сказала : «Неси, Лушенька, знаешь, къ той... къ барышнѣ Вечерѣевой...

Келейница взяла записку Ветлугина, опять низко поклонилась уменьѣ и удалилась. Прошло нѣсколько мгновеній. Дроздъ за номъ то смолкалъ, то опять неистово щелкалъ, сквозь проволочные утья клѣтки, косясь на синѣющую подъ горою даль. Измарагда евелила четками... Ветлугину мгновенія казались часами. «Покажутъ ли Аглаѣ мое письмо? думалъ онъ: и допустятъ ли ее ко мнѣ?»

Лушенька возвратилась. Отвѣсивъ на этотъ разъ поклонъ и тлугину, она ему подала на подносѣ двѣ записки, а сама стала одаль, не глядя на него, но какъ бы думая: «жаль мнѣ тебя, одечный, вотъ какъ жаль».

Ветлугинъ сталъ читать принесенныя записки.

Въ одной былъ отвѣтъ Аглаи.

«Зачѣмъ вы не исполнили моей просьбы?» писала она: «зачѣмъ вы меня смущаете? Еще разъ и окончательно повторяю ъ, что я здѣсь не по принужденію, а по своей доброй волѣ. посвящаю себя молитвѣ и прошу меня забыть навсегда.— лая В.»

Другая записка была отъ Ульяны Андреевны.

«Признаюсь», писала Вечерѣева: «я никогда не ожидала, чтобы сынъ добраго, почтеннаго и всѣми нами уважаемаго, Льва Саввича, позволилъ себѣ такой недостойный поступокъ. Неотлучно находясь при моей дочери, какъ ея другъ и мать, я отношу ваше поведеніе къ промаху молодости и прошу васъ, милостивый государь, оставить въ покоѣ, какъ этотъ, ни въ чемъ передъ вами неповинный домъ молитвы и смиренія, такъ равно и всѣхъ насъ—тѣмъ болѣе, что въ эту минуту я сильно разстроена болѣзнью мужа и, возвратясь сюда, сама слегла въ постель, а потому и лишена всякой возможности лично вамъ доказать всю непозволительность и легкомысліе вашей выходки.—Готовая ко услугамъ, уважающая васъ—Іуліянія Вечерѣева».

Сердце Ветлугина облилось кровью.

«Бѣдная, бѣдная Аглая!» разсуждалъ онъ, сжимая въ рукѣ оба письма и сознавая, что черезъ мгновеніе, едва онъ отсюда уйдетъ, между нимъ и Аглаей навсегда ляжетъ бездна.

Онъ обернулся, съ цѣлью сказать на прощанье игуменьѣ все, что накипѣло въ его душѣ. Но ни игуменьи, ни келейницы Лушеньки въ комнатѣ уже не было. За дверью раздавался шопотъ. Слышны были сдержанные шаги.

На порогѣ, съ ключами въ рукахъ, улыбаясь и кланяясь появилась сѣдая, съ лицомъ ребенка и совсѣмъ глухая инокиня-старушка. Что ей ни говорилъ Ветлугинъ, она только трясла маленькою головкой, моргала бровями и, топчась на мѣстѣ, да разводя руками, ласково повторяла: «Ничего, соколикъ ты мой какъ есть, не слышу. Десять годовъ ужъ не слышу; оглохла еще въ тѣ-воси поры, какъ лѣса наши монастырскіе было загорѣлись...»

Ветлугинъ въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ.

— Не хочешь ли, сударикъ, въ трапезу, съ дороги закусить? спрашивала сердобольная ключница: у насъ свѣжа севрюжинка, грибочки, балычки; а не то лапшицы не хочешь ли молочной, медку?

— Выпустите вы меня, матушка, отсюда прочь; вотъ что мнѣ нужно! — прокричалъ на ухо глухой старухѣ Ветлугинъ.

Ключница сначала озадачилась, но потомъ сильно обрадовалась, что поняла, наконецъ, нетерпѣливые знаки гостя. Она провела его за ворота, указала ему каменную лѣстницу, просѣченную внизъ по горѣ, и, низко кланяясь, точно по заученному, проговорила: «Господа купцы, вы наши отцы; мы вами сыты, не забывайте насъ и на дальніе дни».

XXIV.

С о н ъ.

Становилось темно. У монастырскаго постоялаго двора, по милости вчерашняго праздника, было не мало народа.

«Милунчикова успѣю навѣстить и завтра», подумалъ Ветлугинъ: надо спѣшить повидаться съ Вечерѣевымъ. Что-то съ нимъ бѣдным?»

Онъ отыскалъ попутчика, договорилъ его и, благодаря сытой крестьянской лошаденкѣ, пріѣхалъ къ Ченшину часа черезъ два. Но Кирилы Григорьича здѣсь уже не было. Ему къ вечеру стало хуже, и докторъ, жившій у его друга, посовѣтывалъ немедленно везти его въ городъ, куда онъ, съ Ченшинымъ, этимъ докторомъ и съ Филатомъ, и уѣхалъ.

«Ну, я его хоть тамъ еще увижу», подумалъ Ветлугинъ. Онъ переночевалъ въ домѣ Ченшина,—при помощи Вечерѣевскаго приказчика, добылъ добрую тройку и уѣхалъ въ городъ. «Старикъ болѣнъ»—разсуждалъ Ветлугинъ: «ему теперь не до меня. Спасти Аглаю можетъ еще одинъ человѣкъ... Милунчиковъ. Онъ ей видя, и она его любитъ, вѣритъ ему. Навѣщу старика и сейчасъ обратно сюда, къ Милунчикову».

По пути, въ какомъ-то селѣ, гдѣ была волость и гдѣ нужно было кормить нанятыхъ лошадей, онъ познакомился съ становымъ. Разговорились о томъ, о другомъ, Ветлугинъ передалъ ему и о случаѣ въ Вечерѣевской семьѣ.

Старичокъ становой былъ изъ отставныхъ моряковъ, балагуръ нѣкогда щеголь, любившій и до-нынѣ при случаѣ кутнуть и приволочиться. Онъ выслушалъ Ветлугина, со вниманіемъ, и даже слезы выступили на его глазахъ.

— Эхъ, сказалъ онъ: эхъ! я знаю Вечерѣева, знаю и его жену. За нею я даже когда-то и ухаживалъ. Барынька была деликатная и обходительная. Дочурки, впрочемъ, ихней не знаю не видѣлъ. Но только тутъ ужъ не подѣлаешь ничего...

— Почему же?

Становой крякнулъ въ усъ.

— А вотъ почему-съ, сказалъ онъ, разставляя пальцы: эта вотъ-съ, сказать, Измарагда, самая язвительная. Случится что въ монастырѣ, и на порогъ не пуститъ. Иди, говоритъ, не иначе, какъ по закону и съ понятыми. А ужъ о поклонѣ какомъ и не думай... Самая прекратительная и недоступная гордячка. Уваже-

нія къ намъ нынче мало; все слѣдователи забрали въ свои руки. А работы не уменьшилось: вездѣ поспѣвай, по первоначальнымъ дознаніямъ. Тамъ убійство, тамъ конокрадство и пожаръ, здѣсь дуэль...

— Какъ? даже и дуэль? спросилъ Ветлугинъ.

— Что же вы удивляетесь? не далѣе, какъ вчера, была дуэль возлѣ тѣхъ мѣстъ, откуда вы теперь ѣдете.

— Между кѣмъ?

— Исторія скверная. Дрались... предсѣдатель уѣздной управы Милунчиковъ и одинъ здѣшній помѣщикъ...

— Клочковъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Нѣтъ, не Клочковъ, а гусарскій ремонтёръ Талищевъ, сынъ здѣшняго предводителя, коли знаете. Дѣло вышло изъ-за сплетни о братѣ Милунчикова, обучавшемъ дѣтей сестры Клочкова.

«Вывернулся и тутъ», подумалъ Ветлугинъ: «даже на дуэль за себя выставилъ другого...»

— Есть раненые? спросилъ онъ.

— Раненъ вызвавшій на дуэль, отвѣтилъ становой: и, какъ говорятъ, весьма тяжело...

— Кто? Талищевъ?

— Нѣтъ, Милунчиковъ.

— Гдѣ они дрались?

— Въ имѣніи Милунчикова.

Ветлугинъ вспомнилъ выстрѣлъ, слышанный имъ наканунѣ, при проѣздѣ мимо усадьбы Милунчикова. «И эта надежда спасти Аглаю ускользаетъ!» пронеслось въ его мысляхъ.

— Не туда ли вы изволите ѣхать? спросилъ онъ станового.

— Туда. А что?

— И я бы съ вами... Я знакомъ съ Милунчиковымъ.

— Извините меня. Кажется, это будетъ напрасно...

— Почему же?

— Да никого тамъ не застанете, отвѣтилъ становой: раненаго увезли въ городъ; а ранившій, съ повинной головой, уѣхалъ въ расположеніе своего полка, въ другой уѣздъ. Остаются секунданты.

— Кто они?

— Смѣшно сказать: со стороны Талищева какой-то нѣмецъ учитель, а со стороны Милунчикова гимназистъ старшаго класса Коребякинъ.

Ветлугинъ простился съ становымъ и уѣхалъ.

«Бѣдный Коребякинъ», разсуждалъ онъ: «пропалъ его окончательный экзаменъ и вся его карьера. А Клочковъ? Даже въ се

кунданты не пошелъ, а уступилъ эту честь нѣмцу-учителю... Жаль Милунчикова! Нарвался-таки на кровавую развязку... И гдѣ же? У себя дома. Какъ-то обойдется ему эта дуэль?»

— «Но Аглая, Аглая!» схватывая себя за голову и чуть не задыхаясь отъ слезъ, повторялъ себѣ, подъ звонъ колокольчика, Ветлугинъ.

Онъ терялся въ догадкахъ и не могъ себѣ простить отъѣзда къ Клочкову, не могъ понять, какъ случилась такая быстрая перемѣна съ Аглаей.

Дѣло, между тѣмъ, произошло такимъ образомъ.

Проводивъ Ветлугина, Аглая осыпала поцѣлуями Фросиньку , сказавъ ей: «Иди теперь, иди, милочка, я останусь одна; дай мнѣ надуматься!»—до поздняго вечера бродила по саду, радостно еребирая въ умѣ все странное и все неожиданное и дорогое, что роизошло съ нею за эти быстро-мелькнувшіе дни.

Ульяна Андреевна издали видѣла, какъ та ходила по дорожамъ, садилась на скамьи, опять вставала и принималась ходить. таруха недоумѣвала, что значило это состояніе Аглаи. Настали умерки. Въ домѣ все стихло. Узнавъ, что дочь прошла къ себѣ ь комнату, она также поднялась къ ней на верхъ, подождала, ока Аглая раздѣлась, прилегла на диванѣ, противъ ея кровати, проговорила съ нею далеко за полночь. О многомъ онѣ бесѣдовали: о прошломъ, о своихъ поѣздкахъ, о нѣкоторыхъ знакомыхъ. О монастырѣ старуха не упоминала.

«Сказать ли матери? обрадовать ли ее моимъ счастьемъ?» ывалось у Аглаи съ языка. «Вотъ бы удивилась... не повѣрила бы!» думала она, улыбающимися, счастливыми глазами вглядываясь въ суровое и тощее, омраченное раздумьемъ, лицо лежавшей передъ нею матери.

— Я тебѣ почитаю Лѣствицу, сказала Ульяна Андреевна: очешь?

— Читайте, родная, читайте,—сквозь золотыя грезы, сладко ернувшись на постели, отвѣтила Аглая.

Слушала она, однако, недолго. Сонъ началъ ее одолѣвать и на не замѣтила, какъ, подъ тихое чтеніе старухи, заснула...

Потушивъ свѣчу и прислушиваясь къ спавшей дочери, задремала и Ульяна Андреевна.

Былъ третій часъ ночи.

Аглая проснулась. Ей померещился какой-то шумъ. Она кочила, сѣла на кровати и стала вслушиваться. Въ комнатѣ

было тихо. Ульна Андреевна также спала, склонясь на ручку дивана.

«Душно что-то» подумала Аглая.— Она встала, отворила окно, перевѣсилась съ подоконника въ садъ и, жадно потянувъ въ себя свѣжаго воздуха, прошептала: «гдѣ же ты? хоть бы приснился...»

И Ветлугинъ Аглаѣ приснился.

... Гдѣ она?.. Въ скитѣ у бабушки. Онъ обѣщалъ къ ней придти. Но какъ и когда? Она дрожитъ отъ страха. Что, какъ его увидятъ? Огни по кельямъ гаснутъ. Надвигается ночь. Въ окна свѣтятъ звѣзды. Вездѣ тишина. Но неужели онъ, безумный, войдетъ въ ея горенку ночью? Она прислушивается. Нѣтъ, она этого не вынесетъ. Лучше бы онъ не приходилъ. А въ концѣ длиннаго, темнаго корридора, тамъ, гдѣ уже не видно и ночныхъ огней, раздаются чьи-то знакомые, легкіе шаги. Она вскакиваетъ, запираетъ на ключъ дверь и гаситъ лампаду. Неужели онъ войдетъ и теперь?

...Шаги ближе и ближе. Кто-то сталъ у самой двери, тронулъ ручку замка. «Нѣтъ, онъ не войдетъ», думаетъ Аглая: «дверь замкнута на ключъ». А онъ — и вотъ онъ... И что же это? Дверь безъ малѣйшаго звука распахнулась. Кто-то незримый шагнулъ черезъ порогъ и остановился. Это не Ветлугинъ. Его не видно, но Аглая чувствуетъ, что онъ — власть имѣющій. Благоуханіе смyрны и ладона распространяется отъ его одеждъ. Онъ простеръ руки, ищетъ ее во мракѣ. Гдѣ отъ него спрятаться? Куда уйти? Аглая въ страхѣ бросается съ постели, хватается за подоконникъ. Поздно... Она слышитъ шелестъ его одеждъ. Что-то, будто крылья, движется за нимъ по воздуху... Горячее дыханіе касается лица Аглаи. Голова ея кружится... Борьба съ нимъ безсильна... Страстные поцѣлуи осыпаютъ ея руки, плечи.

Сонъ улетѣлъ.

Сидитъ Аглая и сладко ей, и слезы ее душатъ. Да гдѣ же онъ? куда скрылся? И кто это былъ? Ветлугинъ ли? И неужели онъ ей нынче больше не приснится?

Аглая увидала новый сонъ.

Грезится ей, что она стоитъ на краю отвѣснаго утеса. У ногъ ея бушуетъ море. Она ждетъ Ветлугина. Небо ясно, но волны пѣнятся, шумятъ и съ ревомъ бросаются на берегъ. Гдѣ онъ, гдѣ? и скоро ли возвратится? думаетъ Аглая. И видитъ она — къ берегу по волнѣ несется трупъ. Лицо его блѣдно. Глаза закрыты... Она вглядывается, — это Ветлугинъ. «Милый, милый!» силится она крикнуть. Но голосъ ея замираетъ, оборвался. Она хочетъ сбѣжать къ волнамъ и двинуться съ мѣста не можетъ.

Ноги ее не слушаются. «Ты погибъ и я жить не хочу! вскрикиваетъ наконецъ она: прощайте люди, прощай міръ!» Аглая бросается со скалы... Но у ней за спиной выростаютъ крылья, она взлетаетъ въ воздухъ и бѣлой чайкой уносится по зыбкимъ волнамъ...

— Мамочка, родная! проснитесь, да проснитесь же! очнувшись въ ужасѣ, звала свою мать Аглая.

— Что? что тебѣ? Господь съ тобой! испуганно успокоивала ее Ульяна Андреевна.

— Сонъ... ахъ, какой мнѣ привидѣлся сонъ! блуждающими глазами вглядываясь въ темноту, повторяла Аглая.

— Страшный или пріятный?

— Сперва пріятный, потомъ такой... такой, что я ужъ и не знаю...

— Что же за сонъ?

И въ забытьи, почти еще въ бреду, пересѣвъ на диванъ къ матери, Аглая, не долго думая, передала ей все, что видѣла въ ту ночь во снѣ.

Ужасъ обнялъ Ульяну Андреевну, когда она, среди отрывочныхъ и несвязныхъ словъ Аглаи, дважды услышала имя Ветлугина.

«Такъ вотъ что!...» огненной струей пробѣжало въ сѣдой головѣ старухи: «такъ вотъ куда теперь ея мысли! А я-то присматривалась, гадала...»

Ульяна Андреевна встала, зажгла свѣчи, дала дочери напиться святой воды и опять сѣла возлѣ нея.

— Добрые сны, Аличка, отъ Бога, злые отъ дьявола, сказала она: вспомнимъ же о Богѣ. Станемъ ему молиться, чтобъ онъ тебя простилъ и во всемъ бы помиловалъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! шептала Аглая, обнаженными, жаркими руками страстно сжимая шею матери: не то... совсѣмъ вы не о томъ... Вы его не знаете... Позвольте мнѣ, разрѣшите... Я люблю его... благословите меня на счастье съ нимъ...

«Медлить нечего», раскидывала умомъ Ульяна Андреевна, тихо освобождаясь отъ объятій и поцѣлуевъ Аглаи: «пропущу то мгновеніе, тогда ужъ ничего не воротишь...»

Она скрыла бурю, вставшую въ ея душѣ, покорила себя и до конца ласково и тихо выслушала тайну дочерниной любви, выѣдала весь ходъ ея встрѣчъ, сближенія и объясненій съ Ветлугинымъ.

Аглая кончила свою исповѣдь.

— Что же, родная, вы согласны?.. благословляете насъ? спросила она.

Старуха прошлась по комнатѣ, накинула на плечи Аглаи платокъ, упала на колѣни передъ образомъ, и ломая руки, проговорила:

«Велика и неисповѣдима твоя милость, Господи. Ты ослѣпилъ меня; ты же и открылъ мнѣ глаза...»

— Ну, Аглая, теперь слушай! обратилась, подходя къ дочери, старуха: я все теперь тебѣ должна открыть... Сонъ твой развязалъ мнѣ руки... Грѣхъ, великій грѣхъ жаловаться дочери на отца... Ну, да ужъ такъ тому вѣрно и быть. Слушай...

Ульяна Андреевна помолчала, собралась съ духомъ и разсказала Аглаѣ объ отношеніяхъ Кирилы Григорьича къ женѣ кузнеца Антропа. Она не скрыла своего негодованія и ревности и своихъ мученій безъ конца.

Аглая слушала ее, устремляя нѣмой, молящій взглядъ на иконы и по временамъ вздрагивая. Смертный ужасъ хлынулъ въ лицо Аглаи, когда мать кончила разсказъ. Ульяна Андреевна прижала ее къ своей груди. Горькія, жгучія слезы катились изъ глазъ старухи.

— Ты молода еще, Аличка, сказала она: но теперь-то тебѣ и подумать о спасеніи. Далѣе будетъ поздно. Всѣмъ, всѣмъ намъ грозитъ такая же судьба.

— Да не всѣ же люди на одинъ ладъ,—ломая похолодѣвшія руки, восклицала Аглая: за что всѣхъ осуждать? Я жить, мамочка, хочу, жить...

— Жить? грозно отшатнулась старуха: а что значитъ сонъ? отвѣчай... Въ какую бездну ты готовишься упасть?

— Вы знаете, возразила Аглая: отецъ никогда не позволитъ мнѣ пойти въ монастырь...

— Отецъ? А знаешь ли, чему ты можешь подвергнуться, если... послушаешь его?.. Ты станешь женой, будешь матерью... А знаешь ли ты, чѣмъ стала, по милости твоего отца, твоя мать?..

Ульяна Андреевна встала, выпрямилась. Глаза ея зажглись недобрымъ огнемъ. Она поблѣднѣла. Губы ея дрожали.

— Мамочка! молчите! ради Бога молчите! кинулась къ ней, зажимая ей ротъ, Аглая: не гнѣвите Бога!

— Поздно! сказала глухо Вечерѣева: поздно! я стала... я...

Ульяна Андреевна произнесла нѣсколько несвязныхъ, чуть слышныхъ словъ.

— Изба? изба?—въ ужасѣ спросила Аглая: мамочка, неужели это правда?

— Хуже! отвѣтила старуха: хуже, хоть въ этомъ... въ избѣ... я и не виновата...

— Что же? что?—хватая за руки мать, вскрикнула Аглая.

— Я, проговорила старуха: я великая грѣшница! и въ искупленіе своей вины, я обѣщала тебя Богу... Я... видѣла,—при мнѣ тонуло дитя той женщины,—я стояла въ кустахъ, на берегу... никого кругомъ не было... и я не помогла ему, когда оно утопало... заключила шепотомъ свое признаніе старуха.

Аглая зашаталась и замертво упала къ ногамъ матери.

«Мученица Ѳиваида, цѣломудрія ради убіенная, помоги ей!» твердила Ульяна Андреевна, приводя дочь въ чувство и не спуская глазъ со старыхъ иконъ, по которымъ уже скользили лучи загоравшейся зари.

Черезъ часъ мать и дочь отослали впередъ гостившую въ Дубкахъ обительскую казначею, наскоро уложились, велѣли запрягать и, не задолго до полудня, уѣхали въ Краснокутскій монастырь.

XXV.

Возвратъ.

Былъ теплый, тихій вечеръ, когда Ветлугинъ, снова подъѣхалъ къ воротамъ отца. Солнце еще не заходило.

Льва Саввича дома онъ не засталъ, какъ и при первомъ свиданіи. Няня Власьевна встрѣтила его, пригорюнившись и со вздохами. Она уже очевидно знала о его неудавшемся сватовствѣ.

— Ты, няня, еще здѣсь? спросилъ Ветлугинъ: а я думалъ, что ты ужъ оставила отца и торгуешь въ лавочкѣ на базарѣ...

— Какъ же! у тебя все торговать... Брошу я его, на старости лѣтъ, особливо теперь. У него, сердечнаго, душа по тебѣ не на мѣстѣ, и самъ-то ужъ онъ не радъ, что и посылалъ тебя въ эвдакія дѣла...

— Гдѣ же отецъ?

— Тутъ, батюшка ты мой, такая оказія подошла, что жалости подобно. Утромъ-то привезли больного, пребольного этого Вечерѣева...

— Какъ? гдѣ онъ, гдѣ? говори, я сейчасъ къ нему поѣду.

— Не знаю, соколъ. Самъ-отъ старой придетъ, скажетъ.

— Но какъ же здоровье Вечерѣева? Говорилъ отецъ?

— Сперва Ченшинъ баринъ пріѣхалъ, сказалъ, что у него ударъ, а послѣ звали дохтуровъ, говорятъ—рехнулся, что ли.

— Куда же, скажи, отецъ теперь уѣхалъ?

— А приходилъ за нимъ толстой-претолстый такой, землемѣръ онъ, что-ли-ча, шутъ его побери. Глянула я на него — тунба тунбой, и съ козлиной бородкой. Отъ тебя адресную записку приносилъ. И оба они, съ нашимъ-то, вдвоемъ поѣхали къ другому, опять-таки больному... какъ бишь его? Тоже, сказываютъ, твой знакомый... и его также быдто привезли сюда къ дохтурамъ... Застрѣлилъ его кто-то, что ли...

— Къ Милунчикову отправились?

— Ну, да, да... къ эвтому самому и есть...

— Гдѣ же это, няня? Я бы съѣздилъ пока хоть туда.

— Опять таки, милый, не знаю, не говорили. Не наше бабье дѣло, да очень ужъ и торопились.

— Ахъ, какъ жаль! Но кого звали изъ докторовъ?

Власьевна назвала.

— Ну, няня, такъ поѣзжай же хоть къ кому-нибудь изъ этихъ докторовъ. Узнаешь тамъ адресы Вечерѣева и Милунчикова и розыщи у нихъ отца. Да, кстати, я напишу записку... Будешь у Вечерѣева, узнай, коли онъ при памяти, то попроси прочитать.

— Пиши записку, вздохнула Власьевна: поѣду... Эка горето на людей... Тотъ умомъ горемычный тронулся, а этого, какъ галку, ахвицеры подстрѣлили... Не водись съ ними! Я мимо ружжа иду, такъ отъ страху-то индо въ пятки колетъ. А они стрѣляться! Давай записку, отвезу.

Ветлугинъ къ Вечерѣеву написалъ слѣдующее: «Если ваша болѣзнь не такъ тяжела, если вы въ силахъ меня принять, не откажите мнѣ въ этомъ. Дайте мнѣ, до отъѣзда отсюда, вылить душу передъ отцомъ Аглаи Кириловны. Дайте высказать вамъ благодарность за ваше гостепріимство и за ласки ко мнѣ и къ моему отцу».

Отославъ Власьевну, Антонъ Львовичъ взобрался на вышку. Сколько событій свершилось съ поры, какъ онъ сидѣлъ здѣсь на крыльцѣ! Онъ сталъ глядѣть на городъ, на его зарѣчье и на окрестныя поля.

Заря догорала. Голубые сумерки легкимъ туманомъ застилали главы городскаго собора, рядъ освѣщенныхъ лучами заката домовъ, церкви предмѣстьевъ, ближніе огороды и сады и вершины лѣса, сплошнымъ кряжемъ уходившаго за синѣющія из-

дали равнины и холмы, туда, гдѣ еще такъ недавно былъ Ветлугинъ.

Все, что пережилъ онъ давно и что случилось въ эти, быстро-мелькнувшіе дни, воскресло и встало теперь передъ его глазами.

Онъ вспомнилъ такой же вечеръ. То было давно, а именно двѣнадцать лѣтъ назадъ. Въ горькомъ раздумьи, убитый тоской, стоялъ онъ съ отцомъ на городскомъ кладбищѣ. На утро онъ оставлялъ родину и пришелъ проститься съ могилой матери.

Помнилъ Ветлугинъ, какъ и гдѣ онъ въ ту пору стоялъ. Помнилъ онъ гимназическую, поношенную курточку, тетрадь дневника и какихъ-то стихотвореній въ карманѣ панталонъ; подступившія къ горлу слезы, мысль о чужбинѣ, тѣни заката и сильно подбитые сапоги... Одной ногой онъ стоялъ на дорожкѣ, а другою, какъ живо онъ помнилъ теперь, потрогивалъ траву на могилѣ матери. Ласточки рѣяли. Чирикали воробьи. Отецъ стоялъ возлѣ.—«Антоша», сказалъ онъ тогда: «не забудь этой минуты... Ты выростешь, станешь человѣкомъ... Меня, вѣроятно, уже не будетъ на свѣтѣ. Приходи сюда почаще... Ея, матери твоей, нѣтъ въ живыхъ... Она не дождалась тебя видѣть большимъ. Но она такъ тебя любила». — Отецъ закрылъ руками лицо и отошелъ... Онъ плакалъ. А Антонъ Львовичъ продолжалъ смотрѣть на могилу и думалъ: вотъ, именно здѣсь, подъ этой травой, лежитъ она; и не увидитъ онъ болѣе никогда ея кроткихъ, ласковыхъ глазъ, не услышитъ ея нѣжнаго голоса. И не хотѣлось ему тогда вѣрить, что его мать умерла, хотя онъ ясно помнилъ ея тихую кончину и весь печальный, надрывавшій душу, похоронный обрядъ. Онъ прислушивался, въ то время, не вздохнетъ ли она подъ землей и не скажетъ ли: «Антонушка, возьми меня отсюда; мнѣ жить хочется, любоваться тобой»...

Мысли роились. Ветлугинъ глядѣлъ съ балкона. Ему грезилась иная темная могила и въ ней иное дорогое существо...

«А бѣднякъ Милунчиковъ?» спрашивалъ онъ себя: «будетъ ли онъ спасенъ, или ужъ мучится въ послѣдней, предсмертной борьбѣ»?

Снизу на вышку кто-то взошелъ, сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Кто тутъ? спросилъ Антонъ Львовичъ, вглядываясь въ темноту.

Стоявшій за дверью ступилъ на крыльцо.

Отецъ и сынъ бросились въ объятія другъ къ другу.

— Что, Антонушка, оборвалось? сказалъ Левъ Саввичъ: что дѣлать! неудача мнѣ и тебѣ...

Они сѣли. Антонъ Львовичъ началъ разсказывать. Левъ Саввичъ его остановилъ.

— Все знаю, мой другъ, все, сказалъ онъ: сперва этотъ помѣщикъ Ченшинъ, что привезъ Вечерѣева, кое-что мнѣ сообщилъ, да Вечерѣевскій камердинеръ; потомъ землемѣръ Фокинъ.

— А самъ Вечерѣевъ? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Никого не узнаётъ. Бредитъ, какъ въ горячкѣ, и кажется, отъ нервнаго удара, дѣйствительно, даже тронулся умомъ... Вотъ катастрофа, вотъ жалость... Ну, а еще скажи ты мнѣ: Аглая-то, Аглая!.. Ахъ, бѣдная, бѣдная! Неужели?.. Еще до твоего письма я слышалъ о ней. Ее такъ хвалили. А встрѣча твоя! нужно же было тебѣ ѣхать. И все я виноватъ, я...

— Полноте, папенька, вы-то здѣсь при чемъ?

— Ну, не говори, не говори. И это правда, скажи? Въ самомъ дѣлѣ она осталась въ монастырѣ? Въ городѣ только и разговора. Вотъ времена... Каковы явленія въ обществѣ, каковъ поворотъ!.. Милый ты мой, извини; но, если тебѣ не очень въ тягость, облегчи душу, разскажи, сдѣлай милость, какъ все это случилось?..

Антонъ Львовичъ, съ остановками и отступленіями, въ подробности передалъ отцу весь ходъ своего знакомства съ Аглаей, свое сближеніе съ ней, окончательное объясненіе и свой отъѣздъ.

— Но какъ же, какъ она рѣшилась измѣнить тебѣ, нарушить слово и остаться въ монастырѣ?

— Поздно, видно, встрѣтились мы, отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: ранѣе было надо. Не судьба.

— А какъ находишь мать? спросилъ, перегодя, старикъ: она всегда мнѣ казалась какою-то странною. Что-то тайное, необъяснимое проглядывало въ ней.

— Много тайнаго, сказалъ и замолчалъ Антонъ Львовичъ.

— Ну, а игуменья? игуменья? спросилъ отецъ: ты, говоришь, пытался видѣться съ Аглаей, былъ въ монастырѣ. Что за человѣкъ эта благовѣрная Измарагда?

— Особа, изъ рукъ которой Аглаѣ, ужъ разумѣется, не вырваться никогда.

— Бой-баба, Антонушка? бой? Говорятъ, едва грамотѣ знаетъ, — а какія обдѣлываетъ дѣла...

— Сила,—отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: и если тамъ достаточно такихъ силъ, борьба съ ними не такъ легка.

— Еще бы, вздохнулъ отецъ: однихъ богатствъ сколько у нихъ... Земли, воды, лѣса, постоялые дворы, а у иныхъ даже

лавки, гостинницы... Могилами на кладбищахъ торгуютъ. Какъ не быть силѣ... Дай-ка ихъ милліоны на науку, въ помощь народу, не сидѣлъ бы онъ въ кабакахъ.

— Что̀ Милунчиковъ? спросилъ, погодя, Антонъ Львовичъ: вотъ еще кого мнѣ жаль. Что съ нимъ, и есть ли надежда на его' выздоровленіе?

— Охъ, и не спрашивай. Я прямо отъ него... Раненъ онъ въ правую грудь и, вообрази, говорятъ, смертельно... По крайней мѣрѣ, таково мнѣніе здѣшнихъ, медицинскихъ тузовъ. Вотъ тебѣ и дуэли, и судъ чести. Вызвалъ негодяя, думалъ его проучить; а выходитъ, что гибнешь самъ...

— Не поѣхать ли намъ къ нему? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Что же, я охотно. Онъ съ Фокинымъ въ Московской гостинницѣ, а Вечерѣева помѣстили въ Петербургской.

На дворѣ, между тѣмъ, окончательно стемнѣло. По ближнимъ улицамъ и по зарѣчью засвѣтились ряды огней. Левъ Савичъ, поглядывая на сына, молчалъ. Молчалъ и Антонъ Львовичъ.

Многое проносилось въ головѣ старика: горе сына, собственныя, несбывшіяся надежды. Онъ повторялъ про себя: «Кто могъ думать, кто могъ ожидать? Клочковъ—этотъ дѣлецъ, эта бойкая, неугомонная природа, — оказался такимъ недостойнымъ, такимъ темнымъ человѣкомъ. Фокинъ все мнѣ разсказалъ теперь о немъ. Правъ былъ сынъ, что не довѣрялъ ему, опасался его. Надо распросить Антонушку... да ужъ распрашивать ли? Треклятыя волчища!... Нѣтъ съ ними общаго, нѣтъ примиренія! Не жить овцѣ съ волкомъ, не плавать плотвѣ со щукою...»

Антонъ Львовичъ всталъ. Облокотясь о перилы крыльца, онъ взглянулъ внизъ. Темное пространство усѣяннаго огоньками города затихало у его ногъ. Такъ затихло прошлое Антона Львовича; такъ мелькнетъ и затихнетъ неясное, подступающее будущее. Чье-то стихотвореніе о тихомъ, свѣтломъ ангелѣ, съ бѣлыми крыльями и золотыми кудрями, слетающемъ въ душу страдальцевъ, вспомнилось Ветлугину. Ангелъ улетѣлъ. Душа осиротѣла.

И было теперь опять два Антона Львовича: одинъ стоялъ здѣсь, на крыльцѣ отцовской вышки. Другой витalъ далеко, тамъ, гдѣ — на вершинѣ зеленой горы — ограда и церковь, а возлѣ церкви, въ глухой кельѣ, Аглая...

Увидитъ ли онъ ее когда-нибудь? Или все улетѣло, все пролетѣло и умерло на всегда?

За спиной Антона Львовича снова послышались шаги. Кто-

то опять и еще тише взошелъ на верхъ по лѣстницѣ, приблизился къ порогу крыльца и остановился.

— Это ты, няня? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Я...

— Была у Милунчикова?

— Не нашла. Чуть собаки хвоста на площади не оторвали.

— А у Вечерѣева?

— Этого розыскала.

— Принесла отвѣтъ?

— Принесла... на словахъ....

— Самого Вечерѣева видѣла? что онъ, скажи: лучше ли ему?

— Какъ не самого! Жди... Племянничекъ подъѣхалъ...

— Какой племянничекъ?

— А нашъ-то оболдуй, Петръ Иванычъ Клочковъ, чтобъ ему, лѣшему, счастья не было ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Я ему, треанаѳимской, иродовой душѣ, и подарки его отнесу назадъ... Знала бы и не ходила бы къ нему; да наткнулась на него въ гостинницѣ, возлѣ Вечерѣевскаго номера. Онъ говоритъ: мнѣ подай письмо; съ какой, говорю, стати? не къ вамъ... А онъ, аспидъ, вырвалъ, распечаталъ твою записку, прочиталъ, да и говоритъ при ихъ-то людяхъ: скажи, говоритъ, тетенька, молодому-то свому барину, да и старому тоже скажи, чтобъ мимо меня теперь больше къ Кирилѣ Григорьичу, къ Вечерѣеву, не обращались... Его жена, говоритъ, и дочка перебрались въ монастырь, такъ предводитель, говоритъ, по эштахветѣ вызвалъ меня и упросилъ взять дядюшку на мое попеченіе. Можетъ статься и опекуномъ его буду... Да я, говоритъ, при томъ кое-что узналъ — отъ игуменьи письмо получилъ. И въ колодезь совѣтую не плевать, какъ молодой-то твой, у меня въ Клочковкѣ, плюнулъ; придется напиться, да еще можетъ — какъ! Видѣли мы, говоритъ, такихъ... Скажи ему, прибавилъ дьяволъ, чтобъ готовилъ денежки по векселькy за отца... у того, говоритъ, скоро ничего не будетъ, продадутъ его домъ и дворъ, со всѣмъ его курятникомъ и голубятникомъ, а онъ, говоритъ, расписался мнѣ теперь за отца.

Послѣднія слова Власьевна проговорила черезъ силу, отвернулась, плюнула и, не выдержавъ, расплакалась.

— Какъ росписался за меня? спросилъ, вспыхнувъ, Левъ Саввичъ.

Сынъ объяснилъ.

— Ахъ онъ, негодяй, ахъ наглецъ! вскрикнулъ старикъ: да я на него... да онъ у меня... Какъ онъ смѣетъ! Слышите-ли? Срокъ векселю еще къ Покрову; да и дѣла у насъ тоже со-

вмѣстныя... Сколько общаго товару... Примусь-ка считать, такъ можетъ еще и на него пасчитаю. А онъ тебя впуталъ, уговорилъ....

— Полноте, папенька, оставьте его въ покоѣ. Ваши дѣла съ Клочковымъ я разобралъ и васъ въ обиду ему не дамъ. Хотя вы, извините, и банкротъ,—но еще не унывайте. Я не уѣду отсюда; до тѣхъ поръ, пока не избавлю васъ, какъ отъ товарищества Клочкова вообще, такъ и отъ его угрозъ въ особенности. Обращусь къ купечеству. Моихъ сибирскихъ хозяевъ, чай, здѣсь знаютъ. Нужно будетъ, и по телеграфу съ Сибирью спишемся. Словомъ, будьте спокойны. Мы съ няней снимемъ вывѣску съ крыльца; а вы, куда слѣдуетъ, немедленно заявите о прекращеніи вашего агентства. Живите, папенька, по прежнему, съ старыми вашими друзьями, съ книгами, съ садомъ. А устроятся, не нынче — завтра, мои дѣла, тогда мы, и безъ вашего агентства, откроемъ задуманную вами школу. Такъ ли? идетъ?

— Идетъ, тихо вздохнулъ старикъ.

— А я и кахетинскихъ куръ опять насмотрѣла, радостно воскликнула Власьевна: троицкая дьяконица дешево продаетъ. Наплодилось столько, что весь огородъ у нихъ выѣли. И самыя настоящія,—перо къ перу,—желтыя, есть и бѣлыя; а ноги тебѣ, какъ у гарнадера...

— Ну, и отлично, няня, заключилъ Антонъ Львовичъ: а теперь, папенька, пойдемте, проводите меня къ Милунчикову...

— Мы пѣшкомъ, Антонушка, пѣшкомъ. Тутъ недалеко, и проходиться не мѣшаетъ.

— Съ удовольствіемъ.

Сперва улицей, потомъ переулками отецъ съ сыномъ прошли на площадь, гдѣ была Московская гостинница и гдѣ, въ двухъ нежныхъ комнатахъ, было помѣщеніе Милунчикова и Фокина.

Передъ одной изъ комнатъ, въ узенькомъ, полуосвѣщенномъ коридорѣ, Ветлугиныхъ встрѣтилъ совершенно растерявшійся Фокинъ.

Безъ галстуха и въ растегнутомъ жилетѣ, онъ въ полголоса давалъ спѣшныя приказанія заспанному, гостинничному слугѣ, и сперва не замѣтилъ гостей. Лицо его было измучено тревогой и безсонницей, глаза красны, волосы всклочены. Въ рукѣ онъ держалъ записку. «На извощика скорѣе, за докторомъ», сказалъ онъ, понукая слугу.

XXVI.

У пристани.

— Какія событія! воскликнулъ, завидя Антона Львовича и его отца, Фокинъ: кто бы могъ ожидать? Я думалъ о своемъ дѣлѣ начать хлопоты, а пришлось... Такой отличный человѣкъ, въ цвѣтѣ дѣятельности, надежда общества, и вдругъ.

— Оно большею частью, съ подобными людьми, такъ-то вдругъ! замѣтилъ со вздохомъ Левъ Саввичъ: и изъ-за чего онъ себя погубилъ?... Дѣла общества плохи; но они еще не дошли до такого трагическаго діапазона, чтобъ прибѣгать къ этому утонченному виду самоубійства. Надо было бы терпѣть, ждать... Жаль его, жаль...

— Ну, что же теперь съ нимъ? спросилъ Антонъ Львовичъ: есть надежда?

— Вотъ, войдите, увидите сами,—сказалъ, глядя куда-то въ уголъ, Фокинъ: тоскуетъ онъ; все это время метался, стоналъ... Боль очевидно адская... Сильная жажда, изрѣдка бредъ... Все говоритъ: воздуху мало... А какое мало! пуля, по словамъ доктора, пробила ребро и, зацѣпивъ верхушку праваго лёгкаго, остановилась въ груди... Я ему настежъ раскрылъ всѣ окна... Говоритъ, напрасно увезли его изъ деревни,—тамъ бы свѣжѣе... Я отправилъ нарочнаго къ его брату—студенту; онъ тутъ, у одного учителя-пріятеля, въ тридцати верстахъ. А это опять послалъ за докторомъ... Что-то ужъ очень подозрительно сталъ онъ покоенъ и даже будто храбрѣе... Это либо къ поправленію, либо скоро капутъ. Васъ-же, Антонъ Львовичъ, онъ раза три сегодня вспоминалъ... О какой-то все вашей статьѣ толковалъ въ бреду...

— Ну, а дѣло ваше... съ обидчиками? Были у слѣдователя?

— Ну, ихъ — я радъ, что и такъ отъ нихъ отдѣлался. Дѣ того-ли теперь!

Фокинъ махнулъ рукой. Онъ на цыпочкахъ провелъ гостей сперва въ свой номеръ, потомъ отворилъ дверь въ комнату Мил лунчикова.

Первое впечатлѣніе, при взглядѣ на эту комнату и на са мого больного, подало посѣтителямъ нѣкоторую надежду. Ни зап паха лѣкарствъ, ни вида бинтовъ, корпій и вообще какихъ-либ грозныхъ хирургическихъ препаратовъ, не было здѣсь. Гости ница этою стороной выходила въ смежный купеческій садъ. Н

кна комнаты врывался свѣжій, напоенный ночнымъ запахомъ равъ и деревъ, воздухъ.

Милунчиковъ лежалъ на кровати, облокотясь лѣвымъ бокомъ подушки. Правый бокъ, прикрытый чистой простыней, странно здувался отъ наложеннаго на него пузыря со льдомъ. Маленькое лицо Милунчикова стало какъ-бы еще меньше и было мертвенно-блѣдно. Глаза горѣли сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ. Грудь дышала порывисто и тяжело. Носъ заострился и потемнѣлъ.

— У пристани, у пристани!—надтреснутымъ, звенящимъ голосомъ проговорилъ Милунчиковъ, усиливаясь улыбнуться на встрѣчу входившихъ гостей: жизнь ставитъ точку, пунктумъ... Вотъ всѣ мнѣ пророчили, что умру отъ чахотки. А меня,—добавилъ онъ, тревожно вглядываясь въ лица посѣтителей: подцѣпила глупая пуля гусарскаго ремонтера... и вся-то она, представьте, съ горошину величиной,—засѣла проклятая въ самыхъ ребрахъ... Кто бы могъ думать, Антонъ Львовичъ, а? А бѣдняжка-то племянница моя, Аглая?... Ѣдучи сюда, я о ней узналъ... Она умерла нравственно, я умираю физически...

— Полноте думать о смерти, перебилъ его, стараясь скрыть собственное смущеніе, Антонъ Львовичъ: я полагалъ, что вамъ уже; а вы молодцомъ. Крѣпитесь. Да и что падать духомъ? Еслибъ вы были ранены въ грудь на вылетъ, дѣло другое; а ваша рана положительно не опасна... Люди—съ пулей въ груди—живутъ по десяткамъ лѣтъ...

— Я и самъ такъ думаю,—ободрѣвъ и устремляя ласковый взглядъ на Фокина, сказалъ Милунчиковъ: вотъ, благодаря моему спасителю, пулю на дняхъ вынутъ. Теперь еще нельзя. Придется, разумѣется, потерпѣть. Ну, да что-жъ дѣлать... Хочу, господа, безъ хлороформа... Теперь за то, пока, жуйрую... Ахъ, какъ вспоминалъ сегодня, Антонъ Львовичъ. Представьте, нѣтъ ничего безъ добра...

— Не говорите, Николай Ильичъ, такъ много,—вамъ вредно! остановилъ его Фокинъ.

— Нѣтъ, позвольте, не перебивайте, надо досказать,—закашливаясь страннымъ, звенящимъ кашлемъ, возразилъ Милунчиковъ: хочу Антону Львовичу сообщить одну весьма пріятную новость, а при этомъ скажу и одни стихи...

— Поэзія! гдѣ она?... Аглая — вотъ поэзія, не правда-ли? шепнулъ, притягивая къ себѣ за руку Ветлугина, Милунчиковъ: знаете что? посватайтесь, вы ее можетъ спасете... Впрочемъ, извините—говорю, кажется, въ бреду,—жаль ее, вотъ какъ жаль...

Милунчиковъ, морщась, но удерживаясь отъ стоновъ, при-

поднялся на подушкѣ, закрылъ на мгновеніе отъ боли глаза, помолчалъ и, улыбаясь, проговорилъ вслухъ:

— Да, Антонъ Львовичъ, поздравьте... Губернская управа приняла, наконецъ, на дняхъ мои проекты, какъ объ открытіи новыхъ школъ въ здѣшнемъ уѣздѣ, такъ и объ изданіи самостоятельнаго, мѣстнаго органа нашего земства... Теперь-то мы станемъ работать, не нуждаясь въ столичныхъ изданіяхъ... Теперь-то закипятъ у насъ вопросы... Не въ Петербургѣ умъ, въ провинціяхъ...

Милунчикъ опять помолчалъ.

— Я, какъ узналъ объ этомъ сегодня отъ доктора, продолжалъ онъ: то все думаю, думаю,—земство такъ и стоитъ у меня передъ глазами: споры, борьба съ враждебными элементами, съ собственною лѣнью и равнодушіемъ. Вѣдь земство, господа, единственная надежда общества...

— Полноте, полноте, не говорите такъ долго! остановилъ его Ветлугинъ-отецъ.

— Нѣтъ, погодите, перебилъ, замахавъ рукой, Милунчиковъ: едва оправлюсь, возьму отпускъ и напишу въ деревнѣ, для первой-же книжки нашего изданія, статью, по мысли родственную съ вашей... о будущемъ... Да!.. нельзя не радоваться... Какъ это выразился поэтъ? помните?..

Милунчиковъ снова закрылъ глаза. Онъ еще болѣе поблѣднѣлъ, помолчалъ и, задыхаясь, тихо проговорилъ:

— Безсмертный Пушкинъ... Вотъ нашъ вожакъ. Вотъ гражданинъ... Рядомъ съ отчаяніемъ, у него всегда надежда. Помните его стихи изъ не вполнѣ изданной, девятой главы Евгенія Онѣгина? Какъ бишь это?.. Да, вспомнилъ:

«На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ...»

— Онъ надѣялся, вѣрилъ, что и девятый, грозный валъ не всегда топитъ утлые, житейскіе корабли...

Съ послѣдними словами, Милунчиковъ окончательно не выдержалъ, обезсилѣлъ, покачнулся и упалъ спиной на подушки. Глаза его полузакрылись. Щеки подёрнулись синевой. Изъ груди продолжалъ вылетать рѣзкій, какъ-бы обо что-то цѣплявшійся и обрывавшійся свистъ.

Черезъ день Милунчикову стало хуже. Черезъ два онъ уже былъ въ непрерывномъ бреду. Ветлугины навѣщали его по нѣсколько разъ въ день. Зайдя къ нему какъ-то вечеромъ, они его застали въ лучшемъ состояніи. Фокинъ отъ усталости и тревоги

не походилъ на себя. Больному нужно было перемѣнить повязку. Его приподняли,—онъ хотѣлъ что-то сказать, склонился и блѣдный, съ померкшимъ глазами, упалъ на руки Ветлугиныхъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги.

— Что? тихо спросилъ вошедшій докторъ.

— Обморокъ, отвѣтилъ Фокинъ.

Докторъ нагнулся къ кровати. У него были рѣдкіе, ровные и необыкновенной бѣлизны зубы, круглая лысинка и щегольскіе, свѣтлорусые бакены. За нимъ вошелъ фельдшеръ. Удалясь въ сосѣднюю комнату, Антонъ Львовичъ слышалъ, какъ Милунчикова приводили въ чувство, какъ онъ опять заговорилъ и какъ докторъ, прописавъ ему лекарство и сдавая его на ночь фельдшеру, на вопросъ больного: «скоро-ли операція? и буду ли я живъ?» отвѣтилъ: «операцію можно завтра: послѣ нея, вамъ окончательно будетъ лучше...»

— Ну что, докторъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ еще выздоровѣть? спросилъ Антонъ Львовичъ медика, выходя съ нимъ и съ Фокинымъ въ корридоръ. Ветлугинъ не хотѣлъ помириться съ мыслью, что онъ въ Милунчиковѣ потеряетъ послѣднюю надежду на спасеніе Аглаи.

— Если у него есть отецъ, мать, сёстры или братья,—сказалъ съ разстановкой докторъ, тонкими, въ перстняхъ, пальцами расчесывая шелковистые бакенбарды: то я бы на эту ночь посовѣтовалъ посадить у его изголовья кого-нибудь изъ сердечно-любимыхъ имъ его близкихъ... Остальнымъ же, господа, совѣтую лучше отсюда уйти...

— Почему? несмѣло спросилъ подошедшій Левъ Саввичъ: мы бы возлѣ него посидѣли, помогли бы ему.

— Помощи ему не нужно... Не мѣшайте ему... Пусть остается одинъ, съ своими надеждами на жизнь... Намъ болѣе нѣтъ тутъ дѣла. Мы... въ концѣ нашей латыни. Она здѣсь уже не при чемъ.

— Вы думаете? испуганно спросилъ Левъ Саввичъ.

— Онъ завтра къ вечеру, или много къ ночи, умрётъ... Агонія-же начнется, вѣроятно, около полудня. Его задушитъ экссудатъ, отёкъ легкаго... Въ такихъ случаяхъ, это скоро... пикъ, и конецъ...

Докторъ слегка поклонился, сурово принялъ отъ Фокина что-то въ бумажкѣ, сѣлъ въ новенькіе щегольскіе дрожки, нахмурился и, выпрямившись, какъ шестъ, уѣхалъ.

— Погибъ! прошепталъ Левъ Саввичъ.

— А, вретъ онъ! сердито сказалъ Антонъ Львовичъ: точно безпающій! медицина ошибалась, да еще какъ!

Прощаясь съ Фокинымъ, Ветлугины взяли съ него слово извѣстить ихъ, если съ больнымъ произойдетъ какая-либо перемѣна къ худшему, и также ушли.

— Какъ мнѣ его жаль, какъ жаль! повторялъ, идя обратно съ отцомъ, Антонъ Львовичъ: да! я бы, кажется, жизнь за него отдалъ... Сколько искренности, беззавѣтнаго увлеченія. Кажется, дѣла кругомъ вотъ какъ плохи, а онъ умираетъ, надѣясь и вѣря... Даже смѣшно...

Льву Саввичу показалось, что сынъ, говоря это, утиралъ слезы.

Ветлугины не сразу возвратились домой. Они, сами того не замѣчая, прошли въ ближайшее предмѣстье, взобрались, уже почти за городомъ, на обрывистый берегъ рѣки и, бесѣдуя, просидѣли тамъ, пока начался разсвѣтъ.

— Не вѣрю я въ будущее общества,—сказалъ, вставая, отецъ: дуэль Милунчикова что? Явленіе исключительное... Страшенъ повсемѣстный застой, страшно равнодушіе всѣхъ къ своимъ дѣламъ.

Антонъ Львовичъ молчалъ. Свѣтлые, чистые образы Аглаи и Милунчикова не отходили отъ его глазъ.

Еще сумрачными, полными дремоты, улицами, Ветлугины пошли домой. Они не переставали говорить о Вечерѣевѣ и о его дочери, о Милунчиковѣ и о тѣхъ, кто выигрывалъ отъ ихъ общаго горя.

— Да неужели-же, сказалъ Левъ Саввичъ: и въ самомъ дѣлѣ, на весь этотъ сильный міръ негодяевъ, невѣждъ и глупцовъ, не явится кары по заслугамъ? Густая, ухъ, какая густая тьма еще кругомъ. И гдѣ, спрашиваю я тебя, спасеніе отъ общаго зла? Неужели мы такъ и не дождёмся надёжной пристани?

— А зачѣмъ намъ пристань? останавливаясь у своего двора, съ сердцемъ возразилъ Антонъ Львовичъ: рано намъ еще заботиться о пристани... Мы—общество юное. Намъ еще думать не о покоѣ. Вонъ, говорятъ, у насъ четыреста столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ и газетъ; но за то и пятьсотъ монастырей. Видно, нашей ладьѣ еще немало носиться по бурнымъ житейскимъ волнамъ...

— По волнамъ-то, по волнамъ, сказалъ, переступая порогъ калитки, Левъ Саввичъ: только не всѣ мореходы возвращаются оттуда, куда пошли. Вотъ и Милунчиковъ сказалъ намъ полные надежды стихи о девятомъ валѣ... А старые моряки говорятъ что на кого набѣжитъ этотъ роковой грозный валъ, тому не сдобровать. Захлестнётъ онъ и потопитъ всякаго... И выбралъ же

Милунчиковъ какіе стихи!.. Даже и Пушкинъ, какъ нарочно, не кончилъ именно этой самой девятой главы, которую въ шутку сравнилъ съ гибельной для мореходовъ, но будто бы не для него, роковою волной.

— Да... какъ кому!—въ раздумьи, какъ-бы про себя, замѣтилъ Антонъ Львовичъ: иной разъ человѣкъ, кажется, вотъ-вотъ окончательно погибъ. А глядишь, его опять вынесла эта-же грозная пучина на радостный берегъ...

У него еще роились кое-какія надежды. Онъ уповалъ на выздоровленіе Милунчикова, а съ нимъ и на перемѣну въ судьбѣ Аглаи.

Отецъ сомнительно покачалъ головой. Они подошли къ крыльцу.

Здѣсь, прикорнувъ у ступеней, ожидала ихъ Власьевна.

— Ты, няня, уже встала? спросилъ Антонъ Львовичъ: не спишь?

— Я всю поченьку, другъ ты мой, глазъ не смыкала... Вотъ тебѣ записка...

Власьевна утирала слезы.

— Отъ кого? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Этотъ-то толстый, Фокинъ, что-ли, сперва самъ на извощикѣ прибѣгалъ, а, не заставъ васъ, прислалъ это письмо.

— Что же, видно, Милунчикову хуже? спросили въ одинъ голосъ сынъ и отецъ.

— Читайте; вотъ я и свѣчу зажгу,—сказала Власьевна: лампадку въ спальнѣ давно засвѣтила... сказываютъ, плохо ему...

Антонъ Львовичъ вслухъ прочелъ слѣдующія строки Фокина: «Докторъ ошибся. Агонія у нашего бѣднаго друга началась ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ уже въ безпамятствѣ...»

— Ну, Антоша, ты человѣкъ молодой, ложись спать, — сказалъ, опять сходя съ крыльца, Левъ Саввичъ: а я—старикъ... пойду, взгляну на Милунчикова. Закрою ему глаза...

— Нѣтъ, папенька, пойдемте вмѣстѣ... Мнѣ дорого принять его послѣдній вздохъ. Да, наконецъ...

Антонъ Львовичъ не договорилъ.

Ветлугины вышли снова на улицу, разбудили спавшаго вблизи извощика, доѣхали до гостинницы и робко ступили въ корридоръ.

Здѣсь, сверхъ ожиданія, все еще спало и было спокойно. Только изъ крайней двери на право раздавался какой-то странный, гудящій и звенящій звукъ, точно тамъ проснулся ретивый неугомонный мастеровой, слесарь или токарь,—сѣлъ онъ за станокъ и завелъ уже свою далеко-слышную и надоѣдающую мирнымъ сосѣдямъ шестерню.

— Не ошиблись ли мы комнатой? подходя къ этой двери, сказалъ Левъ Саввичъ.

Но они не ошиблись. Ихъ на порогѣ той комнаты встрѣтили Фокинъ и фельдшеръ.

— Что у васъ... тамъ за дверью? робко спросилъ старикъ, испуганными, растерянными глазами указывая налѣво.

Фокинъ бережно отворилъ эту дверь.

Комната Милунчикова приняла нѣсколько другой видъ. Поперегъ ея теперь помѣщалась створчатая, обитая зеленымъ, потемнѣлымъ коленкоромъ ширма. По сю сторону ширмы, передъ круглымъ столикомъ, стоялъ въ старенькой рясѣ и со свѣчей въ рукѣ, не громко читая отходную, худенькій священникъ. Левъ Саввичъ нагнулся, поглядѣлъ въ щелку ширмы и дрожащею рукой привлекъ къ ней сына.

— Къ пристани, къ пристани идетъ! зашепталъ, всхлипнувъ, старикъ: скоро счастливѣе всѣхъ насъ будетъ...

Антонъ Львовичъ также приникъ къ ширмѣ. За нею, вытянувшись во весь ростъ и со сложенными на груди руками, неподвижно лежалъ на кровати Милунчиковъ. Онъ дѣйствительно подходилъ къ пристани: бредилъ въ послѣдней агоніи.

Ему грезилась нѣкая обширная храмина, ораторы на трибунѣ, рѣчи о благѣ страны, рукоплескапія... Грудь его вздымалась судорожно и высоко. Нечеловѣческіе, гудящіе и свистящіе звуки, какъ отъ расшатанной, сорвавшейся съ оси шестерни, вылетали изъ этой груди. Видно было, какую борьбу за жизнь выдерживали эти, еще недавно живыя силы.

— Если это смерть,—пожимая руку сыну, сказалъ блѣдный, какъ полотно, Левъ Саввичъ: то могу одно замѣтить, что это тяжелая, мрачная исторія...

На похороны Милунчикова Антонъ Львовичъ не пошелъ. Въ день этихъ похоронъ, онъ поднялся на вышку, легъ ничкомъ на постель и такъ, не раздѣваясь, пролежалъ болѣе сутокъ.

— Что съ тобою, Антонушка, другъ мой? спросилъ, навѣстивъ его, Левъ Саввичъ. Сынъ ничего не отвѣтилъ. Старикъ нѣсколько разъ послѣ того опять поднимался на вышку, стоялъ на порогѣ комнаты сына, прислушивался, не стонетъ ли, не вздыхаетъ ли онъ, качалъ головой и уходилъ.

Сынъ легъ однимъ человѣкомъ, всталъ другимъ. Лицо его стало блѣдно, осунулось. Глаза были сухи. Но онъ не жаловался ни на что. Всталъ и принялся за дѣла. Снесся съ хозяевами посѣщалъ купцовъ, биржу.

Вывѣска съ крыльца была снята и спрятана на чердакъ; картонки и касса отосланы знакомому нотаріусу. Разсыльный расчитанъ. Власьевна наняла поденщицу и съ нею вымыла щелокомъ не только полы, окна и двери въ домѣ, но и оба крыльца. А когда все было приведено въ прежній порядокъ, достала святой воды и обрызгала ею всѣ комнаты. Левъ Саввичъ велѣлъ затопить печь въ кабинетѣ и тайкомъ отъ сына бросилъ въ нее кучу книгъ, которыя было завелъ: туда попали—руководство къ промышленнымъ предпріятіямъ и къ высшей коммерціи, вексельный уставъ и другія. Портреты Ротшильда и Стефенсона также были брошены въ огонь.

Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ Милунчикова, Антонъ Львовичъ собрался, наконецъ, въ путь и послалъ за почтовыми лошадьми. Вечерѣевъ, котораго онъ въ это время не разъ навѣщалъ, по прежнему его не узналъ. Доктора нашли Кирилу Григорьича безнадежнымъ. Аглая, по слухамъ, также заболѣла.

— Куда же ты теперь, Антонушка? спросилъ, стараясь казаться бодрымъ, Левъ Саввичъ: опять умчишься далеко!...

— Я устроилъ, папенька, ваши дѣла, перевелъ и остальныя ваши обязательства на себя,—отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: теперь вамъ остается начать вашу прежнюю, беззаботную жизнь. Не печальтесь. Я предчувствовалъ, что ваши затѣи съ агенствомъ—случайное, навѣянное другими настроеніе — и я отъ души радуюсь тому, что вы отъ него отказались...

Сынъ обнялъ и поцѣловалъ отца.

— Но куда же ты теперь, куда? спросилъ опять отецъ.

— Я долженъ немедленно заняться дѣлами моихъ хозяевъ-сибиряковъ. Вы уже знаете, что съ ними, въ мое отсутствіе, приключилась немалая бѣда: московскіе, первостатейные купцы, отъ имени которыхъ они вели азіатскую торговлю, получили отъ нихъ послѣдніе товары и вдругъ прекратили платежи... Дѣло обыкновенное, заурядное... Надо, видно, приниматься за прежнія занятія юстиціей и начинать въ защиту хозяевъ процессъ.

— Что же, помоги тебѣ судьба.

Передъ выѣздомъ отъ отца, Антонъ Львовичъ отправилъ въ Москву, къ Столешникову, слѣдующее письмо:

«Благодарю тебя, любезный Аввакумъ, за указаніе новаго мѣста твоего жительства. Это пригодилось мнѣ скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Послѣ столь долгой разлуки съ тобой, въ твое жилище въ Москвѣ, вѣроятно, вскорѣ за симъ явится и самъ писавшій эти строки. Ты во многомъ еще идеалистъ; но касательно меня, кажется, угадалъ... Между нами и тѣми, кто въ настоящее время

не съ нами, кто на той, болѣе сильной теперь сторонѣ, примиреніе, дѣйствительно, повидимому, не возможно. Меня подхватила роковая волна... Куда она меня унесетъ, не знаю. Но не будемъ унывать и пойдемъ на встрѣчу ожидающей насъ и нашихъ друзей борьбы... Пока ѣду въ Сибирь, а тамъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два,—я у тебя.—Твой А. Ветлугинъ.»

Къ отцу Ветлугинъ, мѣсяцъ назадъ, пріѣхалъ рано утромъ. Выѣхалъ онъ отъ него теперь поздно вечеромъ. Власьевна плакала на взрыдъ. Она дѣйствительно отнесла Клочкову обратно его подарки,—какъ кофту, такъ и часы съ кукушкой.

Клочковъ, однако же, не унывалъ...

Въ благородномъ клубѣ, въ тотъ день, былъ по подпискѣ обѣдъ. Проѣзжая мимо клуба, Ветлугинъ, на убранномъ цвѣтами его балконѣ, увидѣлъ оживленное общество. Среди нѣсколькихъ губернскихъ тузовъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и съ сигарой въ рукѣ, стоялъ Клочковъ. Онъ очевидно былъ въ отличномъ настроеніи духа: о чемъ-то ораторствовалъ, размахивалъ руками. Тузы глубокомысленно его слушали. «Не стѣсняется и во всемъ вѣренъ себѣ!» подумалъ, глядя на него, Ветлугинъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, Ветлугина захватила ночь.

Теплый воздухъ спящихъ полей былъ неподвиженъ. Мѣсяцъ въ эти ночи уже вовсе не всходилъ. Небо за то мерцало тысячами звѣздъ.

«Аглая!... думалъ Ветлугинъ: отецъ ея сказалъ, что этимъ же именемъ называется одна изъ звѣздъ, между Юпитеромъ и Марсомъ, и что путь ея совершается вокругъ солнца въ четыре года и во сколько-то дней...»

Ветлугинъ невольно поднялъ глаза къ небу и сталъ на немъ чего-то искать.

Тележка быстро катилась по мягкой, столбовой дорогѣ. Звѣзды тихо мерцали въ безоблачной вышинѣ.

Г. Данилевскій.

ОБЩЕГЕРМАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕЧАТИ

Историческій очеркъ новѣйшихъ работъ.

VI *).

Настаивая на юридическомъ порядкѣ по дѣламъ печати, практическіе дѣятели Германіи необходимо должны были натолкнуться на вопросъ: удовлетворяетъ ли вообще печать условіямъ преступнаго способа дѣйствія, можетъ ли печатное слово быть разсматриваемо какъ одно изъ средствъ, способныхъ произвести дѣйствительное нарушеніе различныхъ правъ? Предлагавшіеся на него отвѣты были весьма разнообразны, что́ зависѣло не только отъ различія интересовъ тѣхъ партій, которыя его поднимали, но—и главнымъ образомъ—отъ общаго состоянія духа данной эпохи и у даннаго народа.

Если мы бросимъ взглядъ въ глубину вѣковъ, когда печатный станокъ еще не былъ изобрѣтенъ, то мы натолкнемся на такое состояніе общественнаго духа, въ виду котораго утвердительный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ не могъ быть подвергнутъ ни малѣйшему сомнѣнію. Человѣческое слово вообще, и въ частности писаное слово, признавалось силою, имѣющею всѣ аттрибуты всякой другой силы и способною непосредственно производить измѣненія въ мірѣ объективныхъ явленій.

*) См. выше: янв. 284 стр.

Своимъ словомъ человѣкъ вызывалъ духовъ и повелѣвалъ ими, слово было гигантскимъ орудіемъ чародѣйства. Граница между субъективнымъ и объективнымъ еще не установилась, то и другое представлялось въ непосредственной связи. Давая такое громадное значеніе слову, считая безспорною возможность совершать имъ непосредственно различныя нарушенія чужихъ благъ, человѣкъ того времени долженъ былъ безъ всякихъ оговорокъ признать слово равнымъ дѣлу. «Dicere est facere», говорилъ онъ, и переносилъ на dicere начала отвѣтственности, успѣвшія выработаться и окрѣпнуть для facere. Слово могло оскорбить божество, могло погубить весь народъ, точно также, какъ землетрясеніе, наводненіе и т. п., только потому, что вылетѣло изъ устъ говорящаго или заносилось на бумагу. Въ особенности слово писаное долго удерживало за собой мистическій смыслъ [1]). Тѣмъ же порядкомъ представленій объясняется, что слово, какъ и другія явленія, человѣкъ стремился свести къ сверхъестественному источнику, къ велѣнію высшихъ силъ, управляющихъ природою. Какъ хорошее слово представлялось голосомъ божества или духовъ свѣта, такъ дурное — голосомъ сатаны или духовъ тьмы. Борясь противъ тѣхъ или другихъ идей, человѣчество долго было убѣждено, что оно борется противъ сатаны, и это убѣжденіе сообщало поразительную энергію его преслѣдованіямъ. Потому же оно запрещало не только писать, но даже читать дурное слово: это значило входить въ сношенія съ сатаной и подвергаться его искушеніямъ. Глубоко поучительны въ этомъ отношеніи многія страницы, встрѣчающіяся у Лорента, въ его исторіи испанской инквизиціи. Даже на высокопоставленныя духовныя лица это запрещеніе распространялось во всей его строгости, и когда, въ 1564 году, при папѣ Піѣ IV, найдено было необходимымъ пре-

---

[1]) Да не сохранило ли его оно до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ классахъ народа? Изслѣдованіе этого вопроса дастъ весьма богатый и благодарный матеріалъ тому, кто возьмется поднять его. Не цитируя множество мѣстъ, подтверждающихъ эту мысль, я приведу лишь одинъ интересный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ. Въ кружкѣ, гдѣ было нѣсколько кавказцевъ, какъ-то зашла рѣчь о достоинствахъ одного лица; мнѣнія были разныя. Кто-то называлъ его подлецомъ. Одинъ изъ кавказцевъ горячо протестовалъ противъ этого обвиненія, но видя, что его доводы не смягчаютъ обвинителя, предложилъ ему написать сказанное имъ. Когда послѣдній на клочкѣ бумаги написалъ: „NN подлецъ“, кавказецъ видимо оторопѣлъ, нѣсколько разъ прочиталъ написанное, пробормоталъ: „такъ это вѣрно... вѣрно...“, и болѣе не рѣшился возражать ни слова. Чорту можно было продать душу только письменно; кавказецъ вѣритъ обвиненію только послѣ того, когда оно написано. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ мистицизмомъ, съ тѣмъ состояніемъ человѣческаго духа, которое смѣшиваетъ въ одну безразличную массу субъективное съ объективнымъ.

оставить кардиналамъ конгрегаціи право преслѣдованія ересей даже обязанность читать еретическія книги, какъ для публичаго опроверженія лжеученій, такъ и для убѣжденія еретиковъ тступиться отъ своихъ заблужденій, то намѣстникъ римскаго рестола счелъ необходимымъ успокоить ихъ совѣсть своимъ высокопастырскимъ разрѣшеніемъ этого необходимаго грѣха (absque liquo conscientiae scrupulo). Положеніе Гусса: Libri haereticorum sunt legendi, non comburendi, dum in ipsis veritas contineturr (еретическія книги должны быть читаемы, а не сожигаемы, отому что въ нихъ содержится и истина) вызвало цѣлую бурю ь духовномъ мірѣ того времени, и тѣ богатыя цитаты изъ сочиеній отцовъ церкви, тѣ остроумныя сближенія, которыми полна го диссертація «De libris haereticorum», только прибавили энери его врагамъ. Много еще лѣтъ спустя, этотъ взглядъ держался ь жизни, и даже протестантизмъ заплатилъ ему крупную дань. ютеръ считалъ необходимымъ запретить въ школахъ книги Ювала, Катула, Марціала, Виргилія и другихъ писателей временъ имскаго язычества; его нетерпимость къ сектантамъ протестанизма составляетъ не менѣе извѣстный историческій фактъ. У вика и Эймона, собравшихъ акты евангелическихъ синодовъ ранціи, есть множество примѣровъ запрещенія читать сочиненія зличныхъ авторовъ. Въ Пруссіи, Фридрихъ В. тщетно старался омирить реформаторовъ съ лютеранами, боровшихся за право заимной нетерпимости. Въ области религіозной смѣшенію субъективнаго съ объективнымъ и мистическому взгляду на слово отли дань языческая древность, католицизмъ и протестантизмъ. о одинаковая причина должна была вызвать аналогическіе результаты и въ другихъ областяхъ человѣческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ ихъ и въ области политической. Теологи непреложно вѣрили, что дурное слово есть результатъ злого ха, сатаны, и что потому преслѣдованіе такого слова есть лучая мѣра борьбы съ сатаной. Въ силу того же закона мышленія, олитики прежняго времени непреложно вѣрили, что мнѣніе, возающее противъ существующихъ общественныхъ формъ, есть езультатъ исключительно злого человѣческаго духа, нежеланія идѣть очевидную истину, и потому репрессивное преслѣдованіе итигосударственнаго мнѣнія разсматривалось, какъ лучшее—даже олѣе, какъ единственное средство обезпечить нормальный ходъ сударственной жизни. Тѣ и другіе были убѣждены, что мнѣніе мо собою можетъ разрушать то, противъ чего оно направлено. шибка теологовъ и политиковъ была одна и та же: они смотрѣли ь мнѣніе, какъ на голый и непосредственный результатъ духа,

въ его теологической или метафизической обрисовкѣ, забывая, что процессъ возникновенія и образованія мнѣній гораздо болѣе сложенъ. Всю реальную почву впечатлѣній, порождающую въ человѣкѣ его мнѣнія и сообщающую характеристическія черты каждой исторической эпохѣ, по неумѣнью распознать ее они замѣняли причинами болѣе простыми, скорѣе бросающимися въ глаза при смѣшеніи субъективнаго съ объективнымъ, но за то и гораздо болѣе сомнительными,—сводя всякое мнѣніе къ индивидуальной волѣ, поддавшейся разнымъ злымъ духамъ. То же самое явленіе мы встрѣчаемъ и въ области частныхъ отношеній. Человѣкъ прежде придавалъ гораздо больше значенія слову и вѣрилъ что оно само по себѣ можетъ нарушать его разнообразныя частныя права. Онъ хранилъ свою жену отъ наговора, свою дочь—отъ дѣйствія любовныхъ талисмановъ, своихъ сыновей—отъ дьявольской порчи словомъ злого человѣка, свою скотину — отъ заклинаній чародѣя. Когда онъ былъ въ силахъ мстить, его месть за дурное слово была страшна и не знала предѣловъ. Тутъ все позволялось.

Этотъ самый порядокъ представленій процвѣталъ и въ государствахъ того времени, на долю котораго выпала славная честь изобрѣтенія типографскаго станка. Въ эту эпоху, государство еще нерѣдко отождествляло свои интересы съ интересами церковными и проводило идею управленія обществомъ, между прочимъ, при посредствѣ религіозныхъ догматовъ. Вотъ почему пока на знамени его была написана опредѣленная церковь, предлагавшая по взглядамъ эпохи объективный масштабъ истиннаго и ложнаго, правительство выступало противъ религій, принадлежавшихъ къ противоположному лагерю и объявлявшихъ другія начала для распознанія истинности нравственныхъ понятій. Но смѣшеніе субъективнаго съ объективнымъ, характеризующее болѣе раннія страницы исторіи каждаго государства, должно было смягчиться въ его дѣятельности гораздо раньше, чѣмъ сознаніе отдѣльности и самостоятельности ихъ успѣло развиться въ дѣятельности частной. Вмѣщая въ себѣ многообразные элементы, государство не могло долго давать предпочтеніе одному изъ нихъ передъ всѣми другими, съ одной стороны потому, что этотъ порядокъ вещей нарушалъ существеннѣйшіе его интересы съ другой — и потому, что вызывавшаяся имъ коллизія силъ не всегда оканчивалась благопріятно для господствующихъ интересовъ и постоянно ослабляла ихъ. Вотъ почему исторія не даетъ намъ примѣровъ долгихъ, безпрестанныхъ періодовъ религіозныхъ преслѣдованія: предписанія высшихъ властей или разбивались

противленія низшихъ элементовъ управленія, или уступали мѣ-
о новымъ постановленіямъ противоположнаго свойства. Варѳо-
меевская ночь дала нантскій эдиктъ, протестантскія начала въ
нгліи быстро мѣнялись государствомъ на католическія, и на-
боротъ. Словомъ, уже въ виду чрезвычайно вѣскихъ соображе-
й соціальной экономіи, которыя нерѣдко протестовали съ мечомъ
рукахъ, государство начинаетъ раньше отказываться отъ смѣ-
енія субъективнаго съ объективнымъ, чѣмъ частное лицо въ
воей частной сферѣ дѣятельности. Англія эпохи Вильгельма
ранскаго и Анны уже успѣла сдѣлать многое въ интересахъ
елигіозной терпимости, а между тѣмъ Анна и многіе врачи ея
ремени еще вѣрили, что прикосновеніе руки монарха къ боль-
му способно исцѣлять нѣкоторыя болѣзни лучше всякихъ ле-
рствъ. Исторія полна подобными примѣрами.

Но несравненно болѣе важное вліяніе оказало на этотъ во-
росъ общее духовное развитіе человѣчества. Съ расширеніемъ
каній и увеличеніемъ массы наблюденій, человѣкъ мало-по-малу
чалъ отказываться отъ прежняго мистическаго взгляда на слово
обще и на писанное въ частности. Съ одной стороны, слово пе-
стаетъ представляться ему какъ результатъ дѣятельности духовъ,
брыхъ или злыхъ, и ставится имъ на болѣе сложную, но за
и болѣе вѣрную почву обстоятельствъ и условій, окружаю-
ихъ человѣка, вызывающихъ въ немъ тѣ или другія впечатлѣ-
я, потребности и мнѣнія. Эти многообразныя условія, прежде
нѣшивавшіяся въ одну безразличную массу подъ знаменемъ ми-
ицизма, не умѣвшаго отдѣлить субъективнаго отъ объективнаго,
чинаютъ мало-по-малу завоевывать признаніе своей самостоя-
льности, являясь элементами существенно необходимыми для
роизведенія того или иного мнѣнія. Измѣненіе же во взглядѣ
возникновеніе мнѣній, съ другой стороны, должно было вы-
ать и дѣйствительно вызвало измѣненіе въ отношеніи человѣка
мнѣніямъ, которыя провозглашались другими лицами. Яви-
сь критика, возможная только съ того момента, когда мнѣніе,
ереставъ быть произвольнымъ результатомъ духа, стало разсма-
риваться въ связи съ вызвавшими его условіями. Явилось убѣж-
ніе, что непосредственно слово не въ состояніи произвести из-
зненій во внѣшнемъ мірѣ, такъ какъ, переставъ быть орудіемъ
ховъ, оно спустилось въ область, гдѣ дѣйствіе его стало обу-
овливаться тѣмъ, готовы ли третьи лица принять его, или нѣтъ.
отерявъ свой прежній характеръ непосредственности, слово стало
зсматриваться лишь какъ возможное орудіе посредствующихъ
іяній на область внѣшнихъ явленій. Измѣненіе здѣсь совер-

шенно аналогично тому, которое замѣчено во взглядѣ на процессъ возникновенія мнѣній. Тамъ выяснилась сложная группа реальныхъ условій возникающихъ мнѣній; здѣсь—между словомъ и его дѣйствіемъ на внѣшній міръ—стала группа посредствующихъ элементовъ, безъ которыхъ слово осуждено на смерть. Отсюда рядъ весьма богатыхъ практическими результатами выводовъ, въ корень измѣнившихъ отношеніе государственной дѣятельности къ мысли и ея автору. Пока мистическій взглядъ на слово уничтожалъ возможность критики, репрессивныя мѣры теологическихъ и административныхъ органовъ государства были единственными орудіями, которыя находились въ рукахъ человѣка для борьбы съ мнѣніями, становившимися въ антагонизмъ съ условіями человѣческой общественности. Пока продолжалась вѣра въ силу духовъ, въ ихъ теологической или метафизической обрисовкѣ, на возникновеніе мнѣній, и въ непосредственное вліяніе на внѣшній міръ вызываемаго ими слова, послѣднее было «козломъ искупленія» за всѣ бытовыя условія, сдѣлавшія его необходимымъ или возможнымъ. Отпала эта вѣра—и человѣкъ, путемъ воспитанія, образованія и реформы общественной жизни, выучился управлять чужими мнѣніями; выучился распознавать, какія мнѣнія должны явиться при данныхъ условіяхъ, и какихъ результатовъ можно ждать отъ нихъ. Отпала эта вѣра—и вмѣстѣ съ нею отпала та страстность репрессивнаго преслѣдованія мнѣній и ихъ автора, которая характеризуетъ мистическую эпоху. Но окончательно преслѣдованія слова не уничтожились. Подъ вліяніемъ постепенно измѣнявшихся взглядовъ, онѣ приняли лишь новое направленіе, получили новую точку прицѣла, замѣнили одинъ признакъ преступности другимъ, въ свою очередь смѣнившимся послѣдующими.

Въ самомъ дѣлѣ, въ существѣ этого новаго направленія въ исторіи отношенія государства къ мысли и слову вовсе не заключается требованія, чтобъ слово было освобождено отъ всякаго репрессивнаго преслѣдованія. Слово перестало быть орудіемъ, которое могло оказывать непосредственное дѣйствіе на явленія внѣшняго міра,—это правда,—и отсюда былъ сдѣланъ логическій необходимый выводъ, что *въ этомъ своемъ качествѣ* слово не подлежитъ преслѣдованію. Но, потерявъ значеніе непосредственнаго орудія воздѣйствія на внѣшній міръ и, слѣд., на области юридическихъ отношеній, слово стало разсматриваться какъ возможное орудіе посредствующаго вліянія, при помощи тѣхъ силъ, которыя направляются имъ къ этой цѣли. Силы эти суть силы читателей или вообще слушателей слова. Исторіи извѣстно мно-

ество примѣровъ слова, которое, упавъ на соотвѣтствующую
ую почву, производило дѣйствительные и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма
упныя измѣненія въ мірѣ человѣческихъ отношеній. Сознаніемъ
рой идеи проникнуты и писатели, энергія которыхъ можетъ быть
ъяснена только глубокимъ убѣжденіемъ въ плодотворность ихъ
ятельности, т.-е., вѣрою въ слово, какъ въ одну изъ великихъ
лъ общественной жизни. Попытка Эмиля де-Жирардена обезпе-
ть юридическую безотвѣтственность печатнаго слова на томъ
дто бы основаніи, что въ мірѣ политическихъ силъ оно яв-
ется ничтожествомъ, обреченнымъ на импотенцію — не болѣе,
къ одинъ изъ tours de force французскаго остроумія, приправ-
нный обыкновеннымъ софизмомъ этого писателя. Даже то обстоя-
ьство, что слово не можетъ быть признано орудіемъ непосред-
веннаго вліянія на соціальныя отношенія, вовсе не составляетъ
кой черты, которая чужда другимъ человѣческимъ дѣйствіямъ.
напротивъ, ни одно дѣйствіе, какъ бы ни было ясно право го-
дарства примѣнить къ нему мѣры репрессивнаго преслѣдова-
, не можетъ вызвать какія бы то ни было измѣненія въ сферѣ
идическихъ отношеній, какъ свои непосредственныя послѣдствія:
кое дѣйствіе требуетъ для этого массу посредствующихъ силъ
условій. Возьмите примѣръ самый очевидный—убійство выстрѣ-
мъ изъ пистолета. Дѣйствіе убійцы ограничивается тѣмъ, что
ь прицѣливается и давитъ собачку пистолета въ опредѣленномъ
правленіи; выстрѣлъ же происходитъ и оканчивается смертью
ого лица въ виду устройства пистолета, свойствъ пистона и
роха, устройства организма жертвы преступленія и массы дру-
ъ силъ и условій, которыя не создаются дѣятелемъ, но на
орыя онъ разсчитываетъ, точно также какъ писатель, предла-
ющій свое слово, разсчитываетъ на силы читателей и на усло-
ихъ окружающія. Только благодаря этимъ посредствующимъ
амъ и условіямъ, какъ дѣйствіе въ собственномъ смыслѣ, такъ
лово во всѣхъ его формахъ, производятъ тѣ измѣненія во
шнемъ мірѣ, на которыя онѣ направляются и которыя зо-
ся *ихъ* послѣдствіями.

Но, сходясь въ этомъ отношеніи съ внѣшнимъ дѣйствіемъ,
тѣсномъ смыслѣ этого термина, слово представляетъ и рѣзкія
бенности. Первое, направляясь на свое послѣдствіе, произво-
ъ его при помощи такихъ посредствующихъ силъ, которыя
е въ силу естественныхъ законовъ своего существованія необ-
имо принимаютъ то, а не другое направленіе, если имъ бу-
ь данъ опредѣленный толчокъ. Второе, напротивъ, пользуясь
илами этого рода, гораздо чаще прибѣгаетъ къ помощи та-

кихъ посредствующихъ силъ, которыя обладаютъ собственнымъ самоопредѣленіемъ въ болѣе или менѣе замѣтной степени. Читатель и слушатель, прежде чѣмъ перейти къ исполненію, взвѣшиваютъ въ своемъ умѣ доводы автора, обсуживаютъ ихъ и даютъ окончательный отвѣтъ не только по тѣмъ основаніямъ, которыя указаны авторомъ, но и по своимъ собственнымъ мотивамъ. Это различіе съ особенною силою для области слова ставитъ вопросъ: когда оно можетъ быть признано причиною разнообразныхъ внѣшнихъ послѣдствій, вызванныхъ имъ, и когда, наоборотъ, оно не возвышается далѣе значенія повода? Каковы признаки, лежащіе въ самомъ характерѣ слова или въ окружающей его обстановкѣ, которыя въ силахъ дать возможность провести рѣзкую грань между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ?

VII.

На отысканіе этихъ-то признаковъ и были направлены усилія германской науки и практическихъ дѣятелей, которымъ, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, приходилось высказывать свой голосъ о законодательствѣ печати. Ихъ путь былъ уже значительно расчищенъ романскими націями и тѣмъ, общимъ для всей западной Европы, движеніемъ къ освобожденію личности отъ государственнаго абсолютизма, которое, начавшись еще въ XVI-мъ столѣтіи, въ наши дни стало окончательно выясняться.

Движеніе это, какъ извѣстно, потому и было прочно, что оно сознательно и прежде всего направилось на освобожденіе внутренняго человѣка, его міра убѣжденій и мысли, отъ государственной зависимости. Воспитанное эпохою возрожденія, показавшею христіанскому міру, что и языческая древность способна была возвыситься до неподражаемаго совершенства въ области искусства и обогнала тогдашній христіанскій міръ даже въ области науки, движеніе это началось отрѣшеніемъ отъ идеи религіозной замкнутости и нетерпимости, характеризовавшей средневѣковую Европу. Домашнія неурядицы въ мірѣ христіанскомъ, личный развратъ папъ и духовенства при самой смѣлой требовательности религіозной чистоты отъ непосвященныхъ, ихъ политическая заносчивость, возроставшая по мѣрѣ того, какъ политическая сила выходила изъ ихъ рукъ, откупная система должностей и религіозныхъ требъ,—всѣ эти обстоятельства соединили самыя разнообразныя партіи и общественные классы противъ па

изма, и свобода религіознаго убѣжденія была первымъ плодомъ, торый принесенъ интересующимъ насъ движеніемъ.

Это былъ первый шагъ въ исторіи освобожденія мысли. Она росила съ себя зависимость отъ церкви. Но затѣмъ остава-сь еще общественные предразсудки, давленіе политическихъ тересовъ и масса другихъ условій, дѣлавшихъ невозможнымъ ободный анализъ окружающихъ явленій. Къ ниспроверженію ъ и была направлена дальнѣйшая дѣятельность новаго движе-я. Оно кончилось успѣшно, побѣда его была признана, оста-лось формулировать словами закона тѣ результаты, къ кото-мъ она привела.

Задачу эту взяли на себя главнымъ образомъ укладныя (кон-итуціонныя) грамоты. Формула, выбранная ими, остановилась наукѣ. Наука признана безусловно независимою отъ государ-веннаго вмѣшательства, каковъ бы ни былъ ея предметъ, ка-зы бы ни были ея отвѣты. Все, что́ бы ни сказала наука, идически безразлично; но мысль, не удовлетворяющая условіямъ уки, можетъ дать мѣсто государственному вмѣшательству.

Весьма скоро оказалось, однако, что мнѣніе государствен-хъ людей, будто бы принадлежность или непринадлежность сли къ области науки составляетъ прочный объективный признакъ личія между словомъ юридически-безразличнымъ и могущимъ ть предметомъ юридической отвѣтственности, было не болѣе, ъ неудавшаяся мечта. Законъ не опредѣлилъ, да и не могъ редѣлить понятія науки, такъ что на практикѣ очень скоро и тойчиво былъ поставленъ вопросъ: что́ считать наукой, какое раженіе мысли, какое слово должно быть признано принадлеж-тью ея, и какое, напротивъ, не вправѣ претендовать на эту ь? Неудачные и сбивчивые отвѣты, дававшіеся на этотъ во-съ, убѣдили лишь въ одномъ, что научность или ненауч-ть мысли не можетъ быть признакомъ, на которомъ должно можно построить юридическую теорію отвѣтственности слова. не безъинтересно прослѣдить попытки, имѣвшія мѣсто по му вопросу; исторія ихъ поучительна, какъ урокъ будущему. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Германіи замѣчается равленіе, поддерживавшееся еще знаменитымъ Мозеромъ и ѣянное Гейне, согласно которому научность или ненаучность иненія должна опредѣляться по оффиціально-ученому поло-нію ихъ авторовъ. Изслѣдованія изъ области права и поли-и, только прикрываясь авторитетомъ докторовъ правъ и про-соровъ юридическихъ факультетовъ, могли разсчитывать на про-къ и нѣкоторую неприкосновенность со стороны органовъ го-

сударственной власти, точно также какъ богословскія сочиненія рекомендовалось прикрывать именемъ докторовъ теологіи. Но сдѣлавшись удѣломъ немногихъ, спустившись на степень привилегіи, возбуждавшей зависть и неудовольствіе тѣхъ, которымъ было въ ней отказано, право свободнаго изслѣдованія ео ipso оказалось весьма непрочнымъ и для классовъ, которымъ оно было пожаловано. Самый незначительный поводъ былъ достаточенъ чтобы выставились серьёзныя сомнѣнія противъ оставленія права за докторомъ или профессоромъ, навлекшимъ неудовольствіе. Съ другой стороны, эпохѣ общаго антагонизма привилегіямъ болѣе всего не гармонировали привилегіи въ области мысли, и потому этотъ порядокъ разрѣшенія поставленнаго вопроса угасъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ.

Другая попытка разрѣшенія его принадлежитъ по преимуществу Франціи, но она имѣла подражателей и въ Германіи. Все человѣческое знаніе, даже по взглядамъ, живущимъ во Франціи до сихъ поръ, распадается на знаніе научное и знаніе литературное или словесное, les sciences и les lettres. Къ science относятся только, такъ-называемыя, науки точныя, къ lettres—все остальныя, причемъ иногда богословскія и юридическія наукъ выдѣляются въ отдѣльныя группы. Къ этому-то литературно-историческому дѣленію пробовало примкнуть и законодательство, ограничивая область юридически-безразличнаго слова науками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ французскаго термина „sciences“. Но держаться его оно было въ состояніи самое не долгое время; по мѣрѣ своего окрѣпленія, движеніе къ освобожденію мысли отвоевало независимость и для наукъ словесныхъ и прежде всего для исторіи, такъ что пришлось отказаться и отъ этой попытки.

Гораздо болѣе живучей, явившейся позже другихъ, но и сихъ поръ существующей во многихъ государствахъ, оказалась попытка разрѣшенія вопроса о научности или ненаучности произведеній мысли по органамъ распространенія ея, по той—да позволено будетъ такъ выразиться—обёрткѣ, въ которой онѣ являлись передъ читателемъ. Я имѣю въ виду дѣленіе произведеній мысли на *книгу, брошюру и періодическую печать*. Первая—говорили—трактуетъ выбираемый ею предметъ съ возможною полнотою аргументовъ, предполагаетъ въ читателѣ предварительное знакомство съ нимъ, требуетъ отъ него самого работу мысли при чтеніи, и такимъ образомъ попадаетъ въ руки только читателя отборнымъ, которые съумѣютъ взвѣсить доводы автора. Это—наука, надъ голосомъ которой государство не можетъ и не долж

имѣть ровно никакой власти. Каковы бы ни были содержаніе книги и даваемые ею отвѣты—государству дѣла нѣтъ, это юридически безразлично. Совершенно другой характеръ брошюры, или, по англійской терминологіи, памфлета. Отъ своего читателя она не требуетъ никакой подготовки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ, выбираемомъ ею. Она поднимаетъ вопросы, которые уже стали или могутъ стать модною темою разговора въ данную минуту, и обыкновенно говоритъ не аргументами, направленными на умъ читателя, а соображеніями, находящими отголосокъ въ его чувствѣ, въ его страстяхъ, стараясь не убѣдить, а возбудить своего читателя, не доказать, а расшевелить его. Между тѣмъ, какъ книга имѣетъ единственною задачею—выяснить предметъ своего разсмотрѣнія, брошюра дѣлаетъ шагомъ больше—она разсчитываетъ на практическое осуществленіе защищаемаго положенія, и, притомъ, по возможности быстрое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, брошюра дешевле и доступна большему кругу читателей. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, брошюрѣ отказано въ той неприкосновенности, которая гарантирована книгѣ. Громы уголовнаго преслѣдованія не должны проноситься мимо ея, если она заслужитъ ихъ своимъ содержаніемъ или своею формою. Наконецъ, для періодическихъ произведеній неприкосновенность существуетъ еще въ меньшей степени. Они еще менѣе научны, еще болѣе живутъ интересами минуты и играютъ на струнахъ чувства, постоянно заводимаго ими. Отъ лица, обращающагося къ періодическому изданію, какъ органу своей мысли, требуется еще меньшая предварительная подготовка, еще менѣе спеціальное знакомство съ выбраннымъ предметомъ, чѣмъ отъ автора брошюры. Кромѣ того, періодическое произведеніе представляетъ и несуществующую со стороны брошюры, опасность, что оно дѣйствуетъ на читателя постепенно и продолжительно. Незамѣтно для самого себя, читатель понемногу свыкается съ его идеями и служитъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ человѣкъ, завѣдывающихъ періодическимъ изданіемъ.

Вотъ аргументы, на которыхъ основывается дѣленіе всѣхъ произведеній человѣческой мысли на книгу, брошюру и періодическую печать, съ различными, для каждой группы, юридическими опредѣленіями. Я привелъ ихъ со всевозможною объективностью. Это—въ данномъ случаѣ, необходимѣйшая оговорка: до какой степени чужды они дѣйствительности, что съ трудомъ вѣришь въ самую возможность провозглашенія и сколько-нибудь серьёзной ихъ защиты. Здѣсь не время и не мѣсто входить въ разстоятельный анализъ каждаго приведеннаго соображенія, до-

статочно будетъ ограничиться немногими замѣчаніями, имѣющими наиболѣе общій характеръ, которыя были приведены противъ этого дѣленія.

Брошюра отличается отъ книги количествомъ листовъ. Каково должно быть это количество для установленія понятія книги или брошюры—рѣшить общимъ образомъ никто не взялся, и исторія этого вопроса показываетъ, что брошюра все болѣе и болѣе сливалась съ книгой. Въ эпоху австрійской гегемоніи для понятія книги требовалось не менѣе 20-ти листовъ; въ дѣйствующемъ саксонскомъ законодательствѣ количество это упало на 90%. Періодическая печать, конечно, имѣетъ многія литературныя и соціально-хозяйственныя особенности сравнительно съ книгой и брошюрой, но далеко не тѣ, которыя выставлены разсматриваемымъ дѣленіемъ. Онѣ ведутся многими лицами, раздѣленіе труда въ нихъ проведено гораздо шире, чѣмъ въ изданіяхъ другого рода. Капиталъ, который необходимо на нихъ затратить, обыкновенно значительно превышаетъ затраты, требующіяся для изданія книги. Вращаясь въ одномъ и томъ же кругу читателей, періодическое изданіе говоритъ понятными ему аргументами, для другихъ же кружковъ самая принадлежность мнѣнія враждебному или чуждому направленію представляетъ сильное побужденіе отнестись къ нему недружелюбно. Книга можетъ убѣдить читателей всѣхъ партій, журналъ и газета—обыкновенно только своихъ. Кругъ ихъ дѣйствія, такимъ образомъ, значительно тѣснѣе. К этому присоединяется то обстоятельство, что періодическія изданія ежеминутно должны быть на сторожѣ затраченнаго капитала подъ страхомъ опасности потерять его или не воспользоваться надлежащею рентою, онѣ обязаны стоять какъ можно ближе к среднему уровню общества и уважать интересы, господствующіе въ немъ въ данную минуту. Этою стороною періодическое изданіе, конечно, отличается отъ книги и брошюры, но въ пользу, а не въ невыгоду для существующаго порядка. Не ждите, по общемъ правилѣ, отъ него тѣхъ смѣлыхъ требованій нововведеній, тѣхъ рѣшительныхъ протестовъ существующему, опирающихся на аргументацію, которая не хочетъ знать ничего, кромѣ истины,—какія встрѣчаются въ книгѣ. Изъ всѣхъ консервативныхъ силъ общества, періодическое изданіе есть наиболѣе консервативная, потому что оно вынуждено искать поддержку въ массѣ. Этимъ своимъ качествомъ, конечно, оно отличается отъ науки, но в немъ для законодательныхъ опредѣленій мало проку, какъ и потому, что оно ничего не говоритъ за или противъ объявленныхъ мыслей юридически безразличными, такъ и потому, ч

чество это—далеко не абсолютное, характеризующее далеко
е всѣ періодическія изданія. Мысль, составляющая несомнѣнное
остояніе науки, можетъ найти себѣ мѣсто и въ книгѣ, и въ
рошюрѣ, и въ періодическомъ изданіи. Примѣры *ученыхъ* изда-
ій, выходящихъ въ правильные промежутки времени и имѣю-
ихъ опредѣленный кругъ читателей, теперь не рѣдки. Кромѣ
ого, признавъ права исторической науки, объявивъ ее стоящею
нѣ государственнаго вмѣшательства, защитники этой теоріи уже
е вправѣ ставить юридическіе тормазы для какихъ бы то ни
ыло сообщеній, для какихъ бы то ни было мыслей. Все это—
атеріалъ исторіи, и посягая на него, они тѣмъ самымъ пося-
ютъ на историческую истину, т.-е., на основу исторической
ауки.

Очевидно, такимъ образомъ, что дѣленіе произведеній мысли
о органамъ ея на книгу, брошюру и періодическое изданіе не
аетъ критерія научности или ненаучности выраженія мысли.
амое возникновеніе его можетъ быть понято только, какъ исто-
ическій фактъ. Прежде всего явилась книга: она была сперва
сключительною формою, въ которую облекалась мысль. Явившись
аньше, она раньше успѣла завоевать себѣ свободу отъ админи-
ративнаго произвола. Но вотъ, интересы жизни росли, жизнь
ала идти скорѣе, колеса ея завертѣлись съ быстротой, за ко-
рой тяжеловѣсная, объемистая in-folio книга XV—XVIII ст.
е въ силахъ была поспѣвать. Новыя условія вызвали новую
рму, явилась брошюра. Ея компактность позволяла двигаться
истрѣе, ея незначительная величина открывала доступъ въ ли-
ратуру большему числу лицъ. Мало-по-малу, въ сферѣ умствен-
й дѣятельности образовались различныя направленія, болѣе или
нѣе рѣзко обособившіяся. Явленія жизни стали смѣняться еще
истрѣе, онѣ не могли болѣе выжидать, пока у кого-либо явится
шимость издать брошюру; онѣ требовали постояннаго, неусып-
го наблюденія. Для удовлетворенія этой потребности новаго
емени явилась періодическая пресса. Ее не знаетъ классиче-
ая древность, она чужда государствамъ политическаго и соці-
ьно-хозяйственнаго застоя; періодическая пресса—форма новѣй-
аго времени. Явившись позже другихъ, она еще не успѣла
іобрѣсти себѣ ту долю независимости, какая принадлежитъ уже
умъ первымъ. Но что и она можетъ стать на ту же ступень, что и
я нея сгладится различіе, которое уже успѣло уничтожиться
жду книгой и брошюрой, порукой въ томъ—исторія Англіи
Сѣверо-Американскаго Союза, быстро вертящаяся жизнь кото-
ихъ успѣла уже отвоевать для своего питомца равное съ кни-

гой и брошюрой положеніе. То же самое явленіе представляетъ Германія, въ новѣйшихъ законодательствахъ которой все болѣе и болѣе сглаживается различіе этихъ органовъ мысли. Проекты Виндгорста-Бидермана и правительственный удерживаютъ его только по вопросу о предварительномъ арестѣ и о соучастіи, но даже и въ этихъ слабыхъ размѣрахъ сохраненіе его не встрѣчаетъ болѣе сочувствія въ средѣ германской литературы.

VIII.

Когда была замѣчена непрочность послѣдняго признака для проведенія разграничительной черты между юридически-безразличнымъ и юридически-отвѣтственнымъ словомъ, оказалось необходимымъ обратить вниманіе на природу самыхъ выраженій мыслей, независимо отъ тѣхъ или другихъ органовъ ея. И такъ какъ въ каждомъ словѣ можно различать содержаніе и форму, то оба эти элемента выставлялись послѣдовательно, какъ критеріи для опредѣленія степени вмѣшательства государственныхъ силъ въ область слова. По содержанію, такое слово объявлено юридически-отвѣтственнымъ, которое возбуждаетъ читателей къ совершенію запрещенныхъ закономъ нарушеній. Это возбужденіе можетъ быть двоякое: прямое—и тогда оно обнимается общими карательными опредѣленіями, предлагая составъ подстрекательства; или же непрямое — и въ такомъ случаѣ къ нему необходимо, говорятъ, приложить другія уголовно-юридическія начала, такъ какъ постановленія о подстрекательствѣ для случаевъ этого рода были бы очень строги. Подстрекательство вообще, а слѣд. и подстрекательство печатнымъ словомъ, наказуемо только при дѣйствительномъ произведеніи тѣхъ нарушеній, которыя имѣлись въ виду подстрекателемъ. Напротивъ, къ непрямому возбужденію путемъ преступнаго слова карательныя мѣры должны быть примѣняемы и тогда, когда оно не произвело никакого вліянія на читателя, когда сфера юридическихъ отношеній осталась нетронутою, такъ какъ авторъ слова, опубликовавъ его, сдѣлалъ все, что̀ могъ, дальнѣйшее было не въ его власти и даже внѣ области его дѣйствія. Это разрѣшеніе вопроса принадлежитъ бывшему вѣнскому профессору, теперь австрійскому министру юстиціи—Глазеру, с именемъ котораго мы уже имѣли случай встрѣчаться въ предыдущемъ изложеніи. Въ работѣ, представленной 6-му съѣзд

ерманскихъ юристовъ [1]), Глазеръ высказывается, что всякое слово теряетъ характеръ юридически-безразличнаго явленія, становясь прямымъ или непрямымъ возбужденіемъ къ правонарушенію. Въ первомъ случаѣ это есть общее преступленіе, для состава котораго совершенно одинаково, совершается ли оно путемъ слова или другимъ способомъ дѣйствія. Во второмъ—мы имѣемъ дѣло съ преступленіями слова въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, такъ какъ они не могутъ быть совершаемы иначе, какъ именно путемъ слова. Первыя запрещаются какъ правонарушенія; запрещеніе вторыхъ дѣлается исключительно по соображеніямъ безопасности общественнаго порядка. Кромѣ того, въ область преступленій слова, въ собственномъ смыслѣ этого термина, Глазеръ относитъ и такія выраженія мысли, которыя, не представляя характера возбужденія, направляются на объектъ, стоящій подъ особою охраною закона, въ формѣ, которая неумѣстна сама о себѣ (an sich verwerflich).

Глазеръ, съумѣвшій успѣшнѣе другихъ представить доводы этой теоріи, не былъ однако ея родоначальникомъ. Ее мы встрѣчаемъ уже во французскомъ законѣ 17-го мая 1819 г., который пытался построить отвѣтственность всей печати на началѣ непрямого возбужденія (provocation indirecte), и Карно, извѣстный своими свѣтлыми взглядами криминалистъ Франціи, тогда же подвергъ тщательному анализу его опредѣленія, доказавъ полнѣйшую несовмѣстимость ихъ съ общими началами права. Несмотря однако на его аргументы, мы встрѣчаемъ ту же самую теорію въ дальнѣйшихъ законодательныхъ актахъ Франціи, откуда она успѣла перейти и въ германскіе законы о печати; поэтому намъ придется остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Возбужденіе есть признакъ въ высшей степени субъективный. Рѣшить вопросъ, возбуждаетъ или не возбуждаетъ данное слово къ опредѣленному роду дѣятельности, не зная его результатовъ,—мы не въ состояніи, если будемъ основываться только на характерѣ слова; громадное значеніе имѣетъ тутъ вліяніе читателя. Одно и то же слово на различныхъ лицъ оказываетъ различное дѣйствіе. Процензуровавъ сочиненіе Neercassel'я: «Amor penitens sive de recto clavium usu». Utrecht 1683,—папа Александръ VIII запретилъ его декретомъ священной конгрегаціи, какъ книгу въ высшей степени возмутительную; но когда о ней затѣмъ сообщили

---

[1]) Gutachten des Professor Dr. Glaser in Wien über die durch den deutschen Journalistentag angeregte Gesetzgebungsfrage, betreffend die Pressvergehen. Въ Verhandlungen, 1865, ч. I, стр. 68 и слѣд.

Иннокентію XI, то онъ не только не согласился подтвердить запрещеніе своего предшественника, но даже съ особенною силою рекомендовалъ вѣрующимъ это «прекрасное сочиненіе святого автора» (il libro e buono e l'autore e un sancto). Даже различныя положенія, въ которыхъ находится одно и то же лицо, слушая одно и то же слово, не остаются безъ вліянія на отношеніе его къ слову. Apolline comte de Guibert, авторъ знаменитаго въ свое время «Essai général de Tactique», написалъ также, между прочимъ, маленькую пьеску для театра подъ заглавіемъ «Le connetable de Bourbon». Прочитавъ ее, Людовикъ XVI изъявилъ полную готовность на представленіе ея въ театрѣ; но когда онъ ее увидѣлъ на сценѣ, то въ высшей степени былъ «удивленъ дерзостью лицъ, нестѣсняющихся выводить подобныя вещи предъ его глазами», сказалъ, что онъ обманулся при чтеніи, и предписалъ уничтожить пьесу Гибера со всевозможною тщательностью. Еще сильнѣе мѣняется впечатлительность массы. Не рѣдки примѣры, что слово, которое сегодня оставалось безъ всякаго на нее вліянія, на другой день оказывалось какъ-бы магическою силою, совершенно овладѣвавшею ею.

Тѣмъ не менѣе, однако, было сдѣлано нѣсколько небезъинтересныхъ попытокъ указать внѣшніе признаки слова, поднимающагося на степень возбужденія къ противозаконной дѣятельности, но не переходящаго въ подстрекательство. Попытки эти шли двумя различными путями. Одинъ изъ нихъ можно назвать по преимуществу объективнымъ. Принятый французскимъ закономъ 18-го мая 1819 г., которому подражаетъ отчасти и прусскій законъ 1851 г. (§ 48), этотъ путь ограничивается перечисленіемъ отдѣльныхъ выраженій слова, и путемъ безусловнаго, легальнаго предположенія объявляетъ названныя выраженія видами преступнаго возбужденія. Подъ вліяніемъ этого именно направленія, въ законодательствахъ появились постановленія о диффамаціи, вытѣснившія прежніе законы о клеветѣ. Очевидно однако, что въ случаяхъ этого рода слово подвергается отвѣтственности не какъ средство возбужденія, а как самостоятельное преступленіе, и потому вопросъ о юридическої отвѣтственности или о юридическомъ безразличіи его, строго говоря, разрѣшается здѣсь на основаніи собственныхъ элементовъ его состава, а не по степени возбудительности его.

Другой путь становится на почву впечатлѣній, которыя могутъ быть вызваны словомъ въ умахъ читателей; согласно ему слово тогда признается преступнымъ способомъ возбужденія, если оно вызываетъ *презрѣніе* и *ненависть* къ опредѣленнымъ въ за

конѣ предметамъ. Еще французскій законъ 17—18 марта 1822 г., извѣстный подъ именемъ «закона тенденціи», примкнулъ къ этому разрѣшенію вопроса; хотя онъ и былъ отмѣненъ въ 1828 г., однако рекомендованная имъ формула возстановлена закономъ 2 августа 1848 года. Къ ней же примкнули впослѣдствіи итальянскій законъ 1859 г., прусскій 1851, баварскій 1862, австрійскій 1862 и многіе другіе.

Скоро, однако, оказалось, что этотъ признакъ не могъ доставить судебной практикѣ никакого прочнаго указанія для опредѣленія того, какое слово должно признавать юридически-отвѣтственнымъ. Высшіе кассаціонные суды объявляли вопросъ, возбуждаетъ ли данное сочиненіе ненависть или презрѣніе къ правительству, вопросомъ факта, и упорно отказывались отъ разрѣшенія его. Въ свою очередь, суды по существу также были лишены возможности юридическаго разрѣшенія его и сваливали все дѣло на личный вкусъ и непосредственное впечатлѣніе. Да и понятно: никто не можетъ сказать, а тѣмъ болѣе доказать, какое слово возбудительно. Странно только, что, между тѣмъ какъ о впечатлѣніи можетъ свидѣтельствовать лишь то лицо, которое его испытываетъ, оцѣнка силы возможнаго впечатлѣнія, предлагаемаго словомъ, возлагается на судей, т.-е., на лицъ, которые вовсе не были возбуждены, и отъ которыхъ самъ законодатель требуетъ, чтобы на нихъ слово не произвело впечатлѣнія, интересующаго его. «Ненависть и презрѣніе, какъ прекрасно замѣчаетъ Лентнеръ, суть внутреннія ощущенія, неподдающіяся никакому контролю, пока онѣ не выразятся во внѣ дѣйствіями или дѣлами. Но и это происходитъ очень рѣдко, такъ какъ, вообще, чрезвычайно трудно превратить ощущеніе въ дѣло. Многое, вызывающее чувство ненависти или презрѣнія, коренится такъ глубоко въ человѣческихъ слабостяхъ и недостаткахъ, что существованіе его, какъ необходимаго зла, вполнѣ обезпечено». «Что́ сказали бы о частномъ человѣкѣ», прибавляетъ онъ далѣе, «который бы обратился съ претензіями къ другому за то, что онъ его презираетъ или ненавидитъ? Предоставьте же людямъ презирать и уважать, любить и ненавидѣть кого и что́ хотятъ, если они только не могутъ сдѣлать то, дѣлать чего они не должны». Еще раньше графъ de Serre, прославившійся въ исторіи французскаго законодательства печати, съ неменьшимъ правомъ сказалъ: «la haine, le mépris se sent, il se comprend, il ne peut pas se définir».

Всѣ эти соображенія были приняты бельгійскими законодательными дѣятелями, которые, по иниціативѣ Гауса, еще въ 1839 г. рѣшились отказаться отъ французской формулы. Изъ

интересующихъ насъ проектовъ, проектъ Виндгорста-Бидермана также чуждъ ей, постановляя въ § 5, что слово признается юридически-безразличнымъ или юридически-отвѣтственнымъ не иначе, какъ на основаніи общихъ уголовно-юридическихъ началъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ германскомъ уголовномъ уложеніи. Проектъ Бисмарка, напротивъ, становится къ нимъ въ самое враждебное отношеніе, такъ какъ § 20 его, съ которымъ мы будемъ еще имѣть случай встрѣтиться въ дальнѣйшемъ изложеніи, объявляетъ преступными такія выраженія мысли, которыя, не удовлетворяя условіямъ общаго уголовнаго кодекса, представляются лишь непрямымъ возбужденіемъ къ запрещеннымъ въ законѣ нарушеніямъ.

Къ ряду направленій, ставящихъ границу между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ въ его содержаніи, относится еще взглядъ, согласно которому слово, обращаясь къ публичности для выясненія истины, всегда и неуклонно должно стоять подъ знаменемъ истины. Измѣняя ей, оно дѣлается юридически-отвѣтственнымъ; оставаясь вѣрнымъ ей, оно стоитъ внѣ области государственныхъ мѣръ. Направленіе это не ново по времени; еще римскіе папы оправдывали религіозные громы противъ слова своею обязанностью во всей чистотѣ поддерживать истину христіанскаго ученія. На той же идеѣ стояла впослѣдствіи государственная власть: преслѣдуя сочиненія политическаго содержанія, она оправдывалась тѣмъ, что на ея обязанности лежитъ защита истинныхъ началъ государственнаго строя. Словомъ, тутъ повторилась обыкновенная исторія: истина оказывалась тамъ, гдѣ была сила. Кромѣ того, даже въ случаяхъ, гдѣ вовсе не замѣшаны интересы представителей силы, этотъ признакъ не выдерживаетъ критики. Истина обыкновенно не дается вдругъ, къ ней ведетъ не прямая дорога, а множество окольныхъ, выпрямляемыхъ лишь мало-по-малу. Мильтонъ былъ въ высшей степени правъ, говоря, что только при помощи заблужденій можно придти къ истинѣ. Не менѣе правъ Лессингъ, по замѣчанію котораго «не обладаніе истиной, а усилія, положенныя на отысканіе ея, составляютъ нравственную заслугу человѣка». По всѣмъ этимъ соображеніямъ, приведенный признакъ также оказывается непрочнымъ, также не гарантируетъ слово отъ напрасныхъ и неумѣстныхъ преслѣдованій.

Не болѣе удачными оказались попытки разрѣшенія этого вопроса по *формѣ* слова. Онѣ принадлежатъ той исторической эпохѣ, когда убѣжденіе въ неумѣстности преслѣдованій мысли успѣло значительно окрѣпнуть, когда появилось уже убѣжденіе,

что каково бы ни было содержаніе слова, оно должно пользоваться неприкосновенностью со стороны государства, если только оно не подпадаетъ подъ общія условія преступности. Но эта неприкосновенность обезпечена съ тѣмъ, чтобы слово выражалось въ скромной и мягкой формѣ, совмѣстимой съ общежитіемъ: «Хотя всякій имѣетъ право дѣлиться съ публикой, при помощи типографскаго станка, своими взглядами и убѣжденіями по различнымъ вопросамъ религіи»—говоритъ подъ вліяніемъ этого направленія виртембергскій законъ о печати 1817 г., дѣйствующій и въ настоящее время—«однако только честнымъ (ernsten) тономъ, приличнымъ изслѣдователю истины и старательно избѣгая всего, что̀ давало бы возможность заключить о намѣреніи автора подвергнуть презрѣнію и осмѣянію лица и предметы религіознаго почитанія общества» (§ 4). Тогда-то стали говорить о «формѣ, которая неумѣстна сама по себѣ», о «юридически-неумѣстной формѣ», неразрывно связывая съ нею вопросъ юридической отвѣтственности. Выдержать это начало, впрочемъ, со всею послѣдовательностью оказалось невозможнымъ, такъ какъ форма неразрывно связана съ содержаніемъ слова и можетъ получить юридическое значеніе только разсматриваемая въ связи съ тѣмъ предметомъ, на который оно обращается. И въ самомъ дѣлѣ, законодательства о печати обыкновенно вооружаются противъ этой «неумѣстной формы» только относительно нѣкоторыхъ предметовъ, требуя, чтобы аргументація о нихъ шла «умѣстными формами слова». Таковы религія, нравственность, верховное правительство, юстиція и т. п. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что форма слова, выбираемые имъ обороты и сближенія, оказываются элементами первой величины при оцѣнкѣ возможнаго вліянія слова на читателя. Но тотъ мотивъ, который побуждаетъ законодателя обращать вниманіе на этотъ элементъ — мотивъ противодѣйствія слову наиболѣе опасному,—стоитъ въ обратномъ отношеніи къ совершенству формы. «Неумѣстную форму» съ его точки зрѣнія слѣдовало бы поставить на мѣсто «умѣстной», и наоборотъ,—такъ какъ форма неумѣстная въ теперешнемъ смыслѣ этого слова, т.-е., форма грубая, неотдѣланная, выступающая безъ всякой элегантности, менѣе всѣхъ другихъ способна пріобрѣсти адептовъ въ рядахъ читателей. Презрѣніе, омерзеніе, и по меньшей мѣрѣ пренебреженіе къ слову, выступившему въ «неумѣстной формѣ»—вотъ ея единственно возможные результаты. Съ другой стороны, современное состояніе литературы знаетъ такое богатство различныхъ формъ выраженія мысли, что для автора есть полная возможность обратиться къ любой изъ нихъ съ одинако-

выми почти шансами успѣха, такъ что преслѣдованіе нѣкоторыхъ формъ для государства оказывается совершенно безполезною тратою времени и силъ. Гдѣ стѣснена обличительная литература, можно прибѣгнуть къ юмору, гораздо болѣе злому, чѣмъ всякое прямое обличеніе, и не оставляющему никакой лазейки для прокуратуры. Ходить за примѣромъ не далеко, такъ какъ современная русская литература не разъ доказывала что самая ѣдкая иронія можетъ уложиться въ самыхъ неуловимыхъ для государственнаго преслѣдованія формахъ. «Неумѣстная» форма теперь означаетъ форму «неумѣлую», и наказывать за нее значитъ наказывать автора за недостаточно ловкое владѣніе языкомъ, на которомъ онъ выражается. Это было бы любопытное примѣненіе воспитательной теоріи кары. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, германскіе законы о печати новаго времени уже отказались отъ этого признака юридически-отвѣтственнаго слова. О немъ не говорятъ и проекты германскихъ журналистовъ, его не приняла также имперская дума. Проектъ Бисмарка стоитъ совершенно особнякомъ. § 20-ый этого проекта, говорящій о формѣ «расходящейся съ требованіями нравственности, юридическаго смысла и любви къ отечеству», представляетъ собою любопытный примѣръ начала переживанія, встрѣченный со стороны германской литературы протестомъ и насмѣшкой.

IX.

Всѣ изложенныя попытки, такимъ образомъ, оказались безуспѣшными для общаго разрѣшенія вопроса о юридической отвѣтственности слова. Причина этого заключается въ совершенномъ игнорированіи общихъ началъ уголовнаго права и въ стремленіи разрѣшить поставленный вопросъ особнякомъ отъ нихъ. Въ результатѣ оказывались угловатости и произвольные отвѣты. Даже такой талантливый публицистъ, какъ Лоренцъ Штейнъ—быть можетъ потому именно, что и онъ отнесся къ нему, какъ публицистъ, а не какъ юристъ—не свободенъ отъ этого упрека. Слово, по его теоріи, является въ печати или какъ духовная *работа*, или какъ духовное *дѣло*. Въ первомъ своемъ качествѣ, оно представляетъ не болѣе, какъ ходъ мысли автора, ограничивающейся аргументаціей за и противъ даннаго положенія; это—чистое воплощеніе ума свободнаго и признающаго свободу другихъ. Читатель можетъ согласиться, можетъ и не согласиться съ приведенными аргументами; согласившись съ ними, онъ же дѣлаетъ изъ нихъ тот

или другой выводъ, авторъ его не приневоливаетъ ни къ какому, онъ не указываетъ никакого вывода, оставляя это самостоятельной работѣ мысли читателя. Иное—духовное дѣло. Здѣсь мысль автора вторгается готовою въ духовную жизнь другого лица; готовою въ томъ смыслѣ, что она не ставитъ себя въ зависимость отъ свободнаго анализа читателя, но является для него, какъ объективный фактъ, какъ явленіе, покоющееся исключительно на самоопредѣленіи автора. Духовная работа стоитъ къ читателю въ отношеніи внутреннемъ, котораго чужда юридическая дѣятельность государства; а духовное дѣло—въ отношеніи внѣшнемъ. Первая требуетъ свободы, устраненія всякаго вмѣшательства внѣшней силы; второе — системы юридическихъ началъ, опредѣляющихъ сферу правъ духовнаго дѣла и его отвѣтственность. Юридически-отвѣтственнымъ духовное дѣло является въ трехъ главныхъ формахъ. Первая и самая понятная, самая безспорная—оскорбленіе чести и обида во всѣхъ ея видахъ. Вторая — отрицаніе основъ нравственнаго и правового порядка общежитія выраженіемъ такой «готовой» мысли. Третья, наконецъ,—возбужденіе другихъ лицъ къ физическому дѣйствію, которое, будь оно совершено, представляло бы нарушеніе какого-нибудь права. Что этими духовными дѣлами можетъ быть произведена неправда—никогда не было и не будетъ спорнымъ. Вопросъ о *составѣ*, необходимомъ для признанія неправды въ этихъ видахъ духовнаго дѣла, разрѣшается закономъ и судомъ; вопросъ о размѣрѣ наказанія ихъ есть дѣло законодательства.

Таковы положенія Лоренца Штейна. Авторъ чрезвычайно мѣтко указываетъ различіе между духовной работой и духовнымъ дѣломъ; но значеніе этого различія, быть можетъ и важное для публициста, быть можетъ не лишенное интереса для литератора и изслѣдователя философіи мысли, совершенно ничтожно для юриста. Оно не въ силахъ быть критеріемъ юридически-отвѣтственнаго и юридически-безразличнаго слова. Доказательства на лицо у самого Штейна. Съ одной стороны, авторъ не въ силахъ сдѣлать какіе-либо практическіе выводы изъ своего положенія о различіи между духовной работой и духовнымъ дѣломъ, не въ силахъ опредѣлить область юридической отвѣтственности слова. Онъ далъ лишь указаніе, что слово на степени духовной работы есть явленіе юридически-безразличное; но какое слово, восходящее на степень духовнаго дѣла, должно быть признано юридически-отвѣтственнымъ, на основаніи его теорій рѣшить нельзя. Казалось бы, что всякое такое слово должно подлежать юридической отвѣтственности, такъ какъ всякое духовное дѣло по

Штейну есть вторженіе въ духовную область другого лица, составляя рѣшительную противоположность духовной работѣ, и только для послѣдней авторъ настаиваетъ на полной свободѣ. Но съ этимъ выводомъ своей теоріи не соглашается самъ Штейнъ. Совершенно особнякомъ отъ нея, онъ выставляетъ три вида отвѣтственной неправды, въ которыхъ можетъ выразиться духовное дѣло; онъ заимствуетъ ихъ изъ исторіи, но даже не пытаясь подкрѣпить ихъ аргументами своей теоріи и представить ихъ, какъ логическіе ея выводы. Да это и невозможно: общая теорія Штейна не состоитъ съ ними ни въ какой связи. Вотъ почему въ указаніи видовъ юридически-отвѣтственнаго духовнаго дѣла, которые Штейнъ считаетъ безспорными во вѣки вѣковъ, замѣчается полный произволъ. Мы будемъ имѣть случай привести въ слѣдующей главѣ доказательства этой мысли; теперь же достаточно будетъ замѣтить, что теорія Штейна оставляетъ нетронутымъ существующій произволъ въ разрѣшеніи вопроса, какое слово можетъ быть разсматриваемо юридически-отвѣтственнымъ возбужденіемъ къ запрещенному физическому дѣйствію. Свести его къ тѣснымъ границамъ подстрекательства Штейнъ не соглашается, но не указываетъ также никакого другого критерія. Съ другой стороны, самое различіе между словомъ, какъ духовной работой и духовнымъ дѣломъ, на которомъ покоится вся теорія Штейна, построено на такомъ признакѣ, который не въ силахъ принести никакой пользы для размежеванія сферы юридически-безразличнаго и юридически-отвѣтственнаго слова. Духовная работа оставляетъ читателю полную свободу, духовное дѣло предлагаетъ ему данную мысль, какъ объективный фактъ. Хотя и съ этимъ согласиться едва ли возможно, такъ какъ и «духовная работа» оказываетъ на читателя весьма значительное вліяніе, но допустимъ, что положеніе Штейна безспорно, примемъ его за чистую монету. Этимъ предположеніемъ, однако, вопросъ о различіи между духовной работой и духовнымъ дѣломъ еще не разрѣшается, на очереди стоитъ другой вводный вопросъ: почему же, по какимъ внѣшне-распознаваемымъ чертамъ мы можемъ классифицировать слово на духовную работу и на духовное дѣло? «По тому, отвѣчаетъ Штейнъ, даетъ ли авторъ выводъ изъ своей мысли готовымъ, или предоставляетъ самому читателю дойти до него. Если авторъ предлагаетъ свою мысль безъ выводовъ, если онъ не стѣсняетъ ими читателя, его слово есть духовная работа. Но какъ только сюда прибавились выводы, сдѣланные самимъ авторомъ, слово становится духовнымъ дѣломъ». Неумѣстность подобнаго признака очевидна. Одно и то же сочиненіе можетъ быть то ду-

ховной работой, то духовнымъ дѣломъ, одинъ и тотъ же трактатъ можетъ быть юридически-безразличнымъ или юридически-отвѣтственнымъ, смотря потому, выйдетъ ли онъ съ выводами или безъ выводовъ автора. Притомъ, Штейнъ не различаетъ, будутъ ли это выводы ученые, художественные или личные; не говоритъ также, какихъ сторонъ они должны касаться, что́ должно быть ихъ предметомъ. Вотъ почему онъ и не могъ построить рѣшеніе вопроса объ объемѣ преступленій слова на своей теоріи и обратился за нимъ, просто-на-просто, къ дѣйствовавшимъ законамъ о печати, достоинства которыхъ оспаривались имъ самимъ.

Эта и другія неудачныя попытки, изложенныя выше, объясняются стремленіемъ публицистовъ и полицеистовъ разрѣшить поставленный вопросъ совершенно отдѣльно и независимо отъ общихъ юридическихъ началъ. Неподражаемые въ деталяхъ, публицисты, по самому характеру своей науки въ современномъ ея развитіи, пасуютъ всякій разъ, какъ только зайдетъ рѣчь о разрѣшеніи того или другого затрудненія общимъ образомъ. Глядя на предметъ своей спеціальности какъ на совершенно самостоятельное и замкнутое цѣлое, они лишаютъ себя возможности воспользоваться тѣми указаніями, которыя были бы въ состояніи предложить имъ болѣе развитыя отрасли науки права. Въ другомъ мѣстѣ [1]) я старался доказать, что пока государствовѣдѣніе не станетъ на эту дорогу, оно осуждаетъ себя на путь частностей и обѣщаетъ лишь красиво отдѣланныя монографіи, не лишенныя достоинствъ въ частныхъ штрихахъ, но съ полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь прочнаго общаго плана. Всякая область знанія, претендующая на прогрессъ, должна опереться на другія, болѣе разработанныя области, начиная съ однородныхъ. Законъ тотъ, существующій для наукъ вообще, примѣняется, конечно, и къ наукамъ юридико-политическимъ. Не вина публицистовъ, конечно, что до сихъ поръ они не съумѣли стать на правовую почву: всякое понятіе, всякій юридическій институтъ долженъ предварительно пройти стадію полицейскую и только мало-по-малу достигаетъ своего правового характера. Это—общій исторический законъ. Такъ было прежде съ институтомъ собственности и имущественными преступленіями; нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ картину представляли личныя преступленія, а теперь въ ея рамкахъ стоятъ преступленія слова вообще и печатнаго слова въ частности. Для преступленій общихъ, эта стадія уже канула въ Лету; стоя на началахъ ея, публицисты не въ силахъ дать сколь-

---

[1]) См. „Война и Судъ“ въ Жур. Гражд. и Угол. Права, 1873 № 4-й.

ко-нибудь удовлетворительные отвѣты о границахъ юридически-отвѣтственнаго слова, и потому теперь уже пора протестовать противъ нихъ и для этого института пора поискать разрѣшеніе его юридической природы въ наукахъ юридическихъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Какъ гражданское, такъ и уголовное право построены на началѣ конкретности. «Право» въ субъективномъ смыслѣ есть власть, принадлежащая данному лицу относительно конкретно-опредѣленнаго предмета. Если въ учебникахъ гражданскаго права и говорится объ общихъ юридическихъ институтахъ независимо отъ принадлежности ихъ Петру, Андрею или Ивану, то только въ интересахъ лучшаго изученія этихъ институтовъ; право собственности можетъ быть разсматриваемо какъ общее понятіе, и только при этомъ условіи возможно изучить его разнообразныя формы и послѣдствія, въ дѣйствительности же это право существуетъ только въ видѣ отдѣльныхъ институтовъ, принадлежащихъ даннымъ лицамъ. Точно также можно вступить въ бракъ съ даннымъ лицомъ другого пола, но вступить въ бракъ вообще — нельзя. Тотъ же характеръ конкретности представляютъ отношенія уголовно-юридическія. Кража въ смыслѣ ихъ можетъ имѣть мѣсто только для конкретно-опредѣленнаго лица относительно конкретно-опредѣленнаго предмета и при помощи конкретно-опредѣленнаго дѣйствія; но было бы юридическою нелѣпостью признавать кого-либо виновнымъ въ кражѣ вообще. Убить можно Петра, Сидора, Андрея, какого-либо даннаго человѣка, но не человѣка вообще. Это начало конкретности есть общій, руководящій законъ гражданскаго и уголовнаго права. Все, лежащее за предѣлами конкретности, чуждо юридической сферѣ; заключенное же въ ея предѣлахъ *можетъ* быть предметомъ ея.

Признакъ этотъ въ высшей степени важенъ для опредѣленія границы между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ, потому что слово можетъ имѣть своимъ предметомъ какъ общее, такъ и конкретное. До тѣхъ поръ, пока слово остается въ области общаго, пока оно не касается конкретно-опредѣленнаго отношенія, оно чуждо юридической сферѣ и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Никогда не слѣдуетъ забывать, что общее существуетъ только въ умѣ человѣческомъ, что оно не имѣетъ внѣшняго бытія и потому не можетъ быть нарушаемо внѣшнимъ дѣйствіемъ. Только переходя въ сферу конкретнаго, только направляясь противъ конкретно-опредѣленнаго отношенія, мысль становится подъ эгиду юридическихъ мѣръ, и если эти отношенія получили значеніе правъ, она дѣлается юридически-отвѣтственной. Всякое иное раз-

рѣшеніе вопроса расходится съ началами права, и такъ какъ
юслѣднія, въ тѣхъ или другихъ формахъ, всегда жили въ
бществѣ, то и идея о юридическомъ безразличіи мысли, ос-
ающейся въ области общаго, очень часто проглядываетъ въ
исторіи законодательства печати. Этимъ именно объясняется убѣж-
деніе, пустившее уже глубокіе корни въ сознаніе правительствъ
народовъ, что «наука и ея ученія свободны». Этимъ же
бъясняется протестъ противъ различныхъ произвольныхъ огра-
иченій понятія науки по органамъ слова и по содержанію или
о формѣ, такъ какъ всякій органъ пригоденъ для разъясненія
пропаганды общаго, общее можетъ вылиться въ любомъ содер-
каніи и въ любой формѣ. На основаніи того же начала, ли-
ература отвоевала себѣ право свободнаго изображенія типовъ;
мъ же объясняется побѣда исторической науки надъ прежними
тѣсненіями. Въ немъ же находятъ свое объясненіе тѣ особенно-
ти мѣръ, къ которымъ государство всѣхъ временъ прибѣгаетъ
ъ слову, по своимъ задачамъ остающемуся всегда въ области
онкретнаго, именно къ рекламамъ, афишамъ и т. д.

Идея эта живетъ давно, ростки ея можно прослѣдить въ глу-
окой древности, ее уже вырѣзали на XII-ти мѣдныхъ таблицахъ,
бщавшихъ молодому Риму его права и его обязанности. Но все
го время она росла тѣмъ же порядкомъ и по тѣмъ же зако-
амъ, какъ всякая другая идея; сперва она была сознана для
ебольшой области отношеній, которая расширялась понемногу,
акъ что на вызрѣваніе ея потребовалось много вѣковъ, много
силій человѣческой мысли и еще больше усилій дѣятелей, по-
савившихъ задачею практическое ея осуществленіе. Какъ бы то
и было, важнѣйшія преграды пали, и современное состояніе
наетъ уже нѣсколько государствъ, гдѣ законодательство и судебная
рактика объявили принципъ полной непримѣнимости государ-
твенныхъ мѣръ къ тому печатному слову, которое остается въ
бласти общаго. Критика вступила здѣсь во всѣ свои права.

На этотъ путь, избранный Великобританіей и Сѣверо-аме-
иканскимъ Союзомъ, стали въ послѣднее время становиться и
ногія германскія законодательства. Прочный починъ ему данъ
аксонскимъ закономъ 1870, который не заключаетъ въ себѣ
и одного спеціальнаго опредѣленія о преступленіяхъ печати ни
о содержанію, ни по формѣ слова, предоставивъ эту задачу
ецѣло и исключительно общему уголовному кодексу и, такимъ
бразомъ, объявивъ общія уголовно-юридическія начала обяза-
льными и для печатнаго слова. Проектъ Виндгорста-Бидер-
ана шелъ тѣмъ же путемъ, но проектъ Бисмарка представляетъ

рѣзкое отъ него отступленіе, такъ какъ онъ знаетъ особыя преступленія слова, неизвѣстныя уголовному уложенію, объявляя юридически-отвѣтственнымъ даже такое слово, которое не выходитъ изъ области общаго (§ 20).

Согласно общей юридической системѣ, юридически-отвѣтственнымъ *можетъ* быть признано только такое слово, которое вторгается въ область конкретнаго. Но, разумѣется, не всякое слово, спустившееся въ область конкретнаго, eo ipso становится юридически-отвѣтственнымъ. Слово можетъ быть направлено на данное юридическое отношеніе двояко. Съ одной стороны, автору для достиженія задуманнаго послѣдствія необходима посредствующая физическая дѣятельность другихъ лицъ, и эту-то задачу онъ желаетъ достигнуть своимъ словомъ. Общее уголовное право знаетъ одну изъ формъ этого рода—подстрекательство въ техническомъ смыслѣ, и несомнѣнно, оно можетъ быть совершено какъ словомъ устнымъ, такъ и словомъ письменнымъ или печатнымъ. Однако, границы этого понятія слишкомъ узки: оно предполагаетъ склоненіе опредѣленнаго лица къ опредѣленному дѣйствію для запрещеннаго закономъ нарушенія, и необходимо требуетъ реальный сговоръ подстрекателя съ подстрекаемымъ, такъ что послѣдній сознательно и свободно дѣлается орудіемъ мысли перваго. Но случаями этого рода не исчерпывается вліяніе слова на дѣятельность другого лица. Эта мысль уже давно стала достояніемъ публицистовъ, но дать на нее отвѣта они до сихъ поръ не были въ силахъ, изощряя свой умъ на изобрѣтеніи особыхъ порядковъ отвѣтственности слова. Между тѣмъ, общая уголовно-юридическая теорія легко и просто даетъ прямой отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Согласно ей, лицо признается причиною даннаго явленія не только въ томъ случаѣ, если оно произвело его непосредственно своею физическою дѣятельностью, но и тогда, когда оно *насиліемъ* или *обманомъ* успѣло побудить другое лицо къ произведенію его. Но насиліе и обманъ могутъ выразиться и въ человѣческомъ словѣ; въ случаяхъ такого рода оно можетъ быть признано отвѣтственнымъ за противозаконное нарушеніе или покушеніе на него—по общимъ началамъ уголовнаго права, или же за дѣятельность болѣе отдаленную отъ послѣдствія—по началамъ преступной угрозы. На этотъ путь стали въ послѣднее время и германскія законодательства. Уголовное уложеніе 1870 признаетъ печатное слово возможнымъ орудіемъ вымогательства, преступнаго противодѣйствія свободному отправленію избирательныхъ правъ, возмущенія, мошенничества и всѣхъ вообще преступленій, послѣдствіе которыхъ зависитъ отъ насильственной

ли обманной дѣятельности, могущей имѣть мѣсто путемъ слова, ли путемъ физическаго дѣйствія. — Съ другой стороны, авторъ лова, не нуждаясь для произведенія задуманнаго послѣдствія возбужденіи третьихъ лицъ къ противозаконной дѣятельности, оргается своимъ словомъ въ конкретную сферу правъ другого ица, для которой законъ гарантируетъ неприкосновенность. Та-ова именно сфера чести. Здѣсь слово не ставитъ себя въ зави-имость отъ того, будетъ ли оно или не будетъ принято третьими ицами къ свѣдѣнію и исполненію, а потому и отвѣтственность о обсуживается совершенно независимо отъ этого момента.

X.

Игнорированіе общихъ юридическихъ началъ отвѣтственно-и для человѣческаго слова отозвалось наиболѣе грустными по-ѣдствіями въ обрисовкѣ предмета преступленій печати. Мы уже дѣли, что преступленіе мыслимо только какъ нарушеніе кон-етно-существующаго права. Публицисты же и полицеисты, какъ недостаточному знакомству своему съ науками юридическими, къ и въ виду вышеуказаннаго закона объ исторической пред-ественности полицейскаго разрѣшенія юридическихъ вопросовъ авовому,—придали предмету отвѣтственнаго слова совершенно ую окраску. Согласно имъ, религія, нравственность, юстиція, сударство, правительство, — могутъ быть нарушаемы словомъ, гаваясь понятіями общими. Эту идею мы еще встрѣчаемъ у тейна, не говоря уже о звѣздахъ второстепенной и третьесте-нной величины, къ разряду которыхъ въ германской литературѣ носятся Лентнеръ, Лау, Виснеръ и друг.

Германскія законодательства, однако, въ послѣднее время на-ли отступать отъ этого пути, и общегерманское уголовное уло-ніе 1870 года избѣгаетъ дѣлать какія бы то ни было особыя становленія о предметѣ преступленій печати, примыкая свои редѣленія о нихъ къ общимъ преступленіямъ. Мысль, что об-е не имѣетъ внѣшняго конкретнаго бытія и потому не мо-етъ быть нарушаемо внѣшнимъ дѣйствіемъ, что абстракція не равѣ претендовать на юридическую охрану, казалось, успѣла вершенно упрочиться въ сознаніи германскихъ правительствъ народовъ. Еще на шестомъ съѣздѣ германскихъ юристовъ, азеръ могъ заявить при полномъ сочувствіи всего юридиче-аго сословія Германіи, что «публично высказанное слово мо-етъ дѣлать спорными (verleugnen) положенія права, нравствен-

ности и религіи, но не можетъ нарушать (verletzen) ихъ». Выходя изъ этого же положенія, проектъ Виндгорста-Бидермана уклонился отъ всякихъ особыхъ постановленій о предметѣ преступнаго слова. Успѣхъ правового направленія, повидимому, былъ совершенно упроченъ послѣ того, когда имперская дума стала на его сторону.

Понятно послѣ этого, какою неожиданностью для всей Германіи былъ § 20 правительственнаго проекта, рѣзко ставшій подъ старое, давно полинявшее знамя. Намъ такъ часто приходилось ссылаться на этотъ §, что теперь будетъ нелишнимъ привести его цѣликомъ. «Заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости до 2 лѣтъ» — говоритъ онъ — «подвергаются: уличенные въ посягательствѣ путемъ печати противъ (началъ) семьи, собственности, общей воинской повинности или иныхъ основъ государственнаго порядка, въ формѣ, подрывающей нравственность, правовой смыслъ (? Rechtsinn) или любовь къ отечеству;—уличенные въ объявленіи достойными подражанія, примѣрными или обязательными, такихъ дѣйствій, которыя законъ признаетъ наказуемыми;—признанные виновными въ изложеніи отношеній гражданскаго общества опаснымъ для публичнаго порядка образомъ.» Семья, собственность, общая воинская повинность — развѣ это «права» или «правоотношенія»? Конечно, нѣтъ. Собственность есть правоотношеніе, если она разсматривается въ примѣненіи къ тому или другому лицу; семья — тоже, и каждый юристъ отлично понимаетъ, что въ *этихъ* случаяхъ можно говорить о нарушеніи ихъ въ юридическомъ смыслѣ. Но приведенный § употребляетъ названные термины не въ этомъ смыслѣ, а въ смыслѣ абстрактныхъ понятій, въ смыслѣ отвлеченій изъ конкретныхъ институтовъ, существующихъ только въ умѣ законодателя. Проектъ Бисмарка называетъ эти понятія «основами государственнаго порядка», но и съ этимъ опредѣленіемъ трудно согласиться, если эти «основы» — какъ слѣдуетъ изъ буквальнаго смысла—означаютъ «основные законы» государственной жизни. Соціальная этика, конечно, знаетъ такіе законы, но сюда она относитъ не семью, собственность и воинскую повинность, а *законъ движенія*, по которому каждое человѣческое дѣйствіе и упущеніе зависитъ отъ самоопредѣленія дѣятеля, *законъ spontaneitatis*, изъ котораго вытекаетъ личная отвѣтственность, *законъ организаціи*, вслѣдствіе котораго человѣчество слагается въ семейства, роды, народности и другія нравственно-соціальныя единицы, во главѣ которыхъ стоитъ государственность. Таковы по современному состоянію эмпирическаго изслѣдованія важнѣйшія основы государственнаго существованія. Въ наукѣ, у нихъ

есть много защитниковъ, но много и противниковъ. Дѣло ли законодательства печати рѣшать ученый споръ ихъ, кто правъ, кто заблуждается? Но если принять даже, что семья, собственность и воинская повинность суть «основы государственнаго порядка», все же изъ этого не вытекаетъ необходимости охраны ихъ личнымъ наказаніемъ. Государство есть форма общежитія, стоящая независимо и выше частной воли, частной дѣятельности. Оно образовалось по прочнымъ, обязательнымъ для человѣчества законамъ, которыхъ не въ силахъ одолѣть ни отдѣльное лицо, ни даже совокупная дѣятельность многихъ лицъ. Основы государства до такой степени прочны, что онѣ вовсе не нуждаются въ слабой охранѣ репрессивныхъ мѣръ. Послѣднія, такимъ образомъ, оказываются совершенно безполезными и ненужными. Настолько же основательно было бы наказывать человѣка, который спичкой собирается сжечь колонны Исакіевскаго собора.

Гораздо болѣе вниманія со стороны германской литературы обратила на себя вторая часть приведеннаго параграфа, вооружающаяся противъ безнравственныхъ сочиненій. Какъ извѣстно, въ большихъ центрахъ населенія въ послѣднее время нерѣдко появлялась и до сихъ поръ появляется особая отрасль литературы, которая, подъ названіемъ литературы табачныхъ лавочекъ и пивныхъ, оказываетъ доказанное статистическими изслѣдованіями развращающее вліяніе на низшіе слои городского населенія, особенно на наиболѣе юные его классы. Обращаясь къ формамъ самымъ грубымъ, незнающимъ ничего священнаго, оскорбляющимъ самыя скромныя нравственныя требованія, эта отрасль литературы радикально расходится съ задачами печатнаго слова, и оказывая преимущественное вліяніе на юные классы населенія, даетъ государству право принять относительно ея нѣкоторыя особенности, аналогично тому, какъ и въ общихъ преступленіяхъ законодатель нѣсколько расширяетъ границы ихъ состава, если онѣ обращаются противъ лицъ несовершеннолѣтныхъ, малоопытныхъ и потому требующихъ съ его стороны больше заботливости. Но далеко не эту отрасль литературы имѣлъ въ виду проектъ Бисмарка. «Нравственность» понимается имъ въ смыслѣ политическомъ, въ смыслѣ кодекса нравственныхъ началъ господствующихъ классовъ. «Этотъ параграфъ, говорятъ мотивы къ проекту, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду установить мѣры противъ соціально-демократической партіи, которая, для привлеченія на свою сторону рабочихъ классовъ, облекаетъ свою агитацію въ формы, неподдающіяся общимъ опредѣленіямъ уголовныхъ законовъ. Она стремится достигнуть свою цѣль, ста-

раясь поставить рабочаго во враждебныя отношенія къ совокупности нравственныхъ основаній государственной жизни, убивая въ нихъ чувство права, нравственности и любви къ отечеству и возбуждая въ нихъ вмѣсто того чувство зависти и горечи къ владѣющимъ классамъ». Извѣстно, что германская нація отличается поразительною упорностью въ защитѣ мнѣній; нигдѣ идеи не доводятся до такой крайности, никакая литература не выступаетъ съ такимъ жаромъ противъ противныхъ ученій, какъ германская. Соціально-демократическая партія имѣетъ въ германской литературѣ множество ожесточенныхъ враговъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ другихъ сферахъ общественной жизни; но замѣчательно, что § 20 проекта Бисмарка встрѣтилъ отпоръ даже съ ихъ стороны. Причина этого двоякая. Разъ, 20 § написанъ въ редакціи до того общей, что подъ опредѣленія ея подходитъ всякій трактатъ о нравственности, построенный на началахъ, расходящихся въ любомъ отношеніи съ общепринятыми въ настоящее время. Работы Тейлора, опровергающія рядомъ энтологическихъ пріемовъ сверхъ-естественныя основы нравственности и сводящія нравственныя догмы къ историко-экономическимъ законамъ общежитія, въ такой же степени могли бы подпасть подъ опредѣленія § 20, какъ и сочиненія соціально-демократической партіи. Еще глубже идетъ второй мотивъ. Допуская, что соціально-демократическая литература, возбуждающая въ рабочихъ чувство зависти и горечи къ владѣющимъ классамъ, дѣйствительно въ высшей степени нежелательна для государства, адвокаты его протестуютъ однако противъ борьбы съ нимъ мѣрами репрессивными, какъ потому, что этимъ направленіемъ далеко не исчерпывается область ученій, нежелательныхъ для государства, такъ и потому, что борьба съ ними—дѣло самой литературы, непремѣнная задача критики, которой государственное вмѣшательство не только не поможетъ, но даже ослабитъ ея силу искусственнымъ уменьшеніемъ матеріала и лишеніемъ ея нравственнаго простора, свободнаго изслѣдованія. Только свобода создаетъ порядокъ, стѣсненія же мысли производятъ радикализмъ. Это—историческій законъ, не разъ подтверждавшійся цѣною человѣческой крови: «Какъ ни желательно—справедливо замѣчаетъ Глазеръ,—чтобы опредѣленныя начала о религіи, нравственности и государствѣ были признаваемы всѣми, но не менѣе желательно и не менѣе важно, чтобъ это признаніе не было вынужденнымъ, а основывалось на внутреннемъ убѣжденіи, къ которому ведетъ только свободное изслѣдованіе. Вынуждать признаніе ихъ, значитъ лишать ихъ всякой силы и всякаго значенія». Къ тому

же, при условіяхъ настоящей общественности, печать составляетъ далеко не единственный органъ распространенія мысли; народы приходятъ между собою въ весьма частое соприкосновеніе и иными средствами, пути сообщенія сдѣлали невозможнымъ поддержаніе прежнихъ стѣнъ мысли для тѣхъ или другихъ общественныхъ кружковъ, такъ что въ результатѣ оказывается, что репрессивныя мѣры противъ литературы этого рода совершенно безполезны и вредны для самого государства.

Не умѣя различить общаго отъ конкретнаго, считая слово юридически-отвѣтственнымъ и тогда, когда оно направлено противъ общаго, полицейская школа печати ставила еще вопросъ, въ высшей степени любопытный и совершенно непонятный для юриста: должно ли сочиненіе представлять условія преступнаго состава своимъ прямымъ смысломъ, или же наказуемость можетъ имѣть мѣсто и тогда, когда о несогласіи автора съ существующими началами о нравственности, религіи и государствѣ можно сдѣлать заключеніе только по духу его работы, по тенденціи ея? Очевидно, для юриста вопросъ этотъ вовсе не можетъ имѣть мѣста: оперируя съ внѣшними отношеніями, юристъ всегда долженъ оставаться чуждъ духовъ вообще и духовъ слова въ частности. Читать между строкъ онъ не умѣетъ и не долженъ, еще менѣе онъ вправѣ доискиваться внутреннихъ пружинъ той или другой мысли, сокровенныхъ желаній того или другого автора. Его дѣло—опредѣлить, заключается ли въ данномъ сочиненіи нарушеніе какого-либо конкретнаго права или покушеніе на него, и эта задача рѣшается имъ по общимъ началамъ толкованія письменныхъ документовъ, причемъ онъ основывается какъ на отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ и на сопоставленіи ихъ между собою. Но идти дальше этого и видѣть въ «духѣ» или тенденціи сочиненія возможное орудіе внѣшняго нарушенія объективныхъ предметовъ юристъ не можетъ: противъ этого протестуютъ коренныя аксіомы его науки. Вотъ почему и въ германскихъ законодательствахъ новѣйшаго времени, рѣшившихся поставить печать на почву права, замѣчается явное стремленіе къ такой редакціи постановленій о наказуемыхъ видахъ печати, которая исключала бы всякую возможность назначенія отвѣтственности за «духъ» или тенденцію сочиненія. Проектъ Виндгорста-Бидермана, уклоняясь отъ созданія особыхъ преступленій печати по содержанію или по формѣ слова, примыкаетъ къ этому именно направленію. Напротивъ, проектъ Бисмарка оставляетъ возможность судебнаго преслѣдованія сочиненій исключительно по тенденціи ихъ. Для наказуемости посягательствъ путемъ слова противъ началъ семьи, собствен-

ности, общей воинской повинности и иныхъ основъ государственнаго порядка онъ требуетъ лишь, чтобы слово заключало въ себѣ «нарушеніе нравственности, юридическаго смысла или любви къ отечеству», и подвергаетъ наказанію всякое изложеніе отношеній гражданскаго общества, которое можетъ быть опасно для общаго спокойствія. Напрасно искать въ этихъ постановленіяхъ иное желаніе, кромѣ желанія запастись возможностью преслѣдованія сочиненій, которыя могутъ не понравиться только своею тенденціею.

XI.

Внутренняя вина, основанная на вмѣненіи, по общимъ началомъ уголовнаго права, есть непремѣнное условіе преступности и наказуемости дѣйствія. Отъ полицейской школы мы должны ждать игнорированія и этого начала, такъ какъ она не въ силахъ была выяснить себѣ съ достаточною точностью предметъ преступленій печати. Наше ожиданіе вполнѣ подтверждается фактами. Вмѣненіе юридическое, какъ извѣстно, слагается изъ элементовъ знанія и воли. То и другая могутъ быть обращены на внѣшнее дѣйствіе, какъ способъ нарушенія, или на самое нарушеніе. По общимъ началамъ уголовнаго права требуется, чтобы виновный зналъ и желалъ не только дѣйствія, которымъ онъ производитъ нарушеніе въ данной области отношеній, но и послѣдствія его. Безъ желанія послѣдствія мы имѣемъ дѣло съ неосторожностью, безъ знанія и желанія послѣдствія говорятъ о явленіяхъ случайныхъ, стоящихъ внѣ области юридическаго вмѣненія, хотя бы было доказано, что дѣятель желалъ произвести то дѣйствіе, неожиданнымъ результатомъ котораго былъ ущербъ для юридической сферы другихъ. Пока печать стояла совершенно въ сторонѣ отъ судовъ, полицейская школа успѣла парализовать для нея это начало юридическаго вмѣненія и разбирала сочиненія, не справляясь съ виною автора. Съ учрежденіемъ судебнаго порядка, поступать такимъ образомъ она болѣе не могла, ей волей-неволей пришлось признать и для печати обязательность этихъ началъ, но она употребила всѣ усилія, чтобы придать имъ только формальную, мнимую силу. Соглашаясь повидимому, что и преступленія слова зависятъ отъ элементовъ вмѣненія, она постаралась сообщить имъ для этой области такія уклоненія отъ общаго правила, которыя имѣли въ результатѣ то, что въ дѣйствительности для нея они остались совершенно чуждыми. Достигли этого они слѣдующимъ путемъ. Они слили въ одинъ моментъ

ѣйствіе и послѣдствіе, объявивъ, что знаніе и желаніе дѣйствія сть вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе и желаніе послѣдствія. Произнося ли печатая слово, заключающее въ себѣ опредѣленное нарушеіе, авторъ—говорили они—тѣмъ самымъ высказываетъ желаніе роизвести послѣднее. Сдѣлать этотъ прыжокъ отъ дѣйствія къ ослѣдствію для нихъ было тѣмъ легче и тѣмъ болѣе казалось стественнымъ и необходимымъ, что возможнымъ предметомъ прегупнаго слова они считали не только конкретное, но и общее, ризнаніе или непризнаніе котораго, дѣйствительно, связано неазрывнымъ образомъ съ аргументаціею автора и уже совершенно остаточно опредѣляется содержаніемъ или формою слова. Но тотъ способъ разрѣшенія вопроса о винѣ оказался непригоднымъ ія судебной дѣятельности. Принявъ печать отъ администраціи, ь силу естественнаго хода вещей, она должна была замѣнить олицейскія начала правовыми и потребовала распространеніе на ечать общихъ уголовно-юридическихъ условій вмѣненія. Движеіе это для Германіи еще нельзя признать законченнымъ, до сихъ оръ еще во многихъ сепаративныхъ законахъ проглядываетъ ысль, что для вмѣненія въ вину преступленій печати слѣдуетъ раничиваться знаніемъ и желаніемъ дѣйствія (обнародованія слова), отя бы послѣдствіе его вовсе не предвидѣлось и не желалось торомъ. Таковы, напр., многія постановленія дѣйствующихъ вирмбергскаго и баварскаго законовъ о печати. Тѣмъ не менѣе, днако, въ пестромъ калейдоскопѣ германскихъ законовъ о пеати встрѣчаются уже весьма серьёзныя попытки въ правовомъ правленіи, которыя присоединяютъ вопросъ о вмѣненіи въ преступленіяхъ печати къ общимъ уголовно-юридическимъ опредѣлеіямъ. Примѣры баденскаго и новосаксонскаго законовъ о печати ли съѣздамъ германскихъ юристовъ и журналистовъ право разитывать, что эти сепаративныя попытки могутъ быть возведены общее для всей Германіи правило, и потому проектъ Виндрста-Бидермана объявляетъ себя за него. Правительственный оектъ, напротивъ, тянетъ къ прошлому; его редакція § 20 треетъ наличность внутреннихъ элементовъ вины только относиьно дѣйствія (выраженія слова), каково бы ни было отношеніе ъ къ послѣдствію.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣнными постановленіями стоятъ азываемыя особыми законами о печати начала для опредѣлеі моментовъ наказуемаго покушенія и совершенія. Согласно щимъ положеніямъ уголовнаго права, совершеніе признается ько съ того момента, когда отъ дѣйствія лица послѣдовало альное нарушеніе какого-либо блага, охраняемаго закономъ

подъ угрозою наказанія; напр., убійство признается совершившимся только съ момента смерти, кража—съ момента изъятія опредѣленнаго имущества изъ владѣнія собственника и перехода его во владѣніе вора, и т. под. Если до сихъ поръ встрѣчаются изъятія изъ этого общаго начала, вызвавшія со стороны криминалистовъ любопытное опредѣленіе, по которому «преступленіе считается совершившимся, если дѣятель сдѣлалъ всё, что̀ законъ требуетъ для понятія совершенія», то онѣ болѣе и болѣе вымираютъ, представляя собою остатки предупредительно-полицейской эпохи, пережившіе свое время. Этимъ началомъ опредѣляется и моментъ наказуемаго покушенія. Въ область его внѣшнее дѣйствіе вступаетъ только тогда, когда оно направляется на предметъ преступленія, напр. при убійствѣ—съ прицѣливанія въ убиваемаго, при кражѣ—съ актовъ, которыми виновный приступаетъ къ взятію вещи и т. п. Напротивъ, вся дѣятельность, направленная на средства преступленія для пріисканія, пріобрѣтенія и приспособленія ихъ къ произведенію преступнаго нарушенія, стоитъ внѣ предѣловъ наказуемости, наполняя обширную область приготовленія. Примѣняя эти общія начала къ преступленіямъ печати, моментъ совершенія ихъ слѣдовало бы опредѣлить тѣмъ моментомъ, когда слово успѣло произвести реальное нарушеніе какого-либо блага, напр., чести, или возбудить другихъ къ противозаконному дѣйствію, окончившемуся дѣйствительнымъ нарушеніемъ, напр., возстаніемъ противъ властей. Покушеніе же начинается здѣсь только съ того момента, когда слово успѣло дѣйствительно обратиться къ читателю, т.-е., съ момента обнародованія его. Все, лежащее за этою границею, относится къ области приготовленія и не подлежитъ никакимъ карательнымъ мѣрамъ.

Этихъ-то началъ и не желала признать полицейская школа печати ни въ своихъ теоретическихъ трактатахъ, ни въ тѣхъ законахъ, которые составлялись подъ прямымъ ея вліяніемъ. Дѣйствующіе по этому вопросу законы Германіи избираютъ двоякую редакцію для разрѣшенія его. Одни, именно баденскій § 15, саксенъ-веймарскій art. 11 и отчасти новосаксонскій § 5, обозначаютъ моменты совершенія и наказуемаго покушенія преступленій печати порознь, опредѣляя совершеніе не реальнымъ нарушеніемъ какого-либо конкретнаго права, а обнародованіемъ слова; покушеніе же обнимаетъ всю область дѣйствія, направленную на распространеніе слова. Это направленіе, такимъ образомъ, привлекаетъ человѣческое слово на скамью подсудимыхъ гораздо раньше обнародованія его, т.-е., гораздо раньше того крайняго

момента, съ котораго слово можетъ имѣть юридическое значеніе для государства. Другой путь старается установить моментъ наказуемости слова, и редакцію законодательствъ, придерживающихся его, интересуетъ не разграниченіе покушенія и совершенія, задача котораго возлагается на общее уголовное законодательство, а точное установленіе той стадіи дѣятельности печатнаго слова, съ которой начинается наказуемость. Сколько мнѣ извѣстно, починъ этому направленію въ Германіи данъ баварскимъ закономъ о печати 17-го марта 1850, который въ ст. 1-й постановляетъ: «уголовно-юридическая отвѣтственность за содержаніе сочиненія наступаетъ съ того момента, когда сочиненіе дѣйствительно опубликовано, роздано подписчикамъ, выставлено для продажи или инымъ способомъ пущено въ общественный оборотъ». Къ нему скоро примкнулъ прусскій законъ о печати, содержащій въ §§ 32 и 33 однородныя постановленія [1]). Но признавая моментъ обнародованія крайнимъ пунктомъ, съ котораго начинается уголовная отвѣтственность слова, германскіе законы далеко не всегда придавали этому понятію тотъ смыслъ, который соединяется съ нимъ въ обыкновенной рѣчи. Они были согласны только въ одномъ, что напечатаніе сочиненія еще не разносильно обнародованію его; прямое признаніе этого начала мы встрѣчаемъ въ законодательствахъ баденскомъ, саксонскомъ, прусскомъ, баварскомъ и др. За то стадія дѣятельности, лежащая между печатаніемъ и дѣйствительнымъ распространеніемъ продуктовъ типографскаго станка, возбуждала много споровъ и сомнѣній. Вѣрная своему принципу, полицейская школа всѣми силами старалась и здѣсь поставить фикцію на мѣсто достовѣрности и замѣнить «дѣйствительное распространеніе слова» предполагаемымъ. Съ этою цѣлью она прибѣгла къ созданнымъ ею же обязанностямъ разсылать произведенія слова не иначе, какъ по государственной почтѣ и представлять административнымъ органамъ всякое произведеніе типографскаго станка до его распространенія. Моментъ такого представленія сочиненія или сдачи его государственной почтѣ былъ объявленъ моментомъ распространенія его. Пишенная прочныхъ указаній со стороны законодателя, находясь подъ свѣжимъ вліяніемъ полицейской школы, такъ недавно еще объявлявшей за собой исключительное и верховное право

---

[1]) § 32. Наказуемость преступленія или проступка, учиненнаго путемъ печати, начинается съ момента опубликованія произведенія печати.

§ 33. Опубликованіе произведенія печати имѣетъ мѣсто, какъ скоро сочиненіе продано, разослано, распространено или выставлено въ мѣстахъ публичныхъ.

разрѣшенія вопросовъ объ отношеніи государства къ человѣческой мысли и человѣческому слову, даже судебная практика тѣхъ государствъ Германіи, которыя поставили своей задачей обезпечить для печати силу общаго права, склонялась иногда на сторону прежняго режима. Такъ, несмотря на ясныя повидимому опредѣленія §§ 32 и 33 прусскаго закона 1851, прусская судебная практика отождествляла моментъ сдачи сочиненія государственной почтѣ для разсылки съ моментомъ дѣйствительнаго распространенія его. Выученные этимъ указаніемъ опыта, германскіе юристы и журналисты полагали необходимымъ внести въ законъ о печати точное опредѣленіе, что́ слѣдуетъ считать распространеніемъ сочиненія. Въ § 4 проекта «Berliner Presse» мы читаемъ: «распространеніемъ произведеній печати считается предложеніе для покупки, распредѣленіе, публичное выставленіе и публичное объявленіе о выходѣ въ свѣтъ множества экземпляровъ для неопредѣленнаго множества лицъ, или выставка произведеній печати въ такихъ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ могутъ быть разсматриваемы всякимъ желающимъ. Сдача сочиненія на почту для разсылки не признается распространеніемъ его». Подобныя же опредѣленія содержали въ себѣ проекты Виндгорста и Бидермана. Имперская Дума выразила это начало въ слѣдующей редакціи: «распространеніе сочиненія въ смыслѣ настоящаго закона признается въ наличности, когда данное произведеніе выдано покупщику, когда о немъ публично объявлено (angeschlagen), когда оно выставлено въ публичныхъ мѣстахъ, въ публичныхъ читальныхъ кабинетахъ или ссудныхъ библіотекахъ, или же когда оно раздавалось неопредѣленному множеству лицъ. Сдача изданія на почту для пересылки еще не считается распространеніемъ его». Словомъ, всѣ эти проекты нашли нужнымъ съ особою ясностью иллюминировать понятіе распространенія, чтобы положить конецъ тѣмъ произвольнымъ расширеніямъ его, которыя встрѣтились въ судебной практикѣ. Напротивъ, правительственный проектъ обходитъ этотъ вопросъ совершеннымъ молчаніемъ; въ этомъ германская литература не безъ основанія увидѣла сочувствіе его къ толкованію прусскихъ судовъ.

XII.

Такимъ образомъ, не самая мысль интересуетъ и можетъ ин-ересовать законодателя, не облеченіе ея въ то или иное слово, аконецъ, не тисненіе слова на типографскомъ станкѣ, а ея рас-остраненіе. Этимъ объясняется, что даже перепечатка можетъ ыть преступною. Потому же обыкновенно требуется дѣятель-ость многихъ лицъ, прежде чѣмъ слово дойдетъ до той ступени, которой оно можетъ имѣть юридическое значеніе. Принципъ здѣленія труда проводится здѣсь въ весьма широкихъ разм-хъ; рядомъ съ авторомъ стоятъ редакторъ, издатель, типографъ, аборщикъ, коммиссіонеръ, книгопродавецъ, разносчикъ и масса ругихъ дѣятелей, совокупными усиліями которыхъ мысль, пере-авая быть частнымъ достояніемъ автора, распространяется въ ассѣ. Это обстоятельство порождаетъ цѣлый рядъ вопросовъ ъ условіяхъ и размѣрахъ юридической отвѣтственности каждаго ъ названныхъ дѣятелей.

Легче всего вопросъ этотъ рѣшается для автора. Если рас-остраненіе сдѣлано съ его вѣдома и согласія, онъ несетъ от-тственность за послѣдствіе въ полномъ ея размѣрѣ. Въ гер-нской литературѣ возникли лишь сомнѣнія, да и то весьма абыя, относительно отвѣтственности автора за статьи, пом-аемыя въ періодическихъ изданіяхъ. Общепринятая теорія и въ учаяхъ этого рода признаетъ автора виновникомъ или дѣяте-мъ преступленія, Thäter, виновникомъ физическимъ въ отли-е отъ интеллектуальнаго, Urheber. Взглядъ этотъ опирается на соображеніе, что статья, присылаемая авторомъ въ періоди-ское изданіе, печатается по его иниціативѣ и желанію; его брая воля воспользоваться органомъ мысли, открытымъ для ѣхъ, и лица, завѣдывающія періодическимъ изданіемъ, испол-ютъ лишь волю автора, согласную, конечно, съ ихъ собствен-ми планами, помѣщая у себя его статью. Противоположный глядъ высказанъ кёнигсбергскимъ профессоромъ Іономъ. По нѣнію этого почтеннаго германскаго юриста, одного изъ са-ыхъ выдающихся защитниковъ правового порядка печати, дѣя-льность автора статей, помѣщаемыхъ въ періодическомъ изда-и, существенно отличается отъ дѣятельности автора самостоя-льной книги и брошюры. Его нельзя признать дѣятелемъ ъеступленія печати въ юридическомъ смыслѣ по слѣдующимъ ображеніямъ: 1) въ его власти только написать и не на-исать статью черниломъ; разрѣшеніе же вопроса о печата-

ніи и распространеніи ея онъ ставитъ въ полную зависимост
отъ лицъ, завѣдывающихъ періодическимъ изданіемъ, и по
тому не можетъ отвѣчать за эти послѣдствія; 2) посылая сво
статью въ редакцію, онъ собственно посылаетъ ее не для на
печатанія, а для оцѣнки ее редакторомъ, совершающимъ окон
чательный выборъ и подборъ статей для даннаго нумера из
всей массы присланнаго матеріала: это такая же умственна
работа, какъ и работа каждаго отдѣльнаго писателя, поло
женная на составленіе своей статьи. Только цѣлое даетъ пе
ріодическому изданію его особенный цвѣтъ и контуры; он
же производится не авторомъ отдѣльныхъ статей, а редак
торомъ всего изданія. Кромѣ того, въ повременныхъ изданіях
отдѣльная статья нерѣдко имѣетъ тотъ или другой смыслъ толь
ко по соотношенію ея съ другими частями изданія, съ его на
правленіемъ и общими задачами. Странно было бы наказыват
автора за то, что́ не принадлежитъ ему; въ статьяхъ же періодиче
скаго изданія невозможно отличить принадлежащее отъ чуждаг
ему. Наконецъ, 3) къ чему бы — спрашиваетъ Іонъ — существо
вали на всемъ свѣтѣ отвѣтственные редакторы, еслибъ они н
отвѣчали за статьи періодическаго изданія?

Однако, аргументы Іона не нашли адептовъ въ Германіи
Противъ перваго положенія его замѣтили, что, присылая сво
статью въ редакцію періодическаго изданія, авторъ даетъ послѣд
нему возможность напечатать ее и, слѣдовательно, не может
умыть руки соображеніемъ, будто бы редакція вольна была на
печатать или не печатать ее. Есть масса общихъ преступленій
въ которыхъ наступленіе послѣдствія ставится въ зависимость от
дѣятельности третьихъ лицъ, и, однако, это обстоятельство н
подрываетъ отвѣтственности того, кто далъ имъ первый толчокъ
таковы всѣ случаи подстрекательства, тотъ же характеръ носит
прелюбодѣяніе, убійство по соизволенію, мошенничество и т. под
Второе соображеніе Іона также не убѣдительно. Изъ него можн
заключить лишь, что редакторъ можетъ и долженъ подлежат
отвѣтственности вмѣстѣ съ авторомъ, такъ какъ и на его дол
приходится часть интеллектуальной работы, результаты которо
появляются въ №№ періодическаго изданія; дѣлать же выводъ
безотвѣтственности автора оно не даетъ никакого права. То ж
можно замѣтить противъ третьяго положенія его; кромѣ того, ин
ститутъ отвѣтственныхъ редакторовъ — далеко не такая безусловна
міровая необходимость, какою ее представляетъ себѣ Іонъ. Этот
продуктъ полицейскаго направленія въ дѣлахъ печати посте
пенно исчезаетъ по мѣрѣ перехода послѣдней въ эпоху право

ю. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, теорія безотвѣтственности
гора за статьи и сообщенія, помѣщаемыя въ періодическихъ
цаніяхъ, несмотря на авторитетъ ея защитника, не была при-
га ни однимъ германскимъ закономъ, не нашла себѣ мѣста
въ одномъ проектѣ, лежащемъ въ настоящую минуту передъ
ими глазами. Настаивая на ней, Іонъ имѣлъ главнымъ обра-
ъ въ виду разрѣшить жгучій вопросъ о правѣ анонима и
вдонима. Право это, какъ доказалъ опытъ, въ высшей сте-
ни важно для обезпеченія за литературой свободы изслѣдова-
, и нарушеніе его обѣщало бы весьма серьёзныя неудобства.
для удержанія его вовсе ненужно прибѣгать къ тѣмъ от-
пленіямъ отъ юридическихъ началъ отвѣтственности, которыя
длагаетъ Іонъ. Право анонима и псевдонима есть выводъ
нципа свободы печати; пока существуетъ свобода печати, бу-
ь существовать и право анонима; но оно отпадаетъ при
употребленіи этой свободой, т.-е., при совершеніи помощью
ати дѣйствій, отвѣчающихъ на опредѣленія о преступности.
имъ образомъ, право судебной власти разыскивать дѣйстви-
наго автора данной статьи вовсе не отрицаетъ права ано-
а и псевдонима, точно также какъ право подвергать тюрем-
у заключенію за воровство не отрицаетъ начала личной сво-
л. Невѣренъ только выводъ, который дѣлала отсюда полицей-
школа, утверждая, что государство можетъ обязать опре-
енныхъ лицъ, каковы редакторъ, издатель, книгопродавецъ
под., назвать дѣйствительнаго автора статьи: лица эти, какъ
няемые, не могутъ быть принуждаемы ни къ какому пока-
ю, а слѣд., не могутъ быть наказуемы за отказъ назвать ав-
. Это—коренной принципъ уголовнаго процесса. Но у судеб-
власти есть масса другихъ средствъ узнать дѣйствительнаго
ра, и къ помощи ихъ она можетъ прибѣгать по общимъ
овно-юридическимъ началамъ, нисколько не подрывая тѣмъ
а анонима и псевдонима.

Второе поочереди лицо, ближе всѣхъ остальныхъ стоящее къ ав-
статей, помѣщенныхъ въ періодическомъ изданіи—редакторъ
Мы уже имѣли случай замѣтить въ предъидущемъ изложе-
что институтъ отвѣтственныхъ редакторовъ начинаетъ замѣт-
ымирать въ германскихъ законодательствахъ послѣдняго вре-
, такъ какъ въ той обрисовкѣ, которую дала ему полицей-
школа, онъ оказался совершенно несовмѣстимымъ съ пра-
мъ порядкомъ печати. Но, какъ бытовое явленіе, институтъ
торства безъ прибавки «отвѣтственнаго» имѣетъ весьма проч-
корни въ природѣ того органа слова, который объединяетъ

подъ одно знамя множество литературныхъ силъ. Отъ редактора зависитъ принять или не-принять присланный матеріалъ, нерѣдко онъ даже заказываетъ статьи и направленіе ихъ, еще чаще онъ вооруженъ магическимъ карандашемъ, перечеркивающимъ одно прибавляющимъ другое и дѣлающимъ неузнаваемою для самого автора статью, появившуюся на страницахъ его изданія. Словомъ, у редактора есть множество авторскихъ аттрибутовъ, и если даже онъ не пользуется своею цензорскою властью въ измѣненіи отдѣльныхъ статей, все-таки въ его рукахъ остается ихъ подборъ. Весьма нерѣдко редакторъ самъ превращается въ автора. Это богатство авторскихъ аттрибутовъ до такой степени поразило Іона что онъ считается даже необходимымъ узаконить правило, по которому «отвѣтственный редакторъ есть авторъ всего періодическаго изданія», отстаивая его съ большимъ упорствомъ и искусствомъ въ своемъ рефератѣ, представленномъ шестому съѣзду германскихъ юристовъ въ отвѣтъ на рефератъ Глазера. На немъ онъ основывалъ защиту начала безотвѣтственности автора статей помѣщенныхъ въ періодическомъ изданіи. Безъ этой послѣдней прибавки, оно принимается многими германскими законодательствами, которыя постановляютъ, что «отвѣтственный редакторъ въ всякомъ случаѣ признается главнымъ виновникомъ того преступленія, которое учинено періодическимъ изданіемъ.» Проектъ Бисмарка держится этого именно пути: его репрессивныя мѣры для періодическихъ изданій имѣютъ въ виду отвѣтственнаго редактора гораздо болѣе, чѣмъ автора. Однако, положеніе Іона имѣетъ недостатки, свойственные всякой безусловной фикціи. Редакторъ оказываетъ большое вліяніе на періодическое изданіе, но скорѣе какъ дирижеръ оркестра или какъ установитель (monteur) машины, а не какъ отдѣльный музыкантъ или машинное колесо съ другой стороны, такимъ вліяющимъ редакторомъ далеко не всегда бываетъ отвѣтственный редакторъ. Не рѣдки также случаи, когда не авторъ зависитъ отъ редактора, а редакторъ отъ автора; не было бы также новостью увидѣть редактора, совершенно зависящаго отъ издателя или собственника періодическаго изданія. Безусловная легальная фикція отнимаетъ у суда всякую возможность обращать вниманіе на эти особенности каждаго случая, и потому имѣетъ въ своемъ результатѣ формальную истину вмѣсто матеріальной, къ которой въ общемъ правилѣ стремится судебно-уголовная дѣятельность.

Издатель или собственникъ изданія занимаетъ третье мѣсто. Отношеніе его къ изданію можетъ быть самое разнообразное, начиная отъ наиболѣе пассивнаго и кончая наиболѣе активнымъ

Одинъ издатель требуетъ только денегъ, предоставляя редактору и авторамъ полную свободу въ выборѣ матеріала и направленія; другой рядомъ съ запросомъ на деньги ставитъ запросъ на опредѣленное направленіе, вмѣшиваясь въ постановку каждаго нумера; третій, наконецъ, жертвуетъ деньгами для направленія книги, газеты или журнала. Благодаря своему экономическому положенію и экономической отъ него зависимости какъ редактора, такъ и отдѣльныхъ сотрудниковъ, собственникъ изданія въ большей части случаевъ можетъ смѣло разсчитывать на успѣхъ своихъ домогательствъ относительно направленія изданія. Его карманъ дѣлаетъ его господиномъ изданія во всѣхъ отношеніяхъ, если онъ этого только пожелаетъ [1]). Вотъ почему полное освобожденіе издателя отъ всякой отвѣтственности, если на лицо есть авторъ или редакторъ,—какъ желаетъ буржуазная бельгійская система,—не одобряется теперь въ Германіи. Вальбергъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ германскихъ криминалистовъ, бросилъ ей перчатку. Во многихъ случаяхъ освобожденіе издателя отъ отвѣтственности было бы потачкой самой главной причинѣ преступленія, интеллектуальному его виновнику, и дѣятельность его весьма часто удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ подстрекательства къ преступленію печати. «Опытные практики свидѣтельствуютъ, по словамъ Лентнера, о впечатлѣніи въ высшей степени печальномъ, которое производится безотвѣтственностью издателя на знающихъ, что онъ именно и былъ главною пружиною всего преступленія, что онъ управлялъ имъ, редакторъ же и авторы были лишь послушными орудіями въ его рукахъ.» Но эти случаи,—повторяю—далеко не общее правило; весьма нерѣдко дѣятельность издателя относительно направленія и содержанія издаваемаго сочиненія — чисто пассивная. Поэтому-то примѣненіе къ нему какой-нибудь безусловной полицейской фикціи всего менѣе желательно, и дѣятельность его должна быть поставлена подъ опредѣленія закона, которыя обладали бы достаточною гибкостью для примѣненія ихъ къ самымъ разнообразнымъ обстановкамъ. Тотъ характеръ носятъ общія уголовно-юридическія начала о подстрекательствѣ. Однако, германскія законодательства, находясь еще подъ замѣтнымъ вліяніемъ полицейской школы, не рѣшались пока этого шага: онѣ или освобождаютъ издателя отъ всякой отвѣтственности, или подвергаютъ его полному наказанію по различнымъ формальнымъ основаніямъ, не справляясь съ его

[1]) Сошлюсь въ доказательство примѣнимости этой мысли къ Германіи на прекрасную брошюру *Вутке*: Die deutschen Zeitschriften und die Entstehung der öffentlichen Meinung. Hamburg, 1866.

виною. Проектъ Бисмарка не приводитъ издателя въ ряду лицъ, отвѣтственныхъ въ полной мѣрѣ за содержаніе произведеній печати; проекты Виндгорста-Бидермана примѣняютъ къ нему начала бельгійской системы.

Таковы лица, которыя могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за содержаніе или форму произведеній типографскаго станка согласно общимъ уголовно-юридическимъ началамъ. Подъ опредѣленія ихъ, конечно, можетъ подойти и масса другихъ лицъ, не имѣющихъ напередъ установленной клички въ литературно-типографскомъ предпріятіи; напр., другъ автора можетъ убѣдить его совершить преступленіе печати, авторъ и редакторъ могутъ дѣйствовать по подкупу лица, совершенно посторонняго области этого предпріятія, что́, однако, не можетъ освобождать его отъ отвѣтственности по общимъ началамъ. Это правило уже пустило ростки во многіе германскіе законы, которые (напр., прусскій § 34, баденскій § 12), выставляя особенныя опредѣленія о лицахъ, наказуемыхъ за преступленія печати, придаютъ имъ лишь значеніе ограниченій общаго уголовнаго законодательства, а не отмѣны его. Еще дальше идетъ новосаксонскій законъ, разсматривающій эти особенности (ст. 19) какъ дополненія общаго правила на случай отсутствія всѣхъ условій, необходимыхъ для примѣненія его [1]). Къ тому же направленію примыкаетъ проектъ Бисмарка; объявляя для преступленій печати общія начала соучастія, онъ дополняетъ ихъ фикціями, унаслѣдованными отъ полицейской школы. Издатель, коммиссіонеръ и типографъ, если къ нимъ не могутъ быть примѣнены общія начала соучастія, подвергаются денежному взысканію въ видѣ дисциплинарнаго наказанія, такъ какъ оно отпадаетъ при названіи автора. Проекты Виндгорста-Бидермана возлагаютъ на издателя, коммиссіонера и распространителя отвѣтственность, совершенно не справляясь съ ихъ виною; но и другія лица могутъ быть привлечены къ отвѣтственности по общимъ уголовно-юридическимъ началамъ.

Отвѣтственность распространителя сочиненія, книгопродавца, типографа и другихъ дѣятелей, вызвала еще болѣе серьёзныя затрудненія, которыми литература и законодательство обязаны полицейской школѣ. Послѣдняя старалась рѣшить этотъ вопросъ

---

[1]) Ст. 19. Если содержаніе произведенія печати нарушаетъ уголовный законъ, то къ нему примѣняются предписанія послѣдняго.

Ст. 20. Но если произведеніе печати, не принадлежащее къ періодическимъ изданіямъ и нарушающее уголовный законъ, не можетъ быть привлечено къ отвѣтственности по ст. 19, то за содержаніе его подвергаются дисциплинарному взысканію издатель, коммиссіонеръ, типографъ и распространитель (по началамъ бельгійской системы.)

исключительно по положенію лица, не справляясь съ его виною, но положеніе не всегда свидѣтельствуетъ о винѣ. Книгопродавецъ, типографъ, коммиссіонеръ, наборщикъ и др. лица вкладываютъ въ произведеніе печати дѣятельность чисто механическую, которая существенно отличается отъ сторонъ печати, интересующихъ законодателя, и участіе въ первыхъ еще не свидѣтельствуетъ объ участіи во вторыхъ. Въ послѣднее время въ Германіи болѣе и болѣе окрѣпаетъ слѣдующій взглядъ, ложащійся въ основу этого вопроса и получающій значеніе критерія юридической отвѣтственности названныхъ дѣятелей: Онъ различаетъ акты, входящіе въ область правильнаго производства даннаго промысла и совершаемые съ соблюденіемъ его началъ, отъ актовъ, уклоняющихся отъ нихъ. Первые установляютъ предположеніе невинности, вторые, напротивъ, свидѣтельствуютъ о вѣроятномъ участіи дѣятеля въ преступленіи. Такъ, напр., типографъ, получивши заказъ въ обыкновенномъ порядкѣ, выполнившій всѣ требованія промысловаго устава относительно производства и полученія его, не подлежитъ отвѣтственности предъ уголовнымъ закономъ, хотя бы заказъ удовлетворялъ признакамъ преступленія; напротивъ, если онъ не исполнилъ этихъ требованій, то можетъ быть преслѣдуемъ за нарушеніе правилъ промысловаго устава и, кромѣ того, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности какъ одинъ изъ участниковъ преступленія печати, когда будетъ доказано, что его дѣятельность отвѣчаетъ общимъ уголовно-юридическимъ постановленіямъ. Въ томъ же положеніи стоитъ книгопродавецъ. Еще сильнѣе допущеніе невинности для наборщиковъ, разносчиковъ, разсыльныхъ и т. под. лицъ: производя данную работу, какъ одну изъ частей своего постояннаго занятія, дозволяемаго закономъ, они совершенно освобождаются отъ отвѣтственности. Наборъ, разноска, корректура статьи только тогда могутъ возбудить подозрѣніе въ виновности, если въ данномъ случаѣ ими занимаются лица, для которыхъ это дѣло не входитъ въ обыкновенный кругъ занятій, или занимаются имъ при необыкновенныхъ условіяхъ, напр., не въ типографіи и безъ соблюденія правилъ, установленныхъ промысловымъ уставомъ.

Начала эти болѣе и болѣе проникаютъ въ германскія законодательства; законы баденскій, новосаксонскій и особенно баварскій уже очень близки къ полному осуществленію ихъ, и тѣ исключенія, которыя въ нихъ еще встрѣчаются относительно типографа, книгопродавца и распространителя противозаконнаго сочиненія, дѣлаются съ возможною осторожностью: они уже не рѣшаются примѣнять къ этимъ лицамъ общихъ карательныхъ мѣръ

при отсутствіи доказаннаго соучастія, а только слабыя репрессивныя мѣры въ видѣ наказаній за неосторожность или за небрежное выполненіе своихъ обязанностей. На той же почвѣ стоятъ интересующіе насъ проекты общегерманскаго закона о печати. Однако, и это рѣшеніе вопроса оказывается болѣе и болѣе неумѣстнымъ, такъ какъ при современномъ состояніи книжнаго дѣла книгопродавецъ и типографъ не имѣютъ никакой возможности ознакомиться обстоятельно съ содержаніемъ и формою сочиненій, попадающихъ въ ихъ лавку или обращающихся къ ихъ типографскому станку.

XIII.

Подъ вліяніемъ прежняго отношенія государства къ мысли, для печати создалась цѣлая сѣть особыхъ наказаній, или, вѣрнѣе, карательныхъ послѣдствій, не имѣвшихъ ничего общаго съ наказаніемъ въ уголовно-юридическомъ смыслѣ. Сюда, между прочимъ, принадлежатъ мѣры, входящія въ область, такъ-называемаго, объективнаго производства, о которомъ была рѣчь выше (гл. V). Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что устраняя—по принципу цензурнаго порядка — личную отвѣтственность виновныхъ, онѣ направляются на самое предпріятіе, въ той или другой формѣ, эксплуатирующее печатный станокъ, и имѣютъ своей задачей сдѣлать экономически невозможнымъ продолженіе его, если оно встало на путь, расходящійся съ интересами государственной власти. Юридическая негодность мѣръ этого рода уже признана. Еще Бенжаменъ Констанъ, говоря о проектѣ французскаго закона 1819, который раздѣлялъ отвѣтственность автора и книги, постановляя, что судъ можетъ преслѣдовать сочиненія, не ставя вопроса о винѣ автора и возбуждая противъ него преслѣдованіе только тогда, когда авторъ не согласится съ приговоромъ о книгѣ, энергически возсталъ противъ этого порядка. Опаснымъ и вреднымъ для государства онъ его считаетъ: 1) какъ нападеніе въ потемкахъ, неприличное судебной власти и подрывающее къ ней уваженіе общества; 2) какъ мѣру безнравственную, потому что онъ подкупаетъ молчаніе автора обѣщаніемъ безнаказанности того, что самъ законъ признаетъ преступнымъ; и 3) какъ невыгодное для подсудимаго нарушеніе уголовно-процессуальныхъ началъ, потому что онъ превращаетъ автора изъ положенія обороняющейся стороны въ гораздо болѣе трудное положеніе стороны наступающей, будто бы требующей наказанія. Мы уже имѣли случай замѣ-

тить, что предложенное на почвѣ австрійской начало объективнаго производства не встрѣтило себѣ сочувствія въ Германіи. Его не знаетъ ни одинъ германскій законъ, къ нему не примыкаетъ ни одинъ изъ интересующихъ насъ проектовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, начало это до такой степени тѣсно срослось съ цензурнымъ порядкомъ печати, что даже законодательства, открыто пишущія на своемъ знамени несогласіе съ нимъ, не могли не отдать ему дань въ эпоху броженія, когда полицейскій порядокъ быстро вымиралъ, но правовой еще не успѣлъ окончательно стать на его мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе или менѣе крупныя проявленія его мы встрѣчаемъ почти во всѣхъ германскихъ законахъ о печати, дѣйствующихъ въ настоящее время.

Этотъ именно характеръ носятъ всѣ карательныя мѣры, разсчитанныя исключительно на предпріятіе: закрытіе типографіи или книготорговли, прекращеніе и пріостановленіе періодическихъ изданій и подобныя имъ мѣры, которыми были богаты нѣмецкіе уставы о печати прежняго времени, которыя кое-гдѣ [1]) встрѣчаются и до сихъ поръ, но быстро близятся уже къ своему концу. Въ частности судебное прекращеніе періодическихъ изданій или пріостановленіе ихъ на болѣе или менѣе значительный срокъ не принято ни однимъ изъ германскихъ законовъ послѣдняго выпуска, справедливо полагавшихъ, что эта мѣра по своей природѣ составляетъ не кару за вину, а средство противъ возможной опасности изданія въ будущемъ. Уже прусскій законъ 1851 г. не знаетъ ее въ качествѣ самостоятельнаго наказанія для повременныхъ произведеній, издаваемыхъ въ предѣлахъ Пруссіи; новосаксонскій 1870 г. долженъ былъ согласиться, что она неумѣстна и для иностранныхъ повременныхъ изданій; поэтому-то, удерживая для нихъ эту мѣру, онъ формулировалъ ее не какъ наказаніе, а какъ напередъ назначаемый арестъ каждаго отдѣльнаго № изданія въ теченіи опредѣленнаго времени. Баварскій законъ 1850 г. дозволяетъ судебное пріостановленіе иностранныхъ повременныхъ изданій только въ такомъ случаѣ, когда завѣдывающіе имъ не исполнятъ назначеннаго судомъ приговора (art. 6). § 6 проекта Бидермана прямо высказывается противъ судебнаго прекращенія повременныхъ изданій; это начало принято и окончательнымъ проектомъ германскихъ журналистовъ, опредѣленія котораго переписываетъ проектъ Виндгорста. Проектъ же Бисмарка, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, переписываетъ

[1]) Мекленбургскій законъ 1850 г. § 45; прусскій 1851 г. § 50; даже баварскій 1850 г. §§ 2, 6, 51; новосаксонскій ст. 22, 23, 25 и другіе.

опредѣленія прусскаго закона 1851 г., перенося на имперскаго канцлера право пріостанавливать въ извѣстныхъ случаяхъ распространеніе въ Германіи иностранныхъ повременныхъ изданій срокомъ до 2-хъ лѣтъ.

Разсматривая печать какъ общеопасное явленіе соціальной жизни, съ утвержденіемъ судебнаго порядка печати полицейская школа требовала назначеніе болѣе строгихъ наказаній за нарушенія, совершенныя путемъ печати, чѣмъ за однородныя и одинаковыя съ ними по важности нарушенія, совершенныя иными способами дѣйствія. Но по мѣрѣ признанія мысли, высказанной еще старикомъ Зонефельсомъ: «опаснымъ не можетъ быть то, что́ совершается публично, уже благодаря своей публичности», и этотъ выводъ полицейской школы началъ встрѣчать противодѣйствіе. § 7 проекта «Berliner Presse» прямо требуетъ примѣненія къ преступленіямъ печати тѣхъ самыхъ наказаній, которыя установлены германскимъ уголовнымъ кодексомъ для однородныхъ съ ними преступленій, совершаемыхъ иными способами дѣйствія. Эта мысль встрѣтила поддержку и со стороны имперской думы. Проектъ Бисмарка, напротивъ, выступаетъ противъ нея, постановляя во второй части § 20, что публичное поношеніе религіи или существующихъ въ имперіи религіозныхъ корпорацій, совершаясь печатью, наказывается строже, чѣмъ при совершеніи того же дѣйствія живымъ словомъ съ трибуны оратора, или другимъ способомъ.

Тѣмъ же предположеніемъ общеопасности печатнаго слова объясняется усиленіе, въ случаяхъ этого рода, наказуемости за рецидивъ значительно выше размѣровъ, извѣстныхъ, какъ общее правило, уголовному кодексу страны. Дѣйствующіе германскіе законы еще очень богаты такими постановленіями, особенно для формальныхъ проступковъ печати, состоящихъ въ неисполненіи различныхъ правилъ, данныхъ для отправленія предпріятій этого рода, и ближе другихъ частей этой вѣтви законодательства примыкающихъ къ полицейскому порядку. Впрочемъ, въ тѣхъ законахъ, которые падаютъ на ближайшій къ намъ періодъ времени, слѣды этого направленія гораздо слабѣе, а интересующіе насъ проекты рѣшились навсегда покончить съ нимъ: ни проекты журналистовъ, ни даже правительственный проектъ не содержатъ никакихъ особыхъ постановленій о рецидивѣ въ дѣлахъ печати, ставя на ихъ мѣсто общее правило имперскаго уголовнаго кодекса.

Только такія особенности въ мѣрахъ, постановляемыхъ судебнымъ приговоромъ относительно преступленій печати, находятъ

себѣ сочувствіе въ германскихъ законахъ послѣдняго времени, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются не болѣе, какъ примѣненіемъ общаго уголовно-юридическаго начала сообразно особымъ свойствамъ печати. Такъ, при общихъ преступленіяхъ судъ имѣетъ право включить въ свой приговоръ постановленіе объ уничтоженіи орудій или средствъ преступленія, или о возстановленіи нарушеннаго права, если оно оказывается возможнымъ. Слѣдуя тому же принципу, германскіе законы о печати даютъ суду право, совмѣстно съ назначеніемъ личнаго наказанія, включать въ свой приговоръ опредѣленіе объ уничтоженіи тѣхъ частей сочиненія, которыя признаны преступными, а для изданій періодическихъ — право возлагать на лицъ, завѣдывающихъ ими, обязанность помѣщенія въ ближайшемъ № обвинительнаго судебнаго приговора. Эти опредѣленія мы встрѣчаемъ и во всѣхъ интересующихъ насъ проектахъ.

Тѣмъ же сознаніемъ необходимости примѣнять общее начало не иначе какъ согласно особенностямъ печати, объясняются особыя постановленія о давности по преступленіямъ, которыя совершаются путемъ печати. Всѣ германскія законодательства, выходя изъ мысли, что въ преступленіяхъ печати важенъ моментъ распространенія данной мысли въ обществѣ и что эта мысль, оставшись безъ всякаго вліянія на общество тотчасъ по появленіи ея, тѣмъ самымъ доказываетъ свое безсиліе и излишность примѣненія къ себѣ карательныхъ мѣръ, обыкновенно установляютъ для преступленій этого рода болѣе короткій срокъ давности, чѣмъ для другихъ преступленій. Нигдѣ онъ не идетъ дальше года, иногда спускается на 3-мѣсячный срокъ, обыкновенно же держится на полугодичной цифрѣ. Ее держатся и интересующіе насъ проекты. По вопросу о счетѣ давностнаго срока, проекты германскихъ журналистовъ примыкаютъ къ взгляду Глазера, принятому также Іономъ, согласно которому теченіе давности начинается съ момента перваго появленія данной статьи или извѣстія въ печати, такъ что этимъ моментомъ регулируются и всѣ позднѣйшія перепечатки; проектъ Бисмарка обходитъ этотъ вопросъ совершеннымъ молчаніемъ.

XIV.

Заслуга постановки и анализа процессуальнаго положенія печати, самымъ существеннымъ пунктомъ котораго является вопросъ, должны ли преступленія печати вѣдаться судами присяжными или судами исключительно коронными, принадлежитъ не

столько германской, сколько французской и англійской національностямъ. Тамъ положены прочные корни его, оттуда же распространились и на Германію начала, къ осуществленію которыхъ были направлены попытки многихъ литературныхъ и законодательныхъ ея дѣятелей.

Такъ, еще въ первой четверти текущаго столѣтія, писатель, котораго отнюдь нельзя назвать защитникомъ свободы печати, который былъ, напротивъ, самымъ горячимъ и самымъ талантливымъ адвокатомъ цензуры, настоятельно рекомендовалъ вручение дѣлъ печати юрисдикціи присяжныхъ. Я имѣю въ виду статью Фридриха Генца (Gentz), помѣщенную въ Jahrbücher der (österreichischen) Literatur 1818 года. «Приговоръ о политической безвредности или опасности любого произведенія мысли—говоритъ онъ—никогда не можетъ избѣгнуть упрека въ произволѣ. Мы имѣемъ въ виду не тотъ безчестный произволъ, который, издѣваясь надъ истиной и собственнымъ убѣжденіемъ, почерпаетъ свои рѣшенія изъ слѣпого пристрастія или изъ чуждыхъ вліяній, а только необходимый произволъ мысли, которая, при безконечномъ различіи человѣческихъ взглядовъ, заставляетъ одного смотрѣть какъ на примѣрное и достойное подражанія, что́ другому кажется заслуживающимъ полное порицаніе. Но умѣстно ли превращать авторитетъ судовъ въ арену борьбы партій? Должностныхъ лицъ, кредитъ и уваженіе которыхъ въ глазахъ общества такъ трудно сохранить во всей чистотѣ и неприкосновенности, необходимыхъ какъ для общественнаго блага, такъ и для ихъ собственнаго спокойствія, умѣстно ли превращать въ орудія произвола, хотя бы и не намѣреннаго, хотя бы только кажущагося? Это соображеніе не лишено вѣса. Каждый просвѣщенный судья, сознающій высокое значеніе своихъ задачъ, безъ сомнѣнія, отклонитъ отъ себя трудъ, который лишаетъ его положеніе благодѣтельной независимости строго нормированной закономъ дѣятельности, и ставитъ ее на рыхлую почву, гдѣ онъ ежеминутно можетъ подвергнуться тяжелымъ упрекамъ въ произволѣ и не имѣетъ никакой руководящей нити для своихъ приговоровъ. Что́ въ состояніи искупить ему то жгучее чувство горести, которое онъ испытываетъ, будучи вынужденъ постановить свой приговоръ противъ государства, преслѣдующаго автора, противъ тѣхъ, которымъ онъ обязанъ постояннымъ уваженіемъ и мнѣніе которыхъ никогда не безразлично для него? Напротивъ, осуждая автора, чѣмъ обезпеченъ онъ противъ непріятностей всякаго рода, которыми ему грозитъ страстный, быть можетъ даже нарочно возбужденный голосъ народа? Еще болѣе критическимъ становится

это положеніе короннаго суда, если принять во вниманіе, что, какъ учрежденіе постоянное, онъ опирается на свою предшествующую практику, и потому взгляды, выработанные при однихъ условіяхъ жизни, обязательны для него и при измѣненіи ихъ. Направленіе судебной дѣятельности, являющееся для каждаго посторонняго взгляда систематической оппозиціей правительству или народу—таковъ необходимый результатъ этого порядка вещей. Но то и другое въ высшей степени печально. Въ первомъ случаѣ правительство, замѣщающее суды, будетъ смотрѣть на нихъ съ враждебной точки зрѣнія, во второмъ—судъ будетъ представляться народу, какъ слѣпое орудіе физической силы. Въ результатѣ, тамъ и здѣсь судья, въ дѣйствительности или по взглядамъ общества, теряетъ независимость своего положенія, утрачиваетъ уваженіе и довѣріе лучшей части націи. Для устраненія силы нѣкоторыхъ соображеній, представленныхъ выше, предлагали передать разсмотрѣніе дѣлъ о сочиненіяхъ, не нравящихся правительству, особымъ трибуналамъ, которыя бы состояли изъ дѣйствительныхъ судей, засѣдателей политическаго оттѣнка и научно-образованныхъ членовъ, участвующихъ въ качествѣ экспертовъ съ совѣщательнымъ и рѣшающимъ голосомъ. Но такое учрежденіе не было бы судомъ, а лишь чрезвычайною коммиссіею, никогда не могущею заступить мѣсто дѣйствительнаго суда. Выигрышъ отъ привлеченія научно-образованныхъ членовъ—ничто въ сравненіи съ тою потерею въ независимости, самостоятельности и общественномъ довѣріи, которая составляетъ неизбѣжный удѣлъ чрезвычайныхъ судебныхъ коммиссій всякаго рода. Неравненно лучшій выходъ изъ этихъ затрудненій предлагаетъ путь, практикуемый въ Англіи; согласно ему, въ процессахъ того рода судебная власть раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ дѣятельность одной—короннаго судьи—ограничивается веденіемъ процесса и произнесеніемъ окончательнаго приговора, другая же—жюри—разрѣшаетъ главный вопросъ о винѣ и невинности. Мы далеки отъ того увлеченія, которое (съ особенною силою въ теперешней Франціи) считаетъ институтъ присяжныхъ совершенствомъ первой величины. Мы думаемъ даже, что въ обсужденіи политическихъ сочиненій институтъ присяжныхъ есть учрежденіе, гораздо менѣе умѣстное, чѣмъ обыкновенные трибуналы. Но такъ какъ, согласно представленнымъ выше замѣчаніямъ, ни одно судебное опредѣленіе не можетъ быть свободнымъ отъ подозрѣнія въ произволѣ и въ пристрастіи, если оно постановляется въ дѣлахъ по преступленіямъ печати, то мы считаемъ безспорно лучшимъ, чтобы это подозрѣніе падало на представи-

телей народа, а не на коронныхъ судей. По этому единственно основанію мы рекомендуемъ правительствамъ всѣхъ странъ, гдѣ уже существуетъ судъ присяжныхъ, или гдѣ онъ совмѣстимъ съ дѣйствующими формами уголовнаго процесса, передать въ полное вѣдѣніе присяжныхъ всѣ дѣла печати, вполнѣ освободивъ судей коронныхъ отъ отвѣтственности за нихъ, такъ какъ ее мы считаемъ величайшимъ зломъ».

Таковы политическіе аргументы въ пользу суда присяжныхъ по дѣламъ печати, представленные крайнимъ антагонистомъ ея свободы и всего института присяжныхъ. Безспорно, число ихъ можетъ быть увеличено въ тысячу разъ. Глазеръ также высказывается за судъ присяжныхъ по дѣламъ печати, стоя главнымъ образомъ на аргументахъ, приведенныхъ у Генца. «Преступленія печати» говоритъ онъ, «никогда не могутъ быть опредѣлены математически-точнымъ образомъ. Законы о печати всегда будутъ содержать въ себѣ признаки, наличность которыхъ еще не вытекаетъ изъ судебнаго опредѣленія состава даннаго дѣла, признаніе или непризнаніе которыхъ есть дѣло оцѣнки частнаго случая, т.-е., субъективнаго взгляда на него. Для рѣшенія этой задачи присяжные компетентны болѣе, чѣмъ судьи коронные. Возложить на нихъ исключительно эту обязанность важно также и въ интересахъ независимости судебнаго сословія и безупречности его отъ возможныхъ обвиненій въ произволѣ».

Совершенно на иную почву поставленъ этотъ вопросъ кёнигсбергскимъ профессоромъ Іономъ. «Разрѣшеніе его,—говоритъ онъ, сколько-нибудь прочное никогда не можетъ быть дано, пока мы будемъ держаться политическихъ соображеній или спрашивать себя, кто способнѣе взглянуть вѣрнѣе и глубже на дѣло, судьи ли коронные или судьи изъ народа, кто изъ нихъ независимѣе и безпристрастнѣе можетъ отнестись къ задачамъ судебной дѣятельности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ? За хорошо организованнымъ институтомъ коронныхъ судей, эта способность въ видѣ общаго правила, существуетъ въ той же мѣрѣ, какъ и за прясяжными. Только ставъ на почву права можно избѣгнуть произвола въ его рѣшеніи и дать на него прочный отвѣтъ, не зависящій ни отъ какихъ политическихъ соображеній. Съ этой точки зрѣнія должно ставить вопросъ не о томъ, кто способнѣе рѣшить дѣло лучше — коронные судьи или присяжные, а только о томъ, могутъ ли присяжные быть признаны способными рѣшать вопросъ о винѣ и невинности въ преступленіяхъ печати. «Отвѣтъ на него,— говоритъ Іонъ, долженъ быть утвердительный по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ принципѣ, *всѣ* дѣла должны быть разсматри-

аемы съ участіемъ присяжныхъ; противоположный порядокъ есть
исключеніе, и, какъ такое, требуетъ особыхъ основаній, которыя бы
оказывали его необходимость и цѣлесообразность въ данномъ
лучаѣ. Для печати же ихъ не существуетъ; напротивъ, она
олжна регулироваться общимъ правиломъ. Юрисдикціи присяж-
ыхъ уже повсемѣстно отведены важнѣйшія дѣла; а такъ какъ
ъ дѣлахъ печати послѣдняя далеко не всегда является элемен-
омъ нападающимъ, напротивъ, сплошь и рядомъ нападаютъ на
ее, то дѣла этого рода должны быть отнесены къ важнѣйшимъ.
ромѣ того, опредѣленія преступленій печати обыкновенно стра-
аютъ тягучестью и эластичностью; примѣненіе строгаго юридиче-
каго метода анализа въ дѣлахъ этого рода часто было бы явною
есправедливостью и невозможностью; а между тѣмъ въ дѣлахъ этого
ода, точно также какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, законъ долженъ
отребовать отъ короннаго суда приведеніе всѣхъ основаній его
риговора. Выходъ изъ этихъ затрудненій можетъ быть данъ
олько предоставленіемъ дѣлъ печати вѣдомству судовъ присяж-
ыхъ; оно, такимъ образомъ, является правовою необходимостью,
овершенно независимо отъ разныхъ политическихъ соображеній,
оторыя могутъ быть указаны по этому вопросу».

Осуществленіе этихъ началъ мы встрѣчаемъ въ германскихъ
аконахъ о печати новаго времени, которые сочли необходимымъ
редоставить разбирательство дѣлъ печати судамъ присяжныхъ.
аковы законы прусскій, баварскій, саксонскій, баденскій и др.,
ыдѣляющіе изъ компетентности присяжныхъ лишь незначитель-
ыя нарушенія, стоящія въ связи съ типографскимъ станкомъ.
ъ Германіи новѣйшаго времени, этотъ вопросъ грозилъ стать въ
овершенно особенное положеніе, благодаря стараніямъ Шварце
его послѣдователей, направленнымъ противъ института присяж-
ыхъ вообще и предлагающимъ замѣнить его «болѣе національ-
ымъ учрежденіемъ судебныхъ засѣдателей изъ народа (шёффе-
овъ)». Любопытно, однако, что институтъ шёффеновъ для дѣлъ
ечати не нашелъ поддержки ни въ средѣ германскихъ юристовъ
журналистовъ, ни въ имперской думѣ; всѣ они высказались за
держаніе присяжныхъ по общимъ процессуальнымъ началамъ.
роектъ Бисмарка обходитъ этотъ вопросъ совершеннымъ мол-
аніемъ, разсчитывая такимъ образомъ, что институтъ шёффеновъ
мъ собою займетъ мѣсто присяжныхъ.

Изложивъ содержаніе важнѣйшихъ частей германскаго законодательства о печати новѣйшаго времени и тѣхъ проектовъ общегерманскаго закона, которые представлены въ послѣднее время, мнѣ остается упомянуть о судьбѣ каждаго изъ нихъ.

Проектъ Бидермана встрѣтилъ полную поддержку со стороны имперской думы, которая, разсмотрѣвъ его по предложенію одного изъ своихъ членовъ, Виндгорста, сдѣлала въ немъ весьма легкія измѣненія и уже приняла его первымъ чтеніемъ. Заявленіе кн. Бисмарка, что правительство готовится внести отъ себя проектъ по этому вопросу, задержало дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Когда проектъ Бисмарка сталъ извѣстнымъ, онъ вызвалъ противъ себя самый оживленный протестъ германской литературы: всѣ партіи сомкнулись для отраженія его, редакторы множества періодическихъ изданій опубликовали противъ него коллективный протестъ. Партія національныхъ либераловъ, стоящая всегда на сторонѣ Бисмарка, была въ отчаяніи; партія соціально-демократическая торжествовала, заявляя, что отъ національныхъ либераловъ ничего иного нельзя было и ждать. Дѣло грозило затянуться надолго, тѣмъ болѣе, что кн. Бисмаркъ хотя и вынужденъ былъ допустить, что представленный имъ проектъ требуетъ измѣненій, но принялъ очень горячо нападки на него. Тогда-то Виндгорстъ, вмѣстѣ съ другими депутатами, вошелъ въ имперскую думу съ новымъ проектомъ, состоящимъ всего изъ двухъ статей. Онъ имѣетъ въ виду только систему залога и административно-финансовыхъ пошлинъ на произведенія печати; опираясь на соображеніе, что и проектъ, одобренный имперской думой, и правительственный проектъ высказались противъ этихъ мѣръ, Виндгорстъ предложилъ уничтоженіе ихъ до разсмотрѣнія другихъ вопросовъ, связанныхъ съ законодательствомъ печати. § 2 его проекта назначаетъ 1-е августа 1873 г. срокомъ вступленія его въ силу. Но и это предложеніе Виндгорста не могло быть разсмотрѣно: правительство потребовало отъ имперской думы разрѣшенія другихъ вопросовъ (военнаго характера), а къ тому времени наступилъ срокъ распущенія ея. Съ новой сессіей вновь должны подняться пренія по вопросу объ общемъ германскомъ законодательствѣ печати.

Ив. Фойницкій.

КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО.

Новый англійскій романъ.

ıken at the flood, by the Author of „Lady Audlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c, &c, &c.

ГЛАВА VI *).

Разговоръ между миссисъ Стенденъ и ея сыномъ.

Въ половинѣ десятаго гости оставили декановъ домъ, прове- восхитительный вечеръ, какъ о томъ съ увлеченіемъ заявили ѣ миссъ Тойнби. Этотъ вечеръ былъ какъ двѣ капли воды по- жъ на всѣ восхитительныя вечеринки въ Гедингемѣ. Снача- былъ данъ хорошій обѣдъ, не имѣвшій ничего общаго съ ми баснословными пирами, какими могли угощать своихъ го- й Геліогабалъ или регентъ Филиппъ Орлеанскій. Такіе пиры ли немыслимы въ Гедингемѣ, гдѣ всякій зналъ, какими осо- ными талантами обладала сосѣдняя кухарка, и заранѣе отга- валъ содержимое каждаго серебрянаго блюда, до снятія съ него ышки. Послѣ обѣда въ сумеркахъ дамы побродили по саду, буясь грунтовыми растеніями, даже посѣтили теплицы, несмо- я на рискъ, которому подвергались ихъ свѣжіе туалеты; меж- тѣмъ какъ мужская компанія, Эдмондъ Стенденъ, м-ръ Тойн- и м-ръ Гольмсъ, приходскій священникъ, разсуждали о по- икѣ, провѣтривая довольно консервативныя мнѣнія, и запи-

---

*) См. выше: янв. 331 стр.

вая ихъ клеретомъ и кофе. Потомъ всѣ опять сошлись въ боль шую, прохладную гостинную, гдѣ ихъ угостили чаемъ и музы кой, причемъ они съ благодушной улыбкой изъявляли свое одоб реніе пѣснямъ и мазуркамъ, которыя имъ не впервые приходи лось выслушивать съ послѣднихъ святокъ; наконецъ, разошлись въ восхищеніи другъ отъ друга и отъ такой жизни, въ которо яркими точками выдѣляются подобныя дружескія пирушки.

Если существуютъ удобныя минуты для семейныхъ ссоръ, то конечно, таковыми можно считать тѣ свободные полчаса, которы наступаютъ вслѣдъ за званымъ обѣдомъ. Гости разъѣхались, обще ственная маска, хотя подъ-часъ безсознательно надѣваемая, спа даетъ. Чувства, подавляемыя въ промежуткѣ искусственнаго вооду шевленія, вступаютъ въ свои права съ бо́льшею силой. Мы на кладываемъ тяжелые запоры на тотъ темный уголокъ нашей ду ши, въ которомъ гнѣздится наше горе, но страсти разбиваютъ всѣ оковы, какъ только сдерживающее вліяніе общества устра няется.

Эсѳирь Рочдэль, извиняясь усталостью, простилась съ свое пріемной матерью тотчасъ по удаленіи гостей. — «Доброй ночи тетушка», сказала она, «надѣюсь, что вы также скоро пой дете спать; вы такъ блѣдны и измучены, мнѣ кажется, сего дняшняя жара слишкомъ утомила васъ.

Издавна было заведено, чтобъ Эсѳирь называла свою благо дѣтельницу «тетушкой». Во всемъ рѣшительно м-съ Стенден заступила мѣсто матери для сиротки, но она не могла выносить чтобы кто-нибудь, кромѣ ея собственныхъ дѣтей, называлъ е матерью. Несмотря на всю ея любовь къ замужней дочери, на шедшей себѣ новыя связи и новый очагъ, только голосъ Эдмон да придавалъ этому священному имени особенную прелесть. В глубинѣ ея сердца Эдмондъ былъ какъ-бы ея единственным дѣтищемъ. Ни за что въ свѣтѣ она не призналась бы въ этом чувствѣ, возставая вообще противъ всякой сентиментальности однакожъ, именно это чувство руководило ею въ былые дни, ко да она учила маленькую сиротку изъ Индіи называть ее «те тушкой».

— Солнце дѣйствительно нынче очень пекло, но не *эт* меня утомило, сказала м-съ Стенденъ, невольно взглянувъ н сына.

— Что́ же васъ такъ обезпокоило сегодня, кромѣ жары матушка? спросилъ Эдмондъ, когда Эсѳирь вышла изъ комнаты

Онъ не въ силахъ былъ долѣе сдерживать свое душевно волненіе. Скучный, длинный вечеръ, казавшійся еще безконечнѣ

али отъ Сильвіи, прозаическое переливаніе изъ пустого въ по-
жнее м-ра Тойнби и священника, привели его въ раздраженіе.
ъ чувствовалъ, что ссора съ кѣмъ бы то ни было, будь то
же съ матерью, облегчитъ его. Никакой нѣжности не звучало
этомъ священномъ имени, когда его уста произносили его въ
ъ вечеръ.

— Я страдала за тебя, Эдмондъ, отвѣчала м-съ Стенденъ,
печалью во взорѣ.

— Я не вижу причины, почему вы безпокоитесь о мнѣ,
тушка, холодно сказалъ молодой человѣкъ.—Я всегда былъ по-
нымъ для васъ сыномъ.

— Такимъ ты былъ, дѣйствительно, отвѣчала мать, украд-
і нѣжно поглядѣвъ на своего любимца, въ нетерпѣніи шагав-
го взадъ и впередъ по комнатѣ.

— И впередъ буду такимъ. Если же я не смогу покорить-
то по крайней мѣрѣ буду знать, какъ подчиняться обстоя-
ьствамъ. Изъ-за чего же вамъ-то тревожиться, матушка? Вы
няли твердое рѣшеніе, и я готовъ ему подчиниться. Мы мо-
ъ все-таки оставаться друзьями.

— Нѣтъ, наши отношенія не тѣ, что были прежде—мы
гъ для друга не то, чѣмъ были мѣсяцъ тому назадъ.

— Пожалуй, есть маленькая разница въ обоюдномъ настрое-
отвѣчалъ Эдмондъ съ горькой усмѣшкой: не такъ-то легко
овѣку привыкать къ мысли, что его родная мать хочетъ ли-
ь его наслѣдства. Я не говорю о перемѣнѣ его матеріальна-
положенія. Это бездѣлица. Но ему приходится свыкаться съ
лью, что нѣжно-любимая имъ мать можетъ такъ жестоко по-
ить съ нимъ.

— А ты думаешь, Эдмондъ, мнѣ легко жестоко поступать
обой?

— Если бы вамъ было тяжело, едва-ли вы бы такъ по-
или.

— Я поступаю такъ для твоего же блага, Эдмондъ. Такъ
я не могу повліять на тебя моей любовью, то я должна
ребить власть, предоставленную мнѣ послѣдней волей твоего
. Я сдѣлаю все, что могу, чтобъ помѣшать этому несчастно-
браку.

— Этого вы никогда не сдѣлаете. Вы можете повергнуть
въ нищету, но не можете отнять любимой женщины. Ник-
кромѣ судьбы, не разлучитъ меня съ нею.

— Итакъ, ты рѣшился жениться на Сильвіи Керью? спросила
, съ отчаяніемъ.

Она никакъ не могла повѣрить, чтобъ боготворимый ею сын могъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, вопреки ея волѣ. Она с слезами убѣждала его; она готова была броситься передъ ним на колѣни, будь у нея малѣйшая надежда на успѣхъ.

— Я вамъ сказалъ объ этомъ еще третьяго дня, отвѣчал онъ сурово.

— Да. Но могло же какое-нибудь благодѣтельное вліяні смягчить твое сердце съ тѣхъ поръ?

— Я не чувствую жестокости въ своемъ сердцѣ. Я тольк твердо рѣшился жениться на женщинѣ, которую могу искренн любить. Неужели это не въ порядкѣ вещей, чтобъ человѣкъ сам выбралъ себѣ жену? Мнѣ кажется, матушка, что вы иногда за бываете, что я уже взрослый. Вы все еще воображаете, что тотъ малый ребенокъ, котораго нужно было ограждать отъ опас ности свалиться съ лѣстницы, запирая дверь изъ дѣтской, как это дѣлалось лѣтъ двадцать тому назадъ.

— Я бы не рѣшилась вмѣшаться въ твой выборъ, еслиб онъ былъ разумнымъ, обдуманнымъ результатомъ трезваго ра судка—привязанность, испытанная временемъ; но, видѣть, ч ты рѣшился жениться на дѣвушкѣ, съ которой познакомил лишь въ маѣ мѣсяцѣ, и про которую положительно ничего знаешь, кромѣ того, что у нея хорошенькое личико...

— И того, что это—единственное личико для меня во вс вселенной, что я любимъ ею, и самъ люблю ее. Таково начал середина и конецъ всякой любовной пѣсни, матушка. Ниче вы въ ней не измѣните, ничего не прибавите, ничего не убави Ни одинъ бракъ по любви, со временъ Париса и Елены, не имѣ болѣе пространной исторіи. Слушая ваши разсужденія о трезво разсудкѣ и раціональныхъ привязанностяхъ, можно вообрази что вы сами, матушка, никогда не были влюблены.

Эта стрѣла попала въ цѣль. М-съ Стенденъ тоже пер жила свою мечту о чистой любви за семь лѣтъ до замужст съ солиднымъ банкиромъ, наступившаго уже въ зрѣлый періо двадцати-шести лѣтъ. Она любила и была любима, и принес въ жертву на алтарь семейныхъ соображеній сладчайшія наде ды своего дѣвичьяго сердца. Не лишнимъ было бы воздвига въ залѣ каждаго дома небольшой каменный жертвенникъ, ка символъ того незримаго алтаря, на которомъ постоянно подве гаются закланію такое множество нѣжныхъ чувствъ, принос мыхъ въ жертву неумолимому домашнему богу, Нуждѣ!

М-съ Стенденъ не хотѣла открывать Эдмонду, что и на долю выпало не мало страданій. Это было бы неделикатно

ношенію къ ея благородному супругу, который такъ искренно обилъ и уважалъ ее. Но она подошла къ сыну, нѣжно взяла о за руку, и сказала:

— Я тоже знаю, Эдмондъ, что́ такое страдать и обмануться ожиданіяхъ; но знаю также, что затѣмъ приходитъ сознаніе, о эта неудача повела къ спасенію.

— Я нисколько не желаю такого сомнительнаго благопо-чія, сказалъ нетерпѣливо Эдмондъ. Къ тому же я, матушка, не жу пользы обсуждать этотъ вопросъ. Я всегда останусь пре-нным сыномъ. Ничто не измѣнитъ моей привязанности къ мъ. Но я не измѣню и намѣренія жениться на любимой мною вушкѣ.

Заявивъ категорически о своемъ рѣшеніи съ видомъ полнѣй-го спокойствія, м-ръ Стенденъ почувствовалъ, что тотъ бур-ый демонъ, который терзалъ его въ теченіе всего вечера, сно-взволновалъ всѣ его страсти, и онъ сердито воскликнулъ:

— Право, я не понимаю, какія могутъ быть у васъ существен-я причины противиться этому браку. Какое имѣемъ мы право вить себя на ряду съ древними фамиліями графства?

— Съ моей стороны, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право одиться хорошимъ происхожденіемъ, сказала м-съ Стенденъ достоинствомъ. Фамилія Боссини одна изъ древнѣйшихъ въ точной Англіи.

М-съ Стенденъ была урожденная миссъ Боссини. Подъ валинами поросшаго плющемъ склепа на кладбищѣ поко-я прахъ ея предковъ. Уорстерскій обѣденный сервизъ и дер-скій дессертный она получила въ наслѣдство отъ Боссини.

— Точно такъ же, какъ фамиліи Каппльстоновъ и Трелони, полагаю, возразилъ презрительно Эдмондъ. — Но если дѣло ло объ именахъ, то имя Керью нисколько не хуже.

— Очень хорошое имя для тѣхъ, кто его носитъ; но я бы же-а узнать, какое право на него имѣетъ приходскій школьный тель.

— Какъ! вамъ никогда не случалось слышать, чтобъ джентль-ъ попадалъ въ стѣсненныя обстоятельства?

— Очень рѣдкій джентльменъ согласится вести такую тем-жизнь, какъ м-ръ Керью, не имѣя особенныхъ причинъ ольствоваться такой безвѣстностью, отвѣчала м-съ Стенденъ.

— Вы полны предразсудковъ, матушка, воскликнулъ Эд-дъ, зашагавъ еще быстрѣе.

— Это не предразсудки, Эдмондъ, но инстинктъ. Повѣрь дчувствію матери въ подобномъ случаѣ. Если это вопросъ

жизни и смерти для тебя, то вѣдь и для меня также. Погубивъ свое счастіе, ты погубишь и мое. Я изучила эту дѣвочку съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что ты увлекся ею.

— Въ продолжительный періодъ трехъ или четырехъ недѣль! возразилъ сынъ, съ пренебреженіемъ.

— Достаточный для меня, чтобъ увидать многое. Я разспрашивала людей, знающихъ Сильвію Керью. Я была въ школѣ раза три или четыре, чтобы наблюдать за ней собственными глазами.

— Ея характеръ не выставленъ на показъ въ стеклянной коробкѣ, какъ брелоки за витриной ювелира, замѣтилъ сынъ.

— Для меня она достаточна ясна и я вижу ее насквозь проникаю въ самые сокровенные тайники ея души, отвѣчала м-съ Стенденъ. — Пустота, надменность, тщеславіе — вотъ отличительныя свойства ея характера, какъ мнѣ говорили, и то, что́ я видѣла, вполнѣ подтверждаетъ это мнѣніе.

— Я удивляюсь, какъ вы можете унижать себя, выслушивая презрѣнныя деревенскія сплетни, злостныя нареканія женщинъ завидующихъ красотѣ моей Сильвіи.

— Я говорила съ лицами, чуждыми зависти. М-съ Ванкортъ коротко знаетъ миссъ Керью, и ея мнѣніе крайне осторожное —потому что она слишкомъ добрая женщина, чтобъ осуждать легкомысленно,—совпадаетъ съ моимъ собственнымъ инстинктомъ. Эта дѣвочка не сто́итъ жертвы, которую ты хочешь принести ради нея.

— Жертвы? повторилъ Эдмондъ.—Будь я императоромъ, я бы гордился побѣдой надъ ней.

— Еслибъ тутъ дѣло шло только о нарушеніи свѣтскихъ приличій, или о разницѣ въ вашемъ общественномъ положеніи, я бы не стала прекословить тебѣ, сказала мать, стараясь примириться съ обожаемымъ сыномъ, чувствуя, какъ широко зіяла пропасть, открывшаяся между ними. Я бы даже умолчала о таинственности, окружающей жизнь м-ра Керью; несообразность его положенія бросается въ глаза каждому. Если бы только она то сама была хорошей дѣвушкой.

— Какъ вы можете говорить, что она нехорошая дѣвушка вскрикнулъ Эдмондъ, и долго-сдерживаемое пламя прорвалось, наконецъ, наружу. Какъ смѣете вы судить ее,—вы, которые руководитесь въ жизни Евангеліемъ?

Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Чѣмъ можетъ женщина объяснить тотъ смутный страхъ, внушаемый предчувствіемъ, которое она называетъ инстинктомъ?

— Я желаю, чтобъ ты былъ счастливъ, Эдмондъ, грустно роговорила мать.

— Я могу быть счастливъ только въ одномъ случаѣ,—если женюсь на единственной женщинѣ, которую полюбилъ.

— Развѣ ты можешь отвѣчать за свое сердце? Вѣдь ты не-авно еще былъ мальчишкой.

— Хорошо вамъ, матушка, считать меня мальчишкой, но редоставьте мнѣ право въ двадцать-четыре года считать себя рослымъ мужчиной.

— И ты готовъ стать лицомъ къ лицу съ нищетой, ради ой дѣвочки?

— Я согласенъ отказаться отъ наслѣдства.

— Какъ Исавъ, сказала мать съ горечью.

— Если хотите, какъ Исавъ. Впослѣдствіи дѣла Исава шли не совсѣмъ дурно, у него были свои стада, равно какъ его болѣе ловкаго брата. Нѣтъ, матушка, я не страшусь ни-еты; я буду работать изъ-за куска хлѣба, какъ многіе лучшіе оди дѣлали это до меня. Я надѣюсь на успѣхъ, съ Божьей мощью и любовью моей молодой жены.—Въ голосѣ его вне-пно зазвучала нѣжность.—Я съ упованіемъ предвижу тотъ день, гда вы примиритесь съ моимъ выборомъ, и скажете мнѣ: «Да, мондъ, преданное сердце самый вѣрный совѣтникъ!»—Взглядъ стныхъ глазъ молодого человѣка, взглядъ полный любви, нѣж-сть, звучавшая въ его голосѣ, глубоко тронули мать.

Обыкновенно сдержанная въ проявленіи своихъ ощущеній, а не выдержала въ этотъ вечеръ, и положивъ голову на плечо на, громко зарыдала.

— Сынъ мой, произнесла она, на видъ я поступаю съ тобою стоко, между тѣмъ, какъ люблю тебя болѣе всего на свѣтѣ.

— Ахъ, вы!—неразумная мать, весело сказалъ Эдмондъ,—вся-е чувство горечи исчезло при видѣ слезъ матери,—неужели вы мали, что кто-нибудь, или что-нибудь можетъ измѣнить нашу ивязанность? Могли ли вы допустить мысль, что пустой, денеж-й вопросъ разъединитъ насъ? Неужели я меньше люблю васъ, тому что настаиваю на собственномъ выборѣ жены? Узкое лжно быть сердце у человѣка, если оно не можетъ совмѣстить бовь къ женѣ съ любовью матери.

— Дорогой сынъ! промолвила м-съ Стенденъ.—Тотъ, кто равляетъ міромъ, видитъ въ сердцѣ моемъ, что никакое эгои-ическое чувство не руководитъ мною относительно тебя. Не лич-е предубѣжденіе, не материнская ревность побуждаютъ меня отивиться этому браку. Но ты уже на него рѣшился — мнѣ

нечего болѣе говорить объ этомъ. Пусть исчезнетъ всякая горечь между нами. Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ молиться о твоемъ счастіи.

М-съ Стенденъ, отыгравъ своего козырнаго туза, бросила карты. Она думала, что положивъ на вѣсы утрату отцовскаго наслѣдства и исполненіе собственнаго каприза, Эдмондъ поколеблется купить свою мечту такой дорогой цѣной. Она увидала его твердую рѣшимость, непоколебимую въ виду даже такой громадной жертвы; она увидала, что онъ готовъ отказаться отъ наслѣдства такъ легко, какъ если бы дѣло шло объ одной изъ серебряныхъ табакерокъ покойнаго банкира, этой святыни, хранимой подъ стекляннымъ колпакомъ на одной изъ шифоньерокъ. Она увидала, что тактика ея потерпѣла полное фіаско. Она вовсе и не располагала лишать Эдмонда наслѣдства, принадлежащаго ему по праву и обогатить дочь въ ущербъ сыну. Она только пыталась стать между Эдмондомъ и его страстью, которая, какъ ей подсказывалъ вѣрный инстинктъ материнской любви, должна была погубить его.

ГЛАВА VII.

Сны наяву.

Послѣ разговора съ матерью, начатаго въ раздраженіи и окончившагося взаимнымъ примиреніемъ, Эдмондъ Стенденъ ощутилъ, наконецъ, душевный миръ, котораго уже такъ давно лишился. По крайней мѣрѣ они вполнѣ поняли другъ друга, и Эдмонда радовало сознаніе, что избравъ свою собственную дорогу, онъ могъ не расходиться съ нѣжно-любимой матерью. Онъ охотно мечталъ теперь, что устроивъ свою новую жизнь въ Монкгемптонѣ, въ нѣсколькихъ лишь миляхъ отъ деканова дома, онъ можетъ во всякое время видѣться съ матерью. Она не будетъ чувствовать своего одиночества. Онъ же будетъ нѣжно о ней заботиться, и постарается доказать ей на каждомъ шагу, что не смотря на то, что онъ послушался влеченія собственнаго сердца, онъ тѣмъ не менѣе остался ея преданнымъ сыномъ.

Онъ не спѣшилъ ложиться спать, хотя пробило уже полночь, когда онъ простился съ м-съ Стенденъ у дверей ея комнаты, и это былъ необыкновенно поздній часъ въ декановомъ домѣ. Луна ярко свѣтила сквозь высокія окна его спальни.

Онъ поднялъ шторы и мягкій свѣтъ широко разлился по ком

натѣ, по которой онъ принялся шагать въ раздумьи, но уже безъ якой горечи въ мысляхъ. Да, онъ примиритъ свои обязанности ъ матери съ чувствомъ всепоглощающей любви. Не было надобности разрывать со старой привязанностью въ виду новыхъ узъ. со временемъ, когда м-съ Стенденъ примирится съ совершившимся фактомъ, она вѣрно смягчится въ отношеніи Сильвіи. Ей е захочется стать преградой къ дружескимъ отношеніямъ двухъ омовъ, и она не исключитъ изъ семейнаго круга жену своего сына.

«Время все сглаживаетъ», разсуждалъ онъ самъ съ собой.— Впослѣдствіи онѣ даже могутъ полюбить другъ друга. Въ случаѣ же, если моя ненаглядная подаритъ меня ребенкомъ, то эти овыя узы еще тѣснѣе свяжутъ всѣхъ насъ. Нѣтъ, я не страусь будущаго; что же касается бѣдности...»

Эдмондъ Стенденъ, никогда въ жизни не испытавшій нужды, езпечно улыбнулся при этой мысли и не докончилъ даже фразы.

Онъ набрасывалъ планы своей будущей жизни также тщательно, акъ бы какой-нибудь изящный архитектурный планъ загородной иллы. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ получитъ мѣсто въ банкирской онторѣ съ годовымъ жалованьемъ, ну, хоть въ 250 фунтовъ для ачала.

Они съ Сильвіей могутъ отлично устроиться съ двумястами итидесятью фунтами. Они найдутъ себѣ прелестный домикъ, по-коттэджъ, полу-виллу, въ окрестностяхъ города, на Брумфильдской горѣ, напримѣръ, съ извилистой дорожкой, съ которой чезъ лѣса и луга открывался бы видъ на устье Уэксье, гдѣ она ивается съ моремъ. Жить они будутъ очень тихо, съ тѣмъ ромнымъ изяществомъ, которое Эдмондъ, ничего не смысливій въ домоводствѣ, воображалъ вполнѣ совмѣстимымъ съ овымъ доходомъ въ двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ. Принимать стей будутъ они очень рѣдко, такъ какъ имъ всего пріятне будетъ быть вдвоемъ. Они станутъ жить лишь другъ для уга, и тратить деньги только на себя. У Эдмонда уже полоно начало порядочной библіотеки, изъ книгъ избранныхъ ъ самимъ и купленныхъ на собственныя карманныя деньги. ъ будетъ и впередъ заниматься пріятнымъ дѣломъ составленія бліотеки. Доходы его, конечно, ему позволятъ. А какіе прелестные вечера будутъ они проводить вмѣстѣ, по окончаніи дневной боты. Лѣтніе вечера будутъ они сидѣть въ своемъ садикѣ, разващемъ вокругъ благоуханіе цвѣтовъ, и гдѣ будетъ по-крайней мѣрѣ одно старое дерево, широко раскидывающее свою тѣнь: ъ же будетъ расположенъ на склонѣ той крутой горы, съ ко-

торой имъ можно будетъ любоваться, какъ пурпурное солнце погружается въ прохладную лазурь моря. Въ зимніе же вечера, скрывшись за ставнями отъ всего внѣшняго міра, пріютятся они у своего веселаго очага, и переговорятъ обо всемъ на свѣтѣ, подъ тихій ропотъ отдаленныхъ волнъ этого вѣчно-бушующаго моря.

Какъ пріятно ему будетъ читать вслухъ молодой женѣ, которая будетъ сидѣть за работой. Она, разумѣется, любитъ рукодѣлія. Всѣ нѣжныя, домовитыя женщины охотницы до нихъ. Онъ могъ вызвать въ своемъ воображеніи образъ ея прелестнаго личика, наклоненнаго съ пристальнымъ взглядомъ надъ рабочимъ ящикомъ, эмблемой доброй семьянинки. Онъ представлялъ себѣ какъ ея нетронутый молодой умъ разовьется подъ его вліяніемъ. Безъ сомнѣнія, въ двадцать-четыре года, онъ считалъ себя вполнѣ зрѣлымъ на то, чтобы руководить и воспитать ее. Недостатки ея образованія, пріобрѣтеннаго ею по большей части самоучкой и придававшаго ей внѣшній лоскъ образованности, будутъ пополнены его заботливыми и раціональными стараніями. Онъ самъ образуетъ умъ жены своей, запечатлѣвъ на его чистыхъ страницахъ изреченія древнихъ мудрецовъ, мечтанія геніальныхъ поэтовъ; онъ сдѣлаетъ ее своимъ товарищемъ, своимъ двойникомъ.

Какія сладкія мечты! Онъ взглянулъ на садъ, залитый лунным свѣтомъ. На ровной, гладкой лужайкѣ ложились черныя тѣни старыхъ деревьевъ, словно отражаясь на гладкой поверхности тихаго пруда. Онъ разсѣянно взглянулъ на эту знакомую спокойную картину, и съ радостнымъ замираніемъ сердца подумалъ о другомъ жилищѣ, которое будетъ лучше уже потому что онъ поселится въ немъ вмѣстѣ съ Сильвіей.

— Завтра, тотчасъ послѣ завтрака, я съѣзжу въ Монкгемптонъ, чтобъ повидаться съ директоромъ банка, сказалъ онъ себѣ, а вечеромъ побываю у м-ра Керью. Теперь все разъяснилось для меня, и пусть весь Гедингемъ узнаетъ, что я женюсь на Сильвіи Керью. И, совершенно довольный своими планами, м-ръ Стендень легъ спать.

— Между прочимъ, хотѣлось бы мнѣ знать, знаетъ-ли Эсквирь Рочдель о моемъ сватовствѣ, подумалъ онъ, засыпая.

Какъ прекрасенъ казался міръ Эдмонду Стендену, когда на слѣдующее утро онъ сошелъ внизъ, чтобъ присоединиться къ общей молитвѣ, предшествовавшей первому завтраку, подаваемому въ восемь часовъ, въ деканновомъ домѣ. Филёнчатая столовая, темныя дубовыя панели которой были раскрашены бѣлою краской какимъ-то удалымъ вандаломъ, представляла въ это ясное

олнечное утро, чрезвычайно уютный видъ. Тщательно сервиро-анный столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, съ вазою цвѣ-овъ посерединѣ и стариннымъ серебрянымъ самоваромъ, воз-буждалъ аппетитъ. Буфетъ, съ своимъ *резервомъ* ветчины и хо-лоднаго филея, дополнялъ картину. Отворявшіяся до полу окна дѣлали изъ цвѣтника какъ-бы часть этой комнаты. Птички рас-пѣвали свои привѣтственные утренніе гимны солнцу и земли. Лѣтній туманъ легкою дымкой носился еще надъ росистою травой.

Эсѳирь Рочдель была одна въ комнатѣ, когда вошелъ въ нее Эдмондъ. Она стояла у одного изъ открытыхъ оконъ, задумчиво глядя въ садъ тѣмъ неподвижнымъ взглядомъ, который ничего не видитъ, и была погружена въ свои думы. Тѣмъ не менѣе, она привѣтствовала Эдмонда дружеской улыбкой, когда онъ, здороваясь, пожалъ ей руку. До поѣздки его въ Германію они попросту цѣ-ловались, здороваясь по утрамъ и вечерамъ. Но по возвращеніи изъ путешествія м-ръ Стенденъ не обрѣлъ уже поцѣлуя на устахъ своей пріемной сестры, хотя встрѣча была изъ самыхъ задушев-ныхъ, и онъ безсознательно почувствовалъ, что пора этихъ ребяче-скихъ привѣтствій миновала.

Эсѳирь была моложе его пятью годами, но казалась еще мо-ложе, такъ тонка и стройна была вся ея фигура, такая юность дышала въ ея тонкихъ чертахъ, въ невинномъ выраженіи ея круглаго овальнаго личика.

То было одно изъ тѣхъ лицъ, отличительная прелесть кото-рыхъ заключается въ нѣжности, спокойной, задумчивой, подъ-часъ даже до меланхоліи. Въ миссъ Рочдель незнакомецъ никогда бы не заподозрилъ дѣвушку съ независимымъ состояніемъ. Дѣй-ствительно, ея обращеніе было такое скромное, всѣ ея мысли такъ не самоувѣренны, что ее часто принимали за особу, обла-годѣтельствованную м-съ Стенденъ.—«Какъ это хорошо со стороны м-съ Стенденъ держать у себя эту бѣдняжку миссъ Рочдель», го-ворили добрые люди, и не вѣрили своимъ ушамъ, когда узна-вали что у этой «бѣдняжки» есть несомнѣнный доходъ въ шесть-сотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Однакожъ, не слѣдуетъ предполагать, что миссъ Рочдель была изъ числа тѣхъ застѣнчивыхъ и глуповатыхъ дѣвушекъ, которыя не умѣютъ рта раскрыть въ присутствіи своихъ знакомыхъ. Подъ этой спокойной и кроткой наружностью билось сердце, способное на геройскіе подвиги; ея высокій лобъ указывалъ на умъ, могу-щій возвыситься до высокихъ помысловъ. Въ девятнадцать лѣтъ Эсѳирь Рочдель было свое собственное мнѣніе о людяхъ и книгахъ. Она перечла и передумала уже очень многое, благо-

даря мирной жизни въ декановомъ домѣ, представлявшей большой просторъ для занятій, равно какъ и для всякихъ самоотверженныхъ поступковъ. Миссъ Рочдель была правой рукой м-ра Ванкортъ въ отношеніи бѣдныхъ, и дѣлала одна гораздо болѣе, чѣмъ всѣ три его дочери вмѣстѣ, хотя едва-ли имя ея было извѣстно въ Доркасскомъ клубѣ, или фигурировало на какомъ-либо подписномъ листѣ. Ея лѣвая рука никогда не вѣдала о томъ, что́ удѣляла бѣднымъ ея правая изъ ея значительныхъ доходовъ.

— Какой у васъ радостный видъ сегодня, Эдмондъ, сказала она, пока они стояли у окна въ ожиданіи прихода м-съ Стендень и звона колокола, каждое утро созывавшаго аккуратную прислугу въ тотъ моментъ, когда на часахъ било восемь. Часы въ залѣ не успѣвали пробить восемь, какъ уже раздавался пронзительный звонъ колокола. — Мрачный взглядъ, который я такъ часто замѣчала за послѣднее время, разсѣялся безслѣдно.

— Моя милая Эсѳирь, радостно отвѣтилъ Эдмондъ, — при моемъ характерѣ, секреты просто невыносимы, а я за послѣднее время именно находился подъ тяжелымъ гнетомъ глубокой тайны.

— Вы, Эдмондъ, воскликнула Эсѳирь, съ недовѣрчивымъ взглядомъ,—я никогда не предполагала чтобъ какая-нибудь тайна могла найти доступъ въ декановъ домъ. Даже сама прислуга сообщаетъ тетушкѣ или мнѣ все, что́ съ нею случается.—А у васъ есть секретъ? неужели же у васъ есть какая-либо тайна отъ матери?

— Для моей матери это не было тайной за эти послѣдніе три дня. Я ей обо всемъ разсказалъ во вторникъ.

— Неужели это было причиной ея печали? третьяго дня она плакала въ своей комнатѣ, и вчера тоже передъ тѣмъ, чтобъ одѣваться для выѣзда. Я видѣла слѣды слезъ на лицѣ ея оба раза. О, Эдмондъ, что́ могли вы сдѣлать такого, чтобъ такъ сильно огорчить ее? Случилось ли это еще въ Германіи? Если вся тревога вышла изъ-за денегъ, то не забудьте, что мои средства къ вашимъ услугамъ.

У нея было смутное понятіе о томъ, что Германія наводнена игроками, и что Эдмондъ могъ сдѣлаться жертвой этихъ кровопійцъ.

— Ахъ вы милая, невинная Эсѳирь, воскликнулъ Эдмондъ, глубоко тронутый ея добротой. — Дѣло не въ деньгахъ, а если бы оно было и такъ, то неужели вы думаете, что я такая низкая тварь, что буду эксплуатировать вашу дружбу ко мнѣ. Тайна моя касается гораздо ближе моего сердца, чѣмъ моего кармана, которымъ, вы знаете, я не слишкомъ-то дорожу, прибавилъ молодой человѣкъ съ горделивымъ видомъ.

— Но какъ же вамъ не стыдно было такъ опечалить тетушку?

— Вольно же ей было такъ принять мое сообщеніе, Эсѳирь. Это была не моя вина. Но мы теперь съ матерью совсѣмъ помирились. Облачко недоразумѣній разсѣялось навсегда, и мнѣ кажется она начинаетъ понимать, что бываютъ кризисы въ жизни мужчины, когда онъ имѣетъ право распоряжаться своей судьбой.

Дѣвушка взглянула на него съ удивленіемъ, даже, вѣрнѣе сказать, нѣсколько оторопѣла.

— Какой же это кризисъ, Эдмондъ? спросила она спокойно. Смущеніе такъ же быстро исчезло съ ея лица, какъ скользитъ лучъ солнца по цвѣтку.

— Когда человѣкъ въ первый разъ въ жизни полюбитъ честно, глубоко и неизмѣнно.

Наступило минутное молчаніе. Въ этотъ моментъ Эсѳирь слегка поблѣднѣла, губы ея вздрогнули и въ ея глубокихъ, задумчивыхъ глазахъ отразилась печаль. Но выраженіе это было мимолетно, а влюбленные—такіе эгоисты, что Эдмондъ ничего не замѣтилъ. Наконецъ, нѣжныя губки подарили его ласковой улыбкой, а маленькая ручка съ довѣріемъ сжала его руку.

— Я радуюсь всему, что́ можетъ васъ сдѣлать счастливымъ, Эдмондъ,—сказала она съ нѣжностью. Но надѣюсь, что эта любовь разумная. Впрочемъ, еслибы это было такъ, то вѣроятно ваша мать не была бы такъ огорчена.

— О! у моей матушки, безъ сомнѣнія, свои планы на счетъ моей жизни и она вѣрно желала бы, чтобъ я влюбился по ея назначенію.

Выраженіе боли гораздо яснѣе, чѣмъ передъ тѣмъ, отразилось на лицѣ Эсѳири; но она глядѣла внизъ, а Эдмондъ не слѣдилъ за выраженіемъ ея лица. Онъ припоминалъ свои собственныя страданія. Не взирая на примиреніе съ матерью, чувство горечи еще не вполнѣ изгладилось изъ его души. Рана зажила, но еще не зажила совсѣмъ.

— Что касается до разумности моего выбора, продолжалъ онъ, то это языкъ посторонних наблюдателей, который немыслимо примѣнить къ истинной любви. Человѣкъ не разуменъ въ своихъ дѣлахъ. Онъ повинуется своей судьбѣ, не останавливаясь для соображенія, есть ли у любимой имъ женщины деньги въ банковыхъ фондахъ или связи, могущія составить его карьеру. Онъ любитъ потому, что ему любится. Я не предполагаю, чтобъ Гейдельбергская буржуазія, съ ея узкими понятіями и мелочными правилами, одобрила мой выборъ. Но мой выборъ внушенъ мнѣ мо-

имъ сердцемъ, и я ни на волосъ не забочусь о мнѣніи тѣхъ мудрецовъ, которые обзовутъ меня безумцемъ.

— Даже о мнѣніи вашей матери, Эдмондъ? спросила Эсѳирь; а я полагала, что не можетъ быть такихъ случаевъ въ вашей жизни, когда бы это мнѣніе не принималось въ разсчетъ.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что въ сердечныхъ дѣлахъ человѣкъ самъ рѣшаетъ за себя? Полноте, дитя, что́ вы въ этомъ понимаете? Подождите, пока вы по-уши не влюбитесь въ какого-нибудь дэнди изъ Оксфорда или Сандгерста, и тогда посмотримъ, насколько тетушкины разумные совѣты возьмутъ верхъ надъ обаяніемъ вашего поклонника. Вы не должны становиться на сторону свѣтской мудрости, Эсѳирь. Я разсчитывалъ на ваше вліяніе, чтобъ смягчить сердце моей матери въ отношеніи Сильвіи.

— Сильвіи! воскликнула Эсѳирь, съ выраженіемъ ужаса, Сильвіи Керью!

— Я не знаю никакой другой Сильвіи въ нашей мѣстности, отвѣчалъ хладнокровно Эдмондъ, — имя это не совсѣмъ обыкновенно.

— Вы влюблены въ Сильвію Керью, въ хорошенькую дочку школьнаго учителя!

— И мою будущую жену, отвѣчалъ Эдмондъ съ достоинствомъ.—Надѣюсь, вы ничего не можете сказать противъ нея.

— О, Эдмондъ, какъ могли вы сдѣлать такой роковой выборъ?

— Роковой! Вы и матушка, наконецъ, меня съ ума сведете. Роковой! При имени Сильвіи вы обѣ впадаете въ преувеличенія и вздыхаете, и разскрываете глаза, толкуете о рокѣ, будто я членъ семьи Эдипа, осужденный на разрѣшеніе труднѣйшихъ задачъ. Въ сущности, Эсѳирь, что́ вы имѣете противъ мисс Керью?

— Конечно не многое, отвѣчала Эсѳирь съ своей обычной кротостью. Она мнѣ казалась тщеславной — и злой; но быть можетъ я ошибалась.

— Тщеславна — пожалуй: она знаетъ, что она самая хорошенькая дѣвушка во всемъ околоткѣ, на пятьдесятъ миль въ окружности Гедингема. Зла—тутъ я увѣренъ, вы ошибаетесь.

Онъ вспомнилъ кроткую улыбку Сильвіи—и обращенный къ нему взоръ этихъ чудныхъ карихъ глазъ. Зла—съ такимъ взглядомъ, съ такою улыбкой! Какъ эти женщины клевещутъ другъ на друга.

— Можетъ быть, я необдуманно осудила ее, Эдмондъ. Одна

ожъ, сколько мнѣ помнится, я не ошибаюсь, отвѣчала Эсѳирь ягко. -Я видѣла, какъ она била бѣдныхъ ребятишекъ.

— Вы видѣли, какъ она била бѣдныхъ ребятишекъ, повто-илъ Эдмондъ презрительно.

— Еслибы вамъ приходилось столько же возиться съ этими алкими ребятишками, сколько Сильвіи, то я сомнѣваюсь, чтобъ ы могли удержаться, чтобы случайно какъ-нибудь не вспылить. ы посѣщаете школу разъ или два въ недѣлю, какъ *дилет-антка*, когда вамъ заблагоразсудится, и ставите себя судьею, роизносящимъ приговоръ надъ Сильвіей, которая должна выно-ить эту пытку возни съ ребятишками каждый Божій день.

Эсѳирь не напомнила ему, что она аккуратно исполняла свои бязанности въ воскресной школѣ, и ходила изъ деканова дома ь Гедингемъ, во всякую погоду, въ дождь или зной, въ вѣтеръ ли грозу, весь круглый годъ, не справляясь съ расположеніемъ воего духа—не взирая ни на головную боль, ни на невралгію, и на какія страданія, которымъ подвержено человѣчество, когда олгъ призывалъ ее. Она отвѣтила ему лишь едва слышнымъ здохомъ.

ГЛАВА VIII.

Дурныя вѣсти изъ Демерары.

— А вотъ и матушка,—сказалъ Эдмондъ, услыхавъ шорохъ латья м-съ Стенденъ, раздавшійся на лѣстницѣ. Въ ту же ми-уту колоколъ прозвонилъ свой призывъ.

— Что это, какъ ты блѣдна сегодня, дитя! сказала м-съ тенденъ, цѣлуя свою пріемную дочь.

— Неужели, тетушка? Я довольно долго гуляла по саду; а егодня утромъ нѣсколько жарко. У меня заболѣла голова.

— Бѣдная головка, такая дѣятельная и заботливая, когда ѣло коснется до другихъ, сказала м-съ Стенденъ, приглаживая ягкіе, темные волосы молодой дѣвушки.

Мать съ сыномъ поцѣловались на старый душевный ладъ. учи совсѣмъ разъяснились. Онѣ разразились въ тѣхъ страстныхъ ѣзахъ, излившихся изъ растерзаннаго материнскаго сердца.

Одна за другою вошли пять служанокъ.

Въ составѣ прислуги въ декановомъ домѣ не было ни дного мужчины. М-съ Стенденъ любила своихъ доморощенныхъ рятныхъ служанокъ, но ни за что не соглашалась бы раздѣ-

лить власть съ наискуснѣйшимъ дворецкимъ. Двѣ пожилыя жен щины, кухарка и горничная м-съ Стенденъ, и три цвѣтущія дѣ вушки, буфетчица, служанка и прачка составляли штатъ дека нова дома.

По прочтеніи молитвъ и утренней главы изъ Библіи, начало завтракъ. Едва м-съ Стенденъ успѣла занять свое мѣсто окол самовара, какъ у воротъ раздался громкій звонокъ, отъ котораг всѣ встрепенулись. То былъ звонокъ, предназначенный преиму щественно для посѣтителей. Всѣ торговцы и лица низшаго со словія, за исключеніемъ почтальона или случайнаго посѣтителя входили черезъ ворота, ведущія къ конюшнѣ.

— Кто бы это могъ явиться въ такой ранній часъ? воскли нулъ Эдмондъ, думая о Сильвіи. Ужъ не занемогла ли она или не случилось ли съ ней чего-нибудь? Не она ли прислал за нимъ?

Буфетчица принесла одинъ изъ тѣхъ зловѣщихъ желтых конвертовъ, которые повергаютъ въ ужасъ нѣкоторыя просты сердца. Дѣло происходило еще до времени изобрѣтенія электри ческихъ телеграфовъ. Пакетъ этотъ былъ отправленъ съ нароч нымъ изъ Монкгемптона.

— Слѣдуетъ заплатить полкроны, сударыня, сказала буфет чица, кладя пакетъ у тарелки м-съ Стенденъ, и просятъ отмѣ тить на пакетѣ, когда получено.

Видъ этого желчно-цвѣтного пакета взволновалъ м-съ Сте денъ. Телеграфическія извѣстія были рѣдкостію въ декановом домѣ. Она безпомощно глядѣла на бумагу.

— Дайте я за васъ все это сдѣлаю, матушка, сказалъ Эд мондъ, взглянувъ на свои часы. Телеграмма не могла быть от Сильвіи, потому онъ совершенно спокойно относился къ ея со держанію. Пусть хоть весь міръ провалится, была бы она цѣла

Онъ нацарапалъ требуемую надпись на бумагѣ, досталъ из карманнаго жилета полкроны и отдалъ деньги и бумагу служанкѣ пока мать читала посланіе.

— Въ чемъ дѣло, матушка? спросилъ онъ, не опасаясь ни какого несчастія. Но мать его вдругъ страшно поблѣднѣла и пе редала ему телеграмму, не произнося ни слова.

«Отъ Гансайда и Пенгроссъ, Грезъ-иннъ, м-съ Стенден Декановъ домъ, близъ Гедингема.—Прискорбныя извѣстія полу чены по почтѣ вчера вечеромъ изъ Демерары. Одинъ зна комый телеграфируетъ намъ изъ Соутгемптона, что м-ръ Сар жентъ скоропостижно умеръ отъ болѣзни сердца, пятнадцатаг іюня. М-съ Саржентъ серьёзно больна. Если возможно, слѣдо

ало бы кому-нибудь отправиться немедленно къ ней. Лучше сего было бы брату, который могъ бы устроить ея дѣла. Мы пасаемся, что дѣла м-ра Саржента остались далеко не въ удовтворительномъ положеніи. Почтовый пароходъ, отправляющійся а островъ св. Ѳомы, отходитъ изъ Соутгемптона завтра вечеомъ. Слѣдуетъ подробное письмо».

— Бѣдный Жоржъ—въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, какихъ-нибудь идцати шести лѣтъ и такъ неожиданно сраженъ, прошептала -съ Стенденъ, вся въ слезахъ.

— О, тетушка, что́ случилось? спросила Эсѳирь.

— Жоржъ Саржентъ скончался. И подумать, что мое бѣдое дитя теперь одна въ чужой странѣ. Что́ намъ дѣлать, Эдондъ? Могу ли я просить тебя съѣздить къ ней?

Она вспомнила про его сватовство—захочетъ ли онъ уѣхать ъ того мѣста, гдѣ жила Сильвія Керью, хотя бы для того, обы помочь овдовѣвшей сестрѣ?

— Нужно ли вамъ просить меня объ исполненіи моей обянности, матушка! Безъ сомнѣнія, я отправлюсь въ Демерару. бдный Жоржъ! Онъ былъ отличный малый, но, какъ кажется, особенно осмотрительный. Повидимому, онъ оставилъ дѣла ень запутанными. Не плачьте, дорогая матушка. Мы телеграируемъ Еленѣ, что я поспѣшу пріѣхать къ ней. Я поѣду въ ондонъ на скоромъ поѣздѣ, отходящемъ въ часъ, а завтра по чтовому пароходу отправлюсь къ островамъ св. Ѳомы.

— Какъ ты добръ и благороденъ, Эдмондъ! воскликнула сь Стенденъ, материнскому сердцу которой это самоотвержее казалось героизмомъ, достойнымъ римлянина.

— Я теперь не боюсь покинуть Гедингемъ, матушка, сказть юноша, понизивъ голосъ, наклонившись надъ ухомъ матери, могу вполнѣ положиться на вашу честность, не опасаясь, что пустите въ ходъ свое вліяніе, чтобъ разлучить насъ съ Сильй во время моего отсутствія.

— Нѣтъ, Эдмондъ, я на это, положительно, неспособна, я йду съ нею повидаться, если ты желаешь этого, съ трудомъ говорила она, въ твое отсутствіе и постараюсь полюбить ее.

— Пожалуйста, голубушка. Вамъ сто́итъ только увидать ее, обы полюбить.

Эдмондъ посмотрѣлъ на часы. Еще не было девяти часовъ. него оставалось еще цѣлыхъ три часа, чтобы проститься съ львіей и переговорить съ м-ромъ Керью. Онъ рѣшился не авлять ничего невыясненнымъ. Его женитьба на Сильвіи должна

быть рѣшеннымъ вопросомъ, прежде чѣмъ онъ уѣдетъ изъ Гедингема.

— Что я буду безъ тебя дѣлать, Эдмондъ? сказала вздыхая его мать, между тѣмъ, какъ онъ механически ѣлъ и пилъ, спѣша покончить съ завтракомъ.

— Полноте, дорогая матушка, нечего раздумывать. Я пробуду въ отсутствіи не болѣе, какъ три мѣсяца. Шесть недѣль на путешествіе туда и обратно, приблизительно мѣсяцъ пробуду я въ Демерарѣ. Я полагаю, что слѣдуетъ привезти Нелли с собой.

— Конечно. Зачѣмъ ей, бѣдняжкѣ, оставаться тамъ теперь Она, вѣроятно, получитъ пенсію, и помимо того, врядъ ли будутъ у ней какіе-нибудь доходы, если Жоржъ оставилъ по себѣ долги. Онъ былъ всегда такой безпечный, и такъ много разсчитывалъ на ожидаемое отъ дядюшки-генерала наслѣдство. А теперь, дядя пережилъ племянника. Какъ это грустно.

— Vitae summa brevis spem nos vetat inchoare longam, — пробормоталъ Эдмондъ. Скучное дѣло разсчитывать на обноски покойниковъ.

— Скажи твоей бѣдной сестрѣ, Эдмондъ, что ей нечего искать себѣ другого пристанища, что она всегда найдетъ себѣ кров въ нашемъ домѣ.

— А дѣтей, спросилъ онъ съ скрытымъ неудовольствіемъ тоже привезти сюда? Посчитаемте, сколько ихъ тамъ, кажется цѣлая тройка. Вѣдь послѣдній ребенокъ, сколько помнится, уж третій по счету?

— Будто у тебя нѣтъ другого дѣла, какъ считать, сколько дѣтей у твоей единственной сестры, сказала м-съ Стенденъ с упрекомъ.

— Они такъ быстро прибываютъ, что не успѣваешь считать ихъ. Итакъ, я привезу ее, матушка, съ ребятишками и со всѣмъ скарбомъ. Я полагаю, что вамъ не совсѣмъ по вкусу придутся липкіе слѣды ихъ лапокъ на мебели и разбитыя игрушки в углахъ всѣхъ комнатъ. Но за то они развлекутъ васъ и Эсѳир когда я переѣду.

Онъ весело болталъ, чтобъ успокоить мать, несмотря на то что грусть тяжко давила его сердце. Три мѣсяца, три долгихъ мѣсяца предстоитъ ему быть въ разлукѣ съ Сильвіей. Долг не придется ему любоваться этимъ очаровательнымъ личикомъ, нѣжный взоръ ея прелестныхъ глазъ долго не будетъ свѣтить ему

«Какъ я буду жаждать прикосновенія ея крошечной ручки какъ я буду тосковать по моей голубкѣ, думалъ онъ. Какъ часъ

ь обманчивыхъ снахъ я буду видѣть ее около себя, и, пробу-
ившись, еще горячѣе почувствую разлуку.

Онъ скоро справился съ своимъ завтракомъ, и вставая, изви-
ился передъ матерью и Эсѳирью, говоря, что ему пора поспѣ-
ить въ Гедингемъ.

— Вы будете такъ добры, матушка, и уложите мой чемо-
анчикъ, не правда-ли? спросилъ онъ. Многаго укладывать не
адо, такъ какъ у меня нѣтъ костюма пригоднаго для тропическаго
лимата. Я зайду въ магазинъ готоваго платья въ Корнгиллѣ,
запасусь всѣмъ нужнымъ. Велите заложить телѣжку къ поло-
инѣ перваго, и положить въ нее чемоданъ. Я къ тому времени
ернусь.

— Ты идешь въ Гедингемъ?

— Да, я хочу переговорить съ моимъ будущемъ тестемъ.

М-съ Стенденъ передернуло. Довольно непріятно было ей
мать о Сильвіи въ качествѣ невѣстки, но еще хуже было по-
мать объ ея отцѣ. Деревенскій школьный учитель—человѣкъ,
котораго всего было сорокъ фунтовъ годового дохода, съ квар-
рой, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Не ужасно ли было вспом-
ить, что этотъ скромный чиновничекъ будетъ со временемъ имѣть
раво входа въ деканов домъ, и будетъ состоять въ свойствѣ
его хозяйкой.

«Этотъ человѣкъ по виду и языку настоящій джентльменъ,
здумывала м-съ Стенденъ. Въ этомъ-то и бѣда. У него, надо
лагать, были какія-нибудь важныя причины заживо похоро-
ить себя въ Гедингемѣ.»

Она вздохнула при мысли о женитьбѣ сына, мысли, съ ко-
рой все еще не могла она примириться, хотя въ порывѣ бла-
дарности и великодушія она только что обѣщала ему навѣ-
ить Сильвію. Она взглянула на озабоченное лицо Эсѳири, обра-
енное къ ней съ выраженіемъ нѣжнаго сочувствія. Она взгля-
ла и вспомнила, съ искренней печалью, о надеждѣ, которую
олько лѣтъ лелѣяла, и отъ которой пришлось отказаться на-
яхъ. Слезы навернулись на ея глаза и она отвернулась, бу-
чи не въ силахъ подавить надрывающій душу вздохъ.

— Дорогая тётя, что вы такъ печалитесь? спросила дѣвушка
любовью, васъ теперь тревожитъ положеніе бѣдной м-съ
ржентъ?

— Нѣтъ, душа моя, меня тревожитъ мой сынъ. Онъ окон-
гельно рѣшился жениться.

— Противъ вашей воли. Я знаю, милая тетушка. Эдмондъ
общилъ мнѣ это нынче утромъ.

М-съ Стенденъ пытливо взглянула на нее.

— И ты не сердишься на него за такой выборъ?

— За что же мнѣ сердиться? Мнѣ остается только пожелат
ему счастія — и если онъ можетъ быть счастливъ съ Сильвіе
Керью, я не вижу никакой бѣды въ различіи ихъ общественнаг
положенія? Она дѣйствительно очень приличная дѣвушка по на
ружности и манерамъ, и лучше воспитана, чѣмъ вы это пред
полагаете.

— *Если* онъ можетъ быть счастливъ, повторила м-съ Стен
денъ съ удареніемъ. Въ томъ-то и дѣло, Эсѳирь, что это «если»
меня особенно тревожитъ.

ГЛАВА IX.

Сильвія у себя дома.

Весело смотрѣлъ Гедингемъ въ то ясное, знойное утро, когд
Эдмондъ Стенденъ шелъ по небольшой улицѣ, гдѣ журчащій ру
чеекъ извивался мимо коттэджей и садиковъ. Онъ проходил
мимо зеленыхъ изгородей, черезъ которыя то поглядывала любо
пытная бѣлая кляча, то степенная корова просовывала свою
большую, неуклюжую голову, съ полу-глупыми, полу-удивленным
глазами.

На кладбищѣ царствовали обычные тѣнь и покой, когд
Эдмондъ проходилъ черезъ него по знакомой тропинкѣ, котора
вела къ старому школьному дому. Звонкій крикъ дѣтскихъ голо
совъ несся изъ открытыхъ оконъ, потому что ученики м-р
Керью съ шумомъ поклонялись Минервѣ и музамъ. Ветхій ста
ринный школьный домъ взамѣнъ котораго приходскій священ
никъ, м-ръ Ванкортъ, очень желалъ воздвигнуть изящное готи
ческое строеніе, отличался безъискусственно живописнымъ видомъ
какого врядъ-ли можно ожидать отъ болѣе современной постройки
Трава безпрепятственно росла на почернѣвшей отъ времени со
ломенной крышѣ, круто спускавшейся до самыхъ оконъ классно
и столовой. Но все строеніе отличалось прелестью старины. Стѣны
выбѣленныя шаршавой известкой, были наполовину скрыты под
роскошной растительностью вѣковыхъ миртъ и вьющихся роз
Садъ, занимавшій четверть акра, гдѣ цвѣты и овощи дружно
по-братски, росли рядомъ, былъ наполненъ яркими штокъ-розам
и гвоздиками, густыми кустарниками лаванды, нѣжнымъ благо
уханіемъ которыхъ былъ насыщенъ лѣтній воздухъ, и рядом

асовались пунцовые цвѣты скромныхъ бобовъ, сѣровато-голубой
ѣтъ лука.

Въ это утро, школьный домъ показался Эдмонду прелестнѣй-
имъ жилищемъ. Ему припомнился пароходъ, долгое, утомитель-
е путешествіе въ Демерару, и ему захотѣлось остаться тутъ и
омѣнять на мирную жизнь, полную безконечной радости, тотъ
ѣлъ, который Провидѣніе отвело ему въ совсѣмъ иной сферѣ
изни.

— Если всѣ мои планы рушатся, я могу сдѣлаться школь-
мъ учителемъ, размышлялъ онъ. Мнѣ не страшно было бы
лъ-дня возиться съ глупыми ребятишками, еслибы остальную
часть я могъ проводить въ обществѣ Сильвіи.

Онъ отворилъ скромную дверь, которая вела въ комнату, гдѣ
ѣщался м-ръ Керью. Дверь отворялась прямо въ пріемную,
ольно просторную комнату, бѣдно омеблированную, но которую
имо старались украсить насколько возможно.

Бѣлыя кисейныя занавѣси были навѣшаны на двухъ низкихъ,
шетчатыхъ окнахъ. Изъ нихъ то, которое выходило на сол-
ную сторону, было уставлено цвѣточными горшками; стѣны
и украшены дешевыми литографированными картинами, чехлы
цвѣтного ситца скрывали ветхость стараго дивана, висячія
ки съ тремя рядами книгъ, изящная фарфоровая чернильница
юпитръ на маленькомъ столикѣ украшали углубленіе около
ина; пара зеленыхъ стеклянныхъ подсвѣчниковъ и надтресну-
фарфоровая ваза красовались на высокомъ каминѣ. Комната
свидѣтельствовала, что хозяйка ея не неряшлива, и м-ръ
ндень оглянулся кругомъ съ восхищеніемъ. Если его невѣста
давала прелесть даже такой бѣдной обстановкѣ, то какіе чары
льетъ она на то изящное гнѣздышко, которое онъ надѣялся
роить ей.

Сильвія была занята въ сосѣдней комнатѣ—крошечной кухнѣ,
ому что содержаніе, получаемое м-ромъ Керью не позволяло
нанимать прислугу, и дочь его исполняла всю домашнюю
оту. На его счастье, она справлялась съ ней очень искусно,
жала бѣдныя комнатки въ величайшей чистотѣ, готовила къ
ному его удовольствію весьма вкусные обѣды, никогда не ос-
яла ведеръ съ водой или пустыхъ кувшиновъ на виду, вста-
съ птичками, и продѣлывала всю черную работу, прежде
ели Гедингемская буржуазія возстанетъ отъ сна, для того,
ы никто не увидалъ ее въ простомъ ситцевомъ платьѣ, съ
авами, засученными выше локтя. Къ ея высшему благополу-
руки ея не пострадали отъ этихъ трудовъ и нисколько не

огрубѣли. Она съумѣла съ двѣнадцатилѣтняго возраста замѣнит отцу своему прислугу, и это обстоятельство нисколько не повре дило ея развивающейся красотѣ. Даже, быть можетъ, красота е выиграла отъ этой усиленной дѣятельности, придававшей необык новенную свѣжесть ея лицу и яркій блескъ ея очамъ.

Услыхавъ звукъ отворявшейся двери и шаги своего возлюб леннаго, она вышла изъ кухни, гдѣ готовила изъ остатковъ вче рашняго цыпленка фрикассе на нынѣшній день. Выраженіе ра дости, хорошо знакомое Эдмонду, озарило ея лицо при видѣ его но вдругъ оно смѣнилось выраженіемъ испуга.

— Что случилось, моя ненаглядная? спросилъ онъ, обнимая ее

— Ты пришелъ переговорить съ папà, а я боюсь этого. Я знаю, что онъ разсердится, оскорбитъ тебя, пожалуй, если ты ем сообщишь рѣшеніе своей матери. Отчего не оставить его въ заблуж деніи, Эдмондъ? Попроси его согласія на бракъ со мной, и тольк

— Дорогая моя, ты просишь меня поступить безчестно, от вѣчалъ Эдмондъ, цѣлуя ея въ лобъ при этомъ, какъ-бы жела смягчить суровость своихъ словъ; еслибы даже я попытался об мануть твоего отца, то это врядъ ли бы мнѣ удалось. Онъ мо жетъ потребовать отъ меня какого-нибудь обезпеченія, или чег нибудь въ этомъ родѣ, и пролетарію трудно будетъ удовлетво рить его желаніе.

Сильвію передернуло при этомъ словѣ. Тяжело разставать ся съ блестящими мечтами, а самою сладкою мечтой Сильвіи бы то, что, кромѣ побѣды надъ любимымъ ею поклонникомъ, он пріобрѣтала въ Эдмондѣ Стенденъ и богатаго жениха.

— Я долженъ сказать м-ру Керью всю правду, душа мо и не могу долѣе медлить, продолжалъ твердо Эдмондъ. Но к сожалѣнію, я принесъ, кромѣ того, худыя вѣсти.

— Худыя вѣсти! Въ чемъ онѣ могутъ заключаться? Че еще хочетъ лишить тебя мать?

— Эти худыя вѣсти не касаются нашей женитьбы, Сильв дѣло идетъ о нашей разлукѣ. Мнѣ приходится уѣхать изъ Г дингема на цѣлыхъ три мѣсяца.

Она вдругъ поблѣднѣла, но ни одна слеза не отуманила блестящихъ глазъ. Она пристально взглянула на него, губы дрогнули.

— Ты измѣнилъ свои намѣренія, ты хочешь отказаться о меня! проговорила она.

— Отказаться отъ тебя, когда я здѣсь именно затѣмъ, что просить твоей руки у твоего отца, чтобы формально заявить е о нашей помолвкѣ.

— Что́ же можетъ разлучить насъ?

— Долгъ призываетъ меня въ далекія страны.

Онъ сообщилъ ей печальныя извѣстія, полученныя изъ Демерары, и вызывающія его быстрый отъѣздъ. Сильвія молчала и глядѣла на него съ отчаяніемъ. Она не испытывала ни малѣйшаго участія къ незнакомой вдовѣ, тѣмъ болѣе, что въ пользу этой самой вдовы намѣревались отнять у ея возлюбленнаго его законное наслѣдство.

— Это ужасно, что тебѣ приходится ѣхать туда, Эдмондъ, сказала она.—Неужели же твоя сестра не можетъ найти никого другого, кто бы устроилъ ея дѣла и привезъ ее обратно въ Англію, если только ей нужно провожатаго. Я полагала, что замужнія женщины совершенно самостоятельны, и могутъ сами для себя все дѣлать.

— Подумай же объ ея положеніи, Сильвія,—она такъ неожиданно лишилась своего мужа. Она была замужемъ всего шесть лѣтъ, и это былъ настоящій бракъ по любви. Я рѣдко встрѣчалъ людей, болѣе любившихъ другъ друга!

— Зачѣмъ же они уѣхали въ Демерару? спросила Сильвія, все съ тѣмъ же видомъ отчаянія.

— Жоржъ былъ адвокатомъ и имѣлъ очень порядочную практику, когда женился; они съ сестрой жили такъ же счастливо, какъ пара голубковъ, въ хорошенькомъ домикѣ въ южномъ Кенсингтонѣ. Но два года тому назадъ онъ получилъ мѣсто судьи въ Демерарѣ. Это было слишкомъ выгодное назначеніе, чтобы отказываться отъ него, и они рѣшились уѣхать къ величайшему огорченію матушки. Они обыкновенно каждую осень проводили у насъ цѣлый мѣсяцъ.

«Разумѣется, подумала Сильвія,—заранѣе соображая о томъ, какъ бы ограбить тебя».

— Сильвія, произнесъ грустно Эдмондъ, разлука эта не измѣнитъ твоей любви ко мнѣ, не правда ли? Ты останешься вѣрна мнѣ?

Любящіе глаза обратились на него, маленькія ручки крѣпко сжали его руку. Какого иначе отвѣта могъ онъ требовать?

— Я слишкомъ сильно тебя люблю, чтобъ измѣнить, сказала она, и потомъ задумчиво прибавила: иногда я желала бы меньше любить тебя.

— Почему же это, моя дорогая.

— Потому что я не думаю, чтобы любовь наша принесла намъ счастіе? Что́, кромѣ печали, дала она тебѣ до сихъ поръ? И что́ обѣщаетъ она намъ въ будущемъ?

— Счастіе, безцѣнная. Счастіе, которое не можетъ быть измѣряемо деньгами. Довѣрь мнѣ свою судьбу, и мы будемъ счастливы вмѣстѣ, въ богатствѣ или бѣдности. Тучи уже начинаютъ разсѣяваться. Я вчера вечеромъ откровенно говорилъ съ матерью, и мы помирились. Вѣдь она любитъ меня со всей полнотой своего самоотверженнаго сердца; у нея добрѣйшая душа, вопреки всѣмъ ея предразсудкамъ. И со временемъ, она вѣрно полюбитъ и тебя, мой ангелъ. Она даже теперь обѣщала мнѣ навѣщать тебя въ мое отсутствіе.

— Даже, повторила Сильвія, съ легкой улыбкой,—я должна, безъ сомнѣнія, быть очень благодарна за такое снисхожденіе.

— Не правда ли, ты ее хорошо примешь, Сильвія, ради меня.

— Ради тебя я готова на все на свѣтѣ, проговорила дѣвушка съ любовью. Нравъ ея былъ непостояннѣе апрѣльской погоды.

— И ты будешь постоянна, Сильвія?

— Я не могу быть иной. Никогда въ жизни еще я никого, кромѣ тебя, не любила, и до конца дней своихъ буду любить тебя одного.

И въ эту минуту она дѣйствительно была искрення.

ГЛАВА X.

Оскорбительный отказъ.

Свиданіе Эдмонда Стендена съ м-ромъ Керью окончилось далеко не удовлетворительно. Его искренность не встрѣтила великодушнаго отвѣта со стороны школьнаго учителя.

— Если ваша мать намѣревается лишить васъ наслѣдства, и вамъ предстоитъ начать жизнь безъ гроша въ карманѣ, то я не вижу, чѣмъ улучшится положеніе моей дочери, когда она выйдетъ за васъ замужъ, сухо отвѣтилъ Джемсъ Керью.

Онъ только-что бросилъ шумную толпу школьниковъ на произволъ судьбы и пришелъ въ пріемную, куда Сильвія позвала его и быстро скрылась, предоставивъ своему жениху самому сражаться за нее.

— Но вѣдь мы любимъ другъ друга, убѣждалъ Эдмондъ.

— Это ребяческій аргументъ. Я не считаю взаимную привязанность достаточной причиной для взаимной голодной смерти. Толковать о женитьбѣ теперь, при вашихъ обстоятельствахъ, просто нелѣпо. Приходите ко мнѣ со временемъ, когда вы будете въ

состояніи содержать жену, тогда, быть можетъ, я дамъ вамъ болѣе удовлетворительный отвѣтъ.

— Да я и не прошу вашего согласія на немедленный бракъ, отвѣчалъ Эдмондъ. — Я готовъ ждать нѣсколько мѣсяцевъ. Къ концу этого срока я надѣюсь обезпечить себѣ доходъ и кровъ для моей жены. Она, кажется, не привыкла къ богатству и роскоши, прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на опрятную пріемную, и съумѣетъ вести хозяйство при умѣренныхъ средствахъ.

— Она даже привыкла къ крайней бѣдности, отвѣчалъ м-ръ Керью, но я не вижу причины, почему она обречена испытывать лишенія до конца дней своихъ. Такая красавица, какъ дочь моя, должна улучшить свое положеніе замужствомъ.

— Это значитъ, что вы готовы продать ее болѣе выгодному покупщику, съ горечью возразилъ Эдмондъ.

— Нисколько; это только означаетъ, что я не соглашусь на ея бракъ съ человѣкомъ, имѣющимъ менѣе тысячи фунтовъ въ годъ обезпеченнаго дохода. Это не слишкомъ высокое требованіе въ виду современныхъ потребностей жизни, прибавилъ м-ръ Керью, съ такою важностью, какъ будто онъ никогда не пользовался меньшими средствами.

— Итакъ, я долженъ понять, что вы отказываете въ вашемъ согласіи, сказалъ Эдмондъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

— Окончательно.

— И что вы употребите все свое вліяніе, чтобъ воспрепятствовать моему браку съ вашей дочерью.

— Положительно.

— Очень хорошо, м-ръ Керью. Однакожъ, я долженъ вамъ замѣтить, что я сомнѣваюсь, чтобъ дочь ваша подчинилась вашему рѣшенію въ этомъ дѣлѣ.

— Это какъ ей будетъ угодно, отвѣчалъ равнодушно школьный учитель: я только могу пытаться воспрепятствовать тому, чтобъ она не бросилась въ бездну, но если она рѣшилась, по внушенію ли своего сердца, или ума,—я въ точности не знаю, что́ именно руководитъ побужденіями женщинъ выйдти замужъ за нищаго,—то я тутъ ни причемъ. Я только могу отказать вамъ отъ моего дома, заключилъ онъ, съ такой важностью, какъ-будто его скромная пріемная была дворцомъ.

— Вы напрасно объ этомъ безпокоитесь, отвѣчалъ Эдмондъ, я сегодня въ первый и послѣдній разъ переступилъ вашъ порогъ. И нынѣче я явился лишь затѣмъ, что исполнить свой долгъ.

— О! конечно, вы обязаны были сообщить мнѣ о томъ, что

вы украли сердце моей дочери, сказалъ школьный учитель, съ леденящимъ выраженіемъ.

Эдмондъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на это оскорбленіе, хотя оно глубоко задѣло его. Сильвія была виновата, что онъ раньше не сообщилъ о всемъ ея отцу, но онъ умолчалъ объ этомъ.

— Я уѣзжаю изъ Англіи на нѣкоторое время по семейнымъ обстоятельствамъ, сказалъ онъ спокойно: позволите-ли вы мнѣ проститься съ Сильвіей.

— Я не могу позволить ничего подобнаго. Вообще я не допущу никакихъ сношеній между вами. Если же она предпочитаетъ не слушаться меня, то пусть она и отвѣчаетъ за послѣдствія своихъ поступковъ, и искупитъ свое безуміе въ тюрьмѣ или самоубійствомъ. Я не буду жалѣть ее.

— А я сочту добрымъ дѣломъ избавить ее отъ опеки подобнаго отца, воскликнулъ въ негодованіи Эдмондъ.

— Прощайте, сэръ, сказалъ учитель, направляясь къ двери; мои воспитанники такъ расшумѣлись, что мнѣ необходимо вернуться къ нимъ.

Эдмондъ гордо кивнулъ ему головой и вышелъ вонъ, возмущенный до глубины души. Что́ скажутъ въ Гедингемѣ, когда узнаютъ, что онъ добивался руки дочери школьнаго учителя и былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ. Сердце его расходилось отъ оскорбленной гордости.

Онъ былъ настолько провинціалъ, что придавалъ себѣ извѣстное значеніе, хотя и легко относился къ различію общественнаго положенія между нимъ и Сильвіей, когда защищалъ свою любовь передъ м-съ Стенденъ. Онъ чувствовалъ, что респектэбльность имени Стенденовъ была оскорблена въ его лицѣ.

Въ порывѣ негодованія онъ почти позабылъ про Сильвію и свою любовь. Проходя черезъ кладбище и поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тѣнь кипарисовъ и тисовъ особенно была густа, около поросшей плющемъ могилы Боссиніевъ, онъ услышалъ за собой легкіе шаги, и немедленно двѣ ручки обвились вокругъ его руки.

— Эдмондъ, неужели ты хотѣлъ уѣхать, не простившись со мной?

Негодованіе исчезло при звукѣ этого голоса. Онъ взглянулъ на нее прежнимъ, нѣжнымъ взоромъ, омраченнымъ грустью.

— Милая моя, мое сердце надрывалось отъ такой разлуки, но я не могъ медлить, а отецъ твой запретилъ мнѣ видѣться съ тобой.

— Отецъ мой? Да я вовсе не забочусь объ его запрещеніяхъ, когда дѣло касается тебя. Мнѣ кажется, я бы бѣгомъ до-

бѣжала до Монкгемптона, подъ палящими лучами солнца, чтобъ застать тебя на станціи, еслибъ я не нагнала тебя здѣсь. Но такъ какъ я тебя нагнала, то посидимъ, Эдмондъ, подъ тѣнью этихъ деревьевъ, и передъ отъѣздомъ поцѣлуй меня, и скажи мнѣ еще одинъ разокъ, что ты меня любишь.

Поцѣлуй и клятва въ любви были повторены многократно. «Моя дорогая жена», страстно сказалъ Эдмондъ.

Слова эти заставили Сильвію встрепенуться, и она съ удивленіемъ взглянула на него.

Онъ еще впервые называлъ ее этимъ нѣжнымъ именемъ.

— Твоя жена! повторила она.—Неужели ты думаешь, Эдмондъ, что это когда-нибудь сбудется.

— Что́, дорогая?

— Наша свадьба. Ты видишь, что теперь уже два лица желаютъ помѣшать ей, м-съ Стенденъ и папа̀. Можетъ быть они сговорятся и будутъ за одно интриговать противъ насъ.

— Моя мать будетъ интриговать? Какъ тебѣ не стыдно, Сильвія!

— Напрасно ты обижаешься. Я сказала то же самое и про моего отца и вполнѣ увѣрена, что *онъ* способенъ интриговать. Все, повидимому, слагается противъ насъ, напримѣръ, эта поѣздка въ Демерару, свалившаяся такъ неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Искренно ли ты вѣришь въ то, что мы когда-нибудь женимся, Эдмондъ?

— Конечно. Если мы только останемся вѣрны другъ другу.

Онъ обнялъ ее еще разъ, и это былъ дѣйствительно прощальный поцѣлуй, потому что раздался хриплый звонъ церковныхъ часовъ, пробившихъ двѣнадцать ударовъ, отъ которыхъ поколебался окружающій воздухъ.

— Будь мнѣ вѣрна, моя ненаглядная, воскликнулъ онъ почти съ безнадежною страстью,—будь вѣрна мнѣ, какъ я останусь вѣренъ тебѣ, клянусь въ томъ Богомъ. Затѣмъ онъ съ отчаяніемъ вырвался изъ ея объятій, и поспѣшно удалился, ослѣпленный слезами, которыхъ стыдился самъ. У него не хватало духа произнести слово «прощай». Онъ оставилъ Сильвію, прислонившеюся въ раздумьи къ могилѣ Боссиніевъ, не въ слезахъ — Сильвія рѣдко плакала, но тяжело вздыхающею объ утратѣ такого вѣрнаго друга.

«Какъ мнѣ будетъ грустно безъ него», подумала она въ унынiи.

ГЛАВА XI.

Сэръ Обри заинтересовался.

Благотворительный базаръ имѣлъ громадный успѣхъ. Онъ доставилъ такой значительный фондъ, что м-ръ Ванкортъ рѣшился пригласить изъ Монкгемптона архитектора для осмотра школьнаго дома и для составленія плана новой школы, которую предполагалось построить на томъ же самомъ мѣстѣ.

Викарій, съ одной изъ своихъ дочерей, въѣхалъ въ торговый городокъ утромъ того же самаго дня, когда Эдмондъ Стенденъ такъ неохотно разставался съ Гедингемомъ и со всѣмъ, что въ немъ находилось. Викарій былъ погруженъ въ свои соображенія, миссъ Мери Ванкортъ занята созерцаніемъ магазинныхъ оконъ, на которыхъ красовались всѣ новинки осеннихъ модъ и привлекали женскіе взоры.

— О! посмотрите, папа, на эти смѣшныя полосы коричневаго и желтаго цвѣта, воскликнула она, принуждая своего жирнаго пони выступать погребальнымъ шагомъ вдоль блестящихъ оконъ м-ра Генцлейнъ, крупнаго торговца галантерейными товарами въ Монкгемптонѣ.—Онѣ будутъ въ страшной модѣ въ нынѣшнемъ году. Флоренцъ Тойнби сказала мнѣ это, а вы вѣдь знаете, у нея одна кузина живетъ въ Парижѣ. Оно не красиво, но не лишено оригинальности. Я думаю купить себѣ такое платье.

М-ръ Ванкортъ равнодушно взглянулъ на великолѣпные товары Генцлейна. Въ его окнахъ были выставлены воротнички и рукавчики послѣдняго привоза изъ Парижа или Спитальфильдка, Эршайрскія вышивки, самыя дорогія произведенія Мадерскихъ монастырей, блестящія шелковыя матеріи, изящные зонтики. Но викарій былъ поглощенъ своей любимой мечтой: школьнымъ домомъ въ готическомъ вкусѣ, и потому не раздѣлялъ симпатій и стремленій дочери, неизмѣнно обращенныхъ къ нарядамъ.

— Поѣзжай немного скорѣе, моя милая, сказалъ онъ очнувшись: мнѣ хочется застать м-ра Спильби, пока онъ не ушелъ изъ конторы.

М-ръ Спильби былъ архитекторъ, который къ строго-реальному и эстетическому занятію архитектурой присоединялъ болѣе постоянную и выгодную должность аукціониста и коммиссіонера. У него была небольшая контора на самомъ бойкомъ мѣстѣ Гайстрита въ Монкгемптонѣ, на углу, надъ самыми пожарными ма-

шинами, тамъ, откуда двѣ второстепенныя улицы развѣтвлялись отъ главной: словомъ, въ лучшей части города.

— Ты можешь меня здѣсь подождать, душа моя, сказалъ м-ръ Ванкортъ, когда пони остановился передъ стеклянной дверью конторы м-ра Спильби. Контора м-ра Спильби отличалась изящнымъ убранствомъ; стѣны были увѣшаны видами различныхъ виллъ и сельскихъ резиденцій, назначаемыхъ къ продажѣ или найму, домовъ, архитектурныя достоинства которыхъ еще болѣе выдавались, благодаря сверхъестественной яркости зелени и тропическому небу.

— Ты здѣсь подождешь меня, Мери, пока я перекинусь словечкомъ-другимъ съ м-ромъ Спильби. Я не пробуду болѣе пяти минутъ.

Миссъ Ванкортъ слегка вздохнула, зная по опыту, что въ подобныхъ случаяхъ пять минутъ викарія длились добрыхъ полчаса. Но ничего не возразила и, усѣвшись въ удобномъ кабріолетѣ, распустила свой зонтикъ настолько, чтобы онъ достаточно защитилъ ее отъ солнечныхъ лучей, не мѣшая въ то же время смотрѣть на людей и себя имъ показывать. Монкгемптонъ въ четыре часа по-полудни бывалъ очень оживленъ. Три или четыре экипажа, изъ разряда откидныхъ колясокъ или ландо́, проѣзжали по Гайстриту, между четырьмя и пятью часами, а одноконные и менѣе значительные экипажи виднѣлись во множествѣ.

Миссъ Ванкортъ не приходилось скучать, такъ какъ она знала почти каждаго прохожаго и проѣзжаго. Она то посылала поцѣлуй кончиками своихъ обтянутыхъ перчатками пальчиковъ обладателямъ моднаго ландо́, то кивала головой владѣльцу одноколки, то обмѣнивалась нѣсколькими словами съ пѣшеходами, которые останавливались, чтобы пожать ей руку, сдѣлать нѣсколько замѣчаній о состояніи погоды, разспросить о здоровьи семейства Ванкортовъ, съ такимъ участіемъ, какъ-будто бы они недавно слышали, что все семейство при смерти.

Обмѣнявшись нѣсколькими подобными привѣтствіями, миссъ Ванкортъ подавила легкую зѣвоту, быть можетъ причиненную знойною погодою или же незанимательностью ея знакомыхъ.

«Жаль, что я не остановилась противъ Генцлейна»; подумала она, «я могла бы хорошенько разглядѣть новые фасоны. А не то купила бы себѣ пару перчатокъ, чтобы убить время».

Она взглянула на часы и открыла, что пять минутъ викарія зашли за двадцать.

„Онъ навѣрное еще цѣлый часъ пробудетъ у м-ра Спильби, раздумывала она, толкуя объ этой старой школѣ (такъ называла

она новую школу). Я право сожалѣю подъ-часъ, что мы помогли папашѣ нашимъ благотворительнымъ базаромъ. Теперь не предвидится конца разговорамъ объ этомъ несносномъ школьномъ домѣ; между тѣмъ какъ и старое зданіе могло бы еще послужить. Оно достаточно защищаетъ отъ вѣтра и непогоды; если же дѣтямъ немного въ немъ и тѣсно, то имъ не привыкать къ тѣснотѣ, послѣ ихъ собственныхъ домовъ. И къ чему перепутывать жизненныя понятія этихъ бѣдныхъ малютокъ изящной архитектурой, когда имъ все же приходится возвращаться въ свои лачуги?"

Миссъ Ванкортъ вторично зѣвнула, не стараясь на этотъ разъ скрыть зѣвоту. Въ эту минуту она была застигнута появленіемъ господина на хорошо выхоленной гнѣдой лошади, остановившагося по другую сторону ея шарабана.

— Кажется, если не ошибаюсь, сказалъ джентльменъ, я вижу миссъ Ванкортъ.

Зѣвокъ былъ поспѣшно подавленъ, и миссъ Ванкортъ просіяла улыбкой и оживилась.

— Какъ вы поживаете, сэръ Обри? сказала она, пожимая руку мѣстнаго землевладѣльца. — Папа въ конторѣ, толкуетъ съ м-ромъ Спильби о новомъ помѣщеніи для школы.

— Вотъ какъ! Знаете ли, что я очень заинтересованъ этимъ новымъ школьнымъ домомъ. Вчерашній аркадскій праздникъ былъ прелестенъ. Я давно не былъ такъ доволенъ.

— Неужели! воскликнула миссъ Ванкортъ, сіяя радостью. Какъ пріятно слушать похвалы такихъ лицъ. — Это, конечно, была лишь скромная попытка, но для благотворительнаго базара она сошла чрезвычайно удачно.

— Ахъ, да, базаръ! воскликнулъ сэръ Обри, я не о немъ заговорилъ сначала, хотя онъ былъ тоже очень милъ, и дѣлаетъ вамъ, молодымъ дѣвицамъ, много чести — всѣ эти хорошенькія вещицы—произведеніе вашихъ искусныхъ ручекъ—дѣйствительно прелестны. Но что мнѣ особенно понравилось, такъ это угощеніе малютокъ, — такая хорошенькая сельская картина, въ этомъ прекрасномъ старомъ фруктовомъ саду, эти веселые ребятишки и—гмъ, гмъ,—эта—гмъ, гмъ,—хорошенькая дѣвица, которая помогала ихъ угощать чаемъ; все вмѣстѣ представляло прелестную картину. Баронетъ запнулся въ концѣ этой фразы.

— Я полагаю, что вы говорите о дочери м-ра Керью, сказала презрительно миссъ Ванкортъ. — Черезъ-чуръ смѣлая молодая особа. Мы съ сестрой прежде были довольно хороши съ нею, пока это было возможно. Но послѣднее время ходили о ней нѣсколько неблагопріятные слухи.

— Неблагопріятные слухи! повторилъ сэръ Обри: въ какомъ же родѣ эти слухи?

— Пожалуйста, сэръ Обри, оставимъ этотъ разговоръ, отвѣтила миссъ Ванкортъ, упорно сжимая губы.

— Мнѣ очень жаль, что деревенскія сплетни не щадятъ такого невиннаго существа, сказалъ баронетъ, потому что не требуется даже особенно глубокаго знанія человѣческой природы, чтобъ прочитать невинность на этомъ прелестномъ личикѣ.

Миссъ Ванкортъ вздохнула слегка, но не отвѣчала ни слова. Едва-ли стоило распространяться о нравственности Сильвіи съ этимъ пожилымъ баронетомъ, который очевидно восхищался ея красотой. Да и многое ли могла сказать миссъ Ванкортъ въ обвиненіе этой дѣвушки, еслибы ее попросили откровенно высказаться на ея счетъ! Она только слышала отъ кого-то, въ свою очередь слышавшаго отъ кого-то другого, что Сильвію Керью видали гуляющей съ Эдмондомъ Стенденомъ поздно вечеромъ. Да и это могло показаться сэру Обри Перріаму недостаточнымъ поводомъ къ осужденію сельской красавицы.

Въ эту минуту м-ръ Ванкортъ вышелъ изъ конторы м-ра Спильби и избавилъ дочь отъ необходимости дальнѣйшихъ объясненій.

— Какъ ваше здоровье, сэръ Обри? какая прекрасная погода для хлѣбовъ! Я очень радъ заявить вамъ, что нашъ маленькій праздникъ, который вы были столь добры почтить своимъ присутствіемъ, увѣнчался положительнымъ успѣхомъ. Базаръ доставилъ намъ приблизительно около восьмидесяти фунтовъ. Это, вмѣстѣ съ прежними сборами, составляетъ около трехсотъ фунтовъ. Такъ что года черезъ два, если дѣла пойдутъ успѣшно, мы можемъ разсчитывать почти на тысячу, и къ тому времени, конечно, можемъ начать наши работы. Старое зданіе можетъ еще пока послужить года два.

— Я увѣрена, папа, что оно послужитъ еще съ полстолѣтія, презрительно замѣтила миссъ Ванкортъ. — Я рѣшительно не понимаю, куда вы торопитесь съ постройкой новыхъ школъ. Это навѣрное окончится долгомъ, который придется вамъ же уплачивать.

— Надо надѣяться, что прихожане м-ра Ванкорта будутъ настолько щедры, что не допустятъ подобной несправедливости, сказалъ сэръ Обри, съ видомъ, показывавшимъ его собственную готовность оказать ему помощь.

Однакожъ, всеобщая молва въ Гедингемѣ, Суанфордѣ и въ сосѣднихъ приходахъ утверждала, что сэръ Обри Перріамъ очень

скупъ, и что если существовало въ мірѣ что-нибудь для него ненавистное, то это именно денежныя пожертвованія. Низкія сплетни заходили даже такъ далеко, что гласили—будто, вопреки изяществу его манеръ, одежды и домашней обстановки, сэръ Обри былъ почти скрягой. Онъ не откладывалъ денегъ въ желѣзные несгараемые ящики, онъ не зарывалъ ихъ въ землю; но пересчитывалъ ихъ отъ времени до времени съ глубокимъ вниманіемъ, и весьма трудно было изобличить его въ ихъ растратѣ.

— Я быть можетъ слишкомъ поторопился, сказалъ викарій, такъ какъ пока у меня всего триста фунтовъ въ рукахъ, но я пригласилъ Спильби пріѣхать нынче вечеромъ, чтобъ осмотрѣть старое мѣсто, и подать свое мнѣніе о томъ, какого рода зданіе всего болѣе пристало къ мѣстности. Конечно, оно должно быть въ готическомъ вкусѣ.

Сэръ Обри казался необыкновенно заинтересованнымъ.

— Какъ, Спильби долженъ осмотрѣть вашъ школьный домъ сегодня вечеромъ? сказалъ онъ. Мнѣ бы очень хотѣлось слышать его мнѣніе. Спильби способный малый.

Сэръ Обри всегда всѣхъ расхваливалъ. Это ему ничего не стоило, и вообще доставляло всѣмъ удовольствіе.

— Если бы вы намъ сдѣлали честь отобѣдать у насъ, сэръ Обри, радушно произнесъ м-ръ Ванкортъ, но внезапно остановился, озадаченный строгимъ взглядомъ своей дочери, означавшимъ, что домашній обѣдъ въ викаріатѣ не довольно хорошъ чтобъ врасплохъ угощать имъ такую особу, какъ сэръ Обри. Но мужчины такъ несообразительны!

„Вотъ пришла фантазія папашѣ приглашать къ себѣ сэра Обри, когда у насъ нѣтъ ничего, кромѣ супа и холодной передней части баранины“, подумала въ негодованіи миссъ Ванкортъ.

Должно быть сэръ Обри понялъ причину неоконченной фразы, потому что поспѣшилъ отклонить приглашеніе викарія.

— Вы очень добры, отвѣчалъ онъ,—но меня братъ будетъ ждать къ обѣду. Я долженъ вернуться домой, и пріѣду въ Гендингемъ тотчасъ послѣ обѣда. Въ какое время вы ожидаете Спильби?

— Около половины восьмого.

— Такъ задержите его до половины девятаго. Я къ тому времени пріѣду; прощайте, миссъ Ванкортъ; до свиданія, викарій, и баронетъ слегка дотронулся поводомъ до бархатной шеи своего гнѣдого коня, и поѣхалъ крупной рысью.

ГЛАВА XII.

Интересъ сэра Обри растетъ.

Солнце освѣтило прощальнымъ красноватымъ лучомъ тисовыя кипарисныя деревья на кладбищѣ, когда сэръ Обри Перріамъ творилъ калитку у сада школьнаго дома. Онъ оставилъ свою ошадь въ гостинницѣ, хозяинъ и прислуга которой были не ало изумлены, увидѣвъ владѣльца замка въ такой поздній часъ. аружность его выражала благосклонность, казалось, онъ соби-ался облагодѣтельствовать Гединтемъ.

— Невольно переносишься въ былыя времена, сэръ Обри, огда видишь васъ среди насъ — неопредѣленно замѣтилъ трак-ирщикъ. И дѣйствительно, врядъ-ли кто помнилъ такія времена, огда бы сэръ Обри часто навѣдывался въ Гединтемъ.

— Я пріѣхалъ повидаться съ архитекторомъ, который дол-енъ составить планъ новаго школьнаго дома, сказалъ баронетъ нисходительно.

— Боже милостивый, да! нашъ викарій такой дѣятельный еловѣкъ, вѣчно что-нибудь да затѣваетъ, отвѣчалъ м-ръ Бар-ордъ. Онъ охотно предпочелъ бы болѣе вялаго викарія, который е такъ часто посягалъ бы на его карманъ.

Улучшенія, вводимыя м-ромъ Ванкортомъ, ложились тяжкимъ ременемъ на Гединтемъ... Но вѣдь за то велика была и честь ить въ мѣстечкѣ, которое такъ преуспѣвало на пути прогресса. І-ръ Ванкортъ толковалъ даже о передѣлкахъ въ церкви, объ ничтоженіи галереи, въ которой цѣлыя поколѣнія Гединтемскихъ бывателей внимали въ тихой дремотѣ снотворнымъ вечернимъ роповѣдямъ, и о какихъ-то необыкновенныхъ украшеніяхъ для лтаря и придѣловъ. Но жители Гединтема ревностно противи-ись такимъ нововведеніямъ. Имъ была дорога церковь въ томъ идѣ, въ какомъ она служила предкамъ,—говорили они сенти-ентально; но еще дороже имъ были ихъ денежки,—о послѣд-емъ они, конечно, умалчивали. М-ръ Ванкортъ и архитекторъ же съ полчаса какъ мѣрили пространство, обсуждали и сообра-али будущую постройку. Сэръ Обри услыхалъ ихъ голоса въ о время, какъ отворялъ калитку и входилъ въ садъ школьнаго чителя, но не торопился подойти къ нимъ. Онъ медленно шелъ о узкой дорожкѣ, любуясь безъискусственнымъ сочетаніемъ цвѣ-овъ и овощей, спутавшихся между собою. Гвоздика и Иванъ-а-Марья окаймлялись густыми буксами, которые привольно раз-

рослись за послѣднія сорокъ лѣтъ; высокія штокъ-розы заслонял собою капусту и бобы раскидистыми кустарниками розъ. Дл человѣка, проживавшаго половину года въ Парижѣ, этотъ сель скій садъ имѣлъ свою прелесть.

— Что ни говори, а нѣтъ мѣста на свѣтѣ лучше Англіи сказалъ онъ про себя, и нѣтъ женщинъ красивѣе англичанокъ Гдѣ на континентѣ встрѣтишь такую свѣжесть лица, какъ у этой дѣвушки?

Онъ засталъ м-ра Ванкорта и архитектора расхаживающими по зеленой лужайкѣ передъ пріемной м-ра Керью. Сильвія сид дѣла у раскрытыхъ дверей, слѣдя за ними между дѣломъ. Ху дожникъ не могъ пожелать болѣе прелестнаго зрѣлища, как эта дѣвушка, выдѣлявшаяся въ сумеречномъ полусвѣтѣ.

Отецъ ея номѣстился у двери, куря свою вечернюю трубку

Сэръ Обри кивнулъ головой викарію и м-ру Спильби, и прямо направился къ двери, гдѣ снявъ шляпу, пожелалъ доб раго вечера миссъ Керью.

Молодая дѣвушка слегка вздрогнула при первомъ его по явленіи, и хорошенькое личико ея зарумянилось. Что́ могло при вести его сюда въ этотъ вечеръ... въ тотъ самый вечеръ, когда бѣдный Эдмондъ пустился въ свое скучное путешествіе и был уже на пути въ Соутгемптонъ.

Сэръ Обри замѣтилъ ея смущеніе и остался имъ очень дово ленъ. Нѣкоторыя знакомыя ему дамы считали его уже за ста рика. Ему было очень пріятно убѣдиться, что отъ его приход сердце сильно забилось у этого очаровательнаго созданія.

— Я надѣюсь, что вчерашнія хлопоты не очень утомили васъ, сказалъ онъ любезно.

Школьный учитель отложилъ въ сторону свою трубку и вы несъ изъ дому стулъ.

— Я нисколько не устала, благодарю васъ, сэръ Обри, от вѣчала дѣвушка, улыбаясь на его вопросъ и сіяя молодостью и здоровьемъ.—Я право и не знаю, что такое усталость. Я объясняю это тѣмъ, что никогда не ѣзжу въ экипажахъ.

— Я бы завтра же заперъ свои конюшни и распустилъ своихъ конюховъ, если бы могъ разсчитывать на такое же преимущество, сказалъ сэръ Обри, слегка вздыхая и опускаясь на стулъ, который подалъ ему Джемсъ Керью.

Онъ поблагодарилъ школьнаго учителя за его любезность учтивымъ наклоненіемъ головы.

— Я полагаю, что этотъ джентльменъ вашъ отецъ? сказалъ онъ Сильвіи вопросительно.

— Да, сэръ Обри.

— Очень радъ съ вами познакомиться, м-ръ Керью, про-ивилъ баронетъ снисходительно. — Вчера я не видалъ васъ саду.

— Нѣтъ, сэръ Обри. Дѣтскій праздникъ единственный день, который я пользуюсь отдыхомъ. А такъ какъ я не осо-но крѣпкаго здоровья, то и предоставляю болѣе молодымъ и елымъ людямъ забавлять дѣтей. Я даже думаю, что мое при-ствіе заставило бы ихъ по привычкѣ выкрикивать свои таб-цы умноженія.

— Очень вѣроятно, сказалъ сэръ Обри, смѣясь тѣмъ лег-ъ машинальнымъ смѣхомъ, привычка къ которому пріобрѣ-тся въ хорошемъ обществѣ.

— Вполнѣ справедливо, м-ръ Керью. А эта молодая дѣ-шка ваша младшая дочь?

— Это моя единственная дочь, сэръ Обри, мое единствен-дитя.

— Вотъ какъ! Вы, я думаю, очень ее любите?

Джемсъ Керью посмотрѣлъ на дочь съ недоумѣніемъ, созна-, что ему слѣдовало бы сказать что-нибудь нѣжное—дать волю певному порыву, какого можно было ожидать отъ отца един-еннаго дѣтища. Но ни отецъ, ни дочь не привыкли къ сер-нымъ изліяніямъ, и у м-ра Керью не оказалось на-готовѣ ходимыхъ для того словъ.

— Мы очень хорошо съ нею ладимъ, сказалъ онъ, стараясь всѣхъ силъ принять нѣжный тонъ: но я опасаюсь, что она ядочно скучаетъ при нашемъ образѣ жизни.

— Ваша рѣчь отличается такимъ изяществомъ, какого я а ли могъ ожидать отъ...

— Отъ Гедингемскаго школьнаго учителя, подхватилъ м-ръ рью. Не знаю, можетъ быть... хотя я очень отсталъ отъ новаго олѣнія народныхъ учителей, которые должны совмѣщать въ себѣ отрасли знанія. Я же пріѣхалъ въ Гедингемъ въ доброе ста-время, когда отъ сельскаго учителя требовалось только умѣ-правильно читать и четко писать.

М-ръ Керью могъ бы еще прибавить, что въ то блаженное мя свидѣтельство о нравственности не такъ строго разсматри-ось, какъ нынче.

— А вы уже такъ давно въ Гедингемѣ, спросилъ сэръ Обри.

— Пятнадцать лѣтъ.

— Вы удивляете меня; съ вашимъ образованіемъ вы могли мнѣ кажется, давно найти себѣ лучшее мѣсто.

Сильвія не могла подавить вздоха нетерпѣнія. Мысль бар
нета такъ часто высказывалась ею.

— Папашѣ совсѣмъ чуждо честолюбіе, сказала она.

— Нѣтъ, я не честолюбивъ. Немногое нужно человѣку
землѣ, да и въ этомъ немногомъ нуждается онъ не долго.
етóитъ ли портить тотъ краткій мигъ, въ который онъ може
наслаждаться малымъ, безплодными стараніями добиться бóльша
«Боги ни въ чемъ не нуждаются», говорили греки, «и человѣкъ,
котораго потребности ограничены, приближается къ богамъ».
умѣю обуздывать свои желанія еще лучше, чѣмъ учить сельских
ребятишекъ, и, какъ примѣрный пастырь Гольдсмита, чувствую се
богаче богачей съ моимъ годовымъ доходомъ въ сорокъ фунтов

М-ръ Керью могъ бы еще прибавить, что вопреки сходству
идеальнымъ пастыремъ, онъ тратилъ свои сорокъ фунтовъ искл
чительно на свою персону, и потому ему хватало этихъ денег

— Я преклоняюсь передъ вашими философскими взглядам
сэръ, проговорилъ одобрительно баронетъ. Если бы на свѣтѣ бы
больше людей съ вашимъ образомъ мысли, то меньше было
революцій. Однако-жъ, ради вашей дочери нельзя не пожалѣт
что вы удовольствовались положеніемъ, которое такъ значитель
ниже вашихъ способностей.

Сильвія опять вздохнула.

— О, папá никогда обо мнѣ не думаетъ. Пока у него ес
даровая прислуга, онъ вполнѣ доволенъ.

Эти слова были очень нелюбезны, и будь они произн
сены менѣе красивыми устами, то показались бы непочтительным
Но сэръ Обри любовался устами и не взвѣшивалъ словъ, вых
дившихъ изъ нихъ. Онъ думалъ, какъ мила и умна эта дѣвушк
и какъ жаль, что она заживо похоронена въ этой глуши; обст
новка ея, конечно, мила и идиллична, если посмотрѣть на не
какъ на картинку, въ лѣтнія сумерки, но она недостойна тако
красавицы.

Онъ поспѣшно всталъ, и направился черезъ лужайку къ в
карію и м-ру Спильби, которые стояли прислонясь къ оградѣ
горячо бесѣдовали. Архитекторъ держалъ въ рукѣ карандашъ
записную книжку.

«Въ моемъ положеніи человѣкъ не можетъ позволять се
глупостей», подумалъ баронетъ.

Перріамскій зáмокъ со всѣми его угодьями висѣлъ на е
шеѣ, какъ жерновъ, котораго онъ не могъ стряхнуть.

«Будь я юношей, я могъ бы подурачиться и жениться
этой дѣвушкѣ», размышлялъ опъ.

Между тѣмъ, со стороны молодого человѣка, который только-
начинаетъ жить, такой поступокъ былъ бы гораздо рискован-
е, чѣмъ для человѣка въ возрастѣ сэра Обри, который про-
лъ уже лучшую часть своей жизни, и, конечно, вправѣ думать
гомъ, какъ бы ему скрасить остатокъ дней своихъ. Никогда,
ть можетъ, не было человѣка болѣе свободнаго въ своихъ дѣй-
іяхъ, чѣмъ сэръ Обри. У него не было близкихъ родственни-
ъ, за исключеніемъ брата, безвреднаго чудака, м-ра Перріама,
орый вдобавокъ слылъ за человѣка слегка тронутаго въ умѣ.
него положительно не существовало никакихъ препятствій
удовлетворенію его желаній, кромѣ личныхъ предразсудковъ.
послѣднія были очень сильны. У него было преувеличенное
ятіе о своемъ собственномъ достоинствѣ, о значеніи его въ
ьшомъ свѣтѣ. Онъ никогда ни въ чемъ не конкуррировалъ съ
гими, а потому никогда и не испытывалъ неудачъ. Въ жизни
нимъ не случалось ничего такого, что́ бы могло умалить его
у въ самого себя.

Въ молодости онъ былъ обрученъ съ дочерью одного герцога.
цогъ былъ бѣденъ, но принадлежалъ къ высшей аристократіи
ліи. Молодая дѣвушка, леди Гуннивера, умерла за мѣсяцъ
ня, назначеннаго для свадьбы, и ударъ этотъ тяжело обру-
ся на Обри Перріамъ. Портретъ его невѣсты все еще ви-
въ его кабинетѣ въ Перріамѣ, и онъ не могъ взглянуть
него безъ глубокаго вздоха сожалѣнія.

Это разочарованіе, или скорѣе воспоминаніе объ этомъ ра-
рованіи, потому что оно давно уже перешло въ область
оминанія, заставило сэра Обри оставаться холостякомъ. Къ
оминанію о томъ, что его Гуннивера была милѣйшимъ со-
емъ, всегда примѣшивалась мысль, что она тоже была до-
ю одного изъ древнѣйшихъ герцоговъ Англіи. Онъ встрѣ-
безчисленное множество хорошенькихъ и пріятныхъ жен-
ъ, которыя охотно согласились бы сдѣлаться леди Перріамъ;
и одна не была достойна занять мѣсто, предназначавшееся
иверѣ. Онѣ могли оживить его очагъ всѣми радостями се-
ой жизни; но онѣ не могли дать въ дѣдушки его дѣтямъ
ога. Сэръ Обри принялъ этотъ фактъ къ сердцу, и остался
тымъ.

Но на всякой жизненной тропѣ кроется змѣя. Сэръ Обри
ь артистическіе вкусы. У него была своя мечта, свой идеалъ
й красоты, котораго онъ никогда не надѣялся встрѣтить
, какъ на картинахъ своего любимца Тиціана. И вдругъ,
ъ нимъ во-очію предстала его художественная мечта, идеалъ

женской красоты, который воспѣвали поэты и живописали ху дожники во всѣ вѣка. Онъ встрѣтилъ этотъ идеалъ здѣсь, въ де ревнѣ Гедингемъ—въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ,—лишь в нѣсколькихъ миляхъ отъ своего дома. Онъ учтиво выслушивал мнѣнія м-ра Спильби о новомъ школьномъ домѣ. М-ръ Спильб полагалъ, что настоящее зданіе до того обветшало, состарѣлос что едва-ли продержится еще съ мѣсяцъ.

— Оно врядъ ли могло защищать отъ непогоды за эти п слѣднія десять лѣтъ, сказалъ м-ръ Спильби съ глубокимъ пр зрѣніемъ, и для меня непостижимо, какъ еще могли держать эти почтенныя, ветхія стѣны.

— Я боюсь, Спильби, что имъ придется простоять еще г дикъ-другой, сказалъ викарій. Но вы можете представить нам свою смѣту, когда хотите. Намъ легче будетъ разсчитать св средства, имѣя ее въ рукахъ.

Сэръ Обри выказывалъ большой интересъ, и когда м- Спильби ушелъ за своимъ кабріолетомъ въ гостинницу, что вернуться въ Монкгемптонъ, баронетъ все еще мѣшкалъ, и этотъ разъ не отклонилъ предложенія викарія роспить бутылоч кларету. Домъ викарія стоялъ по-ту сторону кладбища. И пришлось пройти, подъ сѣнью мрачныхъ кипарисовъ, пріютивши Эдмонда и Сильвію въ моментъ прощанія ихъ, другую бол открытую часть сельскаго кладбища, и они очутились передъ вн шительными на видъ окнами солиднаго жилища викарія. Низ стѣна отдѣляла его садъ отъ мѣста, усѣяннаго могилами. Ку георгинъ и арки, обвитыя розами, красиво выглядывали изъ дерноваго вала, а изъ-за поросшихъ мхомъ надгробныхъ пам никовъ привѣтливо выглядывали освѣщенныя окна гостинной В кортовъ. Обручи отъ крокета, разбросанные мячики и молото еще валялись на лугу.

— Вашъ школьный учитель довольно оригинальный че вѣкъ, сказалъ баронетъ, пока они проходили по кладбищу,— ловѣкъ, повидимому, знававшій лучшіе дни. Извѣстно-ли в что-нибудь изъ его прошлаго?

— Ничего ровно. Вѣдь онъ поселился здѣсь еще до ме

— Я удивляюсь, какимъ образомъ онъ попалъ на это мѣ По говору онъ не похожъ на жителя западныхъ провинцій.

— Между тѣмъ, Керью—фамилія изъ западныхъ провин

— Да, и очень хорошая фамилія. Я неоднократно пыта разузнать, къ какимъ Керью онъ принадлежитъ. Но онъ ужа скрытенъ... отъ него ничего не добьешься. Онъ, во всякомъ чаѣ, непріятный человѣкъ, но несомнѣнно хорошій учитель.

— Какое получаетъ онъ жалованье?

— Сорокъ фунтовъ въ годъ, отопленіе, освѣщеніе и квартиру.

— Бѣдняга! Но онъ по разговору совершенный джентльменъ. И дочка его очень интересна. Вы ее хорошо знаете?

— Она расцвѣла на моихъ глазахъ. Ей было приблизительно двѣнадцать лѣтъ, когда я здѣсь поселился.

— Она, повидимому, очень мила, вообще кажется хорошей дѣвушкой.

— Какъ большинство молодыхъ дѣвушекъ, сказалъ викарій тономъ, который показывалъ, что онъ вообще не высокаго мнѣнія о молодыхъ дѣвушкахъ. — Дочери мои говорятъ, что она прелестна, но такъ какъ я нахожу, что онѣ сами не свободны отъ этой женской слабости, то и не придаю большого вѣса такому обвиненію. Такая красивая дѣвушка, какъ Сильвія, не можетъ ничего не знать о своей красотѣ.

Ни слова не сказалъ викарій о сельскихъ сплетняхъ или о томъ, что доброе имя ея пострадало. Сэръ Обри былъ этимъ очень доволенъ. Но сталъ разспрашивать дальше.

— Ваша дочь упоминала нынче вечеромъ о какихъ-то неблагопріятныхъ слухахъ, помѣшавшихъ ей продолжать прежнія дружескія сношенія съ миссъ Керью, сказалъ онъ. — Вы не слыхали, какого рода эти слухи?

— Слухи! воскликнулъ викарій, почти съ гнѣвомъ. Гедингемъ наполненъ слухами! Самый воздухъ ими пропитанъ! Если вы выйдете изъ дому поздно вечеромъ, васъ ожидаетъ сплетня! Если вы предпримете до завтрака непривычную прогулку — новая сплетня! Если гость отобѣдаетъ у васъ — опять сплетня! Вы даже не можете пообѣдать у себя дома въ одиночествѣ, чтобъ не возбудить толковъ. Вы кушаете курицу, когда другіе ѣдятъ говядину, значитъ, вы необыкновенно кутите! За обѣдомъ у васъ холодный филей съ салатомъ — вы скряга! У меня не хватаетъ терпѣнія выслушивать разносчиковъ деревенскихъ сплетень, и моя ненависть къ ихъ болтовнѣ такъ извѣстна, что очень немногіе изъ нихъ осмѣливаются попадаться мнѣ на пути. Что же касается до Сильвіи Керью, я знаю ее съ дѣтства, и никогда не имѣлъ причины дурно отзываться о ней.

Сэръ Обри былъ очень доволенъ. Собственно нельзя было предполагать, что бы мысли или мнѣнія людей объ этой деревенской красавицѣ могли имѣть какую-нибудь цѣну въ его глазахъ: однакожъ, въ глубинѣ души онъ былъ теперь очень счастливъ.

А. Э.

ИДЕЯ

ЛИЧНАГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Ueber die Freiheit in der Volkswirthschaft. Von Dr. *Heinrich Maurus*. Heidelberg. 1873.

Подъ *личнымъ благосостояніемъ* человѣка разумѣютъ такое его положеніе въ обществѣ, когда онъ можетъ, свободнымъ употребленіемъ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, спокойно и вполнѣ удовлетворять свои матеріальныя и нравственныя потребности. Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить главнымъ образомъ лишь о матеріальной сторонѣ личнаго благосостоянія; но такъ какъ нравственныя потребности человѣка тѣсно связаны съ матеріальнымъ его обезпеченіемъ, то понятно, что наши выводы могутъ имѣть отношеніе и къ обезпеченію нравственнаго развитія человѣка въ обществѣ.

Личное благосостояніе человѣка въ обществѣ, какъ должно его понимать, не есть ни эгоистическое возвышеніе всякими средствами матеріальнаго благосостоянія той, либо другой личности въ обществѣ, или какого-либо отдѣльнаго класса надъ всѣми другими, ни поглощеніе благосостоянія каждаго члена общества въ какомъ-то фантастическомъ общемъ благосостояніи всѣхъ, но благосостояніе именно каждаго отдѣльнаго лица, смотря по его природнымъ и пріобрѣтеннымъ способностямъ и талантамъ. Ради своего личнаго благосостоянія человѣкъ не только пожертвовалъ своею

первобытною свободою и вступилъ въ общую жизнь съ своими ближними, но и затѣмъ, въ самомъ обществѣ, еще много разъ урѣзывалъ свою личную волю въ разныхъ направленіяхъ, лишь бы добиться безопаснаго пользованія своею жизнью и ея благами. Исторія народовъ съ самыхъ раннихъ временъ — лучшая свидѣтельница всѣхъ формъ и видовъ этого стремленія. Множество самыхъ разнообразныхъ средствъ употреблялъ человѣкъ для достиженія своего личнаго благосостоянія въ общественной жизни, и хотя усилія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе, то нравственное и умственное развитіе, какое уже пріобрѣтено человѣчествомъ путемъ цивилизаціи, показываетъ, что люди во всякомъ случаѣ трудились не даромъ, и справедливость такого заключенія нисколько не опровергается тѣмъ, что и въ современномъ обществѣ всего образованнаго міра не всѣ могутъ пользоваться болѣе или менѣе прочнымъ личнымъ благосостояніемъ. Человѣческій опытъ, насколько онъ выражается въ современной наукѣ, успѣлъ уже отрѣшиться отъ всякихъ эгоистическихъ взглядовъ на общественную жизнь, и ставитъ, наконецъ, широкую задачу обезпеченія благосостоянія каждаго человѣка въ обществѣ. Практика общественной жизни тоже придумывала разныя учрежденія и мѣры, такъ или иначе способствующія разрѣшенію этой важной жизненной и научной задачи. Нѣкоторые, по большей части отрицательные результаты этихъ мѣръ, дали здравый толчокъ критическому анализу въ этой области изслѣдованія; каждый въ свою очередь, вмѣстѣ съ научными изысканіями въ другихъ отрасляхъ знанія, составилъ прочное основаніе многимъ теоріямъ личнаго благосостоянія въ обществѣ. Но только въ нашемъ XIX-мъ вѣкѣ, послѣ того какъ было отражено одно изъ самыхъ бойкихъ и рѣшительныхъ отрицаній (Мальтусъ) всякой возможности человѣческаго благосостоянія на земномъ шарѣ, утвердились, наконецъ, два взгляда, два направленія научной мысли относительно практическаго разрѣшенія занимающаго насъ вопроса. Явившись въ общедоступномъ изложеніи, оба взгляда быстро сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія и тѣмъ сильнѣйшаго, что каждый изъ нихъ льстилъ самолюбію борющихся между собою отдѣльныхъ сторонъ. Такимъ образомъ, ставъ разомъ знаменемъ двухъ враждебныхъ партій, оба идеала наилучшаго общественнаго устройства, вмѣсто того, чтобы подлежать дальнѣйшей критической разработкѣ, явились въ жизни современнаго общества какъ-бы окончательнымъ выводомъ науки, вполнѣ пригоднымъ для введенія въ положительное законодательство всѣхъ странъ образованной половины міра. Политическое возбужденіе, которому эти взгляды

сами служили жгучимъ поощреніемъ, внесло въ нихъ самихъ страстное отношеніе къ дѣйствительности, и чѣмъ дальше шла борьба партій, чѣмъ ожесточеннѣе проявлялась взаимная вражда, тѣмъ болѣе крайними и рѣзкими становились требованія обоихъ идеаловъ; а между тѣмъ сама жизнь начала уже представлять сильныя доказательства противъ состоятельности не только крайнихъ требованій этихъ обѣихъ партій, но также исходной точки системъ обоихъ взглядовъ. Въ наше время, практика какъ «буржуазной» экономіи, такъ и «соціалистической» или «коммунистской» представляется одинаково несостоятельною: въ экономической дѣятельности какъ полная личная свобода, такъ и рѣшительное ея уничтоженіе не даютъ пока никакихъ прочныхъ данныхъ для увѣрованія въ научную достовѣрность которой-либо изъ обѣихъ теорій. Ученіе *laisser faire* не уничтожаетъ пролетаріата и только возбуждаетъ противъ послѣдняго экономическую вражду въ богатыхъ классахъ; между тѣмъ какъ соціализмъ, нисколько не помогая бѣднымъ классамъ, напрасно раздражаетъ ихъ противъ всего общественнаго строя. Партіи ожесточенно враждуютъ между собою, даже проливаютъ иногда кровь, но дѣйствительнаго дѣла въ суматохѣ этой борьбы не видать, и положеніе современнаго общественнаго строя остается почти все тамъ же, гдѣ его оставилъ конецъ прошедшаго столѣтія. Очевидно, что въ самыхъ взглядахъ враждующихъ сторонъ есть какая-то крупная ошибка, которая мѣшаетъ людямъ разглядѣть ихъ общій интересъ и понять главную сущность раздѣляющаго ихъ вопроса.

Наиболѣе проницательные и свѣдущіе изслѣдователи въ области экономическихъ фактовъ уже давно чувствовали нѣкоторую неловкость въ системахъ обѣихъ партій. Такъ, напримѣръ, Джонъ Стюартъ Милль, говоря о собственности въ своей «Политической экономіи», относится съ большимъ сочувствіемъ къ соціализму, и если онъ остался твердымъ приверженцемъ основныхъ взглядовъ буржуазной экономіи, то лишь потому, что, по его мнѣнію, «принципъ частной собственности не подвергался еще добросовѣстному испытанію ни въ одной странѣ». Съ другой стороны, Пьеръ-Жозефъ Прудонъ, называя собственность кражею, тѣмъ не менѣе жестоко порицалъ всѣ коммунистическія и соціалистическія теоріи, въ которыхъ такъ или иначе высказывалось стремленіе превратить націю «въ большой полипникъ», или «прикрѣпить людей, какъ устрицъ, на скалѣ братства». Ясно, что и Милль и Прудонъ не были довольны главными началами тѣхъ теоретическихъ системъ, представителями которыхъ ихъ считаютъ.

И оба они, въ дѣйствительности, старались только найти новыя начала, но не нашли ихъ.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены обратить вниманіе на такую же попытку безпристрастнаго и серьезнаго нѣмецкаго ученаго, Гейнриха Мауруса, который цѣлымъ рядомъ трудовъ (съ 1868 г.) старается установить въ наукѣ новый взглядъ на идею личнаго благосостоянія. Въ первомъ своемъ сочиненіи: «Die Grundsätze der Volkswirthschaftslehre vom Standpunkte der socialen Reform», нашъ авторъ разбиралъ всѣ выводы политической экономіи съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса. Во второмъ: «Die moderne Besteuerung und die Besteuerungsreform» (1870 г.) онъ подвергъ критикѣ съ той же самой точки зрѣнія податную систему, господствующую въ современныхъ государствахъ, и пришелъ къ необходимости полнаго ея преобразованія въ интересахъ справедливости къ неимущимъ классамъ. Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Маурусъ уже представляетъ обстоятельную критику «буржуазной» и «соціалистической» системъ, чтобы на ихъ развалинахъ построить свой собственный планъ сквозь который проходитъ оригинальное воззрѣніе автора на отношеніе свободы человѣка къ его личному благосостоянію.

Извѣстно, что, такъ-называемая, буржуазная экономія, въ лицѣ Бастіа, ставитъ высшимъ принципомъ въ экономическомъ порядкѣ общества *личную свободу* въ формѣ «свободы труда» и «свободы капитала». Этотъ принципъ учитъ: «пусть всякій, какъ пожелаетъ, трудится или нѣтъ, употребляетъ свой капиталъ на дѣло или на бездѣлье—и все пойдетъ хорошо ко всеобщей гармоніи всѣхъ интересовъ». Между тѣмъ, въ дѣйствительности, полная, безконтрольная свобода человѣка въ удовлетвореніи своихъ экономическихъ потребностей мыслима только внѣ общества, гдѣ человѣкъ имѣлъ бы дѣло только съ одною природою. Но въ прямой борьбѣ съ природою, одинъ-на-одинъ, человѣкъ, какъ можно догадываться по жизни дикихъ племенъ, часто не можетъ удовлетворять даже первыхъ потребностей жизни. Человѣка въ одиночномъ состояніи мы совсѣмъ не знаемъ, его никогда не наблюдали. Человѣкъ, слѣдовательно, уже съ самаго начала своего существованія долженъ былъ отказаться отъ своей безусловно-личной, животной свободы, ибо только въ сообществѣ съ другими могъ онъ ожидать сколько-нибудь плодотворныхъ результатовъ отъ своей борьбы съ природою; только сперва въ семейной, или родовой, а потомъ въ общественной жизни могъ онъ надѣяться на болѣе или менѣе серьёзное обезпеченіе своей личной безопасности и результатовъ своей борьбы съ природою, своего труда.

Но вступленіе въ общество ради этой цѣли требовало неминуемо, чтобы человѣкъ отказался отъ своей животной независимости, и вотъ произошло первое ограниченіе безусловной свободы.

Съ развитіемъ общественной жизни у древнихъ, болѣе сильныя и энергическія личности стали выше слабыхъ, и общественная жизнь превратилась въ порабощеніе одной части населенія другою. Еслибы порабощенные не начали затѣмъ искать выхода изъ этого новаго положенія, то существенная цѣль общества — охраненіе личнаго благополучія всѣхъ членовъ, его составляющихъ, была бы совершенно устранена, и тогда человѣкъ, «рожденный быть свободнымъ, проводилъ бы свою жизнь въ вѣчныхъ цѣпяхъ». Но человѣкъ вступалъ въ общество не для такой цѣли: онъ искалъ въ немъ, напротивъ, общаго благосостоянія всѣхъ и каждаго. Въ современномъ обществѣ указываютъ на два фактора, предназначенныхъ для ослабленія господства физической силы въ обществѣ, именно: гражданскую свободу и свободу политическую. Обѣ эти свободы, если вникнуть въ ихъ сущность, суть вовсе не свободы, а новыя ограниченія первоначальной, животной свободы человѣка. Такъ, гражданская свобода, имѣя въ виду уничтожить всѣ препятствія и затрудненія внутренней дѣятельности въ обществѣ, и дать каждому гражданину возможность достигать своего матеріальнаго и нравственнаго благополучія, вводитъ въ жизнь *законъ*, одинаково и равно обязательный для всѣхъ гражданъ. Политическая свобода, съ своей стороны, имѣя въ виду обезпечить за гражданами справедливое и равное для всѣхъ законодательство, администрацію и судъ, а также внѣшнюю безопасность, требуетъ отъ людей личной службы и личныхъ средствъ для удовлетворенія всѣхъ государственныхъ потребностей. Въ установленіи этихъ обоихъ видовъ ограниченія безусловной свободы человѣка, если ограниченіе проводится въ равной мѣрѣ для всѣхъ гражданъ въ обществѣ, лежитъ основа «наилучшаго и ничѣмъ ненарушаемаго удовлетворенія постоянно возрастающихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей жизни—умноженія благосостоянія всѣхъ» (стр. 5). Такъ заключаетъ Маурусъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи и Англіи хотя положены довольно прочныя основы гражданской и политической свободъ, но далеко не въ полномъ совершенствѣ и безъ соблюденія многихъ условій, требуемыхъ принципомъ общаго благосостоянія. Тамошніе законы хотя признаютъ равноправность гражданъ во многихъ отношеніяхъ и въ принципѣ, но допускаютъ также многія привилегіи; съ другой стороны, въ политической жизни не на всѣхъ

равнымъ образомъ падаютъ государственныя повинности и не всѣ одинаково несутъ на себѣ разнаго рода государственную службу. Вообще говоря, даже въ этихъ государствахъ, политическія и гражданскія права гражданъ основаны на случайныхъ историческихъ вліяніяхъ, въ которыхъ существенная и единственная цѣль общественной жизни — обезпеченіе личнаго благосостоянія гражданъ играетъ далеко не преобладающую роль.

Разъ существуетъ неравенство въ гражданскихъ и политическихъ законахъ страны, разъ допущены въ нихъ привилегіи и монополіи, — и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ самой жизни общества, въ матеріальномъ и духовномъ развитіи гражданъ, должны сказаться вліянія этихъ отклоненій отъ требованій основной общественной цѣли. Законъ, являясь въ общественномъ строѣ уравнительною силою физическаго превосходства одного человѣка надъ другимъ, дѣлается самъ невыгоднымъ вліяніемъ, какъ только устанавливаетъ неестественное превосходство одного человѣка или цѣлаго класса надъ другимъ человѣкомъ или цѣлымъ классомъ людей, и это тѣмъ скорѣе, что въ общественной жизни, въ силу самой этой жизни, создаются новыя экономическія силы, сами по себѣ благодѣтельныя для умноженія общественнаго благосостоянія, но онѣ, оставаясь внѣ правительственнаго руководства, могутъ становиться предметомъ тяготѣнія однихъ слоевъ общества надъ другими. Эти силы: *собственность*, *деньги*, *кредитъ*, *конкурренція* и *торговля*. Споръ объ управленіи этими силами и о значеніи ихъ въ вопросѣ общественнаго благосостоянія и составляетъ главную сущность всѣхъ экономическихъ теорій, касающихся устройства современнаго общества. «Буржуазная экономія» желаетъ дать этимъ силамъ безграничную свободу, между тѣмъ какъ соціализмъ совѣтуетъ совершенно ихъ уничтожить;—первая видитъ въ нихъ юридическія учрежденія, весьма выгодныя для умноженія *общественнаго* богатства, а послѣдній считаетъ ихъ тоже юридическими учрежденіями, придуманными буржуазной партіей съ спеціальною цѣлью наживы на счетъ трудящихся классовъ. Въ дѣйствительности же, эти силы суть разумный результатъ самой общественной жизни при условіяхъ раздѣленія труда, и онѣ существовали съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началось въ общественной жизни раздѣленіе труда. Если въ современномъ обществѣ, допускающемъ съ небольшими исключеніями полную свободу проявленія этихъ общественно-экономическихъ силъ, ихъ вліяніе могло произвести *пролетаріатъ*, то въ этомъ виною не сами силы, а только одни злоупотребленія ими. И эти-то злоупотребленія, а не самыя силы, Маурусъ желалъ бы уничтожить, такъ какъ

иначе эти силы никогда не сдѣлаются доступными всѣмъ и каждому, а между тѣмъ безъ ихъ общедоступности невозможно личное благосостояніе всѣхъ членовъ въ обществѣ.

Уже древніе философы понимали, что экономическая дѣятельность въ обществѣ невозможна въ формѣ отдѣльнаго, личнаго хозяйства, совершенно независимаго отъ всѣхъ другихъ. Въ настоящее время, когда раздѣленіе труда достигло своего высшаго развитія, и когда каждый человѣкъ употребляетъ свой трудъ не на то, что́ нужно для его собственнаго потребленія, а на то, что́ нужно другимъ, — вліяніе каждаго отдѣльнаго экономическаго факта на всю экономію общества и обратно не подлежитъ никакому спору. «Самый послѣдній поденщикъ на фабрикѣ, едва заработывающій необходимое для поддержанія его жизни количество хлѣба, способствуетъ тѣмъ не менѣе однимъ фактомъ своего труда успѣху производства, въ которомъ онъ принимаетъ участіе; онъ трудится, слѣдовательно, не для себя только, но также для выгоды фабриканта и для умноженія общаго благосостоянія». Также точно, экономическая дѣятельность можетъ терпѣть неудачу не отъ личной ошибки предпринимателя или работника, но отъ тѣхъ же общественныхъ силъ. Такъ, «спекулянтъ въ хлѣбной торговлѣ банкротится вслѣдствіе того, что падаютъ цѣны на хлѣбъ при непредвидѣнномъ богатомъ урожаѣ; рабочій голодаетъ, когда подымаются цѣны на жизненные припасы вслѣдствіе разныхъ случайностей, которыхъ рабочій ни устранить, ни создать не можетъ; фабрикантъ гибнетъ, если вслѣдствіе всеобщей излишней производительности вдругъ остановится продажа его товара, приготовленнаго имъ въ огромномъ количествѣ; пролетарій остается безъ работы и безъ хлѣба всякій разъ, когда на фабрикѣ, гдѣ онъ работаетъ, вдругъ не окажется сырыхъ произведеній для работы, несмотря на то, что въ этомъ недостаткѣ не были виноваты ни фабрикантъ, ни самъ пролетарій». Такихъ случайностей можно привести безчисленное множество, ибо изъ нихъ состоитъ почти всякая экономическая дѣятельность, и никто не можетъ сказать про себя, что съ нимъ ничего подобнаго случиться не можетъ: кто-то справедливо сказалъ, «что въ экономической области нынѣ каждый несетъ отвѣтственность за то, чего онъ *не* дѣлалъ». Между тѣмъ, извѣстно, что фактъ этой странной отвѣтственности обусловливается самимъ общественнымъ устройствомъ, создавшимъ тѣ общественно-экономическія силы, о которыхъ мы говорили выше, и которыя, будучи созданы самою общественною жизнью для умноженія общаго благосостоянія, могли бы вполнѣ дости-

ить этой цѣли, еслибъ онѣ стали доступными для всѣхъ чле-овъ въ обществѣ... Но какъ это сдѣлать? — вотъ вопросъ, кото-ый задаетъ себѣ Маурусъ, отразивъ доводы, съ одной стороны, буржуазной» экономіи, а съ другой—фантастическія теоріи со-ialистовъ.

I.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію преобразовательныхъ зззрѣній Мауруса, необходимо показать, въ какомъ положеніи ходится личное благосостояніе человѣка въ современномъ обще-вѣ,—чѣмъ оно обусловливается и какія благодѣтельныя мѣры ѣетъ уже въ своемъ распоряженіи государство для обезпеченія ого благосостоянія или, по крайней мѣрѣ, для проложенія пути нему.

Единственною основою для личнаго благосостоянія служитъ, зумѣется, *трудъ*, какъ сознательная человѣческая дѣятельность я удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Но трудъ самъ себѣ не можетъ производить полезныхъ для этой цѣли вещей, имѣя подъ руками необходимыхъ для работы орудій и мате-ловъ; — поэтому, только то общественное устройство можно итать выгоднымъ и благопріятнымъ для личнаго благосостоя-, въ которомъ труду всегда доступны необходимыя для его дѣятельности средства. Между тѣмъ, въ современномъ обще-вѣ многіе часто остаются безъ работы, или ее столь мало, приходится часто браться за нее при такихъ условіяхъ, заработокъ едва хватаетъ на прокормленіе. Отсюда *пролета-тъ*,—это крайне ненормальное явленіе, потрясавшее уже нѣ-олько разъ общественный порядокъ и угрожающее въ буду-мъ еще новыми потрясеніями. Рождается важный вопросъ: ъ ли земной шаръ такъ устроенъ, что въ обществѣ долженъ ть пролетаріатъ, или въ самомъ общественномъ строѣ есть ія-нибудь поврежденія или недостатки, способствующіе воз-новенію столь тревожнаго явленія?..

«Буржуазная» экономія въ прежнія времена отвѣчала на этотъ росъ широкимъ философскимъ отвѣтомъ Мальтуса, что вся бѣда лючается въ несоотвѣтствіи возрастанія жизненныхъ средствъ, довольствія, съ увеличеніемъ народонаселенія на земномъ рѣ; что люди, будто бы, размножаются въ геометрической про-ссіи, а жизненныя средства только въ ариѳметической. Это ое ученіе подтверждалъ потомъ знаменитый химикъ Либихъ, орый ставилъ своимъ главнымъ доводомъ тотъ фактъ, что про-

изводительность земли, какова бы земля ни была и какимъ бы превосходнымъ способамъ обработки ни подвергалась, имѣетъ свои предѣлы, между тѣмъ какъ человѣческой способности размноженія есть только одинъ предѣлъ: недостатокъ жизненныхъ средствъ. Но, не говоря о томъ, что эта теорія ничѣмъ не доказываетъ, что физіологическія способности организма размножаться должны вѣчно пребывать такими, каковы они теперь, она не заслуживаетъ въ настоящее время никакого вниманія для нашего экономическаго вопроса еще потому, что земной шаръ заселенъ пока слишкомъ мало, и могъ бы даже, при нынѣшнихъ способахъ обработки земли, кормить не только теперь, но и въ далекомъ будущемъ нынѣшнее населеніе каждой страны въ образованномъ мірѣ. Если же, несмотря на возможность обилія, мы встрѣчаемъ нищету, то причину такого факта слѣдуетъ искать именно въ дурномъ хозяйствѣ, которое допускаетъ сидѣть безъ работы и тогда, когда рабочаго матеріала существуетъ въ обществѣ вдоволь. Возьмемъ, напримѣръ, Англію, страну очень бережливую и разсчетливую и въ которой эгоизмъ и конкурренція,—эти двѣ важнѣйшія силы буржуазной экономіи,—дѣйствовали всегда вполнѣ свободно, и разсмотримъ ея хозяйство. Что мы тамъ видимъ?.. Есть тамъ 200,000 землевладѣльцевъ, у которыхъ нѣтъ, конечно, недостатка въ капиталѣ. Имъ принадлежитъ 37,319,205 французскихъ гектаровъ земли, изъ которыхъ только 7,743,762 гектара находятся подъ пашнею, слишкомъ 6 милліоновъ лежатъ совершенно необработанные, остальные остаются подъ лугами. Обработываемая земля даетъ самое скудное существованіе $3^1/_2$ милліонамъ разныхъ рабочихъ. Развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что еслибы необработанная часть тоже пошла въ работу, то не только эти $3^1/_2$ милліона рабочихъ пріобрѣли бы разомъ гораздо лучшій заработокъ, но еще цѣлый милліонъ другихъ. Несомнѣнно также, что съ этой новой работой въ странѣ и фабричные рабочіе почувствовали бы себя лучше, такъ какъ и ихъ заработная плата также поднялась бы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшилась бы и цифра пролетаріата (1,061,630 человѣкъ), на общественное призрѣніе которая страна издерживала въ томъ же, 1866 году, 11,498,588 фунтовъ стерлинговъ. Не слѣдуетъ забывать, что мы еще ничего не говорили о лугахъ, а съ ними можно было бы также поступить гораздо выгоднѣе для общественнаго благосостоянія.

Не одна поземельная собственность только допускаетъ громадное расширеніе производства. Такому же расширенію подлежитъ и промышленность при выгодномъ для общества употребленіи, и

имѣръ, денежнаго капитала. Возьмите тѣ мильярды непроизительныхъ государственныхъ долговъ и тѣ многочисленные лліоны, которые употребляются на биржевую игру и на разя денежныя спекуляціи;—всѣ эти милліоны и мильярды отсы у производства, а чѣмъ въ меньшемъ количествѣ потребется капиталъ на производство, тѣмъ ограниченнѣе становится угъ дѣятельности рабочихъ силъ, тѣмъ ниже падаетъ заработи плата и тѣмъ больше, слѣдовательно, нищеты въ обществѣ.

Послѣдній выводъ мы дѣлаемъ на основаніи другой аномаліи: на редѣленіи рабочей платы посредствомъ конкурренціи между спроиъ и предложеніемъ, какъ будто трудъ не что иное, какъ товъ. Но трудъ — это сила, которую если можно съ чѣмъ-либо внивать, то развѣ съ силами природы, трудъ — это одинъ факторовъ производства товаровъ, но не товаръ. «Буржуазная» номія сама, въ лицѣ Торнтона, отличаетъ трудъ отъ товара слѣдующихъ пяти пунктахъ: 1) трудъ — вещь неосязаемая, идимая, и обладатель труда принужденъ постоянно сбывать ; 2) трудъ нельзя пересылать, такъ какъ онъ нераздѣленъ съ имъ собственникомъ; 3) между рабочимъ и капиталистомъ бственникомъ рабочихъ средствъ) не происходитъ никакого нѣна продуктовъ, какъ при куплѣ и продажѣ,—между ними тавляется скорѣе нѣкотораго рода взаимное обязательство; 4) дъ не переносится, какъ проданная вещь, отъ одного обладая къ другому, — оттого и въ обыденномъ языкѣ говорится о *очей платѣ*, о *наймѣ рабочаго*, а не о куплѣ или цѣнѣ труда; трудъ не можетъ быть проданъ весь и навсегда (рабство). Имѣя виду эти отличія, «буржуазная» экономія приходитъ къ тому оду, что нормальная рабочая плата должна была бы содеръ въ себѣ не только вознагражденіе за потребляемую силу, также опредѣленныя доли на воспитаніе рабочаго и на обезеніе его на случай болѣзни и въ старости. Правда, такое аведливое признаніе права на высшую плату совершилось ь въ очень недавнее время, однако тѣмъ не менѣе эта плавсе-таки продолжаетъ опредѣляться спросомъ и предложеиъ, такъ какъ въ практической дѣйствительности нѣтъ ниой возможности опредѣлить, что́ слѣдуетъ считать содержаъ рабочаго, что̀ должно быть воспитаніемъ его и какая доля кна быть опредѣлена на болѣзни и старость. Такимъ обраь, «буржуазная» экономія, признавая общеполезнымъ явленіемъ ную свободу капиталистовъ и землевладѣльцевъ въ распоряіи ихъ собственности, принуждена искать уступокъ у самихъ очихъ; и вотъ она предлагаетъ имъ ждать повышенія зара-

ботной платы отъ уменьшенія предложенія труда, а этого умень
шенія она ожидаетъ лишь отъ воздержанія рабочихъ отъ брака
отсюда сохраненіе во многихъ государствахъ разныхъ стѣснитель
ныхъ постановленій касательно вступленія въ бракъ и суровых
законовъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Между тѣмъ, статистик
давно доказала, что тамъ, гдѣ всего сильнѣе господствовали стѣ
снительные брачные законы, какъ въ Баваріи и Австріи, числ
незаконныхъ рожденій было больше, чѣмъ, напримѣръ, въ при
рейнской Баваріи, гдѣ такихъ стѣсненій не было.

Остается еще другой способъ борьбы съ нищетою: путем
увеличенія работъ въ обществѣ. Но вмѣсто того, чтобы обра
титься за работою прямо къ тѣмъ классамъ, въ рукахъ которых
общественныя условія сосредоточили весь рабочій матеріалъ
орудія, въ западной Европѣ создаются на счетъ плательщиков
податей общественныя работы и призрѣніе нищихъ въ рабочих
домахъ, или равнодушно смотрятъ сквозь пальцы на бродяжниче
ство и нищенское попрошайничество, какъ, наприм., въ Италіи.

Что касается до рабочихъ домовъ, наилучшее устройство их
мы находимъ въ Англіи. Содержаніе ихъ обходится весьма до
рого, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что число ихъ не соотвѣт
ствуетъ потребности;—нерѣдко всѣ они бываютъ до того пере
полнены, что иной бѣднякъ, въ ожиданіи впуска, такъ и умрет
съ голоду на порогѣ рабочаго дома. Тамъ, въ этихъ домах
требуютъ работы обыкновенно безсмысленной и соблюдаютъ, ра
зумѣется, крайне строгую дисциплину, чѣмъ и достигаютъ тог
факта, что въ рабочій домъ идутъ изъ числа бѣдняковъ лиш
самые отпѣтые или находящіеся чуть не наканунѣ голодно
смерти. Неудивительно, поэтому, что рабочіе дома стали при
тономъ весьма сомнительнаго общества, которое служитъ постоя
ною угрозою общественному порядку. Англійскія власти сам
это знаютъ и потому создали еще другую общественную помощ
внѣ рабочихъ домовъ: рабочіе, остающіеся безъ работы, полу
чаютъ деньги или билеты на пріобрѣтеніе пищи; но такъ как
этою отраслью помощи успѣваютъ пользоваться не только н
винные въ своей нищетѣ рабочіе, но и разные проходимцы,
общественная благотворительность становится, при такомъ поряд
вещей, ничѣмъ инымъ, какъ поддержкою бродяжничества и бе
дѣльничества.

Общественныя работы оказываются лучшимъ средствомъ д
борьбы съ безработицею, но только временнымъ, а не постоя
нымъ;—онѣ, во всякомъ случаѣ, не способствуютъ деморализац
населенія и подымаютъ заработную плату лишь простымъ ув

ченіемъ количества труда въ странѣ. Но предпринятыя съ кою цѣлью общественныя работы, хотя и полезныя для страны роги, каналы и т. п.), должны быть непремѣнно громадныя, онѣ привлекаютъ къ себѣ, поэтому, огромное число рабочихъ. сть этихъ рабочихъ уйдетъ отъ разныхъ отраслей промышлен- о производства, въ которыхъ, поэтому, произойдетъ временное ѣшательство и, можетъ быть, повышеніе платы оставшимся очимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повышеніе цѣны на товаръ: въ ествѣ будетъ произведено меньше полезнаго товара и потре- ель будетъ платить за него дороже. Общество, слѣдовательно, нется въ проигрышѣ. Съ другой стороны, общественныя ра- ы нельзя вести долгое время по той простой причинѣ, что дства государства не безграничны,—а какъ только наступитъ кращеніе работъ, вся эта масса искусственнымъ образомъ влеченныхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ чиновниками - наблюдате- и, непремѣнно производитъ кризисъ на рабочемъ рынкѣ, и рія не разъ уже свидѣтельствовала объ опасности подобнаго зиса не тѣмъ или другимъ рабочимъ только, но всему об- твенному строю.

Всѣ нынѣшнія усилія въ западной Европѣ для прямой борьбы пролетаріатомъ ведутъ, какъ мы видимъ теперь, лишь къ то- чтобы тратить крупныя податныя суммы отчасти на увели- е заработной платы рабочихъ, эксплуатируемыхъ нѣкоторыми слями промышленности, и отчасти просто для распростране- деморализаціи среди голодающаго и бродяжничествующаго етаріата.

Но если государство не можетъ помочь рабочимъ классамъ средственно, путемъ прямого законодательства по вопросу дѣленія заработной платы спросомъ и предложеніемъ, то оно остояніи оказывать поддержку косвеннымъ путемъ, давая имъ жность совершенствовать свои естественныя силы и способно- Такую возможность представляютъ: *народное образованіе* и *на* или *артели*. Современная государственная власть, почти всѣхъ странахъ образованнаго міра, дѣйствительно сочув- тъ и образованію, и артелямъ, и общинѣ крестьянъ. твительно, образованіе необходимо рабочей силѣ не по мъ-либо высшимъ, идеальнымъ требованіямъ, а по той ой причинѣ, что во всякомъ человѣческомъ трудѣ, какъ ростъ онъ ни былъ, участвуетъ, кромѣ животной силы, умъ, а чѣмъ развитѣе этотъ умъ, тѣмъ лучше и искуснѣе ь совершаться работа. Образованіе всей народной массы одно изъ существенныхъ требованій общественнаго благо-

состоянія. Государственная власть, поэтому, вездѣ принимаетъ
немъ самое дѣятельное участіе; — руководствуясь высшею о
щественною цѣлью, она можетъ и должна въ этомъ вопро
употреблять и общественныя деньги и понудительныя средст
Общественная цѣль требуетъ, чтобы государство давало в
средства къ образованію, и чтобы граждане обязаны были пол
зоваться этими средствами: съ одной стороны — даровое обра
ваніе, и низшее, и среднее, и высшее, а съ другой—обязанно
посѣщенія школы съ опредѣленнымъ курсомъ наукъ, до
вѣстнаго возраста и въ продолженіе узаконеннаго числа лѣ
Маурусъ признаетъ, что это послѣднее постановленіе наноси
ущербъ семействамъ бѣдныхъ классовъ, но этотъ ущербъ
совѣтуетъ покрыть, напримѣръ, денежными преміями ученика
прилежно посѣщающимъ школу: «общество требуетъ этихъ дѣтей
школы и общество же, слѣдовательно, должно вознаграждать
то родителей; — назначаютъ же денежныя преміи на скачк
лошадей или за хорошій уходъ за скотомъ, отчего не наз
чить ихъ бѣднымъ дѣтямъ за прилежное посѣщеніе школ
Фабриканты и землевладѣльцы, пользующіеся дѣтскимъ трудо
должны сами устраивать и содержать школы для работающ
дѣтей, такъ какъ сами же фабриканты извлекаютъ потомъ с
выгоды изъ этого образованія. Наиболѣе проницательные
бриканты уже теперь понимаютъ, что это такъ, и строятъ шк
для дѣтей своихъ рабочихъ;—можетъ быть, тутъ примѣшива
и гуманный элементъ, но тѣмъ скорѣе является со стороны
сударства обязанность понудить и всѣхъ другихъ поступат
этомъ дѣлѣ такъ, какъ поступаютъ наилучшіе и наиболѣе
собные изъ фабрикантовъ и землевладѣльцевъ.

Принципъ *обязательности* образованія провозглашенъ, п
да, во многихъ европейскихъ государствахъ, но дѣйствите
практикуется только въ Германіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи,
ландіи, нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и Соединен
Штатахъ; но эта обязательность даетъ народнымъ массамъ
мало полезное въ практической жизни образованіе, такъ
вся программа тамошней народной школы не идетъ дальше
моты, кое-какихъ отрывковъ математики и естественной ист
Въ каждомъ изъ этихъ государствъ есть, правда, высшія наро
школы, но онѣ не государственныя школы, а частныя, и по
недоступны бѣднымъ людямъ. Въ Даніи въ такихъ шко
учатъ крестьянскихъ дѣтей географіи и геологіи, исторіи и
ствознанію, съ химическими и физическими опытами, а т
математикѣ и датской конституціи.—*Даровое образованіе* во

очти вовсе не въ ходу въ современномъ обществѣ: опять нѣкорые кантоны Швейцаріи, Соединенные Штаты, да скандинавскія государства — вотъ и все. О среднемъ и высшемъ образованіи нечего и говорить.

Маурусъ выставляетъ всѣ эти неравенства въ дѣлѣ народнаго образованія только для того, чтобы указать на ихъ существованіе, не для того, чтобы опредѣлить въ нихъ одну изъ важныхъ причинъ матеріальной несостоятельности рабочихъ классовъ. Маурусъ утверждаетъ даже *(стр. 73)*, что и «при самомъ лучшемъ устройствѣ народной школы и ремесленныхъ училищъ матеріальное положеніе даже будущаго поколѣнія все еще не улучшилось бы»; у кажется, что высшее образованіе рабочихъ только ухудшило бы ихъ личное благополучіе, такъ какъ они, пріобрѣвъ посредствомъ образованія болѣе высокія понятія о своемъ значеніи обществѣ и умноживъ свою рабочую силу, стали бы тяготься своимъ зависимымъ и нисшимъ положеніемъ еще сильнѣе, мъ теперь. Но съ этимъ мрачнымъ взглядомъ нашего автора жно было бы согласиться только въ такомъ случаѣ, еслибъ маріальныя стороны въ обществѣ были всѣмъ, а умственныя нѣмъ. Знанія, которыми образованіе снабжаетъ каждаго, развиваютъ не только его рабочую силу въ производствѣ, но и въ ной государственной или общественной жизни; они поднимаютъ человѣческое достоинство не только въ его собственныхъ глазъ, но и въ глазахъ всего остального общества, они дѣлаютъ болѣе нравственнымъ существомъ.

О *началѣ артельномъ* или *общинномъ* нашъ авторъ хотя ывается вообще благосклонно, но тоже съ значительными оговками; онъ вполнѣ признаетъ воспитательное значеніе общины, указываетъ при этомъ и на ея темныя стороны.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что не одинъ урусъ смотритъ подозрительно, напримѣръ, на стачки въ гліи, гдѣ *trade-unions* существовали открыто уже съ 1824 а, хотя гражданскія права ихъ, какъ закономъ признаваемыхъ ествъ, утверждены парламентомъ лишь въ 1871 году. Теперь хъ обществъ въ Англіи 2000 съ 600,000 членовъ и съ фонь въ 300,000 фунтовъ стерлинговъ (около 2 милл. руб.). ансы ихъ составляются изъ членскихъ взносовъ, обыкновенно 4—$7^1/_2$ пенсовъ въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ даже по цѣу фунту. Деньги эти употребляются, впрочемъ, не для ведестачекъ исключительно, но еще для поддержанія членовъ во ія болѣзни или въ старости, или во время безработицы; бы, однако, случаи траты по 50 или 60 тысячъ фунтовъ на одну

стачку. НѢтъ никакого сомнѣнія, что стачка, унося столь громад-
ныя суммы изъ кармановъ рабочихъ, разоряя вмѣстѣ съ тѣмъ
капиталистовъ и пріостанавливая производство, наноситъ значи-
тельный ущербъ и рабочимъ, и капиталистамъ, и всему обще-
ству. Кромѣ экономическихъ интересовъ всѣхъ лицъ, заинтересо-
ванныхъ въ производствѣ, стачковые союзы нарушаютъ нерѣдко
и нравственные интересы своихъ членовъ, понуждая ихъ своими
общими постановленіями поступать съ нанимателями и съ испол-
неніемъ самыхъ работъ не такъ, какъ бы поступалъ и исполнялъ
этотъ членъ внѣ союза. НѢкоторые союзы, когда ихъ еще не
признавали законными обществами, совершали даже разныя престу-
пленія и убійства надъ своими противниками. Все это справедливо
но сторонники *trade-unions* указываютъ, что въ 30-ти-лѣтнее су-
ществованіе стачковыхъ союзовъ рабочая плата англійскихъ рабо-
чихъ увеличилась на 5-ть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Мау-
русъ возражаетъ противъ этого предположеніемъ, что въ тѣ же
30 лѣтъ повысились несомнѣнно на такую же сумму цѣны на
съѣстные припасы, хотя въ дѣйствительности, какъ это можно ви-
дѣть въ книгѣ Леона Леви: «Wages and earnings of the workin
classes», въ особой таблицѣ, опредѣляющей цѣны на мясо, ма-
сло, сыръ, пиво, хлѣбъ, муку, свѣчи, уголь, сахаръ и чай,—тольк
первые четыре стали дороже на 6, 17 1/2, 52 и 73 процент
между тѣмъ какъ остальные шесть, благодаря реформамъ въ та
моженномъ тарифѣ, подешевѣли на 14, 27, 11, 4, 43 и 47 про
центовъ. Нашему автору кажется также несомнѣннымъ, что есл
бы капиталисты серьёзно не захотѣли повышать заработной плат
ни въ какомъ случаѣ, то они непремѣнно довели бы стачковы
союзы до полнаго разоренія. Но Маурусъ забываетъ, что вмѣст
съ разореніемъ стачковыхъ союзовъ разорились бы и сами ка
питалисты: противъ капиталиста, особенно въ Англіи, кром
рабочихъ есть еще одинъ весьма опасный врагъ — иностранна
конкурренція; сверхъ того, рабочіе тамъ очень часто находятъ по
держку въ общественномъ мнѣніи, въ печати, въ которой он
имѣютъ полную возможность приводить всѣ оправдательные
пользу своихъ требованій доводы. Вотъ почему именно въ Ан
ліи рабочимъ удалось понудить фабрикантовъ къ составленію
ними, на всѣхъ равныхъ правахъ, третейскаго суда для рѣшен
споровъ о рабочей платѣ. Вотъ почему также самый страшны
врагъ стачекъ, капиталистъ Бриггзъ, принужденный постоянны
стачками рабочихъ, ввелъ въ своихъ заведеніяхъ тотъ самый п
рядокъ разсчета съ рабочими, который и Маурусъ находитъ обра
цовымъ.

Разумѣется, было бы гораздо лучше и рабочимъ, и капита-стамъ, и всему обществу, еслибъ стачекъ вовсе не было, но . такомъ случаѣ ихъ надо замѣнить чѣмъ-нибудь столь же хо-шо обезпечивающимъ интересы всѣхъ сторонъ.

Относительно другихъ формъ ассоціацій нашъ авторъ дер-ится того же мнѣнія, что́ и о стачковыхъ,—то-есть, что сами себѣ онѣ неспособны спасти рабочую силу изъ-подъ господ-ва капитала. Нѣкоторыя формы, напримѣръ, ассоціаціи потре-тельныя, для торговли сырыми произведеніями, сберегательныя ссудныя кассы, имѣютъ несомнѣнно хорошее вліяніе на рабо-хъ и весьма легко создаются и управляются самими рабочи-. Но потребительныя ассоціаціи, если, повидимому, и уде-вляютъ жизнь рабочаго, то очень часто лишь для того, чтобы и первомъ удобномъ случаѣ капиталистъ, воспользовавшись мъ фактомъ, понизилъ заработную плату рабочаго, въ силу того же экономическаго закона, что, при господствующей темѣ спроса и предложенія, рабочая плата не можетъ под-ься выше суммы, необходимой на содержаніе рабочаго. Стало держаніе рабочаго дешевле, и уровень его заработной платы жетъ, слѣдовательно, сойти ниже. Что же касается до остальхъ ассоціацій, то всѣ онѣ доступны лишь мелкимъ ремеслен-камъ, а не рабочимъ, да и ремесленники извлекаютъ изъ къ лишь ничтожную выгоду, такъ какъ сберегательная касса тъ процентъ лишь очень невысокій, а ссудная нерѣдко тре-тъ залоговъ.

Особенную важность придаютъ нѣкоторые экономисты произ-ительнымъ ассоціаціямъ. Но нашъ авторъ полагаетъ, что и ассоціаціи не въ состояніи преодолѣть капиталистическую му производства. У рабочихъ нѣтъ для этого ни достаточ-къ средствъ, ни достаточнаго умѣнья, ни необходимыхъ зна-. Капиталисты, соединившись между собою, могутъ подавить редствомъ конкурренціи всякое предпріятіе рабочихъ. Но да-не прибѣгая къ столь энергическимъ средствамъ, капитали-ческое производство можетъ побѣдить ассоціаціонное просто му, что оно гораздо удобнѣе организовано. Капиталистическое изводство устроено гораздо проще и крѣпче: вся сила его лючается въ умномъ и ловкомъ веденіи дѣла, чему ничто не пятствуетъ. Между тѣмъ, въ ассоціаціи равныхъ во всемъ изводителей требуется избраніе умныхъ и добросовѣстныхъ оводителей, соблюденіе дисциплины между самими рабочими то же время ихъ бдительный надзоръ надъ руководителями; имъ словомъ, здѣсь повторяются всѣ тѣ затрудненія—да еще

въ злѣйшемъ видѣ,—съ которыми борются акціонерныя компаніи. Здѣсь требуется также полная гласность. Всѣ эти затрудненія дѣйствительно существуютъ, и ими главнымъ образомъ слѣдуетъ объяснять тотъ фактъ, что сравнительно съ другими формами ассоціаціи производительныя развиваются крайне туго. «Въ Германіи въ 1870 ихъ было 74, въ Англіи ихъ не стóитъ и считать, и даже въ ихъ собственной отчизнѣ, Франціи, онѣ не представляютъ успѣховъ достойныхъ вниманія, и скорѣе развиваются назадъ, а не впередъ» (стр. 82). Въ послѣдней странѣ можно еще приписывать неуспѣхъ этихъ ассоціацій политическому вмѣшательству государства, но въ Англіи отчего? — тамъ ихъ развитію не мѣшало ничто, кромѣ обыкновенныхъ причинъ, и тамъ у нихъ были также опытные и честные руководители. Попытокъ было много вездѣ, но удались очень немногія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи устройства производительныхъ ассоціацій можно найти, наконецъ, чисто хозяйственныя, внутреннія причины ихъ неудачи. Оказывается, что онѣ, во-первыхъ, вовсе неприложимы ко многимъ отраслямъ производства, и во вторыхъ, повышаютъ заработную плату въ слишкомъ ничтожныхъ размѣрахъ, чтобы стоило принимать на себя весь рискъ предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, производительная ассоціація изъ своего заработка можетъ отдавать членамъ лишь небольшую долю его, такъ какъ этотъ же заработокъ долженъ создавать «резервный фондъ» на предупрежденіе разныхъ случайностей и опасностей, и увеличивать средства производства, — и только остальное составитъ заработную плату; не забудьте также, что члены ассоціаціи, чуть чтó случится, несутъ на себѣ отвѣтственность не какъ рабочіе только, но и какъ предприниматели. Такимъ образомъ, если сравнить производительную ассоціацію рабочихъ съ ассоціаціей, гдѣ капиталистъ находится въ союзѣ съ рабочими, но во главѣ предпріятія, и даетъ рабочимъ кромѣ заработной платы еще проценты съ доходовъ предпріятія, то преимущество скажется на сторонѣ послѣдней: рабочій получаетъ здѣсь хорошую плату за трудъ и не подвергается никакимъ случайностямъ столь труднаго предпріятія, какъ производительная ассоціація.

II.

Соціализмъ отлично видитъ слабыя стороны современнаго бщественнаго строя; но соціализмъ, вмѣсто того, чтобы искать ь самомъ нынѣшнемъ обществѣ средствъ къ удаленію изъ него редныхъ для личнаго благосостоянія гражданъ злоупотребленій азными общественно-экономическими силами, ошибочно отвер-ѣетъ прямо въ принципѣ весь современный порядокъ вещей. оціализмъ понимаетъ, что безграничная свобода собственности, онкурренціи и денегъ въ разныхъ формахъ служитъ одною изъ ричинъ невыгоднаго положенія вещей и враждебнаго отно-енія между богатыми и бѣдными классами, но вмѣсто того, тобы искать улучшенія въ ограниченіи свободы самыхъ эко-омическихъ силъ, онъ прямо требуетъ уничтоженія ихъ въ нтересахъ однихъ бѣдныхъ классовъ, — онъ стремится однимъ ковомъ, не къ *обновленію* общества на прежнихъ началахъ, а къ *ересозданію* его на совершенно новыхъ. Вмѣсто того, чтобы до-устить государственное вмѣшательство въ экономическую дѣя-льность общества лишь настолько, чтобы оно прекратило вся-я монополіи, соціализмъ даетъ этому вмѣшательству безгранич-ый произволъ во всемъ, что́ касается удовлетворенія потребно-ей бѣдныхъ классовъ.

Въ соціализмѣ нѣтъ еще полнаго соглашенія относительно ганизаціи будущаго общества, и потому предлагаются не одна, нѣсколько особенныхъ системъ, которыя всѣ можно свести въ ѣ: въ одной устройство труда ведется отдѣльно отъ остальной изни (собственно соціализмъ), а въ другой—вмѣстѣ (коммунизмъ). ѣ эти системы вполнѣ несостоятельны.

Въ чисто соціалистическихъ системахъ играютъ главную роль оизводительныя ассоціаціи (Лассаль) и національныя мастер-ія (Луи-Бланъ); тѣ и другія учреждаются на сборъ денегъ подъ сударственнымъ обезпеченіемъ процента или просто на государ-венныя деньги. Что касается до нынѣшняго капиталистическаго оизводства, то его, по мнѣнію соціалистовъ, слѣдуетъ просто гранить, такъ какъ, по мнѣнію Лассаля, «кучка ассоціирован-хъ рабочихъ», даже и при государственной поддержкѣ, легко гибаетъ при свободной конкурренціи съ частнымъ капиталомъ. ссаль считаетъ, поэтому, необходимымъ, чтобы *вся* существую-ая рабочая сила каждой отрасли производства организовалась городскія или областныя производительныя ассоціаціи; только имъ обширнымъ ассоціаціямъ государство обязано оказывать

свой кредитъ. Разумѣется, если *вся* рабочая сила уйдетъ въ ассоціаціи, то капиталистическое производство должно прекратиться. Но еще болѣе разумѣется, что о подобной свободной или добровольной организаціи всѣхъ рабочихъ въ одну ассоціацію можно только фантазировать. Да еслибъ даже всѣ рабочіе и заявили въ одинъ прекрасный день, что они желаютъ устроиться въ лассалевскія ассоціаціи, такое желаніе неисполнимо просто потому, что ни у государства, ни у рабочихъ нѣтъ для того необходимыхъ средствъ. На такое устройство понадобится также и много времени, а чѣмъ же будутъ жить рабочіе въ ожиданіи окончанія новой организаціи? Такимъ образомъ, какъ ни фантазируйте, а уничтожить однимъ взмахомъ пера капиталистическое производство и замѣнить его новымъ, еще нигдѣ не испытаннымъ производствомъ—праздная мечта. Лассалевскій способъ введенія государственныхъ производительныхъ ассоціацій оказывается, слѣдовательно, вполнѣ несостоятельнымъ.

Посмотримъ теперь, что́ будетъ, если государство начнетъ вводить производительныя ассоціаціи или національныя мастерскія одновременно съ нынѣшнимъ порядкомъ капиталистическаго производства. Являясь кредиторомъ или опекуномъ кредита новыхъ учрежденій, государство, разумѣется, должно войти во всѣ дѣла каждой ассоціаціи, какъ это оно дѣлаетъ уже теперь или, по крайней мѣрѣ, должно было бы дѣлать со всѣми предпріятіями, за акціонерами которыхъ оно обезпечиваетъ право на извѣстный процентъ съ нея. Мы уже говорили выше, какъ трудно производительнымъ ассоціаціямъ конкуррировать съ капиталистами. Если государство и избавляетъ ихъ отъ денежной несостоятельности, оно все-таки не можетъ придать имъ ни практическаго умѣнья, ни требуемыхъ знаній: оно, слѣдовательно, должно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ его ассоціаціяхъ соблюдалась строгая дисциплина въ исполненіи обязанностей, были избраны хорошіе руководители работами, — чтобы, однимъ словомъ, дѣло велось съ такимъ же вниманіемъ, какъ у капиталистовъ. Это, во-первыхъ, невозможно; а во-вторыхъ, положеніе рабочихъ отъ такого производства нисколько не улучшится, да и само общество не только ничего не выиграетъ, но еще понесетъ напрасные убытки. Дѣло въ томъ, что производительная ассоціація производитъ вещи въ меньшемъ количествѣ и дороже капиталистическаго производства. Въ самомъ дѣлѣ, организація ассоціаціи сложнѣе и труднѣе, и потому всѣ ея работы должны обходиться дороже, а съ другой стороны ассоціація, по самой своей сущности, не можетъ пускаться ни въ спекуляцію,

и въ излишнюю сравнительно съ существующимъ спросомъ производительность, и потому не можетъ содержать такое же большое количество рабочихъ, какъ производство капиталистическое, которое пользуется всякими благопріятными обстоятельствами, чтобы расширить свое производство, такъ какъ всякое расширеніе приноситъ ему тѣмъ бо́льшій барышъ.

При коммунистическомъ устройствѣ, гдѣ вся жизнь устроивается сообща, въ какой-нибудь общинѣ, фаланстеріи и т. п., каждому члену за его работу должно давать одинаковое право на пользованіе плодами общаго труда. Но что изъ этого выйдетъ? Такъ какъ основнымъ условіемъ всякаго человѣческаго труда служитъ желаніе удовлетворить потребности жизни, то и всякій прогрессъ, всякое расширеніе труда зависитъ отъ развитія человѣческихъ потребностей; а отсюда слѣдуетъ, что всякій имѣетъ право наслаждаться тѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ болѣе полезныхъ вещей добываетъ онъ общественнымъ трудомъ, или чѣмъ болѣе служитъ ему чужой трудъ. Но разъ общество установитъ равное пользованіе для всѣхъ своихъ членовъ, причемъ трудолюбивому и талантливому нельзя будетъ ожидать никакихъ преимуществъ надъ лѣнивыми и глупыми, то у первыхъ исчезаетъ всякое побужденіе къ наивысшему развитію и напряженію ихъ личной рабочей силы. При нынѣшнемъ порядкѣ вещей, если бѣдные работаютъ гораздо больше, чѣмъ требуютъ ихъ скудныя потребности, то работаютъ теперь и богатые. При коммунизмѣ же, бѣдные станутъ работать гораздо меньше, а богатые будутъ работать тоже не больше бѣдныхъ, и въ результатѣ коммунистическаго преобразованія мы получимъ, слѣдовательно, уменьшеніе производства и затѣмъ попятное движеніе общества назадъ. Фурье предвидѣлъ, правда, что такое явленіе не случится въ его фаланстеріи, такъ какъ эгоизмъ, дѣйствующій въ нынѣшнемъ обществѣ, замѣнится будто бы тамъ честолюбіемъ и соревнованіемъ въ дѣлѣ споспѣшествованія общему благополучію фаланстеріи; но при практическомъ приложеніи его теоріи случилось какъ разъ то, чего Фурье не ожидалъ, а именно то, что мы выше указали.

III.

Ни «буржуазная» экономія, а еще менѣе крайній соціализмъ не могутъ, такимъ образомъ, вывесть современное общество изъ его затруднительнаго экономическаго положенія, и ни одна изъ этихъ теорій не спасается отъ весьма справедливаго упрека въ томъ, что она задерживаетъ естественный ходъ производства и тѣмъ ослабляетъ самый прогрессъ цивилизаціи: буржуазная экономія создаетъ торговые и денежные кризисы и вредныя монополіи, которыя препятствуютъ рабочей силѣ имѣть постоянныя и наиболѣе производительныя для общества работы; соціализмъ же ослабляетъ энергію самой рабочей силы, обольщая ее несбыточными надеждами. Ясно, слѣдовательно, что не слѣдуетъ искать обезпеченія личнаго благополучія въ обществѣ ни въ безусловной свободѣ общественно-экономическихъ силъ, ни въ безразсудномъ стремленіи къ ихъ уничтоженію.

Маурусъ избираетъ средній путь: точное указаніе предѣловъ свободы собственности, конкурренціи и денегъ во всемъ, гдѣ свободная дѣятельность этихъ силъ противорѣчитъ основной цѣли ихъ существованія въ обществѣ. При этомъ онъ исходитъ изъ той мысли, что если общество вырабатываетъ въ своей жизненной дѣятельности какія-либо силы, то лишь подъ давленіемъ сознанія о необходимости этихъ силъ для общественнаго благосостоянія. Но общественныя силы, вызванныя къ жизни серьёзными нуждами общества, могутъ, при недостаточномъ контролѣ надъ ними, производить явленія болѣзненныя, ненормальныя, которыя въ состояніи даже повредить обществу, если послѣднее не успѣетъ во́-время дать имъ другое направленіе, дѣйствительно благодѣтельное для общественной жизни. Здѣсь, въ общественной жизни, происходитъ тотъ же самый процессъ, какъ въ живомъ организмѣ, гдѣ однѣ и тѣ же силы способствуютъ и самому высшему процвѣтанію его здоровья, и окончательной его гибели, смотря по направленію, которое принимаетъ ихъ дѣятельность.

Въ основу своей экономической теоріи Маурусъ ставитъ естественное происхожденіе всѣхъ экономическихъ силъ въ обществѣ и начинаетъ съ разбора *права собственности*, съ которымъ тѣсно связаны всѣ остальныя. «Соціализмъ» и «буржуазная» экономія опредѣляютъ собственность, какъ юридическое учрежденіе, Маурусъ смотритъ на него, какъ на явленіе чисто хозяйственное. У каждаго человѣка есть естественное стремленіе обезпечить за собою исключительное владѣніе и пользованіе результатами

своего личнаго труда. Самъ одинъ, своими личными силами, онъ не можетъ достигнуть этой цѣли, а между тѣмъ онъ понимаетъ, что только при достиженіи ея возможно спокойное пользованіе плодами труда и потребленіе ихъ на дальнѣйшее производство. Общество можетъ дать требуемое человѣкомъ обезпеченіе, но за эту услугу оно имѣетъ право ограничить права собственника въ полезномъ для общественныхъ цѣлей направленіи. Но такъ какъ причина, побуждающая человѣка искать услугъ отъ общества, заключается, съ одной стороны, въ обезпеченіи пользованія плодами труда, а съ другой, въ стремленіи къ лучшей и полной обработкѣ собственности, то общество, признавая права собственности, должно получить вмѣстѣ съ тѣмъ власть не только заставлять всѣхъ уважать чужую собственность, но и принуждать самихъ собственниковъ къ производительности ихъ собственности. Если всѣ члены общества принимаютъ на себя обязанность охранять частную собственность, то, разумѣется, и сама собственность должна служить во благо и на пользу всѣхъ членовъ въ обществѣ; а она можетъ служить такимъ образомъ только въ такомъ случаѣ, если подвергается полной обработкѣ, все равно—самимъ ли собственникомъ или людьми, которымъ онъ отдаетъ ее въ обработку.

Собственность составляютъ земля и капиталъ, и ни одинъ изъ нихъ въ современномъ обществѣ не принуждается къ исполненію своей общественной обязанности: каждому изъ нихъ предоставлено лежать безъ всякаго употребленія или идти на какое угодно потребленіе.

Всѣмъ извѣстно, сколько каждое общество терпитъ отъ дурного состоянія земледѣлія, особенно его бѣдные классы. Во всей западной Европѣ мы видимъ огромную массу земледѣльческаго пролетаріата, который живетъ изо-дня въ день, не имѣя ни клочка своей земли и поддерживаемый значительную часть года общественной благотворительностью, между тѣмъ какъ повсюду разбросаны широкія пространства необработанной земли, безъ всякаго полезнаго употребленія. Это обстоятельство бросается повсюду въ глаза, а между тѣмъ оно есть прямое послѣдствіе безконтрольнаго права собственности. Защитники этой безконтрольности возражаютъ, что землевладѣльцы потому будто бы не обработываютъ всей земли, находящейся въ ихъ владѣніи, что у нихъ недостаетъ капитала, или мало рабочихъ, или нѣтъ предпріимчивости и т. п. Но изъ недостатка капитала слѣдуетъ только необходимость отдачи земли въ аренду тѣмъ, у кого онъ есть. Что же касается до существующаго будто бы недостатка

въ рабочихъ, это фактъ совершенно ложный, особенно въ тѣхъ странахъ, изъ которыхъ происходитъ выселеніе. Напротивъ, существуетъ цѣлая масса фактовъ, доказывающихъ, что землевладѣльцы сами опустошаютъ свою землю: въ графствѣ Сотерлэндъ, въ Шотландіи, напримѣръ, тамъ, гдѣ жило прежде земледѣльческимъ трудомъ 15-ти-тысячное населеніе, осталось только пустынное пастбище для помѣщичьяго скота. Сама буржуазная экономія сознаетъ, что въ обществѣ существуетъ теперь не недостатокъ въ рабочей силѣ, а скорѣе избытокъ, ибо къ чему же ея защитники постоянно утвржданютъ, что низкій уровень заработной платы зависитъ будто бы отъ слишкомъ большого предложенія труда. Если же дѣйствительно въ разныхъ мѣстностяхъ Европы слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ, то причины этихъ жалобъ бываютъ всегда мѣстныя: или дурное обращеніе съ рабочими, или предложеніе рабочимъ крайне низкой заработной платы. Что же касается до арендаторовъ земли, то недостатокъ въ нихъ можетъ ощущать лишь крупная собственность; но она можетъ дробить свою землю на участки. Это дробленіе, какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ и самой Англіи въ томъ числѣ не только не препятствуетъ развитію земледѣльческаго искусства, но, напротивъ, способствуетъ ему. Если арендуемыя земли гдѣ нибудь истощаются, то въ этомъ причиной бываютъ обыкновенно недостаточные законы, не обезпечивающіе за арендаторомъ права на его собственныя улучшенія въ арендуемой землѣ.

Относительно капиталистической собственности можно сказать то же самое, что о землевладѣльческой, съ тою, однако, разницею, что она не дарована природою, но вырабатывается самими людьми. Въ названіе «капиталъ» входитъ всякая вещь, добытая трудомъ, пригодная для умноженія рабочей силы и назначенная именно для этого потребленія. Если капиталъ *вырабатывается*, то онъ не можетъ происходить изъ *сбереженія*, ибо сберегать не значитъ работать; не всякая сберегаемая вещь—капиталъ: скупой, сберегающій червонцы, или чудакъ, собирающій разныя ненужныя вещи—не капиталисты. *Капиталистъ* тотъ, кто имѣетъ въ своей собственности необходимыя для работы вещи и потребляющій ихъ на работу. Но можетъ выпасть такой случай, когда отдѣльные члены общества попадаютъ въ такое положеніе, въ которомъ они не могутъ потребить свой капиталъ на собственную работу или потому, что для потребленія требуется слишкомъ большое количество рабочей силы, или потому, что при разнообразіи капитала существуетъ недостатокъ въ рабочемъ матеріалѣ. Съ другой стороны,

огутъ быть въ обществѣ также люди, которые нуждаются въ апиталистическихъ вещахъ для потребленія своей рабочей силы ли своего рабочаго матеріала. Не будь въ такихъ случайно-ѣяхъ возможности отдачи капитала въ пользованіе нуждающимся, , извѣстное вознагражденіе, то значительная часть его должна ыла бы оставаться мертвою и безполезною для общества, и изъ щества исчезло бы всякое стремленіе къ умноженію капитала. а возможность дается *правомъ собственности*, причемъ въ об-ествѣ создается, такъ-называемый, *процентъ*. Цѣль процента евидна: общество видитъ въ немъ средство ввесть весь суще-вующій въ немъ капиталъ въ производительную дѣятельность, потребленіе рабочей силы... Между тѣмъ, современный капи-лъ, пользуясь безграничною свободою въ своей дѣятельности, рается всѣми силами поднять свой процентъ возможно выше, не только искусственнымъ образомъ исчезаетъ иногда съ рынка, обы не подрывать посредствомъ конкурренцій высокаго уровня его процента, но и непосредственно употребляется на непро-водительныя траты, и притомъ въ столь громадныхъ размѣ-хъ, что производительной дѣятельности общества приходится уживать свой кругъ работъ и поднимать цѣны на товары: отсюда, одной стороны, низкая заработная плата, а съ другой,—до-овизна жизни.

Государство, по мнѣнію Мауруса, имѣетъ право не допускать иведенныхъ выше злоупотребленій обоими видами собственности.) касается до землевладѣнія, государство можетъ поставить ему обязанность отдавать въ обработку другимъ всю землю, которая ить безъ всякаго употребленія; если же землевладѣльцы ока-гъ сопротивленіе, то государство можетъ взяться само, на счетъ левладѣльцевъ и въ ихъ пользу, за раздачу необработываемой ли въ аренду. Если, съ другой стороны, поземельная соб-енность окажется слишкомъ раздробленною, и видно будетъ, будь у этихъ собственниковъ общія машины, строенія и дру-принадлежности земледѣльческаго хозяйства, то и самое произ-ство могло бы идти гораздо успѣшнѣе и дешевле; или, что раз-ію земледѣлія мѣшаетъ въ этой мѣстности черезполосность недостатокъ въ общемъ орошеніи или осушеніи, то государ-) можетъ побудить всѣхъ собственниковъ къ подобнымъ об-имъ работамъ, а если они не пожелаютъ, само взяться за нихъ счетъ и въ пользу самихъ землевладѣльцевъ. Кромѣ того, го-рство имѣетъ всякую возможность способствовать общин-у земледѣлію и принуждать мелкихъ землевладѣльцевъ къ об-ованію взаимно-кредитныхъ и страховыхъ союзовъ.

Въ настоящее время есть уже нѣсколько постановленій та кого рода, въ которыхъ государственное вмѣшательство въ орга низаціи землевладѣнія оказываетъ благодѣтельное вліяніе, ука зываемое Маурусомъ. Таковы, напримѣръ, законы о лѣсовод ствѣ, ограничившіе права собственниковъ въ интересахъ обще ства. Государство является здѣсь попечителемъ надъ культуро и пользованіемъ лѣса; безъ его позволенія собственникъ не имѣет права ни рубить лѣса, ни расчистить подъ пашню или луг Поводомъ къ такому ограниченію послужили столь сильныя зло употребленія собственниковъ своимъ правомъ торговли лѣсомъ, чт они повліяли даже на климатъ цѣлыхъ провинцій. Мало того, го сударство въ нѣкоторыхъ странахъ даже стало принуждать зем левладѣльцевъ вновь возстановлять вырубленные ими лѣса, есл подобныя вырубки произвели вредъ окрестному земледѣлію. Е еще лучшее устройство представляетъ въ нѣкоторыхъ странах устройство горнозаводской собственности. Здѣсь и права и об занности собственника опредѣляются исключительно обществе нымъ интересомъ. Собственнику не позволяютъ разработыва собственный рудникъ наиболѣе выгоднымъ и дешевымъ для него сп собомъ, но ему ставятъ условіемъ, чтобы онъ выработалъ рудни весь *вполнѣ*;—въ иныхъ случаяхъ отъ него требуютъ исполнен такихъ работъ, которыя принесутъ пользу не ему только, но е сосѣдямъ также; иногда подобныя работы исполняетъ и охраняе само государство на счетъ владѣльцевъ рудъ. При горныхъ р ботахъ очень часто приходится, опять же въ виду общественны интересовъ, даже отбирать чужую собственность, напримѣръ, п проведеніи шахтъ, штолень и т. п., или для устройства дорогъ, мостов складочныхъ мѣстъ и т. п. Мало того, само государство отказ вается нерѣдко отъ обложенія горнозаводствъ податями. Мауру надѣется, что со временемъ государство простретъ тѣ же сам заботы и ко всякой другой поземельной собственности, ибо толь тогда земледѣліе вступитъ въ періодъ дѣйствительнаго процвѣт нія. Возражать противъ примѣненія горнозаводскаго законодате ства къ земледѣлію вообще тѣмъ фактомъ, что въ горнозаводст мы имѣемъ дѣло съ ограниченнымъ факторомъ производства такъ возражать неосновательно, ибо и земля есть факторъ то ограниченный, онъ истощимъ: это истощеніе съ особенною р ностью доказываютъ именно тѣ самые буржуазные экономисты, торые защищаютъ безусловную свободу поземельной собственнос

Ограниченіе капиталистической собственности можетъ бы осуществлено на практикѣ ослабленіемъ силы денегъ, при цѣ сообразномъ устройствѣ банковъ, кредита, страхованія и госуда

ственныхъ займовъ. Нужно, чтобы денежный капиталъ лишился въ этомъ устройствѣ всякой возможности извлекать какой-либо барышъ изъ этихъ экономическихъ факторовъ. Но это ограниченіе станетъ полнымъ только въ томъ случаѣ, если государство откажется обезпечивать возвратъ и проценты капитала, отдаваемаго въ заемъ не на производительный трудъ.

Современное государство сдѣлало уже нѣсколько шаговъ къ ограниченію капиталистической собственности въ видахъ общественной пользы. Таково, напримѣръ, желѣзно-дорожное законодательство въ нѣкоторыхъ странахъ для охраненія публики и интересовъ обмѣна отъ корыстолюбія желѣзно-дорожныхъ компаній; таковы также, такъ-называемые, фабричные законы, законы въ акціонерныхъ обществахъ, и разныя полицейскія предписанія касательно строеній, квартиръ, и вообще всѣ санитарныя мѣры.

Изъ ученія Мауруса о томъ, что капиталъ имѣетъ право на процентъ, какъ на вознагражденіе его за употребленіе въ производительной дѣятельности общества, вытекаетъ оригинальный взглядъ нашего автора на опредѣленіе заработной платы. Капиталъ обязанъ идти въ производство, и за исполненіе своей обязанности пріобрѣтаетъ право на вознагражденіе; слѣдовательно, все, что̀ ему принадлежитъ въ плодахъ производства, на которое его потребуютъ, должно быть равно проценту, который пріобрѣтается въ странѣ при простой отдачѣ капитала въ займы. Если фабрикантъ самъ ведетъ дѣло, то онъ долженъ получать еще особую плату, какъ предприниматель. Сверхъ того, капиталъ его долженъ постоянно возвращаться назадъ съ погашеніемъ того, что̀ пропадетъ во время производства. Всѣ эти цифры легко опредѣляются въ всякомъ промышленномъ дѣлѣ; вычтя общую сумму ихъ изъ общей суммы результатовъ производства, мы получимъ въ остаткѣ ту долю, которую должны, по справедливости, получать рабочіе. Заработная плата становится, такимъ образомъ, внѣ всякой зависимости отъ конкурренціи, и она будетъ столь велика, что рабочіе пріобрѣтутъ возможность вполнѣ удовлетворять свои общечеловѣческія потребности. Такое участіе рабочихъ въ общей прибыли капитала уже введено многими фабрикантами въ своихъ заведеніяхъ, и замѣчено, что вездѣ, гдѣ оно установлено, отношенія между рабочими и нанимателемъ улучшились, и въ производствѣ не случается такихъ затрудненій, забастовокъ и т. п., какъ бываетъ на другихъ фабрикахъ, гдѣ плата за труды опредѣляется посредствомъ конкурренціи, какъ за товаръ. Въ Англіи примѣръ фирмы Бриггзъ имѣетъ уже нѣсколько послѣдователей; во Франціи такой же разсчетъ устроенъ, еще прежде англійской,

комнатнымъ живописцемъ Леклеромъ, а въ Германіи докторъ фонъ-Гольтцъ приложилъ ее въ недавнее время къ земледѣлію. Въ фирмѣ Бриггза рабочая плата, благодаря новой организаціи, увеличилась на 8—10 процентовъ.

«Буржуазная» экономія, какъ мы знаемъ, совсѣмъ не вмѣшивается въ вопросъ опредѣленія заработной платы, и отдаетъ капиталу все, что́ онъ можетъ извлечь изъ конкурренціи рабочихъ между собою. Такимъ путемъ капиталъ беретъ себѣ въ вознагражденіе не только мѣстный заемный процентъ, погашеніе и управительское жалованье, но еще прибыль за то, что онъ пустился въ производительную дѣятельность и, наконецъ, за рискъ. Но, въ дѣйствительности, капиталъ не можетъ по самой своей сущности оставаться въ бездѣйствіи, а съ другой стороны, рискъ входитъ уже въ заемный процентъ. Однако, при современномъ общественномъ устройствѣ капиталъ можетъ уходить на непроизводительную дѣятельность и извлекать выгоды внѣ производства; поэтому у него является возможность требовать и *прибыль* и *рискъ*.

IV.

Капиталъ, пользуясь свободою *денегъ*, самъ устроилъ возможность потребленія ихъ на непроизводительныя для общества дѣла, вслѣдствіе чего вліяніе денежнаго капитала разрослось до невѣроятныхъ размѣровъ, причемъ повысился въ цѣнѣ и процентъ съ капитала, потребляемаго въ производительной дѣятельности. Отсюда съ одной стороны сильное обогащеніе на счетъ всего общества, и съ другой—тугое развитіе всѣхъ отраслей промышленности.

Между тѣмъ, деньги сами по себѣ, безъ той монополіи, которою онѣ пользуются, не заключаютъ въ себѣ никакого вреда. Въ первоначальной своей формѣ, онѣ представляютъ не что иное, какъ особаго рода товаръ, въ которомъ нуждаются всѣ члены въ обществѣ, такъ какъ посредствомъ денегъ всякій можетъ во всякое время пріобрѣсть всякій товаръ, какое пожелаетъ. Въ сравненіи съ другими товарами, деньги имѣютъ, слѣдовательно, особую монополію: владѣлецъ денегъ, когда ему отовсюду предлагаютъ товары, можетъ выбирать что́ хочетъ, между тѣмъ какъ владѣлецъ товаровъ, желающій скорѣе продать ихъ, находится въ зависимости отъ владѣльца денегъ. Деньги, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ господ

во надъ всякимъ обмѣномъ товаровъ и — чрезъ то — надъ якимъ производствомъ также. Поэтому и количество ихъ въ ществѣ не можетъ оставаться безъ вліянія на общій ходъ производства. При недостаткѣ денегъ цѣны товаровъ должны пать, при избыткѣ—подниматься. Чѣмъ меньшее пространство жно пробѣгать деньгамъ при обращеніи, тѣмъ бо́льшее число мѣновъ онѣ могутъ совершить въ опредѣленное время;—умноніе населенія и хорошія пути сообщенія могутъ, слѣдовательно, особствовать ускоренію ихъ обращенія. При развитіи торговли промышленности пересылка звонкой монеты становится, наконецъ, дѣломъ крайне тяжелымъ, и вотъ люди стали замѣнять ее списками—векселемъ, и основали для этой цѣли особыя учрежденія—*банки,* куда они вкладываютъ свои деньги для того, что въ случаѣ надобности платить *чеками* банка, вмѣсто денегъ. отъ способъ уплаты вошелъ нынѣ въ такое обширное употребленіе, что въ Англіи, напримѣръ, девять-десятыхъ всѣхъ ъ происходитъ безъ всякой монеты, путемъ взаимнаго обна чеками и другими банковыми знаками. Этотъ примѣръ и гіе другіе показываютъ, что чѣмъ крупнѣе бываетъ величина арнаго обмѣна, тѣмъ менѣе денегъ необходимо для обращенія. и естественномъ ходѣ вещей, господство денегъ надъ производствомъ всѣхъ товаровъ должно было бы все уменьшаться по рѣ постояннаго экономическаго прогресса въ обществѣ, такъ ъ нужда въ деньгахъ должна при этомъ также уменьшаться, продажа и купля совершались бы все чаще безъ всякаго посредничества. Но въ современномъ обществѣ происходитъ какъ ь наоборотъ, благодаря допускаемой безусловной и полной боды денегъ.

Изъ банковыхъ учрежденій, благодѣтельныхъ по себѣ и имѣющихъ цѣлью освобожденіе торговли и промышленности отъ господства егъ, денежный капиталъ создалъ особаго рода спекуляцію, которая дется на томъ предположеніи, что вслѣдствіе общераспространнаго довѣрія къ постоянной состоятельности банковъ въ дѣлѣ ѣна чековъ, или банковыхъ билетовъ, на звонкую монету, билеты только изрѣдка представляются въ банкъ для подобнаго обна... Явились капиталисты съ наличными деньгами для учреженія банковъ на акціонерныхъ началахъ. Внося свои деньги банкъ равными паями, они приготовляютъ себѣ вмѣсто денегъ ковыя акціи, но только въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ ихъ ды, и потомъ раздаютъ ихъ, какъ долговыя обязательства, ь банковые билеты на предъявителя. Само собою разумѣется, излишекъ сверхъ денежнаго вклада выданныхъ билетовъ

приноситъ банковымъ акціонерамъ особенный барышъ, такъ какъ эти билеты идутъ, какъ деньги, за извѣстный процентъ въ займы нуждающемуся промышленному міру. Этотъ барышъ бываетъ такъ великъ, что не только роскошно покрываетъ всѣ издержки предпріятія, но и приноситъ акціонерамъ дивидендъ болѣе высокій, чѣмъ нормальный процентъ съ капитала. Между тѣмъ, какъ бы банкъ осторожень ни былъ, никогда нельзя поручиться въ томъ, что при выпускѣ своихъ билетовъ, металлическимъ фондомъ не обезпеченныхъ, банкъ можетъ легко перейти границу возможнаго и при первой, иногда совершенно непредвидѣнной, случайности вдругъ лишится возможности мѣнять свои билеты на наличныя деньги, то-есть, станетъ банкротомъ. Извѣстно, что нѣтъ ни одного даже крупнаго или стараго банковаго учрежденія, которое не объявляло бы себя, въ продолженіе своей практики, хотя однажды несостоятельнымъ. Англійскій банкъ прекращалъ свои платежи въ 1797 году, и только съ 1821 снова сталъ состоятельнымъ; банкъ французскій, австрійскій національный, бельгійскій, брюссельскій и многіе другіе, всѣ вмѣстѣ въ 1848 году прекратили уплату по своимъ билетамъ, и нѣкоторые изъ нихъ еще нынѣ не въ состояніи приступить къ нормальной своей дѣятельности.

Какъ бы то ни было, неудобство банковыхъ операцій состоитъ главнымъ образомъ не въ бѣдствіяхъ и банкротствахъ самихъ банковъ, но во вліяніи этихъ банкротствъ на производительность страны. Прекращеніе банками платежей показываетъ, что они своими не-металлическими билетами способствуютъ чрезмѣрному умноженію денегъ въ странѣ. Всѣ эти деньги идутъ въ формѣ кредита на развитіе промышленности: на устройство новыхъ фабрикъ и т. п. Но вотъ, происходятъ какія-нибудь политическія явленія, которыя приводятъ банкъ къ банкротству или понуждаютъ его взять назадъ часть своихъ выпущенныхъ билетовъ; — тогда фабрики, построенныя на кредитѣ этого банка и захваченныя врасплохъ требованіемъ возврата денегъ, должны банкротиться, при чемъ массы рукъ остаются безъ всякой работы; — выигрываютъ, въ концѣ-концовъ, только пайщики банка, такъ какъ они успѣваютъ получить прибыль съ производительнаго труда за свои ничего не стоющіе билеты. Но пройдетъ кризисъ, и банкъ уже опять начинаетъ свою игру съ производительною дѣятельностью въ странѣ.

Банки устраиваются въ государствѣ въ двоякой формѣ—или главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ является *государственный банкъ*, или, такъ-называемая, *свобода банковъ*. Мануфактурусъ съ особеннымъ неудовольствіемъ смотритъ на участіе госу

рствъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ государству слѣдовало бы, на-отивъ, по возможности ограничивать банковую дѣятельность. о если государство само создаетъ банкъ или находится въ тѣс-й связи съ привилегированнымъ банкомъ частныхъ капитали-овъ, то, разумѣется, о надзорѣ за операціями банка нечего и мать. Относительно этихъ банковъ издаются обыкновенно особые туты; но кто же заставитъ государственный банкъ соблюдать ъ, особенно если правительство войдетъ съ нимъ въ долговыя зательства, займетъ у него денегъ. Весьма нерѣдко банкъ за ie займы выторговываетъ продолженіе своихъ привилегій; такъ алось, напримѣръ, французскому банку въ 1857 году про-ить свою привилегію еще на 30 лѣтъ, за предоставленіе госу-рству своихъ билетовъ на 100 милл. франковъ; австрійскій нкъ при послѣднемъ возобновленіи своей привилегіи тоже вы-ъ правительству на 80 милл. гульденовъ своихъ билетовъ; глія должна своему лондонскому банку такимъ же образомъ милл. фунт. стерл., на сумму которыхъ банкъ выпустилъ въ бращеніе необезпеченные звонкою монетою билеты. И чѣмъ ьше правительство займетъ у своего банка, тѣмъ большее ко-ество необезпеченныхъ билетовъ выпускаетъ банкъ, и тѣмъ, довательно, больше способствуетъ денежной спекуляціи, кото-создаетъ множество и дѣйствительныхъ, и обманныхъ предпрія-деньги въ странѣ изобилуютъ и производство достигаетъ гро-ныхъ, неестественныхъ размѣровъ. Случись вдругъ, что пра-ельство начнетъ платить свои долги, причемъ банкъ станетъ имать свои билеты изъ обращенія, и вы получаете торговый промышленный кризисъ. Но можетъ случиться еще хуже. Въ нѣ можетъ родиться недовѣріе къ состоятельности государ-ннаго банка, — люди потребуютъ тогда, чтобы банкъ мѣнялъ билеты на звонкую монету. Появляется лажъ на монету, и, онецъ, банку остается только объявить себя банкротомъ, но кротъ государственнаго банка грозитъ не только экономиче-ми, но и политическими бѣдствіями. Правительство можетъ ться на выручку съ принудительнымъ курсомъ; но подобная а принудитъ только принимать билеты и потреблять ихъ въ нѣ товаровъ; она не можетъ принудить брать за товары ько же бумажныхъ денегъ, какъ *до* объявленія принудитель-курса, — она не можетъ также назначить бумажную цѣну ллическимъ деньгамъ или избавить отъ убытковъ свою ино-ную торговлю. Лажъ на деньги также остается и стано-я, сверхъ того, предметомъ новой биржевой игры.

При *свободѣ банковъ*, какъ въ Англіи, Соединенныхъ Шта-

тахъ, Швейцаріи и Германіи дѣла идутъ нѣсколько лучше, чѣмъ при одномъ государственномъ, такъ какъ опасность отъ ихъ банкротствъ меньше; но и въ этихъ мелкихъ банкахъ существуетъ тотъ же коренной недостатокъ: выпускъ излишнихъ сравнительно съ потребностью денегъ въ обществѣ банковыхъ билетовъ, цѣнность которыхъ не обезпечена и металлическимъ вкладомъ. Почти всѣ опасныя вліянія государственнаго банка могутъ рождаться и при свободѣ банковъ. Но за то свободное учрежденіе банковъ может служить еще предметомъ крайне вредной спекуляціи. Сознавая себя лишними въ денежномъ обращеніи страны, банки стараются привлечь къ себѣ капиталъ изъ здоровой, необходимой и полезной для общества производительности посредствомъ составленія новыхъ предпріятій, обыкновенно весьма сомнительнаго свойства, но при годныхъ для спекуляціи и биржевой игры. Банкъ заявляетъ себя сторонникомъ одного изъ подобныхъ предпріятій и образуетъ такъ называемое *коммандитное* акціонерное общество, въ которомъ акціонеры вносятъ деньги на веденіе дѣла, а дѣло ведетъ выставляемый банкомъ «изобрѣтатель» или «директоръ» возникающаго предпріятія. Директоръ рекомендуется банкомъ предъ лицемъ акціонеровъ какимъ-то изобрѣтателемъ, желающимъ при ихъ помощи осуществить весьма выгодное предпріятіе, и за это изобрѣтеніе онъ получаетъ множество акцій. Легковѣрные люди, увлекаясь отчасти репутаціей банка, и главнымъ образомъ замазчивыми объявленіями и обѣщаніями подкупленныхъ банкомъ газетъ, несутъ свои деньги въ кассу чудеснаго предпріятія. Директоръ продолжаетъ увѣрять акціонеровъ и публику въ выгодности затѣяннаго имъ дѣла, стараясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы продать свои акціи и затѣмъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, незамѣтно исчезаетъ изъ компаніи, оставивъ обманутыхъ акціонеровъ на произволъ судьбы съ ихъ призрачнымъ предпріятіемъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобныя мошенничества столь ловко пользуются современнымъ законодательствомъ, что никакой судъ не можетъ ни наказать, ни даже найти виновниковъ, а между тѣмъ здѣсь вы встрѣчаетесь съ такимъ фактомъ, какъ пріобрѣтеніе барыша изъ неначатаго еще предпріятія и отвѣтственность лицъ за чужія дѣйствія (акціонеровъ за директора)!

Разумѣется, такія банковыя и коммандитныя предпріятія могутъ развиваться лишь въ столицахъ, гдѣ есть и искусная продажная печать, и всѣ удобныя средства для обмана публики. При огромномъ развитіи подобныхъ и другихъ спекуляцій, въ нихъ втягиваются въ большомъ количествѣ и деньги изъ провинцій

тѣмъ нарушается естественное распредѣленіе денежнаго капитала: въ мелкихъ городахъ и сельскихъ округахъ чувствуютъ тогда недостатокъ въ деньгахъ, а въ столицѣ и главныхъ городахъ, гдѣ учреждены банки, онѣ появляются въ избыткѣ въ рукахъ особой банкирской клики, обращаться къ которой за кредитомъ и деньгами приходится тогда всему промышленному и торговому міру и самому правительству, если оно имѣетъ необходимость нуждаться въ выпускѣ займовъ. Здѣсь, въ этой банкирской кликѣ и выражается высшая точка развитія свободной, безконтрольной дѣятельности денегъ—это *плутократія*. Законодательная зала этого царя—современная биржа. Вмѣсто того, чтобы служить сборнымъ мѣстомъ для фабрикантовъ, купцовъ и потребителей въ ихъ торговыхъ дѣлахъ, биржа стала теперь средоточіемъ торговли всякаго рода кредитными бумагами, курсъ которыхъ устанавливается кучкою плутократовъ и невѣжественныхъ, легковѣрныхъ денежныхъ спекулянтовъ, подъ вліяніемъ разныхъ впечатлѣній и событій, съ которыми дѣйствительная цѣнность бумагъ не имѣетъ обыкновенно ничего общаго. Надѣленная разными привилегіями посредствомъ нѣкоторыхъ государственныхъ постановленій, биржа приняла характеръ настоящаго игорнаго дѣла, въ которомъ спокойно совершаются, напримѣръ, такія сдѣлки, какъ продажа цѣнныхъ бумагъ, которыхъ нѣтъ у продавцевъ, и покупка покупателемъ, который никогда ихъ не получаетъ. Но подобная игра цѣнными бумагами означаетъ не что иное, какъ игру со всею производительностью и торговлею страны. О правильности развитія общественнаго благосостоянія при такомъ порядкѣ вещей не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Для полной картины денежной эксплуатаціи остановимся еще на кредитныхъ спекуляціяхъ. *Кредитъ* организуется на довѣріи, которое внушается извѣстнымъ лицомъ или извѣстною вещью въ томъ, что то лицо или та вещь могутъ доставить въ будущемъ то, что́ они желали бы доставить теперь, но не въ силахъ. Въ обыкновенномъ своемъ проявленіи кредитъ старается обезпечить свое довѣріе лицу (личный кредитъ) или вещи (реальный кредитъ) тѣмъ, что беретъ ихъ въ свою зависимость: вещь *подъ залогъ*, а лицо подъ обязательства; въ иныхъ государствахъ кредитъ можетъ лишить лицо свободы, если оно не оправдываетъ оказаннаго ему довѣрія. Кредитъ беретъ процентъ и тѣмъ усиливаетъ дороговизну производства. Для хорошаго, выгоднаго для производства, устройства кредита требуется, чтобы онъ давалъ за залогъ по возможности полную цѣну вещи, чтобы онъ не могъ по произволу требовать своей ссуды назадъ, когда ему вздумается, и

чтобы онъ не служилъ средствомъ къ обогащенію какихъ-либо кликъ или монополистовъ въ обществѣ. Между тѣмъ, при организаціи кредита посредствомъ современнаго векселя, какъ разъ происходитъ то, чего слѣдовало бы избѣгать. Вексель облеченъ всевозможными привилегіями противъ кредитующихся лицъ и, подобно денежному банку, можетъ обращаться въ странѣ, какъ настоящія деньги. Благодаря такому обстоятельству, вексель можетъ становиться также фиктивою величиною, простымъ долговымъ обязательствомъ безъ всякихъ заложенныхъ товаровъ, во имя которыхъ онъ выдается. Но и товарный вексель можетъ производить спекуляцію на сумму во столько разъ бóльшую, сколько рукъ онъ перейдетъ. Такъ, если А., напр., продастъ Б. свои товары по долгосрочному векселю, а Б. перепродастъ его потомъ В. за другой вексель, а В. опять Г. тоже подъ вексель, то въ результатѣ получится нѣсколько векселей, цѣнность которыхъ ничѣмъ не обезпечена. Подобное искусственное размноженіе денегъ ведетъ въ концѣ-концовъ къ торговымъ кризисамъ. Съ другой стороны, подобные извороты векселя уносятъ изъ производства большую массу денежнаго капитала, процентъ на который вслѣдствіе того сильно поднимается. Векселя можно пускать въ обращеніе даже совершенно ничѣмъ необезпеченные, хотя на нихъ и будетъ написано, что подъ нихъ заложены массы товаровъ. Для этой цѣли стóитъ только сговориться двумъ пріятелямъ изъ клики биржевыхъ спекулянтовъ и заручиться надежными подписями (при передачѣ векселя каждый надписываетъ на немъ свою фамилію, какъ ручательство за вѣрность его). Такія подписи покупаются иногда за деньги или даются по дружбѣ какимъ-нибудь плутократомъ, который господствуетъ въ банковомъ мірѣ и имѣетъ въ виду за свою подпись побудить этихъ вексельныхъ дѣлъ мастеровъ къ участію въ разныхъ предпріятіяхъ самого плутократа. Банки играютъ этой вексельной игрой въ большихъ размѣрахъ и сила ихъ надъ векселемъ становится такою, что и люди съ дѣйствительно вѣрными векселями должны для пріобрѣтенія кредита прибѣгать къ посредничеству все тѣхъ же банковъ и плутократовъ. Такимъ образомъ, всѣ деньги и всѣ кредитныя операціи попадаютъ въ руки банковъ или плутократіи, которые сами, имѣя въ своемъ владѣніи лишь небольшую собственность, пріобрѣтаютъ въ свою пользу проценты и разные учеты со всѣхъ милліоновъ денегъ, которые проходятъ чрезъ ихъ руки.

Всѣ плутовскія уловки съ векселемъ кромѣ того, что при банкротствѣ банковъ производятъ кризисы въ торговлѣ и промышленности, способствуютъ еще мотовству и деморализаціи въ странѣ

БИБЛІОТЕКА

Посредствомъ векселя люди, не занимающіеся никакимъ трудомъ, могутъ получить кредитъ, который послужитъ имъ только средствомъ къ распутной праздности. Чтобы получить деньги подъ вексель, люди ставятъ на немъ наконецъ поддѣльныя надписи.

Представляя читателю всю эту массу зла и вреда, которую могутъ приносить банковыя учрежденія индустріальному развитію общества, Маурусъ ставитъ простой вопросъ: но къ чему же это умноженіе денегъ въ обществѣ, и если нужно вообще, чтобы торговля шла въ кредитъ, то вѣдь шли же прежде всѣ подобныя кредитныя операціи и безъ всякаго векселънаго кредита? Пусть лучше государство возьметъ назадъ всѣ свои привилегіи, которыми оно снабдило деньги въ такомъ изобиліи, и потребуетъ, чтобы банки вели свое дѣло такъ, какъ вели они его при своемъ возникновеніи;—пусть они принимаютъ по прежнему денежные вклады и служатъ переводчиками денегъ изъ однихъ рукъ въ другія, и пусть имъ дозволятъ выпускать кредитные билеты на сумму, не превышающую количества вложенныхъ въ банкъ наличныхъ денегъ. Хозяйственной потребности въ банкахъ этого рода нѣтъ никакой, а если въ производствѣ является такая потребность, то государство можетъ побудить самихъ нуждающихся составлять кооціаціонные банки, въ которыхъ каждый членъ будетъ отвѣтственнымъ лицомъ за дѣятельность банка. Биржу тоже слѣдуетъ ограничить всѣхъ ея привилегій касающихся какъ игры, такъ и спекуляцій.

Особенно много пользы можетъ принесть государство въ организаціи кредита, и именно *реальнаго*. При настоящемъ положеніи дѣлъ кредитъ подъ залогъ всякаго имущества устроенъ такъ, что залогодатель получаетъ въ займы за свою вещь только меньшую половину ея дѣйствительной стоимости и долженъ платить кредитору значительный процентъ; сверхъ того, самыя кредитныя учрежденія, пользуясь уже извѣстною намъ привилегіей денегъ, выпускаютъ такое множество залоговыхъ обязательствъ, что нерѣдко подвергаются банкротству, увлекая за собою въ гибель и своихъ кліентовъ. Возьмемъ въ примѣръ *ипотечные банки*, устроенные на акціонерныхъ началахъ съ цѣлью доставлять кредитъ землевладѣльцамъ. Такіе банки могутъ создаваться съ весьма незначительнымъ основнымъ капиталомъ, такъ какъ кредитующіеся землевладѣльцы получаютъ подъ залогъ своего имѣнія лишь свои собственныя залоговыя обязательства, которыя при посредничествѣ банка становятся цѣнностію, охотно покупаемою разными людьми, если они приносятъ хорошій процентъ. Землевладѣлецъ выплачиваетъ свой долгъ съ процентами въ извѣстное число лѣтъ.

Такимъ образомъ, правильно высчитывая сроки уплаты долговъ и срокъ полнаго очищенія займа, банкъ можетъ выдавать въ кредитъ втрое, вчетверо бо́льшую сумму, чѣмъ его основной капиталъ. Когда заемщиковъ становится слишкомъ много и нѣкоторые изъ нихъ оказываются тугими на срочную плату, то банкъ создаетъ *резервный капиталъ* все изъ средствъ его же должниковъ. Такимъ образомъ, банкъ живетъ и наживается почти исключительно изъ чужихъ денегъ за то только, что землевладѣльцы не умѣютъ сами взяться за это необходимое и важное для нихъ дѣло. Впрочемъ, въ этомъ была бы небольшая бѣда, еслибы банки создавали поземельный кредитъ за небольшое вознаграждeніе. Но это, очевидно, не въ интересахъ акціонеровъ банка, которымъ нуженъ только высокій дивидендъ, и весьма мало имъ дѣла до процвѣтанія земледѣлія въ странѣ. Банку нужно платить процентъ за свой основной капиталъ и за администрацію, и онъ взыскиваетъ эти траты съ своихъ заемщиковъ, назначая соотвѣтственный высокій процентъ съ занимаемой ими суммы. При слишкомъ большомъ выпускѣ торговыхъ обязательствъ курсъ ихъ падаетъ, но заемщикъ несетъ и эту потерю. Далѣе, банку выгодно цѣнить залогъ какъ можно ниже и выдать въ кредитъ лишь часть своей оцѣнки; землевладѣлецъ между тѣмъ, опасаясь, что разъ заложивши свое имѣніе, онъ лишится въ будущемъ возможности сдѣлать новый заемъ, долженъ сразу ставить самое высшее требованіе банку, между тѣмъ, какъ онъ нуждается въ суммѣ гораздо меньшей. Наконецъ, въ странѣ можетъ случиться такой кризисъ, что многіе заемщики окажутся несостоятельными вносить банку свою ежегодную дань, а банку неудастся быстро распродать имѣнія этихъ несостоятельныхъ должниковъ, особенно если въ числѣ заемщиковъ состоитъ правительство съ государственными имуществами. Тогда банкъ долженъ банкротиться.

Какъ ипотечные банки, на тѣхъ же самыхъ началахъ устроены ломбарды, банковый кредитъ подъ залогъ товаровъ, цѣнныхъ бумагъ и т. п. Гораздо выгоднѣе для общественнаго благосостоянія было бы, если бы всѣ эти кредитныя учрежденія замѣнились банками личнаго и реальнаго кредита, основанными на принципахъ взаимности и самопомощи. Такой кредитъ особенно полезенъ мелкимъ ремесламъ, но и фабриканты и помѣщики могли бы тоже создавать на этихъ началахъ необходимыя для нихъ кредитныя учрежденія. Маурусъ желалъ бы, чтобы государство понуждало всѣхъ къ созданію союзовъ взаимнаго кредита и взаимнаго страхованія, такъ какъ страхованіе создается теперь на тѣхъ же буржуазныхъ началахъ, какія онъ нашелъ въ кредитныхъ

акціонерныхъ учрежденіяхъ. Людямъ бѣднымъ правительство могло бы для этой цѣли оказывать денежную помощь, такъ какъ этимъ путемъ можно гораздо скорѣе достигнуть взаимнаго обезпеченія людей отъ всякихъ случайностей, чѣмъ благотворительностью приказовъ общественнаго призрѣнія. Современное общество само сознаетъ справедливость такихъ предположеній, такъ какъ въ разныхъ государствахъ есть уже серьёзныя попытки пробить по этому направленію широкій путь къ общему благосостоянію.

Относительно государственнаго кредита нашъ авторъ неумолимъ: онъ отвергаетъ всѣ формы займовъ не только потому, что государство совершаетъ ихъ обыкновенно не у народа, а при помощи банкировъ, но и потому, что всѣ они отзываются крайне вредно на рабочихъ силахъ страны, между тѣмъ какъ богатые люди успѣваютъ переложить тяжесть этихъ займовъ на потребителей разныхъ товаровъ, то-есть, опять же на народную массу. Маурусъ предлагаетъ правительствамъ, въ случаяхъ крайней нужды, вмѣсто займовъ, брать сколько нужно налогомъ съ имущества.

V.

Капиталистическое производство, основанное на правѣ собственности, вызываетъ къ жизни еще другую общественно-экономическую силу—*конкурренцію,* которая точно также, какъ деньги, какъ кредитъ, или какъ само право собственности, можетъ или наносить значительный вредъ общественному благосостоянію, если ею злоупотребляютъ, или служить на пользу важнѣйшихъ интересовъ всѣхъ гражданъ. Конкурренція (соперничество, соревнованіе) побуждаетъ человѣческій эгоизмъ доставлять обществу самыя выгодныя услуги въ производствѣ. Путемъ взаимнаго соперничества въ пріобрѣтеніи себѣ покупателей, каждый производитель приходитъ къ удешевленію и улучшенію своего производства и къ возбужденію изобрѣтательныхъ способностей своего ума. Конкурренція же опредѣляетъ настоящую мѣновую цѣнность всѣхъ товаровъ въ торговлѣ, низводя ее на степень дѣйствительной стоимости производства. Будь производство въ рукахъ монополистовъ—и они ставили бы за всякій товаръ цѣну, какую имъ угодно. Обществу выгодно, слѣдовательно, чтобы между производителями происходила самая дѣятельная конкурренція, и чтобы производство не сосредоточивалось въ рукахъ немногихъ лицъ или госу-

дарства. Конкурренція полезна, наконецъ, и самимъ производителямъ, такъ какъ она способствуетъ выработкѣ ихъ личнаго характера, напрягаетъ и развиваетъ дремлющія въ нихъ рабочія силы. Постоянное побужденіе фабрикантовъ къ расширенію своего производства и введенію въ него все бо́льшаго количества капитала способствуетъ накопленію новаго капитала въ обществѣ. Такимъ образомъ, благодаря конкурренціи, капиталистическое производство пріобрѣтаетъ перевѣсъ надъ государственнымъ и ассоціаціоннымъ производствами, такъ какъ послѣднія не заключаютъ въ себѣ столь могучаго побудителя къ накопленію капиталовъ и развитію рабочей силы. Только при помощи конкурренціи общество можетъ извлечь изъ своей рабочей силы и капитала наибольшее количество произведеній, необходимыхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Само собою разумѣется, однако, что конкурренція будетъ давать блистательные результаты лишь при полномъ умѣньи общества владѣть и управлять этою силою.

Въ современномъ обществѣ, при общей неурядицѣ въ экономическихъ отношеніяхъ, конкурренція предоставлена на произволъ судьбы, какъ будто нынѣшняя общественная жизнь снабжаетъ всѣхъ одинаковыми для экономической борьбы силами. Въ дѣйствительности же, относительно власти надъ экономическими силами, между членами общества господствуетъ самое рѣшительное неравенство, и конкурренція между ними должна необходимо приводить къ подавленію и уничтоженію слабыхъ сильными. Крупная промышленность не только поглощаетъ мелкую, но и оказываетъ еще вредное вліяніе на заработную плату, такъ что конкурренція, вмѣсто распространенія личнаго благополучія во всѣ слои общества, способствуетъ иногда накопленію громадныхъ богатствъ въ рукахъ небольшого меньшинства и усиленію бѣдности въ массахъ населенія, то-есть, ведетъ общество къ распаденію.

Главнымъ агентомъ крупной промышленности въ ея борьбѣ съ мелкою является *машина*, такъ какъ она уменьшаетъ потери капитала въ производствѣ. Крупная промышленность поэтому можетъ съ выгодою для себя удешевлять товары до такой степени, что мелкая, продавая по той же цѣнѣ, не получитъ за свою работу даже необходимыхъ средствъ для существованія, и ей остается только одинъ исходъ — идти въ наемные рабочіе къ своему могущественному конкурренту. Относительно положенія рабочихъ машина тоже является главнымъ орудіемъ угнетенія ихъ, такъ какъ она значительно сокращаетъ спросъ на рабочую силу. Если при этомъ случается, что половина рабочихъ, остав-

шаяся при машинахъ, получаетъ даже высшую противъ прежняго заработную плату, за то другая половина остается вовсе безъ работы, и только будущее поколѣніе рабочихъ уже вполнѣ воспользуется выгодами машиннаго труда. Но машина имѣетъ свойство постоянно совершенствоваться въ своемъ дѣлѣ, то-есть, требовать для произведенія одного и того же количества товаровъ все мѣньшаго числа рабочихъ рукъ, и, такимъ образомъ, всякое новое важное изобрѣтеніе въ машинномъ дѣлѣ производитъ все новыя замѣшательства въ рабочемъ классѣ и препятствуетъ имъ въ улучшеніи ихъ быта.

Неправильная конкурренція современнаго общества оказываетъ вредное вліяніе даже на самихъ капиталистовъ, стѣсняя ихъ свободу въ производствѣ. Разъ заведена фабрика и приведены въ дѣйствіе машины,—фабрикантъ долженъ вести свои работы постоянно, такъ какъ всякая остановка въ работѣ для него убыточна. Но вдругъ совершаются непредвидѣнныя событія, уменьшающія спросъ на его товаръ. Фабрикантъ, дѣлать нечего, все продолжаетъ работать въ надеждѣ на наступленіе лучшаго времени, — онъ работаетъ, слѣдовательно, въ запасъ. То же самое дѣлаютъ одновременно съ нимъ и всѣ другіе фабриканты той же отрасли промышленности; запасъ все увеличивается и происходитъ, наконецъ, то явленіе, которое называется въ экономическомъ мірѣ «чрезмѣрнымъ производствомъ». Фабрикантамъ приходится, во что бы то ни стало, продавать свои товары, хотя бы по самымъ низкимъ цѣнамъ, или банкротиться, прекратить работы, и вотъ происходитъ *промышленный кризисъ*, причемъ, кромѣ фабрикантовъ, гибнутъ и рабочіе, лишившіеся работы. Моментомъ этой гибели фабрикантовъ и рабочихъ пользуются спекулянты, чтобы скупить накопленный товаръ почти за безцѣнокъ, и крупные промышленники, которые избавляются такимъ путемъ отъ конкурренціи небольшихъ капиталовъ. Весьма нерѣдко даже самъ кризисъ производится искусственно крупными промышленниками и спекулянтами.

Чтобъ устранить всѣ дурныя послѣдствія конкурренціи, нашъ авторъ предлагаетъ нѣсколько различныхъ мѣръ для охраненія интересовъ, какъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ, такъ и небольшихъ капиталистовъ. Послѣднимъ онъ совѣтуетъ составлять общества взаимнаго кредита; и такія общества можетъ быть давно бы существовали во многихъ государствахъ, еслибъ появленію ихъ сочувствовали крупные промышленники. Маурусъ требуетъ поэтому, чтобы государство само вмѣшалось въ это дѣло,

побудило и поощрило мелкихъ фабрикантовъ къ составленію, исключительно, между собою подобныхъ обществъ.

Для помощи мелкимъ ремесленникамъ Маурусъ тоже находитъ необходимымъ принудительныя общества взаимнаго кредита и взаимной помощи. Сверхъ того, мелкое ремесло можетъ различнымъ способомъ ловко пользоваться своимъ положеніемъ: выборомъ своего мѣстопребыванія, внесеніемъ мелкихъ машинъ въ свои дома, даже примѣненіемъ водяной или паровой силы. Для этого необходимо, чтобы въ государствѣ существовала полная свобода поселенія и чтобы государство само, гдѣ нужно, оказывало нѣкоторую помощь для образованія ремесленныхъ городковъ или мѣстечекъ.

Относительно рабочихъ требуется введеніе въ промышленность, вмѣсто конкуррентной заработной платы, той другой, о которой мы говорили выше, и затѣмъ строгіе законы противъ разныхъ злоупотребленій въ самой организаціи фабрикъ, особенно въ гигіеническомъ отношеніи. Нужно, чтобъ законъ строго охранялъ жизнь и здоровье фабричныхъ рабочихъ, чтобы введеніе машинъ въ производство совершалось съ тою постепенностью, съ какою рабочіе могли бы, безъ напрасныхъ и тѣмъ не менѣе жестокихъ бѣдствій, переходить отъ ручной работы къ машинной. По мнѣнію Мауруса, для послѣдней цѣли можно было бы побудить фабрикантовъ машинныхъ произведеній удѣлять, какъ за введеніе новыхъ машинъ, такъ и за потребленіе уже существующихъ, опредѣленную долю барыша то единовременно, то періодическими взносами, въ особую кассу для оказанія помощи рабочимъ во время промышленныхъ застоевъ или безработицы. Государству слѣдуетъ также обращать серьёзное вниманіе на состояніе, такъ-называемыхъ, *фабричныхъ округовъ*, которые создаются разными предпринимателями ради своихъ личныхъ выгодъ, безъ всякой заботы о томъ, хорошо ли будетъ жить его рабочимъ въ избранномъ мѣстѣ. Если современное законодательство ограничиваетъ право фабрикантовъ создавать свои фабрики гдѣ угодно, ради охраненія ближайшей къ фабрикѣ мѣстности отъ пожара, взрыва газовъ, необыкновеннаго дыма или вредныхъ паровъ и т.-п., то точно также ему слѣдовало бы простереть свои заботы на здоровье и продовольствіе рабочихъ, когда создается новое фабричное мѣсто. Относительно продовольствія, въ этомъ случаѣ было бы полезнѣе всего ставить предпринимателю условіемъ надѣленіе рабочихъ участками земли.

Конкурренція дѣйствуетъ не только на производство товаровъ, на производителей и трудъ, но и на обмѣнъ товаровъ, на рас-

редѣленіе ихъ между потребителями; въ этой послѣдней дѣ-
льности мы наблюдаемъ ее какъ особую общественно-экономи-
ескую силу, подъ названіемъ *торга* и *торговли*. Подъ именемъ
рга (Verkehr) разумѣется не простая мѣна, но сумма всѣхъ
еловѣческихъ работъ, необходимыхъ для того, чтобы обмѣнъ то-
ровъ совершался между членами обществъ непосредственно,—
торговлею называютъ на барышъ разсчитывающее посредниче-
во во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ производитель и потребитель
ѣновыхъ вещей живутъ далеко другъ отъ друга и непосредствен-
ый торгъ между ними соединенъ съ большою тратою времени
труда или съ сильными затрудненіями и даже опасностями для
одей и товаровъ. Усердная и успѣшная борьба со всѣми пре-
ятствіями, мѣшающими непосредственному сношенію между про-
водителями и потребителями, устраняетъ посредническій, барыш-
ческій элементъ, и тѣмъ способствуетъ удешевленію товаровъ
бщественный прогрессъ, слѣдовательно, въ дѣлѣ обмѣна товаровъ
ключается въ наибольшемъ сокращеніи предѣловъ торговли и
наибольшемъ расширеніи торга. Экономическіе же успѣхи
рга должны состоять въ томъ, чтобы онъ производилъ, при воз-
жно маломъ трудѣ, то-есть, при наименьшихъ издержкахъ, наи-
льшее количество обмѣновъ. Для торга весьма важно, конечно,
обы между торгующими сторонами происходило какъ можно
нѣе сдѣлокъ, въ которыхъ необходимо участіе денегъ. Между
мъ интересы торговли посредничествующей среды состоятъ,
противъ, во введеніи денежной силы въ обмѣнъ товаровъ. Для
рга самымъ крупнымъ и страшнымъ препятствіемъ служитъ
зстояніе между производителемъ и потребителемъ, а для тор-
вли выгоднѣе удерживать это препятствіе въ одномъ и томъ
состояніи. Но общественное развитіе дѣлаетъ свое дѣло, и
зстояніе становится все слабѣйшею преградою для торжества
рга надъ торговлею. Сама естественная сила человѣческаго раз-
ноженія и разселенія служитъ однимъ изъ важныхъ дѣятелей
устраненіи этого препятствія. Фабричный или ремесленный
удъ можетъ поселяться возлѣ земледѣльческаго, причемъ всѣ
и пріобрѣтаютъ возможность непосредственно обмѣниваться сво-
и произведеніями. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ заключить, что
тересы общества требуютъ свободы поселенія и переселенія, а
кже удаленія всякихъ законодательныхъ мѣръ, стѣсняющихъ
тупленіе въ бракъ или какимъ-либо другимъ способомъ пре-
тствующихъ размноженію людей. Издержки перевоза товаровъ
еньшаются еще посредствомъ путей сообщенія: обыкновенныхъ
желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и т.-п., но только въ томъ слу-

чаѣ, если перевозчики не успѣютъ создать изъ своего посредни
чества монополію. Издержки уменьшаются также, когда продукт
производства отправляются съ своего мѣста не въ сыромъ, то
есть тяжеломъ и объёмистомъ видѣ, а въ обработанномъ, болѣ
легкомъ и менѣе объёмистомъ. Этотъ фактъ служитъ лучшим
доказательствомъ того, что страна чисто земледѣльческая, въ сра
неніи съ страною промышленною, терпитъ значительный урон
уже отъ одного факта перевозки. При взаимномъ обмѣнѣ таких
двухъ странъ между собою, земледѣльческая будетъ вывози
изъ своей страны гораздо бо́льшую массу производительна
матеріала своей почвы, чѣмъ отдастъ ей обратно страна пр
мышленная, и если такой обмѣнъ будетъ продолжаться долго
время, то земледѣльческая страна можетъ обѣднѣть и попас
даже въ политическую зависимость отъ страны промышленно
Поэтому, каждая страна должна непремѣнно употреблять вс
свои усилія къ тому, чтобы быть и земледѣльческою и пр
мышленною вмѣстѣ, ибо тогда она будетъ въ большомъ вы
игрышѣ уже отъ одного сокращенія издержекъ передвиженія

Разбирая средства къ развитію промышленности въ государств
Маурусъ доказываетъ, что земледѣльческое общество не может
выиграть ни отъ полнаго запрещенія вывоза сырыхъ произведе
ній (протекціонизмъ), ни отъ полной свободы ввоза иностранных
промышленныхъ произведеній (свобода торговли), такъ какъ в
первомъ случаѣ паденіе цѣнъ на сырыя произведенія може
сократить самую обработку почвы и привести общество къ обни
щанію, а во второмъ довести страну до полнаго истощенія по
вы. Остается еще средній путь: *охранительный тарифъ*, кот
рый бы поставилъ силу конкурренціи въ такія границы, чт
мѣстные производители могли бы выдерживать борьбу съ ино
странцами лишь *при полномъ напряженіи своихъ силъ*. Нуж
во всякомъ случаѣ, чтобы потребитель несъ на себѣ тяжесть та
моженныхъ пошлинъ *не для обогащенія мѣстныхъ производит
лей*, а ради промышленной независимости страны. Поэтому Ма
русъ отвергаетъ всякія таможенныя препятствія въ производств
такихъ вещей, для приготовленія которыхъ въ странѣ нѣтъ н
какихъ естественныхъ условій; не должно быть также такого та
рифа, который бы отягощалъ иностранные товары больше, чѣм
того требуютъ мѣстныя издержки производства тѣхъ же това
ровъ, ибо въ такомъ случаѣ мѣстный фабрикантъ наживалъ б
свой процентъ не изъ дѣла, а прямо изъ государственнаго по
становленія, и ему не нужно было бы заботиться объ улучшен
своего производства. Вообще говоря, таможенные тарифы не м

гутъ быть величинами постоянными: ихъ самая сущность тре-
буетъ, однако, чтобы они постоянно уменьшались, и, наконецъ,
подлежали полной отмѣнѣ, какъ этому учитъ примѣръ Англіи.

Относительно возможности образованія монополій въ эксплуа-
таціи желѣзныхъ дорогъ, водяныхъ сообщеній или обыкновен-
ныхъ дорогъ, а также почты и телеграфовъ, которые тоже оказы-
ваютъ важныя услуги торгу,—Маурусъ совѣтуетъ уничтожить
всѣ пошлины, препятствующія движенію товаровъ, и онъ хотѣлъ
бы, чтобъ государство само создавало желѣзныя дороги, почты и
телеграфы и устроивало ихъ какъ можно выгоднѣе для цѣлей
общественнаго благосостоянія, отдавало бы въ управленіе част-
нымъ людямъ, съ строгимъ соблюденіемъ общественныхъ интере-
совъ, за извѣстную арендную плату. Тогда, и только тогда исчез-
ли бы и всѣ обиды, чинимыя публикѣ желѣзнодорожными дѣя-
телями, и товары перевозились бы, какъ слѣдуетъ и не по вы-
сокой цѣнѣ. Теперь же желѣзная дорога составляетъ монополію,
ибо съ нею можетъ конкуррировать только желѣзная же дорога.
Въ Англіи монопольныя стремленія къ наживѣ доходили въ же-
лѣзнодорожныхъ компаніяхъ до того, что иныя изъ нихъ поку-
пали за дорогую цѣну конкуррировавшія съ ними вѣтви исклю-
чительно для того, чтобы прекратить по нимъ ѣзду, несмотря
на то, что движеніе по такимъ вѣтвямъ было полезно для всей
страны!

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ ограниченіи эксплуататор-
ской дѣятельности торговли. Что торговля способствуетъ развитію
производства—этого не допустить нельзя, но вмѣстѣ съ тѣмъ она
вліяетъ на счетъ производства, она отягощаетъ его и стѣсняетъ
его свободный ходъ. Люди идутъ въ торговлю изъ желанія бо-
гатства; за свою посредничествующую дѣятельность торговецъ же-
лаетъ не только получить отъ производителя и потребителя воз-
награжденіе за издержки и трудъ, употребленные имъ для до-
ставки товаровъ, но еще воспользоваться въ свою пользу ихъ
незнаніемъ и легковѣріемъ въ дѣлѣ потребленія и производства
ихъ взаимными нуждами. Но подобное отношеніе купца къ
фабриканту и потребителю отзывается на обществѣ повышеніемъ
цѣнъ на товары, и слѣдовательно, нельзя не желать, чтобы ку-
ческое посредничество принимало съ теченіемъ времени все
болѣе узкія границы. Въ этомъ отношеніи значительную помощь
могло бы оказать учрежденіе повсемѣстныхъ рынковъ для торгов-
ли съѣстными припасами, устройство постоянныхъ складочныхъ
мѣстъ товаровъ мѣстъ, а также выставки и базары для фабричныхъ
и ремесленныхъ произведеній въ мѣстностяхъ наибольшаго по-

требленія. Нужно уничтожить для этого всѣ привилегіи городскихъ рынковъ и всякія стѣсненія, какія налагаются въ иныхъ государствахъ общинами и даже самимъ правительствомъ на передвиженіе товаровъ.

Вся эта попытка Мауруса показать направленіе, по которому имѣетъ совершиться, быть можетъ въ отдаленномъ будущемъ, разрѣшеніе важнѣйшаго вопроса современнаго общества, — какъ мы видимъ, составлена имъ съ цѣлями чисто-научнаго характера, и потому она не настаиваетъ ни на какомъ немедленномъ практическомъ приложеніи. Маурусъ желаетъ пролить только новый свѣтъ на ту сферу человѣческой мысли, которая была запутана притязаніями «буржуазной» экономіи съ одной стороны, и съ другой—несбыточными мечтами соціалистовъ. Для введенія и упроченія своихъ реформъ, Маурусъ не придаетъ человѣку никакихъ сверхъестественныхъ добродѣтелей и правъ, но беретъ его такимъ, какимъ представляется онъ въ настоящей дѣйствительности. Современное государство, судя по нѣкоторымъ мѣрамъ, какъ мы видѣли, уже само выбивается тамъ-и-сямъ на ту дорогу, которую указываетъ и проводитъ нашъ авторъ въ полной системѣ и до послѣдняго конца. Маурусъ не даетъ также почти ни одного совѣта, который не оправдывался бы фактами современной жизни, какъ общественной, такъ и государственной. Наука ни въ чемъ не противорѣчитъ логическимъ выводамъ Мауруса, ни той искусной и проницательной критикѣ, которой онъ подвергъ оба донынѣ господствующихъ направленія въ политико-экономической литературѣ. Нашъ авторъ поступилъ также весьма благоразумно, формулировавъ свои преобразовательныя предложенія въ общихъ выраженіяхъ и предоставляя практическимъ законодателямъ осуществлять ихъ въ жизни наиболѣе удобоприложимымъ способомъ. Несомнѣнно, что въ разныхъ странахъ преобразовательныя реформы, въ смыслѣ ограниченія общественно-экономическихъ силъ, могутъ явиться не въ одномъ и томъ же видѣ, но во всякомъ случаѣ, когда законодательство принимается за разрѣшеніе вопроса объ обезпеченіи личнаго благосостоянія въ обществѣ, мы видимъ, что оно усиливается всегда избрать себѣ то направленіе, которое пролагаетъ Маурусъ въ самой наукѣ. Доказательствомъ тому служитъ, наприм., лѣсное хозяйство, горное, гдѣ правительства дѣйствуютъ весьма благодѣтельно, не допуская безконтрольнаго пользованія хотя бы и своею собственностью. Но все это—

отдѣльные, разсѣянные факты. Маурусъ возводитъ именно въ принципъ то, что уже началó высказываться въ самой практикѣ жизни—какъ голый фактъ. Такая научность метода въ трудѣ Мауруса, безъ всякихъ притязательныхъ требованій на полное и немедленное осуществленіе, составляетъ рѣдко встрѣчающееся достоинство; дѣйствительно, наука только указываетъ путь, но совершеніе самаго пути—это уже не ея дѣло. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ собственности, къ капиталу, какъ къ необходимымъ факторамъ жизни образованнаго общества, Маурусъ хочетъ придать имъ еще болѣе священное значеніе, ставя ихъ подъ контроль государства,—и тѣмъ самымъ онъ спасаетъ ихъ, съ одной стороны, отъ безусловной «свободы» собственности, проповѣдуемой «буржуазною» экономіею, и съ другой—отъ голаго отрицанія собственности и капитала въ теоріяхъ соціалистовъ.

Р—ъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1874.

Брачное торжество 11-го января. — Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія.—Призывъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія.—Адресъ московскаго дворянства и газетные толки.—Прошедшая судьба нашей народной школы и будущее ея развитіе.—Манифестъ о всеобщей воинской повинности.—Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.—Льготы и изъятія.—Очеркъ новаго устройства вооруженныхъ силъ.—Замѣтка по поводу вопроса о стипендіи баронета Вилліе.

11-го сего января было торжественно совершено бракосочетаніе Е. И. В. Великой Княжны Маріи Александровны съ Е. К. В. англійскимъ принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ. Съ обѣихъ сторонъ, и англійская, и наша печать также, поспѣшили, по поводу такого счастливаго событія, выразить какъ всеобщую симпатію къ августѣйшимъ новобрачнымъ, такъ и свои пожеланія, чтобы этотъ бракъ послужилъ символомъ союза двухъ націй; пусть звонъ свадебнаго колокола, по слову поэта—

Freude dieser Stadt bedeute,
F r i e d e sei ihr erst Geläute.

Около начала 1874 года сгруппировались весьма отрадныя и знаменательныя событія: изъ Высочайшаго рескрипта, 25 декабря, на имя министра народнаго просвѣщенія, мы усматриваемъ волю Государя, чтобы народныя училища получили „правильное устройство и развитіе, *сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ имперіи стремленіемъ къ образованію*“; манифестомъ 1 января обнародованъ уставъ о новой всесословной и общеобязательной воинской повинности, совмѣщенной съ охраною интеллектуальныхъ силъ страны; наконецъ, изъ опубликованной 8 января государственной росписи на 1874 годъ усматривается предположеніе о значительномъ уже превышеніи расходовъ доходами.

Изъ всѣхъ этихъ событій наиболѣе комментаріевъ вызвали въ
ществѣ не столько обнародованное положеніе о воинской повин-
сти, съ основаніями котораго оно уже заранѣе и постепенно
воилось, сколько именно указанія Высочайшаго рескрипта 25-го
кабря.

Въ государственной жизни, какъ бы ни были важны матеріаль-
е ея успѣхи, успѣхи нравственнаго развитія общества несравненно
ше и существеннѣе. А въ послѣднемъ рескриптѣ мы находимъ
редѣленіе нашего именно нравственнаго уровня, высказанное намъ
сшимъ авторитетомъ въ странѣ. Рескриптъ обращается собствен-
къ лицу министра народнаго просвѣщенія; но министерство на-
цнаго просвѣщенія и есть прежде всего то вѣдомство, въ рукахъ
ораго находится сильнѣйшее орудіе къ укорененію нравствен-
хъ началъ, а слѣдовательно, оно и несетъ прежде всѣхъ другихъ
вѣтственность предъ верховною властью.

Въ будущемъ году исполнится десять лѣтъ нынѣшнему мини-
рству народнаго просвѣщенія. Въ какомъ положеніи оно нашло
тояніе общественной нравственности при началѣ своей дѣятель-
ти? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ тотъ же высокій го-
ъ, которому мы внимали на-дняхъ.

По словамъ рескрипта 13-го мая, министерству народнаго про-
щенія приходилось въ началѣ своей дѣятельности „охранять
скій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которые
временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство,
ибы развитію ихъ не было постановлено преградъ". Съ того вре-
и прошло восемь лѣтъ. Въ эти восемь лѣтъ, какъ извѣстно, все
маніе министерства народнаго просвѣщенія было направлено на
тельный надзоръ: о возростаніи этой бдительности можно судить по
ому возростанію стоимости расхода на инспекцію; но къ великому и,
ъ сомнѣнія, всеобщему сожалѣнію, общественная нравственность не
лала большихъ успѣховъ за эти восемь лѣтъ. Настоящій рескриптъ
оритъ уже не объ однихъ зародышахъ зловредныхъ ученій, но и
ѣкоторыхъ попыткахъ къ нравственному растлѣнію народа. Мы,
ечно, утѣшаемъ себя мыслью, что такія попытки были единич-
и, безъ сомнѣнія, остались безплодными, по крайней мѣрѣ,
ъзя не пожелать имъ безплодія; но во всякомъ случаѣ западная
опа была бы неправа, еслибы поспѣшила заключить объ ослабленіи
ашемъ обществѣ гражданскихъ связей и основъ внутренняго по-
ка. Слова рескрипта свидѣтельствуютъ, конечно, только о чрез-
айной заботливости верховной власти — предупреждать всякое
какъ бы ни были ничтожны попытки къ тому, а также и о
ь, что мѣры, принимаемыя спеціальною администраціею въ тече-

нiи восьми лѣтъ, не принесли желаемаго результата: то, что́ было прежде въ зародышѣ, выросло до попытки.

Наша печать за все это время, довольно единодушно и на сколько то позволяли условія ея дѣятельности, свидѣтельствовала о томъ, что усиливаемая инспекція училищъ, при всѣхъ ея благих цѣляхъ, не можетъ достигнуть именно этихъ цѣлей; напротивъ, тре буя для себя значительныхъ средствъ, инспекція уменьшала эти сред ства у просвѣщенія, широкое распространеніе котораго и есть лучше огражденіе отъ всякихъ заблужденій. Высокое нравственное разви тіе западныхъ обществъ состоитъ, какъ извѣстно, не въ отсутстві заблужденій, а въ преобладаніи и широкомъ распространеніи самаг просвѣщенія въ общественныхъ массахъ. Положимъ, если инспекці сто́итъ полмилліона, то это значитъ, что на полмилліона уменьшен средства къ распространенію истиннаго просвѣщенія, и слѣдова тельно, конкурренція съ заблужденіями сдѣлалась затруднительнѣ на ту самую сумму, въ которую обошлась инспекція. Разумѣется печать въ своихъ выводахъ опиралась на общія начала; но вот теперь опытъ восьми лѣтъ, засвидѣтельствованный высшимъ автори тетомъ страны, показываетъ, что дорого стоющая административна инспекція не принесла желаемыхъ результатовъ, что настоящая сил министерства народнаго просвѣщенія, которою оно неотразимо могл бы поражать всякое заблужденіе, состоитъ въ распространеніи этог самаго просвѣщенія, и притомъ на всѣ тѣ средства, которыми он располагаетъ. Впрочемъ, верховная власть въ своей мудрости дав уже указала косвенно на несостоятельность административнаго на зора, и еще въ рескриптѣ 13-го мая мы читали: „Я имѣю тверду увѣренность, что видамъ Моимъ по этому важному предмету (по в просу о преуспѣяніи истиннаго просвѣщенія) будетъ оказано ре ностное содѣйствіе въ кругу *домашняго* воспитанія“. Очевидно, сам общество призывалось къ надзору и заботамъ о торжествѣ нра ственныхъ началъ. А каково это общество, мы видимъ опять из словъ того же самаго рескрипта, которыми предписывалось всѣмъ н чальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей „имѣть въ вид содѣйствіе тѣхъ другихъ здравыхъ, охранительныхъ и добронаде ныхъ силъ, которыми *Россія всегда была обильна и доселѣ, благода Бога, преизобилуетъ*“. Вотъ гдѣ указанъ настоящій и даровой оплот общественной нравственности; масса общества измѣняется въ своих качествахъ, и хорошихъ, и дурныхъ, весьма медленно, а потом справедливо можно заключить, что свидѣтельство о преизобилован добронадежныхъ силъ Россіи восемь лѣтъ тому назадъ продолжае имѣть прежнее значеніе и до настоящей минуты. Послѣдній р скриптъ развиваетъ еще подробнѣе вышесказанную мысль, такъ ка

имъ призываются къ поддерживанію и упроченію истиннаго про-
свѣщенія *„всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны“*, а не одно только
уховенство. Особенно указывается затѣмъ пещись о томъ же русскому
ворянству, „всегда служившему примѣромъ доблести и преданно-
ти гражданскому долгу. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать
а стражѣ народной школы“. Не предрѣшая практическихъ подробно-
тей приведенія такой воли въ исполненіе, верховная власть ограни-
ивается повелѣніемъ министру народнаго просвѣщенія, по соглаше-
ію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, „обратиться къ мѣстнымъ пред-
одителямъ дворянства, дабы они въ званіи попечителей училищъ въ
хъ губерніяхъ и уѣздахъ, и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ
редоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали бли-
айшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направле-
ія этихъ школъ, *а также ихъ благоустройству и размноженію*“.

Въ виду заявленія такихъ высокихъ мыслей, и печати, и обще-
ву оставалось только пожелать, чтобы при приведеніи ихъ въ
йствительность всѣ были проникнуты ими до конца, имѣя по-
оянно въ виду первыя слова рескрипта: „Я обращаю особенное
ое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ дви-
ущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ
новъ, на которыхъ зиждутся государства“. Излишне было бы при-
влять что-нибудь къ такимъ словамъ, которыя должны служить
визомъ всѣхъ друзей народнаго просвѣщенія; въ обществѣ и въ
чати могутъ только расходиться въ мнѣніяхъ и гаданіяхъ отно-
тельно дальнѣйшаго развитія на практикѣ, какое могутъ получить
ослѣдствіи тѣ высокія предначертанія. На этомъ остановимся и мы.

Въ обществѣ иные интересовались прежде всего совпаденіемъ
скрипта съ манифестомъ о воинской повинности. Разсуждали
къ, что дворянство, утрачивая послѣднюю изъ своихъ важныхъ
ивилегій — а именно, свободу отъ воинской службы, въ то
время удостоилось знака особаго довѣрія, и отсюда легко было
рейти къ заключенію, что новое призваніе дворянства къ заботамъ
просвѣщеніи есть будто бы сословная привилегія. Намъ кажется,
хронологическое совпаденіе рескрипта 25-го декабря съ манифе-
мъ 1-го января само по себѣ не могло имѣть такого особеннаго
ченія. Установленіе общеобязательности воинской повинности на
явленныхъ началахъ должно само по себѣ оказать весьма сильное
яніе на народную школу; но точки соприкосновенія ея съ военной
формой лежатъ въ массѣ народа, а не въ дворянствѣ. Не на немъ
жется образовательное вліяніе военной реформы, и призывъ дво-
ства къ участію въ попеченіи о народной школѣ не имѣетъ, по
дности дѣла, ничего общаго съ обязанностью дворянъ отбывать

воинскую повинность. Мы не допускаемъ и мысли, чтобы дворянству требовалось какое-либо вознагражденіе за призывъ въ ряды для участія въ защитѣ государства, и во всякомъ случаѣ было бы непонятно, какимъ образомъ призывъ къ попеченію о народной школѣ могъ бы служить дворянству такимъ вознагражденіемъ.

Въ другихъ кружкáхъ высказывалось по этому же поводу еще и такая мысль, что права, какія, согласно указанію рескрипта 25-го декабря, будутъ предоставлены представителямъ дворянскаго сословія по обезпеченію нравственнаго направленія начальныхъ училищъ, благоустройству и размноженію ихъ, служатъ только „первымъ шагомъ“ къ предоставленію этому сословію совершенно новыхъ правъ и новой дѣятельности въ государствѣ. Мысль эта нашла нѣкоторый откликъ и въ адресѣ московскаго дворянства, гдѣ говорится, между прочимъ, что „призывомъ русскаго дворянства къ участію въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, одновременно полагается и *начало* обновленію самаго учрежденія о дворянствѣ“. Тамъ же, въ Москвѣ, въ печати, мысль эта была заявлена болѣе общимъ, но болѣе рельефнымъ образомъ: „опытъ преобразованій“, сказали „Московскія Вѣдомости“, „доказываетъ все болѣе и болѣе необходимость той службы въ государственной жизни, которую несло дворянство, и въ мысли правящей судьбами нашего отечества, значеніе его не умалилось, ему въ обновленной Россіи предстоитъ новая дѣятельность...“ Мы вполнѣ сочувствуемъ благородному побужденію, внушившему московскому дворянству его адресъ, умѣемъ цѣнить выражаемую имъ готовность служить дѣлу народнаго образованія, и можемъ напомнить о томъ, чего, конечно, не имѣло нужды напоминать московское дворянство, а именно, что и доселѣ единственная, сколько-нибудь значительная, частная иниціатива въ дѣлѣ учрежденія учебныхъ заведеній принадлежала лицамъ дворянскаго сословія. Купеческое сословіе всегда предпочитало давать своимъ пожертвованіямъ иное назначеніе, но дворянами учреждены многія высшія и среднія учебныя заведенія, даже ученыя учрежденія. Сверхъ того, въ самомъ земствѣ, въ то время, когда крестьяне еще недостаточно сознавали потребность въ школѣ, дѣятельнымъ элементомъ по устройству народныхъ школъ являлось дворянство же. Легко указать въ земствѣ на нѣсколько именъ лицъ, которыя посвятили всѣ свои усилія служенію дѣлу народной школы и крестьянскаго кредита, и эти имена принадлежатъ дворянамъ.

Но, отдавая полную справедливость заслугамъ нашего дворянства въ этомъ отношеніи, мы все-таки не можемъ уяснить себѣ, что должно разумѣть подъ высказываемымъ ожиданіемъ, что призывомъ дворянства къ участію въ дѣлѣ образованія „одновременно полагается и начало обновленію самого *учрежденія о дворянствѣ?*“

вполнѣ ясна также ссылка по поводу народной школы въ москов-
скомъ адресѣ на „дарованное дворянству грамотою Екатерины II-й
значеніе, которое дворянство ставитъ выше всего“. Изъ сопостав-
ленія приведенныхъ двухъ мѣстъ легко могутъ выводиться пред-
положенія, будто дворянство всего болѣе дорожитъ именно сво-
имъ положеніемъ и своими правами, какъ сословія, и видитъ въ
призывѣ къ участію въ дѣлѣ школы первый шагъ такихъ новыхъ
сословныхъ правъ, которыя сдѣлали бы изъ него мѣстное государ-
ственное учрежденіе. Такія предположенія, пожалуй, будутъ строить
на адресѣ, но это было бы, конечно, добровольнымъ заблужденіемъ.
Адресъ есть отвѣтъ на высочайшій рескриптъ, отвѣтъ, выражающій
готовность слѣдовать призыву къ участію въ дѣлѣ народной школы.
Адресъ, благосклонно принятый верховной властью, не могъ быть
составленъ и не долженъ быть разумѣемъ иначе, какъ въ точномъ
смыслѣ рескрипта, которому онъ служилъ отзывомъ. А въ рескриптѣ
дворянство призывается къ участію въ дѣлѣ школы вовсе не на
основаніи сословныхъ правъ, не въ качествѣ дворянскаго „учрежде-
нія“; тамъ весьма ясно и положительно сказано, что дѣлу благо-
устройства народной школы должны служить „всѣ просвѣщеннѣйшіе
люди страны“ и затѣмъ призывъ обращается, „по преимуществу“, къ
дворянству, „всегда служившему примѣромъ доблести и преданности
гражданскому долгу“. Итакъ, рескриптомъ 25-го декабря прямо и
исключительно указывается на умственное и нравственное значе-
ніе дворянства, въ силу котораго и обращается къ нему призывъ, а
не на значеніе, дарованное ему грамотою Екатерины II-й. Призывъ
обращенъ къ дворянству, какъ къ классу „просвѣщеннѣйшихъ людей“
въ государствѣ, а не какъ къ учрежденію, не какъ къ сословію, на-
дѣленному привилегіями въ силу грамоты Екатерины и учрежденія
ея о губерніяхъ. Того высокаго значенія, въ силу котораго рескриптъ
обращается къ дворянству, ему не могла даровать никакая грамота,
потому что никакая грамота не могла дать классу людей свойство
просвѣщеннѣйшаго, не могла сдѣлать его примѣромъ доблести и
преданности гражданскому долгу. Рескриптъ 25-го декабря, въ своемъ
обращеніи къ дворянству, сходится не съ дворянскою грамотою Ека-
терины II-й, а съ указами Петра Великаго, который призывалъ дво-
янъ на *службу* государству, просто какъ передовой классъ, и хо-
тѣлъ создать изъ него первый умственный элементъ для просвѣще-
нія Россіи въ европейскомъ смыслѣ. Намъ кажется, едва-ли и нынѣш-
ній рескриптъ допускаетъ иное толкованіе, внѣ этого прямого и со-
вершенно яснаго его смысла.

Правда, рескриптъ, объявляя объ имѣющихъ быть изданными по-
становленіяхъ, которыми опредѣлится форма участія дворянства въ

управленіи народными школами и ихъ размноженіи, указываетъ органомъ дворянства въ исполненіи этой обязанности—предводителей дворянства, которымъ дано будетъ званіе попечителей начальныхъ училищъ. Но это не измѣняетъ смысла призыва, обращеннаго къ дворянству. Само собою разумѣется, что участіе его въ дѣлѣ школы должно было выразиться посредствомъ оффиціально-признанныхъ его органовъ. Какимъ же другимъ образомъ дворянству могло бы быть фактически предоставлено наблюденіе за школами, если не въ лицѣ его представителей? Но основная мысль рескрипта тѣмъ не менѣе ясна: дворянство призывается къ этому дѣлу не въ качествѣ политическаго сословнаго элемента, но въ качествѣ просвѣщеннаго класса, въ качествѣ наиболѣе интеллигентной части *общества*. Смотрѣть на рескриптъ, какъ на „первый шагъ“ къ предоставленію дворянству значенія сословно-политическаго элемента въ государствѣ, было бы ошибочно.

Для осуществленія подобной мысли нѣтъ данныхъ и въ самой русской дѣйствительности. Политическіе элементы, какъ извѣстно, не создаются законоположеніемъ: они являются дѣйствительными элементами народной жизни, живыми организмами, произведенными исторіею. Этой истины не могутъ отрицать и тѣ изъ нашихъ консерваторовъ, которыхъ соблазняетъ мысль о предоставленіи дворянству крупной сословной роли, быть можетъ и преобладанія въ государствѣ. Они не могутъ отрицать того положенія, которое именно для консерваторовъ священно и совершенно обязательно,—положенія, что историческій складъ общества не долженъ быть насилуемъ законодательствомъ, что законодательство должно только служить отраженіемъ исторически-бытовыхъ условій, и потому оно не можетъ, съ надеждою на какую-либо прочность, предпринимать общественную передѣлку, создавать въ силу предвзятой теоріи порядокъ, для котораго нѣтъ историческихъ основъ. Слишкомъ долго и слишкомъ единогласно всѣ консерваторы называли противоположный взглядъ—принципомъ революціоннымъ, чтобы нынѣ они могли доказывать возможность внезапнаго созданія въ Россіи сословно-политической силы дворянства. Тамъ, гдѣ дворянство на самомъ дѣлѣ, по исторической судьбѣ, являлось такою силой въ прежнія времена, оно могло еще сохранить и доселѣ нѣкоторые остатки такого значенія. Но тамъ, гдѣ, какъ въ Россіи, дворянство такого значенія и въ прежнія времена не имѣло, оно не можетъ получить его искусственнымъ образомъ и въ наше время. Провозвѣстники „дворянской идеи“ въ этомъ смыслѣ у насъ обыкновенно указываютъ на Англію и Пруссію. Но parva componere magnis—позволительно только до извѣстной степени, за которою такое сопоставленіе становится уже абсурдомъ. Роль дворянства, какъ феодальныхъ бароновъ въ Англіи, а въ особенности, какъ пэровъ

членовъ общинъ британскаго государства, не можетъ уже ни въ какой, хотя бы отдаленнѣйшей мѣрѣ, быть сопоставлена съ привилегіями жалованной дворянству Екатериною II-ю грамоты. Что касается Пруссіи, то она была рыцарскою общиною, прежде чѣмъ сдѣлалась государствомъ. Между тѣмъ, политическая жизнь постоянно и довольно быстро демократизируется въ самой Англіи, а въ Пруссіи въ новѣйшее время упало и политическое значеніе дворянства, и преобладаніе его въ мѣстномъ управленіи. Какимъ же образомъ мы пойдемъ назадъ, къ такому идеалу, который въ Россіи, вдобавокъ, никогда и не существовалъ.

Русское дворянство создалось главнымъ образомъ государственною *службою*, не исключая и родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Рюрика, такъ какъ знатность въ Московскомъ царствѣ сообщалась и поддерживалась только службою, и внѣ ея древнѣйшіе роды „худѣли“ и исчезали. Дворянство въ смыслѣ наслѣдственнаго землевладѣльческаго класса никогда не имѣло и не имѣетъ у насъ устойчивости. Чрезъ каждыя два, много три, поколѣнія, все землевладѣніе у насъ, за немногими исключеніями, переходило въ другія руки, и дворянство—если его разумѣть въ связи съ понятіемъ о землѣ—наростало у насъ вновое. При отсутствіи майората, какъ общаго условія, и при легкости пріобрѣтенія дворянскихъ правъ службою, и не могло быть иначе. Правда, пріобрѣтеніе дворянства службою теперь, сравнительно съ прежними временами, значительно ограничено. Но за то-же, съ перемѣною крѣпостного права, право землевладѣнія стало общимъ достояніемъ всѣхъ сословій. Право владѣть „населенною землею“, крѣпостное право, и было единственною политическою чертою въ значеніи нашего дворянства. При немъ могло еще, до нѣкоторой степени, быть реально понятіе о правительствѣ, управляющемъ судьбою государства, и о дворянствѣ, управлявшемъ судьбою если не всего народа, то значительной его части. Это право исчезло—и соотвѣтствовавшее ему понятіе не имѣетъ болѣе ни одного реальнаго для себя условія.

Предположимъ, что для русскаго дворянства—въ качествѣ землевладѣнія—придуманъ кругъ власти въ мѣстномъ управленіи. Но вѣдь личный составъ нашего землевладѣнія, безпрестанно мѣняясь, безпрестанно обновляясь, вовсе не соотвѣтствовалъ бы тому дворянскому идеалу, въ силу котораго ему предоставлялась бы подобная роль: ни прочной наслѣдственной связи съ мѣстностью, ни традицій, ни испытанной доблести и преданности гражданскому долгу не было и возможности считать характеристическими, неотъемлемыми чертами наличнаго въ данный моментъ класса землевладѣльцевъ, въ которомъ представители древнихъ, мѣстныхъ дворянскихъ родовъ составляли бы меньшинство, а большинство представлялось бы купив-

шими землю недавно капиталистами, торговцами, разбогатѣвшими чиновниками, техниками, удачными спекулянтами. *Дворянское* землевладѣніе непремѣнно предполагаетъ ограниченіе права владѣть землею (поземельные законы въ Англіи, Rittergüter въ Пруссіи, населенныя крѣпостными имѣнія прежде, въ Россіи,—все элементы или уже исчезнувшіе или близкіе повсюду къ утратѣ своихъ жизненныхъ условій). Ограничить право владѣть землею въ Россіи—невозможно: послѣдствіемъ его было бы неизбѣжное и быстрое разореніе всего землевладѣнія. Достаточно было ограничить право пріобрѣтенія земли (воспрещеніемъ лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать ее), для того, чтобы въ Ковенской губерніи, напр., покупная цѣна имѣній, доходившая 10—15 лѣтъ тому назадъ отъ 40 до 100 рублей за десятину, понизилась до 15—40 рублей (труды Коммиссіи Сельскаго Хоз. Прилож. II, Отд. IV, стр. 3). Безъ ограниченія же этого права, землевладѣніе въ Россіи, какъ во Франціи, будетъ представлять просто капиталъ, то-есть, нѣчто по сущности своей весьма подвижное, вѣчно переходящее изъ руки въ руки. Понятіе о недвижимомъ владѣніи представляется весьма условнымъ, когда оно зависитъ исключительно отъ понятія прямо противоположнаго, понятія о движимой цѣнности, о капиталѣ. А между тѣмъ, всѣ условія сельскаго хозяйства въ Россіи именно таковы, что землевладѣніе становится и будетъ становиться все въ бо́льшую зависимость отъ наличнаго, оборотнаго капитала. Имѣнія будутъ переходить въ руки капиталистовъ, какого бы происхожденія капиталисты не были.

Вотъ почему намъ кажется, что люди говорящіе у насъ о дворянствѣ съ его умственнымъ развитіемъ и его традиціями — и о землевладѣніи съ его реальными условіями, смѣшивая оба эти понятія или представляя одно какъ бы присущимъ другому, впадаютъ въ добровольное заблужденіе. Конечно, нѣтъ матеріальной невозможности предоставить закономъ хотя бы обширный кругъ административныхъ правъ — землевладѣнію. Но трудно будетъ оправдывать это высокими нравственными свойствами, приписываемыми дворянству. Промышленникъ, который купилъ имѣніе собственно съ цѣлью срубить и распродать его лѣса, а черезъ нѣсколько лѣтъ продать самое имѣніе, воспользуется, пока будетъ владѣть ими, всѣми предполагаемыми правами землевладѣльческаго сословія. Но въ какой мѣрѣ интересъ мѣстности будетъ солидаренъ съ его личнымъ интересомъ, въ какой мѣрѣ онъ представитъ собою „охранительный элементъ“, не говоря уже о его традиціяхъ и преданности гражданскому долгу—слишкомъ ясно. Несомнѣнно, что доселѣ весьма значительное число дворянъ оставалось землевладѣльцами по неволѣ, то-есть потому собственно, что имъ не предлагалось сколько нибудь выгодной цѣны за ихъ имѣнія. Много ли въ Россіи, однако, такихъ им

ній, которыя не находятся постоянно на рынкѣ? За весьма немно-
гими исключеніями, каждое изъ нихъ можетъ быть тотчасъ куплено,
если дать за него хорошую цѣну. Землевладѣніе въ Россіи и теперь
уже представляетъ довольно пестрое общество, въ которомъ ста-
ринный мѣстный элементъ слабъ и постепенно все слабѣетъ. Но
громадное накопленіе бумажныхъ цѣнностей всякаго рода и другія
экономическія причины будутъ постоянно усиливать разнохаракте-
рность землевладѣльческаго сословія. Съ одной стороны, прогрессив-
ное и быстрое вздорожаніе труда сдѣлаетъ совершенно невозмож-
нымъ веденіе сельскаго хазяйства безъ перемѣны системы и спосо-
бовъ культуры, т.-е., безъ оборотнаго капитала; съ другой стороны,
вздорожаніе земли, замѣчаемое уже и нынѣ, дастъ дворянамъ зем-
левладѣльцамъ возможность выгодно отдѣлаться отъ ихъ имѣній.

Однимъ словомъ, будущность русскаго землевладѣнія, неизбѣжно
принадлежитъ не дворянамъ, а капиталистамъ. Но безъ умственныхъ и
нравственныхъ свойствъ, приписываемыхъ справедливо дворянству, и
которыя если принадлежатъ ему, то должны принадлежать дворянину
независимо отъ того, владѣетъ ли онъ землею или нѣтъ—безъ этихъ
свойствъ, говоримъ мы, и безъ устойчивости, чѣмъ же можетъ ре-
комендовать себя землевладѣніе къ полученію особыхъ въ государ-
ствѣ правъ, особой роли въ мѣстной администраціи и особаго, при-
знаннаго законами вліянія, болѣе чѣмъ вообще капиталъ во всякой
его формѣ? Почему лѣсопромышленникъ, аптекарь, содержатель кас-
сы ссудъ, если они пріобрѣтутъ имѣнія—какъ то нерѣдко случается
нынѣ и все чаще должно случаться впредь,—должны получать бо́ль-
шія права, пользоваться бо́льшимъ авторитетомъ въ государствѣ,
чѣмъ въ то время, когда капиталъ ихъ представлялся не количе-
ствомъ десятинъ, но дровянымъ дворомъ, аптекою и ссудною кон-
торой? Неужели на покупныя деньги, данныя за имѣніе, они вмѣстѣ
съ владѣнной записью пріобрѣтутъ „охранительныя“ свойства?

Разсуждая такимъ образомъ, мы должны были становиться на
точку зрѣнія, признающую нравственныя преимущества дворянскаго
сословія. Намъ достаточно было показать, что и принявъ ее, невоз-
можно ожидать созданія въ Россіи дворянства въ смыслѣ сословно-
политической силы въ государствѣ. Надѣлить особыми политиче-
скими правами, по участію въ мѣстномъ управленіи, многочисленный
классъ, представляющій наличность русскаго дворянства, нѣтъ воз-
можности. Надѣлить же такими правами землевладѣніе—не значитъ на-
дѣлить ими дворянство и не значитъ создавать прочную, наслѣдствен-
ную, сословную силу, живущую однимъ духомъ, потому что сословіе
владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ Россіи въ недалекомъ бу-
дущемъ будетъ столь же однородно, какъ сословіе владѣльцевъ не-
движимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, то-есть, домовладѣльцевъ

Справедливо, что и у владѣльцевъ петербургскихъ домовъ есть свои общіе интересы матеріальные. Но можно ли признать совокупность этихъ владѣльцевъ сословіемъ въ смыслѣ живого, прочнаго организма, имѣющаго нравственную связь, соединеннаго однимъ духомъ, имѣющаго свою нравственную физіономію, короче—соединяющаго тѣ именно свойства, безъ которыхъ немыслимъ какой-либо политическій авторитетъ?

Или предполагаютъ, что возможно будетъ устроить двоякое землевладѣніе—землевладѣніе дворянское, участвующее въ мѣстномъ управленіи, и землевладѣніе не-дворянское, лишенное такого участія? Но въ такомъ случаѣ, пусть уже не ссылаются на Англію, въ которой не только нѣтъ слѣдовъ подобнаго разграниченія, но и само дворянство не ограничено отъ прочихъ сословій никакимъ оффиціальнымъ удостовѣреніемъ о благородствѣ происхожденія. Это уже значило бы создавать въ Россіи нѣсколько искаженное подражаніе тѣмъ самымъ Rittergüter, которыя теперь и въ Пруссіи утратили свои исключительныя права по мѣстному управленію. Если для участія въ мѣстномъ управленіи будутъ требоваться два условія: во-первыхъ, земельный цензъ, во-вторыхъ, дворянское происхожденіе, то это будетъ нѣчто совершенно оригинальное, нигдѣ несуществующее и противорѣчащее всякой справедливости. Неужели же владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, если онъ не дворянинъ, можетъ быть лишенъ участія въ мѣстномъ управленіи, какое получитъ дворянинъ, владѣющій сотнями десятинъ? Исходъ изъ всей этой путаницы—одинъ, и этотъ исходъ въ Россіи уже найденъ: землевладѣніе, какъ фактъ, основанный на капиталѣ, можетъ представлять только экономическій, но не нравственный элементъ, и вотъ ему, на ряду съ прочими экономическими элементами, отведено уже подобающее и весьма значительное мѣсто въ кругу мѣстнаго управленія—въ земскихъ учрежденіяхъ. Нѣтъ никакого основанія создавать капиталу, представляемому землевладѣніемъ, какое либо положеніе внѣ этихъ учрежденій, и предоставленіе ему такого отдѣльнаго положенія было бы дѣломъ искусственнымъ, несоотвѣтствующимъ русской жизни. Отдѣльное положеніе все-таки не дало бы нашему разнохарактерному, безпрерывно обновляющемуся зевлевладѣнію ни общаго духа, нн солидарности, ни устойчивости, ни нравственнаго авторитета, ни охранительныхъ свойствъ, которыя, какъ свойства нравственныя, не могутъ пріобрѣтаться одной покупкой земли.

Что касается дворянства вообще, независимо отъ факта владѣнія или невладѣнія землею, мы не можемъ не признать, что говоря вообще, дворянскій классъ—самый образованный классъ въ Россіи, прибавимъ, единственный, который хоть сколько-нибудь могъ усвоить себѣ наслѣдственно привычку понимать свои права. Мы готовы

огласиться, что русская печать сдѣлала не мало ошибокъ въ своемъ тношеніи къ дворянству, которое въ Россіи совсѣмъ не заражено ѣмъ духомъ исключительности и наклонности къ реакціи, какимъ но отличается въ Пруссіи. Но хорошія свои свойства русское дво-янство сохранитъ независимо отъ всякаго привилегированнаго по-оженія, да притомъ, какое же привилегированное положеніе можно ать столь многочисленному классу? Объ этомъ не думаютъ и сами ровозвѣстники „дворянской идеи“. Они когда говорятъ о дворян-твѣ и его нравственныхъ свойствахъ, то разумѣютъ собственно емлевладѣніе. А землевладѣніе, въ Россіи открытое для всѣхъ, какъ сѣ прочіе промыслы, и одинаково неустойчивое, можетъ и не имѣть акихъ нравственныхъ свойствъ.

Предшествующія соображенія имѣли цѣлью одно: выяснить, что въ ескриптѣ 25 декабря нѣтъ возможности видѣть „перваго шага“ ъ такъ-называемому „обновленію дворянскаго учрежденія“, къ пре-оставленію дворянству роли сословно-политической силы, кото-ая не можетъ быть создана закономъ, когда не существуетъ въ йствительной жизни. Призывъ къ попеченію о народной школѣ бращенъ къ дворянству прямо, какъ къ просвѣщеннѣйшему классу, если при этомъ органами дворянства избраны сословные его пред-авители, то иначе и быть не могло, и это все-таки не значитъ, о школа поручается опекѣ землевладѣнія; дворянство призывается ней только какъ просвѣщеннѣйшая часть общества. Изъ этого ага логически не вытекаетъ потребности никакихъ иныхъ шаговъ. цно дѣло призвать образованное меньшинство, хотя бы въ лицѣ ного сословія, къ попеченію о школѣ, и совершенно иное дѣло— ть меньшинству, одному сословію, преобладаніе въ управленіи эко-мическими и адиинистративными интересами всего народа. Пред-дители дворянства могутъ быть попечителями народныхъ школъ зъ нарушенія чьихъ либо интересовъ, какъ и доселѣ почетные отрители или попечители училищъ разныхъ степеней были, по-льшей части, именно дворяне. Но они не должны и — насколько мъ извѣстенъ характеръ русскаго дворянства—не будутъ считать бя при отправленіи этой обязанности представителями интересовъ ного сословія, но будутъ смотрѣть на себя, какъ на органы всего асса просвѣщенныхъ людей, что́ и будетъ вполнѣ согласно съ чнымъ смысломъ рескрипта 25-го декабря.

Исторія народной школы въ Россіи въ теченіи послѣднихъ лѣтъ -ти представляетъ пока скорѣе исторію различныхъ „направленій“, едложенныхъ для школы, чѣмъ исторію фактическую. Для того обы опредѣлить значеніе нынѣшняго предначертанія о передачѣ ижайшаго участія въ направленіи и самомъ устройствѣ народной

школы обществу, въ лицѣ предводителей дворянства, необходимо поставить его въ связь съ прошедшимъ.

Министерство народнаго просвѣщенія въ 1861 году вносило въ государственный совѣтъ предположеніе о томъ, чтобы все дѣло начальнаго образованія, всѣ народныя школы совершенно изъять изъ вѣдомства этого министерства и передать синоду, такъ чтобы наблюденіе за народными школами и самое преподаваніе въ нихъ принадлежали исключительно духовенству. Впослѣдствіи, другой министръ народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій, высказывалъ мнѣніе, чтобы въ надзорѣ за народнымъ образованіемъ приняло дѣятельное участіе само общество, доказывая, что при устраненіи отъ нихъ общества, нельзя ожидать, чтобы оно дѣлало значительныя затраты на ихъ содержаніе, а у правительства не можетъ быть ни достаточно средствъ для содержанія ихъ, ни достаточно надежныхъ лицъ для односторонняго за ними наблюденія. Хотя предположеніе предшественника Е. П. Ковалевскаго о передачѣ всѣхъ народныхъ школъ духовенству и не прошло, но судьба ихъ оставалась еще нерѣшенною. Бывшій предсѣдатель государственнаго совѣта, графъ Блудовъ, высказывалъ мысль, что духовенство можетъ дать народнымъ школамъ 35 тысячъ учителей, что лучшими наставниками для народныхъ школъ могутъ быть духовные семинаристы, въ ожиданіи священническихъ мѣстъ, и что всѣ суммы, какія правительство можетъ назначить на дѣло начальнаго образованія, лучше всего обратить на добавочное содержаніе духовенству за труды его по народнымъ школамъ. Посмертная записка гр. Блудова, составленная въ такомъ смыслѣ, читалась въ государственномъ совѣтѣ не за-долго до внесенія въ это собраніе проекта положенія о начальныхъ училищахъ, составленнаго преемникомъ Е. П. Ковалевскаго въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинымъ. Положеніе это подчиняло всѣ народныя школы министерству народнаго просвѣщенія; для наблюденія и попечительства надъ ними учреждались училищные совѣты губернскіе и уѣздные, изъ членовъ отъ министерства просвѣщенія и выборныхъ членовъ отъ земства. Но сообразно требованіямъ того времени, въ составъ этихъ училищныхъ совѣтовъ вошли еще члены отъ духовнаго вѣдомства и отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; самое предсѣдательство въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ предоставлено было архіерею. Положеніе это было утверждено. Вслѣдъ затѣмъ, тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія, справедливо полагая, что одно устройство наблюденія за народными школами въ такой странѣ, гдѣ прежде всего мало самыхъ школъ и вовсе нѣтъ удовлетворительныхъ для нихъ учителей еще не разрѣшаетъ вопроса о народномъ образованіи, составил

ыредположеніе объ учрежденіи свѣтскихъ учительскихъ семинарій на
счетъ государства, для приготовленія народныхъ учителей.

Такимъ образомъ, дѣло, казалось, было поставлено, наконецъ, на
рямой путь и требовало только поддержанія. Но въ 1866 году, за
новой перемѣной въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣ-
щенія, внезапно перемѣнились и всѣ взгляды на вопросъ. Новое ми-
нистерство усвоило себѣ такое воззрѣніе, что учреждать учитель-
скихъ семинарій не нужно, что въ Россіи въ нихъ не чувствуется
надобности, что наше духовенство само способно дать народному
образованію нравственно-религіозное направленіе, что учить въ шко-
лахъ должны духовныя лица и неимѣющіе мѣста семинаристы, по-
лучая за то вознагражденіе. Въ этихъ видахъ, въ духовныхъ семи-
наріяхъ предположено было ввести преподаваніе педагогики. Что ка-
сается надзора за народными школами, то новое министерство про-
свѣщенія не думало упускать его изъ своихъ рукъ, но зато, мало по
малу, начиная съ 1869 года, когда была учреждена должность гу-
бернскихъ инспекторовъ народныхъ училищъ, состоящихъ членами
губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, но непосредственно подчинен-
ныхъ попечителю, а чрезъ него—министру, стало оказывать пред-
почтеніе чисто административному, централизованному надзору за
народными школами, предъ содѣйствіемъ этому дѣлу общества въ
лицѣ училищныхъ совѣтовъ, съ ихъ земскими членами. Въ положе-
ніи 1871 года о городскихъ училищахъ ни земству, ни городскимъ
обществамъ не было предоставлено никакого участія въ наблюденіи
за ними, несмотря на то, что высказывалось ожиданіе матеріальнаго
содѣйствія и городскихъ обществъ, и земства къ учрежденію такихъ
училищъ. „Журналъ Министерства Нар. Просв.“ сталъ прямо вы-
сказывать неудовлетворительность училищныхъ совѣтовъ и необхо-
димость сосредоточить наблюденіе за народными школами прямо въ
рукахъ инспекторовъ министерства.

Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ министерствомъ проектъ,
внесенный въ государственный совѣтъ въ концѣ 1872 года. Въ этомъ
проектѣ предполагалось учредить обширное чисто административное
наблюденіе за школами, съ учрежденіемъ директоровъ народныхъ
школъ въ губерніяхъ и инспекторовъ въ ихъ уѣздахъ, при значи-
тельныхъ окладахъ содержаніе. Училищные совѣты уже предполо-
жено было подчинить этимъ директорамъ и инспекторамъ, прямо
подвѣдомственнымъ попечителю; имъ поручалось предсѣдательство
въ училищныхъ совѣтахъ, которые, для виду сохраняемые, обраща-
лись въ сущности въ совѣты инспекторовъ. Министерство высказы-
вало при этомъ мысль, что для удовлетворительнаго устройства та-
кого надзора необходимо было бы отпускать изъ государственнаго
казначейства до 800 т. рублей въ годъ, и только въ виду финансо-

выхъ соображеній соглашалось ограничиться назначеніемъ на инспекцію вновь около 300 т. р., вдобавокъ къ нынѣ отпускаемымъ 68 т. р., и предполагало усилить инспекцію новыми 142 чиновниками.

Проектъ этотъ и доселѣ не былъ взятъ назадъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а напротивъ, въ финансовую смѣту на 1874 годъ имъ включено было на народныя училища 1,098,701 рубль, въ каковой суммѣ почти все превышеніе противъ прошлаго года, составляющее 337,464 рублей, представляло именно новое пожертвованіе, требуемое отъ государственнаго казначейства на усиленіе инспекціи народныхъ училищъ: вновь прибавлены два инспектора по дерптскому округу, а сверхъ ихъ окладовъ, почти вся остальная сумма, болѣе 300 т. р., представляетъ расходъ на содержаніе предположенныхъ министерствомъ къ учрежденію дирекцій народныхъ училищъ.

Что касается возможности обойтись для преподаванія въ народныхъ училищахъ духовными семинаристами, чающими мѣстъ, то въ этомъ отношеніи можно было думать, что министерство впослѣдствіи отреклось отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, такъ какъ оно въ 1871 году обратилось къ учрежденію учительскихъ институтовъ, по одному на каждый учебный округъ, и такимъ образомъ стало осуществлять мысль прежняго министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи учительскихъ семинарій. По этому предмету мы встрѣтили, однако, свѣжій фактъ довольно загадочнаго свойства. Извѣстно, что одна московская газета всегда по меньшей мѣрѣ *знаетъ* впередъ предположенія министерства просвѣщенія. И вотъ въ ней, въ этой газетѣ мы нашли въ статьѣ по поводу рескрипта 25 декабря, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя строки:

„Одною изъ главныхъ задачъ, при дальнѣйшемъ развитіи нашей народной школы должно быть приведеніе ея въ болѣе плодотворную *связь съ церковными учрежденіями*, чему уже и положено начало послѣдними реформами по духовному вѣдомству. Наиболѣе призванными наставниками народной школы должны считаться молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и готовые принять священство, но обязанные ждать возраста, требуемаго канономъ, котораго дѣйствіе возобновлено у насъ въ послѣднее время. Веденіе школы есть лучшее приготовленіе къ священству, и лицамъ, предназначающимъ себя къ оному, могло бы быть поставлено въ обязанность, не безъ пользы для нихъ и съ великою пользою для народнаго просвѣщенія, предварительное служеніе на учебномъ поприщѣ. Такъ-называемыя учительскія семинаріи, долженствующія спеціально готовить учителей для народныхъ школъ, составляютъ въ настоящее время неоспоримую потребность, въ виду множества безпрерывно возникающихъ народныхъ училищъ; но намъ кажется, что главный запасъ учительскихъ силъ для народныхъ школъ должно доставлять духовенство, и что всякое распоряженіе, которое поощритъ и побудитъ людей церкви къ этого рода дѣятельности, было бы полезнѣе, чѣмъ размноженіе, свыше надобности (!?) особыхъ, не находящихся въ связи съ церковью учительскихъ семинарій, и что значительныя суммы, которыя требуются на содержаніе этихъ учительскихъ семинарій тратились бы съ большею пользою на улучшеніе быта сельскихъ учителей, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и ожидающихъ очереди священства.

„Но каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы нашей народной школы, какъ бы въ послѣдствіи ни установилась связь ея съ церковію, народная школа все-таки станется дѣломъ свѣтскаго управленія, въ настоящее же время“ и т. д.

Читатели видятъ, что „Моск. Вѣд.“, изъ которыхъ мы заимствовали это мѣсто, предвидятъ для народной школы у насъ такое *дальнѣйшее развитіе* и *дальнѣйшія судьбы*, которыя составляли бы новый оворотъ назадъ, къ воззрѣніямъ гр. Путятина и гр. Блудова на учительство въ народныхъ школахъ, и къ первоначальнымъ воззрѣніямъ амого нынѣшняго министерства. Но отъ всего подобнаго гарантируетъ насъ рескриптъ 25-го декабря.

Какое же положеніе создается нынѣ народной школѣ рескриптомъ 25 декабря и какое значеніе получаютъ его указанія въ связи ъ прошедшимъ? Въ рескриптѣ, въ числѣ первыхъ указаній на тѣ сновы, которыя предначертаны верховной властью для устройства и азмноженія народныхъ училищъ, упоминается слѣдующее: „Озаботясь авно о томъ, чтобы свѣтъ благого просвѣщенія распространялся всѣхъ слояхъ населенія, *Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи* для приготовленія наставниковъ народныхъ учищъ, городскихъ и сельскихъ.“ Слова эти намъ порукою, что кто бы раздѣлялъ воззрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ о сравнительной лополезности „размноженія свыше надобности особыхъ, не находящихся въ связи съ церковью учительскихъ семинарій“, тому идется отказаться отъ надежды на приведеніе подобныхъ взглядовъ исполненіе.

Относительно порядка наблюденія за народными школами, рескптъ 25 декабря представляетъ не менѣе важное указаніе. Несотря на усиленныя съ 1866 года заботы объ устраненіи отъ народной школы всякихъ вредныхъ вліяній, посредствомъ предоставнія преподаванія въ ней по возможности лицамъ вышедшимъ изъ ховныхъ учебныхъ заведеній и посредствомъ учрежденія особыхъ, посредственныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія, спекторовъ для наблюденія за народною школой, усилія эти, къ калѣнію, далеко не привели къ успѣху. Оказалось необходимымъ, обы сама державная мысль, пекущаяся о благѣ народа, высказала асеніе, что то, что́ должно служить къ просвѣщенію, „могло бы, и недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаемо въ удіе нравственнаго расслѣнія народа, къ чему уже обнаружены которыя попытки“. Перемѣна при томъ предположена уже не въ ыслѣ продолженія прежняго пути, съ умноженіемъ числа прежнихъ ановъ наблюденія, то-есть инспекторовъ, но въ совершенно мъ направленіи. Верховная власть указываетъ устранить недостаъ попечительнаго наблюденія за народной школою, при помощи йствія всего просвѣщеннаго общества, и въ видѣ о́рганов его при-

зываетъ къ наблюденію за школой мѣстныхъ предводителей дворянства.

Въ какой формѣ опредѣлится участіе предводителей дворянства въ дѣлѣ размноженія народныхъ училищъ и наблюденія за ними это мы увидимъ, когда будутъ изданы возвѣщенныя рескриптомъ постановленія. Будутъ ли при этомъ сохранены нынѣшніе училищные совѣты или нѣтъ, и въ какомъ видѣ новая обязанность предводителей дворянства будетъ соглашена съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ—вотъ два вопроса „формы“, которые возникаютъ при этомъ. Но выше всякаго вопроса формы стоитъ здѣсь потребность, чтобы верховной волѣ было дано дѣйствительно достаточное примѣненіе, чтобы предводителямъ дано было въ этомъ дѣлѣ участіе широкое и плодотворное. Ясно, что нельзя идти одновременно путемъ мѣстнаго общественнаго надзора за школою и путемъ усиленія, централизованнаго бюрократическаго за нею надзора, который уже оказался недостаточнымъ. Проектъ министерства народнаго просвѣщенія объ усиленіи административной инспекціи теперь, за силою рескрипта 25 декабря, будетъ вѣроятно взятъ назадъ уже по одному тому соображенію, что не можетъ быть основанія призывать для наблюденія за школами 142 новыхъ чиновниковъ и затрачивать на это вновь 300 т. рублей, когда для болѣе вѣрнаго достиженія той же цѣли, призывается уже столько лицъ, сколько есть губерній и уѣздовъ, а именно, всѣ предводители дворянства, которые обязанность эту будутъ исполнять, не отягощая государственную казну никакимъ новымъ пожертвованіемъ. И этому послѣдствію рескрипта можно будетъ только радоваться: на казнѣ лежитъ столько государственныхъ потребностей, что тѣ средства, какія она можетъ удѣлять народнымъ школамъ должны уже всецѣло быть обращаемы на самое устройство школъ и пособія имъ, а не уменьшаемы значительными расходами на одинъ надзоръ по щедро составленнымъ штатамъ.

Забота о распространеніи просвѣщенія въ народѣ выразилась въ другомъ актѣ, еще большей государственной важности, обнародованномъ при началѣ года. „Мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все наше царствованіе“—такія знаменательныя слова содержатся въ манифестѣ о введеніи общеобязательной воинской повинности. „Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы, и лучшимъ жребіемъ, ниспосланнымъ Намъ отъ Бога, почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія. Устройство могущественной военной силы не остановитъ, не замедлитъ этого развитія; оно, напротивъ, обезпечитъ правил

ный и непрерывный ходъ онаго, ограждая безопасность государства
предупреждая всякое посягательство на его спокойствіе. Даруе-
ыя же нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ
бразованіе, да будутъ новымъ орудіемъ къ распространенію въ на-
одѣ Нашемъ истиннаго просвѣщенія, въ которомъ Мы видимъ осно-
аніе и залогъ его будущаго благоденствія". Драгоцѣнное завѣре-
іе, что верховная власть не намѣрена отступать отъ началъ, ко-
орымъ слѣдовала доселѣ во все время царствованія, представлявшаго
ядъ великихъ реформъ, имѣетъ великое значеніе, превосходящее
алеко и самые предѣлы нынѣ объявляемой реформы, то-есть воин-
каго преобразованія. За этими словами, надо надѣяться, умолкнутъ,
аконецъ, всякіе недоброжелательные именно мирному преуспѣянію
оссіи и всестороннему внутреннему ея развитію слухи о неизбѣж-
омъ будто-бы отступленіи назадъ отъ началъ преуспѣянія и разви-
я къ застою, безгласности и бюрократизму до-реформеннаго вре-
ени.

Что касается образовательнаго значенія вводимой нынѣ воинской
овинности, обстоятельства сложились такъ, что мы, сказать правду,
кидаемъ даже болѣе для распространенія начальнаго образованія
народѣ отъ основъ воинской повинности, какъ онѣ были выраба-
ны въ военномъ вѣдомствѣ, чѣмъ отъ непосредственныхъ распо-
женій министерства народнаго просвѣщенія о народной школѣ.
енное управленіе даетъ большую цѣну начальному образованію:
лковыя школы, о которыхъ оно много заботится, уже доселѣ успѣли
здать въ арміи огромный контингентъ грамотныхъ; въ полкахъ
ардіи уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ грамотныхъ солдатъ было
лѣе, чѣмъ не грамотныхъ (въ нѣкоторыхъ полкахъ $^3/_4$ всего числа
лдатъ грамотны). Если полковыя школы достигаютъ такихъ ре-
льтатовъ, поучая рекрутъ, въ средѣ которыхъ грамотные состав-
ютъ только 11%, то понятно, какое огромное вліяніе онѣ полу-
тъ, когда чрезъ каждыя пять лѣтъ будетъ возобновляться весь
личный составъ постоянной арміи. Полковыя школы получатъ на-
дное значеніе. Но и самыя льготы по образованію, то-есть, уста-
вленіе въ уставѣ о воинской повинности сокращенныхъ сроковъ служ-
для получившихъ образованіе, послужатъ могущественнымъ рыча-
мъ къ расширенію образованія.

Сроки эти установлены уставомъ совершенно согласно съ пред-
ложеніями коммиссіи, выработывавшей проектъ, при военномъ вѣ-
мствѣ: для окончившихъ курсъ въ университетахъ, и другихъ учи-
щахъ перваго разряда, срокъ дѣйствительной службы, по жребію,
становляется въ 6 мѣсяцевъ; для окончившихъ курсъ шести клас-
въ гимназій и реальныхъ училищъ и второго класса духовныхъ
инарій—$1^1/_2$ года, для окончившихъ курсъ прогимназій и училищъ

3-го разряда—3 года, для имѣющихъ свидѣтельство о знаніи курс начальныхъ народныхъ училищъ, опредѣленнаго положеніемъ о них 1864 года,—4 года. И такъ, народная школа будетъ сокращать н цѣлую треть срокъ дѣйствительной службы въ арміи. Можно себ представить, какъ бросится въ нее все подростающее мужское насе леніе! Нѣтъ ничего преувеличеннаго въ предположеніи, что уже чрез нѣсколько лѣтъ, процентъ грамотныхъ рекрутъ, поступающихъ в войска возростетъ съ 11 до 25, а лѣтъ черезъ 10 и до 50 процев товъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все подростающее поколѣніе пожелает учиться, и все затрудненіе будетъ лишь въ томъ, что народных школъ мало, что число учителей ничтожно въ сравненіи съ будущим числомъ учениковъ. А у насъ еще предполагалось жертвовать лиш нихъ 300 т. р. на одну инспекцію! Вѣдь уже на однѣ эти деньг можно содержать тысячу народныхъ школъ.

Великая мысль внушила то положеніе устава о воинской пови ности, которое установляетъ такое громадное подспорье для ход народнаго образованія. Не слѣдуетъ забывать и заслуги коммиссі учрежденной при военномъ вѣдомствѣ, которая первоначально пре положила сокращенные сроки для кончившихъ курсъ всѣхъ степене въ томъ числѣ и самой низшей. Предоставленіе льготы низшей, н родной школѣ, пожалуй, еще важнѣе, чѣмъ предоставленіе льго школамъ высшимъ. Сколько извѣстно, при обсужденіи вопроса льготахъ по образованію, въ особомъ присутствіи, учрежденномъ п государственномъ совѣтѣ, большинство членовъ склонялось въ поль уменьшенія льготъ, проектированныхъ коммиссіею военнаго вѣдомст для училищъ двухъ высшихъ разрядовъ. Вѣдомство, къ кругу дѣ ствій котораго спеціально относится просвѣщеніе, по слухамъ, нах дило эти льготы по образованію преувеличенными и полагало заст вить молодыхъ людей, получившихъ высшее и среднее образова служить въ рядахъ арміи гораздо болѣе продолжительное врем чѣмъ то было признаваемо за нужное военнымъ министерствомъ. послѣднимъ останется навсегда та заслуга, что оно сдѣлало д успѣховъ просвѣщенія въ Россіи болѣе, чѣмъ могла, или хотѣ сдѣлать какая-либо изъ сторонъ, участвовавшихъ въ выработ проекта. Мудрость верховной власти рѣшила вопросъ въ пользу е предположеній; она усмотрѣла необходимость „дарованія важны преимуществъ молодымъ людямъ, получившимъ образованіе“, и Выс чайшій манифестъ 1 января прямо указываетъ въ дарованіи таки важныхъ преимуществъ „новое орудіе къ распространенію истинна просвѣщенія“.

Нашъ новый законъ, справедливо соображаясь въ такомъ бы вомъ вопросѣ прежде всего съ мѣстными условіями, вполнѣ ло чески провелъ мысль о распредѣленіи сроковъ. Однажды пр

авъ необходимымъ введеніе у насъ срока гораздо болѣе продолжи-
ельнаго, двойного противъ того, какой принятъ въ Пруссіи, и объ-
сняя необходимость его меньшей развитостью массы населенія у
асъ, законъ долженъ былъ значительно сократить этотъ срокъ для
ицъ, представляющихъ достаточныя условія умственнаго развитія.
верхъ того, необходимость охранить отъ сколько нибудь продолжи-
ельныхъ перерывовъ дѣятельность гораздо менѣе многочисленныхъ
насъ, чѣмъ въ Германіи, лицъ съ высшимъ образованіемъ, нашъ
аконъ вполнѣ раціонально установилъ для ихъ службы въ рядахъ
роки, по возможности, краткіе, не освободивъ ихъ вовсе отъ военной
лужбы единственно съ той цѣлью, чтобы не нарушить принципа ея
бщеобязательности.

Учрежденіе вольноопредѣляющихся, въ которомъ въ Пруссіи и
роявляется льгота по образованію, вводится и у насъ. Оно свя-
но у насъ съ особымъ сокращеніемъ сроковъ. Лица, поступающія
службу внѣ жребія, по собственному желанію, будутъ служить:
кончившіе курсъ училищъ 1-го разряда—3 мѣсяца (вмѣсто 6-ти),
го разряда—6 мѣсяцевъ (вмѣсто 1 1/2 года), и выдержавшіе испы-
ніе по особой программѣ, соотвѣтствующей курсу 3-го разряда—
года (вмѣсто 3-хъ). Это послѣднее сокращеніе кажется недоста-
чнымъ: едва ли есть разсчетъ добровольно идти въ службу для
кращенія ея на годъ, когда по жребію рискъ составляетъ всего 1 на 3.

Замѣтимъ, что при льготахъ по образованію, совершенно равная
гота предоставляется тѣмъ воспитанникамъ гимназій, которые
ошли чрезъ VII классъ и получили, такъ-называемый, аттестатъ
ѣлости: они будутъ служить по жребію 1 1/2 года, по охотѣ 6 мѣ-
цевъ, наравнѣ съ своими товарищами, кончившими курсъ только
рвыхъ шести классовъ. Вольноопредѣляющіеся пользуются правомъ
бирать часть войскъ, въ которой желаютъ служить; въ гвардіи и
валеріи они содержатся на свой счетъ, въ прочихъ частяхъ, если
изъявятъ желаніе содержать себя—что́ предоставляетъ имъ право
ить на вольныхъ квартирахъ, за исключеніемъ лагернаго времени—
держатся на казенный счетъ. Впрочемъ льгота, въ силу которой
нчившіе курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, добровольно опредѣ-
ясь въ армію, служатъ столь краткій срокъ—всего три мѣсяца,
представляетъ само по себѣ ничего новаго. По дѣйствовавшимъ
селѣ правиламъ отбыванія воинской повинности, такимъ вольно-
редѣляющимся предоставлялось право производства въ офицеры
езъ *три* мѣсяца, воспитанникамъ же среднихъ учебныхъ заведеній—
езъ годъ.

Льготы по образованію представляютъ ту сторону новаго устава
воинской повинности, которая наиболѣе важна для хода внутрен-

няго развитія. Что касается общихъ положеній, то здѣсь на первомъ планѣ представляется окончательное уравненіе сословій передъ закономъ отмѣною изъятій отъ воинской повинности и льготъ при ея отбываніи—по происхожденію; на второмъ—сокращеніе общаго срока службы въ войскахъ.

Относительно необходимости отмѣны изъятій отъ службы по происхожденію не могло быть сомнѣнія. До настоящаго времени въ имперіи освобождались отъ службы въ рядахъ по происхожденію всѣ лица, не принадлежащія къ податнымъ сословіямъ и, сверхъ того, нѣсколько разрядовъ податныхъ, какъ то: колонисты, ямщики въ Петербургѣ, Тоснѣ и Ижорѣ, всѣ сибирскіе инородцы, русскіе учители отдаленныхъ мѣстностей Сибири, самоѣды, бѣлопашцы, законные дѣти, воспитанные въ сиротскихъ домахъ и т. д. Въ царствѣ польскомъ же и доселѣ наборъ производился со всѣхъ сословій на основаніи удержаннаго тамъ французскаго начала конскрипціи. Сверхъ того, для изъятыхъ отъ повинности, но вступавшихъ въ ряды по охотѣ, существовали льготы по происхожденію: такъ, потомственныя дворяне обязаны были прослужить въ рядахъ, до производства въ первый классный чинъ, только два года; соотвѣтствующая льгота предоставлялась почетнымъ гражданамъ, лицамъ духовнаго происхожденія, сыновьямъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій—всѣ они служили до производства въ первый классный чинъ 4 года. Всѣ такія изъятія и льготы по происхожденію нынѣ отмѣняются. За исключеніемъ священно-служителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и православныхъ псаломщиковъ, кончившихъ курсъ въ какихъ-либо духовныхъ училищахъ, всѣ обязаны служить. При этомъ допускаются изъятія только въ видѣ прямого отчисленія въ запасъ для лицъ, состоящихъ въ нѣкоторыхъ званіяхъ, а также по семейному положенію. Наконецъ, для числящихся въ запасѣ, но занимающихъ исчисленныя въ законѣ должности въ государственной и общественной службѣ, положена та льгота, что они не могутъ быть призываемы изъ запаса на дѣйствительную службу. Но все эти изъятія личныя, а не сословныя.

Кромѣ полной свободы отъ воинской службы, признававшейся доселѣ за привилегированными сословіями, широкой дорогой для изъятій на дѣлѣ представлялось право замѣны или выкупа, которымъ могли пользоваться податныя сословія. Это право совершенно отмѣняется. Исполненіе воинской повинности, имѣвшее доселѣ характеръ повинности общественной, такъ какъ рекруты требовались отъ обществъ, которымъ засчитывались и поставленные рекруты и представляемыя обществами рекрутскія квитанціи,—отнынѣ становится обязанностью *личною*; повинность падаетъ уже на лице, а не на общество, къ которому оно принадлежитъ.

Новый уставъ распредѣляетъ вооруженныя силы государства на двѣ части: I—*постоянныя войска*, которыя состоятъ изъ 1) *арміи* и флота, пополняемыхъ ежегодными наборами; 2) *запаса* арміи и флота, который служитъ для приведенія войскъ въ полный составъ и состоитъ самъ изъ людей уволенныхъ изъ дѣйствительной службы до выслуги полнаго срока всей службы; 3) казачьихъ войскъ, и войскъ, образуемыхъ изъ инородцовъ; и II—*ополченіе*, которое созывается только въ чрезвычайныхъ основаніяхъ военнаго времени. Наборъ производится посредствомъ жребія который вынимается однажды на всю жизнь. Кто вынетъ жребій, освобождающій отъ набора, тотъ прямо зачисляется въ ополченіе, т.-е., не идетъ на дѣйствительную службу и не зачисляется въ запасъ. Къ жребію призывается тотъ возрастъ населенія, который состоитъ изъ молодыхъ лѣтъ, коимъ къ 1 января года набора минуло 20 лѣтъ отъ роду. Общій срокъ службы въ сухопутныхъ войскахъ, по жребію, опредѣленъ въ 15 лѣтъ, изъ коихъ *шесть* лѣтъ дѣйствительной службы и *девять* лѣтъ въ запасѣ: во флотѣ 10 лѣтъ, изъ коихъ 7 лѣтъ дѣйствительной службы и 3 года въ запасѣ. Прослужившіе срокъ въ дѣйствительной службѣ зачисляются въ запасъ. Всѣ же, освобожденные жребіемъ, зачисляются прямо въ ополченіе, въ которомъ и состоятъ съ 20-ти до 40-ка лѣтъ отъ роду. Но и тѣ лица, которыя уже прослужили свои сроки въ запасѣ арміи и флота, не увольняются до 40 лѣтъ отъ роду отъ призыва въ ополченіе. И такъ, по общему сроку, молодой человѣкъ 20-ти лѣтъ обязанъ находиться 6 лѣтъ подъ знаменами (время это можетъ сокращаемо на 1 годъ посредствомъ отпусковъ), затѣмъ 9 лѣтъ состоять въ запасѣ, наконецъ, еще 5 лѣтъ числиться въ ополченіи. Ополченіе раздѣляется на два разряда, изъ которыхъ первый, состоящій изъ людей уволенныхъ отъ службы при послѣднихъ четырехъ призывахъ, можетъ быть, въ случаѣ недостатка въ наличномъ составѣ постоянныхъ войскъ, обращаемъ и на пополненіе ихъ; второй же разрядъ, состоящій изъ людей 24—40 лѣтъ отъ роду, служитъ только для образованія частей ополченія.

Вотъ основныя черты новаго устройства арміи. Что установленный нынѣ срокъ пребыванія подъ знаменами, вдвое большій, чѣмъ отъ, какой существуетъ въ Пруссіи, представляется намъ слишкомъ продолжительнымъ—это мы излагали уже съ нѣкоторой подробностью въ прошломъ году, при обсужденіи предполагавшихся основъ военной реформы, и въ настоящую минуту не будемъ возвращаться къ тому вопросу. Мы удерживаемъ также свое мнѣніе о томъ, что льготы по образованію могли касаться и сокращенія срока состоянія въ запасѣ. Цѣлью нашею теперь было только представить въ краткомъ очеркѣ окончательное рѣшеніе этого дѣла о преобразованіи воинской

повинности и указать въ особенности на громадное его значеніе для ускоренія хода народнаго образованія въ Россіи. Но не слѣдуетъ забывать, что льготы, предоставляемыя образованію этимъ уставомъ, могутъ усилить въ народѣ только *побужденіе* учиться; средствъ же для удовлетворенія этого побужденія онѣ не создаютъ, и въ этомъ отношеніи требуется самая энергическая дѣятельность со стороны спеціальнаго вѣдомства просвѣщенія, съ рѣшительной перемѣною его первоначальныхъ взглядовъ на дѣло приготовленія народныхъ учителей, и усердной неуклонной работою въ смыслѣ, указанномъ рескриптомъ 25 декабря на имя министра народнаго просвѣщенія, а именно, при содѣйствіи общественнаго элемента, — представителемъ котораго, въ настоящемъ случаѣ, избрано не одно духовенство, а преимущественно дворянство въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей.

Въ концѣ прошлаго года, на Выборгской сторонѣ происходило открытіе новой Клиники, основанной на часть капитала, завѣщаннаго въ 1854 г. извѣстнымъ баронетомъ Вилліе, лейбъ-медикомъ имп. Александра I; баронетъ оставилъ для этой цѣли сумму болѣе милліона рублей. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей," сообщая объ открытіи этой Клиники (№ 3), припоминаетъ, что этотъ же Вилліе еще въ 1841 году устроилъ стипендію, для которой представилъ министерству народнаго просвѣщенія сто тысячъ рублей ассигнац. съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала воспитывать и приготовлять на службу въ военное вѣдомство отлично - образованныхъ врачей-наставниковъ; къ этому присоединены были условія, которыя долженъ былъ выполнять степендіатъ. „И что же?—восклицаютъ въ „Москов. Вѣд.," — ни единаго пункта выраженнаго здѣсь (въ условіяхъ) нынѣ не приводится въ исполненіе. Никакой совѣтъ никакого университета не назначаетъ „по конкурсу изъ окончившихъ въ немъ курсъ студентовъ" стипендіата баронета Вилліе. Никакого „экзамена на степень доктора въ назначенное совѣтомъ университета время" не держитъ этотъ миѳическій стипендіатъ. Министерство Просвѣщенія, „въ распоряженіе" котораго желалъ баронетъ Вилліе предоставить и капиталъ во сто тысячъ рублей, опредѣленный имъ на стипендію, и „выборъ мѣста, гдѣ пансіонеръ его долженъ обучаться медицинѣ", не распоряжается ни тѣмъ, ни другимъ. Капиталомъ этимъ владѣетъ все то же военное вѣдомство, и располагаетъ имъ по своему произволу. *Произошло это въ то время, когда Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія управлялъ статсъ-секретарь Головнинъ, а на какомъ основаніи, въ силу какихъ соображеній — темно и неизвѣстно.*"

Редакція „Московскихъ Вѣдомостей" можетъ имѣть у себя тем-

ныхъ корреспондентовъ, но ей самой нельзя оправдываться незна-
ніемъ законовъ. Вопросъ о томъ, на какомъ основаніи и въ силу ка-
кихъ соображеній произошли всѣ перемѣны съ капиталомъ Вилліе,—
вовсе не „темный“ и не „неизвѣстный“. Все это совершилось на основаніи
положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденнаго 11-го марта
866 года; а комитетъ министровъ положилъ на основаніи записки
военнаго министра 12-го января, за № 14, представившаго вмѣстѣ съ
ѣмъ предположенія военно-медицинскаго ученаго комитета „о необ-
одимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ Высочайше утвержденномъ,
8-го февраля 1841 года, положеніи о стипендіи баронета Вилліе,
огущихъ способствовать къ вѣрнѣйшему достиженію цѣли завѣща-
еля“. Роль министерства народнаго просвѣщенія во всемъ этомъ во-
росѣ была слѣдующая: предположенія военно-медиц. уч. комитета
ыли предварительно отправлены на разсмотрѣніе въ министерство
ароднаго просвѣщенія. Тайный совѣтникъ Деляновъ, отъ 11-го авгу-
га, за № 6345, отвѣчая на вопросъ: нѣтъ ли со стороны мини-
герства препятствій? отвѣчалъ въ заключеніи: „Къ измѣненію по-
женія о стипендіи баронета Вилліе едва ли настоитъ какая-либо
щественная потребность. Мин. Н. Просв. тѣмъ менѣе можетъ согла-
иться на нарушеніе воли учредителя стипендіи, что по одному по-
бному же представленію комитетъ гг. министровъ положеніемъ,
достоеннымъ Высочайшаго утвержденія 16-го августа 1849 года,
становилъ, что воля завѣщателя должна исполняться въ точности
зъ всякаго измѣненія и вовсе независимо отъ соображенія, что то
ли другое изъ его предположеній могло бы быть удовлетворено
чше инымъ образомъ“. Военный министръ представилъ такимъ
разомъ въ комитетъ министровъ мнѣніе военно-мед. уч. комитета
, пользу измѣненій духовнаго завѣщанія, *противное* мнѣніе мини-
ерства народнаго просвѣщенія, и свое возраженіе на послѣднее.
митетъ министровъ въ своемъ составѣ 1849 г. нашелъ, что лучше
ржаться буквы завѣщанія, даже и въ томъ случаѣ, если отступле-
е отъ буквы содѣйствовало бы къ лучшему удовлетворенію пред-
ложеній завѣщателя; а комитетъ министровъ въ 1866 году пола-
лъ, и не безъ основанія, что успѣхъ дѣла въ духѣ завѣщанія важнѣе
храненія буквы, а потому и согласился съ мнѣніемъ, высказаннымъ
пользу измѣненій и дополненій; такое положеніе комитета и было
ысочайше утверждено. Что же „неизвѣстнаго“ или „темнаго“ въ
омъ дѣлѣ, которое совершилось самымъ законнымъ образомъ въ то
мое время, „когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управ-
лъ статсъ-секретарь Головнинъ“, а за отсутствіемъ его отвѣчалъ
запросъ военнаго министерства тайный совѣтникъ Деляновъ?
сть на это отвѣтитъ сама редакція „Московскихъ Вѣдомостей“,
мы пока сдѣлаемъ еще небольшую поправку въ той же коррес-

понденціи. Зная, вѣроятно, нѣкоторыя „слабости“ этой газеты, корреспондентъ ввернулъ одно неудачное, впрочемъ, соображеніе о пользѣ классицизма. Онъ привелъ слова бар. Виллié, изъ его записки 1841 года, какъ доказательство пользы того, что и такой „большой“ человѣкъ считалъ, еще въ 1841 году, необходимымъ для медиковъ вообще строгое классическое образованіе. Дѣйствительно, бар. Виллié считалъ необходимымъ классическое образованіе, но какое? — „классическое воспитаніе въ какомъ-либо *университетѣ*, пройдя полный курсъ, такъ-называемыхъ, свободныхъ наукъ“. По его мнѣнію, такимъ образомъ, классическое воспитаніе въ гимназіяхъ было бы еще недостаточно и не дало бы ученаго врача. Но сколько мы имѣли бы врачей подъ этимъ условіемъ? И гдѣ тутъ доказательство въ пользу *гимназическаго* классицизма для будущаго врача? Напротивъ, баронетъ Виллié признавалъ его недостаточнымъ; по его мнѣнію, будущій ученый врачъ долженъ кончить предварительно курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Что было бы, еслибъ буквально послѣдовать мнѣнію Виллié? А между тѣмъ въ „Москов. Вѣдом.“ на это мнѣніе указываютъ какъ на примѣръ, образецъ.

ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ

въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи.

I.

Земскія собранія, обсуждавшія вопросъ о преобразованіи системы подушныхъ сборовъ, рѣшительно и единогласно высказались въ пользу отмѣны податныхъ привилегій и установленія всесословныхъ прямыхъ налоговъ.

Причина такого повсемѣстнаго признанія настоятельной необходимости облегчить крестьянъ въ государственныхъ повинностяхъ посредствомъ переложенія части сборовъ, лежащихъ на нихъ, на другія сословія,—кроется, безъ сомнѣнія, въ непосредственномъ знакомствѣ земскихъ дѣятелей съ мало удовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія, обремененнаго разнаго рода платежами, сумма которыхъ далеко превышаетъ производительныя силы крестьянскаго хозяйства. Дѣйствительно, по свѣдѣніямъ Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяй-

ства, прямые сборы, уплачиваемые нынѣ сельскимъ податнымъ сосло-
віемъ, находятся въ слѣдующемъ отношеніи къ *доходности* надѣла:

Названіе губерній:	У бывшихъ государственныхъ крестьянъ.		У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.		У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.			
					а) при высшемъ надѣлѣ.		б) при низшемъ надѣлѣ.	
	Въ процентахъ.							
	Отъ	до	Отъ	до	Отъ	до	Отъ	до
Новгородской	160	—	161	„	210	„	„	565
Симбирской	54	60	43	70	80	122	169	240
Тульской	32	64		—	56	130	115	258
Орловской.	55	„		58	64	75	149	170
Въ Брянскомъ уѣздѣ	148	„		—	172	200	400	456
Харьковской.	50	„		—	74	117	139	226
Екатеринославской	27	39		—	80	110	157	229
Вообще . .	27	160	43	161	56	210	114	565

Эти цифры, собранныя оффиціальнымъ путемъ, достаточно ясно
оворятъ, въ какомъ мало обезпеченномъ состояніи находится мате-
іальное положеніе земледѣльца.

Выводы коммиссіи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что они
овершенно подтверждаются, какъ мы увидимъ, другими источни-
ами и относительно другихъ мѣстностей.

Въ виду столь знаменательныхъ фактовъ, касающихся благосо-
тоянія 50 мил. душъ обоего пола, или 82% всего населенія евро-
ейской Россіи, преобразованіе нашей податной системы получаетъ
арактеръ первостепенной государственной важности, и можно думать,
то правительство въ скоромъ времени найдетъ возможность утверди-
ельно разрѣшить вопросъ о замѣнѣ прямыхъ государственныхъ сбо-
овъ, падающихъ исключительно на сельскихъ обывателей, равно-
ѣрнымъ всесословнымъ налогомъ.

Не принимая на себя труда въ подробности разсмотрѣть пред-
тоящее преобразованіе, мы, однако, пользуясь смѣтами и расклад-
ами государственныхъ и земскихъ сборовъ, журналами земскихъ
обраній и управъ, а равно другими оффиціальными источниками,
остараемся разъяснить, *насколько* въ дѣйствительности можно ожи-
ать облегченія сельскаго податного сословія *однимъ* путемъ уста-
овленія прямыхъ всесословныхъ налоговъ?

Мы поставили цѣлью такое изслѣдованіе именно потому, что важ-
ость собственно податной реформы полагаемъ единственно въ *раз-
ѣрѣ* уменьшенія крестьянскихъ повинностей.

Просимъ впередъ извиненія у читателей за многочисленность
аблицъ, но безъ таблицъ въ вопросѣ подобнаго рода нельзя сдѣ-
ать ни одного сколько нибудь вѣрнаго шага.

II.

Вся масса прямыхъ денежныхъ сборовъ, падающая на крестьянское хозяйство, подраздѣляется на четыре главныя категоріи: а) мірскія повинности; б) мѣстные земскіе сборы; в) государственные налоги, и г) оброчные и выкупные платежи.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ полныя свѣдѣнія о мірскихъ повинностяхъ только по 6-ти губерніямъ; но и этотъ матеріалъ оказывается драгоцѣннымъ для опредѣленія относительнаго размѣра каждаго изъ поименованныхъ сборовъ:

Таблица № 1. Общая сумма крестьянскихъ платежей.

Названіе губерній:	Мірскія повинности.	Мѣстные земскіе сборы.	Государственные прямые налоги.	Выкупные и оброчные платежи [1]).	Всего:
	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.
Московская	503,123	203,050	1.435,664	2.780,944	4.922,781
Тамбовская	468,217	363,684	2,431,203	3.935,537	7.198,641
Новгородская	282,870	318,003	730,789	1.986,428	3.318,090
Пензенская	279,473	222,084	1.186,274	2.505,137	4.192,968
Псковская	294,975	194,130	530,570	1.484,824	2.504,499
С.-Петербургская. . .	260,986	150,495	481,860	1.156,478	2.049,819
Итого . .	2.089,644	1.451,446	6.796,360	13.849,348	24.186,798

Таблица № 2. Относительный размѣръ крестьянскихъ платежей.

Названіе губерній:	Мірскія повинности.	Мѣстные земскіе сборы.	Государственные прямые налоги.	Выкупные и оброчные платежи.
	%	%	%	%
Московская	10,0	4,1	29,1	56,4
Тамбовская	6,5	5,0	33,7	54,6
Новгородская . . .	8,5	9,5	22,0	59,8
Пензенская	6,6	5,0	28,2	59,6
Псковская	11,7	7,7	21,1	59,2
С.-Петербургская. .	12,7	7,3	23,5	56,4
Средній выводъ. .	8,6	6,0	28,0	57,2

[1]) Поземельные платежи временно-обязанныхъ крестьянъ приняты въ одинаковомъ размѣрѣ съ выкупными платежами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя оброки временно-обязанныхъ крестьянъ превышаютъ, обыкновенно, выкупные платежи на 20% (см. положеніе о выкупѣ); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта разница еще болѣе. Такъ въ Полтавской губерніи—оброкъ 2 р. 90 к. съ десятины, а выкупные платежи 2 р. 10 к. съ десятины, т.-е., оброкъ выше на 27%. Примѣчаніе это относится также къ таблицѣ № 4.

Таблица № 3. Отношеніе крестьянскихъ платежей къ доходности надѣла [1]).

Названіе губерній:	Мірскіе платежи.	Мѣстные земскіе сборы.	Государственные прямые налоги.	Выкупные и оброчные платежи.	Всего:
	%	%	%	%	%
Московская	19,2	7,7	54,8	106,3	188,2
Тамбовская	4,5	3,5	23,6	38,2	69,9
Новгородская . . .	10,2	11,5	26,5	72,2	120,6
Пензенская	7,6	6,1	32,5	68,8	115,2
Псковская.	18,4	12,1	33,1	92,8	156,5
С.-Петербургская. .	17,0	9,8	31,3	75,3	133,5
Средній выводъ.	9,8	6,4	30,3	61,7	107,8

Разсмотрѣніе приведенныхъ таблицъ показываетъ, что въ числѣ крестьянскихъ повинностей первое мѣсто по размѣру принадлежитъ *поземельнымъ* выкупнымъ и оброчнымъ платежамъ, которые, въ среднемъ выводѣ (по 6-ти губерніямъ), составляютъ 57% всѣхъ повинностей и поглощаютъ слишкомъ 61% дохода крестьянскаго надѣла. Второе мѣсто занимаютъ государственные прямые налоги: 28% общей суммы сборовъ, или около 30% доходности надѣла. Наконецъ, совокупность мѣстныхъ сборовъ (мірскихъ и земскихъ) не превышаетъ 15% повинностей, или 16% доходности надѣла.

Насколько собственно поземельные выкупные и оброчные платежи превосходятъ прямые государственные налоги можно судить по нижеслѣдующей таблицѣ № 4:

---

[1]) Доходность надѣла опредѣлена по *спеціальной* земской оцѣнкѣ крестьянской десятины. Насколько не преувеличены эти выводы можно убѣдиться изъ сравненія показанныхъ цифръ по Новгородской губерніи съ свѣдѣніями по той же губерніи Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства.

Таблица № 4. Прямые государственные налоги и сум

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.	ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЯМЫЕ НАЛОГИ.					
	Подушная подать.	Госуд. земскій сборъ.		ВСЕГО.		
		Подушный	Поземел.	Общая сумма.	Прич. десятину	
	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Руб.	Ко
1. Архангельская	150,069	16,785	3,216	170,070	—	6
2. Астраханская	143,609	21,749	14,562	179,920	—	12
3. Бессарабская	522,099	182,264	39,983	744,346	—	7
4. Виленская	553,432	118,572	51,123	723,127	—	5
5. Витебская	450,108	47,597	14,357	512,062	—	4
6. Владимірская	1.015,876	309,406	106,077	1.431,359	—	7
7. Вологодская	590,021	118,644	21,459	730,124	—	1
8. Волынская	931,713	270,540	147,451	1.349,704	—	6
9. Воронежская	1.568,191	612,749	385,351	2.566,291	—	6
10. Вятская	1.487,336	568,084	110,870	2.166,290	—	3
11. Гродненская	509,640	113,871	40,881	664,392	—	5
12. Екатеринославская	686,619	199,694	113,802	1.000,115	—	3
13. Казанская	1.170,305	401,241	138,311	1.709,857	—	5
14. Калужская	747,494	149,217	34,818	931.529	—	6
15. Кіевская	1.311,518	522,760	170,881	2.005,159	1	1
16. Ковенская	612,949	196,664	83,938	893,551	—	6
17. Костромская	774,482	174,880	32,707	982,069	—	4
18. Курляндская	431,984	160,185	26,754	618,923	1	8
19. Курская	1.459,664	567,470	237,529	2.264,663	—	9
20. Лифляндская	686,650	не взи	мается	686,650	—	
21. Минская	620,546	117,925	27,297	765,768	—	4
22. Могилевская	511,671	77,182	14,988	603,841	—	4
23. Московская	984,661	367,296	83,707	1.435,664	—	9
24. Нижегородская	1.004,781	322,783	77,384	1.404,948	—	7
25. Новгородская	643,052	61,548	26,189	730,789	—	2
26. Олонецкая	163,846	19,007	5,163	188,016	—	1
27. Орловская	1.084,472	369,603	174,158	1.628,233	—	8
28. Пензенская	824,562	239,860	121,852	1.186,274	—	5
29. Пермская	1.416,330	420,786	58,660	1.895,776	—	3
30. Подольская	1.230,810	484,170	171,499	1.886,479	1	1
31. Полтавская	1.556,623	313,922	131,700	2.002,245	1	2
32. Псковская	442,758	69,109	18,703	530,570	—	3
33. Рязанская	1.185,854	295,316	156,482	1.637,652	—	8
34. Самарская	1.271,823	518,392	163,498	1.953,713	—	2
35. С.-Петербургская	345,737	118,758	17,365	481,860	—	4
36. Саратовская	1.191,469	480,756	270,398	1.942,623	—	5
37. Симбирская	899,911	358,057	212,352	1.470,320	—	8
38. Смоленская	719,069	72,142	26,054	817,265	—	4
39. Ставропольская	172,098	36,079	22,716	230,893	—	1
40. Таврическая	414,367	64,786	60,518	539,671	—	2
41. Тамбовская	1.528,929	586,823	315,451	2.431,203	—	8
42. Тверская	1.095,205	233,608	46,029	1.374,842	—	5
43. Тульская	868,316	234,384	108,235	1.210,935	—	8
44. Уфимская	1.135,391	326,557	116,353	1.578,301	—	2
45. Харьковская	1.145,456	477,628	198,034	1.821,118	—	7
46. Херсонская	644,212	165,149	88,995	898,356	—	4
47. Черниговская	1.090,669	243,571	98,289	1.432,529	—	7
48. Эстляндская	233,563	не взи	мается	233,563	—	
49. Ярославская	741,247	227,395	52,100	1.020,742	—	6
50. Область войска Донскаго	196,763	не взи	мается	196,763	—	
51. Оренбургская	511,121	152,818	61,651	725,590	—	1
ИТОГО	41.679,071	12.207,782	4.699,890	58.586,744	—	4

[1]) Поземельные платежи съ временно-обязанныхъ крестьянъ приняты въ одинаков купу, см. прим. къ таблицѣ № 1.

[2]) По области войска Донского и губерніямъ Лифляндской и Эстляндской мы

[3]) Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ существуютъ Особыя Положенія о поземельномъ устр

мельныхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей.

КУПНЫЕ И ОБРОЧНЫЕ ЛАТЕЖИ ЗА НАДѢЛЪ.			Итого государствен. прямыхъ налоговъ и платежей за надѣлъ.			Процентное отношеніе гос. прямыхъ нал. и плат. за над.	
щая сумма.	Причитается на десятину.		Общая сумма.	Причитается на десятину.		Государств. прям. налогов.	Вык. и оброч. плат. за над.
Рубли.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Рубли.	Коп.	%	%
175,738	—	65,4	345,808	1	28,7	49,1	50,8
387,268	—	26,6	567,188	—	38,7	31,7	68,2
свѣдѣній	нѣ	тъ.	—	—	—	—	—
1.014,560	—	75,9	1.737,687	1	30,0	41,6	58,3
1.295,312	1	14,6	1.807,374	1	59,0	28,3	71,6
2.951,525	1	52,1	4.382,884	2	25,8	32,6	67,3
1.486,672	—	33,9	2.216,796	—	50,5	32,9	67,0
1.676,173	—	84,3	3.025,877	1	52,1	44,6	55,3
3.568,412	—	93,3	6.134,703	1	60,4	41,8	58,1
3.474,159	—	49,3	5.640,449	—	80,0	38,4	61,5
867,404	—	66,1	1.531,796	1	16,7	43,3	56,6
1.931.510	—	73,7	2.931,625	1	11,8	34,1	65,8
2.727,651	—	86,4	4.437,508	1	40,5	38,5	61,4
2.346,646	1	68,8	3.278,175	2	35,8	28,4	71,5
2.778,150	1	60,4	4.783,309	2	76,1	41,9	58,0
2.106,124	1	47,7	2.999,675	2	10,3	29,7	70,2
2.476,899	1	11,7	3.458,968	1	55,9	28,3	71,6
[3])	—	—	—	—	—	—	—
3.641,284	1	53,3	5.905,947	2	48,6	38,3	61,6
[3])	—	—	—	—	—	—	—
986,612	—	54,6	1.752,380	—	97,0	43,6	56,3
1.855,628	1	27,7	2.459,469	1	69,2	24,5	75,4
2.780,944	1	76,7	4.216,608	2	67,9	34,6	65,9
2.927,388	1	43,2	4.332,336	2	14,3	32,4	67,5
1.986,428	—	73,7	2.717,217	1	0,8	26,8	73,1
236,325	—	13,6	424,341	—	24,4	44,3	55,6
3.232,551	1	61,0	4.860,784	2	42,1	33,4	66,5
2.505,137	1	24,8	3.691,411	1	83,8	32,1	67,8
3.678,487	—	61,9	5.574,263	—	93,8	34,0	65,9
2.658,600	1	64,1	4.545.079	2	80,5	41,5	58,4
1.537,488	—	93,4	3.539,733	2	15,0	56,5	43,4
1.484,824	1	2,1	2.015,394	1	38,5	26,3	73,6
3.358,122	1	72,7	4.995,774	2	56,9	32,7	67,2
2.986,071	—	44,8	4.939,784	—	74,1	39,5	60,4
1.156,478	1	11,1	1.638,338	1	57,4	29,4	70,5
3.320,074	—	97,5	5.262,697	1	54,5	36,9	63,0
2.216,048	1	29,5	3.686,368	2	15,4	39,8	60,1
2.593,708	1	42,8	3.410,973	1	87,8	23,9	76,9
326,041	—	14,3	556,934	—	24,4	41,4	58,5
579,921	—	31,8	1.119,592	—	61,4	48,2	51,7
3.935,537	1	30,6	6.366,740	2	11,2	38,1	61,8
3.379,778	1	29,3	4.754,620	1	81,8	28,9	71,0
2.911,797	2	15,4	4.122,732	3	4,9	29,3	70,6
751,327	—	10,1	2.329,628	—	31,2	67,7	32,2
2.995,513	1	18,5	4.816,631	1	90,5	37,8	62,1
1.644,169	—	78,9	2.542,525	1	22,0	35,3	64,6
1.678,996	—	91,0	3.111,525	1	68,6	46,0	53,9
[3])	—	—	—	—	—	—	—
2.279,952	1	43,3	3.300,694	2	7,4	30,9	69,0
свѣдѣній	нѣ	тъ.	—	—	—	—	—
477,866	—	7,8	1.203,456	—	19,6	60,2	39,7
97.367,297	—	84,8	153.473,796	1	33,6	36,5	63,4

ѣрѣ съ выкупнымъ платежемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, приступившихъ къ вы-

мъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ крестьянской земли.
крестьянъ.

Итакъ, въ средней сложности по 46-ти губерніямъ, изъ общей суммы государственныхъ прямыхъ налоговъ и поземельныхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей на долю первыхъ выпадаетъ около 36%, тогда какъ вторые превышаютъ 63%.

Принимая въ разсчетъ исключительно данныя объ относительномъ размѣрѣ крестьянскихъ повинностей, уже можно предвидѣть, насколько трудно ожидать значительнаго облегченія сельскаго сословія, если ограничиться только преобразованіемъ системы прямыхъ налоговъ, такъ какъ послѣдніе составляютъ весьма малую часть платежей, лежащихъ на крестьянахъ, именно около 28% всѣхъ сборовъ, или 36% общей массы государственныхъ налоговъ и поземельныхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей.

III.

Прямые государственные сборы, взимаемые съ сельскихъ податныхъ классовъ, какъ видно изъ таблицы № 4, составляютъ въ европейской Россіи около 58½ мил. рублей.

Спрашивается, какая часть этой суммы будетъ переложена на другія сословія?

Предрѣшить этотъ вопросъ, конечно, мы не имѣемъ возможности; но допуская, что обложеніе лицъ, вновь привлекаемыхъ къ платежу государственныхъ налоговъ, не превыситъ 5% получаемаго ими дохода, мы, основываясь на болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактахъ, покажемъ, что при такихъ условіяхъ съ сельскаго населенія будетъ сложена *по крайней мѣрѣ* половина подушныхъ сборовъ, достигающихъ 54 мил. рублей.

Главные источники доходовъ подраздѣляются на пять разрядовъ: 1) промыслы; 2) торговля; 3) недвижимыя имущества; 4) процентныя бумаги и акціи, и 5) трудъ.

А. *Промыслы.* Кустарная и мелкая сельско-хозяйственная промышленности въ бо̀льшей части относятся къ домашнему крестьянскому хозяйству, а ремесленная къ мѣщанскимъ промысламъ [1]), поэтому мы будемъ имѣть въ виду только главныя отрасли фабрично-заводской промышленности.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ и тор-

---

[1]) Въ европейской Россіи мѣщане платятъ: подушнаго, государственнаго и земскаго сбора 1.300,000 руб. и промысловыхъ налоговъ около 100,000 руб.

вли (1867 г.) [1]), производство наиболѣе крупныхъ фабрикъ и за-довъ доходитъ до 340 мил. рублей:

Таблица № 5.

Родъ промышленности.	Сумма производства. Руб. въ тысячахъ:
I. Хлопчато-бумажная: бумагопрядильная, бумаго-ткацкая и ситце-набивная	97,500
II. Льно-прядильная и полотняная	10,500
III. Пенько-прядильная, канатная и веревочная	4,000
IV. Шерстяная, шерсто-прядильная, шерсто-ткацкая, суконная и ковровая.	50,000
V. Шелко-ткацкая, ленточная, парчевая, позументная, тесемочная, чулочная, красильная и отдѣлочная	11,000
VI. Писчебумажная, въ томъ числѣ обойная	5,500
VII. Химическая: химическихъ и красильныхъ продуктовъ; косметическое, уксусное, приготовленіе минеральныхъ водъ, зажигательныхъ спичекъ, лаковарное и сургучное	7,000
VIII. Кожевенная промышленность: дубильное производство, сафьянное, замшевое и кожелакировальное	16,000
IX. Свѣчная и мыловарная.	14,000
X. Свеклосахарная	40,000
XI. Винокуренная.	55,000
XII. Стеклянная и гончарная	5,250
XIII. Машино-строительная	32,500
Всего около. . .	340 милл.

Въ итогъ промысловыхъ заведеній не вошли: а) изъ сельскохозяйственныхъ: мукомольныя, крахмальныя, льно- и пенько-трепальныя, шерстомойныя, шелко-мотательныя, костеобжигательныя, винокуренныя, сыроварныя, рыбныя, кирпичныя, лѣсопильныя, рогожныя, смологонныя, скипидарныя, дегтярныя, масло и воско-бойныя, сапожныя и т. п.; и б) изъ носящихъ болѣе или менѣе характеръ ремесленнаго производства: столярныя, мебельныя, экипажныя, токарныя, скульптурныя, слесарныя, шорныя, скорняжныя, шляпныя, колаточныя, пробочныя, войлочныя, ватныя, клееночныя и т. п.

Разсматривая общую сумму производства главныхъ отраслей промышленности (340 м.), основанную на показаніи заводчиковъ и фабрикантовъ, г. Тимирязевъ приходитъ къ заключенію, что она далеко не выражаетъ дѣйствительнаго размѣра производства. Причины

---

[1]) Статистическій Атласъ главнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности. Тимирязева.

тому: а) значительный пропускъ не только мелкихъ, но даже кр
ныхъ фабрикъ и заводовъ, доходящій, напр., по кожевенному про
водству до 1/5 всѣхъ заведеній; б) умышленное уменьшеніе зав
чиками и фабрикантами суммы производства, вслѣдствіе боязни ф
кальныхъ цѣлей правительства; между прочимъ, изъ сравненія д
ствительной суммы производства 25-ти кожевенныхъ заводовъ съ ц
рой, показанной въ оффиціальномъ отчетѣ, оказалось уменьшенія
80%, а изъ сличенія свѣдѣній департамента мануфактуръ и торго
съ каталогами мануфактурныхъ выставокъ (1865 и 1870 гг.) уме
шеніе такого рода, достигающее въ частности до 40% по писче
мажнымъ фабрикамъ, можно полагать вообще въ 15—20%; и г)
конецъ, многіе промышленники, умышленно или по недоразумѣн
суммою годового производства показываютъ одну чистую прибы
По всѣмъ этимъ соображеніямъ г. Тимирязевъ считаетъ необхо
мымъ, для приближенія къ истинѣ, возвысить приведенную въ т
лицѣ № 5-й сумму производства заводской и фабричной промышл
ности до 50%.

Хотя такая поправка вполнѣ раціональна, тѣмъ болѣе, что со
дается съ другими изслѣдованіями [1]), но мы, соблюдая чрезвычай
осторожность въ своихъ выводахъ, увеличили итогъ производс
(340 т.) всего на 15% [2]).

Допуская, что доходъ промышленниковъ составляетъ только 1
суммы производства, опредѣленной нами въ 400 милл., доходъ эт
окажется въ 40 милл. рублей.

Б. *Торговля.* Отыскать приблизительно вѣрную сумму дохода
говцевъ гораздо болѣе затруднительно. При отсутствіи данныхъ
должны отказаться отъ всякой попытки исчислить доходность
говли по ея оборотному капиталу; почему прибѣгнемъ къ дру
способу, который хотя и не обезпечиваетъ насъ отъ грубыхъ о
бокъ, но все-таки является менѣе произвольнымъ и основаннымъ
какихъ-либо фактахъ. Мы говоримъ объ опредѣленіи дохода тор
цевъ по существующему налогу на торговыя заведенія.

Размѣръ торговыхъ и промысловыхъ пошлинъ согласованъ до
которой степени, во-первыхъ, съ значительностью самыхъ заведе

---

[1]) По вычисленію „Военно-Статист. Сборн.“, основанному преимущественно на
фрахъ, собранныхъ цент. стат. ком., исправленныхъ и дополненныхъ по свѣдѣн
министерства финансовъ, фабрично-заводское, въ томъ числѣ и наиболѣе кру
сельско-хозяйственное, производство оцѣнивается въ 584 милл. руб.

[2]) Въ Атласъ Тимирязева не вошли, между прочимъ, слѣдующія крупныя п
водства: пиво и медо-варенное—6 1/2 милл.; водочное и виноградныхъ винъ—13

одлежащихъ обложенію, и во-вторыхъ, по мѣстностямъ, какъ видно
ъ трудовъ податной коммиссіи [1]), съ густотою населенія, разви-
емъ фабричной и заводской промышленности, цѣнностью и количе-
вомъ отпускной и привозной торговли и другими данными, обу-
овливающими значеніе разныхъ торговыхъ и промышленныхъ цент-
въ. Конечно, свѣдѣнія, находившіяся въ распоряженіи составите-
й уст. о пошлин., могли быть весьма ошибочны и неполны, а вы-
ды коммиссіи произвольны и гадательны, но тѣмъ не менѣе уста-
вленный размѣръ пошлинъ имѣетъ нѣкоторое соотношеніе къ дѣй-
вительнымъ доходамъ промышленниковъ, хотя неодинаковое въ
дѣльныхъ случаяхъ, однако выясненное на практикѣ.

Гильдейскіе и промысловые свидѣтельства и билеты падаютъ не
лько на торговлю, но также на промышленность: заводы, фабрики,
стерскія и ремесленныя заведенія; поэтому для выясненія, по на-
ему способу, торговыхъ доходовъ, слѣдуетъ изъ общей суммы пош-
нъ вычесть извѣстный процентъ на долю промышленности.

По уст. о торг. и промысл. пошлинахъ, содержатели фабрикъ, заво-
въ и ремесленныхъ заведеній обязаны взятіемъ слѣдующихъ гиль-
йскихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ: 1) если употреб-
ютъ машины и снаряды, приводимые въ дѣйствіе паромъ или водою,
и содержатъ болѣе 16 работниковъ—свидѣтельства и билеты 2-й
ьдіи (ст. 34); и 2) если не употребляютъ машинъ и снарядовъ,
иводимыхъ въ дѣйствіе паромъ и водою, но содержатъ: а) отъ 10
16 рабочихъ—свидѣтельство и билетъ на мелочной торгъ; б) отъ
до 9 рабочихъ—только свидѣтельство на мелочной торгъ, и в) отъ
до 4 рабочихъ—свидѣтельство на мелочной торгъ съ половинной
плиной (ст. 41).

Въ матеріалахъ центр. стат. комитета и департамента мануфак.
торгов. [2]) имѣются свѣдѣнія о числѣ фабрикъ, заводовъ и другихъ
омысловыхъ заведеніяхъ, правда, безъ дѣленія ихъ на дѣйствую-
и при помощи машинъ и безъ оныхъ, но за то съ показаніемъ чи-
рабочихъ.

Руководствуясь этими данными, мы составили нижеслѣдующія двѣ
блицы, № 6 и 7, показывающія, сколько именно пошлинъ причи-
тся съ промысловыхъ заведеній:

---

[1]) Томъ V,. Труды податной коммиссіи. О пошлинахъ за право торговли и дру-
ъ промысловъ, 1863 г.

[2]) См. „Военно-Статистическій Сборникъ“ томъ IV, стр. 322—352.

Таблица № 6. Распредѣленіе фабрикъ, заводовъ и другихъ промысло выхъ заведеній на разряды по числу рабочихъ.

Названія фабрикъ, заводовъ и другихъ промысловыхъ заведеній, подлежащихъ обложенію пошлинами.	Распредѣленіе промысловыхъ заведеній по числу рабочихъ.			
	Отъ 1 до 4 рабочихъ.	Отъ 5 до 9-ти рабочихъ.	Отъ 10 до 16 рабочихъ.	Свыш 16-ти р бочих
1. Шерстомойныя и сортировальныя	—	—	—	6
2. Шерстопрядильныя и шерстяныхъ тканей	26	—	—	14
3. Суконныя.	14	89	46	33
4. Смѣшанныхъ шерстяныхъ тканей	1	—	—	2
5. Ковровыя.	—	—	—	1
6. Чулочныя и кромчатыя	—	—	5	
7. Войлочныя	73	—	1	
8. Льно-трепальныя	—	3	36	7
9. Льно-прядильныя	—	—	—	
10. Пенько-трепальныя	—	1	125	—
11. Пенько-прядильныя	—	—	—	8
12. Канатныя и веревочныя	153	36	21	4
13. Полотняныя	1	39	—	
14. Тесемочныя и канвовыя	2	—	1	
15. Бумагопрядильныя.	9	25	21	4
16. Бумаготкацкія	—	—	—	5
17. Ватныя	75	14	2	
18. Шелкомотальныя и сортировальныя	9	—	—	
19. Шелко-ткацкія	102	—	—	1
20. Ленточныя и басонныя	1	—	3	
21. Золототкацкія, эполетныя и пр.	87	1	—	
22. Клееночныя	2	1	2	—
23. Ситценабивныя, красильныя, отдѣлочныя, бѣлильныя и пр.	347	38	94	2
24. Шляпныя.	5	2	—	
25. Писчебумажныя	1	6	3	1
26. Обойныя, карточныя, футлярныя и пр.	2	2	1	
27. Лѣсопильныя	85	93	23	
28. Столярныя, мебельныя и бочарныя	209	10	12	
29. Резиновыя.	—	1	—	
30. Газовыя	13	—	3	
31. Кожевенныя.	2,864	731	199	
32. Шорныя, сафьянныя, замшевыя и пр.	251	18	36	
33. Сальныя и мыловаренныя	917	915	200	
34. Восковыя.	208	38	4	
35. Волосяныя и щетинныя	5	3	1	
36. Роговыя и клеевыя	149	36	22	
37. Кирпичныя и черепичныя	3,171	1,149	145	1
38. Гончарныя и горшечныя	1,380	74	11	-
39. Фаянсовыя и фарфоровыя	2	3	1	
40. Стеклянныя, зеркальныя и пр.	2	3	38	1
41. Карандашныя, чернильныя и пр.	1	2	—	
42. Чугуно-литейныя	17	14	12	2
43. Желѣзодѣлательныя	63	5	21	1
44. Сталелитейныя	—	2	—	
45. Оружейныя и слесарныя	—	5	—	
46. Прочихъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій [1])	23	2	—	1
47. Мѣдныя и бронзовыя.	50	16	9	1

[1]) Сюда не вошли машинные и инструментальные заводы, какъ освобожден отъ пошлинъ.

Названія фабрикъ, заводовъ и другихъ промысловыхъ заведеній, подлежащихъ обложенію пошлиною.	Распредѣленіе промысловыхъ заведеній по числу рабочихъ.			
	Отъ 1 до 4 рабочихъ.	Отъ 5-ти до 9 рабочихъ.	Отъ 10 до 16 рабочихъ.	Свыше 16 рабочихъ.
48. Серебра, золота, накладного серебра и мельхіора	5	215	—	32
49. Игольныя и булавочныя.	—	—	—	5
50. Пуговичныя	5	—	—	13
51. Словолитныя.	—	—	—	8
52. Проволочныя и металлическія	—	—	1	12
53. Жестяныя и дробныя	3	7	—	3
54. Маслобойныя	8,227	—	—	70
55. Мукомольныя [1])	10,691	7,611	41	83
56. Экипажныя	73	53	42	28
57. Музыкальныхъ инструментовъ.	3	—	—	24
58. Паточныя.	36	59	7	5
59. Дрожжевыя и солодовныя	249	25	5	—
60. Макаронныя, пряничныя и пр.	71	24	5	10
Итого	29,683	11,371	1,199	3,815

Таблица № 7. Исчисленіе общей суммы пошлинъ съ промысловыхъ заведеній.

Фабрики, заводы и другія промысловыя заведенія.	Общее число промысловыхъ заведеній.	Цѣна свидѣтельства [2]).	Сумма сбора за свидѣтельства.	Цѣна билета [2]).	Сумма сбора за билеты.	Всего сбора.
			Рубли.		Рубли.	Рубли.
I. Имѣющія свыше 16 работниковъ	3,815	45 р.	171,675	15 р.	57,225	228,900
II. Имѣющія отъ 10 до 16-ти работниковъ	1,199	15 р.	17,985	6 р.	7,194	25,179
III. Имѣющія отъ 5 до 10-ти работниковъ	11,371	15 р.	170,565	—	—	170,565
IV. Имѣющія отъ 1 до 4 работниковъ	29,683	7р.50к.	222,623	—	—	222,623
Итого . .	46,068	—	—	—	—	647,267

[1]) Промысловый налогъ взимается далеко не со всѣхъ мукомольныхъ заведеній, олько съ тѣхъ, которыя или находятся на чужихъ земляхъ, или въ чертѣ городхъ поселеній, или же имѣютъ болѣе 16 работниковъ, или машины, дѣйствующія ой или паромъ. Мы показали всѣ мельницы, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, чтобы ѣжать упрека въ произвольномъ уменьшеніи цифръ.

[2]) Цѣнность свидѣтельствъ и билетовъ опредѣлена уставомъ о пошлинахъ по тностямъ, раздѣленнымъ на 5 разрядовъ. Мы взяли цѣнность свидѣтельствъ и биовъ, установленную для средняго разряда мѣстностей, т.-е., третьяго разряда.

Мы должны сознаться, что предлагаемыя нами таблицы не охва тываютъ всѣхъ промысловыхъ заведеній, въ особенности же чув ствуется пробѣлъ въ ремесленныхъ и мастерскихъ заведеніяхъ, как видно изъ таблицы № 6-й. Не приняты также въ разсчетъ винок ренные и свеклосахарные заводы, равно табачныя фабрики, так какъ они облагаются промысловымъ сборомъ совершенно на других основаніяхъ — патентами и акцизными свидѣтельствами; собствен же гильдейскія *свидѣтельства* обязательны только для нѣкоторых содержателей поименованныхъ заводовъ и фабрикъ. Все это въ со вокупности и возможность другихъ погрѣшностей побудили нас увеличить полученный итогъ промысловыхъ пошлинъ на 100%, пр нявъ его въ 1.300,000 рублей.

Исключивъ изъ общей массы торговыхъ и промысловыхъ пош линъ, кромѣ этой суммы, еще сборъ за мѣщанскіе *промыслы* и развозную и разносную торговлю, въ большей части случае являющейся подспорьемъ крестьянскаго хозяйства (офени, коробе ники, ходебщики и т. п.), мы получимъ цифру, выражающую соб количество налога на торговлю, производимую лицами, не принадл жащими къ податнымъ сословіямъ, всего около 8.400,000 рублей.

Теперь остается опредѣлить доходъ торговцевъ, выяснивъ его о ношеніе къ торговымъ пошлинамъ.

Какъ извѣстно, торговля и промыслы облагаются у насъ пошл нами совершенно на одинаковыхъ основаніяхъ, исключая подлеж щихъ акцизнымъ сборамъ. Законъ прямо даже причисляетъ соде жаніе фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ и нѣкоторыхъ сельско-хозя ственныхъ заведеній къ торговымъ дѣйствіямъ (ст. 9 уст. о пошл Цѣнность свидѣтельствъ и билетовъ по мѣстностямъ одинакова д. торговыхъ и промысловыхъ заведеній. Все это даетъ намъ пра предполагать, что обложеніе торговли и промысловъ не предста ляетъ большой разницы.

Если мы возьмемъ *minimum* дохода промышленниковъ и *maxim* сбора съ промысловыхъ заведеній, выше приведенныхъ, то послѣдн окажется въ 3% дохода [1]). Мы смѣло могли бы принять такое отношеніе для исчисленія торговыхъ доходовъ, но имѣя въ ви особую цѣль нашего изслѣдованія, допустимъ, что торговыя по лины достигаютъ 4% дохода [2]). Итого, доходъ торговцевъ 210.000,0 рублей.

---

[1]) При исчисленіи промысловаго налога мы привели массу такихъ производст которыя не вошли въ таблицу № 5. Если принять это, то показанный проце обложенія долженъ еще болѣе уменьшиться.

[2]) Для наглядности мы приводимъ здѣсь разсчетъ — какому доходу будутъ со

Но это только часть доходовъ, такъ какъ мы вовсе еще не каса-ись торговли крѣпкими напитками и табакомъ.

Названная торговля, взамѣнъ *билетнаго* сбора, облагается патен-ми и акцизными свидѣтельствами; слѣдовательно, для опредѣленія хода вино-и табако-торговцевъ, мы должны поставить въ счетъ мму этого спеціальнаго налога на торговлю.

Патентный сборъ съ питейныхъ торговыхъ заведеній взимается размѣрѣ далеко превышающемъ торговыя пошлины; впрочемъ, смотря на это, особыя выгоды, сопряженныя съ торговлей крѣп-ми напитками, заставляютъ думать, что цѣна патентовъ, въ сред-

---

гствовать разныя торговыя свидѣтельства и билеты по мѣстностямъ, если принять ше отношеніе.

азваніе торговыхъ доку-ментовъ.	Цѣна торго-ваго доку-мента.	Соотвѣтст-вующій до-ходъ.	Названіе торговыхъ доку-ментовъ.	Цѣна торго-ваго доку-мента.	Соотвѣтст-вующій до-ходъ.
	Рубли.	Рубли.		Рубли.	Рубли.
идѣтельство 1 гильдіи.	265	6,625	3-го класса	20	500
идѣтельство 2 гильдіи:			4-го „	15	375
1-го класса	65	1,625	5-го „	10	250
2-го „	55	1,375	*Билеты 2 гильдіи:*		
3-го „	45	1,125	1-го класса	20	500
4-го „	35	875	2-го „	17	425
5-го „	25	625	3-го „	15	375
идѣтельство на мелоч-торгъ (съ полной по-шлиной):			4-го „	10	250
			5-го „	5	125
			Билеты на мелочной торгъ:		
1-го класса	20	500	1-го класса	10	250
2-го „	18	450	2-го „	8	200
3-го „	15	375	3-го „	6	150
4-го „	10	250	4-го „	4	100
5-го „	8	200	5-го „	2	50
Билеты 1 гильдіи:					
1-го класса	30	750			
2-го „	25	625			

Изъ этой таблицы можно вывести средній доходъ, получаемый торговцами при омъ торговомъ помѣщеніи (каждому соотвѣтствуетъ билетъ), взявъ для этого цѣн-ть торговыхъ документовъ средней мѣстности, то-есть, третьяго разряда:

Названіе торговцевъ.	Цѣнность документовъ.		Средній доходъ торговцевъ.
	Свидѣтельства.	Билеты.	
	Рубли.	Рубли.	Рубли.
I. Купецъ 1-й гильдіи . . .	265	20	7,125
II. Купецъ 2-й гильдіи . . .	45	15	1,500
III. Мелочной торговецъ . . .	15	6	525

Надобно имѣть въ виду, что по одному свидѣтельству можно содержать нѣсколько говыхъ заведеній, взявъ только на каждое особый билетъ; такъ что *средній до-ъ* торговца съ каждаго отдѣльнаго магазина, лавочки, склада и т. п. значительно кенъ быть ниже нами указаннаго, при томъ же отношеніи пошлинъ къ дохо-ъ (4%).

ней сложности, едва ли болѣе 9—10% дохода торговцевъ; но мы во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, согласны принять, что патентный сборъ на 200% болѣе торговыхъ пошлинъ, то-есть составляетъ 12% дохода торговцевъ [1]).

Не считая столицъ, доходность разнаго рода питейныхъ заведеній представится, по нашему предположенію, въ слѣдующемъ виде:

Названіе торговыхъ заведеній.	Цѣна патента.	Доходъ виноторговца.
	Рубли.	Рубли.
Оптовые склады:		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ.	100	833
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ .	50	416
Рейнсковые погреба.		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ.	100	833
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. .	35	291
Погреба русскихъ виногр. винъ.		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ.	15	125
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. .	5	41
Трактирныя заведенія.		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ.	55	458
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. .	35	291
Портерныя и пивныя.		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ.	30	250
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. .	15	125
Питейныя заведенія, исключая нижепоименованныхъ.		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ.	140	1,1
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. .	70	583
Питейныя заведенія въ губерніяхъ западныхъ, Малороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бессарабской губерніи.		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ.	70	583
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. .	45	375
Съ корчемъ Прибалтійскихъ губ., въ уѣздахъ.	15	125

Разсматривая эти данныя, нельзя усомниться въ крайней умѣренности принятаго нами процента для исчисленія дохода. Если, с одной стороны, доходъ получаемый виноторговцами съ питейныхъ з веденій въ великороссійскихъ губерніяхъ (отъ 1166 до 583) може показаться высокимъ (для людей, незнакомыхъ съ выгодами питей ной торговли), то съ другой, никто не будетъ отрицать миніатюр ность предположенныхъ доходовъ содержателей оптовыхъ складов рейнсковыхъ погребовъ, погребовъ русскихъ виноградныхъ винъ, тра тирныхъ заведеній, портерныхъ и пивныхъ лавокъ и всѣхъ остальны питейныхъ заведеній.

---

[1]) Высочайше утвержденнымъ, 16-го іюня 1873 г., мнѣніемъ Государственн совѣта, стоимость почти всѣхъ патентовъ на торговыя заведенія увеличена на 100 но мы не могли принять это въ разсчетъ, такъ какъ еще нельзя предвидѣть, сколько такая мѣра можетъ измѣнить общую сумму патентнаго сбора и численно питейныхъ заведеній. Помянутыя правила введены въ дѣйствіе только съ 1-го янва настоящаго года.

Патентный сборъ составляетъ всего 10 милл. рублей; доходъ ви-
торговцевъ опредѣлится, по нашему способу, въ 83 милл. рублей.
Цѣнность табачныхъ акцизныхъ свидѣтельствъ почти вдвое ме-
е патентнаго сбора, такъ что maximum—6% дохода. Стоимость
ѣхъ торговыхъ табачныхъ свидѣтельствъ около 800 т. руб.; доходъ
бако-торговцевъ—13 милл. рублей.
Итого доходъ всѣхъ торговцевъ 306.000,000 рублей.
III. *Недвижимыя имущества.* Изъ раскладки поземельнаго госу-
рственнаго земскаго сбора видно, что въ рукахъ частныхъ земле-
адѣльцевъ европейской Россіи, не считая Прибалтійскихъ губер-
: Эстляндской и Лифляндской, а также области войска Донского,
редоточено 86.772,000 десятинъ удобной земли. Затѣмъ, въ Эст-
ндской и Лифляндской за помѣщиками числится 4.500,000 деся-
ъ удобной земли [1]), по области же войска Донского нѣтъ свѣдѣ-
о размѣрѣ частнаго землевладѣнія. Если даже не обратить вни-
нія на этотъ пробѣлъ, то все-таки общее количество удобной
ли, находящейся во владѣніи лицъ, непринадлежащихъ къ подат-
му сословію, простирается до 91 милл. десятинъ.
Достовѣрно исчислить доходъ, получаемый владѣльцами этого не-
жимаго имущества, мы не въ состояніи, по отсутствію данныхъ.
обращаясь къ земскимъ раскладкамъ, основаннымъ на цѣнности
ходности облагаемыхъ предметовъ, есть вѣроятіе нѣсколько при-
зиться къ истинной цифрѣ дохода. Мы говоримъ *нѣсколько*, такъ
ъ, во-первыхъ, земскія оцѣнки вообще низки сравнительно съ
ѣствительной доходностью, и во-вторыхъ, производятся по весьма
личнымъ способамъ, не только въ отдѣльныхъ губерніяхъ, но и
дахъ.

Таблица № 8. Поземельные доходы, по земской оцѣнкѣ.

Названія губерній.	Доходность десятины. Руб.	Коп.	Названія губерній.	Доходность десятины. Руб.	Коп.
димірская	1	16,8	Рязанская	2	20,0
онежская	2	11,2	Самарская	—	80,5
ская.	—	63,7	С.-Петербургская	—	92,6
теринославская . . .	1	12,5	Саратовская.	1	46,4
анская	—	88,0	Симбирская	1	1,6
ужская	—	77,1	Смоленская	—	86,5
громская.	—	49,7	Таврическая.	1	5,1
ская	1	84,1	Тамбовская	2	24,8
ковская	1	55,4	Тверская	—	94,6
кегородская.	—	65,1	Харьковская.	1	96,2
городская	—	47,4	Херсонская	—	85,8
нецкая	—	11,9	Черниговская	1	35,2
мская.	—	29,1	Ярославская	1	28,2
гавская	1	50,1			
овская	—	75,0	Итого, въ среднемъ выво-		
овская	2	24,9	дѣ по 29 губерніямъ . .	0	99,1

[1]) См. Воен. Стат. Сбор. т. IV.

Мы должны оговорить, что при опредѣленіи средней доходности десятины приняты и *казенныя* земли, оцѣнка которыхъ значительно менѣе остальныхъ. Такъ, по земскимъ раскладкамъ:

Въ губерніяхъ:	Доходность одной десятины казенной земли. Копѣйки.	Менѣе средней доходности вообще. Рубли.	Коп.	Проценты.
Вятской	10,4	—	53,3	83,6
Новгородской . . .	21,7	—	25,7	54,2
Полтавской	14,9	1	35,0	90,0
Симбирской. . . .	46,5	—	55,1	54,2

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ казенной земли немного (Полтавской Симбирской), это обстоятельство, конечно, не вліяетъ на средніе выводы о доходности земель частныхъ землевладѣльцевъ; но за то тамъ, гдѣ онѣ составляютъ замѣтный процентъ, средняя доходность (табл. № 8-й) должна быть значительно увеличена; такъ, напр., въ Вятской губерніи на 33,7 коп., или болѣе чѣмъ на 52%.

Въ виду этого, а равно умѣренности земскихъ оцѣнокъ, казалось бы справедливымъ повысить нѣсколько среднюю доходность десятины (99,1 коп.); но принимая во вниманіе, что выводъ нашъ сдѣланъ только по 29-ти губерніямъ и допуская, что въ остальныхъ мѣстностяхъ цѣнность земель сравнительно меньше, мы примемъ доходность удобной десятины для всей Европейской Россіи въ 80 коп. т.-е., на 20% ниже земской оцѣнки; слѣдовательно, по малой мѣрѣ доходъ частныхъ землевладѣльцевъ 73 милл. рублей.

Оставляя въ сторонѣ уѣздныя строенія, по ихъ относительной малодоходности, мы перейдемъ къ изслѣдованію дохода владѣльцевъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, причемъ въ основаніе нашего разсчета возьмемъ отношеніе государственнаго налога къ доходности этихъ имуществъ.

Хотя мы имѣемъ полныя свѣдѣнія о мѣстныхъ оцѣнкахъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ налогу, но они до такой степени лишены достовѣрности, вслѣдствіе очевиднаго уменьшенія цѣнности, что мы полагаемъ совершенно достаточнымъ привести только нѣкоторые образчики.

Названія городовъ:	Цѣнность городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Рубли.	Названія городовъ:	Цѣнность городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Рубли.
Витебскъ	1.275,000	Тверь	1.382,96
Вологда	1.025,834	Черниговъ	1.496,35
Вятка	851,700	Гдовъ	48,00
Калуга. , ...	1.400,942	Царское-Село	863,70
Оренбургъ.	895,752	Гатчина	89,60
Рязань.	1.203,165	Ораніенбаумъ	405,80
Симбирскъ	1.501,218	Павловскъ	812,43
Смоленскъ.	1,540,948		
Тамбовъ	1.381,907	Итого . . .	16.175,32

Если положимъ доходность въ 5% цѣнности, то въ поименованныхъ городахъ государственный налогъ съ имуществъ окажется *все-таки* не болѣе 10% дохода. Въ другихъ же городахъ, гдѣ оцѣнка болѣе приближается къ дѣйствительности (хотя далеко не вполнѣ), налогъ составляетъ: въ Вильнѣ—5% дохода; Владимірѣ—5%; Екатеринославѣ—5%; Митавѣ—4%; Минскѣ—6%; Могилевѣ—3½%; Орлѣ—5½%; Перми [1])—4½%; Подольскѣ—5½%; С.-Петербургѣ—5% [2]); Симферополѣ—3%; и т. д. Такъ что, на самомъ дѣлѣ, налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ не превышаетъ 2—4% доходности; но мы готовы считать его въ 6%. Налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ 2 милл.; доходъ ихъ владѣльцевъ—33 милл. рублей.

Итого доходъ владѣльцевъ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ—106 милл. рублей.

IV. *Процентныя бумаги.* Изъ числа процентныхъ бумагъ, по закону, не могутъ подлежать обложенію: а) бумаги государственныхъ срочныхъ займовъ — внутреннихъ и внѣшнихъ, и б) три выпуска консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій; всего на сумму 25.870,790 рублей. Затѣмъ, капиталъ всѣхъ остальныхъ государственныхъ и частныхъ бумагъ, могущихъ подлежать обложенію, составляетъ (къ 1873 г.) 2.708,314,931 [3]) рубль, съ доходомъ въ 135.250,000 рублей, какъ видно изъ таблицъ №№ 9-й и 10-й:

Таблица № 9.

Названіе государственныхъ процентныхъ бумагъ.	Капиталъ.	Доходъ (процентъ).
	Рубли.	Рубли.
I. *Срочные внѣшніе займы* (1-й голландскій; англо-голландскіе 1864 и 1866 гг.; 4½%-ные: 1-й и 2-й; 4%-ные: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й)	195.036,349	9.143,658
I. *Срочные внутренніе займы* и *билеты государственнаго банка* (5% банковые билеты 1859, 1861, 1863 и 1869 гг. и выкупныя свидѣтельства; 4% металлическіе билеты; 4% польскій заемъ; 5½% свидѣтельства государственнаго банка на непрерывный доходъ по выкупу).	818.799,954	40.777,393
[. 4,32% билеты государственнаго казначейства (серіи) и 4% облигаціи казначейства Царства Польскаго	239.320,885	10.264,035
Итого . . .	1.253.157,188	60.185,086

[1]) Въ Перми городскія недвижимыя имущества оцѣнены всего въ 1.495,000 руб.

[2]) Въ Петербургѣ—оцѣнка 113 милл. рублей.

[3]) См. Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ въ Россіи, И. Гейлера, и собранія узаконеній и распоряженій правительства за 1871 и 1872 гг. Изъ помѣщенныхъ въ Сборникѣ Гейлера бумагъ не введены въ разсчеты: 2-й голландскій заемъ, 3-й и 4-й 5%-ные займы и гарантія по греческому дѣлу, какъ окончательно погашенные къ 1871 г. Бумаги, выпущенныя на иностранныя валюты или на металлическіе рубли, переведены въ кредитные рубли, по курсу 2-го мая 1873 г.

Таблица № 10 [1]).

Названіе частныхъ процентныхъ бумагъ.	Капиталъ [2]). Рубли.	Доходъ [3]). Рубли.
I. Бумаги ипотечныхъ обществъ и банковъ [4]) . . .	122.995,211	6.223,672
II. Бумаги банковыхъ обществъ	68.450,000	4.394,050
III. Бумаги страховыхъ обществъ.	27.150,000	2.418,800
IV. Бумаги пароходныхъ обществъ [5])	26.848,937	2.924,044
V. Бумаги желѣзно-дорожныхъ обществъ [6])	1.032.007,871	49.699,006
VI. Бумаги торгово-промышленныхъ обществъ [7]). . .	177.705,724	9.405,526
Итого . . .	1.455.157,743	75.075,098

V. *Трудъ*. Подъ этимъ источникомъ дохода мы подразумѣваемъ вознагражденіе, получаемое лицами, не принадлежащими къ податнымъ сословіямъ, на *государственной*, *общественной* и *частной* службѣ.

Мы располагаемъ только свѣдѣніями о размѣрѣ содержанія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, но и они не полны, такъ какъ извлечены изъ старыхъ смѣтъ (1867 г.) и въ нихъ не вошелъ составъ министерства Двора и императрицы Маріи:

---

[1]) Общественные городскіе банки, общества взаимнаго кредита (исключая поземельнаго), и ссудо-сберегательныя товарищества не вошли въ разсчетъ.

[2]) При неимѣніи свѣдѣній о количествѣ и цѣнности бумагъ показаны основные капиталы общества.

[3]) Доходъ съ паевъ и акцій принятъ: 1) средній размѣръ дѣйствительнаго выданнаго въ 1867—69 гг. (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ 1867—70 гг.) дивиденда; 2) при неимѣніи свѣдѣній объ этомъ—гарантированный правительствомъ процентъ; и 3) если нѣтъ и гарантіи—доходъ принятъ въ 5% капитала.

[4]) Изъ помѣщенныхъ въ Сборникѣ Гейлера бумагъ не введены въ разсчетъ, за неизвѣстностью ни дѣйствительно выпущеннаго, ни основного капитала, бумаги обществъ: рижскаго город. кредит.; ревельскаго город. кредит.: земскаго кредит. въ Царствѣ Польскомъ; лифлянд. дворян. земск. кредит.; курлянд. двор. земск. кредит. и лифляндск. крестьянскаго непрерыв. доход. банка.

[5]) Бумаги с.-петерб.-любскаго общества не вошли въ таблицу, такъ какъ общество это въ 1871 г. ликвидировало свои дѣла.

[6]) Въ 1871—72 гг. послѣдовало уменьшеніе основного капитала по акціямъ рыбинско-бологовской желѣзной дороги на 8.347,680 р., которые исключены изъ счета и соотвѣтственно тому пониженъ доходъ этого общества, принятый въ размѣрѣ средняго дивиденда (3²/₃%).

[7]) Въ разсчетъ не вошли: а) всѣ благотворительныя общества, и б) акціи россійско-американской компаніи, какъ прекратившей свои дѣйствія. Изъ общей суммы исключено также уменьшеніе основныхъ капиталовъ по спасской бумагопрядильнѣ и ткац. мануфак. и варшавскаго общества сахарн. завод., всего на — 3.400,000 руб. съ доходомъ (полагая его въ 5%) въ 170,000 рублей.

Таблица № 11. Содержаніе лицъ, состоящихъ на государственной службѣ [1]).

Размѣръ содержанія. Рубли.	Число лицъ.	Сумма содержанія. Рубли.	Размѣръ содержанія. Рубли.	Число лицъ.	Сумма содержанія. Рубли.
Свыше 10 т. . .	48	1.010,414	Отъ 800 до 900	1,690	1.433,481
Отъ 9 до 10 т.	14	135,239	„ 700 „ 800	2,665	2.005,734
„ 8 „ 9 т.	12	100,419	„ 600 „ 700	4,449	2,893,359
„ 7 „ 8 т.	47	344,822	„ 500 „ 600	9,339	5.204,047
„ 6 „ 7 т.	59	387,002	„ 400 „ 500	11,120	5.007,586
„ 5 „ 6 т.	118	641,797	„ 300 „ 400	19,815	6.819,476
„ 4 „ 5 т.	207	915,582	„ 200 „ 300	14,136	3.757,123
„ 3 „ 4 т.	425	1.492,383	„ 100 „ 200	8,055	1.279,433
„ 2 „ 3 т.	1,344	3.351,712	Менѣе 100	5,033	284,677
„ 1 „ 2 т.	7,113	9.494,469	Содержаніе безъ означенія числа лицъ.	—	10.380,276
„ 900 „ 1 т.	3,208	3.132,164	Итого . .	—	60.071,203 [2])

Если присоединить къ этому итогу содержаніе, получаемое: ми-выми посредниками, мировыми судьями, членами и секретарями бернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, предсѣдателями, енами, секретарями, бухгалтерами городскихъ и земскихъ управъ, вокатами, стряпчими, нотаріусами, маклерами, равно служащими желѣзнымъ дорогамъ и въ другихъ акціонерныхъ обществахъ и вариществахъ, то это составитъ прибавку не менѣе 10 милл. руб-й, считая на каждую губернію всего по 200 т. рублей.

Насколько мы осторожны въ нашемъ выводѣ, всякій можетъ рѣ-ить, взглянувъ на слѣдующія цифры, относящіяся до Тамбовской берніи, собранныя мѣстной губернской управой:

Названіе учрежденій и мѣстъ	Число лицъ.	Получаемое содержаніе.
I. По дворянскимъ учрежденіямъ (9 уѣздовъ) . .	64	19,860
II. По мировымъ учрежденіямъ (по всей губерніи).	187	229,481
III. По городскимъ учрежденіямъ (10 уѣздовъ) . .	81	17,913
IV. По крестьянскимъ учрежденіямъ (въ 7 уѣздахъ).	82	44,594
V. По земскому управленію (во всей губерніи). .	557	185,332
VI. По желѣзнымъ дорогамъ (во всей губерніи). .	2,394	643,586
Итого	3,365	1.140,766

Впрочемъ, имѣя слишкомъ много въ запасѣ для подтвержденія шей мысли, высказанной въ началѣ настоящей главы, мы не вос-льзуемся даже этой поправкой, принявъ, что трудъ привилегиро-ванхъ сословій оплачивается всего 60 милл. рублей [3]).

---

[1]) Труды коммиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществахъ и сіоннаго устава.

[2]) Въ эту сумму не включены: а) содержаніе канцелярскихъ служителей (около ил. руб.) и б) содержаніе нижнихъ воинскихъ чиновъ (5 м.).

[3]) Мы не брали въ разсчетъ также *пенсіи*, сумма которыхъ, выдаваемая изъ го-арственнаго казначейства, составляла въ 1867 г. болѣе 16 мил. рублей на 141 енсіонеровъ, т.-е. въ среднемъ—по 113 рублей на каждаго.

Такимъ образомъ, результатомъ нашихъ изслѣдованій о доходах лицъ, не принадлежащихъ къ податному населенію, оказывается:

Доходъ промышленниковъ	40.000,000	руб.
„ торговцевъ	306.000,000	„
„ землевладѣльцевъ	73.000,000	„
„ владѣльцевъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ	33.000,000	„
„ владѣльцевъ разнаго рода процентныхъ бумагъ и акцій . .	135.000,000	„
„ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ	60.000,000	„
Итого . . .	647.000,000	руб. [1])

Пять процентовъ этой суммы—32 милл., тогда, какъ половин подушныхъ сборовъ составляетъ 27 милл., т.-е., первая цифра болѣ послѣдней на 18%.

Можетъ ли быть дальнѣйшій споръ о возможности переложит съ податныхъ сословій на другія половину подушныхъ сборовъ?

VI.

Возвращаясь къ таблицамъ II-й главы, мы увидимъ, что сложени половины подушныхъ сборовъ съ податныхъ сословій выразится в уменьшеніи на 15% всѣхъ крестьянскихъ повинностей, или на 18 общей суммы государственныхъ сборовъ и *поземельныхъ* выкупных и оброчныхъ платежей.

Въ дѣйствительности, такое облегченіе сельскаго населенія весьм *ничтожно*, какъ можно заключить по свѣдѣніямъ Высочайше утверж денной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, равно и д другимъ даннымъ.

Но *тягость* повинностей, лежащихъ на податномъ сословіи, об словливается не только массой ихъ, но также *неуравнительным* распредѣленіемъ государственныхъ сборовъ и *поземельныхъ* выку ныхъ и оброчныхъ платежей, наиболѣе рѣзкимъ въ отношен крестьянъ разныхъ наименованій.

Все сельское населеніе европейской Россіи можно раздѣлить в двѣ почти равныя части (въ каждой свыше 20 милл. душъ обоег пола), съ одной стороны — на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ другой—на бывшихъ государственныхъ (около 20 милл. душъ об его пола) и удѣльныхъ крестьянъ, колонистовъ и крестьянъ других вѣдомствъ. Характеризовать эти два разряда сельскихъ обывателе можно такъ: первые владѣютъ *меньшимъ* количествомъ земли и пла

---

[1]) Полученный итогъ, конечно, не имѣетъ никакого реальнаго значенія; онъ в женъ только какъ аргументъ для защиты нашего предположенія, ибо, безъ сомнѣн выражаетъ собой minimum дохода привилегированныхъ сословій.

ятъ *болѣе* повинностей, а вторые владѣютъ *бо̀льшимъ* надѣломъ и латятъ *меньше* повинностей.

Возьмемъ для сравненія нѣсколько губерній, по которымъ мы мѣемъ достовѣрныя цифры о количествѣ надѣловъ и *поземельныхъ* латежей бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ [1]):

аблица № 12. О размѣрѣ поземельнаго надѣла бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Названія губерній.	Количество десятинъ, причитающихся на душу. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ (не считая лѣса).	Количество десятинъ, причитающихся на душу. У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.	Надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ *менѣе* %.
Астраханская. . .	15,7	10,3	34,3
Бессарабская . . .	7,9	7,8	1,2
Владимірская . . .	4,6	3,7	19,5
Екатеринославская .	6,7	3,4	49,2
Костромская . . .	5,7	4,9	14,0
Курская.	4,2	2,3	45,2
Нижегородская . .	4,7	3,4	27,6
Новгородская . .	6,9	5,6	18,8
Псковская	5,0	4,8	4,0
Смоленская . . .	5,7	4,0	29,8
Таврическая . . .	9,6	6,2	35,4
Тверская	4,1	4,0	2,4
Харьковская . . .	4,6	2,6	43,4
Херсонская . . .	6,7	3,8	43,2
Уфимская	6,8	4,3	36,7

аблица № 13. О неуравнительности государственныхъ сборовъ, падающихъ на крестьянъ.

Названія губерній.	Бывшіе государственные крестьяне платятъ съ десятины. Государственныхъ подушныхъ сборовъ.	Государств. поземельнаго земскаго сбора.	Всего съ десятины государств. сборовъ.	Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ съ десятины. Государственныхъ подушныхъ сборовъ.	Государственнаго поземельнаго сбора.	Всего съ десятины государств. сборовъ.	Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ **болѣе** государственныхъ сборовъ съ десятины.
	Копѣйки	Копѣйки	Копѣйки	Руб. К.	Копѣйки	Руб. К.	%
Астраханская	10,3	1	11,3	15,8	1	16,8	48,6
Бессарабская	24,4	4,2	28,6	24,7	4,2	28,9	1,0
Владимірская	57,1	5,5	62,6	71,0	5,5	76,5	22,2
Екатеринославская . .	27,7	4,3	32,0	54,7	4,3	59,0	84,3
Костромская	37,8	1,5	39,3	44,0	1,5	45,5	15,7
Курская	63,8	10,0	73,8	1 16,5	10,0	1 26,5	71,4
Нижегородская	54,2	3,4	57,6	75,0	3,4	78,4	36,1
Новгородская	25,3	1,0	26,3	31,2	1,0	32,2	22,4
Псковская.	34,6	1,3	35,9	36,0	1,3	37,3	3,8
Смоленская	30.8	1,4	32,2	44,0	1,4	45,4	40,9
Таврическая.	23,0	3,3	26,3	35,6	3,3	38,9	47,9
Тверская.	53,4	1,8	55,2	54,7	1,8	56,5	2,3
Харьковская.	55,4	7,8	63,2	98,0	7,8	1 5,8	67,4
Херсонская	32,9	4,3	37,2	58,1	4,3	62,4	67,7
Уфимская.	36,4	1,6	38,0	57,6	1,6	59,2	55,7

[1]) Отчетъ о работахъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ 872 г.

Таблица № 14. О неуравнительности поземельныхъ, выкупныхъ и оброч. платежей бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Названія губерній.	Размѣръ поземельныхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей:				Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе съ десятины.
	У бывшихъ государ. крестьянъ.		У бывшихъ помѣщич. крестьянъ.		
	на душу.	на десятину.	на душу.	на десятину.	
	Руб. К.	Копѣйки	Руб. К.	Руб. К.	%
Астраханская	4 —	25,2	6 41	—62,0	146,0
Бессарабская	3 65,2	45,5	13 91,2	1 78	291,2
Владимірская	4 3,7	86,7	7 1,5	1 86,7	115,3
Екатеринославская	3 56,2	53,0	6 35,5	1 86,5	251,8
Костромская	3 84,7	66,2	6 94,0	1 41,5	113,7
Курская	4 —	94,7	6 0,5	2 59,5	174,0
Нижегородская	3 53,5	74,7	6 53,0	1 89,7	153,9
Новгородская	3 27,7	47,2	7 8,2	1 25,5	165,8
Псковская	2 95,0	58,0	6 41,0	1 32,2	127,9
Смоленская	3 32,5	57,7	6 55,5	1 62,2	181,1
Таврическая	4 18,0	43,5	7 20,0	1 14,5	163,2
Тверская	4 5,0	96,5	6 94,5	1 71.7	77,9
Харьковская	4 25,7	92,0	5 82,0	2 23,5	142,9
Херсонская	3 48,0	51,5	6 76,0	1 75,7	241,1
Уфимская	3 71,7	54,2	6 68,2	1 54,2	184,5

Цифры эти внушительны и способны возбудить самыя невыгодныя предположенія; но они не разъясняютъ еще окончательно размѣръ тѣхъ средствъ, которыя необходимы для устраненія экономической разности въ положеніи бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ.

Мы постараемся сдѣлать приблительный разсчетъ.

Въ 48-ми губерніяхъ европейской Россіи, по раскладкѣ государственнаго поземельнаго земскаго сбора, во владѣніи крестьянъ всѣхъ наименованій считается 116.000,000 десятинъ удобной земли. Въ предѣлахъ этой мѣстности: бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — около 10.540,000, а государственныхъ, удѣльныхъ и другихъ вѣдомствъ — 12.540,000 душъ м. п. Средній душевой надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — 3,50 десятины; всего въ рукахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—37.000,000 десятинъ. На остальныхъ приходится 79.100,000 десятинъ, слѣдовательно, на каждую душу 6,30 дес

Средніе оклады: подушной подати (1 р. 78 коп.) и подушнаго государственнаго земскаго сбора (54,3 коп.) для всѣхъ крестьянъ одинаково — по 2 р. 32,3 коп. съ *души*; поземельнаго государственнаго земскаго сбора вообще съ каждой *десятины*—3,9 коп.; оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ—70,0 коп. съ *десятины*; и, наконецъ, выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 1 р. 57,0 коп. съ *десятины*.

Переводя всѣ эти повинности на *десятину* помѣщичьихъ и госу

дарственныхъ крестьянъ, мы получимъ такіе средніе выводы почти для всей европейской Россіи (48 губ.):

Таблица № 15. Сравнительный обзоръ экономическаго положенія бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Размѣръ позем. надѣла на душу у крестьянъ бывшихъ:		У помѣщичьихъ крестьянъ менѣе земли.	Количество государственныхъ сборовъ съ крестьянъ бывшихъ:		Помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе государ. налоговъ.	Количество поземельныхъ, оброчныхъ и выкупныхъ платежей крестьянъ бывшихъ:		Помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе поземельныхъ сборовъ.	Всего платежей крестьянъ бывшихъ:		ИТОГО помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе
Государственныхъ.	Помѣщичьихъ		Государственныхъ.	Помѣщичьихъ		Государственныхъ.	Помѣщичьихъ		Государственныхъ.	Помѣщичьихъ	
Десятинъ.	Десятинъ.	%	Съ десятины. Копѣйки.		%	Съ десятины. Коп.	Руб. К.	%	Съ десятины. Руб. К.	Руб. К.	%
6,30	3,50	44,44	40,7	70,2	72,4	70,0	1 57,0	124,2	1 10,7	2 27,2	105,2

Итакъ, бывшіе помѣщичьи крестьяне *вдвое менѣе* надѣлены землей, причемъ платятъ *вдвое болѣе*, сравнительно съ государственными.

Громадное значеніе этого факта въ организмѣ нашей государственной жизни обрисуется въ глазахъ каждаго, кто вспомнитъ, во-первыхъ, что сравненіе наше относится къ двумъ категоріямъ сельскихъ обывателей, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ свыше *шестнадцати милліоновъ* душъ обоего пола; и во-вторыхъ, что матеріальное положеніе государственныхъ крестьянъ *само по себѣ* далеко не безпечено и требуетъ облегченія въ платежахъ, какъ можно судить по свѣдѣніямъ Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства.

Но обратимся къ цифрамъ.

Изъ таблицы № 15-й видно, что бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе бывшихъ государственныхъ на 105%, или на 1 р. 17 коп. съ десятины, а всего на 43.000,000 рублей.

Вотъ *та сумма*, которая должна быть сложена съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, чтобы *только* приравнять сборы, падающіе на нихъ, къ размѣру повинностей государственныхъ крестьянъ.

Половина подушныхъ сборовъ, могущая по нашему предположенію перейти съ податныхъ на другія сословія, составляетъ сумму въ 17 милл. рублей. Если эти *милліоны* даже исключительно предназначить на уменьшеніе повинностей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то *тягость* сборовъ, оставшаяся на послѣднихъ все-таки будетъ, относительно тягости платежей лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ,—*болѣе* на 39%, или на 43,2 коп. съ десятины, всего же на 13 милл. руб. Это при надѣлѣ, который меньше на 44,4%, сравнительно съ надѣломъ остальныхъ крестьянъ.

Ясно, что податная реформа, въ размѣрахъ нами предположенныхъ, окажется еще не въ силахъ развязать этотъ *гордіевъ узелъ*, помимо даже облегченія государственныхъ сборовъ, причитающихся съ колонистовъ, бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ.

Но средства, которыми располагаетъ государство, громадны. Рядомъ съ податной реформой могутъ быть приняты другія, въ совокупности болѣе дѣйствительныя мѣры: а) соотвѣтственное уменьшеніе выкупныхъ платежей; б) надѣленіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это признается удобнымъ и необходимымъ, казенными землями на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ; в) открытіе широкаго государственнаго кредита сельскому сословію для покупки частныхъ земель; г) отмѣна круговой поруки во всѣхъ ея видахъ; д) уничтоженіе паспортной системы, и ж) обезпеченіе болѣе свободнаго выхода изъ сельскихъ обществъ, въ особенности относительно бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ [1]).

Л. Бухъ.

---

[1]) *Общее положеніе о крестьянахъ*. Ст. 130. Для увольненія крестьянъ изъ сельскихъ обществъ требуется соблюденіе слѣдующихъ условій:... 2) чтобы къ увольненію не было препятствія по отправленію рекрутской повинности; 3) чтобы на *семействѣ* увольняемаго не было никакихъ казенныхъ, земскихъ, ни мірскихъ недоимокъ, и чтобы, при томъ, подати были уплачены имъ по 1-е января слѣдующаго года; 4) чтобы на увольняемомъ не было безспорныхъ *частныхъ* взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному управленію; 5) чтобы увольняемый не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ; 6) чтобы *родители* увольняемаго были согласны на увольненіе; 7) чтобы остающіеся въ обществѣ, въ семействѣ увольняемаго крестьянина малолѣтные и другія лица, неспособныя къ работѣ, были *обезпечены* въ своемъ содержаніи; 8) чтобы на увольняемомъ крестьянинѣ, если онъ пользуется надѣломъ помѣщичьей земли, не было недоимокъ въ повинностяхъ, причитающихся за такое пользованіе, и 9) чтобы желающій получить увольненіе представилъ пріемный приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ... (Кромѣ того случая, когда переходъ совершается въ предѣлахъ одной и той же волости).

Положеніе о выкупѣ. Ст. 173. Когда земля пріобрѣтена отъ помѣщика цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то отдѣльнымъ членамъ сего общества дозволяется увольненіе изъ онаго, по уплатѣ *половины капитальнаго долга*, причитающагося по выкупной казенной ссудѣ на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго, буде мірское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину. Въ такомъ случаѣ вышеозначенный взносъ обращается на погашеніе соразмѣрной части выкупнаго долга, съ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей общества, а полевой надѣлъ и усадебная земля увольняемаго крестьянина *поступаютъ въ распоряженіе общества*.... Ст. 174. Изъ крестьянскаго общества, на которомъ числится недоимка по выкупнымъ платежамъ или казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ безъ предварительнаго на то согласія губернскаго присутствія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое февраля, 1874.

аспущеніе палаты общинъ.—Посланія Гладстона и Дизраэли.—Государствен-ій переворотъ въ Испаніи и новое правительство. — Министерскій кризисъ въ Версалѣ.—Бисмаркъ и иностранная печать.

Англійская палата общинъ, которая уже была созвана на 5-ое фев-ля, неожиданно распущена 24-го января, и объявлено о производствѣ овыхъ выборовъ. Неутѣшительная перспектива для того немалаго исла консервативныхъ депутатовъ, которые съ осени минувшаго да одерживали побѣды надъ министерской партіею, но еще не лѣли случая засѣдать въ палатѣ: имъ предстоитъ теперь начинать е дѣло сначала. Вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о рѣшеніи правитель-ва, въ газетахъ появилось сообщеніе Гладстона къ его избирате-мъ въ Гринвичѣ, которое содержитъ обстоятельное объясненіе по-довъ къ распущенію парламента и программу намѣреній министер-ва на будущее время, если результатъ выборовъ будетъ ему бла-пріятенъ. Нынѣ распущенная палата общинъ была избрана въ 67 году, и по закону могла засѣдать до конца текущаго года. палата всегда распускается до истеченія полнаго срока.

Распущеніе парламента встрѣчено было съ одобреніемъ не только й печатью, которая поддерживаетъ министерство, напр., газетами Daily Telegraph“ и „Daily News“, но и, такъ-называемымъ, о́рганомъ ндонской City—газетой „Times“. Послѣднее обстоятельство довольно ожиданно, такъ какъ „Times“ давно уже не особенно благопріятно носился къ Гладстону. „Times“, очевидно, подкупленъ обѣщаніями, торыя выражены въ посланіи премьера къ его избирателямъ. Пе-вѣсъ доходовъ надъ расходами въ пять милліоновъ фунтовъ, и раще-ніе его на отмѣну налога съ доходовъ, а также нѣкоторыхъ логовъ на потребленіе и на уменьшеніе налоговъ по мѣстному

управленію—это такая программа, которая всегда вызоветъ сочувствіе коммерческаго міра. Одобреніе „Times“ есть хорошее предзнаменование для удачи министерства при будущихъ выборахъ. Но оппозиціонная печать самымъ рѣзкимъ образомъ высказываетъ осужденіе распущенію парламента въ настоящую минуту. Распустить парламентъ за 10 дней до срока его созванія и тѣмъ отдалить недѣлю на двѣ открытіе парламентской сессіи, по мнѣнію оппозиціонной печати, значитъ прибѣгать къ чрезвычайной мѣрѣ, которая, по всей вѣроятности, была внушена и чрезвычайными поводами. Гладстонъ боится предстать предъ парламентомъ въ то самое время, когда на Золотомъ-Берегу командующій британскими войсками, сэръ Гарнетъ Уёльсли, предпринялъ рискованный походъ противъ ашантіевъ внутри страны. Еслибы съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе и парламентъ открыли бы съ такимъ извѣстіемъ, то судьба министерства немедленно была бы рѣшена. Безразсудное „разжиганіе“ этого дѣла, которому придали значеніе серьёзной войны, съ большими затратами денегъ и большой опасностью для войскъ, вмѣсто того, чтобы ограничиться простой и легкой обороной англійскихъ фортовъ, въ случаѣ неуспѣха, явилось бы такимъ поразительнымъ упрекомъ правительству, противъ котораго оно не могло бы устоять. Вотъ почему Гладстонъ распущеніемъ парламента отсрочилъ сессію, а великолѣпные свои обѣщанія, слишкомъ щедрые свои дары бросилъ избирателямъ, чтобы подкупить ихъ такими благами на случай пораженія въ Африкѣ. Мы биты, но у насъ въ карманѣ нѣсколько лишнихъ фунтовъ—пусть они такъ утѣшаютъ себя и снисходительно относятся къ правительству. Таковъ общій смыслъ разсужденій оппозиціонной печати.

Легко указать въ нихъ основную натяжку: если Гладстонъ боялся предстать въ настоящую минуту предъ парламентомъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ бояться предстать предъ избирателями. Если настоящая минута неблагопріятна для Гладстона, то какъ же онъ могъ избрать ее для производства выборовъ, которые лѣтъ на пять создадутъ новое отношеніе между партіями? Нѣтъ серьёзнаго повода не вѣрить тому объясненію, какое далъ самъ Гладстонъ въ своемъ письмѣ къ гринвичскимъ избирателямъ: онъ желаетъ почерпнуть новую силу въ выборахъ и дѣлаетъ избирателямъ обширныя обѣщанія по части облегченія въ налогахъ. Онъ продолжаетъ выступать кандидатомъ бережливости и, благодаря сдѣланному огромному сбереженію, видитъ возможность облегчить налоги, а наиболѣе нелюбимый буржуазіею налогъ съ доходовъ полагаетъ возможнымъ отмѣнить совсѣмъ. Теперь стало понятно, почему осенью, при преобразованіи кабинета, Гладстонъ взялъ финансы въ свое непосредственное управленіе. Онъ хотѣлъ лично явиться передъ страной съ блестя

цимъ финансовымъ результатомъ и побудить ее къ изъявленію до-
ѣрія лично самому главѣ либеральной партіи.

Оппозиціонныя газеты, впрочемъ, глумятся надъ этимъ свойствомъ
ладстона,—его бережливостью. Онъ сберегаетъ лишь деньги, но не
ережетъ нашей чести—такъ разсуждаютъ онѣ. Недавно появилось
ь одной газетѣ частное письмо, въ которомъ съ горькой иронiей
азсказывался слѣдующій фактъ: одинъ полкъ долженъ былъ сдать
ь арсеналъ, въ Лондонѣ, свое старое знамя; путь изъ окрестности,
дѣ стоялъ полкъ, былъ недалекъ, и отрядъ, сопровождавшій знамя,
ѣшкомъ пришелъ за нимъ къ мѣсту назначенія, „для избѣжанія
ыхода“ на переѣздъ по желѣзной дорогѣ. Это было знамя, которое
олкъ носилъ въ битвѣ подъ Инкерманомъ. Бѣдное знамя, какъ
спитальный гробъ бѣдняка, толкалось оно по улицамъ Лондона,
зъ вниманія, безъ издержки лишняго гроша, какъ будто знамя
нкермана не стоило ничтожной жертвы, какъ будто оно не заслу-
ило общественной благотворительности—въ этомъ родѣ разсуждали
оди, считающіе постыдными подобныя сбереженія. Увы, когда-то
континентѣ Европы возможны будутъ подобныя жалобы. Несчаст-
е англичане! какъ обижаетъ ихъ Гладстонъ: ему жалко издержать
шній фунтъ стерл. изъ общественныхъ денегъ на военную цере-
нію. Вотъ уже поистинѣ, можно сказать, нечѣмъ попрекнуть пра-
гельство, если попрекаютъ его бережливостью.

Самое обращеніе Гладстона къ мнѣнію страны, въ формѣ сооб-
нія, къ его гринвичскимъ избирателямъ оппозиціею вмѣняется
адстону въ осужденіе, какъ нѣчто необычайное, нѣчто въ родѣ
инаго его „манифеста о выборахъ“, какъ призывъ отъ лица са-
го премьера къ „плебисциту“ для выраженія ему лично довѣрія.
королевская или императорская прокламація, требующая пле-
цита,—такъ разсуждаютъ противники Гладстона. Разумѣется, ни-
не оспариваетъ у него права держать объяснительныя рѣчи сво-
избирателямъ или дѣлать имъ письменныя сообщенія. Но одно
о, если бы премьеръ, пропустивъ нѣкоторое время, явился съ
имъ объясненіемъ собственно для поддержки своего избранія
вь въ Гринвичѣ; другое дѣло—когда онъ издаетъ свое сообщеніе
тотъ самый день, когда объявлено о распущеніи парламента, и
етъ это сообщеніе еще до оффиціальнаго изданія декрета о
пущеніи: тогда такое сообщеніе является уже именно манифе-
ъ Гладстона къ странѣ. Во всякомъ случаѣ, и какъ бы необы-
но ни было такое сообщеніе Гладстона, мы видимъ, что глава
противниковъ, Дизраэли, поспѣшилъ послѣдовать его примѣру,
авъ вслѣдъ за сообщеніемъ Гладстона подобное же обращеніе
своимъ избирателямъ въ Бёкингэмшерѣ. Мы сейчасъ упомянемъ

о посланіи вождя торіевъ, но прежде займемся „манифестомъ“ Гладстона.

Гладстонъ заявляетъ, что правительство уже не пользуется въ настоящее время такимъ авторитетомъ, который ему необходимъ для того, чтобы съ увѣренностью работать для развитія благосостоянія страны. Въ этой удивительной странѣ все и дѣлается, и говорится какъ-то совсѣмъ иначе, чѣмъ на континентѣ. Во Франціи не монархія—республика, а между тѣмъ, большинство 14-ти голосовъ было сочтено маршаломъ Макъ-Магономъ и его правительствомъ вполнѣ достаточнымъ для принятія власти, даже для открытія новой эры внутренней политики, эры нравственнаго порядка. Правая сторона, когда предприняла замѣну республики монархіею, хлопотала только о пріобрѣтеніи *одного* голоса большинства для перемѣны самой формы правленія. Недавно, при обсужденіи закона о порядкѣ назначенія мэровъ, одно весьма существенное постановленіе его прошло большинствомъ всего 5-ти голосовъ, несмотря на то, что въ составѣ большинства было 8 голосовъ министровъ и посланниковъ—и, однако, министерство Брольи продолжаетъ существовать. Въ Пруссіи правительство считаетъ свой авторитетъ не зависящимъ отъ народа, а палатѣ даетъ иногда совѣты не вотировать такой-то мѣры потому, что оно, все равно, не утвердитъ ее. Въ Даніи народное представительство многократно выразило прямо недовѣріе министерству, и палата, только-что вышедшая изъ выборовъ, подтвердила такой приговоръ; но авторитетъ министерства нисколько этимъ не поколебленъ; оно остается на мѣстахъ. А Гладстонъ, который и доселѣ располагаетъ въ палатѣ общинъ большинствомъ въ 60 голосовъ, находитъ, что такого авторитета правительству уже недостаточно для успѣшнаго веденія дѣлъ, и обращается къ странѣ с просьбою усилить его авторитетъ, за что и предлагаетъ облегчит ей налоговъ въ рубляхъ милліоновъ на 35 въ годъ!

Недостатокъ авторитета, какой сознаетъ за собою правительств по словамъ англійскаго премьера, можетъ быть пополненъ не иначе какъ обращеніемъ къ странѣ, приглашеніемъ ее высказать свое мнѣніе, какъ исполнялись полномочія, данныя народомъ въ 1867 году и какой партіи онъ въ настоящее время желалъ бы поручить управленіе дѣлами. Гладстонъ ссылается на пораженіе, понесенное министерствомъ въ важнѣйшемъ вопросѣ минувшей сессіи—въ биллѣ объ ирландскомъ университетѣ; пораженіе это, выказавъ недостатокъ авторитета нынѣшняго правительства, между тѣмъ, не разъяснило вопроса, какое правительство могло бы быть авторитетнѣе нынѣшняго. По крайней мѣрѣ, г. Дизраэли, глава оппозиціи, призванный въ то время къ составленію новаго кабинета, не призналъ возмо

ымъ взяться за это дѣло. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ амой страной. Правда, съ тѣхъ поръ происходило нѣсколько частыхъ избраній, но отдѣльныя избранія, по словамъ Гладстона, ничего не доказываютъ: въ единичныхъ случаяхъ условія мѣстныя, тносительная сила и дисциплина партій могутъ служить объясненіемъ того или другого результата, между тѣмъ, какъ результатъ бщихъ выборовъ, происходящихъ среди многоразличныхъ условій, ыражаетъ уже дѣйствительно мнѣніе страны. Переходя къ своимъ оззрѣніямъ на вопросы внѣшней и внутренней политики, Гладстонъ злагаетъ, что принципомъ внѣшней политики Англіи должно быть— жидать и требовать отъ другихъ державъ для Англіи только то, то сама Англія готова давать имъ съ своей стороны: уважая чужія рава, Англія должна требовать, чтобы и другими уважались ея рава. Относительно войны съ ашантіями, премьеръ высказываетъ амѣреніе „ограничить эту несчастную войну такими предѣлами, акіе только допускаются справедливостью и безопасностью въ бущемъ“ и выражаетъ надежду на „скорый и благопріятный выходъ merging) изъ этого столкновенія“. Во внутреннихъ дѣлахъ Гладонъ указываетъ на три преобразованія, которыхъ требуетъ перевая часть либеральной партіи, а именно: на измѣненіе въ либеальномъ смыслѣ закона о начальномъ образованіи, на пересмотръ коновъ, опредѣляющихъ отношенія между рабочими и нанимателями и на распространеніе избирательнаго права, какъ оно существуетъ въ городахъ—на населеніе сельскихъ округовъ. Затѣмъ онъ звѣщаетъ, что по счетамъ за финансовый годъ, который кончится будущему апрѣля, можно ожидать излишка доходовъ предъ расдами до 5 милл. фунтовъ, и обѣщаетъ воспользоваться имъ для ступленія къ полной отмѣнѣ income-tax, который доставляетъ его 5—6 милл. фунтовъ въ годъ, для преобразованія и облегченія стемы мѣстныхъ сборовъ (local taxation) и для пониженія нѣкорыхъ налоговъ на потребленіе.

Относительно заявленія премьера можно сдѣлать одно серьёзное зраженіе: до сихъ поръ въ Англіи распущеніе палаты общинъ ыкновенно дѣлалось по поводу опредѣленнаго политическаго вопроса, а не по поводу одного вопроса о личномъ составѣ правительства. Потерпѣвъ пораженіе въ парламентѣ по поводу какого-нибудь жнаго вопроса, правительство, если полагало, что большинство бирателей согласно съ нимъ въ этомъ вопросѣ и что палата не разила мнѣнія страны, то распускало палату и приглашало страрѣшить судьбу этого вопроса. Само собою разумѣется, что при мъ рѣшалась и судьба самого правительства, рѣшался вопросъ, чьихъ рукахъ должна находиться власть. Но все-таки личный

вопросъ былъ, такъ-сказать, замаскированъ важнымъ, стоящимъ прямо на очереди, общественнымъ интересомъ. Такая практика вполнѣ согласна со смысломъ политической борьбы въ Англіи: тамъ борьба происходитъ въ самомъ дѣлѣ между реальными интересами разныхъ слоевъ общества, и хотя интересы эти представляются личнымъ составомъ той или иной группы политическихъ людей, но все-таки на первомъ планѣ стоятъ общественные интересы, а не наоборотъ, то-есть, не партіи стоятъ впереди, а интересы позади, какъ во Франціи. Вотъ почему вопросъ тутъ хотя, повидимому, только въ формѣ, но и форма весьма важна, когда она указываетъ на здравую традицію и освящается ею. Едва ли не въ первый разъ нынѣ англійскіе избиратели прямо приглашаются рѣшить: „какой долженъ быть составъ правительства, какой партіи народъ желалъ бы поручить власть“. Этимъ нынѣшній премьеръ и далъ своимъ противникамъ нѣкоторое основаніе называть его обращеніе къ избирателямъ „императорскимъ воззваніемъ къ плебисциту“. Правда, онъ ссылается на вопросъ объ университетскомъ биллѣ для Ирландіи, въ которомъ министерство потерпѣло пораженіе. Но вѣдь это было въ мартѣ 1873 г., т.-е., почти годъ тому назадъ. Еслибы правительство распустило палату *въ то время*, то имѣло бы полное основаніе ссылаться на этотъ вопросъ, и тогда распущеніе было бы вполнѣ correct, то-есть, не только правильно по закону, но и согласно съ установившимися обычаями. Но въ то время вопросъ объ ирландскомъ университетѣ не былъ сочтенъ достаточно важнымъ для спроса о немъ мнѣнія страны, главнымъ образомъ потому, конечно, что едва ли было бы въ интересахъ правительства дѣлать его поводомъ къ выборамъ.

Дизраэли въ своемъ сообщеніи къ бёкингемскимъ избирателямъ, которое служитъ какъ-бы избирательнымъ контръ манифестомъ партіи консервативной, послѣ свойственныхъ ему ироническихъ выходокъ, старается вырвать изъ рукъ противника ту программу, которую тотъ представилъ, тѣ обѣщанія, которыми тотъ хочетъ расположить избирателей въ пользу либеральной партіи. Относительно пониженія налоговъ Дизраэли говоритъ, что это могъ бы сдѣлать всякій министръ, это вопросъ только о возможности осуществить пониженіе въ данную минуту. Относительно распространенія городского ценза на сельскіе округи, Дизраэли говоритъ, что эта мысль принадлежала консервативной партіи, что вождь либераловъ только ухватился за нее. Что касается измѣненія въ законѣ о народномъ обученіи, то здѣсь Дизраэли усматриваетъ, и не безъ основанія, покушеніе на господство англиканской церкви. Онъ не приписываетъ прямо Гладстону намѣреніе отмѣнить господство англиканской церк

ви въ Англіи, но говоритъ, что къ числу приверженцевъ Гладстона ринадлежатъ тѣ люди, которые требуютъ этого переворота въ національныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь слѣдуетъ напомнить, что хотя Гладстонъ, опасаясь сильной оппозиціи англиканскаго духовенства, которая могла бы сказаться весьма замѣтно на выборахъ, самъ ично положительно опровергалъ приписанное ему намѣреніе отмѣнить Establishment; но тѣ измѣненія въ законѣ о начальномъ обученіи, которыя онъ обѣщаетъ теперь въ общихъ выраженіяхъ, могутъ аключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ исключеніи изъ начальнаго обученія вѣроисповѣднаго элемента и въ ослабленіи вліянія англиканскаго духовенства на это дѣло. Что такое именно значеніе будутъ мѣть предполагаемыя измѣненія, въ этомъ ручается уже самый ракъ присутствія Брайта въ кабинетѣ. Гладстону недостаточно руппировать либеральную партію вокругъ statu quo. Онъ хочетъ, тобы она имѣла живой духъ, поддерживалась стремленіемъ впередъ, очетъ удержать въ своемъ лагерѣ передовую часть либераловъ; а ля этого прежде всего требуются именно тѣ указанныя нами измѣенія въ недавно изданномъ законѣ о начальномъ обученіи.

Предстоящіе Англіи общіе выборы будутъ имѣть весьма большое наченіе по двумъ особымъ причинамъ: во-первыхъ, они покажутъ, асколько партія виговъ готова преобразоваться въ чисто-либеральную партію, то-есть освободиться отъ тѣхъ національныхъ преданій, оторыя уже превратились съ теченіемъ времени просто въ предразудки; во-вторыхъ, общіе выборы, которые въ первый разъ будутъ роисходить при системѣ закрытой подачи голосовъ, покажутъ, кому агопріятствуетъ въ дѣйствительности эта система—либераламъ ли, оторые осуществили ее, или же консерваторамъ, какъ то можно ыло, пожалуй, вывесть изъ результатовъ большинства отдѣльныхъ ыборовъ, произведенныхъ послѣ ея установленія.

Ровно годъ тому назадъ въ Испаніи была провозглашена респуика. Мы замѣтили тогда, что явленіе это не имѣло ничего общаго реальными интересами Испаніи. Еслибы судьбами этой страны правлялъ въ самомъ дѣлѣ ея народъ, а не смѣняющіеся кружки скателей приключеній и любознательныхъ публицистовъ, дѣлающихъ надъ ней опыты, и еслибы народъ въ самомъ дѣлѣ желалъ спублики, то онъ провозгласилъ бы ее въ 1868 году, когда изгналъ забеллу. Въ то время было бы естественно замѣнить республикой онархію, дискредитированную въ лицѣ этой королевы. Этого въ 368 году не сдѣлали; стало быть, или народъ не былъ воленъ расряжаться своей судьбой, или республика не была въ собственыхъ его помыслахъ. Какое же довѣріе могла внушить республика,

когда въ началѣ 1873 года она являлась на смѣну монархіи честной, либеральной, повидимому слишкомъ либеральной для Испаніи? Провозглашеніе республики было дѣломъ публицистовъ, желавшихъ примѣнить свои теоріи, и авантюристовъ, желавшихъ ежемѣсячной смѣны правительствъ съ ежемѣсячной перетасовкою мѣстъ, ежемѣсячными производствами „за отличіе".

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи года, мы видимъ въ Испаніи *пятое* правительство (не министерство—счетъ министерскимъ смѣнамъ давно потерянъ). Фигерасъ, Пи-и-Маргалль, Сальмеронъ, Кастеляръ, перебывали президентами, и, наконецъ, имъ сталъ Серрано, регентъ 1868 г. Въ іюнѣ Испанія была провозглашена республикой федеративною; чрезъ 7-мь мѣсяцевъ она возвращается къ республикѣ унитарной. Новое правительство является продуктомъ государственнаго переворота. Испанія какъ будто ищетъ, какой сцены изъ исторіи политическихъ драмъ она еще не представила доселѣ: и вотъ выборъ ея режиссеровъ остановился въ этотъ разъ на 18-мъ брюмера: этого у насъ еще не бывало; представимъ это! Представленіе удалось какъ нельзя лучше, потому что актеры обладаютъ большой опытностью и любятъ свое дѣло. Французскій репертуаръ они вообще предпочитаютъ: въ теченіе одного 1873 года они представили изъ новѣйшихъ французскихъ пьесъ: провозглашеніе республики, коммуну, 18-е брюмера (въ первый разъ по возобновленіи) и, наконецъ, „консервативную республику", съ маршаломъ во главѣ, и притомъ маршаломъ-монархистомъ. Что присяжные искатели приключеній, каковы главные члены новаго испанскаго правительства: Серрано, Топете, Сагаста, прежде не создали и теперь не создадутъ ничего прочнаго, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго; таковъ ихъ интересъ, ихъ призваніе—смута и интрига. Но жалкую по-истинѣ роль розыграли въ теченіе прошлаго года добросовѣстные публицисты и доктринеры: Фигерасъ, Пи-и-Маргалль, Сальмеронъ, въ особенности Кастеляръ, краснорѣчивѣйшій изъ всѣхъ современныхъ ораторовъ,—поэтъ трибуны. Его весьма мѣтко назвали Ламартиномъ Испаніи. Каждую перемѣну, даже каждый новый декретъ люди эти объясняли, какъ нѣчто вѣщающее спасеніе не только Испаніи, но всему міру; и что же осталось отъ этихъ великихъ дѣлъ? Только 2-го января Кастеляръ провозглашалъ въ своемъ посланіи къ кортесамъ: „періодъ пронунсіаміентовъ (военныхъ революцій) въ Испаніи окончился; народъ долженъ убѣдиться, что имѣя всеобщую подачу голосовъ, онъ всего можетъ добиться черезъ нее; войско—что его призваніе—защищать законный порядокъ и повиноваться рѣшеніямъ кортесовъ". На другой же день, генералъ-капитанъ Мадрида, Павія окружилъ кортесы войскомъ, послалъ им

приглашеніе разойтись, и видя, что депутаты не уходятъ, „очистилъ“ отъ нихъ залу военной силою.

Въ числѣ вліятельнѣйшихъ о́рградовъ печати въ Европѣ нѣтъ ни одного, который былъ бы глубоко возмущенъ такимъ актомъ и безусловно сталъ бы на сторону кортесовъ. Англійская печать, которой говоръ имѣетъ авторитетъ въ вопросахъ объ интересахъ свободы, едва находитъ нѣсколько словъ осужденія для самаго акта насилія, но признаетъ его естественнымъ и возмущается наиболѣе не тѣмъ, что солдаты вытолкали членовъ кортесовъ, но тѣмъ, что эти вытолканные кортесы были до такой степенн неспособны, нелѣпы, ничтожны. Одинъ громкій голосъ раздался въ иностранной печати противъ совершеннаго насилія и въ защиту кортесовъ: это былъ голосъ самого Кастеляра, которому кортесы только-что выразили недовѣріе, котораго они хотѣли смѣнить. Письмо его было напечатано англійскими газетами: „Я протестую всею силою души противъ грубаго акта насилія, совершеннаго надъ учредительными кортесами мадридскимъ генералъ-капитаномъ, совѣсть не позволяетъ мнѣ вступать въ союзъ съ демагогами; но та же совѣсть и честь отвращаютъ меня отъ порядка вещей, созданнаго силою штыковъ“. Такъ выражается донъ-Эмиліо Кастеляръ: „силою штыковъ“—опять французская реминисценція, позаимствованіе, простительное, впрочемъ, у Мирабо́: nous sommes ici par la volonté du peuple и такъ далѣе. Англійскую печать сильно возмущаетъ, между прочимъ, и это самообольщеніе испанскихъ публицистовъ, которые дѣлаютъ одну глупость за другою, сыпая ихъ напыщенными пошлостями, и при этомъ воображаютъ будто они разработываютъ будущность всего человѣчества, приговариваютъ для него новыя судьбы. Нѣкоторыя англійскія газеты по этому поводу высказываютъ глубочайшее презрѣніе ко всему испанскому народу. Когда такимъ образомъ разсуждаетъ печать англійская, удивляться ли, что нѣмецкая національно-либеральная „Kölnische Zeitung“ называетъ генерала Павію „спасителемъ“ Испаніи, а совершенное имъ дѣло актомъ „достохвальной рѣшимости“ (rühmenswerther Entschlossenheit).

Многое можно было бы возразить на всѣ эти упреки, многое сказать въ оправданіе несчастнаго народа Испаніи и даже ея публицистовъ, „разрабатывавшихъ будущность“. Ограничимся двумя замѣчаніями. Если безпрестанныя перемѣны, эксперименты, движенія въ нынѣшней Испаніи способны внушить презрѣніе къ ней за ея предѣлами, то въ этомъ виновата трехсотлѣтняя неподвижность, продолжительный застой подъ всевластіемъ Бурбоновъ и инквизиціи; испанскій народъ лишенъ политическаго воспитанія, онъ не умѣетъ управлять своими дѣлами, и имъ управляютъ люди случая. Англій-

ская газета „Pall Mall“ называетъ сцену изгнанія испанскихъ депутатовъ солдатами — сценою изъ „Rabagas“, и говоритъ, что испанскій народъ, во всякомъ случаѣ, останется дряннымъ, обезчещеннымъ народомъ на нѣсколько лѣтъ; затѣмъ слѣдуютъ совѣты, что всего важнѣе соблюдать порядокъ, заниматься управленіемъ, а не вопросами о республикѣ или монархіи и т. д. Все это прекрасно; все это очень легко сказать и, во всякомъ случаѣ, англичане имѣютъ болѣе права забавляться такими безплодными разсужденіями, потому что они сами не даромъ пріобрѣли ту опытность и практичность въ политическихъ дѣлахъ, которыми отличаются. Когда солдаты Кромвелля заперли парламентъ и вывѣсили на дверяхъ его надпись: „отдается въ наемъ“, то это было, пожалуй, еще болѣе похоже на подвигъ генерала Павіи, чѣмъ любая сцена изъ „Rabagas“.

Эту оговорку необходимо было сдѣлать потому, что въ смыслѣ безусловномъ, то-есть, безъ всякихъ сравненій, мы должны сказать объ испанскихъ дѣлахъ то же самое, что́ говорятъ англійскія газеты. Слишкомъ очевидно, что въ Испаніи преобладалъ совершенный вздоръ, и что о прекращеніи его такимъ или инымъ способомъ жалѣть нѣчего, если только насиліе въ самомъ дѣлѣ положитъ конецъ анархіи, что́ еще весьма сомнительно. Но выводить отсюда осужденіе для всего испанскаго народа, объяснять все особенностями его національнаго характера и, подобно фарисею, благодарить Бога за свое сравнительное совершенство — вотъ что̀ мы считаемъ взглядомъ не только не серьёзнымъ, но весьма вреднымъ, въ сужденіи о политическихъ дѣлахъ. Кто не сходилъ на арену политической борьбы, тотъ не можетъ знать, какую фигуру онъ бы на ней изъ себя сдѣлалъ.

Весь ходъ дѣлъ въ Испаніи приближался къ абсурду. Когда анархія, представляемая на сѣверѣ и въ центрѣ страны карлистами, на югѣ кантоналистами, начала угрожать государству распаденіемъ,—въ средѣ учредительныхъ кортесовъ сталъ преобладать спасительный страхъ. Въ іюлѣ прошлаго года, когда самъ Пи-и-Маргалль, ученикъ Прудона, стоявшій во главѣ правительства, призналъ необходимость отступить отъ „принциповъ“ и провозгласить осадное положеніе, кортесы пошли еще далѣе: они смѣнили Маргалля и избрали президентомъ республики Николая Сальмерона, обязавъ его дѣйствовать въ консервативномъ духѣ. Сальмеронъ повелъ дѣло усмиренія довольно успѣшно: Севилья, Валенсія, Кадиксъ были взяты съ боя, и возстаніе осталось въ силѣ только на сѣверѣ въ районахъ, занятыхъ карлистами и на югѣ въ Картахенѣ. Но одного осаднаго положенія оказывалось еще мало, такъ какъ въ самыхъ войскахъ проявлялось полнѣйшее паденіе дисциплины. Въ кортесахъ, въ октябрѣ при обсужденіи вопроса о строгихъ мѣрахъ къ утвержденію дисци-

ины, внесено было предложеніе о возстановленіи смертной казни. иколай Сальмеронъ готовъ былъ дѣйствовать въ консервативномъ ухѣ, хотя бы и отступая, до извѣстной мѣры, отъ „принциповъ“. о такое отступленіе, котораго требовали теперь, показалось ему ке слишкомъ сильнымъ, и онъ вышелъ въ отставку, указавъ самъ а Кастеляра. Избранный президентомъ исполнительной власти, Ка-елляръ продолжалъ дѣло усмиренія. Странно было видѣть, какъ отъ вдохновенный трибунъ началъ свободы и гуманности дѣлалъ иготовленія къ бомбардированію Картахены. Но обстоятельства сто смѣются надъ людьми. На сѣверъ, противъ карлистовъ, онъ значилъ генерала Моріонеса, который, впрочемъ, имѣлъ весьма ло успѣха. Въ концѣ декабря, встрѣтивъ близъ Санъ-Себастіана евосходныя силы карлиста Эліо, Моріонесъ, призвавъ въ Санъ-Се-стіанъ эскадру, посадилъ свои войска на суда, и отплылъ къ Сан-нѣ, въ провинцію Сантандеръ. Отсюда онъ опять пошелъ на сѣве-о-востокъ, на Бильбао, но остановился, не рѣшаясь напасть на кар-истовъ, осаждавшихъ Португалете. Этотъ послѣдній городъ въ по-слѣднихъ числахъ января и былъ взятъ карлистами.

На югѣ, осаду Картахены Кастеляръ поручилъ генералу Лопесу мингесу. Въ концѣ декабря, осадныя батареи были установлены и отивъ Картахены открыта была стрѣльба, которая чрезъ нѣсколько ей почти совершенно разрушила этотъ городъ. Что происходило это время въ Картахенѣ, было похоже на игру дѣтей, несмотря то, что вопросъ былъ о жизни и смерти. Юнта смѣнялась юнтою, ичемъ волонтеры враждовали съ солдатами. Членъ одной изъ тъ, смѣнявшихъ одна другую, Ла-Каллье, участвовавшій въ па-жской коммунѣ, самъ издалъ декретъ о конфискаціи всѣхъ недви-мыхъ имуществъ въ пользу народа, но издалъ декретъ этотъ отъ ени всей юнты, которая его совсѣмъ не знала. Въ послѣднее время, езидентомъ юнты былъ Гутіересъ, бывшій кандидатомъ отъ волонте-въ, а не отъ солдатъ. Полковникъ Пернасъ, который былъ его соперни-мъ на выборахъ, вождь партіи солдатской, потребовалъ, чтобы его съ гулярными солдатами выпустили изъ города. Но юнта, разумѣется, пустила его; у него сдѣлали обыскъ, нашли записку, обличавшую) въ намѣреніи продать крѣпость альфонсистамъ, арестовали его многихъ его офицеровъ. Когда началось бомбардированіе и стали иться дома, мѣстами заграждая улицы своими развалинами, осаж-ные нисколько не пали духомъ. Всякъ, кто будетъ судить объ мъ дѣлѣ, признаетъ, что мысль о независимости города Карта-ны и каждаго отдѣльнаго города въ Испаніи была нелѣпостью. Но ько, поэтому, никто и не захочетъ хвалить оборону Картахены. дь эта оборона не противъ войскъ испанской республики, но про-

тивъ иноземнаго непріятеля, ее можно было бы назвать блистатель-
ною. Элементъ „блистательный“ даже слишкомъ преобладалъ въ ней,
какъ будто именно она была игрой. На батареяхъ служили женщины
наравнѣ съ мужчинами. Такъ было и при парижской коммунѣ. Но кар-
тахенцы дрались храбрѣе, чѣмъ парижане, не казнили и не жгли. Зачин-
щикъ всего картахенскаго возстанія, генералъ Контрерасъ (нѣкогда
генералъ-капитанъ въ Мадридѣ), лишенный командованія въ Карта-
хенѣ еще лѣтомъ, за то, что при одной вылазкѣ онъ не выказалъ
достаточнаго мужества, теперь нарочно каждый день садился у во-
ротъ, служившихъ одною изъ цѣлей для непріятельскаго огня и
просиживалъ тамъ по нѣскольку часовъ, отправлялся на прогулку
верхомъ за городской валъ, спалъ постоянно въ баракѣ у аванпо-
стовъ, однимъ словомъ, дурачился, какъ только могъ, и все-таки уцѣ-
лѣлъ. Другіе зачинщики и вожди возстанія, депутаты Гальвесъ и
Роке-Барсіа, ежедневно являлись на суда и на стѣны и держали во-
сторженныя рѣчи, подъ огнемъ осаждающихъ. О настроеніи ихъ и
вообще о духѣ той страшной игры, которою забавлялись картахенцы
на свою погибель, можно судить по „плачу“ о Картахенѣ, сочинен-
ному домомъ Роке-Барсіа, изъ котораго приведемъ нѣсколько строкъ:
„Взгляните на груду развалинъ, алтарь нашего народа — это была
Картахена. Есть ли во всей вселенной сила, которая могла бы одо-
лѣть ее? Нѣтъ! эта пустыня разбитаго мрамора—безсмертна, потому
что въ ней живетъ мысль; песокъ, въ который разбиты камни Кар-
тахены, покрылъ ее волнами, и это — волны возставшей свободы.
Картахена стала степью, но степь эта представляетъ вѣчность, въ
ней — идея Бога!“

Игра, предосудительная игра словами и жизнью; игра, въ которо
отъ великаго къ смѣшному даже менѣе одного шага; сумасшествіе—н
не пошлость. Защита Картахены доказала еще разъ, еслибы эт
требовало доказательствъ, сколько жизненной силы, какая могуча
энергія еще кипитъ въ духѣ этого народа, который когда-то пр
обладалъ въ Европѣ и обладалъ Америкою. Когда солдаты Пав
вторглись въ залъ кортесовъ, въ немъ раздались крики: „умрем
здѣсь!“ Но сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, депутаты „пото
кались“ съ солдатами и были, наконецъ, вытолканы ими. Положим
это смѣшно, но въ крикѣ „умремъ“ все-таки нѣтъ причины видѣ
одно фанфаронство, какъ то дѣлаютъ иные иностранные журнал
сты. Кровавая исторія Испаніи почти за полвѣка показываетъ, ч
хотя въ этой странѣ легко обращаются со смертью на словахъ, н
на дѣлѣ еще легче обращаются съ жизнью.

Взятіе форта Аталая, 11-го января, открыло осаждавшимъ пу
въ Картахену. Тогда зачинщики мятежа Контрерасъ, Гальвесъ

ругіе съ большимъ числомъ своихъ сподвижниковъ, сѣли на суда Нумансію“ и „Мендесъ-Нуньесъ“ и съ большой ловкостью проскользнувъ сквозь линію эскадры испанскаго адмирала, отплыли къ фриканскому берегу. Они высадились въ Оранѣ, гдѣ были обезоружены французскими властями. Третій корабль ихъ „Дарро“ былъ захваченъ республиканскими судами.

Паденіе Картахены послѣдовало уже при новомъ въ Испаніи равительствѣ, при Серрано. Но само собою разумѣется, что взятіе того послѣдняго очага кантональной революціи, совершившееся чрезъ ѣсколько дней по установленіи новаго правительства, было заслуою не его, но прежняго правительства, то-есть Кастеляра. Какъ ьеръ приготовилъ освобожденіе территоріи, но состоялось оно уже ри маршалѣ Макъ-Магонѣ, такъ Кастеляръ подготовилъ взятіе артахены, но оно совершилось при маршалѣ Серрано и пошло въ ользу ему, придавъ ему нѣкоторый авторитетъ за границею. Скали: вотъ „публицисты“ бились полгода и не могли взять Картаены; назначенъ былъ солдатъ—и чрезъ нѣсколько дней она пала.

Съ половины сентября 1873 г. Кастеляръ правилъ безъ кортевъ, которые, предоставивъ ему право объявлять по усмотрѣнію адное положеніе и избравъ своимъ президентомъ Сальмерона, отрочили свои засѣданія на три мѣсяца. Затѣмъ наступили праздники, постоянная коммиссія созвала кортесовъ только на другой день нога года. Сессія была открыта посланіемъ Кастеляра, въ которомъ исказывались всѣ тѣ благоразумныя воззрѣнія, какими теперь осыетъ Испанію иностранная печать въ видѣ упрековъ: необходиость отложить всякіе споры о формѣ правленія, приданіе министерству и администраціи того ли другого политическаго оттѣнка и д., необходимость прежде всего возстановить порядокъ, побороть артахену и карлистовъ, упрочить дисциплину, создать какіе-нибудь инансы; все это было въ посланіи Кастеляра вмѣстѣ съ объявлеемъ, что періодъ пронунсіаміентовъ прошелъ, и что народъ долженъ научиться дѣлать правильное употребленіе изъ всеобщей почи голосовъ, а армія — научиться уважать рѣшенія кортесовъ. рактика побѣдила въ Кастелярѣ мыслителя, и за нѣкоторое время созванія кортесовъ онъ дошелъ въ консерватизмѣ до того, что пустилъ назначеніе папою нѣсколькихъ новыхъ епископовъ въ панію. Мѣста ихъ долго не были заняты, въ церковной администраціи водворялась та же анархія, какая была повсюду. Кастеляръ вступилъ самъ, оффиціально, въ сношенія съ Ватиканомъ, но составилъ самъ списокъ наименѣе фанатическихъ прелатовъ и, сторою, списокъ этотъ былъ доставленъ въ Римъ, съ объясненіемъ, что астеляръ не будетъ противиться назначеніямъ. Папа тотчасъ на-

значилъ тѣхъ епископовъ, которые были въ спискѣ. Такимъ обра зомъ все, казалось, обстояло благополучно: не погибли „ни коло ніи, ни принципъ“, такъ какъ все это сдѣлано было путемъ част ныхъ переговоровъ.

Но не такъ разсуждалъ президентъ кортесовъ Сальмеронъ. Выш сказано, что онъ сложилъ съ себя самое предводительство въ верхов ной власти, когда отъ него требовали такого нарушенія принципов какъ возстановленія, хотя бы на время и условно, смертной казни Компромиссъ Кастеляра съ папою показался ему не менѣе возмути тельнымъ: для него было ясно, что правительство рѣшительно всту пило на путь реакціонерный и что тѣмъ нужнѣе освѣженіе его со става болѣе либеральными элементами. Слишкомъ консервативных министровъ: Месаннове, Карвахали, Брегву, по мнѣнію Сальмерона слѣдовало уволить; мало того, слѣдовало смѣнить и нѣкоторых военныхъ начальниковъ, слишкомъ увлекшихся диктатурой, въ том числѣ мадридскаго генералъ-капитанъ Павію, который послѣ усми ренія имъ Севильи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, получилъ от Кастеляра генералъ-губернаторскую власть въ столицѣ.

Кастеляръ рѣшительно отказался отъ всѣхъ такихъ измѣненій видя въ нихъ безплодную перетасовку, которая только поколебал бы еще болѣе все дѣло управленія. Безспорно—Кастеляръ был правъ; но дальнѣйшія событія показали, что былъ правъ и Сальме ронъ, по крайней мѣрѣ относительно генерала Павіи. Въ засѣдани кортесовъ 3-го января Сальмерономъ допущено было немедленное вот рованіе внесеннаго въ кортесы выраженія правительству недовѣрі 120 голосовъ противъ 100 были поданы противъ Кастеляра, еди ственнаго и послѣдняго изъ добросовѣстныхъ людей, пробовавших устроить въ Испаніи федеративную республику. Отъ Кастеляра можн было только возвратиться къ Маргаллю, а это означало отмѣни вездѣ и осадное положеніе и строгія мѣры противъ нарушенія ди циплины, отказаться однимъ словомъ отъ консервативнаго направл нія въ то время, когда анархія разъѣдала страну. Это былъ абсурд

Во время собиранія голосовъ для избранія преемника Кастеляр президентъ собранія Сальмеронъ былъ вызванъ въ корридоръ, и п томъ возвратясь въ залу заявилъ, что „генералъ-капитанъ проси депутатовъ въ пять минутъ оставить залъ, такъ какъ иначе угр жаетъ опасность порядку“. Иные догадывались, не самъ ли Каст ляръ внушилъ Павіи мысль о насиліи, въ случаѣ своей смѣны. П подтвержденіе такого подозрѣнія и впослѣдствіи доказывали, ч Кастеляру не могло быть неизвѣстно, что Павія значительно усили мадридскій гарнизонъ. Но въ опроверженіе этого достаточно напо нить фактъ, что послѣ насилія Кастеляръ не остался въ управлені

ерхъ того, и все поведеніе его при кризисѣ и письмо, напечатан-
е имъ послѣ, опровергаютъ такое подозрѣніе. Да развѣ и нужно
ло генералу Павіи, чтобы кто-нибудь внушилъ ему подобную мысль?
ъ вѣдь зналъ, что за смѣной Кастеляра первымъ будетъ уволенъ
ь должности онъ самъ. Когда Сальмеронъ сдѣлалъ свое сообще-
, то Кастеляръ объявилъ, что пока преемникъ ему не назначенъ,
ь остается главой исполнительной власти, отрѣшаетъ генерала
вію отъ должности и предастъ его суду. Собраніе, которое только
выразило Кастеляру свое недовѣріе, единогласно и „съ энтузіаз-
мъ“, провозгласило его диктаторомъ. Онъ только успѣлъ сказать:
е поздно-ли“, какъ въ дверяхъ показались солдаты. Тогда произо-
а сцена разсказанная выше, и залъ кортесовъ былъ „очищенъ“.

Собраніе, которое сознательно шло къ абсурду, какъ бывшіе кор-
ы, не можетъ внушить уваженія. Сожалѣть о немъ нельзя, нѣтъ
ичины даже усматривать какое-либо безпримѣрное нарушеніе за-
ности въ подвигѣ Павіи. Можно, пожалуй, сказать, что самое со-
ніе этихъ учредительныхъ кортесовъ было незаконно, и что не-
онность при немъ совершена была самими доктринерами: Фиге-
съ, когда былъ главою исполнительной власти, своевольно распус-
ъ постоянную коммиссію прежней палаты, самовольно произвелъ
ые выборы въ эти, прогнанные теперь, кортесы. Если пойдемъ
ѣе, то скажемъ, что и та прежняя палата, которую незаконно
пустилъ Фигерасъ, была сама незаконной: избранная при королѣ
едеѣ для законодательства въ монархію, она не только приняла
осьбу короля объ отставкѣ“, но не разошлась тотчасъ же сама,
назначеніи временнаго правительства, для производства новыхъ
боровъ, а наоборотъ, начала съ того, что объявила себя „дер-
зными кортесами“ и провозгласила республику, не имѣя на это
акого права, такъ какъ народъ далъ ей вовсе не такія полно-
ія. Такимъ путемъ, можно, пожалуй, придти къ заключенію, что
Испаніи осуществилось, предсказанное когда-то А. Карроли для
анціи, положеніе: „il n'y a plus rien“! Затѣмъ уже нѣтъ препятствій
авдывать подвигъ Павіи и какой угодно переворотъ. Но вотъ
ественное различіе: во Франціи все-таки есть *нѣчто*, а именно
женіе къ народному представительству, какъ бы оно ни вело себя.
понятіе нельзя не примѣнять и къ испанскимъ дѣламъ: кортесы,
ie бы они ни были, были все-таки избранниками народа, и на-
ie все-таки есть насиліе. Говорятъ, кортесы вели дѣло къ низ-
верженію всякаго порядка. Но когда же порядокъ, то-есть, ува-
ніе къ закону, утверждался насиліемъ надъ представительствомъ
рода?

Составъ новаго правительства ручается пока только за отмѣну

въ Испаніи принципа федеративной республики. Хотя эта форма го
сударственнаго устройства и была формально провозглашена учре
дительными кортесами въ прошломъ іюнѣ, но можно почти навѣр
ное сказать, что новое правительство получитъ такіе кортесы, ко
торые отмѣнятъ прежнее рѣшеніе и провозгласятъ республику уни
тарную. Отчасти естественная реакція противъ анархіи, какою на
чалось примѣненіе федеративнаго начала, отчасти, и еще въ больше
степени—давленіе новаго правительства на выборы, произведутъ тот
результатъ, что въ кортесы явится достаточное число консерваторов
и республиканцевъ-унитаріевъ. Приверженцы федеративной респуб
лики или воздержатся отъ участія въ выборахъ, протестуя тѣм
противъ государственнаго переворота, или, явившись въ кортесы, с
такимъ же протестомъ выйдутъ изъ нихъ. Результатомъ будетъ, п
всей вѣроятности, провозглашеніе республики унитарной. Правда
судя по именамъ главныхъ членовъ новаго правительства, можно б
думать, что оно скорѣе предприметъ возстановленіе монархіи: Сер
рано, Топете и Сагаста вовсе не республиканцы. Но примѣръ Фран
ціи вѣроятно задержитъ ихъ рвеніе. По крайней мѣрѣ новое пра
вительство уже объявило, что оно будетъ поддерживать принцип
„консервативной республики“. Составъ правительства слѣдующій
президентъ маршалъ Серрано, герцогъ де-ла Торре; министръ ино
странныхъ дѣлъ Сагаста; морской министръ адмиралъ Топете; ми
нистръ юстиціи Фигерола; министръ внутреннихъ дѣлъ Гарсіа-Руис
публичныхъ работъ—Бесерра; финансовъ—Эчегарэ; военный министр
—Савала. Въ этомъ составѣ нѣтъ ни одного приверженца идеи феде
ративной республики, а министръ внутреннихъ дѣлъ Гарсія-Руис
издатель газеты „Pueblo,“—защитникъ республики унитарной: вклю
чивъ его въ кабинетъ, Серрано тѣмъ самымъ обязался вести дѣл
въ смыслѣ унитарной республики. Иначе, въ кабинетъ не вступил
бы ни Гарсія-Руисъ, ни, по всей вѣроятности, тѣ демократы, кото
рые вошли туда же: Фигерола, Бесерра, Эчегарэ. Если бы Серран
Топете, и Сагаста замышляли теперь же весть дѣло къ возста
новленію монархіи, то они не призвали бы себѣ въ товарищи этих
людей и не дали бы военное министерство Савалѣ, который если
монархистъ, то умѣренный и перешедшій послѣ паденія монархіи к
республикѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и впредь очень много будет
значить примѣръ, какой дастъ Франція. Если бы въ ней воцарилс
Генрихъ V, то донъ-Карлосу быть можетъ удалось бы завоевать себ
испанскій престолъ. Покамѣстъ же въ Испаніи не будетъ хуже, чѣм
было доселѣ.

Французскія дѣла, противъ обыкновенія, не были богаты собы

ями въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Правда, происходилъ
инистерскій кризисъ; но онъ имѣлъ отчасти значеніе крайности,
тя довольно характеристичной,—одного изъ тѣхъ incidents, безъ
торыхъ уже немыслимы не только два мѣсяца, но и недѣля фран-
зской политики.

Министерство, назначенное маршаломъ Макъ-Магономъ, по вступ-
ніи его въ семилѣтнее президентство, слишкомъ поспѣшило послѣ
кацій новаго года проводить свой законъ, предоставляющій назна-
ніе мэровъ правительству (порядокъ существовавшій при имперіи
отмѣненный при республикѣ). Отсюда и произошла опасная слу-
йность. Вакаціи собранія продолжались первую недѣлю новаго
да, послѣ утвержденія 29-го декабря бюджета на 1874 годъ, а 30
кабря—проектовъ новыхъ налоговъ на 80 милл. франковъ. Въ за-
даніи 8-го января, членъ крайней правой—враждебной нынѣшнему
бинету, исшедшему главнымъ образомъ изъ праваго центра—мар-
зъ де-Франльё предложилъ отсрочить обсужденіе закона о мэрахъ
я совмѣстнаго разсмотрѣнія съ закономъ о муниципальномъ управ-
ніи вообще, который имѣетъ быть представленъ впослѣдствіи.
редложеніе само по себѣ было вполнѣ раціонально. Какой смыслъ
ѣетъ изданіе отдѣльнаго закона о мэрахъ, когда въ скоромъ вре-
ни придется обсуждать все муниципальное устройство, и стало
ть вопросъ объ аттрибуціяхъ мэровъ возникнетъ вновь? только
гъ, что министру внутреннихъ дѣлъ, герцогу Брольи хотѣлось
къ можно скорѣе начать ломку состава мѣстной администраціи
я того, чтобы имѣть „консервативное“ вліяніе на частные выборы
мѣстностяхъ, гдѣ популярны республиканцы. Министерство могло
осто снять съ очереди законъ о мэрахъ, еслибы вполнѣ сознавало
ю слабость, сознавало, что достаточно отсутствія нѣсколькихъ
еданныхъ депутатовъ для перенесенія большинства на враждебную
у сторону. Но министерство требовало постановленія закона о мэ-
хъ впереди другихъ дѣлъ, и вотъ, послѣ двухъ нерѣшительныхъ
лосованій, потерпѣло пораженіе большинствомъ 268 голосовъ про-
въ 268. Зависѣло это просто отъ того, что многіе друзья мини-
рства еще не возвратились изъ своихъ мѣстъ отдохновенія; но
мъ не менѣе характеристиченъ фактъ, что нынѣшнее министер-
во можетъ держаться только при самомъ напряженномъ усиліи
его своего лагеря. По провозглашеніи результата этого вотирова-
, въ собраніи послышалось нѣсколько возгласовъ: „Павія! Павія!“

Министры подали просьбы объ отставкѣ, которыхъ Макъ-Магонъ,
накo не принялъ. Немедленно созваны были, по телеграфу, всѣ
сутствовавшіе друзья, даже посланники при ближайшихъ дворахъ.
засѣданіи 12-го января правымъ центромъ внесено было пред-

ложеніе: объявить министерству довѣріе собранія и поставить за конъ о мэрахъ во главѣ списка очередныхъ дѣлъ. Противоположно предложеніе Пикара о простомъ переходѣ къ очередному порядк было сперва отвергнуто большинствомъ 356 голосовъ противъ 31 затѣмъ предложеніе благопріятное министерству было принято бол шинствомъ 379 голосовъ противъ 321, и министры, сочтя себя вполн удовлетворенными, остались на мѣстахъ.

Изъ послѣдующихъ засѣданій національнаго собранія весьм важно было засѣданіе 20-го числа. Въ немъ весь законъ о мэрах былъ принятъ большинствомъ 367 противъ 324 голосовъ (при обсуж деніи отдѣльныхъ статей правительственное большинство спускалос до 5-ти) и устраненъ былъ посредствомъ, такъ-называемаго, „предва рительнаго вопроса“ запросъ клерикала Дю-Тампля о томъ, имѣет ли нынѣшнее правительство намѣреніе сохранить постъ французскаг посланника при королѣ Италіи. Устраненія этого запроса, „по осо бымъ политическимъ соображеніямъ“, потребовалъ министръ ино странныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ. При этомъ случаѣ онъ объяснилъ что правительство состоитъ въ хорошихъ и искреннихъ отношеніях (cordialité) съ Италіею „въ томъ видѣ, какою обстоятельства ее сдѣ лали“, т.-е., признаетъ единство итальянскаго королевства, одним словомъ держится въ отношеніи къ Италіи прежней политики, т.-е политики Тьера.

Къ такому объясненію герцогъ Деказъ былъ отчасти вынужден вымогательствами германскаго правительства, которое въ послѣдне время начинаетъ нѣсколько безцеремонно давать чувствовать сво силу сосѣдямъ. Оно сдѣлало французскому правительству внушені относительно его поблажки клерикаламъ и предполагаемой опасност съ его стороны для Италіи. Объясненіе герцога Деказа было отчаст побуждено этимъ, но несомнѣнно было вынуждено этимъ вмѣшатель ствомъ князя Бисмарка и запрещеніе фанатически-клерикальной газет „Univers“ за оскорбленія германскому правительству. Декретъ о за прещеніи на два мѣсяца изданія газеты „Univers“, въ силу осад наго положенія, изданъ былъ парижскимъ генералъ-губернаторомъ генераломъ Ладмиро́, на котораго также недавно жаловался германскій посланникъ за его неосторожныя слова при пріемѣ въ ден новаго года о свойственной Франціи prépondérance. Какъ ни ненави дитъ и ни презираетъ газету „Univers“ огромное большинство фран цузовъ, понятно, что такое вмѣшательство было тяжело для націи Даже осторожный „Journal des Débats“ замѣтилъ: „послѣ утрат двухъ провинцій и уплаты пятимилльярдной суммы, такое унижені не прибавляетъ много къ нашему бремени; но оно должно напом

ть намъ, что въ дѣйствительности на нашей территоріи еще оитъ непріятель". Англійскія газеты единогласно и весьма рѣзко удили такое вмѣшательство германскаго канцлера во французскія ла. Но кн. Бисмаркъ въ послѣднее время сдѣлалъ еще нѣсколько добныхъ походовъ: онъ назвалъ въ сеймѣ лжецомъ итальянскаго нерала Ламармору, за то, что тотъ, говоря объ обѣщаніяхъ Бисрка въ 1866 году, сослался въ подтвержденіе ихъ на письмо, котое не было оффиціально. Между тѣмъ, онъ же обнародовалъ въ imes" въ 1870 году проектъ о присоединеніи Бельгіи къ Франціи, чертанный въ его же кабинетѣ бывшимъ французскимъ послакомъ, и, разумѣется, уже не имѣвшій ни подписи, ни оффиціальнаго рактера. Онъ же недавно опубликовалъ въ своей оффиціозной пеги новѣйшую папскую буллу, которая оффиціально обнародована не ла и которой самая достовѣрность теперь опровергается папскимъ ромъ. Наконецъ, князь Бисмаркъ сдѣлалъ представленія и бельскому правительству противъ нападеній на Германію бельгійскихъ ерикальныхъ газетъ; однимъ словомъ, онъ вступилъ на путь, которо, какъ извѣстно, слѣдовалъ Наполеонъ III, дѣлавшій Бельгіи и рдиніи тѣ же самыя представленія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) января.

Политическій кризисъ въ Германіи.

Благодаря тому обстоятельству, что я посвятилъ свою послѣдю, ноябрьскую корреспонденцію исключительно одному вопросу: иференціи по реальнымъ школамъ, я теперь поставленъ въ необцимость обозрѣть политическую жизнь Германіи почти за четыре сяца, въ теченіе которыхъ парламентская дѣятельность была ень оживлена, борьба государства съ ультрамонтанствомъ принила все болѣе и болѣе широкіе размѣры, и произошли выборы въ усскую палату депутатовъ и въ германскій рейхстагъ. Изъ нихъ слѣдніе далеко превосходятъ по интересу и значенію всѣ осталье, имѣвшіе мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ Германія живетъ парлаентской жизнью.

Въ теченіе всего лѣта и осени Германія наслаждалась, не скажу глубокимъ покоемъ, но настоящимъ политическимъ *dolce far niente*. Единственными значительными событіями были: обнародованіе переписки между папой и императоромъ Вильгельмомъ, пріѣздъ короля Виктора-Эммануила въ Берлинъ и поѣздка императора Вильгельма въ Вѣну. Наконецъ, пожалуй, оба побѣдныхъ торжества, праздновавшихся въ Берлинѣ, которыя настолько имѣютъ политическаго значенія, насколько съ ними связывалось направленіе внутренней прусской политики, ибо какъ разъ въ эти самые дни, одобренная всѣмъ министерствомъ политика министра просвѣщенія Фалька, направленная противъ злоупотребленій римско-католическаго духовенства, получила окончательную санкцію императора и вступила въ тотъ фазисъ своего развитія, послѣ котораго отступленіе стало невозможно.

Но народъ погруженъ былъ все это время въ глубокую летаргію: онъ не заботился ни о внѣшней, ни о внутренней политикѣ, и каждый считалъ, что имѣетъ право на такой отдыхъ послѣ военнаго грохота и послѣдовавшаго затѣмъ парламентскаго шума, за которыми, по крайней мѣрѣ за первымъ, съ участіемъ слѣдили всѣ сердца.

Но можно съ достовѣрностью сказать, что даже въ эпоху лѣтняго затишья происходили явленія, возникали новые взгляды, измѣнялись существующіе, общественное мнѣніе привлекалось новыми задачами—словомъ, совершались перемѣны, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности можетъ быть и незначительна, но въ общемъ результатѣ можетъ оказаться весьма существенной.

Нигдѣ нельзя такъ хорошо это прослѣдить, какъ въ конституціонныхъ государствахъ, въ которыхъ выборы, происходящіе черезъ извѣстные промежутки времени, служатъ вѣрнымъ мѣриломъ общественнаго настроенія, если эти выборы свободны и происходятъ не подъ давленіемъ правительства, какъ это за-частую бываетъ, когда послѣднее старается навязать народу то настроеніе, которое ему пріятно.

Въ Пруссіи, въ теченіе довольно долгаго времени имѣло мѣсто подобное давленіе, но мало-по-малу оно исчезло. Въ пятидесятыхъ годахъ, при министерствѣ Мантейфеля пускались въ ходъ всевозможныя средства, съ цѣлію повліять на избирателей. Но графъ Эйленбургъ, который, какъ и князь Бисмаркъ, слишкомъ большой баринъ, чтобы любить мелкія бюрократическія уловки, ограничился тѣмъ, что потребовалъ отъ чиновниковъ, чтобы они энергически поддерживали при выборахъ правительство. Коротко говоря, при послѣднихъ выборахъ какъ въ палату депутатовъ, такъ и въ рейхстагъ

равительство рѣшительно воздерживалось отъ всякаго давленія на збирателей.

Съ другой стороны, со времени великихъ событій 1866 г., а главное, ь 1870 г., оппозиція утратила значительную часть своей силы. Самымъ арактернымъ доказательствомъ всеобщаго довѣрчиваго и миролюиваго настроенія кажется мнѣ воззваніе къ избирателямъ, которое рогрессивная партія выпустила еще въ мартѣ мѣсяцѣ, въ виду риближавшихся выборовъ. Но для того, чтобы вполнѣ оцѣнить его наченіе, надо знать прежніе документы того же рода этой партіи, поэтому я приведу сначала отрывокъ изъ избирательнаго циркуяра прогрессивной партіи отъ октября 1867 г. (слѣдовательно, ослѣ основанія сѣверо-германскаго союза и первой сессіи рейхстага). Циркуляръ начинался съ того, что съ передачей военныхъ дѣлъ ъ вѣдѣніе союза, палата депутатовъ должна обратиться ко внутренимъ дѣламъ. „По части этихъ реформъ“—такъ гласилъ вышеупомянутый циркуляръ, „почти еще ничего не сдѣлано, потому что всѣ тѣ, оторыхъ либеральная партія требовала въ теченіи долгихъ лѣтъ, акъ, напр., общинное и окружное положеніи, школьный законъ и . д., не подвинулись ни на іоту впередъ. Точно также правосудіе сталось далеко недоступнымъ для каждаго, потому что все еще существуютъ монополія обвиненія за прокуратурой, не пользующейся езависимостью, и законъ о порядкѣ веденія дѣлъ при возникающихъ спорахъ о компетентности, въ силу котораго для судебнаго реслѣдованія чиновниковъ за преступленія по должности требуется огласіе ихъ начальниковъ. Доселѣ еще присяжные исключены изъ, акъ-называемыхъ, политическихъ процессовъ или проступковъ проивъ печати. Такъ же мало удавалось до сихъ поръ примѣнить на рактикѣ обѣщанную въ статьѣ 12-й конституціи равноправность сѣхъ религіозныхъ общинъ. Но всего необходимѣе изданіе окружаго или общиннаго положенія. Сельскія общины до сихъ поръ еще ишены самоуправленія, которымъ города обладаютъ уже много ѣтъ“....

Вотъ языкъ, которымъ говорила прогрессивная партія въ 1867 г. какъ разъ 12 октября 1867 г. Это число замѣчательно тѣмъ, что но ознаменовано изданіемъ перваго закона, изъ того длиннаго яда, благодаря которому сначала сѣверо-германскій союзъ, а заѣмъ и германская имперія, освободились отъ всѣхъ путъ, которыми адерживалось экономическое развитіе. Законъ о паспортной системѣ отмѣнившій паспорты или какія бы то ни было документы для пуешествія по всѣмъ областямъ сѣверо-германскаго союза или для ыѣзда изъ нихъ) былъ изданъ 12 октября 1867 г.

Шесть лѣтъ спустя, въ мартѣ 1873 г., избирательное воззваніе

прогрессивной партіи гласитъ слѣдующее:.... Избиратели! Великія цѣли, которыя нѣмецкая прогрессивная партія преслѣдовала со времени своего основанія, далеко еще не достигнуты. Совсѣмъ тѣмъ многое изъ нихъ осуществилось быстрѣе даже, чѣмъ мы надѣялись, и кто сравнитъ положеніе общественныхъ дѣлъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ [1]) съ настоящимъ, тотъ долженъ будетъ согласиться, что происшедшія съ тѣхъ поръ перемѣны больше соотвѣтствуютъ нашей программѣ, чѣмъ программѣ нашихъ противниковъ.

„Идея германскаго единства, которую мы приняли съ самаго начала и защищали противъ нападокъ и клеветъ тогдашней правительственной партіи, олицетворилась теперь въ императорѣ и имперіи. Равномѣрныя учрежденія, составленныя въ свободномъ и гуманномъ духѣ, начинаютъ распространяться по всей Германіи. Національная экономическая жизнь, освобожденная отъ путъ, бьетъ такимъ сильнымъ и живымъ ключомъ, что порождаетъ увѣренность, что нѣкоторыя тревожныя явленія данной минуты точно также будутъ устранены....

„Прускій ландтагъ точно также можетъ похвалиться прогрессомъ въ законодательствѣ, какого не представлялъ ни одинъ законодательный періодъ прежняго времени. Бюджетъ составляется правильно и опирается на прочныя основанія, благодаря закону о верхней контрольной палатѣ. По вопросу о налогахъ сдѣланы первые шаги на пути той реформы, которая должна вызвать болѣе правильное распредѣленіе податей и облегченіе для тѣхъ классовъ народа, которые наиболѣе удручены. Кредитъ получилъ новую обезпеченность, благодаря преобразованію ипотечной системы.

„Необходимость дальнѣйшаго развитія самоуправленія и децентрализаціи признается теперь и оффиціальнымъ міромъ. Въ различныхъ направленіяхъ полицейская дѣятельность государства ограничена законодательствомъ, и новое окружное положеніе, конечно, окажетъ ту услугу, что разобьетъ цѣпи феодализма и откроетъ свободный путь для дѣятельныхъ народныхъ элементовъ въ дѣлѣ управленія округомъ. Наконецъ, въ сферѣ гуманнаго и личнаго развитія сдѣланы большіе шаги впередъ. Школьные путы устранены. Правительство провело законъ о надзорѣ надъ училищами и длиннымъ рядомъ церковныхъ законовъ довершило окончательный разрывъ съ губительной системой взаимнаго страхованія между чиновническимъ владычествомъ въ государствѣ и поповскимъ владычествомъ въ церкви, которое такъ долго задерживало развитіе Пруссіи.

„Въ числѣ этихъ преобразованій есть такія, на которыя наша пар-

---

[1]) Въ 1871 г. образовалась „нѣмецкая прогрессивная партія“.

ія могла дать свое согласіе безъ колебанія. Она старалась въ свое ремя добиться тѣхъ измѣненій въ законахъ, которыя ей были жела-ельны. Хотя она слишкомъ часто терпѣла при этомъ пораженія, о тѣмъ не менѣе признала необходимость поддерживать, за-одно ь другими либеральными партіями, правительство въ борьбѣ, кото-ая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ еликой культурной борьбы человѣчества".

Такъ разсуждаетъ прогрессивная партія въ 1873 г. Вы согласи-есь со мной, что это скорѣе языкъ правительственной партіи, и есте-гвенно возникаетъ вопросъ: не служитъ ли довольство прогресив-ой партіи политикой правительства въ осужденіе этой послѣдней, и е оправдываетъ ли упреки, которые съ другой стороны высказы-аются противъ нея.

Но всеобщее довѣрчивое спокойствіе было непріятно нарушено езультатомъ выборовъ. Выборы въ палату депутатовъ произошли ри сравнительно слабомъ участіи избирателей, и ультрамонтанамъ алось значительно умножить число своихъ представителей. Резуль-атъ выборовъ оказался слѣдующій: на 432 члена, насчитываемыхъ алатой депутатовъ, они насчитывали до сихъ поръ 62 члена, а перь число ихъ возросло до 89. Въ остальномъ оказалось значи-льное усиленіе либеральныхъ партій и соотвѣтствующее ему ослаб-ніе консервативныхъ. Національные либералы съ 128 членовъ воз-осли до 170, прогрессивная партія съ 50 до 63; напротивъ того, таро-консерваторы упали съ 70 до 4, ново-консерваторы, которые въ редъидущую сессію отдѣлились отъ старо-консерваторовъ, спустились 36 до 20, а вольные консерваторы остались въ прежнемъ составѣ оло 30 членовъ. Соціалисты-демократы совершенно устранились ъ выборовъ, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на выборахъ въ йхстагъ, при которыхъ всеобщая, непосредственная и закрытая по-ча голосовъ для нихъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ трехъ-сослов-я система, по которой совершаются выборы въ прусскую палату путатовъ.

Такой результатъ выборовъ произвелъ сильное впечатлѣніе, хотя ѣ ждали, что консерваторы проиграютъ въ численности, а клери-лы выиграютъ. Князь Бисмаркъ предсказалъ консерваторамъ ихъ дьбу, когда эти послѣдніе отдѣлились отъ правительства и стали оппозицію къ нему; друзья консерваторовъ также неустанно пред-терегали ихъ. Но вмѣсто того, чтобы послушаться этихъ пред-тереженій, они бросились въ объятія вождямъ праваго консерватив-го крыла, заключили союзъ съ ультрамонтанами и стали подстре-ть духовенство къ сопротивленію церковнымъ законамъ. Касательно раза дѣйствій этой партіи и ея вождей возникло длинное препи-

рательство между органомъ дружественно настроенныхъ къ правительству консерваторовъ и партіей „Крестовой газеты“, изъ котораго, однако, ничего не вышло. Правительство утверждало при этомъ, что оно признаетъ необходимость существованія и право консервативной партіи и протягиваетъ руку примиренія, но что консерваторы должны при этомъ избрать себѣ другихъ вождей и другой органъ, чѣмъ „Крестовая газета“. Но въ этомъ случаѣ повторилось лишь то, что́ бываетъ очень часто: каждому приходится нести послѣдствія своихъ поступковъ, а правительство не одно десятилѣтіе хлопотало о томъ, чтобы „Крестовая Газета“ стала неопровержимымъ авторитетомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ считалось вѣрнымъ признакомъ „благонамѣренности“ читать „Крестовую Газету“, и не только сельское дворянство и духовенство, но и чиновникъ, дѣлающій карьеру, студентъ-аристократъ и прежде всѣхъ молодые офицеры читали ее и проникались государственной мудростью „передовыхъ статей“ Сталя и Герлаха. Только теперь позналъ князь Бисмаркъ, какое собственно зерно заключалось въ этой политикѣ, которой онъ самъ увлекался, и недавно (въ рѣчи, сказанной въ палатѣ депутатовъ, 17 декабря) съ язвительной ироніей он охарактеризовалъ Герлаха (который снова засѣдаетъ теперь въ палат депутатовъ, хотя принадлежитъ евангелической, а не ультрамонтан ской фракціи), какъ политическаго дѣятеля, которому знакома одн только потребность спора и который поэтому мѣняетъ свое мнѣніе какъ скоро замѣтитъ, что кто-нибудь его раздѣляетъ. Выражаясь сло вами Гёте изъ „Фауста“, онъ „духъ, который вѣчно отрицаетъ“. Таким Герлахъ былъ всегда, и Бисмаркъ нѣсколько поздно спохватился об этомъ.

Не стану предрѣшать затруднительнаго вопроса о будущности ожидающей консервативную партію. Одни и даже нѣсколько выбо ровъ еще не даютъ возможности произнести окончательное сужденіе Народное настроеніе измѣнчиво и весьма возможно, что господству щее нынѣ либеральное настроеніе уступитъ мѣсто консервативном какъ это несчетное число разъ бывало въ Англіи, да и теперь за мѣчается, ибо консерваторы одерживали тамъ одну избирательну побѣду за другой. Но, съ другой стороны, мѣняется не одно настро ніе, но и самый духъ партій, и англійскіе консерваторы нашег времени нисколько не похожи на консерваторовъ восемнадцата столѣтія. И если въ средѣ консервативной партіи въ Пруссіи и су ществуютъ люди, остающіеся при тѣхъ взглядахъ, которые они со ставили себѣ 25 лѣтъ тому назадъ, люди, которые ничего не забыл и ничему не научились, то они безъ сомнѣнія исчезнутъ вмѣстѣ с послѣдними современниками Герлаха и Зенфтъ-Пильзаха и со всѣм остальными допотопными борцами партіи „Крестовой Газеты“. Тогд

ыработается другая консервативная программа и организуется дру-ія консервативная партія.

Правительство, повидимому, этими самыми соображеніями утѣ-:ало себя въ результатѣ выборовъ, хотя „*Provinzial-Correspondenz*“ рдъ первымъ впечатлѣніемъ назвала ослабленіе консервативной пар-іи печальнымъ результатомъ. Въ рѣчи, которою былъ открытъ ланд-агъ, и которую читалъ министръ финансовъ Кампгаузенъ, не было икакого намека на неудовольствіе, а напротивъ того, высказывалось еланіе, чтобы правительству оказана была поддержка со стороны ндтага, и недѣлю спустя „*Provinzial-Correspondenz*“ объявила, что ь результатѣ выборовъ правительство усматриваетъ не столько вы-аженіе мнѣній различныхъ партій, сколько выраженіе согласія, со ороны большинства страны, со взглядами и цѣлями, которыхъ дер-ится правительство относительно величайшихъ задачъ законода-ельства. Пораженіе старо-консерваторовъ объясняла оффиціальная азета тѣмъ, что избиратели не довольны оппозиціей, которую часть онсерваторовъ оказывала правительству въ церковныхъ вопросахъ, это справедливо, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ провинцій, акъ, напр., для Помераніи. Померанія, какъ извѣстно, слыветъ за онсервативнѣйшую провинцію, нѣчто въ родѣ „прусской Вандеи“, на послѣднихъ выборахъ оказалось, напр., что г. Денцинъ, земле-ладѣлецъ, который въ теченіе 25-ти лѣтъ былъ членомъ всѣхъ усскихъ и германскихъ представительствъ и принадлежитъ къ райней правой, забаллотированъ избирателями своего округа Штольбъ-Лауэнбургъ-Бюловъ), за то, что недостаточно ясно вы-казалъ: намѣренъ ли онъ безусловно поддерживать правительство ь церковныхъ вопросахъ.

Вышеупомянутый оффиціозный органъ (который несомнѣнно выра-аетъ воззрѣнія правительства) утѣшался еще тѣмъ въ результатѣ ыборовъ, что объяснялъ побѣду либеральной партіи рѣшительностью, ь какой она заявила въ своей программѣ намѣреніе поддерживать равительство въ его борьбѣ съ Римомъ: этотъ лозунгъ дѣйствовалъ обѣдоносно на населеніе иныхъ провинцій, напр., евангелической аксоніи, Пруссіи и Помераніи.

И это воззрѣніе несомнѣнно справедливо. Положеніе правитель-ва устанавливалось при этомъ само собой. Какъ ни тяжко было рафу Эйленбургу, однако министерству ничего больше не оставалось слѣ такой блистательной побѣды либеральной партіи, какъ при-нать совершившійся фактъ и попытаться войти съ нею въ согла-еніе: никому и въ голову не приходило управлять *наперекоръ* боль-инству, какъ въ эпоху внутренняго столкновенія. Такъ измѣнились ремена!

Здѣсь я вынужденъ сдѣлать маленькое отступленіе: перемѣна въ направленіи министерства была результатомъ кризиса, который длился около года, а именно съ 20-го декабря 1872 г., когда князь Бисмаркъ получилъ отставку отъ званія президента прусскаго совѣта министровъ. Какъ ни старались тогда замазать это дѣло увѣреніями, что положеніе князя Бисмарка относительно прусскаго совѣта министровъ останется неизмѣннымъ и графъ Роонъ будетъ руководить имъ въ прежнемъ духѣ, но несомнѣнно, что имѣлось въ виду измѣнить политическую систему и придать ей болѣе консервативное и спеціально-прусское направленіе. Но случилось то, что́ можно было предвидѣть заранѣе: графъ Роонъ не имѣлъ настолько силы, чтобы провести тѣ планы, которые, быть можетъ, лелѣялъ; элементовъ для консервативной политики не хватало, а главное, вскорѣ выяснилось, что правительство можетъ вести борьбу съ духовенствомъ лишь при помощи либеральной партіи. Это могло быть непріятно графу Роону, но онъ съ патріотическимъ самоотверженіемъ посовѣтовалъ королю держаться энергической политики относительно духовенства. Король долго колебался и рѣшился лишь на основаніи совѣта графа Роона, строгость религіозныхъ принциповъ котораго ему была хорошо извѣстна. Такое же самоотверженіе выказалъ и графъ Эйленбургъ, который сначала былъ не въ ладахъ съ княземъ Бисмаркомъ, но затѣмъ поддерживалъ его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Отдѣльные фазисы этого кризиса неизвѣстны, но уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ возстановилось полное согласіе между Бисмаркомъ и министерствомъ.

Послѣ этого необходимаго отступленія снова обращаюсь къ выборамъ: успѣхъ ультрамонтанъ, число которыхъ, какъ я уже упоминалъ выше, возросло съ 58 на 84, обусловливается несомнѣннымъ вліяніемъ, которое они сохраняютъ до сихъ поръ надъ массами; но объ этомъ обстоятельствѣ я поговорю подробнѣе, когда коснусь выборовъ въ рейхстагъ, на которыхъ побѣда ультрамонтанъ оказалась еще значительнѣе.

Но на дѣлѣ успѣхъ ихъ (какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и въ рейхстагѣ) ослабляется тѣмъ, что старо-консервативная партія, бывшая союзница ультрамонтанъ, почти совсѣмъ исчезла съ арены, вслѣдствіе чего, само собой разумѣется, возникаютъ совсѣмъ новыя комбинаціи партій. Въ послѣдній законодательный періодъ не существовало устойчиваго большинства. Многочисленнѣйшая изъ партій, національ-либеральная, насчитывала ничтожное большинство; чтобы достичь его она должна была составить союзъ или съ прогрессивной партіей, или съ вольно-консервативной. Но всѣ эти три партіи самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывались въ пользу сильнаго,

зободно развивающагося государства. Имъ противостояли старо-
онсерваторы, клерикалы и поляки, которые не только въ церков-
ыхъ вопросахъ, но и въ политическихъ, какъ, напр., по вопросу
ъ окружномъ управленіи, дѣйствовали за-одно. Между этими двумя
ольшими группами партій стояла еще вновь образовавшаяся ново-
онсервативная партія, отдѣлившаяся отъ старо-консервативной и
отя тяготѣвшая, по преданіямъ, къ послѣдней, но вотировавшая по
сѣмъ вопросамъ въ пользу правительства, и такимъ образомъ уси-
ившая партію его приверженцевъ. Вообще, такого рода парламент-
кія отношенія могутъ считаться за наиболѣе желательныя. Чѣмъ
корѣе прежнія отвлеченныя понятія о консерватизмѣ и либера-
измѣ уступятъ мѣсто конкретной и соотвѣтствующей существую-
имъ условіямъ группировкѣ партій, тѣмъ успѣшнѣе будетъ идти
конодательная дѣятельность. Предложенія правительства рѣшаются
ри такомъ отношеніи не вслѣдствіе случайной разногласицы, но
агодаря внушительному большинству, а это придаетъ особенную
равственную силу новымъ законамъ и усиливаетъ авторитетъ и зна-
ніе народнаго представительства.

Такое отношеніе существуетъ въ настоящее время въ палатѣ
путатовъ, созданной выборами 7-го ноября. Первымъ политиче-
имъ дѣйствіемъ палаты бываетъ выборъ президента, и тутъ либе-
льное большинство охарактеризовало до извѣстной степени про-
амму своей будущей политики, выбравъ первымъ президентомъ
ціональ-либерала фонъ-Беннигсена, вторымъ—члена прогрессивной
ртіи, бывшаго нѣкогда президентомъ Штутгартскаго „*Rumpfpar-
ent*“, доктора Лёвэ, а третьимъ—вождя вольно-консервативной пар-
и, д-ра Фриденталя. Всѣ трое избраны весьма значительнымъ боль-
инствомъ, колебавшимся между 260 и 240 голосами, принадлежав-
ими всѣмъ тремъ партіямъ. Клерикалы подавали свои 80 голо-
въ всякій разъ за клерикальнаго кандидата, а ново-и старо-кон-
рваторы, у которыхъ не хватало духа подать голосъ за члена
огрессивной партіи Лёвэ, вотировали за Беннигсена, а при послѣ-
ющихъ выборахъ поддерживали собственныхъ кандидатовъ.

Союзъ между этими тремя патріотически-настроенными партіями
означился, какъ только ультрамонтаны, съ цѣлью разстроить ихъ
ды и вызвать разладъ между ними и правительствомъ, внесли нѣ-
олько весьма либеральныхъ проектовъ, какъ, напр., введеніе все-
щей подачи голосовъ также и для выборовъ въ прусскую палату
путатовъ. Прогрессивная партія поставлена была въ очень неудоб-
е положеніе относительно этихъ проектовъ, такъ какъ она раньше
сказывалась за общую подачу голосовъ и теперь не могла дѣй-
вовать въ противномъ смыслѣ. Она не хотѣла также отвергнуть

этого проекта, ссылаясь на требованія минуты, потому что опасалась, что ея приверженцы не поймутъ этой хитрой дипломатической уловки, а потому сочла за лучшее передать проектъ коммиссіи, которая бы его похоронила; но при преніяхъ прогрессисты такъ сцѣпились съ ультрамонтанами, что непроходимая пропасть, раздѣляющая ихъ, обозначилась весьма ясно. Еще рѣзче выступило разномысліе между національными и ультрамонтанами, когда послѣдніе, вскорѣ затѣмъ, внесли проекты, требовавшіе ни болѣе, ни менѣе, какъ отмѣны церковныхъ законовъ въ маѣ будущаго года, на томъ основаніи, что иначе невозможно возстановить миръ въ Пруссіи. Большинствомъ 288 голосовъ противъ 95 (голоса ультрамонтанъ и поляковъ) вотированъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ „въ надеждѣ, что королевское правительство окажетъ должное вниманіе даннымъ законамъ и похлопочетъ объ изданіи законовъ, необходимыхъ для того чтобы регулировать церковные порядки".

При обсужденіи обоихъ проектовъ Вирховъ, членъ прогрессивной партіи, и Ласкеръ, членъ національ-либеральной — особенно строго бичевали недобросовѣстный и ребяческій образъ дѣйствія ультрамонтанъ, которые, когда цѣли ихъ того требуютъ, служатъ самой крайней реакціи (которая, само самой разумѣется, выражаетъ ихъ искреннія политическія убѣжденія), а въ другихъ случаяхъ разыгрываютъ либераловъ.

Вслѣдъ за вотированіемъ вышеупомянутаго перехода къ очередным дѣламъ министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій внесъ, какъ отвѣтъ на требованія ультрамонтанъ, законопроектъ о введеніи обязательнаго гражданскаго брака, и такимъ образомъ благодаря благопріятному стеченію обстоятельствъ, было достигнуто то, чего либералы тщетно добивались въ теченіи 25 лѣтъ.

Король съ большимъ трудомъ согласился дать свое согласіе на изданіе закона (который министръ Фалькъ заготовилъ уже 1½ года тому назадъ), да и то лишь потому, что все министерство включая сюда и князя Бисмарка, выставило ему на видъ, что введеніе этого закона крайне необходимо для продолженія борьбы съ католической іерархіей. Да оно въ самомъ дѣлѣ такъ и есть: совершенно невозможно предоставить въ полное вѣдѣніе патеровъ такіе важные для гражданской жизни акты, какъ рожденіе, смерть и бракъ, не говоря уже о томъ, что при постоянной оппозиціи духовенства легко можетъ случиться, что государство окажется вынужденнымъ устранить отъ должности непокорныхъ, и тогда можетъ наступить величайшая смута, если веденныя ими церковныя книги останутся единственнымъ источникомъ, гдѣ будутъ засвидѣтельствованы эти акты. Этого отрицательнаго успѣха ультрамонтаны и до

тигли; они добились также и того, что своими проектами и вѣч-
ымъ вмѣшательствомъ въ пренія затрудняли ходъ дѣлъ, и палата
епутатовъ разошлась 20 декабря, на рождественскія каникулы, съ
ознаніемъ безплодно потраченнаго времени. Бюджетъ не былъ во-
ированъ, и ни одинъ сколько-нибудь важный законъ не прошелъ.

Вакаціи на этотъ разъ должны были длиться болѣе обыкно-
еннаго, потому что выборы въ рейхстагъ назначены были на 10-е
нваря, и тѣ изъ депутатовъ, которые желали получить полномочіе
въ рейхстагъ, нуждались въ извѣстномъ промежуткѣ времени, что-
ы успѣть заявить о своей кандидатурѣ и представиться избира-
елямъ. Но самые вліятельные люди принадлежали, по весьма по-
ятнымъ причинамъ, къ обоимъ парламентскимъ корпусамъ.

Что избирательная борьба будетъ жаркая,— это можно было за-
анѣе предвидѣть. Ультрамонтаны уже за-долго до того напрягали
сѣ свои силы. Организація ихъ превосходна, и въ то время, какъ
иновникамъ запрещено было всякое вліяніе на избирателей, духо-
енство пользовалось полной свободой и могло обработывать свою
аству, сколько душѣ угодно. Средства его неистощимы и оно поль-
уется ими безъ зазрѣнія совѣсти. Высокопоставленные сановники
еркви возвѣщали въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, что грѣхъ
отировать—не въ ихъ духѣ. Вполнѣ зависимое отъ нихъ духовен-
тво, могущее „вязать и разрѣшать“ въ исповѣдальнѣ и грозить
ерковнымъ проклятіемъ, во власти котораго отказать умирающему
ъ церковномъ напутствіи, которому само государство предало шко-
ы и церкви, которое съ младенческихъ лѣтъ оказываетъ мощное
ліяніе на умы,—это могущественное и услужливое духовенство вы-
ивается изъ силъ, чтобы угодить своему начальству.

Ультрамонтаны получили на предъидущихъ выборахъ въ рейхс-
агъ 57 полномочій. Изъ нихъ 2 приходилось на провинцію Прус-
ію, на провинцію Браденбургъ—0 (Познань слѣдуетъ оставить въ сто-
онѣ, такъ какъ польскіе депутаты, хотя и заражены клерикальнымъ
ухомъ и вотируютъ за-одно съ ультрамонтанами, но образуютъ от-
ѣльную фракцію); на Силезію приходилось 2 полномочія, на Сак-
онію—1, на Шлезвигъ-Голштинію—0, Ганноверъ—1, Вестфалію—
, Гессенъ-Нассау—2, Рейнскую провинцію—21, Баварію—17, Сак-
онію—0, Виртембергъ—1, Баденъ—1, Гессенъ—0, Ольденбургъ —
. Въ продолженіе сессіи число ихъ депутатовъ еще умножилось.

Выборы же 10 января дали 93 или 94 ультрамонтанскихъ го-
оса (вполнѣ точное распредѣленіе партій невозможно еще по-
ому, что не окончены выборы 42 спорныхъ кандидатовъ — въ тѣхъ
лучаяхъ, когда ни одинъ кандидатъ не получилъ абсолютнаго боль-
инства),—которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ про-

винціи Пруссія ультрамонтаны удержали за собой оба Эрмеландскіе избирательные округа, и въ двухъ другихъ округахъ являются спорными кандидатами; въ Саксоніи за ними осталось одно полномочіе въ провинціи Вестфаліи они не пріобрѣли новаго избирательнаго округа, но за то въ Рейнской провинціи за ними остались послѣдніе три округа, которыхъ имъ еще недоставало, такъ что теперь эта провинція, которая такъ гордилась своимъ просвѣщеніемъ и съ презрѣніемъ взирала на неповоротливыхъ старо-пруссаковъ, пользуется честью быть представленной исключительно клерикалами. Въ верхней Силезіи за ультрамонтанами остались всѣ семь округовъ, на которые они могли заявлять притязанія въ силу статистики вѣроисповѣданій, и Силезія посылаетъ въ рейхстагъ десять, вмѣсто двухъ ультрамонтанъ. Въ Баденѣ ультрамонтаны удержали оба своихъ избирательныхъ округа, въ Виртембергѣ снова выбраны два ультрамонтана. Но злѣйшее пораженіе претерпѣли либералы въ Баваріи, гдѣ ультрамонтаны перебили у нихъ 15 голосовъ, и теперь Баварія посылаетъ 32 ультрамонтана въ рейхстагъ, вмѣсто 15, которые засѣдали въ прошломъ рейхстагѣ.

Всѣ баварскіе избирательные округа, которые въ 1871 г. удалось отбить у ультрамонтанъ партіямъ, построеннымъ въ либерально-національномъ духѣ, снова утрачены для послѣднихъ, и представительство Баваріи во второмъ германскомъ рейхстагѣ обставлено почти такъ же, какъ и въ германскомъ таможенномъ парламентѣ 1868—1870 гг. Снова, на югъ отъ Дуная, только первый мюнхенскій избирательный округъ и Альгау избрали либеральныхъ депутатовъ, и снова въ средней Франконіи избирательный округъ Эйхштадтъ, нѣкогда подчиненный епископскому жезлу, избралъ своимъ представителемъ ультрамонтана.

Также велика сравнительно, и даже еще значительнѣе, побѣда соціалистовъ-демократовъ. Не взирая на фанатическую ненависть съ какой сражаются другъ съ другомъ приверженцы различныхъ школъ соціально-демократической партіи, они сумѣли объединиться въ виду выборовъ, и въ то время, какъ въ послѣднемъ рейхстагѣ засѣдало всего 2 соціалиста (Бебель и Шрапсъ), въ будущемъ рейхстагѣ имъ будутъ принадлежать 8 — 10 голосовъ, больше половины которыхъ дастъ королевство Саксонія: тамъ соціалисты провели своихъ кандидатовъ въ 6-ти избирательныхъ округахъ: Гейбъ (изъ Гамбурга) въ Митвейдѣ, Мостъ въ Хемницѣ, Бебель (который еще не отсидѣлъ своего двухлѣтняго крѣпостного ареста) въ Глогау, Моттелеръ въ Цвиккау и Либкнехтъ въ Шнеебергѣ. Въ ультра-консервативной Голштиніи избрано 2 соціалиста-демократа и, кромѣ того, есть еще нѣсколько спорныхъ соціалистическихъ кандидатовъ, при-

емъ одинъ изъ нихъ Газенклеверъ состязается въ 6-мъ берлин-
омъ избирательномъ округѣ съ величайшимъ противникомъ соціали-
овъ-демократовъ Шульце-Деличемъ. Въ обоихъ избирательныхъ
ругахъ богатаго торговаго города Гамбурга баллотируется Гарт-
инъ, въ Аренсбергѣ—знаменитый Тёльке, который съ дубиной въ
кахъ предводительствуетъ своими приверженцами, когда желаетъ
зогнать нелюбезное имъ общество или собраніе и потому прослав-
ется сатирическими листками подъ названіемъ „Тёльке съ дуби-
й“; въ Шлезвигъ-Гольштинскихъ избирательныхъ округахъ из-
аны еще 2 и т. д.

Наконецъ, поляки также насчитываютъ приращенія, такъ какъ
нѣмецкіе католики въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ вотиро-
ли за польскихъ, клерикально настроенныхъ кандидатовъ, равно
къ и тѣ мѣстности провинціи Пруссія, которыя заселены поляками.

Чтобы вполнѣ исчерпать картину будущаго рейхстага, слѣдуетъ
е прибавить, что хотя можно было нѣкоторое время надѣяться,
о сюда пришлютъ Эльзасскихъ депутатовъ, которые, не будучи
иверженцами новаго порядка дѣлъ и присоединенія къ Германіи,
раничатся тѣмъ не менѣе представительствомъ матеріальныхъ ин-
ресовъ своей провинціи, — но въ концѣ-концовъ оказалось, что
ла верхъ французская партія, и 15 депутатовъ прибудутъ сюда
шь за тѣмъ, чтобы рѣзко протестовать противъ присоединенія
поддерживать во всемъ оппозицію враждебныхъ имперіи партій.

Не слѣдуетъ заблуждаться на этотъ счетъ: картина далеко не
шительная, и правительство, равно какъ и патріотически на-
оенныя партіи въ Германіи, стремящіяся обезпечить цѣлость и
опасность имперіи, имѣютъ полное основаніе серьёзно изслѣдовать
ичины, которыя могли вызвать такой результатъ выборовъ.

Поэтому я разсмотрю его съ обратной стороны. Что касается
дстоящихъ выборовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи, то здѣсь я буду
токъ. Въ Германіи каждый знаетъ, что четыре-пятыхъ населенія
засъ-Лотарингіи, еслибы ему предоставить въ настоящее время
ную свободу, вотировали бы за обратное присоединеніе къ Фран-
. Поэтому выборы тамъ могутъ обусловливаться или потребностя-
минуты, или темпераментомъ. Если населеніе можетъ надѣяться,
Франція вскорѣ начнетъ войну возмездія и что, слѣдовательно,
тоящее положеніе продлится недолго, то понятно, что оно пред-
тетъ страдать отъ гнета и нести мученическій вѣнецъ, нежели
риваться съ своимъ положеніемъ и стараться сдѣлать его наи-
ѣе сноснымъ. Если же, напротивъ того, оно будетъ думать, что
нція еще не скоро предприметъ вторую войну съ Германіей, то
тарается стать на хорошую ногу съ нѣмецкимъ правительствомъ

и выторговать за это возможно больше преимуществъ. Таковы воз-зрѣнія, такъ-называемой, Эльзасской партіи, которой дороги прежде всего интересы ея отечества въ *тѣсномъ* смыслѣ слова, т.-е. Эльза-за, и которая отнюдь не будетъ недовольна, еслибы пріискалась та-кая комбинація, въ силу которой Эльзасъ признанъ былъ бы ней-тральной страной между Франціей и Германіей. Эта партія, как теперь оказывается, слабѣйшая. Измѣнить это настроеніе Германія не можетъ и вынуждена, слѣдовательно, принять выжидательное по-ложеніе. Дѣла пойдутъ не лучше, но и не хуже прежняго. Населе-ніе Эльзасъ-Лотарингіи не можетъ жаловаться, за исключеніемъ са-маго факта присоединенія, на жесткость новаго правительства, и общественное настроеніе несомнѣнно стало спокойнѣе съ теченіем времени.

Перехожу теперь къ соціалистамъ-демократамъ. Усиленіе их представительства въ будущемъ рейхстагѣ произвело среди буржуа-зіи настоящую панику, которая отозвалась даже въ рядахъ про-грессивной партіи, и нѣтъ недостатка въ голосахъ, которые начи-наютъ уже утверждать, что общая подача голосовъ не можетъ быт долѣе терпима, и что ее слѣдуетъ ограничить. Массы, толкуютъ эт боязливые люди, всегда становятся, какъ это мы видимъ изъ исто-ріи древняго Рима и современной Франціи, игрушкой демагога, бу-детъ ли то жандармъ или патеръ, или соціалистъ-демократъ или по-литическій агитаторъ. Избирательное право равное для всѣхъ ра-биваетъ народъ на массу отдѣльныхъ группъ, неимѣющихъ межд собой ни малѣйшей связи: глупо давать равное право голоса там гдѣ существуетъ такая громадная разница въ способностяхъ отдѣль-ныхъ личностей, ихъ образованіи, умѣ и имуществѣ. Отъ общих теоретическихъ разсужденій переходятъ къ конкретнымъ фактам Поглядите на Гамбургъ! Вся государственная машина этого выда-щагося по своей культурѣ и богатству города была бы теперь в рукахъ единомышленниковъ парижской коммуны, еслибы въ отдѣль-ныхъ государствахъ дѣйствовалъ такой же избирательный закон какъ въ имперіи, потому что въ двухъ или трехъ избирательных округахъ соціалисты-демократы уже одержали побѣду.

Такъ разсуждаютъ боязливые люди и уже толкуютъ о рефор въ экономическомъ законодательствѣ. Короткой памяти, благода которой забываются уроки новѣйшей исторіи, слѣдуетъ приписа то, что эти аргументы производятъ впечатлѣніе, потому что всѣ о высказаны десятки лѣтъ тому назадъ и значеніе ихъ оцѣнено у тогда. Я не особенный поклонникъ всеобщей подачи голосовъ и есл бы она не была введена, то, конечно, не сталъ бы вотировать за не но при современномъ состояніи общества безумнѣе, чѣмъ когда-ли

атѣвать отобрать отъ массы разъ данное ей законодательнымъ пу-
емъ право, съ которымъ она успѣла освоиться. Французское націо-
альное собраніе готовится снова впасть въ эту ошибку, и этимъ
но кладетъ зерно новаго неизбѣжнаго возстанія въ будущемъ. Я
вердо убѣжденъ также, что князь Бисмаркъ не далекъ отъ мысли
граничить всеобщую подачу голосовъ. Онъ далъ ее не затѣмъ, чтобы
асчистить пролетаріату путь къ господству, но потому, что былъ
бѣжденъ, что имущественные и образованные классы, консерватив-
ая (въ широкомъ значеніи этого слова) часть населенія получитъ
ольшинство и при всеобщей подачи голосовъ, если *сдѣлаетъ усиліе,*
сли *исполнитъ свои гражданскія обязанности.* А этого они на этотъ
азъ *не сдѣлали.* Въ шестомъ берлинскомъ избирательномъ округѣ,
апримѣръ, только 1/3 избирателей подавала свой голосъ, а такъ
акъ соціалисты-демократы выслали къ урнамъ всѣхъ своихъ при-
ерженцевъ до послѣдняго, то несомнѣнно, что они не одержали бы
аже *относительной* побѣды провести спорнаго кандидата, еслибы
ъ противники были дѣятельнѣе. Но характеристичной чертой ли-
еральной буржуазіи всегда является то, что она на словахъ неуто-
има въ своемъ либерализмѣ, что она (какъ мы это давно уже ви-
имъ въ Берлинѣ) смотритъ на всякаго, заподозрѣннаго въ консер-
ативномъ направленіи, какъ на политическаго кретина, постоянно
ронди руетъ противъ правительства, и что при этомъ ей лѣнь вести
збирательную борьбу, когда это требуется; а когда она своими же
упостями навлечетъ опасность на себя и на свое имущество, то
ячется по своимъ норамъ и начинаетъ взывать о помощи къ пра-
тельству.

Касательно соціально-демократическихъ выборовъ можно еще за-
тить, что въ тѣхъ округахъ, гдѣ они имѣли мѣсто, существуетъ
езвычайно многочисленное протестантское фабричное населеніе, съ
торымъ не можетъ тягаться остальное. Но разъ уже приходится
ѣть дѣло со всеобщею подачей голосовъ, то необходимо примирить-
съ ея невыгодными сторонами. Какой-нибудь десятокъ соціали-
овъ-демократовъ въ рейхстагѣ не можетъ же погубить имперіи.

Этимъ я не хочу умалить успѣха, одержаннаго соціалистами-де-
кратами. Но нужно принять во вниманіе также и то обстоятель-
во, что въ послѣдніе годы наплывъ мильярдовъ и акціонерная
рячка особенно способствовали повышенію заработной платы и
звитію самосознанія у рабочаго, чѣмъ облегчили ему ассоціаціи и
ачки и преисполнили его жгучей ненавистью и завистью ко вся-
го рода „*parvenus*“, которые выставляютъ напоказъ передъ цѣ-
мъ міромъ свои легко добытыя богатства. Старая истина, что
ссы охотнѣе прощаютъ богатства, накопленныя издавна, чѣмъ на-

житыя людьми, которые по своему общественному положенію стоятъ не выше ихъ.

Перейдемъ, наконецъ, къ ультрамонтанамъ. Я уже выше упомянулъ о мощныхъ средствахъ поддерживать свое вліяніе на народъ, которыми обладаетъ духовенство. Не взирая на то, страшно подумать, и приходится сознаться, что въ Германіи, которая однако, по признанію злѣйшихъ ея враговъ, не уступаетъ въ образованіи никакой другой культурной странѣ, населеніе во многихъ мѣстностяхъ слѣпо подчиняется духовенству и приноситъ въ жертву его фанатизму то, что̀ особенно дорого каждому человѣку — отечество. Эти люди, однако, пользовались до извѣстной степени благодѣяніями школьнаго обученія, но, повидимому, оно не оказало на нихъ никакого вліянія. „Не особенно опасна для государства,—говоритъ одинъ національ-либеральный писатель, Альфредъ Довэ, въ одномъ изъ своихъ обозрѣній текущихъ событій,—была бы необузданность духовенства папской церкви, руководимаго издали, еслибы она не опиралась на симпатіи милліоновъ нашихъ соотечественниковъ, которые на послѣднихъ выборахъ (у него передъ глазами происходили выборы въ прусскій ландтагъ; выборы же въ рейхстагъ были еще хуже) сомкнутыми рядами выступили противъ майскихъ законовъ и своимъ голосованіемъ лишили даже своихъ священниковъ благодѣяній высшей культуры“. Это—эстетическій взглядъ, который не мирится съ жесткимъ реализмомъ исторіи. Скажемъ откровенно, что нигдѣ еще до сихъ поръ не достигли цѣли *руководить* массами посредствомъ образованія. Быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ не существуетъ города, гдѣ бы такъ много заботились объ образованіи, какъ въ Берлинѣ. Постройка училищъ не прекращается, а по части учебныхъ силъ здѣсь собирается все лучшее, что̀ только существуетъ въ Пруссіи, такъ какъ всякаго тянетъ въ столицу. И со всѣмъ тѣмъ грубость массъ увеличивается. Еще никогда не бывало столько случаевъ убійства и грабежа, и сто́итъ только заглянуть въ мѣстныя газетныя извѣстія, чтобы убѣдиться, какое неутѣшительное зрѣлище представляетъ здѣшняя нравственность. Въ палатахъ уже была рѣчь объ этомъ, и мнѣнія раздѣлились относительно того: слѣдуетъ ли приписать это явленіе слишкомъ большой мягкости уголовнаго кодекса или мягкости судей? О распространеніи образованія никто при этомъ не говорилъ. Я надѣюсь, что читатели не заподозрятъ во мнѣ врага образованія. Я хочу только сказать, что *одно* образованіе еще не опредѣляетъ культурнаго и соціальнаго уровня страны, и что при этомъ необходимы еще и другіе факторы. Вникнувъ глубже въ ультрамонтанскіе выборы, мы увидимъ, что они ограничиваются главнымъ образомъ, тремя большими округами: Баваріей, Прирейн

ской областью съ частью Вестфаліи и Верхней Силезіей съ отраслями, которыя проходятъ черезъ Познань въ восточную Пруссію. Всѣ эти три области принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя въ бывыя времена находились подъ безусловнымъ владычествомъ духовенства, какъ, напр., Прирейнскія земли; онѣ еще въ XVIII-мъ столѣтіи являлись грязнѣйшимъ пятномъ во всей Германіи, такъназываемой, „Поповской улицей“ (именно курфиршества Майнцъ, Гриръ и Кёльнъ), гдѣ, какъ говоритъ Венедей въ одной книгѣ, о которой я упоминалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій, „царствуетъ такое умственное ничтожество, такая нравственная распущенность, такая безсмысленная погоня за наслажденіемъ, такое мертвящее, чисто формальное благочестіе и такая повсемѣстная безхарактерность во всѣхъ высшихъ классахъ, рядомъ съ которой уживается такое невѣжество и нищета въ низшихъ, какихъ врядъ ли можно найти въ самомъ Римѣ“. Въ другихъ же, какъ напр., въ областяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Польшѣ, и въ Баваріи, вліяніе духовенства было всегда преобладающимъ.

Что тѣ же отношенія до сихъ поръ существуютъ въ Рейнской провинціи — объ этомъ всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, хотя и не очень громко. Кёльнъ—единственный большой городъ Германіи, депутаты котораго ультрамонтаны, и населеніе Рейнской провинціи значительно отстало отъ сѣверо-германцевъ въ государственной дѣятельности.

Если ультрамонтанству въ Рейнской провинціи приходится страдать отъ вялости населенія, которая значительно мѣшаетъ его успѣхамъ, то въ Баваріи за то оно достигаетъ высокой степени фанатизма. Въ сѣверо-германскихъ газетахъ приводятся иногда выдержки изъ ультрамонтанскихъ газетъ, представляющія нѣчто невѣроятное. Весьма нерѣдко толкуютъ онѣ о будущей побѣдѣ Франціи надъ Германіей и рисуютъ распаденіе Германской имперіи. Мало того, изливаютъ потоки злобныхъ рѣчей противъ двухъ ненавистнѣйшихъ для нихъ личностей: императора Вильгельма и князя Бисмарка. Одна изъ этихъ нецеремонныхъ газетъ рѣшилась написать по случаю кончины вдовствующей королевы, что смерть поразила не того, кого слѣдуетъ, въ берлинскомъ дворцѣ! А этотъ разъ избирательная агитація превосходила тамъ всякое вѣроятіе. Въ Регенсбургѣ, Пассау, Швейнфуртѣ и т. д. духовенство и крестьянство массами тѣснились къ избирательнымъ урнамъ, чтобы спасать „гонимую церковь“ и уничтожить протестантскую имперію, которая хочетъ обратить ихъ въ лютеранство. Такъ проповѣдывали священники, переходя изъ дома въ домъ, заходя въ кабаки, во дво-

ры, въ хлѣвы, короче сказать всюду, гдѣ могли изловить крестьянина, котораго пугали лютеранскимъ призракомъ; а когда этотъ послѣдній оказывался недѣйствительнымъ, то высокими налогами и дороговизной, которую принесла имперія, всепоглощающимъ милитаризмомъ и жадностью пруссаковъ, которые отнимутъ у баварцевъ все до послѣдняго теленка. Способы, которыми ультрамонтаны въ епископствахъ Пассау и Регенсбургѣ стараются опутать темную массу, описываются въ слѣдующихъ словахъ въ одной корреспонденціи:

„Уже съ годъ тому назадъ внезапно раздался съ условнымъ единодушіемъ лживый вопль: религія въ опасности! испускаемый духовенствомъ, которое организовало бурю противъ имперіи. Такъ-называемыя католическія общины выростали, какъ грибы; за ними послѣдовали, перенесенныя прямо изъ Франціи, женскія общины. Для виду эти общины занимались христіанскимъ воспитаніемъ дѣтей, но въ дѣйствительности были направлены къ тому, чтобы вліять на женщинъ и напускать ихъ на мужчинъ, пока послѣдніе, въ видахъ домашняго спокойствія, не отрекутся отъ разума и отечества. Дальнѣйшими средствами служитъ исповѣдальня и каѳедра. Въ фанатическихъ проповѣдяхъ описывается великое гоненіе церкви, угрожается отказомъ въ отпущеніи грѣховъ на тотъ случай, если избранъ будетъ либеральный кандидатъ. Мало того, священники не стыдились учить съ каѳедры, на которой должны раздаваться лишь евангельскія слова мира и любви, плевать въ лицо мужьямъ и отцамъ въ томъ случаѣ, если они изберутъ либеральнаго депутата.“

Но ярость этого терроризма ничего не прибавляетъ къ тому факту, что Баварія посылаетъ въ рейхстагъ фалангу ультрамонтанъ и въ своихъ депутатахъ, равно какъ и избирателяхъ, выказывается враждебною германской имперіи.

Но за то существуютъ явленія, которыя служатъ къ выгодѣ правительства. Хотя конституція германской имперіи даетъ много исключительныхъ правъ отдѣльнымъ государствамъ, входящимъ въ ея составъ, а въ особенности южно-германскимъ, за то военная связь, скрѣпляющая имперію, сильна, и императоръ, какъ повелитель надъ военными силами имперіи, какъ отвѣтственный стражъ безопасности имперіи, пользуется всѣми возможными прерогативами. Далѣе, несомнѣнно, что чѣмъ рѣзче выступаютъ въ рейхстагѣ враждебныя германской имперіи партіи, тѣмъ тѣснѣе сплочиваются между собой либералы и націоналы, и если только правительство сблизится съ ними, они станутъ поддерживать его. Вышеназванныя партіи образуютъ большинство не только въ Пруссіи, но во всей Германіи, и требуется простой толчокъ, чтобы дать имъ самое широкое разви-

тіе. Даже въ самой Баваріи обѣ партіи почти равны другъ другу по силамъ, и либеральная партія, къ которой принадлежатъ образованные, достаточные и просвѣщенные люди, подобно всѣмъ гонимымъ партіямъ, гораздо рѣшительнѣе, гораздо энергичнѣе, чѣмъ здѣсь.

Словомъ, послѣдніе выборы создали такое положеніе, которое хотя и можно назвать критическимъ, но нельзя считать опаснымъ, если только правительство и преданныя ему партіи будутъ тѣсно держаться другъ друга и дѣйствовать рѣшительно. Конечно, если первый же вопросъ, который долженъ обсуждаться въ будущемъ рейхстагѣ, имперскій военный законъ, вызоветъ раздоръ между правительствомъ и лѣвымъ крыломъ либеральной партіи, тогда могутъ возникнуть серьёзныя затрудненія. Но до сихъ поръ о выборахъ можно только сказать, что они, къ счастію, во́-время раскрыли зло, которое разъѣдаетъ Германскую имперію, что они доказали руководителямъ народа и политическимъ дѣятелямъ невозможность отдыхать на лаврахъ и складывать руки; они доказали, что нельзя безнаказанно терять время. Кто думалъ, что вслѣдъ за побѣдой надъ Франціей и основаніемъ Германской имперіи должна наступить политическая спячка, тотъ теперь горько разочаровался. Короткій промежутокъ усыпленія послѣдовалъ за крайнимъ напряженіемъ силъ. Теперь онъ миновалъ, и старинные противники съ удвоенными силами выступаютъ другъ противъ друга. Борьба снова вспыхнула и будетъ ведена съ ожесточеніемъ. Но развѣ какой-нибудь народъ и когда-нибудь развивался безъ борьбы и труда? Просвѣщеніе и мракъ искони спорили другъ съ другомъ, и этотъ споръ врядъ ли когда прекратится. Борьба между Римомъ и Германіей также насчитываетъ уже цѣлое тысячелѣтіе, и она принимала самыя разнообразныя формы, но, во всякомъ случаѣ, зачастую бывала гораздо опаснѣе для Германіи, чѣмъ въ настоящее время.

Теперь, когда я очертилъ общее положеніе дѣлъ, мнѣ остается только упомянуть о послѣднихъ событіяхъ. Во главѣ ихъ стоитъ обнародованіе папской буллы отъ 28 мая прошлаго года, касательно избранія папы. Въ этой буллѣ папа отвергаетъ всѣ ограниченія, которыми до сихъ поръ бывало обставлено это избраніе, и которыя до нѣкоторой степени гарантировали разумность этого избранія. Секретъ буллы отъ 28 мая заключается въ томъ, чтобы обезпечить торжество нынѣ господствующей партіи въ Римѣ и по смерти Пія IX, и сдѣлать невозможнымъ примиреніе съ Германіей. Между тѣмъ германское правительство при первомъ же столкновеніи съ папой всегда имѣло въ виду, что оно можетъ поладить съ его преемникомъ, и поэтому медлило принимать рѣшительныя мѣры противъ непокорныхъ князей церкви. Подлинность буллы оспаривалась, но безъ вся-

каго основанія. Что прусское правительство не высказывается положительно за подлинность буллы (хотя напечатаніе этого документа въ «Государственномъ Указателѣ» можетъ считаться за признаніе его подлинности), это объясняется тѣмъ, что ему необходимо дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ весьма осторожно на тотъ конецъ, еслибы подлинность буллы была опровергнута. Такъ какъ власть папы безусловна и со времени провозглашенія принципа непогрѣшимости не связана больше никакими законными формами, то онъ завтра же можетъ отмѣнить буллу. Если, кромѣ того, внимательно изучить обстоятельства, сопровождавшія ея обнародованіе и отношеніе итальянскаго правительства, которое приняло на себя дипломатическую иниціативу, дабы подвинуть европейскія державы принять единодушныя мѣры противъ торопливыхъ и бурныхъ папскихъ выборовъ, то приходишь къ заключенію, — весьма возможно, что обнародованіе буллы было сдѣлано первоначально со стороны итальянскаго правительства и что нѣмецкое приняло лишь на себя отвѣтственность за него передъ нападками ультрамонтанъ.

Человѣческая жизнь бываетъ обыкновенно слишкомъ коротка, чтобы возможно было собственнымъ опытомъ провѣрять великіе кризисы, и тутъ приходится обращаться къ урокамъ исторіи, которая до послѣдняго времени мало занималась изслѣдованіемъ настоящихъ факторовъ великихъ движеній, а именно, настроенія умовъ, страстей и желаній народа, которыя въ свою очередь вытекаютъ изъ общаго строя его жизни. Поэтому тотъ, кто созерцаетъ въ настоящее время бушующее море германской жизни, лишенъ всякаго компаса. Старѣйшіе современники, правда, пережили 1848 г., но то была лишь юношеская вспышка неопытной въ практической политикѣ націи. Въ настоящее время отношенія совсѣмъ измѣнились; народъ, такъ сказать, созрѣлъ. Нѣтъ больше того одушевленія, которое тогда сообщалось всѣмъ умамъ, хотя бы и въ ложномъ направленіи. Я не стану утверждать, что умственные интересы меньше занимаютъ умы въ настоящее время, чѣмъ тогда. О, нѣтъ! Стóитъ только вспомнить великій успѣхъ послѣдняго произведенія Фрейтага „Предки“, вторая часть котораго, недавно появившаяся въ печати, выдержала уже третье изданіе, даромъ, что, отдавая полную справедливость познаніямъ автора, нельзя не сознаться, что она очень скучна и къ ней можно примѣнить характеристику одного критика позднѣйшихъ произведеній Гёте: — „ровно и гладко, какъ мраморъ“. Это одинъ только примѣръ, потому что я не могу привести всѣ имѣющіеся на лицо факты. Драматическія произведенія внушаютъ точно такой же интересъ, научныя лекціи усердно посѣщаются, и умственные и художественные интересы внушаютъ живое участіе въ публикѣ. Но

это существуетъ лишь въ исключительныхъ кружкахъ, мало или вовсе не соприкасающихся съ массой народа. А народъ все болѣе и болѣе заражается матеріальными интересами. Въ Берлинѣ появилось нынѣшней зимой, впервые послѣ долгаго промежутка времени, два цирка, и они каждый вечеръ бываютъ биткомъ набиты, а говорятъ, что оба вмѣщаютъ 7000 народа. Конечно, иностранцы могутъ поставлять довольно значительный контингентъ публики, но какъ бы то ни было, а это явленіе не особенно утѣшительно. Вопль древней римской черни: „хлѣба и зрѣлищъ!“ повторяется черезъ два тысячелѣтія.

Точно также интересъ къ чистой политикѣ весьма ослабѣлъ. Масса законодательныхъ трудовъ, которымъ лучшіе люди посвящаютъ свои силы, не затрогиваетъ народъ, который, къ сожалѣнію, считаетъ прогрессъ, совершающійся въ этой сферѣ, идущимъ въ ущербъ его собственнымъ въ высшей степени основательнымъ и справедливымъ требованіямъ, которыхъ не исчерпать и въ цѣлое столѣтіе. Сами депутаты преисполнены чувства долга и, погруженные въ свои труды, все болѣе и болѣе утрачиваютъ связь съ массой народа, который такъ же равнодушно взираетъ на нихъ, какъ и какой нибудь бюрократическій собратъ. Только тѣ, которые, какъ члены прогрессивной партіи, увлекаются отживающими политическими страстями или, какъ соціалисты-домократы, служатъ матеріальнымъ интересамъ, еще и насчитываютъ жаркихъ поклонниковъ. Правительство за то исполнено силы. И что бы ни говорила оппозиція, оно пользуется пока этой силой умѣренно и осмотрительно. На мощной личности князя Бисмарка опирается будущее развитіе Германіи. Онъ вернулся изъ Варцина бодрѣе, чѣмъ когда-либо, и положеніе его упрочено со всѣхъ сторонъ. Ему уже удалось обратить вниманіе французскаго правительства на своихъ ультрамонтановъ, что̀ очень обезкуражило послѣднихъ. Законъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ принятъ палатою депутатовъ и пройдетъ безъ затрудненія въ палатѣ господъ. Дополненія къ майскимъ законамъ, отнимающія у непокорнаго духовенства послѣднія лазейки (за исключеніемъ открытаго возстанія), уже внесены и въ скоромъ времени станутъ закономъ. Такимъ образомъ, все готово къ борьбѣ и не долго ждать рѣшительныхъ ударовъ. Все что происходило до сихъ поръ, было лишь прологомъ, и мнѣ сдается, что ультрамонтаны настолько истощили при этомъ свои силы, что врядъ ли будутъ въ состояніи противостоять новымъ ударамъ.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

10/22 января, 1874 г.

Англійская политика въ Ирландіи и въ колоніяхъ.

„*Imperial difficulties*“—вотъ англійское выраженіе, которымъ обозначается вся масса болѣе или менѣе серьёзныхъ затрудненій, осаждающихъ въ настоящую минуту правительство королевы Викторіи. Въ самомъ дѣлѣ, дѣло идетъ не о самой Англіи, даже не о Великобританіи, но о тѣхъ безчисленныхъ владѣніяхъ, которыя разсѣяны по всему міру и служатъ къ образованію той британской имперіи, которая одна способна соперничать въ могуществѣ и обширности съ величайшими монархіями. Это—наши окраины.

Кромѣ средне-азіатскаго вопроса, у насъ существуетъ еще много другихъ, если не столь серьёзныхъ, то не менѣе спѣшныхъ, которые справедливо озабочиваютъ кабинетъ Гладстона. Во-первыхъ, голодъ, неизбѣжный въ Бенгаліи; затѣмъ, война на „Золотомъ-Берегу“, обѣщающая мало утѣшительнаго; наконецъ, постоянно усиливающееся волненіе въ Ирландіи. Вотъ факты, привлекающіе въ настоящее время общественное вниманіе, и обсужденіемъ которыхъ долженъ закончиться начатый мною въ послѣдней корреспонденціи обзоръ современнаго состоянія англійской политики.

Въ тотъ моментъ, какъ эти строки появятся у васъ въ печати, залы Вестминстерскаго аббатства огласятся преніями вновь собравшагося—и, быть можетъ, въ послѣдній разъ—парламента [1]). Статутомъ Георга III семь лѣтъ ставятся крайнимъ срокомъ существованія парламентовъ, а настоящій образовался въ 1868 г. Кабинетъ естественно состарѣлся вмѣстѣ съ нимъ. Вступленіе Брайта, какъ я уже указывалъ, оживило его нѣсколько: въ этомъ отношеніи я могу только радоваться, что взгляды, которые я высказывалъ въ прошломъ ноябрѣ, подкрѣпляются всѣми здѣшними трехмѣсячными обозрѣніями. Къ несчастію, съ тѣхъ поръ обозначились нѣкоторыя, не особенно благопріятныя явленія. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ членовъ министерства, м-ръ Форстеръ, и генералъ-прокуроръ положительно вы-

---

[1]) Но два дня спустя послѣ того, какъ были писаны эти строки, парламентъ былъ совсѣмъ распущенъ, и назначены новые выборы; см. выше „Иностр. Обозрѣніе“. *Ред.*

сказались противъ нѣкоторыхъ заявленій м-ра Брайта. Но м-ръ Гладстонъ еще не высказывался и надо ждать, что́ онъ скажетъ.

Въ числѣ внѣшнихъ или, лучше сказать, колоніальныхъ вопросовъ, затрудняющихъ въ настоящее время министерство, я упоминалъ объ Ирландіи. Министръ, который такъ много сдѣлалъ для этой страны, падетъ вѣроятно черезъ нее: это чуть было не случилось еще въ прошломъ году. Я намѣренно, говоря объ Ирландіи, упоминаю слово „внѣшній“, эта страна даже не колонія для Англіи. Не позже, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Дублинѣ собиралась конференція - *monstre*, для установленія и пропаганды теоріи „*Home-Rule*“. Чтобы узнать, какого рода эта агитація, каковъ ея характеръ, ея причины или ея предлогъ, необходимо оглянуться назадъ на послѣднія движенія, происходившія въ Ирландіи. Сравненіе съ Польшей, которое часто дѣлали, придаетъ особый интересъ этому вопросу.

Это сравненіе, вѣрное во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе ложно въ своемъ основаніи; я говорю о расѣ. Правда и то, конечно, что англійскіе либералы, повидимому, легко относятся къ этому вопросу. Нѣсколько времени тому назадъ, не такъ давно, я имѣлъ честь бесѣдовать объ этомъ съ однимъ изъ нихъ: это — замѣчательнѣйшій антропологъ Англіи, профессоръ Гёксли. По его мнѣнію, придаютъ слишкомъ большое значеніе, такъ-называемымъ, племеннымъ отличіямъ, и весьма заблуждаются тѣ, которые безпрестанно толкуютъ о латинской расѣ. Климатъ, обычаи, правительственное вліяніе — вотъ настоящіе агенты, формирующіе нравы и характеръ. Я не могъ не согласиться — что́ касается сущности вопроса — съ знаменитымъ профессоромъ. Весь споръ сводится скорѣе на слова: тщетно было бы—согласенъ—искать латинскаго типа, въ собственномъ смыслѣ, среди французовъ и испанцевъ. Но есть нѣчто общее въ характерѣ; если кельтическая или иберійская кровь взяла перевѣсъ, то на сторонѣ римской цивилизаціи оказалось превосходство, и съ этой оговоркой правильно будетъ обозначать однимъ родовымъ прозвищемъ народы, характеръ которыхъ носитъ отпечатокъ общаго происхожденія и общей цивилизаціи.

То же самое нужно сказать и объ Ирландіи. Утверждали, что во многихъ частяхъ ея примѣсь саксонской крови значительно больше кельтической. Можетъ быть; но характеръ ирландскій, кельтическій, остался господствующимъ на островѣ. Даже языкъ играетъ второстепенную роль; онъ почти исчезъ, по крайней мѣрѣ изъ политическихъ и религіозныхъ сферъ. Но, не взирая на саксонскую рѣчь, признаешь тѣ черты, которыми Страбонъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ охарактеризовалъ галльское племя „раздражительное, способное къ умственной культурѣ, но прославившееся своимъ высокомѣріемъ

и самохвальствомъ". „Легкомысленные, исполненные юмора и воображенія, пишетъ м-ръ Фроудъ въ 1872 г., кельтическіе ирландцы во всемъ проявляютъ страстность: въ патріотизмѣ, въ религіи, въ привязанностяхъ; но имъ не достаетъ той мужественности, которая одна могла бы придать нѣкоторую устойчивость сантиментальной сторонѣ ихъ характера. При этомъ у нихъ такая обворожительная внѣшность, что только опытные люди могутъ противостоять очарованію [1])".

Я знаю, что авторъ этихъ строкъ не въ чести у ирландцевъ, но нельзя отрицать, что въ нихъ большая истина. Какъ бы то ни было, но обворожительная внѣшность произвела свое дѣйствіе на завоевателей: къ тому же море служило преградой для болѣе обширной колонизаціи. Случилось поэтому то, что́ всегда бываетъ, когда раса завоевателей не получаетъ достаточнаго подкрѣпленія. Нормандскіе бароны изъ свиты „*Strongbow*" не замедлили перенять нравы и костюмъ побѣжденныхъ, и превратиться въ „*O's*" и „*Macs*" съ легкостью, достаточно объясняемой ихъ переселеніемъ и отчужденностью.

Наступилъ моментъ, когда Англія приняла протестантское вѣроисповѣданіе. Мы охотно признаемъ, что если вліяніе расы бываетъ иногда весьма значительно, то оно отнюдь не единственное, и вотъ тому замѣчательный примѣръ: кельты Уэльса и Корнваллиса, по многимъ причинамъ, вполнѣ понятнымъ, отдались всецѣло движенію и стали ярыми анти-папистами. Въ Ирландіи идея о патріотизмѣ и независимости слилась съ вопросомъ религіознымъ и началось серьёзное сопротивленіе. Послѣ варѳоломеевской ночи, обагрившей кровью весь островъ въ 1641 г., желѣзная рука Кромвеля едва не положила конецъ борьбѣ между двумя странами. Его политика искорененія, столь одобряемая Маколеемъ, не успѣла принести всѣхъ своихъ плодовъ. Реставрація, оставивъ вещи въ ихъ прежнемъ видѣ, возстановила ирландскій парламентъ, и послѣ того Англія страдаетъ по сіе время.

Впрочемъ, этотъ парламентъ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ средоточіемъ продажности и подкуповъ и орудіемъ раболѣпства; и ему Ирландія обязана своими величайшими бѣдствіями. Поддерживаемые англійскими властями, ирландскіе тори постоянно противились всѣмъ либеральнымъ мѣрамъ, которыя предлагалъ Сен-Джемскій кабинетъ и которыя бы имѣли результатомъ изъятіе страны изъ-подъ ихъ владычества. Фоксъ былъ потому вѣренъ прогрессивнымъ традиціямъ, когда провозглашалъ, въ 1781 г., „что для спасенія и свободы британской имперіи необходимо сохранить старинное господство надъ Ир-

---

[1]) *Froude.* The English in Ireland in the 18 century. London, 1872.

ландіей". Въ самомъ дѣлѣ, вольности, данныя въ 1782 г., и благодаря которымъ Ирландія сохраняла съ Англіей чисто федеральную вязь, имѣли результатомъ возстаніе 1798 г., за которымъ послѣдовало упраздненіе ирландскаго парламента и окончательное объединеіе обѣихъ странъ.

Уничтоженіе этого объединенія стало цѣлью ирландскихъ движеній, и мы присутствуемъ при его третьемъ фазисѣ. Первое проявеніе олицетворилось въ величественной фигурѣ О'Коннеля съ его евизомъ „Уничтоженіе Союза". Оно угасло вмѣстѣ съ нимъ, но ринесло, однако, свои плоды: напримѣръ, эмансипацію католиковъ, отя всеобщее настроеніе умовъ, даже внѣ Ирландіи, было благоріятно этой мѣрѣ.

Второй серьёзный взрывъ произошелъ во время междоусобной мериканской войны, подъ именемъ „феніанизма". Движеніе это ноило болѣе радикальный характеръ: дѣло шло уже не о возвращеніи режняго порядка вещей, но о провозглашеніи „ирландской республики". Хотя католическіе священники отрекались отъ этого двиенія, но оно имѣло нѣкоторый успѣхъ и привлекло значительную асть населенія. Но масса была скорѣе расположена организовать роцессіи, чѣмъ дѣйствовать серьёзно. Она въ сущности мало интересовалась ирландской республикой, и больше думала о девизѣ 'Коннеля, чѣмъ Стефенса, О'Донована, Росса и другихъ. Генералъ люзерэ, участвовавшій въ феніанскомъ возстаніи, произнесъ надъ имъ рѣшительный приговоръ въ „*Frazer's Magazine*" за іюль 1872 г., мнѣніе его показалось настолько знаменательнымъ, что оно придится въ послѣднемъ изданіи лексикона событій Гайдна. „Это зстаніе, говоритъ Клюзерэ, было глупо задумано и не менѣе глупо полнено".

Сила этого движенія заключалась въ единодушномъ стремленіи ѣхъ ирландцевъ къ независимости ихъ края и, въ концѣ-концовъ, о вызвало двѣ важныхъ мѣры, которыми либеральные англичане дѣялись примирить съ собой непримиримый островъ: отдѣленіе ркви отъ государства и „*Irish land act*". Этотъ послѣдній законъ айне важенъ и о немъ необходимо поговорить.

Ирландія—всѣ съ этимъ согласны—обладаетъ чрезвычайно плоносной почвой, многочисленными и превосходными портами, жимъ и смышленымъ населеніемъ и проч. А между тѣмъ это наеленіе вѣчно бѣдствуетъ, когда не умираетъ съ голоду. „Зло,—горилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ „*Revue des ux Mondes*", г. Лавелэ,—зло происходитъ не отъ людей, но отъ ховъ: оно является результатомъ необезпеченности фермеровъ *nsecurity of tenure*"). Между тѣмъ актъ 1870 г. есть энергиче-

ская мѣра противъ этого зла. Во-первыхъ, онъ придалъ силу закона ольстерскому обычаю. Въ этой *протестантской* и *саксонской* провинціи—*единственно богатой* — арендаторъ не можетъ быть согнанъ безъ вознагражденія; кромѣ того, онъ имѣетъ право продать избытокъ своей аренды—*излишекъ, остающійся сверхъ естественной поземельной ренты*, — который пришлось собственнику предоставить ему за недостаткомъ конкурренціи. Вотъ въ чемъ состоитъ, такъ-называемый, „*Ulster tenant-right*“. Въ томъ случаѣ, когда у арендатора нѣтъ ни *tenant-right*, ни договора (*base*), законъ ограждаетъ его отъ произвольнаго увольненія со стороны владѣльца, назначая пеню или вознагражденіе, измѣняющееся сообразно съ обширностью хозяйства. Наконецъ, арендаторамъ, желающимъ купить свои фермы, съ согласія владѣльца, выдается ссуда и документы на владѣніе даруются парламентомъ.

Во Франціи такой законъ сочли бы настоящей соціалистической и коммунистической попыткой: и дѣйствительно, онъ давалъ земледѣльцу настоящее право на землю, въ нѣкоторомъ родѣ, право на совмѣстное владѣніе землей. Вотъ потому, теперь нельзя больше говорить, что зло заключается въ законахъ, а не въ людяхъ. Мѣра эта получила свою силу 1-го августа 1870. И что же? 1-го сентября того же самаго года наступилъ третій фазисъ сепаратистскаго движенія, въ Дублинѣ, подъ названіемъ агитаціи въ пользу „*Home-Rule*“ (самоуправленіе).

Причины этого новаго похода различно объясняются англійскими газетами. Мнѣ кажется, что законы политической экономіи объясняютъ его простѣйшимъ образомъ. Зачинщикомъ движенія „*Home government association*“ былъ нѣкто м-ръ Исаакъ Бутъ, талантливый адвокатъ и юристъ, но не раздѣляющій съ О'Коннелемъ счастія родиться католикомъ.

Совсѣмъ тѣмъ онъ энергически высказывался за „*sectarian*'ское“ образованіе и за основаніе католическаго университета. Національныя тенденціи окрѣпли, и новое движеніе охватывало впервые съ рѣдкимъ единодушіемъ протестантовъ и католиковъ, либераловъ и консерваторовъ, „*orange and green*“. Нѣкоторые изъ протестантовъ съ большой досадой отнеслись къ „*disestablishment*“ англиканской церкви: епископы объявили даже, что этотъ фактъ уничтожаетъ актъ союза. Католики смотрѣли на этотъ законъ, какъ на позднее вознагражденіе за великую несправедливость. Наконецъ, обѣ мѣры считались во всей Ирландіи результатомъ сознанія своей слабости со стороны англичанъ и опасеній, внушаемыхъ соединенными притязаніями націоналовъ и ультрамонтанъ, — результатъ, который легк

ожно было предвидѣть, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время пра-
ительство подавало надежды на близкую амнистію для феніевъ.

Вотъ это-то самое движеніе, нынѣ укрѣпившееся, грозитъ силь-
ѣе, чѣмъ когда-нибудь, кабинету м-ра Гладстона. Великая конферен-
ія „*Home government association*“, происходившая въ прошломъ мѣ-
ицѣ въ Дублинѣ и комментируемая нынѣ на всѣ лады, дастъ намъ
очныя данныя и докумепты для обсужденія этого процесса. Въ те-
ніе четырехъ дней новые ирландскіе агитаторы, преемники О'Кон-
еля и О'Бріена, публично высказывали свои неудовольствія и свои
ритязанія.

Первый пунктъ, на которомъ они отличаются отъ первыхъ, а въ
особенности отъ феніевъ, заключается въ томъ, что они утверждаютъ,
удто достигнутъ своей цѣли не прибѣгая къ насилію, но „съ по-
ощью силы разума и логики событій“.

„Конференція“ утверждаетъ затѣмъ и торжественно провозгла-
аетъ неотъемлемое право ирландцевъ на „самоуправленіе“: насту-
ило время предпринять энергическое движеніе въ пользу возстанов-
нія этого права. Но важнѣйшей изъ принятыхъ резолюцій является
ѣдующая, которая опредѣляетъ политическій характеръ и истин-
ю форму новаго движенія и заслуживаетъ быть приведенной цѣ-
комъ:

„Требуя этихъ правъ и преимуществъ для нашей страны, мы
инимаемъ принципъ федераціи *(Federal arrangement)*, который бы
езпечивалъ за ирландскимъ парламентомъ право издавать законы
регулировать всѣ внутреннія дѣла Ирландіи, предоставляя импе-
торскому правительству рѣшеніе вопросовъ, касающихся короны,
равленія имперіей, законодательства колоній и другихъ владѣній,
ошенія имперіи съ иностранными государствами и другія дѣла,
сающіяся обороны и безопасности британской имперіи“.

Дѣло идетъ объ отмѣнѣ союза и о парламентѣ 1782 г. Путемъ
дераціи ирландцы не только управляли бы собственными дѣлами,
, сохранивъ свое представительство въ центральномъ парламентѣ,
хранили бы свой контроль и вліяніе надъ общими дѣлами.

Таковъ планъ, или „*scheme*“, какъ говорятъ здѣсь. Политическіе
ятели самыхъ противоположныхъ оттѣнковъ, м-ръ Коуэнъ, ради-
лъ, недавно выбранный въ Ньюкэстлѣ, лордъ Монтэгю, отъявлен-
й тори, высказались за „*Home-Rule*“. Слова: справедливость, право,
обода и т. п. ни къ селу, ни къ городу произносятся по этому по-
ду. Между тѣмъ, въ настоящую минуту важнѣе, чѣмъ когда-либо,
обы радикальная и либеральная партіи не стали жертвой призрач-
хъ вещей. Справедливость—магическое слово и чудное дѣло; но
обходимо свести ее съ облаковъ, куда она занесена метафизикой.

Давно тому назадъ величайшій мыслитель древности, далъ истинное и безспорное опредѣленіе этого слова: „Справедливость—это общее благо“—говоритъ Аристотель,—формула, которую Бентамы и Джоны Стюарты Милли только развили и подтвердили.

Здѣсь, какъ и всегда, сходятся лицомъ къ лицу два интереса; необходимо примирить ихъ, если только это возможно. Но, во-первыхъ, нельзя по совѣсти отрицать необходимость для Англіи владѣть Ирландіей. Разъ этотъ островъ попадетъ въ руки чужеземцевъ, —прости безопасность Великобританіи.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ законовъ природы, которымъ наука учитъ насъ подчиняться. Въ самомъ дѣлѣ, исторія доказываетъ намъ абсолютную невозможность для Ирландіи удержать свою независимость. Мало того, она обличаетъ передъ нами ея абсолютную неспособность къ „самоуправленію“, котораго она добивается. Истинные интересы Ирландіи требуютъ, чтобы она управлялась англійскими законами, которые вдобавокъ достаточно либеральны: и тутъ, къ счастію, чувство находится въ ладу съ дѣйствительностью. „Уже самое географическое положеніе обѣихъ странъ“, говоритъ Стюартъ Милль [1]), „дѣлаетъ для нихъ болѣе пригоднымъ составлять одну націю... къ тому же я не вижу, что́ выиграетъ Ирландія, отдѣлившись отъ Англіи, чего бы она не могла получить, оставаясь въ союзѣ съ послѣдней; кромѣ развѣ удовольствія, быть управляемой ирландцами, то-есть, людьми, которые вѣчно питаютъ непримиримую вражду къ извѣстной части своихъ согражданъ“. Обсуждая затѣмъ—за два года до настоящаго взрыва — идею о федеральной связи между обѣими сторонами, знаменитый философъ признаетъ ея невозможность. Указываютъ на Австро - Венгрію: но отчизна Ивана Гуніада и Матвѣя Корвина во всѣ времена давала блистательныя доказательства своего политическаго такта и смысла. Нельзя никакъ сказать того же самаго объ ирландцахъ. До покоренія Англіей, страна ихъ служила театромъ вѣчныхъ разбоевъ и грабежей: но, быть можетъ, это отнесутъ къ варварству той эпохи. Но какъ бы то ни было, а ирландскій государь призвалъ саксонцевъ. Въ блаженныя времена ирландскаго парламента, убійства и пожары періодически свирѣпствовали въ странѣ: достаточно привести 1641 и 1798 гг. Подстрекателями при этомъ всего чаще являлись католическіе священники. И можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что бунты, возбуждаемые съ тѣхъ поръ Смитомъ О’Бріеномъ, Эмметомъ, феніями, совершенные пустяки „*mere trifles*“ въ сравненіи съ предыдущими.

Между тѣмъ, скажемъ безъ обиняковъ, кабинетъ принялъ отно

---

[1]) *England and Ireland.* 1868 стр. 26—31.

ительно ирландскихъ католиковъ самую неудачную политику, кото-
ія привела его къ тому положенію, въ какомъ онъ теперь нахо-
ится. Нельзя ничего ждать отъ религіи, которая, какъ католиче-
ая, провозглашаетъ нетерпимость—догматомъ и обязанностью. Въ
анъ реформъ, имѣвшихся въ виду для Ирландіи при вступленіи
управленіе дѣлами м-ра Гладстона, входили вопросы объ универ-
тетахъ и высшемъ образованіи. Дублинскій университетъ съ его
полненіемъ „*Trinity College*“ оставался до 1845 г. единственнымъ
Ирландіи и пользовался тѣми же преимуществами, какъ и Окс-
рдъ и Кембриджъ. Членамъ протестантскаго епископата принад-
жалъ исключительный контроль съ правомъ надѣлять студентовъ
епенями, помимо ихъ религіозныхъ мнѣній (*irrespective of any re-
ious tests*). Въ 1845 г. сэръ Робертъ Пиль изъ доброжелательства
католическому населенію основалъ три коллегіи королевы (*Queen's
leges*), въ Бельфастѣ, Коркѣ и Гальвэ, со всякими льготами для
удентовъ и безъ различія вѣроисповѣданій: университетъ королевы
Queen's University“) даетъ степени только ученикамъ этихъ трехъ
ллегій.

Католики, добившіеся въ 1793 г. основанія коллегіи Майнота,
едоставленной для ихъ исключительнаго пользованія, съ негодо-
аніемъ отвергли этотъ новый даръ и яростно клеймили то, что́ они
зывали „смѣшанной системой“. Имъ нужно все. Въ этихъ новыхъ
ллегіяхъ религіозное воспитаніе старательно обходится, потому что
ько свѣтское образованіе общее. Но есть ли возможность для
олика слушать хотя бы лекціи математики и химіи изъ ерети-
ческихъ устъ, не рискуя спасеніемъ своей души? Въ 1870 г., боль-
ій митингъ католическихъ епископовъ собрался въ Майнотѣ, подъ
редсѣдательствомъ кардинала Куллена. Отвергнувъ расширеніе смѣ-
анной системы путемъ учрежденія новыхъ училищъ или преобра-
анія старыхъ, митингъ высказалъ желаніе, чтобы былъ основанъ
олическій университетъ, исключительно предназначенный для ка-
иковъ и содержимый на счетъ государства. Такъ какъ протес-
антская церковь была упразднена, то они располагали, по-просту,
ъ затѣй, заступить мѣсто дублинскаго университета.

Чтобы удовлетворить этимъ желаніямъ, м-ръ Гладстонъ внесъ
й злополучный билль послѣдней сессіи. Уже въ 1869 г. м-ръ Фоу-
ъ, радикальный членъ парламента, внесъ билль, имѣвшій цѣлью
ободить „*scholarships*“ и „*fellowships*“ отъ всякихъ религіозныхъ
аціональныхъ путъ. Новый министръ, желавшій лично предло-
ть реформы, касавшіяся ирландскихъ университетовъ, годъ отъ
у противился обсужденію проекта м-ра Фосета, пока, наконецъ, въ
ралѣ прошлаго года не представилъ собственнаго проекта, увѣн-

чавшагося тѣмъ успѣхомъ, какого онъ заслуживалъ. Министръ претерпѣлъ, какъ извѣстно, пораженіе и власть осталась за нимъ только потому, что оппозиція отказалась принять ее. Но вопросъ неизбѣжно долженъ снова подняться въ нынѣшнемъ году, и съ нимъ необходимо познакомиться.

То была одна изъ наименѣе счастливыхъ идей м-ра Гладстона. Законопроектъ состоялъ изъ двухъ частей: первая отмѣняла „*tests*“ религіозную присягу, но давала университетскому совѣту „право дѣлать запросы, порицать и карать всякаго профессора, который своими словами, сочиненіями или *инымъ способомъ* оскорбитъ религіозныя убѣжденія какого-нибудь члена университета“. Преподаваніе исторіи и философіи отмѣнялось или, по крайней мѣрѣ, оба эти предмета вычеркивались изъ программы экзаменовъ. Наконецъ, вторая часть билля создавала центральный университетъ, которому предоставлялась раздача степеней. И въ этотъ разъ м-ръ Гладстонъ опять никому не угодилъ: католики находили, что эта мѣра недостаточно благопріятна. Что касается либераловъ, достойныхъ этого имени, то они не могли безъ отвращенія отнестись къ вышеупомянутому условію, лишавшему преподаваніе всякаго достоинства и всякой свободы.

Въ заключеніе настоящаго обзора положенія дѣлъ въ Ирландіи упомяну о выборахъ, имѣющихъ быть въ настоящее время въ Америкѣ. Два кандидата на лицо: м-ръ О'Сулливанъ, по стремленіямъ феній и поддерживаемый „*Farmer's club'омъ* и крайними національстами, и другой, м-ръ Келли, болѣе умѣренный, богатый собственникъ, покровительствуемый католическимъ духовенствомъ. Оба высказываются ярыми приверженцами „*Home-Rule*“ и ирландскаго федерализма. Республиканская и кромвелевская политика — единственно пригодная для католицизма и федерализма. М-ръ Гладстонъ собираетъ въ настоящую минуту плоды своей знаменитой теоріи управленія Ирландіею посредствомъ ирландскихъ идей „*irish ideas*“...

Отъ м-ра Сулливана до короля Коффи и отъ Ирландіи до земли ашантіевъ далеко! А между тѣмъ требованія политической хроники обязываютъ насъ перескочить черезъ это разстояніе. Что бы ни говорили оффиціозные органы, выбивающіеся изъ силъ, чтобы казаться довольными, но утѣшительнаго тамъ такъ же мало, какъ и здѣсь. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, сэръ Чарль Маккарти былъ губернаторомъ британскихъ владѣній на Золотомъ-Берегу: король ашантіевъ далъ себѣ слово обтянуть барабанъ кожей этого сановника. Немного спустя несчастный губернаторъ неосторожно забрался во владѣнія негритянскаго монарха и былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ отрядомъ. Увѣряютъ, что голова его съ того времени украшаетъ собой дворецъ Кумасси. Вотъ факты по-истинѣ варва-

кіе, да и имена тоже! Англійскія газеты полны ими въ послѣдніе ри мѣсяца, и это ничтожное дѣло принимаетъ ежедневно самые не-жиданные размѣры.

Золотой-Берегъ тянется, какъ извѣстно, отъ рѣки Ассини до стьевъ Вольты на протяженіи 250 миль. Англичане, голландцы, атчане и португальцы водружали на немъ свои флаги двѣсти лѣтъ ому назадъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду торгъ неграми, про-зводившійся въ большихъ размѣрахъ. Позднѣе они оставались тамъ одъ предлогомъ подавленія этого зла и поощренія торговли и про-вѣщенія. Португальцы отступились первые. Въ 1850 г. Англія ку-ила владѣнія, то-есть форты датчанъ, и въ 1872 г. форты голланд-евъ были ей *переданы*, но *не проданы*—говоритъ капитанъ Бракен-ери [1]), авторъ маленькой книги, трактующей объ этомъ вопросѣ. о капитанъ ни слова не говоритъ объ условіяхъ этой передачи, а ежду тѣмъ многіе утверждаютъ, что они очень невыгодны. На са-омъ дѣлѣ Англія пріобрѣла эти мало выгодныя владѣнія цѣной ступки Малайскаго пролива.

Между тѣмъ, взглянувъ на карту, всякій увидитъ, какъ важенъ тотъ проливъ, являющійся настоящими торговыми вратами между вропой и китайскими водами. Владѣя имъ на Малайскомъ полу-стровѣ, англійское правительство владычествовало надъ сѣверо-вос-очнымъ берегомъ пролива: союзъ, заключенный въ 1819 г. съ Ачин-имъ султаномъ, обезпечивалъ противуположный берегъ, образуемый стровомъ Суматрою. Между тѣмъ, когда въ прошломъ году выше-омянутый султанъ, тѣснимый голландцами, потребовалъ покрови-ельства отъ своей старой союзницы, то лордъ Гренвилль отвѣчалъ резъ лорда Энфильда, отъ 13 іюля 1873 г.: „что онъ не отрицаетъ ществованія договора, но что новые уговоры съ голландцами со-ршенно идутъ въ разрѣзъ съ его статьями; что къ тому же Англія наблюдала его съ регулярностью“. Таково было первое оффиціаль-ое извѣщеніе объ этой конвенціи. Конечно, можно возразить, что ландія не внушаетъ никакихъ опасеній. „Но не слѣдуетъ забы-ть“—какъ замѣчаетъ авторъ превосходной статьи объ этомъ во-росѣ [2]), „что это маленькое государство находится до нѣкоторой епени подъ давленіемъ Пруссіи.“

Къ тому же, какого рода права пріобрѣтены надъ голландскими адѣніями Золотого-Берега? Простое право протектората надъ реговыми племенами. Но въ какихъ-нибудь пятидесяти миляхъ отъ ря лежитъ территорія ашантіевъ, могучаго племени, насчитываю-

---

[1]) *Fanti and Ashanti. London. 1873.*

[2]) *Frazer's Magazine.* Январь 1874.

щаго слишкомъ милліонъ населенія, и чей король всегда заявлялъ притязанія на протекторатъ надъ тѣми же самыми племенами, свободное обращеніе съ которыми ему необходимо ради коммерческихъ цѣлей. За Эльмину, напримѣръ, голландцы платили ему дань въ 80 т. фунтовъ ст. Они не сбирали также никакихъ налоговъ съ жителей и никакихъ пошлинъ съ товаровъ. Англія же, напротивъ того, обложила племена, находившіяся подъ ея протекторатомъ, налогомъ въ 2% со всѣхъ предметовъ ввоза. Затѣмъ, такъ какъ это было найдено недостаточнымъ для поощренія торговли, она удвоила этотъ налогъ въ 1868 и 1872 гг. Такъ какъ въ число предметовъ ввоза входило большое количество спиртныхъ напитковъ, пороха и огнестрѣльнаго оружія, то англійскіе сборщики таможенныхъ пошлинъ видѣли, быть можетъ, въ затрудненіяхъ, поставляемыхъ ввозу, если не способы для поощренія торговли, то, по крайней мѣрѣ, средство для распространенія благодѣяній цивилизаціи и христіанства „*blessings of christianity*“, употребляя освященное обычаемъ выраженіе.

Эта мистификація не понравилась королю ашантіевъ. Не взирая на свои 3333 жены—число, котораго онъ свято держится [1]) — онъ понялъ громадный ущербъ, который долженъ былъ произойти для него вслѣдствіе того, что англичане смѣнили голландцевъ, въ особенности въ Эльминѣ, его главномъ торговомъ складѣ. Къ тому же англичане рѣшительно не хотѣли признать, какъ это дѣлали голландцы, сюзеренныя права этого монарха надъ вышеупомянутымъ городомъ. А между тѣмъ ихъ интересы, равно какъ и условія международнаго права не дозволяли, чтобы обмѣнъ былъ произведенъ помимо желанія короля Коффи. Между тѣмъ это согласіе не было вовсе дано. Я знаю, что можно найти смѣшными толки о международныхъ правахъ, когда дѣло идетъ о какихъ-то неграхъ, и я воздержусь отъ всякихъ возгласовъ на этотъ счетъ; но эти права прежде всего опираются на силѣ; а, сколько можно судить, событія не оправдали Англію за нарушеніе этихъ правъ.

15 февраля 1871 г. подписана конвенція съ голландцами: передача, предоставлявшая весь берегъ въ распоряженіе англичанъ произошла 6 апрѣля 1872 г. Немного времени спустя, въ Эльминѣ вспыхнулъ бунтъ: въ этомъ городѣ находился представитель короля ашантіевъ, лицо весьма вліятельное среди своего народа. Англичане захватили его, продержали нѣкоторое время плѣнникомъ, затѣмъ отправили обратно на родину съ подарками для короля. Этотъ по-

---

[1]) *Capt. Brackenbury. loc. cit. p. 103.*

слѣдній въ свою очередь отправилъ этого воина тоже съ подарками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ почтеннымъ отрядомъ войска. На него напали Ассины и Фанти, племена, находящіяся подъ протекторатомъ Англіи и вѣрные ей, и вотъ какъ загорѣлась война въ январѣ 1873 г.

Англійскіе агенты поступали весьма не ловко въ этомъ дѣлѣ. Они завершили свою неловкость, раздраживъ племя Эльмина, насчитывающее 13 тысячъ человѣкъ и расположенное вокругъ поселенія того же имени. Они хотѣли воспользоваться обстоятельствами и потребовать отъ ихъ короля присяги въ вѣрноподданничествѣ—королямъ нѣсть числа въ тѣхъ краяхъ, точно въ Иліадѣ, и многіе отставлены отъ должности англичанами съ пенсіей въ 100 ф. въ годъ! — Но этотъ король не согласился на требованія англичанъ: его захватили, засадили въ тюрьму, Эльмину бомбардировали и съ той минуты весь берегъ охваченъ огнемъ. Вышеописанное происходило въ прошломъ іюнѣ. Ашантіи, прибывшіе на помощь къ племени Эльмина, были отражены. Но англійскія войска, наученныя примѣромъ Маккарти, держались оборонительнаго положенія. Потребовались значительныя подкрѣпленія: тысяча человѣкъ моряковъ и 2-й Вест-индскій полкъ посланы были на Золотой-Берегъ. Капитанъ Гловеръ получилъ приказъ подняться вверхъ по теченію Вольты и завербовать дружескія племена. Наконецъ, одинъ молодой генералъ-майоръ, сэръ Гарнетъ Уольселей, облеченный всѣми гражданскими и военными полномочіями, прибылъ на театръ войны съ званіемъ губернатора Золотого-Берега и главнокомандующаго войсками ея величества во владѣніяхъ западной Африки. Посланы были новыя подкрѣпленія. Въ концѣ ноября прошлаго года получено извѣстіе, что англійскія войска перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ, сожгли два или три селенія и выступили во внутрь страны.

Но тутъ начались серьёзныя затрудненія. Страна покрыта сплошными и непроницаемыми лѣсами, среди которыхъ проложена дорога въ Кумасси. Этотъ городъ отстоитъ въ 123 миляхъ отъ берега, и можно легко понять, съ какими опасностями сопряженъ походъ черезъ эти дебри „*the bush*“, гдѣ на каждомъ шагу можно ждать нападенія со стороны туземцевъ, защищаемыхъ непроницаемой чащей. Затѣмъ перевозка съѣстныхъ припасовъ представляетъ почти непреодолимыя препятствія: союзные негры, на которыхъ возлагаютъ это дѣло, по бо́льшей части разбѣгаются. Всего удобнѣе въ этомъ отношеніи оказались услуги женщинъ. Прибавьте наконецъ—и это всего важнѣе—страшно нездоровый климатъ. Желтая лихорадка и диссентерія косятъ европейцевъ: даже самые туземцы страдаютъ отъ нихъ. Уже два или три офицера стали жертвой этого бича и главнокомандующій заплатилъ ему дань.

Наконецъ, на-дняхъ (19 января) получено извѣстіе, что экспедиція находится на пол-пути къ мѣсту своего назначенія. Три мѣсяца потребовалось, чтобы пройти 70 или 80 миль! Это даетъ понятіе о затруднительности предпріятія. Фабій Кунктаторъ превзойденъ, и теперь негритянскій Аннибалъ берегись! Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы предпріятіе капитана Гловера увѣнчалось успѣхомъ, и „союзныя племена", повидимому, повернулись къ нему спиной. Толкуютъ также объ оборонительномъ союзѣ между королемъ ашантіевъ и его сосѣдомъ, могущественнымъ Дагомейскимъ королемъ.

Никого слѣдовательно не удивитъ, что м-ръ Дизраэли прошелся на счетъ кабинета по случаю этой злополучной войны. Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ концѣ ноября прошедшаго года, по случаю его водворенія въ качествѣ „лорда ректора" университета Гласго, авторъ романа „Лотеръ" напомнилъ о проклятіяхъ, которыми осыпали либералы министерство тори за войну съ Абиссиніей:—„наступитъ безъ сомнѣнія моментъ, джентльмены, когда мы узнаемъ кое-что изъ секретной исторіи этого таинственнаго дѣла: войны съ ашантіями; но въ настоящее время намъ предстоитъ одна только обязанность: помогать правительству и дать ему возможность принять мѣры, требуемыя интересами страны. Умудренный личнымъ опытомъ, я остерегусь слѣдовать тактикѣ, которой держался относительно насъ одинъ изъ членовъ современной администраціи, когда у насъ было на рукахъ дѣло съ Абиссиніей. М-ръ Лоу [1]) поднялъ объ этомъ вопросъ въ парламентѣ и рѣзко осуждалъ министерство за нелѣпость, безуміе, крайнюю неосторожность вмѣшательства въ абиссинскія дѣла. Онъ насмѣхался надъ честью страны, находилъ забавными страданія англійскихъ подданныхъ, удерживаемыхъ въ рабствѣ, въ сравненіи съ бѣдствіями, которыя должна была повлечь за собой война. Онъ описывалъ всѣ ужасы страны и убійственное дѣйствіе климата. Онъ объявлялъ, что не было ни малѣйшаго шанса на успѣхъ и что англійскій народъ долженъ готовиться къ ужасающей катастрофѣ. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что описалъ убійственность климата, и мнѣ помнится, какъ онъ говорилъ намъ о нѣкоей розовой мухѣ, способной, по его описанію, пожрать всю англійскую армію."

Эта „розовая муха" облетѣла всю англійскую прессу. Какъ бы то ни было, дѣло начато, и Англія не можетъ больше отступить, еслибы и хотѣла. Замѣтьте, что я нисколько не преувеличилъ трудностей предпріятія. Англійскія газеты видятъ ихъ такъ же хоро-

---

[1]) Теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ.

шо, какъ и я, и только изъ патріотизма высказываются менѣе рѣзко на этотъ счетъ. Даже допустивъ, что армія сэра Гарнета Уольселея достигнетъ Кумасси, что́ изъ того? Англичане будутъ спокойны на нѣкоторое время на Золотомъ-Берегу, а затѣмъ? интересы цивилизаціи, „*the blessings of christianity*“? Туземцевъ, говоря откровенно, ждетъ во всемъ этомъ одна лишь гибель. Быть можетъ, это единственный исходъ, возможный для этой низшей и варварской расы, но Англія, конечно, не разсчитываетъ дѣйствовать радикально въ этомъ отношеніи, и съ какихъ бы сторонъ мы ни разсматривали этотъ вопросъ, онъ разрѣшается къ невыгодѣ кабинета.

Если, продолжая этотъ обзоръ „колоніальныхъ затрудненій“, мы обратимъ свои взоры къ Индіи, то и тамъ усмотримъ черныя точки на горизонтѣ. Тамъ голодъ грозитъ разразиться надъ богатѣйшей и преданнѣйшей провинціей: Бенгаліей. Говорю: богатѣйшей, и дѣйствительно, въ бюджетѣ 1871—1872 гг. Бенгалія насчитываетъ 16,713,630 фунт. стерл. дохода, и только 5 или 6 милліоновъ расхода и даетъ такимъ образомъ казнѣ избытокъ почти 12 милліоновъ! Но въ прошломъ году лѣто было такое неблагопріятное, что жатва оказалась скудной. Уже цѣлыхъ три мѣсяца газеты жужжатъ намъ о „*Pending famine in Bengal*“. Много воплей, много криковъ, а толку до сихъ поръ мало. Но общественное мнѣніе начинаетъ, однако, волноваться и требовать болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, чѣмъ отправки нѣсколькихъ милліоновъ тоннъ рису. „Если десять или пятнадцать милліоновъ фунт. ст. необходимы, чтобы спасти все населеніе, то слѣдуетъ ихъ дать“, восклицаетъ „*Daily-Telegraph*“. На этомъ дѣло пока остановилось: посмотримъ, что́ сдѣлаетъ наша администрація.

Я бы желалъ также потолковать съ вами о средне-азіятскихъ дѣлахъ, которыя снова начинаютъ занимать умы и вызываютъ безчисленное множество книгъ. Но вопросъ этотъ заслуживаетъ обстоятельнаго обсужденія, а мнѣ не хватаетъ больше ни времени, ни мѣста.

Въ концѣ-концевъ, агитація въ пользу „*Home-Rule*“, война съ ашантіями, голодъ въ Бенгаліи съ одной стороны, съ другой—вопросъ объ образованіи (*free school*) и освобожденіи земли (*free land*)—вотъ тѣ затрудненія, среди которыхъ застанетъ м-ра Гладстона оппозиція при открытіи парламента [1]). Кабинетъ можетъ похвалиться однимъ только: блистательнымъ бюджетомъ нынѣшняго года. Это конечно важный пунктъ, но его одного далеко недостаточно для обезпеченія существованія кабинета, какъ я о томъ уже говорилъ въ предъ-

[1]) Т.-е. при новомъ парламентѣ.—*Ред.*

идущемъ письмѣ, и необходимо, чтобы кабинетъ измѣнилъ свою политику. Или совѣты м-ра Джона Брайта возьмутъ верхъ, и у насъ будетъ радикальное управленіе, или тори снова попытаются доказать свое безсиліе. Какъ бы то ни было, м-ръ Гладстонъ можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что *началъ* великое дѣло, и только колебанія, нерѣшительность и компромиссы, какъ то случается не въ одной Англіи, мѣшаютъ ему довести его до благополучнаго конца.

R.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ QUASI-ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ «РУССКАГО ВѢСТНИКА».

„Русскій Вѣстникъ“ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ прошлаго года посвятилъ моей книгѣ большую статью, подписанную его извѣстнымъ литературнымъ критикомъ А., который открывалъ и раньше походъ противъ моихъ статей, когда онѣ появлялись въ „Вѣстникѣ Европы“. Можно было себѣ впередъ представить, что критикъ журнала, столь дружественно расположеннаго къ „Вѣстнику Европы“, не сохранитъ спокойствія и не особенно будетъ заботиться о безпристрастіи: конечно, такъ и оказалось. Критика вышла извѣстнаго разбора: автору ея нуженъ былъ только матеріалъ для впередъ извѣстныхъ цѣлей; ему довольно было взять изъ всей книги два-три мѣста, выловить нѣсколько фразъ, перетолковать ихъ по своему, навязать ихъ автору, какъ его собственную мысль, и изощрять надъ ней, очень дешевое, остроуміе; критикъ не церемонится даже ставить какія-нибудь слова собственнаго изобрѣтенія въ кавычки и потомъ повторять ихъ, какъ будто принадлежащія автору книги. Цѣль критика—ожесточенная война противъ давней ненависти г-на А., къ „петербургскому журнализму“, представителемъ котораго (полагаемъ, не совсѣмъ вѣрно) и считается моя книга.

Не имѣя особой охоты къ полемическимъ препирательствамъ,—особливо когда приходится имѣть дѣло съ такого рода критическимъ передергиваньемъ,—я могъ бы и нынѣшнее нападеніе г. А. оставить безъ отвѣта, какъ прежнее; я и оставлю безъ отвѣта всѣ личныя нападенія: г-ну А. не нравятся мои писанія, мнѣ не нравятся его,—въ этомъ мы квиты; плодить „бранные“ эпитеты не нахожу удовольствія;—но о двухъ-трехъ пунктахъ слѣдуетъ сказать.

Одно изъ главнѣйшихъ обвиненій—мое мнимое неуваженіе къ Пушкину, мнимое униженіе его заслугъ и т. д. Это обвиненіе, какъ и разныя другія, направляются какъ лично противъ меня, такъ и вообще противъ „нынѣшней петербургской печати“, „петербургскаго журнализма“.

Замѣтимъ сначала, что г. А. не первый поднимаетъ эти обвиненія. Мы припоминаемъ, что его предупредили въ этомъ фельетонисты одной мелкой петербургской газетки (не помнимъ, были ли это „Новости“, „Русскій Міръ“ или другое изданіе), высказавшіе тоже обвиненіе не менѣе, но и не болѣе пошло, чѣмъ г. А. Способъ дѣйствій и у тѣхъ фельетонистовъ и у г-на А. былъ одинаковъ; и отвѣчать на его обвиненія, собственно говоря, не было бы особенной надобности, потому что эти обвиненія—простое лганье, нужное критику только для того, чтобы разыграть, на счетъ „петербургскаго журнализма“, роль благоразумнаго патріота, обличающаго зловредное легкомысліе. Но кромѣ того, не можемъ не указать г-ну А., что онъ вообще ошибается относительно „петербургскаго журнализма“: онъ имѣетъ въ послѣднемъ очень много единомышленниковъ и союзниковъ противъ меня. Въ прежнее время такова была „Заря“, теперь—„Гражданинъ“; мои мнѣнія обличались иногда въ „Голосѣ“; въ послѣднее время вновь ополчился противъ нихъ „Русскій Міръ“, въ своей новой метаморфозѣ, и наконецъ косо взглянулъ на нихъ даже критикъ Спб. Вѣдомостей... Гдѣ же „нынѣшняя петербургская печать“, которую я представляю?

Но благородный жаръ критика въ защиту Пушкина потраченъ напрасно. Я и не думалъ нападать на его заслуги, и предполагалъ ихъ столь извѣстными, что не считалъ даже нужнымъ распространяться о томъ общемъ значеніи, какое имѣетъ Пушкинъ въ исторіи нашей литературы. Я достаточно ясно оговорилъ это въ своей книгѣ [1]), и еслибъ г. А. относился къ дѣлу добросовѣстно,—онъ не написалъ бы своей нынѣшней филиппики.

Критикъ признаетъ возможность исторіи литературы съ общественной точки зрѣнія, но негодуетъ, что я забываю цѣнить общее

---

[1]) „Какія *великія заслуги* были здѣсь (въ чисто художественномъ періодѣ его дѣятельности) оказаны Пушкинымъ, объ этомъ мы считаемъ излишнимъ говорить (т.-е. какъ о вещи достаточно извѣстной) и можемъ просто сослаться на двухъ его критиковъ—сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Пушкинъ положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи нашей литературы: онъ окончательно установилъ въ ней права и требованія художественной поэзіи, уничтожилъ всѣ старыя узкія понятія и предразсудки, создалъ поэтическій языкъ, свободный отъ реторики и натянутости; поэзія была поставлена въ понятіяхъ общества на подобающее ей мѣсто и получила свой настоящій смыслъ“ („Характеристики“, стр. 50).

высокое значеніе Пушкинской поэзіи, и что я слишкомъ много придаю важности той мелкой эпиграмматической поэзіи, которой Пушкинъ предавался въ пору своей молодости.—Мы сейчасъ видѣли, насколько я забылъ это общее значеніе Пушкина; что касается до эпиграмматической поэзіи,—то могъ ли я не остановиться на ней съ избранной мною точки зрѣнія, когда эта поэзія (вмѣстѣ съ другими, съ ней связанными произведеніями его перваго періода) была оригинальнымъ выраженіемъ мнѣній Пушкина въ извѣстное время, и, кромѣ того, вообще была довольно новымъ явленіемъ въ нашей общественности, въ то время очень замѣченнымъ.

Критикъ съ горячимъ негодованіемъ эстетика и съ плоховатымъ остроумничаньемъ обрушивается на мое замѣчаніе, что „общественныя и поэтическія достоинства писателя и произведенія могутъ не всегда совпадать“—точно я сказалъ какую нибудь ужасную ересь или обнаружилъ большое невѣжество, Эти самыя эпиграмматическія пьесы Пушкина могутъ доставить первый примѣръ того, какъ общественныя и эстетическія достоинства иногда не совпадаютъ. Никому не придетъ въ голову давать большую художественную цѣну этимъ пьесамъ Пушкина, но ихъ нельзя забыть, говоря о тогдашнемъ обществѣ и его отношеніи къ Пушкину: оцѣнка чисто эстетическая можетъ миновать эти пьесы, но исторія литературы съ общественной точки зрѣнія, другими словами, критика историческая, должна замѣтить ихъ по тому *впечатлѣнію*, которое онѣ тогда производили. Говоря объ этой сторонѣ дѣятельности Пушкина, мы вовсе не столько высказывали свое личное мнѣніе объ этихъ пьесахъ, сколько просто выставляли фактъ—именно фактъ того впечатлѣнія, которое они оставляли въ тогдашнемъ обществѣ. Возвышенная точка зрѣнія г. А. этого не уразумѣла.

Возьмемъ другой примѣръ, гдѣ эстетическое достоинство можетъ не совпадать съ общественнымъ. Положимъ, поэтъ пишетъ панегирикъ лицу, которое его не совсѣмъ бы заслуживало. Произведеніе можетъ быть великолѣпно въ эстетическомъ осношеніи: поэтъ можетъ съ полной искренностью идеализировать своего героя до истинно поэтическаго изображенія; но въ своемъ непосредственномъ смыслѣ произведеніе его можетъ быть тѣмъ не менѣе фальшиво: поэтъ можетъ ошибаться въ оцѣнкѣ лица, къ которому неразрывно привязано произведеніе, и если это лицо имѣетъ извѣстную роль въ обществѣ, то и произведеніе, фальшивое по пониманію этой роли, получаетъ смыслъ, вовсе не соотвѣтствующій его художественнымъ достоинствамъ.—При вмѣшательствѣ поэта въ настоящую дѣйствительность подобная ошибка становится вообще весьма возможной, а потому очень возможно и не-совпаденіе достоинства поэтическаго

достоинства общественнаго. Или, кто, напримѣръ, не знаетъ шумнаго успѣха патріотическихъ стихотвореній въ моменты великихъ національныхъ событій,—кто не знаетъ, что эти стихотворенія нерѣдко бываютъ далеко не безупречны въ эстетическомъ отношеніи, и что это, однако, не мѣшаетъ имъ производить болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, когда онѣ бываютъ отголоскомъ общественнаго настроенія?

Для г-на А. все это кажется очень удивительнымъ; онъ не можетъ понять и того, что въ моемъ изложеніи рѣчь идетъ именно не только о самыхъ *произведеніяхъ*, но также объ ихъ *дѣйствіи*, которое было ими производимо въ данныхъ условіяхъ, объ ихъ вліяніи на понятія общества, на общественное мнѣніе.

Если самъ Пушкинъ впослѣдствіи отвергалъ свою эпиграмматическую поэзію, какъ заблужденіе молодости, — то легко себѣ представить, что онъ могъ отвергать форму этихъ своихъ произведеній, которая не знала предѣла рѣзкости выраженій. Но отвергалъ ли онъ вмѣстѣ и содержаніе ихъ? Если отвергалъ, онъ значитъ примирялся съ героями своихъ эпиграммъ, съ Аракчеевымъ, Голицынымъ, Фотіемъ и tutti quanti, сталъ смотрѣть на нихъ снисходительнѣе, оправдывалъ ихъ? Или просто находилъ, что о всѣхъ ихъ слѣдовало молчать, не выражать своего мнѣнія? Въ томъ и другомъ случаѣ это была или перемѣна взглядовъ, или безучастіе—словомъ, иное настроеніе, чѣмъ прежде—и странно было бы не остановиться на этомъ пунктѣ мнѣній Пушкина, который заслуживалъ историческаго объясненія. Замѣтимъ кстати, что когда у Пушкина происходила любопытная, недавно изданная переписка съ Жуковскимъ (1826 г.) объ его связяхъ съ декабристами и отношеніяхъ къ новому двору, Пушкинъ говоритъ объ одномъ историческомъ лицѣ, умершемъ около этого времени и служившемъ, между прочимъ, цѣлью его эпиграммъ:..... „я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба“. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда наступала зрѣлая пора личной жизни Пушкина и совершался—такъ или иначе — переломъ въ его жизни внутренней, Пушкинъ сознавалъ правоту своего прежняго настроенія... Пушкинъ былъ въ русской литературѣ столь необыкновеннымъ явленіемъ, привлекалъ въ такой сильной степени вниманіе и симпатіи общества, что невозможно не остановиться съ особеннымъ интересомъ на характерѣ и переходахъ его мнѣній, какъ на цѣломъ фактѣ общественной исторіи.

Далѣе, г. А. придирается къ моимъ словамъ объ одномъ изъ тѣхъ же писемъ Пушкина къ Жуковскому: „Теперь положимъ (писалъ Пушшинъ въ 1826 г.), что правительство и захочетъ прекратить мою мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю, не отвѣчать и не ручаться за

меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.“ Упоминая объ этихъ словахъ Пушкина, я вполнѣ признавалъ, что здѣсь высказалось высокое мнѣніе Пушкина о самомъ себѣ и сознаніе (конечно справедливое) своего достоинства и значенія. Тѣмъ не менѣе г. А. вознегодовалъ на меня за то, что я будто бы не увидѣлъ въ этихъ словахъ проявленія прямодушной и рыцарски-честной натуры Пушкина (т.-е. за то, вѣроятно, что я сказалъ дѣло просто, а не съ фразистыми украшеніями); онъ вознегодовалъ и на мое замѣчаніе, что Пушкинъ едва ли не преувеличивалъ необходимость „условій“,—а это преувеличеніе могло быть, и именно потому, что въ этихъ условіяхъ могло не быть никакой надобности, такъ какъ въ собственныхъ мнѣніяхъ Пушкина произошла упомянутая перемѣна, при которой онъ едва ли бы самъ сталъ ко двору въ какія-нибудь натянутыя отношенія въ родѣ того, какъ это случалось прежде. Въ этомъ, совершенно спокойномъ замѣчаніи критику мерещится какое-то оскорбленіе Пушкину.

Далѣе, у меня также просто сказано было о томъ, что „Пушкина не даромъ не принимали въ тайное общество, въ которое онъ нѣсколько разъ самымъ горячимъ образомъ порывался проникнуть“. Это опять—только фактъ: друзья Пушкина, бывшіе въ тайномъ обществѣ дѣйствительно отклоняли его отъ вступленія въ общество: дорожа имъ, они берегли его (что́ было мною объяснено въ другомъ мѣстѣ), но вмѣстѣ съ тѣмъ не считали возможнымъ, и въ своемъ и въ его собственномъ интересѣ, полагаться на его пылкія увлеченія, къ какимъ могли причислить и его тогдашній либерализмъ. Моему критику, вышеприведенное замѣчаніе мое кажется „язвительнымъ“.

Вообще, статья г-на А. пересыпана подобнымъ, черезчуръ тонкимъ пониманіемъ моихъ словъ: критику постоянно воображается, что я говорю какія-то язвительности, кого-то оскорбляю, даже вся книга кажется ему обвинительнымъ актомъ: критикъ повсюду забѣжитъ впередъ, по-своему растолкуетъ, тонко отгадаетъ, налжетъ. Удивительное чутье! Право, онъ могъ бы, кажется, найти для своихъ талантовъ болѣе широкое и дѣйствительное поприще...

Г-нъ А. свирѣпствуетъ противъ меня и по поводу Гоголя. Ему опять вообразилось, что я беру на себя полную и окончательную оцѣнку Гоголя, и опять ему невразумительно, что я, по самой своей задачѣ, останавливался въ сущности только на отношеніяхъ Гоголя къ общественному развитію, на томъ дѣйствіи, какое произведенія его оказывали въ обществѣ, какія мнѣнія они породили и т. д. Эти вопросы объ общественномъ значеніи дѣятельности Гоголя, такъ долго занимавшіе нашу критику, для г-на А. не существуютъ. Съ его точки зрѣнія,—глубину которой онъ рекомендуетъ въ замѣнъ и въ исправ-

леніе моего легкомыслія,—дѣло совершенно просто. Онъ за новость объясняетъ, что дѣятельность Гоголя была художественная, и чтобы понять ее, „необходимо разсматривать ее совершенно отдѣльно какъ отъ произведеній, продиктованныхъ резонерствомъ, такъ и отъ тенденціозныхъ выводовъ, *навязанныхъ* ему критикою Бѣлинскаго“. А критика Бѣлинскаго была пустое дѣло; она была „очень не сильна въ эстетической философіи“ (г-нъ А. сильнѣе?) и „не уразумѣла настоящаго источника мрачнаго сатирическаго направленія, замѣчаемаго ею въ произведеніяхъ Гоголя, и приписала извѣстному образу мыслей то, что̀ было *просто* индивидуальностью художественнаго таланта“... По болѣе глубокой эстетической философіи г-на А., дѣло было *просто* въ слѣдующемъ: „въ характерѣ Гоголевскаго таланта было относиться къ типамъ и явленіямъ дѣйствительности исключительно отрицательнымъ образомъ, что́ вовсе *не означало* отрицанія этой дѣйствительности въ нравственномъ или общественномъ смыслѣ; это былъ просто индивидуальный авторскій пріемъ, художественная манера, вытекавшая изъ дѣйствовавшихъ въ поэтѣ силъ комизма“. Но что же это тогда *означало?* Что же были произведенія Гоголя?

Неужели же это были только вещи, которыя должны были только служить удовлетворенію одного эстетическаго чувства, и не означали ничего болѣе? Неужели это были одни „побасенки“? Нѣтъ, самъ Гоголь въ извѣстныхъ краснорѣчивыхъ страницахъ, принадлежащихъ къ его лучшимъ страницамъ, съ негодованіемъ отвергъ эти мертвыя толкованія поэзіи. „Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обомлѣла бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души“, говоря словами самого Гоголя. Нѣтъ, то могущественное впечатлѣніе, которое произвели созданія Гоголя въ русскомъ обществѣ и подъ вліяніемъ котораго наша литература, можно сказать, находится и по сію минуту,—объясняется именно тѣмъ, что за художественной увлекательностью этихъ созданій лежало глубокое чувство нравственной правды,—сила дѣйствія котораго превзошла и ожиданія самого писателя. Что Гоголь не имѣлъ какой-нибудь опредѣленной политической тенденціи, объ этомъ нечего и говорить. Г. А. страннымъ образомъ нападаетъ на меня, не замѣтивъ, что и по моему взгляду творчество Гоголя въ сильной степени было творчество безсознательное—другіе мои критики строго осуждали именно эти мои мнѣнія о свойствахъ таланта Гоголя. Но если Гоголь не опредѣлялъ вначалѣ своихъ мнѣній объ общественныхъ предметахъ ни въ какую точную формулу,—впечатлѣніе могло быть только одно: за сатирическимъ отрицаніемъ лежало ясное положительное стремленіе, возбужденіе чувства нравственной правды и гуманности. Впечатлѣніе отъ произведеній Гоголя не было впечатлѣніе водевиля и юмористической по-

вѣстушки, и когда оно было почувствовано глубоко, было продумано, оно и приводило къ тѣмъ понятіямъ, которыя сдѣлали Гоголя писателемъ общественнымъ. Этотъ смыслъ его произведеній былъ тотчасъ почувствованъ *обѣими* сторонами общества — и той, которая уже носила въ себѣ идеалы лучшаго положенія вещей, просвѣщенія, справедливости, достоинства личности, — и той, которая относилась ко всѣмъ этимъ стремленіямъ только съ ненавистью. Гоголь съ перваго раза пріобрѣлъ горячихъ почитателей и озлобленныхъ противниковъ, и, конечно, ихъ раздѣляло не различіе ихъ понятій объ эстетической философіи: обѣ стороны достаточно ясно чувствовали, о чемъ идетъ дѣло, и ихъ увлеченіе, той и другой, показывало, что рѣчь идетъ о новомъ нравственномъ, а затѣмъ и общественномъ принципѣ,—и онѣ почувствовали это раньше толкованій Бѣлинскаго.

Ничего этого г. А. не понимаетъ. Онъ продолжаетъ толковать объ „ошибкѣ“ Бѣлинскаго,—какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, ошибка или не ошибка Бѣлинскаго въ эстетикѣ создала небывалое въ русской литературѣ вліяніе Гоголя, какъ будто отъ одного Бѣлинскаго могъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ его произведеній, и то или другое нравственное дѣйствіе ихъ на общество. Бѣлинскій разъяснялъ преимущественно именно художественныя достоинства произведеній Гоголя, сообщая сознательное пониманіе Гоголя тѣмъ, кто вообще былъ способенъ его понимать, — но не въ его силахъ было направить по произволу впечатлѣніе самыхъ произведеній, стать между Гоголемъ и его читателями. Да и читателей Гоголя было, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ читателей Бѣлинскаго. „Критика Бѣлинскаго, — продолжаетъ толковать г. А., — понявъ въ этой авторской индивидуальности въ талантѣ художника, приписало сатирическое содержаніе его произведеній отрицанію общественнаго склада русской жизни и *подсказала* (такъ!) читателямъ „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“ такіе выводы, о которыхъ авторъ, державшійся относительно современныхъ ему порядковъ совсѣмъ другого мнѣнія, вовсе и не думалъ. *Именно съ тѣхъ поръ,* какъ петербургская журналистика постаралась „объяснить“ общественное значеніе произведеній Гоголя и *подсказать* (еще разъ!) ему выводы, которыхъ онъ не имѣлъ въ виду—имъ овладѣваетъ внутреннее смятеніе, онъ начинаетъ провѣрять и объяснять самого себя, задумываться надъ нравственнымъ смысломъ своего смѣха“ и проч. Но, наконецъ, какимъ образомъ Бѣлинскій могъ такъ скоро все это подсказать? Извѣстно, что его собственные взгляды только подъ конецъ его дѣятельности приняли тотъ опредѣленный „общественный“ характеръ, при которомъ онъ могъ это подсказывать,—а въ первое время онъ именно восхищался Гоголемъ только съ чисто художественной точки зрѣнія и

самъ не имѣлъ тѣхъ мнѣній, которыя будто бы подсказывалъ; а съ другой стороны, мы именно собрали достаточно данныхъ, показывающихъ, что всѣ задатки позднѣйшаго внутренняго разлада существовали у Гоголя съ самой первой поры его писательскаго поприща. Заключенія г-на А. оказываются невѣрными просто хронологически. Вѣрнѣе сказать, что самъ Гоголь не могъ не увидѣть общественнаго смысла своихъ произведеній, въ первый же разъ, когда онъ подошелъ въ нихъ нѣсколько поближе къ общественнымъ нравамъ. Довольно прочесть его письма времени появленія „Ревизора", чтобы въ этомъ убѣдиться.

Критикъ еще нѣсколько разъ повторяетъ фразы объ ошибкѣ Бѣлинскаго, о томъ, какъ петербургская журналистика (т.-е. опять тотъ же Бѣлинскій) *эксплуатировала* „чисто художественную" (т.-е. по мнѣнію г-на А., ничего не означающую) сатиру Гоголя для цѣлей совершенно ему чуждыхъ. „Переписку съ Друзьями" г. А. объясняетъ именно какъ слѣдствіе того, что Гоголя „раздразнила" и „встревожила" услужливость петербургской критики, и съ сочувствіемъ выписываетъ приведенныя нами слова одного изъ друзей Гоголя, которые, защищая Гоголя по поводу „Переписки съ Друзьями", взводили на Бѣлинскаго именно это обвиненіе. Словомъ, г. А. разсуждаетъ здѣсь совершенно такъ, какъ разсуждали въ то время эти друзья Гоголя, оправдывавшіе его „Переписку" и его отреченіе отъ прежнихъ произведеній, и какъ разсуждали, въ эпоху „Переписки", прежніе враги Гоголя, которые чрезвычайно обрадовались его отреченію,—будто бы доказывавшему, какъ были они прежде правы, браня „Ревизора" и „Мертвыя Души". Г-нъ А. также побраниваетъ Бѣлинскаго и вступаетъ на дорожку Сенковскаго, Булгарина и компаніи. Счастливаго пути!

Что и здѣсь въ своихъ нападеніяхъ противъ меня, г. А. не церемонится перетолковывать слова, подставлять свои „язвительныя" объясненія, это разумѣется само собой. Онъ разсказываетъ, будто бы я сожалѣю „не о томъ, зачѣмъ Гоголь сошелъ съ своего художественнаго пути ради нравственнаго и политическаго резонерства, но о томъ, зачѣмъ это резонерство не отвѣчало образу мыслей, раздѣляемому петербургскою журналистикой",—когда я именно сожалѣю о томъ, что Гоголь далъ слишкомъ много мѣста своему резонерству,—конечно, очень плохому.

Далѣе критикъ утверждаетъ, будто бы мнѣ „*очевидно*" даже совсѣмъ непонятно, какъ это могъ Гоголь сидѣть надъ „Мертвыми Душами" въ то время, какъ одинъ редакторъ просилъ его написать статейку для журнала: „онъ выписываетъ отвѣтъ Гоголя на это приглашеніе съ нѣкоторымъ изумленіемъ (пишетъ г-нъ А.), подчеркивая

и сопровождая восклицательнымъ знакомъ эпитетъ *презрѣнный*, данный Гоголемъ „занятію ежедневнымъ дрязгомъ“. *Очевидно*, въ понятіяхъ г. П. это занятіе несравненно почтеннѣе художественнаго творчества“...

Чтобы показать образчикъ того, до чего доходитъ у г-на А. безцеремонное лганье, мы находимся въ необходимости представить, такъ сказать, поличное и выписать цѣликомъ то мѣсто, къ которому относятся эти „очевидные“ выводы. Говоря о томъ, какъ рано стало проявляться у Гоголя мистическое настроеніе, съ которымъ, какъ извѣстно, соединялось у него высокое мнѣніе о своемъ трудѣ и крайне высокомѣрное и странное отношеніе къ своимъ ближайшимъ пріятелямъ,—я привелъ, въ примѣчаніи, нѣсколько выписокъ изъ писемъ Гоголя и, между прочимъ, сдѣлалъ слѣдующую цитату:

„Тогда же (въ 1841 г.), на простой вопросъ, не можетъ ли онъ прислать статьи для журнала (Погодинъ спрашивалъ объ этомъ для „Москвитянина“), Гоголь говоритъ: „Нѣтъ, клянусь, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ (!) позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой *подвигъ* спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго; и для *презрѣннаго* ли (!) журнальнаго, пошлаго занятья ежедневнымъ дрязгомъ я долженъ совершать *непрощаемыя преступленія*“, т.-е. отвлекаться отъ работы надъ „Мертвыми Душами“. Вслѣдъ затѣмъ онъ, однако, замѣчаетъ: „но статья будетъ готова и недѣли черезъ три выслана“. Затѣмъ опять: „обнимите Погодина“ и пр. и пр.“

Кажется, смыслъ всей этой выписки довольно понятенъ. Въ ней видно высокое понятіе Гоголя о своемъ трудѣ, на которое онъ имѣлъ, конечно, всякое право, но вмѣстѣ съ тѣмъ видны и тѣ странности, которыя потомъ, въ эпоху „Переписки“, развились до вопіющихъ размѣровъ. У меня подчеркнуты и поставлены съ восклицательными знаками именно слова, указывающія на страшное (и не совсѣмъ послѣдовательное) высокомѣріе Гоголя, которое друзья его спокойно выносили, чѣмъ, безъ сомнѣнія, не мало ему и помогли дойти до послѣдующихъ крайностей. Вмѣсто того, чтобъ просто сказать, что не можетъ дать никакой статьи, потому что не тѣмъ занятъ, и проситъ себя не безпокоить—Гоголь пишетъ напыщенную тираду, называетъ презрѣннымъ дѣло, которымъ занимаются его близкіе пріятели, Погодинъ, Плетневъ (а не задолго передъ тѣмъ и самъ Пушкинъ), и которое само по себѣ нисколько не презрѣнно; — при этомъ порядочно преувеличиваетъ, такъ какъ ему и не думали поручать никакого журнальнаго занятія ежедневнымъ дрязгомъ; далѣе, считаетъ „непрощаемымъ преступленіемъ“ отвлечься отъ „Мертвыхъ Душъ“—

а наконецъ оказывается, что это непрощаемое преступленіе онъ тутъ же собирается совершить, и обѣщаетъ прислать статью для „презрѣннаго“ журнала и пр.

Только это и подразумѣвалось въ приведенной мною выпискѣ. Читатель видѣлъ, какъ „эксплуатировалъ“ все это г. А., и можетъ убѣдиться, что найденныя имъ „очевидности“ обнаруживаютъ въ немъ самомъ одно изъ двухъ—или замѣчательно тупое непониманіе очень обыкновенныхъ вещей, или намѣренное извращеніе чужихъ словъ. Если г. А. хочетъ знать мое дѣйствительное мнѣніе о свойствѣ журнальнаго занятія,—то я, конечно, не только не считаю его презрѣннымъ, но даже почтеннымъ, когда оно ведется добросовѣстно; а съ другой стороны, журнальное лганье, конечно, считаю презрѣннымъ...

Способъ „критики“, принятый г. А., довольно объясняется приведенными сейчасъ примѣрами, и это могло бы избавить меня отъ дальнѣйшаго разбора его приговоровъ; но есть еще одинъ пунктъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ на немъ г. А. думаетъ окончательно торжествовать уничтоженіе моей книги... Не знаемъ, по истинѣ, чему дивиться: дѣйствительному ли неумѣнью г-на А. понимать человѣческій языкъ, или обратившейся въ природу привычкѣ, для своихъ цѣлей, извращать и перевирать чужія слова и мысли. Г-нъ А. два раза возвращался съ торжествомъ къ одному мѣсту моей книги, въ которой указывалъ мое собственное опроверженіе моихъ же выводовъ. Мы приводимъ въ сноскѣ отрывокъ, который онъ выписываетъ изъ заключительной главы моей книги [1]).

---

[1]) „Если отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы обратимся къ нашему собственному времени,—черезъ промежутокъ въ тридцать-сорокъ лѣтъ,—мы увидимъ, какъ преждевременны были *относительно большинства* эти надежды на литературную и научную самобытность русскаго общества. Не только масса общества, но можно сказать, *большинство* самой литературы слишкомъ далеки отъ сколько-нибудь серьезнаго пониманія вещей; напротивъ,—не говоря о той низменной литературѣ, у которой нѣтъ никакого интереса, кромѣ мелкаго прислужничества и денежной аферы, даже въ такихъ кружкàхъ, которые заявляютъ притязаніе на извѣстную самостоятельность, на извѣстную раціональность и послѣдовательность своего образа мыслей, сподствуетъ такое рабское подчиненіе ходячимъ понятіямъ и ходячему разсчету, го смѣшно было бы говорить о присутствіи въ нихъ истинно-критическаго начала. свѣжающія явленія возникаютъ изрѣдка въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ трудахъ, иногда ходятъ изъ иностранной литературы, но *большинство наличной* литературы относится къ нимъ съ тупымъ непониманіемъ и наглымъ гаерствомъ. Правда, не останавливается рядъ разнообразныхъ изученій историческихъ, экономическихъ и проч., должается и возникаетъ вновь дѣятельная фактическая разработка общественной торіи и народнаго быта,—и все это обѣщаетъ нѣкогда полезные результаты, но въ нную минуту еще мало оказываетъ дѣйствія на общественное мнѣніе *массы*. Современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ“, т.-е. въ тѣхъ условіяхъ и имѣненіяхъ, о какихъ здѣсь говорится.

„Эти строки,—говоритъ г. А.;—безъ сомнѣнія справедливѣе всего, что заключаеся въ объемистой книгѣ г. П—на. Но не кажется ли г. П—ну, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ *уничтожастъ* всю книгу? (!!!) Если онъ поставилъ своею задачею слѣдить за прогрессомъ нашей литературы, что́ въ его понятіяхъ равносильно постепенному переходу отъ чисто литературныхъ и художественныхъ интересовъ къ интересамъ общественнымъ въ смыслѣ „освободительныхъ идей“, если онъ могъ указать, какъ съ молодымъ поколѣніемъ протокъ этихъ идей усиливается, такъ что образовалъ, наконецъ, „главное русло“—и если весь этотъ, пятидесяти-лѣтній прогрессъ вѣнчается сознаніемъ, что „современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ“, то *что же все это*, наконецъ, *значитъ*, и какой смыслъ должна получить исторія нашей литературы съ той особой точки зрѣнія, съ какой разсматриваетъ ее авторъ „Характеристикъ?“ и т. д.

Что это значитъ?—Только одно: что г-нъ А. вырываетъ изъ книги отрывокъ и толкуетъ его вкривь и вкось безъ всякой связи съ тѣмъ, что говорилось прежде и что говорится дальше.

Приведенный г-мъ А. отрывокъ находится на стр. 483-й моей книги. Передъ тѣмъ, говорится у меня вообще о томъ, въ какомъ отношеніи находилось тогда литературное движеніе къ массѣ общества,—какъ далеко въ массу проникали успѣхи литературы и дѣйствовали на понятія большинства. Это отношеніе я находилъ вообще мало благопріятнымъ. Въ этомъ смыслѣ сказано въ книгѣ, что „*внѣшнее положеніе* новой литературы было въ томъ періодѣ (40-хъ годовъ) *очень незавидно*“, что „она встрѣчала пониманіе и сочувствіе только въ незначительномъ *меньшинствѣ* общества; въ остальной его части находила она или невниманіе или положительную вражду и преслѣдованіе“, что „противъ этого меньшинства было то большинство, по нятія котораго выражались системой оффиціальной народности“ (стр. 476). Я находилъ, что это обстоятельство, т. е. эти отношенія меньшинства и большинства, существенно важно для правильной оцѣнки нашей образованности, какъ мѣрка ея объема и распространенія. Образованность развивалась только въ ограниченномъ кругѣ общества и далеко не утвердилась прочно. Я приводилъ далѣе (стр. 477) мнѣнія, высказывавшіяся въ то время съ разныхъ сторонъ, будто русская образованность, во второй четверти нашего столѣтія, уже вступила въ періодъ самостоятельности и что Петровская реформа (предполагавшая подчиненіе нашего образованія европейскому) завершена. Эти мнѣнія казались мнѣ большою ошибкою, и на слѣдующихъ страницахъ я указывалъ на дѣйствительное положеніе образованности въ русскомъ обществѣ. Въ концѣ, я приходилъ къ выводу (стр. 481), что обѣ теоріи, и славянофильская, и особенно за

падная, говорившія о завершеніи петровской реформы,—впадали въ прискорбное заблужденіе, когда „при такомъ отношеніи *огромнаго большинства* къ *меньшинству*“, воображали, что вопросъ русскаго образованія рѣшенъ, что ему пришла пора полной самобытности, не только независимой отъ европейской науки, но долженствующей научить и самую европейскую науку. Обѣ теоріи слишкомъ забыли дѣйствительное положеніе вещей... „Бѣлинскій, — сказано у меня (стр. 483),—не видѣлъ того открытаго заявленія мнѣній большинства, которое выразилось рядомъ репрессивныхъ мѣръ съ 1848 года; но другіе писатели этого круга должны были горько сознаться въ ошибкахъ своего прежняго довѣрчиваго идеализма...“

Вслѣдъ за этимъ и идетъ приведенный выше (въ сноскѣ) отрывокъ, по поводу котораго г-нъ А. думалъ уличить меня въ моемъ противорѣчіи всѣмъ моимъ выводамъ. Для читателя, который возьметъ это мѣсто въ связи съ предъидущимъ, совершенно ясно, что здѣсь идетъ рѣчь только и исключительно о томъ, какъ до сихъ поръ еще непрочны успѣхи нашей литературы, лучшіе результаты которой доселѣ составляютъ принадлежность *меньшинства* образованнаго общества, тогда какъ *большинство* и по сію минуту слишкомъ легко поддается внушеніямъ стараго невѣжества и умственной тьмы. Вспоминая радужныя надежды, которыя высказывались въ сороковыхъ годахъ, я именно указывалъ, что даже и черезъ тридцать лѣтъ, въ наше время, эти надежды *относительно большинства* оказываются преждевременными. Подчеркнутыя слова, кажется, достаточно ясно показываютъ мою мысль.

Настоящее положеніе литературы, по внѣшнимъ ея условіямъ,—которыя выдвинули впередъ вкусы и понятія большинства и вызвали соотвѣтственную литературу, удовлетворяющую этимъ вкусамъ и понятіямъ,—есть, конечно, упадокъ; но—упадокъ внѣшній, временный и (какъ мы не сомнѣваемся) вовсе не означающій паденія тѣхъ интересовъ и идей, которые завѣщаны были намъ литературой 40-хъ годовъ и такъ оживили нашу литературу послѣ крымской войны, въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Настоящее положеніе литературы довольно понятно. Дѣло въ томъ, что крымская война, своимъ извѣстнымъ нравственнымъ вліяніемъ, подѣйствовала и на большинство общества, и „прогрессъ“, которому служило лучшее меньшинство прежней литературы, сдѣлался модой; о немъ, въ первое время, заговорили даже люди и партіи, не имѣвшіе съ нимъ ничего или очень немного общаго. Но это нравственное возрожденіе, какъ извѣстно, давно уже прошло; отчасти, въ самомъ обществѣ еще не было достаточно серьезности, чтобы послѣдовательно усвоить идеи, принятыя въ порывѣ увлеченія,—отчасти внѣшнія обстоятельства

складывались такъ, что этимъ идеямъ оставалось все меньше и меньше мѣста и въ умственной жизни и въ общественности. Въ шестидесятыхъ годахъ уже начинается поворотъ, въ невыгодномъ смыслѣ, и въ большинствѣ снова заговорили тѣ болѣе или менѣе грубые инстинкты, какими оно отличалось въ прежнія времена и отъ которыхъ еще не успѣло и не могло такъ скоро освободиться... Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, какъ вліяетъ на литературу и образованность подобное настроеніе большинства, когда это послѣднее, по обстоятельствамъ времени, выдвигается какъ дѣйствующая сила. Присутствіе упомянутыхъ инстинктовъ большинства дѣйствуетъ на литературу подавляющимъ образомъ — и отражается на внѣшнемъ положеніи литературы многоразличными способами: и внѣшними стѣсненіями (тяготѣющими на меньшинствѣ), и господствомъ (временнымъ) болѣе или менѣе грубыхъ вкусовъ и понятій большинства, которымъ и стремятся подслужиться писатели извѣстнаго сорта, находящіе для себя въ этомъ матеріальную выгоду.

Этотъ именно упадокъ я и разумѣю. Что по общему уровню выработаннаго содержанія современная литература стоитъ много выше прежняго, объ этомъ я говорилъ довольно ясно въ той же самой заключительной главѣ [1]),—хотя нѣтъ сомнѣнія, что внѣшнія неблагопріятныя условія стѣсняютъ и задерживаютъ то научное развитіе, котораго задатки уже были заявлены литературою...

Упадокъ, о которомъ я говорилъ, имѣетъ очень много общаго съ тѣмъ, какой и въ прежнемъ періодѣ нашей литературы произошелъ вслѣдъ за окончаніемъ дѣятельности Бѣлинскаго, съ 1848—49 года, и о которомъ, напримѣръ, такъ горько скорбѣлъ Грановскій... Извѣстно однако, что этотъ упадокъ вовсе не произвелъ упадка самаго содержанія и развитія литературы, и она тотчасъ оживилась, какъ только внѣшнія условія сняли съ нея подавлявшія ее стѣсненія.

Если бы нужно было еще дальнѣйшее разъясненіе приведеннаго отрывка относительно настоящаго литературнаго періода, не трудно было бы представить фактическіе примѣры того, какъ „даже въ такихъ кружкàхъ, которые заявляютъ притязаніе на извѣстную самостоятельность, на извѣстную раціональность и послѣдовательность своего образа мыслей, господствуетъ такое рабское подчиненіе ходячимъ понятіямъ и ходячему разсчету, что смѣшно было бы говорить

---

[1]) Между прочимъ, на тойже 483 стр. тотчасъ вслѣдъ за отрывкомъ, приведеннымъ у г-на А., говорится: „Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ большинство стояло *еще степенью ниже* (чѣмъ въ настоящее время). Соотвѣтственно этому, общественно-критическое направленіе двухъ передовыхъ школъ (40-хъ годовъ) было *еще болѣе одиноко и слабо* противъ окружавшихъ его препятствій“ (чѣмъ въ настоящее время) и т. д.

о присутствіи въ нихъ истинно критическаго начала"; или примѣры того, что если и появляются изрѣдка замѣчательныя и освѣжающія явленія,—то „большинство наличной литературы относится къ нимъ съ тупымъ непониманіемъ и наглымъ гаерствомъ". Развѣ мы не видимъ того и другого — хоть въ томъ изданіи, которое, лѣтъ восемнадцать тому назадъ, съ первымъ появленіемъ своимъ привлекло къ себѣ столько симпатій своими ясно-выраженными либеральными и свободолюбивыми тенденціями, и которое теперь столько же отличается этими тенденціями, какъ нѣкогда „Сѣверная Пчела". Развѣ это изданіе, ставшее, лѣтъ восемнадцать назадъ, въ первыхъ рядахъ нашего „прогресса", не очутилось теперь... далеко не тѣмъ, чѣмъ было нѣкогда. Въ этомъ самомъ изданіи не подвергались-ли гаерскому глумленію лучшія имена европейской науки—на чью потѣху? И можно ли назвать иначе, какъ упадкомъ, распложеніе подобнаго рода литературы, которая имѣетъ массу своихъ почитателей — конечно, не въ томъ слоѣ общества, который можно назвать наиболѣе принимающимъ къ сердцу интересы просвѣщенія? Недавно случилось намъ прочесть брошюру: „Трилогія на трилогію". Какъ понравится г-ну А. изображенная тамъ дѣятельность людей, подкапывающихся подъ университетскій уставъ, писателей, имѣющихъ по четыре мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ — смотря по личной надобности, и пр.? Намъ случилось также прочесть статью г. Иловайскаго о послѣднемъ періодѣ нашей печати: развѣ факты, тамъ собранные, не указываютъ теперь въ органахъ, нѣкогда прогрессивныхъ, рабскаго подчиненія ходячимъ понятіямъ и себялюбивымъ разсчетамъ и т. д., и т. д.?

Съ другой стороны, есть ли въ настоящемъ положеніи литературы тѣ простыя внѣшнія условія, которыя содѣйствовали бы знательности успѣховъ литературы: развѣ нынѣшняя литература не странилась отъ многихъ вопросовъ, разработка которыхъ была уже чата въ томъ же „Русскомъ Вѣстникѣ"? Развѣ подъ вліяніемъ ругого времени не ограничилась дѣятельность и тѣхъ литературыхъ силъ, какія существуютъ? И если литература наша уже переживала подобные періоды временнаго упадка, то настоящій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ признаютъ еще болѣе печальнымъ — тѣмъ, то паденіе захватываетъ теперь и людей, нѣкогда дѣлавшихъ болѣе достойное дѣло, людей, которые лично знаютъ преданія сороковыхъ годовъ и съ нихъ начали свое нѣкогда блестящее поприще.

Но, при всемъ томъ, повторяемъ, это упадокъ внѣшній, временная пріостановка, за которой вовсе не потеряны плоды предъидущаго развитія, и общій уровень *содержанія*, въ болѣе образованномъ

обществѣ и въ лучшей части литературы, и въ настоящую минуту все-таки выше, чѣмъ онъ былъ десять лѣтъ тому назадъ.

И что показываетъ, наконецъ, самая критика г. А., какъ не тотъ же крайній упадокъ? — Я не преувеличиваю достоинствъ своего труда: недостатки его (какъ и многаго другого, что́ дѣлается въ современной литературѣ), недостатки, отъ меня зависѣвшіе и не зависѣвшіе, для меня довольно видны; мои мнѣнія и выводы могутъ казаться невѣрными,—выполненіе неудовлетворительнымъ;—но думаю, ни одинъ безпристрастный человѣкъ не откажетъ признать въ моемъ трудѣ искренняго и глубокаго интереса къ успѣхамъ нашей литературы и образованности. Чѣмъ отвѣчаетъ на это критика? Злобнымъ нападеніемъ, съ пѣной у рта; ея главнѣйшее оружіе — жалкое передергиванье, перевиранье чужихъ словъ, инсинуація, литературные пріемы школы Булгарина и Греча. При нынѣшнихъ тенденціяхъ изданія, гдѣ ратуетъ г. А., это иначе и быть не можетъ.

А. Пыпинъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Оренбургскаго отдѣла Русскаго географическаго общества.

Въ 11-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1873 годъ въ статьѣ г. Линдемана: „Прохожденіе планеты Венеры передъ Солнцемъ“, на стр. 446, авторъ, упоминая о степени участія въ предпринимаемомъ изслѣдованіи этого явленія со стороны Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и его отдѣловъ, говоритъ, между прочимъ, что „отъ Оренбургскаго Отдѣла Географическаго Общества не получено отвѣта“ на призывъ Пулковской Обсерваторіи.

Этимъ заявленіемъ какъ бы возводится на нашъ Отдѣлъ тяжкое для него обвиненіе въ безучастности къ дѣлу, имѣющему такое важное значеніе для географической науки, и потому я, какъ Предсѣдатель Отдѣла, считаю своею обязанностью дать объясненіе описанному случаю.

Предложеніе Пулковской Обсерваторіи обсуждалось въ общемъ Собраніи Отдѣла 19-го декабря 1870 г. [1]), и такъ какъ предсѣдательствовавшій въ Отдѣленіи географіи математической, дѣйств. чл. Ал. А. Тилло, заявилъ, что надежные наблюдатели у насъ есть, также какъ нѣтъ недостатка въ точныхъ инструментахъ для опре-

[1]) Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, вып. 2, стр. 16—18. Казань. 1872.

дѣленія времени, то остается исхлопотать лишь хорошія трубы для наблюденія прикосновенія Венеры къ диску Солнца, и, кромѣ того, узнать, можно ли разсчитывать на содѣйствіе Правительственной Коммиссіи, учрежденной для этого дѣла, и Пулковской Обсерваторіи, въ снабженіи наблюдателей геліометрами и приборами для фотографическихъ снимковъ солнца, — чтобы наши изслѣдованія имѣли наибольшую полноту. Такъ какъ г-ну Тилло предстояло быть, вскорѣ послѣ упомянутаго общаго собранія Отдѣла, въ Петербургѣ, то онъ, съ одобренія Общаго Собранія, принялъ на себя трудъ лично переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ по послѣднему вопросу. Результатомъ этихъ переговоровъ было разрѣшеніе со стороны названной коммиссіи въ утвердительномъ смыслѣ лишь предположенія о снабженіи нашихъ наблюдателей трубами, послѣ чего Отдѣлъ, въ общемъ собраніи 10 марта 1871 года [1]), соображая, гдѣ именно въ Оренбургскомъ Краѣ можно съ большею выгодою устроить временную Обсерваторію для предстоящихъ наблюденій, пришелъ къ заключенію, что этому условію наиболѣе соотвѣтствуетъ гор. Иргизъ, въ которомъ, по условіямъ климата, представляется бо́льшая возможность разсчитывать на ясность дня 27 ноября 1874 года.

Отсюда очевидно, что сношенія Отдѣла съ правительственными учрежденіями по изслѣдованію прохожденія Венеры, принявъ видъ личныхъ переговоровъ, не могли выразиться отвѣтною бумагой, что́ вѣроятно и дало поводъ г. Линдеману замѣтить объ отсутствіи отзыва со стороны нашего Отдѣла; а такое замѣчаніе вызвало въ свою очередь настоящее объясненіе, которое я покорнѣйше прошу напечатать въ ближайшей книжкѣ „Вѣстника Европы“, съ цѣлью выяснить передъ читателями журнала близко интересующее нашъ Отдѣлъ недоразумѣніе.

Л. Баллюзекъ.

Къ этому „объясненію“ я съ своей стороны долженъ прибавить, что упомянутые въ немъ переговоры чрезъ полковника Тилло велись, вѣроятно, совершенно частнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ коммиссія о нихъ ничего не знала: предсѣдательствующій коммиссіи впервые узналъ о нихъ изъ настоящаго „объясненія“. Въ подтвержденіе моихъ словъ могу привести и факты (изъ моей же статьи): „Упомянутый въ объясненіи городъ Иргизъ уже избранъ коммиссіею для харьковскихъ наблюдателей; для производства же наблюденія въ Оренбургѣ коммиссіи предложены услуги и средства Оренбургскаго Военно-Топографическаго Отдѣла“. Знай коммиссія о намѣреніяхъ Оренбургскаго Отдѣла Географическаго Общества, она, конечно, распорядилась бы нѣсколько иначе.

Эд. Линдеманъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 36.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 11-го декабря 1873 года.

1) Выдано сто рублей писательницѣ, поставленной смертью мужа въ стѣсненное положеніе.

2) Выдано сто рублей молодому ученому, обремененному семействомъ и нуждавшемуся въ пособіи для производства экспериментовъ.

3) Выдано двумъ вдовамъ писателей, находящимся въ бѣдности: одной 50 р. и другой 40 р.

4) Отклонено ходатайство семейства одного писателя о назначеніи пенсіи, такъ какъ семейство это не находится въ нуждѣ.

5) Выдано сто р. больной писательницѣ.

6) Выдано 25 р. на леченіе дѣтей писателя.

7) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о ссудѣ, какъ несогласныя съ правилами о выдачѣ ссудъ, и трехъ лицъ о пособіи, потому что лица эти не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

8) Изъявлена благодарность Общества: Н. А. Манасеину за содѣйствіе комитету, и Н. И. Аѳанасьеву за пожертвованіе пяти билетовъ на безплатное пользованіе въ его водолечебницѣ.

Отчетъ казначея за ноябрь.

Къ 1-му ноября въ кассѣ было 58,124 р. 13 к. Вновь поступило: взносы 22 лицъ 255 р.; единовременно отъ одного лица 100 р.; возвратъ невыданнаго пособія 50 р.; проценты съ капитала 766 р. 32 к. Израсходовано 1,367 р. 80 к., въ томъ числѣ: на пенсіи 3-мъ лицамъ 130 р.; на единовременныя пособія 9-ти лицамъ 755 р.; на воспитаніе и стипендіи 7 лицамъ 482 руб. 50 к.; за храненіе бумагъ въ Банкѣ 30 к. Къ 1-му декабря въ кассѣ состояло 57,927 р. 65 к.

Засѣданіе комитета 26-го декабря 1873 г.

1) Выдано 120 р. вдовѣ писателя на воспитаніе ея дѣтей.

2) Выдано 300 р. писателю на уплату долговъ и на расходы по переѣзду въ другую губернію.

3) Выдано 200 р. ученому, находящемуся въ стѣсненномъ положеніи.

4) Выдано 30 р. писателю на пріобрѣтеніе необходимой одежды.

5) На мѣсто Н. Н. Тютчева, отказавшагося отъ избранія въ члены комитета, положено предложить къ избранію Н. А. Некрасова.

6) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ устава Общества.

Общее собраніе членовъ Общества 6-го января 1874 г.

По открытіи собранія секретарь прочелъ слѣдующій отчетъ: „Мм. гг. Въ послѣдніе два мѣсяца прошлаго года комитетомъ Общества оказаны слѣдующія пособія: четыремъ лицамъ выдано по 300 руб., одному 200 р., одному 150 р., одному 120 р., четыремъ по 100 р., четыремъ по 50 р., двумъ по 40 р., четыремъ по 30 р. и двумъ по 25 р. Въ уплату за слушаніе лекцій четырьмя молодыми людьми внесено 150 р. Обществу для пособія нуждающимся студентамъ с.-петербургскаго университета отпущено 250 р. изъ свободныхъ остатковъ отъ суммы, назначенной на стипендіи названнымъ студентамъ. Выдано въ счетъ стипендіи студенту 1-го курса того же университета 62 р. 50 к. Предположено выдать въ началѣ текущаго года дочери писателя, въ единовременное пособіе, 100 р. и одному писателю въ ссуду 300 р. Дочери извѣстнаго писателя назначена пенсія въ 300 р. въ годъ, начиная съ 1-го января 1874 года. По просьбѣ одного писателя, комитетъ хлопоталъ о скорѣйшемъ назначеніи ему пенсіи изъ суммъ государственнаго казначейства и, благодаря благосклонному вниманію И. Д. Делянова, сдѣлано уже распоряженіе объ удовлетвореніи этого ходатайства. По желанію С. И. Черепанова, комитетъ сообщалъ редакціи газеты „Новости“ объ уплатѣ слѣдующихъ г. Черепанову, за статью его, денегъ; но отвѣта на это сообщеніе не получилъ. Одному писателю, согласно его просьбѣ, предоставлены постоянныя занятія въ одной изъ редакцій. Наконецъ, приняты мѣры къ пріисканію мѣста для вдовы писателя, находящейся въ весьма стѣсненномъ положеніи. Двѣнадцати лицамъ комитетъ вынужденъ былъ отказать въ пособіи, потому что одинъ изъ нихъ не имѣетъ право на помощь со стороны Общества, а другія неудовлетворяли тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ помощь эта оказывается. Семь просьбъ остались неразрѣшенными къ концу отчетнаго года, по неполученію необходимыхъ для разрѣшенія ихъ свѣдѣній“.

Послѣ того казначей доложилъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи кассы Общества: Къ 1-му октября 1873 г. въ кассѣ было 60,006 р. 63 к. Поступило 3,420 р. 95 к., въ томъ числѣ: взносы членовъ, 455 р., единовременно 301 р. 5 к.; возвратъ двухъ пособій 70 р.; возвратъ 6 ссудъ 1,100 р.; процентовъ съ капитала 1,494 р. 90 к. Израсходовано: на пенсіи 915 р., на единовременныя пособія 3,397 р. 50 к., на воспитаніе 1,042 р. 50 к., за храненіе процентныхъ бумагъ 30 к. — всего 5,355 р. 30 коп. Къ 1-му января 1874 г. въ кассѣ 58,072 р. 28 коп., и капитала Е. П. Ковалевскаго 8,135 р. 43 коп.

Наконецъ, была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены Общества, и въ члены ревизіонной коммиссіи. Въ члены Общества избраны: А. В. Пальчиковъ, П. А. Висковатовъ, П. А. Брюлловъ, О. К. Нотовичъ, А. А. Рудановскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Н. Фирсовъ, Ц. А. Кюи, А. О. Преженцовъ, Н. Б. Преженцовъ, П. И. Чепелевская и М. Г. Ермолова. Въ составъ ревизіонной коммиссіи вошли: Н. В. Кидошенковъ, К. Д. Кавелинъ, А. А. Краевскій, В. П. Гаевскій, В. И. Лихачевъ, Э. К. Ватсонъ и Н. Н. Тютчевъ.

По окончаніи этихъ занятій, на обсужденіе собранія было предложено заключеніе комитета о распространеніи на вольнослушателей 1-го курса с.-петербургскаго университета правилъ объ учрежденныхъ Обществомъ стипендіяхъ для студентовъ того же университета. Собраніе, значительнымъ большинствомъ голосовъ, одобрило предположеніе комитета.

Засѣданіе комитета 6-го января 1873 г.

1) Выдано: двумъ писателямъ по 40 р., одному 75 руб., одному 50 р. и одному 25 р.

2) Выдано въ стипендію студенту 1-го курса с.-петербургскаго университета 62 р. 50 к.

3) Назначена пенсія въ 300 р. писателю, лишенному, вслѣдствіе болѣзни, всякихъ средствъ къ существованію.

Отъ Редакціи. Мы получили отъ А. А. Головачева объясненіе по поводу отвѣта на его статью объ операціяхъ государственнаго банка г. Иващенко, но по недостатку мѣста были вынуждены отложить это объясненіе до слѣдующей книги.

☞ Деньги, 70 рублей, полученныя редакціею 23-го января отъ г. М. Рославецъ и собранныя 10-го января въ городѣ Кизлярѣ, для вспомоществованія жителямъ Самарской губерніи, страдающимъ отъ голода, переданы 24-го января г-жѣ Предсѣдательницѣ „С.-Петербургскаго Комитета для помощи голодающимъ Самарской губерніи“.

ПОПРАВКИ.

Въ январьской книжкѣ просятъ сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стран.	Строч.	Напечатано:	Вмѣсто:
55	6 св.	искала	сыскала
61	9 „	для нихъ	для насъ
65	3 сн.	пришелъ	прошелъ
70	14 св.	ковыль	ковылъ
71	8 „	Иль	Или
72	2 „	минуэтъ	менуэтъ
416	6 сн.	кассъ, конторъ	кассъ конторъ
„	3 „	Kassierwährung	Papierwährung

Сверхъ того, на стр. 420, таблица колебаній лажа въ Австріи, отъ 1848—1859 г., ошибочно помѣщена, при версткѣ, въ текстъ: она должна быть снесена въ примѣчаніе, какъ продолженіе примѣчанія 1, на стр. 419.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1873.

Книга первая.—Январь.

стр.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху.—По новымъ документамъ.—V. На югѣ Россіи. 1820—24.—П. В. АННЕНКОВА. . . 5

Портретъ.—Повѣсть въ стихахъ.—ГР. А. К. ТОЛСТАГО 50

Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій.—Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.—I.—М. П. ДЕ-ПУЛЕ. 75

Девятый валъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая.—Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО 116

Возрастъ вступленія въ бракъ.—Антропологическій очеркъ.—И. И. МЕЧНИКОВА. 322

Общегерманское законодательство печати.—Историческій очеркъ новѣйшихъ работъ.—I-V.—ИВ. ФОЙНИЦКАГО 284

Куй желѣзо, пока горячо.—Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.—I-V.—А. Э. 331

Хроника.—Дѣти-преступники и ихъ судьба.—В. НИКИТИНА. 379

Внутреннее Обозрѣніе.—Начало сессіи петербургскаго земскаго собранія.—Отношеніе столичнаго общества къ интересамъ своего земства.—Рѣчь г. губернатора и предложеніе г. Шуберта.—Народное образованіе въ земскомъ бюджетѣ, и земская учительская школа.—Вопросы народнаго здравія.—Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества.—Отчетъ комитета за 1872 годъ.—Post-scriptum: отвѣтъ не на вопросъ петербургской „Nordische-Presse“ г-ну А. 393

Отвѣты на вопросы объ операціяхъ Государственнаго Банка.—И. ИВАЩЕНКО. 413

Иностранное Обозрѣніе.—Начало парламентской сессіи въ Пруссіи. . 429

Корреспонденція изъ Парижа.—Исходъ роялистскихъ интригъ и процессъ маршала Базена.—Н. 449

Отвѣтъ на новыя „бранныя“ посланія г. Погодина.—Н. КОСТОМАРОВА. . . 464

Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Общество вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета.—III. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній . . . 478

Библіографическій Листокъ.

Книга вторая.—Февраль.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху.—По новымъ документамъ. — VI. На югѣ Россіи. 1823—24. — VII. Михайловское. 1824—26.—Окончаніе.—П. В. АННЕНКОВА 481
Изъ Лонгфелло.—Стихотворенія: I. Духъ матери.—II. Проклятіе.—И. И. ВЕЙНБЕРГА. 559
Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій. Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.—II.—Окончаніе.—М. П. ДЕ-ПУЛЕ . . . 565
Девятый Валъ.—Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть вторая. Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО 589
Общегерманское законодательство печати. — Историческій очеркъ новѣйшихъ работъ.—VI-XIV.—Окончаніе.—Ив. Я. ФОИНИЦКАГО. 711
Куй желѣзо, пока горячо.—Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.—VI-XII.—А. Э. 763
Иностранная литература и наука.—Идея личнаго благосостоянія въ современномъ обществѣ.—Ueber die Freiheit in der Volkswirthschaft, von Dr. *H. Maurus*.—Р—ъ. 802
Внутреннее Обозрѣніе.—Брачное торжество 11-го января.—Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія.—Призывъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія.—Адресъ московскаго дворянства и газетные толки.—Прошедшая судьба нашей народной школы и будущее ее развитіе.—Манифестъ о всеобщей воинской повинности.—Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.—Льготы и изъятія. — Очеркъ новаго устройства вооруженныхъ силъ.—Замѣтка по поводу вопроса о стипендіи баронета Вилліе. 846
Податной вопросъ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи.—Л. К. БУХЪ. 870
Иностранное Обозрѣніе. — Распущеніе палаты общинъ.—Посланіе Гладстона и Дизраели.—Государственный переворотъ въ Испаніи, и новое правительство.—Министерскій кризисъ въ Версали.—Бисмаркъ и иностранная печать. 895
Корреспонденція изъ Берлина.—Политическій кризисъ въ Германіи.—К. 913
Корреспонденція изъ Лондона.—Англійская политика въ Ирландіи и въ колоніяхъ.—R. 934
Замѣтка.—По поводу quasi-литературной критики „Русскаго Вѣстника“.—А. Н. ПЫПИНА. 948
Объясненіе Оренбургскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества, и отвѣтъ ЭД. ЛИНДЕМАНА. 962
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 964
Библіографическій Листокъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 037554968